

ACTA HISTORICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

REDIGIT
E. ANDICS

TOMUS I

FASCICULUS I.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
BUDAPEST, 1951

ACTA HIST. HUNG.

ACTA HISTORICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA TÖRTÉNELEMTUDOMÁNYI KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST V, ALKOTMÁNY-UTCA 21

Az *Acta Historica* orosz nyelven közöl értekezéseket a történelemtudomány köréből. Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg. Több füzet alkot egy kötetet 20–30 iv terjedelemben. Évenként általában egy kötet jelenik meg. A közlésre szánt kéziratok, lehetőleg géppel írva, a következő címre küldendők:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi és kiadóhivatali levelezés. Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként (egy évre) belföldre 40 forint, külföldre 60 forint. Megrendelhető a belföld számára az „Akadémiai Kiadó“-nál (Budapest, V., Alkotmány-utca 21. Bankszámla 02.878.111-48), külföld számára pedig a „Kultúra“ Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Bankszámla 45-790-057-50-032 sz.) vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

„*Acta Historica*“ публикует исследования из области исторической науки на русском языке.

„*Acta Historica*“ выходит в брошюрах переменного объема; несколько выпусков объединяются в одном томе (20–30 печатных листов).

Ежегодно предвидится издание одного тома.

Предназначенные для публикации авторские рукописи следует направлять, по возможности машинописью, по следующему адресу:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

По этому адресу следует направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена „*Acta Historica*“ — 60 форинтов за том. Заказы принимает Предприятие по внешней торговле книг и газет „*Kultúra*“ (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Счет Банка № 45-790-057-50-032) или его заграничные представительства и уполномоченные.

ВВЕДЕНИЕ

С возрождением Академии Наук Венгрии открылась новая глава в истории венгерской науки. Ученые Венгрии всеми силами стремятся служить делу трудящегося народа и своими исследованиями способствовать созидательному труду построения социализма. Венгерская Народная Республика оказывает развитию научной жизни в стране огромную материальную и моральную помощь. Еще никогда в нашей истории наука не пользовалась таким уважением и такой поддержкой, как теперь. Одной из характерных черт возрожденной науки является связь между научной теорией и практической жизнью. Это взаимодействие оказывает глубокое плодотворное влияние на развитие нашей науки.

Изданием новой серии *Acta Historica* Академия Наук Венгрии поставила себе целью способствовать углублению международных связей прогрессивной науки, дальнейшему развитию науки, делу мира и углублению дружбы народов.

INTRODUCTION

La renaissance de l'Académie des Sciences de Hongrie ouvre un nouveau chapitre dans l'histoire de la vie scientifique hongroise. Les savants hongrois se consacrent tout entiers à la cause du peuple travailleur et aident, par leurs recherches, le travail créateur de l'édification socialiste. La République Populaire Hongroise contribue largement, sur le plan matériel et moral, au développement de la vie scientifique de notre pays. En Hongrie, le travail scientifique jouit d'une estime et d'un soutien tels qu'il n'en a jamais connu au cours de notre histoire. Une des caractéristiques de notre vie scientifique renaissante est l'étroite union de la science et de la pratique dans la vie de notre pays. Cette influence réciproque contribue dans une mesure considérable au développement de notre vie scientifique.

En publiant la nouvelle série des *Acta Historica*, l'Académie des Sciences de Hongrie a voulu contribuer à l'élargissement des relations internationales dans le domaine de la science progressiste, au développement de la science, à la défense de la paix et du progrès, et à l'épanouissement de l'amitié entre les peuples.

INTRODUCTION

The rebirth of the Hungarian Academy of Science has opened a new chapter in the history of Hungarian science. The scientists of Hungary endeavour in every way to serve the cause of the working people and to help with their research work in the creative task of building socialism. The Hungarian People's Republic affords vast help and encouragement to the development of the scientific life of our country, and scientific work in Hungary of to-day is honoured and aided to an extent that is unparalleled in the history of the land. One of the characteristic features of our reformed science is the connection between scientific theory and the practical life of the country. This interrelation has a profound stimulative effect on the development of our scientific life.

The aim of the Hungarian Academy of Science in starting the new series of *Acta Historica* is to contribute to the improvement of the international relations of progressive science, to the further development of science, to the cause of peace and progress, and to the closer friendship of the peoples.

EINLEITUNG

Die Wiedergeburt der Ungarischen Akademie der Wissenschaften eröffnete einen neuen Abschnitt in der Geschichte der ungarischen Wissenschaft. Die ungarischen Gelehrten sind stets bemüht, der Sache des werktätigen Volkes zu dienen, und mit ihren Forschungen die schöpferische Arbeit des Aufbaues des Sozialismus zu fördern. Zur Entwicklung des wissenschaftlichen Lebens in unserem Lande trägt die Ungarische Volksrepublik mit äusserst bedeutsamer materieller und moralischer Hilfe bei. In unserer Heimat wird die wissenschaftliche Arbeit in solchem Masse geschätzt und unterstützt, wie noch niemals in unserer Geschichte. Einer der charakteristischen Züge unserer wiedergeborenen Wissenschaft ist die enge Verbundenheit der wissenschaftlichen Theorie und der Praxis im Leben unseres Landes. Diese Wechselwirkung ist von fruchtbarem Einfluss auf die Entwicklung unseres wissenschaftlichen Lebens.

Mit der Ausgabe der neuen Folge der *Acta Historica* verfolgt die Ungarische Akademie der Wissenschaften das Ziel, zur Vertiefung der internationalen Verbindungen der fortschrittlichen Wissenschaften, zur Weiterentwicklung der Wissenschaft, zum Frieden und zum Fortschritt, zur Sache der engeren Freundschaft zwischen den Völkern beizutragen.

АРМИЯ ГУНИАДИ

Войны Гуниади — это короткая, но славная глава в истории борьбы дунайских народов за свободу и национальную независимость своей родины, против все нарастающей экспансии турецкого государства. Их значение не ограничивалось только непосредственной защитой Венгрии от вторжения турок, они одновременно значительно улучшили положение в северной части Балканского полуострова, правда, лишь на сравнительно краткий период. Кроме того, победы Гуниади привели к согласию народы, которым угрожала турецкая опасность, и вместо безнадежности и отчаяния в связи с постоянными поражениями, разбудили в угнетенных народах веру в освобождение и волю к борьбе. Они в течение десятилетий препятствовали вторжению турок в дунайские государства, и превращению последних в турецкие провинции, массовому уничтожению человеческих жизней и материальных ценностей, разрушению основ национального развития народов, одним словом, всем тем тяжелым несчастьям, которые несло с собой турецкое владычество народам Юго-Восточной Европы. Эта точка зрения в оценке событий возникла уже отчасти среди авторов того времени, а отчасти появилась и в позднейшей специальной литературе, однако никто не осознал значения этих войн так глубоко, как Маркс, создатель научного социализма. В его хронологических записках турецким войнам Гуниади отведено особенно большое место и оценка их результатов имеет весьма положительное значение.¹ Одновременно он обращает внимание и на те вопросы, которые вообще не были затронуты в венгерской специальной литературе или же затронуты только поверхностно. Он указывает на то, что успехи полководца Гуниади и его походы мы можем понять только тогда, когда ознакомимся с его работой по созданию и организации армии.

Действительно в специальной литературе существуют сравнительно много данных (однако, далеко не всегда удовлетворительных) о ходе походов, но почти совершенно не упоминается о самых участниках походов, о составе и организации армии. Все эти вопросы остаются в стороне,

¹ См. *Lándor B.*, *Marx jegyzetei a magyar történelemről* (Записки Маркса о венгерской истории). *Uj Hang* (Новый голос). 1941. IV, стр. 48. и сл.

а если иногда и упоминаются, то их толкование всегда ошибочно и необоснованно. Задачей этого труда является устранить эти недостатки. Чтобы правильно приступить к решению этой задачи, нам необходимо обратить внимание, во-первых, на те общие закономерности, от которых зависело развитие организации армии.

В области военного искусства и организации армии передовых государств Европы, XV век принес большие перемены. Это сказалось как в организации военной силы, так и в тактическом построении военных операций. Сущность этих перемен в том, что на смену феодальной военной организации приходят постоянные, зависящие от княжеских центров, наемные войска, и одновременно с этим, тяжелая кавалерия, занимавшая прежде исключительно преобладающее место, постепенно вытесняется с полей сражений и на ее место вступают предшественники той пехоты, которая сыграла решающую роль в следующих веках — ландскнехты — типичные наемные пехотные войска, которые позже стали называться испанским именем „инфантерия“. Появляется много новых видов различного оружия. Вместо древнего единого рыцарского, фронтального построения для наступления, новая тактика развивает расчлненный порядок и выдвигает новый принцип взаимодействия между отдельными воинскими частями.

Основы этого развития мастерски осветил Энгельс в своей статье „О разложении феодализма и развитии буржуазии“.² Вследствие развития товарного производства, „... в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно безцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья“. Именно эти элементы служили монархам опорой в деле укрепления центральной власти, преодоления феодальной анархии и создания централизованного государства. „... королевскую власть в ее действиях, направленных на прекращение междоусобной войны между феодалами и на защиту страны от нападения внешних врагов, находила поддержку со стороны не только городского, но и сельского населения.“³

Для проведения централизации государства, необходима была реорганизация военной силы. Феодальная армия с ее медлительностью пере-

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI. ч. 1. стр. 443. — В отношении пехоты и огнестрельного оружия см. Anti-Dühring.

³ К. Баэлев ч, Опыт периодизации истории СССР феодального периода. Вопросы истории. 1949. № 11. стр. 72.

движений, с трудностью ее мобилизации, была неспособна оборонять границы страны. Кроме того, она была большей частью под контролем и управлением феодалов, и таким образом была непригодна для обуздания их стремлений, к централизации. „Вести борьбу против феодального хозяйства с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующими королевской армии — это, очевидно, означало возвращаться в заколдованном кругу и не быть в состоянии сдвинуться с места. С начала XIV столетия короли стремятся освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско. С этого времени мы в королевских армиях встречаем все более увеличивающуюся часть, состоящую из на вербованных и нанятых полков.“⁴ В результате этих стремлений создается постоянная наемная армия, независимая от феодалов, способная оружием поддержать внутренние и внешние стремления верховной власти централизирующего феодального государства.⁵

По мере того, как создавалась и укреплялась наемная армия, подчиненная центральной власти, вытеснялся из употребления рыцарский способ борьбы, который представлял собой вершину военных знаний феодального военного искусства. Самые совершенные, прекрасно снабженные рыцарские войска терпят одно за другим поражения: французы в борьбе с английскими стрельцами, имперские войска в борьбе с гуситами, бургундские войска в сражении с швейцарцами.

„В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение закованным в железо рыцарям — на конях или спешенным — начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей.“⁶

Распространение и массовое употребление огнестрельного оружия, в связи с новой тактикой пехоты, поставило последнюю точку в развитии военного искусства на исходе века. Главную роль в больших войнах следующего века, вместо тяжелой, закованной в латы кавалерии, играет инфантерия, которая была снабжена частью огнестрельными ружьями, а частью холодным оружием. Операции пехоты, кроме кавалерии, которая все дальше удаляется от рыцарских способов борьбы, поддерживает новый вид оружия — полевая артиллерия. Первые прочные постоянные организационные формы этого оружия мы встречаем в конце века в французских и итальянских войсках.

⁴ *Маркс и Энгельс*, Сочинения, т. XVI. ч. 1, стр. 447.

⁵ *Базилевит*, Ук. соч., стр. 97. упоминает среди основных характеристик централизованной монархии, что военная сила имела единую организацию, и подпадала непосредственно под управление верховной власти, как средство ее, в качестве его классовой, внутренней и внешней политики.

⁶ *Маркс и Энгельс*, Сочинения, т. XVI. ч. 1, стр. 448.

Полное развитие новой боевой тактики происходит в XVI веке, хотя с ее элементами мы познакомились уже раньше. В начале XVI века мы встречаем в передовых государствах только ее первоначальные формы, что необходимо принять во внимание при разборе условий развития венгерской военной силы, которое происходило в значительно более отсталых обстоятельствах.

Исследуя проблемы XV века в отношении венгерской военной истории, нам надо считаться с особенностями, на которые указывает И. В. Сталин в связи с развитием восточно-европейских народов: „На востоке Европы, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности, не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно может быть, только зарождалось, между тем, как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов востока, требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия.“⁷ Эпоха Гуниади — это время попыток создания централизованной монархии. Основа этих стремлений здесь, как и везде — развитие товарного производства, появление тех элементов (хотя и не умножение их), которые требовали положить конец вечным бессмысленным войнам и раздорам между феодалами. Эти элементы в Венгрии XV века были еще весьма слабые, но их стремления имеют важное значение вследствие угрозы извне, нарастания турецкой опасности, которая требовала немедленной ликвидации анархии, создания централизованного государства и организации армии, способной выполнить эту задачу. Поэтому попытки создать централизованное государство вытекали из необходимости обороны от турок и наоборот, старания создать военную силу, способную дать серьезное сопротивление вторжению турок, появились и могли появиться только в борьбе против центробежных сил феодализма, а в первую очередь в борьбе против феодалов, главных носителей анархии.

После этого, сущность исследуемого вопроса можно резюмировать вкратце следующим образом: была-ли венгерская военная сила до Гуниади способна осуществить двоякую цель, во первых, обороны против турок, а во вторых, задачи централизации? — а если нет, сделалась ли она (и насколько) таковой во время Гуниади? Приближалась-ли она (и если да, то в чем именно) к тому новому, более совершенному типу организации войск и военного искусства, которую мы могли обнаружить при изучении обстоятельств более передовых стран?

В дальнейшем мы постараемся ответить на эти вопросы.

*

В начале века венгерские вооруженные силы были продуктом феодального общества, достигшего высшей ступени своего развития. В составе,

⁷ И. В. Сталин, Соч. т. 5. стр. 34.

организации и деятельности армии верно отражался общественный строй, который создал ее. По своему составу армия отражала монополию ведения войны, которая принадлежала тогда дворянству и была отличительной чертой феодального общественного строя. Организационная структура показывала соотношения сил внутри господствующих классов: перевес крупных землевладельцев, магнатов и высшего духовенства. Большую часть ее ударной силы представляли собой бандерии, которые частью являлись тяжелыми, закованными в железные доспехи рыцарскими отрядами. Эти бандерии должны были (или должны были бы) быть организованы и вооружены отдельными магнатами в соответствии с их доходами. Та часть дворянства (все время уменьшавшаяся), которая не принадлежала „фамилии“ отдельных феодалов, шла в поход (или по крайней мере должна была в случае общего ополчения идти в поход) под руководством т. н. жупанов (по венгерски „ишпаны“, начальники комитатов). Военная ценность дворянских ополчений была значительно меньшей, чем ценность бандерий, кроме остальных причин, вследствие трудности их мобилизации, трудности их объединения в одно целое, вследствие недостатка у них военного опыта, а также и их слабого снаряжения. Феодальное военное искусство, на высшей ступени своего развития, как и в начале упадка, употребляло для обороны все более сложное и дорогое снаряжение, что можно видеть и по обработке панцирных частей. Это делало вооружение очень тяжелым, благодаря чему оно было почти недоступным для мелких землевладельцев. Поэтому большая часть комитатских дворян пользовалась старым, легким кавалерийским снаряжением, но без соответствующей ему тактики, организации и дисциплины легкой кавалерии. В своей тактике, вероятно, вся армия приспособлялась к рыцарскому способу борьбы, к требованию единого, нерасчлененного плоского фронтального наступления, которое во время сражений распадалось на отдельные индивидуальные поединки.

Бандерии и ополчение дворян составляли армию, пеструю по своему составу и весьма различную по своей боеспособности. Она могла бы иметь еще известное значение, если бы, хотя бы раз, собралась вместе, под одно командование, но такого случая, в практике вооруженных сил в упомянутую эпоху не было. Почему это не осуществлялось? Во первых, вследствие феодального характера армии и исходящей из этого организационной слабости — основной тенденции феодальной анархии, которая сказывалась все более остро в военном деле. Эти тенденции проявились в том, что даже в случае необходимости создать комитатское дворянское ополчение было невозможно. Несмотря на призывы, оно или вообще не собиралось, или, что практически означало одно и то же, опаздывало на сбор. Помимо основных организационных ошибок и конкретных затруднений — анализировать которые мы сейчас не намерены — основную причину этого систематически повторяющегося явления нужно искать в известных общих

стремлениях дворянства, которое приобретая монополию военного дела и вытекающие из этого выгоды — старалось избежать военных тягот и опасностей. Эти стремления дворянства ярко проявляются, начиная с времени движения „servientes“, со времени „Золотой буллы 1222 г.“, в течение всех последующих, более важных, дворянских движений, которые в конце концов привели к сведению до минимума военных обязанностей дворян. Эти минимальные обязанности сопровождались привилегиями.

Ополчение дворян можно было созывать только в случае крайней нужды, только на определенное время, в ограниченных областях и исключительно для оборонительной войны внутри границ страны. Кроме противления дворянства выполнению военных обязанностей, что было главной причиной, вероятно, были еще и другие причины того (спокойствие государственных границ во время царствования Людвига I и то, что король признавал небоеспособность дворянского ополчения), что „generalis exercitus“, который в первой половине XIV века, судя по многочисленным документам, датированным по роспуску ополчений, довольно часто созывался, во второй половине века призывался уже значительно реже. Итак, эта часть военных сил страны, помимо того, что старалась избежать военной повинности, вследствие отсутствия военных знаний и опыта, была небоеспособна, в то время, как все усиливающийся нажим турок требовал все большего напряжения военных сил государства.

Остальная часть — бандерии — лучше снаряженная и обученная, была по большей части в руках магнатов. У короля и у королевы также были свои бандерии; aula короля — корпус придворных рыцарей — представлял собой военную организацию, которая во время войны могла увеличиваться за счет установленного для каждого из придворных дворян числа дружинников, которых он должен был поставить под королевское знамя. Таким образом, армия короля несомненно превосходила военную силу любого магната, но несомненно было также и то, что эта армия все же была значительно меньше объединенных сил магнатов. Отношения военных сил верно отражали ту черту феодального государственного устройства, согласно которой властвующий „primus inter pares“ был могущественнее любого вассала, но он мог властвовать только солидарно с главными вассалами, согласно их интересам, в случае несоблюдения которых он наталкивался на их сопротивление и в конце концов был свергнут. История пленения короля Сигисмунда довольно наглядно подтверждает правдивость этих утверждений и служит хорошей иллюстрацией этого порядка. Этим объясняются и причины небоеспособности отлично вооруженных бандерий, которые состояли из хорошо обученных и натренированных солдат. Большая часть этих войск, как же было упомянуто, была в руках магнатов, и не имела общего объединенного руководства, была подвергнута вечным тревогам и волнениям раздоров

внутри господствующего класса, которые повторялись все чаще, благодаря чему большая ее часть была занята междусобными войнами магнатов. К началу XV столетия растет значение союзов и лиг баронов, которые возникали на почве временных интересов, вследствие обострения взаимных раздоров и войн различных сторон, и к середине века положение в стране становится вкrajне хаотичным. В это время, вместо того, чтобы защищать родину от внешних врагов, войска баронов занимаются, главным образом, междусобными войнами, грабежом и разорением поместий друг друга. Эти обстоятельства наглядно отразились, как в сравнительно многочисленных документах, относящихся к тому времени, так и в сообщении папского легата, которое относится к несколько более позднему времени (начало царствования Матиаса, когда положение было уже более упорядоченным). В сообщении папского легата говорится: „Магнаты и дворянство страны отличаются своей воинственностью, они любят грабить и если нет неприятеля, чьи земли они могли бы грабить, тогда они грабят один другого. Таким образом, они все время заняты какими нибудь ссорами . . . Каждый магнат и дворянин держит при себе в постоянной военной готовности большое войско, чтобы в случае надобности оно было бы под рукой . . . Благодаря этому, а также вследствие того, что они и по своей натуре являются расточительными, их расходы превышают доходы, поэтому им необходимо налагать дань на своих подданных.“⁸

Эти факты в исторических трудах феодальных историков или вообще обойдены молчанием, или искажены. Достаточно привести в качестве примера, научный очерк Иожефа Деера (который с тех пор бежал за границу). „Политика короля Сигисмунда в деле обороны отечества“⁹, где он старался выставить крупных земельных владетелей в роли спасителей отечества. Уже и раньше многие критики обращали внимание на то, что исторические данные были несколько искажены, но и сами эти критики не были объективны и становились на сторону мелкого дворянства.¹⁰ Характерным является то, что так называемая „официальная“ историография не ставила этот вопрос иначе: или магнаты, или дворяне, но кто-то из них являлся защитником отечества. Таким образом, они были склонны верить или тем источникам, в которых говорилось о незначительности роли, которую играло дворянское ополчение в деле обороны страны, или другим источникам, которые указывали на вечные расколы, раздоры и междусобные войны магнатов и их равнодушие к судьбе оте-

⁸ *Kovachich M.*, *Scriptores rerum Hungaricum minores*. Буда, 1798. т. II. стр. 15.

⁹ *Нédtörténeti közlemények* (Всеннс-исторические сообщения). 1936.

¹⁰ *Mályus Elemér*, *A magyar társadalm a Hunyad ak korában*. (Венгерское общество во время Гуниади.) Сборник, посвященный памяти короля Матиаса I. (Будапешт, 1940.) стр. 425—426, примечания № 157 или 162. Автор обладает весьма глубокими (и солидными) знаниями по отношению к этой эпохе. В его труде приведен огромный и ценный исторический материал и освещено много получительных взаимосвязей, однако, благодаря своей классовой ограниченности он не осознал сути этих связей.

чества. И так они искажали действительность в одном или другом направлении. В действительности же, как мы это увидим в дальнейшем, ни магнаты, ни дворяне не являлись настоящими защитниками страны.

Бандерии и дворянское ополчение, эти две главные составные части военной силы Венгрии XV века, были идентичны в одном: обе они олицетворяли собой монополию дворянства в вопросах ведения войн и были типичной феодальной армией со всеми ее слабостями и недостатками. Эта армия была непригодна для внешних войн и имела некоторое значение только тогда, когда становилась лицом к лицу с неприятелем, силы которого не превосходили ее силы ни численно, ни в отношении организации. Основные недостатки сказывались, конечно, и тогда, но не вели к окончательному разгрому. Однако, разгром был неминуем, если организация войск противника, его тактическое и техническое превосходство требовали серьезного сопротивления. Именно таким противником являлись в то время турки.

В первой половине XV века военные силы турок как численно, так и в отношении организации, подразделения воинских частей и тактической подготовке превосходили не только военные силы Венгрии, но и армии большинства европейских государств. Превосходство турецкой армии заключалось, прежде всего, в дисциплинированности и выучке регулярного войска, в огромных массах и их подвижности, в тактике обходных маневров, основанной на взаимодействии военных единиц — в известной тактике конных степных народов, усовершенствованной новыми организационными элементами и в новой военной технике. Регулярные части турецкой армии состояли из наемников и подданных. Наемниками были янычары, которые преобразовались из охотничьей свиты Султана в пехотную лейб-гвардию (уже в XIV веке). Янычары жили в отдельных казармах, имели первоклассное снаряжение и занимались исключительно войной. Их дисциплину определил в специальном регламенте султан Мурад II, современник Гуниады. Хотя в сравнении с гуситами или „решающей исход боя“ пехотой швейцарцев, они не представляли собой ударные части (их задачей было устоять при любых обстоятельствах и защитить командование лагеря), однако, судьбы многочисленных сражений были решены благодаря их необыкновенной стойкости. Даже тогда, когда положение казалось безнадежным, они продолжали бороться, принимая на себя удар главных сил противника, уничтожали его, или давали время кавалерии совершить перегруппировку, обходное движение, или вмешательство, которые решали исход битвы.

Спахии представляли собой тяжелую кавалерию, их латы и оружие были легче, чем у рыцарей, однако, превосходного качества. Феодальную по существу армию турок поддерживало на более высокой степени то обстоятельство, что владельцы феодальных поместий получали свои имения во временное пользование, только на время службы, поэтому

они старались, чтобы султан был доволен их службой. Получая имение, феодал обязан был воевать, ставя под знамя султана определенное количество солдат по установленному подоходному тарифу (что позднее стало источником коррупции и упадка). Турецкую военную силу постоянно дополняли нерегулярные части, без определенного жалования и феодального владения. Это были менее ценные в боевом отношении части, но все же представляли собой значительную вспомогательную силу, ради их массы и скорости передвижения. Одновременно они были главным фактором истребления народов, насилий и разрушений, они являлись основой походов с целью деморализации противника. Эта нерегулярная армия грабителей и разрушителей, а особенно „скачущие и сжигающие“ были причиной того, что в провинциях, граничащих с Турцией, никогда не было спокойствия. Помимо этого в договорах о перемирии необходимо было оговаривать, „что разбойничьи налеты и набеги гусар“ не представляют собой военные операции и поэтому не являются нарушением мира. Только постоянной боевой готовностью можно было защититься от их набегов.

Западные путешественники, видя, главным образом, слабое снаряжение и недостаток дисциплины нерегулярных частей, говорили свысока и презрительно о военной мощи турок. „Я не хочу недоценивать их сил, но хорошо снабженным и организованным частям не стоило бы большего труда победить турок, и я смело напал бы на них с половиной армии“ — пишет Бертрандон дела Брокиер, бургундский рыцарь. Однако следующее поколение рыцарей, „краса и гордость европейских рыцарских стран“¹¹ потерпело решающее поражение от этого неприятеля под Никополем. Одно время, очевидно, и господствующий класс Венгрии был такого же мнения о турках; он не подавал никакого признака осознания угрожающей опасности, несмотря на то, что видел, как во время царствования Людвига I османцы пустили корни в Европе, видел их стремительное расширение, их систематические победы над Грецией и южно-славянскими государствами, необъединенными для общей борьбы.

Однако, опасность развернулась в полную величину после 1389 года, и ее нельзя было не осознать после того, как соединенная армия сербско-боснийско-валашского союза государств потерпела решающее поражение в первой битве на Косовополе. Армия „Молния“ Баязета стремительными ударами обрушилась на независимые северно-балканские государства, захватила большую часть Болгарии и Сербии, вызвала кризис на боснийском престоле и обеспечила возможность постепенного продвижения

¹¹ Текст Brocquière см., *Memoires de l'Institut National des Sciences et des Arts, Sciences morales et politiques* кн. V., по — венгерски *Szamota, Régi utazások Magyarországon és a Balkán félszigeten* (Древние путешествия по Венгрии и по Балканскому полуострову). Будапешт, 1891. стр. 86—87. Он говорит, между прочим, о том, что он с 15—20 000 англо-французскими стрелцами и небольшими имперскими силами дошел бы до Константинополя.

вперед, принудив Валахию платить годовую дань. Битвы разоряли границы Венгрии. Сигизмунд мобилизировал свои связи на Западе и на этот раз — первый и последний в истории турецких войн — получил помощь. Он собрал огромную, соединенную, отлично снаряженную армию. Затем последовал Никополь, где рыцарская армия Сигизмунда потерпела решающее поражение в сражении с отлично дисциплинированными янычарами, тактические операции которых были продуманы и основаны на согласованных действиях подразделений воинских частей турецкой армии.¹² Хотя турки и не расширили свою победу, Сигизмунд использовал общее чувство неприятного изумления и на заседании сейма 1397 года попробовал потребовать принятия решительных мер для обороны родины. Результатом этого, как известно, было то, что кроме утверждения решения об устройстве так наз. „земской рати“ было принято решение, что если армия короля и бандерии не достаточны для защиты страны, необходимо созывать дворянское ополчение для отражения внешнего врага. В связи с этим фиктивным обещанием, дворянство поспешило укрепить все свои ранние привилегии, в том числе и те, которые касались вопросов защиты родины.

Не имеется данных о том, что эти решения сейма были когда-либо реализованы. Это мало вероятно. Судя по тому, что сорок лет спустя Сигизмунд снова был вынужден поднять в более умеренной форме вопрос о создании „земской рати“ и провести закон об ее учреждении, мы с полным правом можем вывести заключение, что этот закон никогда не был осуществлен в своей начальной форме 1397 года. Вследствие ангорской победы Тимура, внутренних беспорядков в турецкой империи, которые были вызваны этим поражением, и последовавшей затем временной слабости Турции, военная угроза на Дунае не ощущалась в такой сильной степени. Военный вопрос был снят с повестки дня. Эта отсрочка не была использована, и положение венгерской армии было по существу не лучше, когда в 20—30 годах XV века опасность снова возобновилась; и в это время венгерские военные силы не имели более серьезных шансов на успех в деле обороны страны от завоевателей, чем предшествующее поколение.

Что надо было бы предпринять? Очевидно, основным мероприятием явилось бы прекращение анархии, которая укоренилась в организации вооруженных сил, и вместе с тем улучшение боевых качеств армии, путем увеличения числа наемных войск, которые подчинялись непосредственно королю. В связи с этим, а особенно, имея ввиду особые требования турецкого фронта, нужно было мобилизовать массы против масс, ввести расчлененный военный строй и тактику, основанную на согласованных действиях воинских частей и их способности маневрировать, применяясь

¹² О Никополе см. статьи *Bárczay* и *Wertner* в *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения). 1894 и 1925 гг. *H. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte III. Das Mittelalter* Еерлин, стр. 492.

к новым достижениям военной техники. Сигизмунд многое из этого видел, но мало что осуществил. Нельзя согласиться с распространенным среди старых историков мнением, что Сигизмунд не осознал турецкую опасность или недоценивал и пренебрегал его. Он организовал информационную службу в пограничных городах, и этим путем постоянно получал сведения о балканских событиях. В связи с защитой пограничных областей, он провел целый ряд мер, из которых многие были полезными и остались в силе и позже, время Гуниади. Его главным недостатком было то, что он не понял характера турецких войн и не видел основную причину слабости военных сил Венгрии. Поэтому, исходя из ошибочного стратегического представления, он не объединил в одно целое частные и правильные мероприятия по ликвидации организационной слабости венгерских вооруженных сил.

Главным его стратегическим планом было вероятно построить укрепленную линию вдоль Дуная, как базу для обороны с сильно укрепленными крепостями (Белград, Галамбоц и т. д.), которые были бы ключевыми точками обороны с сильными гарнизонами. При помощи крепостей и резервных войск, находящихся в их тылу, он оградил пограничные области (Мачо, Сёрень) от турецкого нападения и создал возможность северно-балканским союзникам обороняться от турок, опираясь на его крепости. Основной ошибкой плана было то, что он не считался с фактической действительностью, в нем не был учтен характер войны и не принято во внимание то обстоятельство, что крепости могут задержать только вторжение больших армий, но не могут защитить пограничные провинции от ежедневных набегов и разорения. С другой стороны, он не поддерживал интересов союзников; в случае удачи он мог бы защитить Венгрию, но, предоставляя союзников самим себе и не препятствуя вторжению турок на их территории, он тем самым допускал их полное уничтожение. Позднее события показали основные ошибки политики Сигизмунда, из чего Гуниади сделал верный вывод, поняв, что сдержат турок можно только во взаимодействии с соседними народами, и не только обороной, а и наступательными операциями, которые должны были быть дополнением обороны. План обороны, помимо его основных ошибок, не был удачен и вследствие недостатков в его исполнении. Система крепостей не была достаточно сильна. Это обстоятельство, между прочим, упомянуто и в сообщении папского легата во время царствования Матиаса, однако с тем примечанием, что линия Дуная сама по себе может заменить отсутствующие крепости, однако, это утверждение, как показали дальнейшие события, было ошибочным. Турецкие армии легко переходили линию Дуная и возвращались обратно, пользуясь бродами. Ключом оборонительной линии, а вместе с тем единственным действительно сильным опорным пунктом был Белград, который представлял собой хорошо снабженную и, судя по очерку Брокиера, вполне пригодную для обороны крепость, вмещавшую до 5—6000

всадников. Эту крепость Сигизмунд получил дипломатическим путем после смерти Степана Лазаревича¹³, однако, одновременно он потерял другую важную крепость, которая контролировала восточную часть нижнего Дуная — Галамбоц. Он попытался взять обратно Галамбоц, но этот поход закончился позорным поражением.

Система крепостей, как это позднее осознал Гуниади, мало значила сама по себе, без преобразования оперативной армии. Сигизмунд, хотя и старался все время проводить известные реформы в этом направлении по плану, намеченному им еще в 1397 году, но это было по существу, безуспешно. Он добился проведения закона об учреждении „земской рати“ в 1433—35 гг. хотя в более умеренной форме, чем в законопроекте, предложенном 40 лет тому назад. Надо предполагать, что и в этом случае результат остался только на бумаге, т. к. из наших источников не видно, чтобы эта „рать“, принятая сеймом и впоследствии утверждена в законе, участвовала в каком бы то ни было походе. Не придавая большой важности самому факту существования этого войска, мы ставим вопрос, что бы представляла собой, собственно говоря, эта „земская рать“, если бы ее создание было осуществлено. В законе говорится, что землевладельцы обязаны давать с каждых 33-х крепостных наделов по одному, а с каждых 100 по 3 конных стрельца, снабженных самострелами в тех областях, где провозглашался „*generalis exercitus*“. Сигизмунд подробно разработал способ учета земель, требуя, чтобы эта задача была доверена „среднему дворянину“, который не имеет большой власти, и который должен был передать регистр жупане комитата. Дальше в законе упомянуто, что помещики, которые сражались в бандериях магнатов или в войске короля, в случае мобилизации должны были поставлять известное число стрельцов (в зависимости от количества наделов) в рать жупана комитата, не распространяя это требование на держателей бандерий и крупных магнатов, из чего можно вывести заключение, что последние могли присоединять своих стрельцов к собственным дружинам. (Позднее, при переработке этого закона в 1454 году, магнаты, пользуясь этим правом, провели такую формировку этого закона, по которой крепостные тех дворян, чьи поместья были разбросаны в нескольких областях, мобилизуются в войско в той области, в которой живет их владелец, и если последний этого желает, то крепостной должен сражаться *под его знаменем*.¹⁴

Из всего вышесказанного мы можем видеть следующее: Сигизмунд старался пополнить свою армию новым элементом, он, в противовес турец-

¹³ *Pesty Frigyes*, Brankovics György rác despota birtokviszonyai Magyarországon és a rác despota cím. (Поместия рацкого деспота Георгия Бранковича в Венгрии и титул „рацкий деспот“.) Будапешт, 1877. стр. 4—6, 12 и след.

¹⁴ 1435 или 1454 г. *Corpus Iuris Hungarici*, т. I. Будапешт, 1899 стр. 245 и след. стр. 316 и след. относительно закона 1435 см. Государственный Архив, Дл. 44.025. — Выражение — „*jobagiones exercitantes*“ само по себе нельзя рассматривать решающим моментом, так как оно встречается и в другом значении; но в связи с текстом (1435. глава 2., 1454. глава 7.) его нельзя понимать иначе, как дословно.

кой легкой кавалерии, хотел создать конно-стрелковые полки. Бремя, которое несло с собой это пополнение, он совместно с магнатами государственного совета и дворянами сейма хотел взвалить всецело на крепостных. Неясно только, хотел ли он это оформить в виде налога, или же в форме действительной военной повинности. Выражение „воюющие крепостные дворян“ (*jobagiones exercitantes nobilium*) указывает на последнее. Этим объясняется также и то, почему это новшество осталось только на бумаге: „Венгерские феодалы и не думали о том, чтобы дать оружие в руки крепостных.¹⁵ С другой стороны, тогда возникает вопрос, как вообще могло быть вынесено это решение. Оно возникло из противоположных интересов внутри господствующих классов, именно как следствие противоречия, существовавшего между этими стремлениями. Внешняя угроза нарастала и требовала усиления военной силы, с другой стороны, дворянство старалось избежать воинских обязанностей и самое простое решение этой дилеммы было: свалить все бремя войны на класс крепостных, которое вообще несло на себе все бремя феодального строя; оно было бы простым в том случае, если бы не угрожало важнейшим интересом господствующего класса. Однако, вооружение крепостных представляло собой опасность и совершенно вероятно то, что дворянство и до 1437 года ясно это сознавало, и поэтому оно всеми силами противилось бы этому решению. Как тогда могла быть решена эта дилемма? Так, что новые, крепостные элементы армии нужно было влить в организм старой армии и поставить его под контроль последней. Дворянство не возражало против того; чтобы отдавать в солдаты крепостных, но требовало, чтобы из этих солдат не были сформированы отдельные воинские части, а они были влиты в состав дружин самых могущественных магнатов и жупанов комитатов. Этим был обеспечен полный контроль над новыми элементами в армии и, таким образом, если бы это решение практически осуществилось, результатом было бы новое усиление перевеса магнатов. Но, как известно, создание „земской рати“ не было осуществлено, прежде всего, вследствие того, что „могущественные“ изъяли свои поместья из под учета; вероятно, с их стороны были и другие злоупотребления (очевидно, для этого было поставлено условие, чтобы участники не были из среды магнатов), и также еще и потому, что „среднее дворянство“ не проявляло большого усердия в этом деле. Причиной этого, кроме того, что после 1437 года дворянство особенно боялось дать оружие в руки крепостных, было то, что мелкие помещики еще менее желали отпускать своих крепостных в солдаты, чем сами магнаты. Это очень хорошо показывалось в 1514 г. Итак, вновь вынесенное в 1454 году решение в создании „земской рати“ никакого значения не имело, так как исполнение закона полностью, перешло в руки представителей дворянства, избранных по комитатам,

¹⁵ *Molnár E.*, A magyar társadalom története az Árpádkortól Mohácsig (История венгерского общества со времен Арпада до Мохача). Будапешт, 1949. стр. 277.

а эти представители постольку проводили лишь решение, поскольку они хотели; т. е. из всего этого закона в конце концов ничего не вышло.

Итак, вкратце: дворянство в принципе согласилось на создание „земской рати“, потому что не видело другого выхода из положения, однако, практически не допустило ее осуществления, видя в этом опасность для своих интересов. Значит, реформаторские стремления Сигизмунда в этой области также не удались, как не удались и его неоднократные попытки увеличить число людей в бандериях (по так называемому сиенскому регистру — до огромных размеров), неудачный были также его старания в отношении возобновления дворянского ополчения. Впрочем, создание легкой кавалерии осуществилось, правда, не вследствие законов, а ради естественной необходимости и то там, где эта необходимость более всего ощущалась — в комитетах, которые граничили с турками. Уже в последние годы царствования Сигизмунда обратила на себя внимание, а позднее стала составной частью регулярных войск, так называемая „рацкая (сербская) кавалерия“, которую главным образом составляли люди, бежавшие от турок. Они были вооружены только саблей и копьем и занимались главным образом набегами на турок с целью мести и грабежа; их называли „хунзарами“ — разбойниками. Они приспособились и в отношении снаряжения и способа ведения войны к турецким методам, из них позднее были сформированы особые пограничные войска, предки гусар.

Итак, все старания Сигизмунда реформировать оперативные войска, по существу, остались без успеха, единственным важным новшеством было создание гусарских полков (в то время еще в первобытной форме), которое, однако, осуществилось независимо от реформ. Но этот род войск не мог оказать решающего влияния на ход войны и не мог изменить к лучшему состав военных сил Венгрии и ликвидировать их структурные недостатки. Главной задачей было создать ядро наемных войск, которое бы могло иметь решающее значение в сражениях. Сигизмунд делал попытки в этом направлении; во второй половине своего царствования он все чаще пользовался наемными войсками, особенно для обороны крепостей. Но все же, он не смог преодолеть препятствия: первым из них был постоянный недостаток денежных средств, вторым — стремление магнатов управлять военными силами страны и их контролировать. Он не имел возможность создать сильные части из наемных войск, а те наемные части, которые он создавал, были им поставлены под влияние и контроль магнатов, вместо того, чтобы попытаться создать независимое от них ядро королевской армии.

Месячное жалование одного наемного кавалериста, принадлежавшего к тяжелой рыцарской кавалерии, колебалось в середине века между 4—7 золотыми, а во время царствования Альберта оно было около 8—10

золотых. Содержание нескольких тысяч всадников тяжелой кавалерии поглощало бы все доходы казны, которые, как видно из сообщения веницианского посланника, относящего к несколько более позднему времени, были достаточны для полугодового жалования только 10 000 кавалеристов.¹⁶ В противовес этому сообщению известен факт, что Людвиг I во время своих итальянских походов содержал очень крупную армию наемников. И тогда, вероятно, доходы короля не были в состоянии покрыть связанные с этим расходы, но благодаря закону о рудниках и финансовым реформам Карла Роберта, в казне накопились огромные запасы золота, реализация которых в связи со специальной конъюнктурой на европейском золотом рынке, была чрезвычайно выгодна. Когда, наконец иссякли золотые запасы казны, а одновременно с этим положение на рынке значительно ухудшилось, Людвиг I был вынужден снова вернуться к старой организации военных сил. Хотя, помимо остального, доходы короля, вследствие развития товаропроизводства и денежного хозяйства, могли бы значительно возрасти, в действительности же получалось обратное, королевская казна истощалась благодаря тому, что магнаты экспроприировали эту казну во время борьбы за престол, частью легально (в форме льгот, даров и залогов), а частью иллегально, путем сбычного секвестра. Большую часть остальных доходов Сигизмунда поглощала расточительная роскошь его двора, о которой есть много данных в исторических источниках. Итак, он постоянно должен был бороться с денежными затруднениями и старался выйти из этого положения путем сложных кредитных и заложных операций,¹⁷ которые имели мало успеха. Эти операции, даже в том случае, когда они и удавались, имели только переходное значение, и в конце концов не могли улучшить положение казны. Что касается заложных дел, они не только не увеличивали, а наоборот, даже уменьшали доходы казны.

Следовательно, у Сигизмунда не было достаточно денег для наемных войск. Он стремился выйти из этого положения системой, так называемых „поручений“. Он поручал вербовать наемников (обыкновенно в связи с обороной какой-нибудь крепости), а для покрытия расходов, связанных с вербовкой, отдавал имения, или какие-нибудь другие источники доходов. Так, например, известно, что огромные стяжания имений Стибора младшего являлись, главным образом, результатом таких поручений, которые он получил в связи с обороной северных крепостей или связанных с этим кредитных и заложных операций. Оборона южных крепостей была также

¹⁶ A magyar nemzet története (История венгерской нации, под редакцией S. ilágyi S.) т. VI. стр. 217. По отношению оклада жалований см. на пример *Teleki, Hunyadiak kora Magyarországon*. (Эпоха Гуниади в Венгрии.) т. X. стр. 490, 554.; *Hunmuzaki Documente privitacae la istoria Fcsm nlcg* т. I/2. стр. 657—8.; Гссархив, Di. 13 088., и т. д. см. также уже цитированное сообщение папского легата: 3—4 дуката.

¹⁷ *Lederer E.*, A középkori pénzüzletek története Magyarországon (История средневековых финансовых операций в Венгрии). Будапешт, 1932 стр. 183—188. и т. д.

поручена наемникам. Для покрытия наема закладывались имения, или давалось обязательство на *lucrum*-доход с соседних имений, или на доходы соляных камер. Так, например, в марте 1429 года Сигизмунд приказывает служащим соляных камер выплатить 12400 форинтов из доходов сремского *cultellum* Ласло Тётёшу, кастеляну в Нандорфехервар, для выдачи жалованья его войскам, которые должны были защищать эту крепость; в мае Тётёш получает 2600, а в августе 8000 форинтов из бараньейского и валковского *lucrum*-а¹⁸. В то же время ему принадлежат и доходы от Сондско-даводских соляных камер,¹⁹ полученных им в наследство два года тому назад, после смерти Пипо Озораи, очевидно, вместе с принятием на себя части функций, которые последний исполнял.²⁰ Это систематическое употребление части доходов от соляных камер для выплаты жалованья наемным солдатам, исходит из эпохи Пипо Озораи, который в своем лице соединял одновременно должность жупана комитата Темеш и управляющего соляными камерами,²¹ и продолжалось вплоть до эпохи Гуниади. Этот способ настолько вошел в обычай, что каменная соль стала общепринятым средством для выплаты жалованья наемным солдатам, а позднее и общим платежным средством. Уже Сиенский регистр регулирует цену соли для выплаты жалованья наемным войскам, а в 1452 году Гуниади отдает приказ управляющему сегедской соляной камеры выдать соль Ласло Тётёшу, считая взамен „*centum sales stipendiales*“ по два форинта.²²

Таким образом, оборона пограничных крепостей и вербовка наемных солдат для их обороны, в форме кредита, для обеспечения которого служили королевские поместья, или же они поглощались уступкой других королевских доходов (соль, *lucrum*), стали постепенно превращаться в коммерческую операцию, и в довольно выгодную, вероятно, операцию. Неудивительно поэтому, что самые различные элементы при дворе Сигизмунда, в первую очередь всевозможные дельцы, у которых были связи с иностранными торговыми предприятиями, и авантюристы типа кондотьеров, жадно набросились на это дело. Пипо Озораи, или Филиппо Сколари, как звали его в действительности, происходил из флорентийской торговой семьи. Он организовал вербовку наемных солдат для обороны крепостей вдоль нижнего течения Дуная, и держал в своих руках до самой смерти монополию на это предприятие. В Славонии и Хорватии (а позднее

¹⁸ *Zichy-okmánytár* (Архив семейства Зичи) т. VIII. стр. 372, 376, 397., о наемных войсках в южных пограничных провинциях см. напр. *Di. 24.530.*, *Blagay-oklevéltár* стр. 310—311., *Gelcich, Ragusa és Magyarország összeköttetéseinek oklevéltára* (Архив связей Рагузы с Венгрией) стр. 191.; *Zichy-okmánytár* (Зичи-архив) VI. 547. и т. д. — Весной 1437 доставляют из Братиславы в Белград на 12 ко-раблях наемные войска см. *Hadtört. Közlemények* (Военно исторические сообщения) 1911. стр. 547.

¹⁹ Управляющий даводскими соляными камерами был его *familiarius*. *Zichy-okmánytár* (Зичи-архив) VIII. стр. 397.

²⁰ Там же стр. 310—311.

²¹ Там же, стр. 178.

²² Там же, т. IX. стр. 319—320., см. *Molnár*, Ук. соч. стр. 184.

в Белграде и Сёрене) действовали подобным же образом Таллоци, родом из Рагузы (Дубровника). Вскоре его примеру последовали и хорватские вельможи, особенно Франкопаны, которые находились в живой связи с Венецией и городами Далмации. Примеру Франкопанов последовали и другие хорватские магнаты. Таким образом бароны узнали эту выдающуюся возможность обогащения и хотя опасность, которая была сопряжена с этим, не была им по душе, они все же не избегали этих поручений.²³ Позднее, они стали требовать поручения для вербовки солдат и смотрели на это поручение, как на источник доходов. Это видно из договора Гуниади с неаполитанским королем Альфонсом, в котором последний, желая завербовать себе людей, которые отстаивали бы его интересы в Венгерском королевстве, ставит условие, чтобы поручения для вербовки наемных солдат для войны с Турцией и деньги, отпущенные для этой цели, были разделены между баронами, для того, чтобы „те были преданы ему“.²⁴

Возможно, что поручения вербовки солдат, которые получали бароны, влияли на их преданность, но дело защиты родины от этого не улучшалось. В этой системе совершенно не была обеспечена проверка выполнения поручений, т. е. то, занимались ли вообще наемные солдаты, а если таковые и были наняты, то соответствовало ли их число полученному поручению. Нет никаких следов, указывающих на то, что существовал какой-либо контроль выполнения диспозиций, а если это случайно и имело место, то не могло дать значительных результатов, так как в лучшем случае эту задачу поручили бы другому барону. Напротив, имеются данные о злоупотреблениях. Например о самом жестоком противнике Гуниади, Ульрике Цилеи, заметки Сильвиуса Энзаса говорят, что он приказал чеканить фальшивые монеты и ими выплачивал жалованье наемным солдатам; в другой раз он получил определенную сумму денег для вербовки назначенного числа солдат, но в армию набрал гораздо меньшее количество людей.²⁵ От таких же злоупотреблениях говорит процесс в 1448 году против Миклоша Уйлаки, который передал должность серемского подбана Базусу Химфи, с обещанием выплатить 4500 форинтов, но не выплатил обещанную сумму.²⁶

²³ См. например Hurmuzaki т. I/2, стр. 550—551.; Blagay, стр. 310—311., Frangerán-oklevéltár (Архив Франкопанов) т. I. стр. 127—128 и 129—130., 171—172.; Zichy Т. IX. стр. 3—4. Fejér, Genus, incunabula et virtus Ioannis Corvini de Hunyadi. Буда, 1844. стр. 52—53.; Госархив, Dl., 43.907., 49.043., и т. д. Можно предполагать, что в многих случаях наемных сделок, содержание которых не было точно определено („для надобности страны“ и подобные выражения) также скрываются поручения такого-же рода.

²⁴ Frangerán-oklevéltár (Архив Франкопанов). т. I. стр. 350—353.

²⁵ P. Krones, Die Zeitgenössischen Quellen zur Geschichte der Grafen von Cilli mit Einschluss der sog. „Cillier Chronik“. Грац, 1871. стр. 22. (Этот труд старается оправдывать Циллейцев, и поэтому усваивает противоречащую историческим источникам, необоснованную, отклоняющуюся и слишком критическую точку зрения.)

²⁶ Госархив Dl. 44.511. — В связи с этим не лишены интереса данные Длугоса о правах, которые польские дворяне вынудили у Владислава Ягелло в 1430 году за признание его наследником: по 3. пункту они ведут войну вне границы только

При таких обстоятельствах система „поручений“ не могла улучшить обеспечение защиты границ и не дала значительных результатов в деле реорганизации армии. Правда, таким образом, все время увеличивался приток наемных солдат в армию, но это не были люди короля, они принадлежали различным предпринимателям, которым была поручена вербовка солдат и которые частью принадлежали к магнатам, а частью были людьми типа Пипо Озораи и Талошиев, которые наряду с поручениями получали большие поместья и высшие государственные должности и часто путем браков вступали в круг высшей знати. Благодаря этому, новые наемные элементы, притекавшие в армию, не укрепляли центральную власть, а только еще больше усиливали мощь баронов — с одной стороны, частично и потому, что доходы с этих поручений увеличивали богатство баронов, с другой стороны, потому, что эти новые наемные части находились под непосредственным управлением и влиянием баронов.

Общая нужно сказать, что нововведения Сигизмунда не имели успеха. Его основные стратегические перспективы были ошибочными. Его конкретные распоряжения в целях усиления военной мощи не были удачны. Создание „земской рати“ осталось только на бумаге, для содержания наемного войска казна не могла обеспечивать денежных средств, необходимых для покрытия расходов, вербовку наемного войска король поручал баронам и допускал, чтобы последние имели решающее влияние на эти новые ценные элементы армии. В составе военной силы страны не произошло значительных изменений, а те, которые произошли, только увеличивали самое большое несчастье — перевес мощи высшей знати. Итак, даже отдельные, сами по себе значительные мероприятия, принятые королем, не принесли ожидаемых результатов, как, например то, что Сигизмунд старался заставить пограничные города выстроить и содержать в образцовом порядке систему крепостей, организовал информационную службу, интересовался новшествами военной техники. Однако, после его смерти положение еще более ухудшилось. В 1438 году турки свирепствовали в Трансильвании; дворянство бездейственно ожидало, чтобы буря, которая бушевала над их головами, улеглась. Воевода хотел наказать главных виновников конфискацией имений, но королева помиловала их. Турки наводнили Сербию, осадили Смендерово, эту третью ключевую точку оборонительной линии на Дунае. Король провозгласил всеобщее ополчение, но на этот призыв сткликнулись немногие, да и те, которые собрались, еще до битвы возвратились по домам. Смендерово пал! В последующем году король объявил новый поход, но на этот раз, на основании прошлого опыта, с наемными войсками. Знать согласилась, чтобы он с этой целью собрал чрезвычайный налог, но требовала, чтобы король собрал

за счет короля, по копыю — 5 марок; если, однако, поход не начинается через два года спустя выдачи денег, они не должны отчитываться. (*Opera omnia XIII.*, Hist. Polon. 4-ое изд. под ред. Pauli-Przedziecki, Краков, 1877. стр. 392.)

вспомогательные войска у своих заграничных родственников и союзников. Между тем, король умер, и намеченный поход не состоялся, вместо этого между различными партиями, лигами и претендентами на престол вспыхнула борьба за престол и власть, которая продолжалась годами. О защите границ никто больше не заботился. Туроци пишет: турки опустошали Славонию, придравскую область и нижнюю Венгрию вплоть до Тиссы, опустошали целые области страны, огромные массы людей угоняли в рабство. „В это время все население страны было занято внутренними раздорами, оставляя эти края самим себе...“ и, как это говорить в одном из документов короля Ласло V-го: „Страну охватил ужас нашествия.“²⁷

В это время Гуниади одержал свои первые большие победы. Во время царствования Альберта, он, в качестве серенского бана очистил окрестности Оршовы от турок, совершавших набеги. В 1441 году он победил сендрейского бека Исхака. В 1442 году он уничтожил войско бека Мезида, которое опустошало Трансильванию и в том же году он разбил на голову беглербека Сехабеддина, которого султан послал во главе всего румельского войска, подкрепленного анатольской армией и янычарами для захвата Трансильвании и Валахии. Годом позже, в знаменитом, так называемом „долгом“ походе его войска атаковали армию султана на перевалах Балканских гор. Это большой переворот в истории турецких войн. Современники совершенно ясно видели его значение. „Если бы Гуниади не преградил дорогу завоеванию, пропала бы не только Венгрия и окружающие ее страны, но и сама Италия. Вечная благодарность ему от Венгрии и соседних с ней народов за то, что он защищал их от нашествия турок.“ — Этими словами оценивал Ранзанус его победы. Подобным же образом говорит и Туроци: „... где бы, каким бы тайным путем ни старались турецкие отряды проникнуть в Венгрию, чтобы по их обычаю разграбить страну, их начинание всегда имело плохой исход, потому что войска воеводы Яноша, высланные для защиты границ, каждый раз разбивали их.“ И не только верные династии Гуниади гуманисты двора короля Матиаса рассуждали так, в таком же духе говорят все повествователи. Среди них, помимо враждебно настроенного Длугоса и Сильвиуса Энеаса, выделяется далекий беспристрастный Калкокондилас. В его обширном произведении, выдающем его большую осведомленность, мы можем прочесть следующее: Со времени Никополя турки бесчисленное число раз обрушивались на Венгрию и столько народа угнали отсюда, что этими рабами были наполнены все невольничьи рынки Европы и

²⁷ *Turóczi, Schwandtner, Scriptorum rerum Hungaricarum veteres ac genuini.* т. I. Надьсомбат, 1765, стр. 406., см. Bonfini т. III, стр. 4. — Документ Ласло V, *Fejér, Genus* ... стр. 180—194. — В отношении предыдущих событий см. декрет Альберта, от 17-го сентября 1439 года. *Teleki, Hunyéd ak kora* (Эпоха Гуниади) т. X. стр. 71—73., см. *A magyar nemzet története* (История венгерского народа). Под редакцией Szilágyi S. т. III. стр. 622.

Азии. После победы Гуниади над Сехабеддином положение коренным образом изменилось: „Панноны переправились через Дунай и сами перешли в наступление.“ Каллимахус дополняет это повествование следующими словами: „венгры и их балканские союзники приобрели уверенность в своих силах, а агрессоры, которые привыкли к победам, напротив, стали чувствовать себя не победителями, а побежденными“.²⁸

Произошло чудо — говорили современники, стараясь этим объяснить непонятие для них успехи Гуниади, в том же смысле высказалась весьма практичная венецианская синьория.²⁹ Но то, что они считали чудом, являлось, как и всегда в истории, чудом человеческой находчивости, героизма и организации. Тактически это значило, что армия Гуниади была совсем иного рода, чем венгерские войска предыдущей эпохи, которые потерпели позорные поражения у Никополя, Галамбоца и Смендерова. Внешними причинами нельзя объяснить этот переворот в истории турецких войн, так как, хотя и справедливо то, что в то время турецкие военные силы были разделены караманскими походами, однако, гражданская война в Венгрии и несогласия между Венгрией и империей Фридриха также значительно ослабляли военную мощь Венгрии. С другой стороны, в организации, в составе и в оперативности венгерских войск произошли большие перемены. Гуниади правильно осознал основные причины слабости венгерских войск и выбрал правильный путь для ликвидации этих недостатков, а именно укрепить ядро наемных войск, зависящих исключительно от главного военного командования. Он всеми силами старался и при организационной работе и в походах привлечь в армию широкие слои народа, что было большим шагом вперед на пути создания армии, способной выполнить не только задачи в связи с турецкой войной, но и задачи централизации государственной власти. Помимо его выдающихся способностей полководца, именно этому шагу следует приписать его успехи.

В следующей части нашей работы мы постараемся подробно развить и подкрепить доказательствами это утверждение.

*

О молодости Гуниади нам мало что известно. Единственным достоверным фактом является то, что данные из исторических источников, относящихся к Гуниади, говорят о нем, как о вожде наемных солдат. Около 1430 года он поступил на службу при дворе и там получил свое первое жалование во времена префекта Мадьяра (Ungor?).³⁰ Осенью 1431

²⁸ Произведения Ranzanus, Turóczy и Callimachus см. в *Schwandtner*, *Scriptores* т. I изд. 1765 г. стр. 636—7, 411. и т. II, стр. 116—138. *Chalkokondylas* в серии *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. (Bonn, 1843) стр. 257—8.

²⁹ См. напр. *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения) 1919, стр. 27.

³⁰ *Bonfini* т. III, стр. 4. По одному из данных Халкокондиласа, которое, однако, в дальнейшем не подтверждается, Гуниади уже раньше служил у сербского князя „mercede conductus“. Срав. *Fejér*, *Genus*, стр. 16. Об остальных событиях из его молодости здесь не приводятся данные, в отношении этих см. А. *Oszwald*, *Hunyadi ifjúsága* (Молодость Гуниади). *Tört. Szemle* (Исторический обзор), 1916.

года он сопровождает короля Сигизмунда в Италию, где он участвовал в церемонии коронации (так наз. железной короной), а затем он остается там, вероятно, в качестве одного из членов того вспомогательного войска; которое император, стремящийся в Рим и занятый весьма резкими дипломатическими переговорами, оставил там для поддержки своего миланского союзника Филиппо Висконти, взамен годового займа, как гарантию против Венеции. Он провел в Милане два года в чине капитана наемных войск, отсюда происходят его личное знакомство и даже дружеские отношения с Висконти и вождем его войск (а позднее наследником) Францем Сфорца. Кое-что об этих связях сохранилось в преданиях Милана, и позднее, когда Гуниади стал знаменитым, его успехи, как полководца, приписывали учению Сфорца. Такого же рода предание возникло, между прочим, и во флоренции в записях Джакомо Поджио Брачиолини, этого знаменитого гуманиста, который был лично знаком с Гуниади. По этому преданию, Гуниади изучил искусство ведения войн у Филиппо Сколари, родом из Флоренции. Таким преданиям нельзя верить дословно, все они имеют слишком очевидную тенденцию урвать кусочек славы знаменитого человека. Однако, они сохранили много фактов и было бы несправедливо, если бы мы слишком критически отнеслись к их словам или совершенно отказались бы им верить. Гуниади, вероятно знал Сколари, даже, может быть, научился кое-чему у него и во время своего итальянского путешествия совместно со Сфорца, наверное, он познакомился с так называемым кондотьерским способом ведения войны и с теми организационными элементами военного дела, которые развились в итальянских государствах, и освоил их.³¹

Осенью 1433 года Сигизмунд вернулся назад из Италии и Гуниади присоединился к нему. Сохранился документ, выданный Сигизмундом Гуниади, помеченный датой 17 января 1434 года в городе Базеле, по которому король, в счет своего долга Гуниади в 1200 золотых, взятых им займы, отдает в залог последнему и его племяннику Яношу город Папи, вместе с прилежащим к нему марошским паромом.³² В следующем году Гуниади возвратил королю город Папи и доплатив к этому еще 300 форинтов, получил взамен в залог Комяты. Два года спустя король снова заносит в кадастр 1250 форинтов на область, заложенную братьям Гуниади,

³¹ Для вышеприведенного см., главным образом, *F. Bánfi*, *Hunyadi János itáliai tartózkodása* (Прибывание Яноша Гуниади в Италию). *Erdélyi Múzeum* (Музей Трансильвании), 1934, или же *Filippo Scolari és Hunyadi János, Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1930. Его пребывание в Милане и происходящая оттуда связь с Висконти и Сфорца подтверждается и другими источниками. Что касается Сколари, мы считаем более убедительным доказательством флорентинского предания, тот факт, что Пипо Озораи, жупан комитата Темеш, являлся докладчиком королевского документа, согласно которому в торжественной форме Гуниади было пожаловано первое именование в Венгрии — Гуниадвара.

³² Госархив, Д1. 12.574. — Докладчиком документа является Леонардо Ноффри де Баймоц: один из толпящихся при дворе Сигизмунда иностранных богачей, его семья находится в связи с домом Бардо в флоренции.

взамен выплаты ими жалования за три месяца 50 копыеносцам. Это указывает на то, что братья Гуниади осенью 1437 года служили в эскорте короля Сигизмунда, стоя во главе 50 наемных всадников тяжелой кавалерии. Из другого источника мы узнаем, (документ Ласло V-го, в котором тот подробно описывает карьеру Гуниади), что оба они участвовали в путешествии короля Сигизмунда в 1436 году в Чехию. В то время они подверглись многим опасностям, прославили свое имя и получили первые почести. Оба они сделались придворными кавалерами, а Янош, старший, кроме того и членом королевского совета.³³ Вышеизложенное доказывает, с одной стороны, что мы правильно поступаем, если ищем начало военной карьеры Гуниади в его деятельности как вождя наемных войск, а с другой стороны, это подтверждает тот факт, который имеет важное значение для понимания последующего, что Гуниади побывал в Чехии и, таким образом, путем личных наблюдений познакомился с военным искусством гуситов (хотя уже во времена его упадка, после Липана) и выдающейся боеспособностью чешских наемных солдат. Таким образом, если и есть вероятность, что известные элементы в его деятельности, как полководца и организатора войска, можно приписать его наблюдениям во время путешествия по Италии, то с полным основанием можно утверждать, что остальные, значительно более важные черты его военной деятельности указывают на чешское, точнее, гуситское влияние. Сюда относится его особое уважение к чешским наемным солдатам, его эксперименты с самой своеобразной формой гуситского способа войны, а именно с употреблением движущегося ряда подвод и т. д. Вероятно, все это можно приписать его личным впечатлениям во время путешествия по Чехии.

Вождем наемных войск Гуниади стал позднее, наверное, во времена Альберта, когда усилились нападения турок на нижедунайский участок фронта. Он совместно со своим племянником брал на себя защиту крепостей Сёрень, Гёрень, Оршова и Михалд, вначале обязываясь поставить около ста тяжелых латшиков. На покрытие расходов по выплате жалования своим солдатам за три месяца, в сумме 2757 форинтов, он получил в мае 1439 года поместья в комитате Бодрог.³⁴ Он отвечал этой задаче: приведенный документ Ласло V подчеркивает, что во время нападения турок, он вместе со своим братом совершал „выдающиеся дела“ и одержал несколько небольших побед. Вероятно, он за это получил (характерно,

³³ Два заложных письма на Комяти: Госархив, Ді. 12.707. и 13.088. (Hurmuzaki, Documente т. I/2. стр. 597—598, 627—628). Их докладчиками являлись Имре Марцали и Михай Орсаг, известные стяжатели имений. Последний возвысился из среднего дворянства в среду крупных помещиков, главным образом, благодаря заложным делам. Документ Ласло V, *Fejér, Genus* . . . стр. 180—194. (Текст документа: „При восстановлении развалин Чехии“, может относиться только к поездке в Прагу в августе 1436 года.)

³⁴ *Hurmuzaki, Documente* . . . т. I/2. стр. 648. — Немного позже, королева закладывает Кечкемет на сумму в 2500 золотых для защиты крепостей, лежащих „в пасти у турок.“ Там же, стр. 651—652.

что это последовало немного позднее декрета короля Альберта, в котором он объявил в следующем году поход против турок с *наемными войсками*) свою первую государственную должность Сэремского бана.³⁵ В то время он уже держит 200 наемных солдат „в поле“, помимо обороны крепостей. Для выплаты трехмесячного жалования этим солдатам, он получил от короля 2000 форинтов, а на имя залога на остальные 4000 форинтов большое имение (область Икёш, комитат Темеш), с городом Моржина. Он ворвался в виддинский санджак и очистил дороги от турецких захватчиков. За эти заслуги он получает от Владислава летом 1440 года имения Шольмош, Берексо, Няваляш и Бурьян в комитате Гуниад и имение Бошар в комитате Темеш.³⁶ В результате дальнейших побед, одержанных им частью в гражданских войнах, после избрания Владислава, а частью в турецких войнах, он получает (кроме новых поместий) назначения на посты воеводы трансильвании, жупана комитата Темеш и главнокомандующего всех войск Бельграда. Эти три, каждая в отдельности сама по себе важная должность, вместе взятые, делали их носителя самым мощным знаменосцем страны и обеспечили, наряду с огромными поместьями, рудниками и золотыми приисками, главную материальную базу для позднейшей политической деятельности Гуниади. Высшая знать, в течение поколений экспроприировавшая государственные должности, считала их почти свими латифундиями, против чего действовал Гуниади в своей государственной деятельности, особенно в вопросах организации военных сил и системы диспозиций; это знать ненавидела его уже тогда за его внезапное возвышение, за приобретение имений и за достижение высоких должностей. Она распространяло о нем клеветнические слухи и, по всей вероятности, подставила бы ему ногу, если бы осмелилось и могла принять на себя ту огромную задачу, которую принял на себя и выполнил Гуниади, а именно — задержать и оттеснить турок от границ страны.

Итак, основанием для возвышения Гуниади послужили победы, которые он одержал в самый критический момент войны на южном фронте, где угроза прорыва турок чувствовалась особенно сильно. И как сейчас, от клеветы завидовавших его положению баронов, так и позднее, когда несогласия приняли более острую форму вследствие тенденции его государственной деятельности, направленной на укрепление центральной власти и на ограничение власти баронов, от их мстительных мер и угроз его в первую очередь защитило то, что турецкий вопрос не мог быть решен иначе, как только через него. Этими соображениями нужно постоянно руководствоваться при обсуждении политических событий того времени,

³⁵ Срав. *A magyar nemzet története* (История венгерской нации) под ред. S. Szilágyi т. III, стр. 622—623., в общем правильно излагает события, но с ошибочными датами дней. В декрете от 17-го сентября он не приведен еще как бан, а 10 дней позже, в закладном листе относительно области Икёш, его уже именуют таковым.

³⁶ *Hunmuzaki, Documente...* т. I/2, стр. 657—658., или же стр. 664—665. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади). т. X. стр. 89.

так как внезапное перемещение сил во внутренней политике государства, одновременно с острыми изменениями в событиях на турецком фронте: Варна — Косово Поле, нельзя иначе толковать.

Наши источники ничего не сообщают о том, кто были и откуда появились наемные солдаты Гуниади в первоначальном периоде. Позднее, в его больших походах, когда ежегодно через состав его армии проходили большие массы наемных солдат, мы видим, что он набирал их из различных стран, но большинство из них все-таки были чехи. В 1443 году, во время „долгого похода“, значительная часть его армии состояла из чешских наемных солдат. По сообщению, которое датировано июнем 1443 года, король ждет только чешских повстанцев „Чарчо“, которым Гуниади хотел поручить лагерь повозок. По сообщению, относящемуся к августу того же года, Гуниади имел военные подводы, „снаряженные по чешскому образцу“. Чешские наемные солдаты сражались также и в королевской бригаде, записки одного из этих солдат составленные в форме дневника, представляют собой весьма поучительное изложение истории похода. Наконец, большинство из наемных крестоносцев составляли чехи, как это подчеркивает Франко Таллоци в своей довольно резкой речи в сейме, направленном против папского легата, который протестовал против приглашения еретиков и переговоров с ними.³⁷ В этом походе помимо польских и румынских наемных солдат, в эскorte Бранковича находились много южнославянских добровольцев, а в войсках короля и Гуниади участвовали много польских добровольцев и добровольцев из „других наций“, среди которых, как мы еще убедимся, были венгерские крепостные ополченцы.³⁸ На Косово Поле Гуниади выступил с лагерем подвод „по чешском образцу“, в то время как в его сопровождении было много „тевтонских и чешских наемников“, но помимо этого его окружало и много польских наемников, а также и румыны (последние, вероятно, не как его наемные, а скорее как вспомогательные отряды валахов).³⁹ В 1450 году, когда Гуни-

³⁷ „Ни из одного народа не вышло столько крестоносцев, как из малочисленного чешского . . .“ говорится Каллимахусом (*Schwandtner*, *Scriptores* т. II. (1765). стр. 161.); *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I, стр. 372. — Остальные данные см. *Chmel*, *Materialien zur österreichischen Geschichte* т. I. стр. 113. *Fontes Rerum Austriacarum* II/62, стр. 71.; *Huber*, *Die Kriege zwischen Ungarn und die Türken 1440—1444*. *Archiv für österreichische Geschichte*, 1886. стр. 178.

³⁸ Срав. источники в *Hedtört. Közl.* (Военно-исторический журнал) 1919., стр. 32, или же *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I, стр. 323.

³⁹ Главнейшие источники по следам Прай, Катона, Фейер см. *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 78—100. Однако, его национализм приводит его в противоречие с собственными данными, напр. стр. 97: „... мы не желаем утверждать, что среди наемных солдат не находились и немцы и чехи, но большинство их состояло из венгров ... и было бы преступлением против патриотизма, если бы мы лишили сынов нашей Родины тех лавров, которые они добыли себе ценой смерти“. — Источники — за исключением гуманистов, которые жили при дворе и льстили высшей знати — подчеркивают чешско—немецко—польские элементы среди наемников. Турецкий писатель Нешри очевидно, указывает на состав войска, когда говорит, что Гуниади окружали чешские, польские, румынские и секлерские наемники. По турецкому Анониму, венгры воевали в союзе с „немцами, чехами, латинскими народностями и румынами“. *Thury*, *Török történetírók* т. I. стр. 62., и 23.

ади готовился к выступлению против Бранковича, который подружился с турками, последний получил точные информации от своего венгерского вассала Яноша Каллай Лэкэша, в которых говорится, что „войска Гуниади состоят из чехов, поляков и других наций“.⁴⁰ Все вышесказанное, по нашему мнению, достаточно наглядно указывает на интернациональный состав наемных войск Гуниади и перевес в последних чешских и польских элементов, преимущественно из краев, населенных гуситами. Это, впрочем, остается характерной чертой для наемного войска Гуниади, а также позднее, не только для так называемой „черной армии“ Матиаса Корвина, но и для тех военных частей, при помощи которых Михаил Силади мстил за убийство Ласло Гуниади придворным.⁴¹ Этим мы не желаем утверждать, что среди наемных солдат совсем не было венгров, так как иногда встречаются данные, утверждающие обратное, однако, на основании единодушных свидетельств источников можно установить, что в большинстве своем наемные войска уже тогда, как и позднее, состояли из иностранных элементов и, главным образом, из чехов. Иностранцы, которые нанимались на службу, приводили с собой и своих вождей, как, например, пехотницы „Хапхо“ в 1443 году. Итак, командный состав по своему происхождению, совпадал с рядовым составом, хотя существует вероятность, что и вассалы Гуниади вербовались в его войска.

Гуниади, как и все крупные землевладельцы того времени, имел свою „фамилию“, свое вассальное войско, члены которого, помимо других обязанностей должны были с оружием в руках поддерживать все его начинания. Тогда, как большинство баронов расточало свои военные силы в раздорах и гражданских войнах, Гуниади поставил свое вассальное войско на службу защите родины. Это войско увеличивалось вместе с тем, как росли его поместья и должности. Вначале это войско состояло в большинстве из кенезов из области Гуниад и мелких дворян из Трансильвании, встречались между ними также и горожане из Торда. Позднее в нем служили и члены несколько более состоятельных семейств среднего дворянства из областей Тиссы, южной и восточной Венгрии, а еще позднее в нем можно было встретить людей со всей территории страны. Документы о награждении за военные заслуги служавших в вассальных войсках, особенно те, которые относятся к начальному периоду, содержат не только пустые фразы, но точные перечисления заслуг, что доказывает, что Гуниади включал эти войска в военные операции и даже пользовался ими для ее организации. Все это показывает, что кроме новых элементов наемных отрядов, которые он всеми силами старался развивать и которые имели решающее значение в его походах, он не мог совершенно обойтись без

⁴⁰ Госархив. D1. 55.456. (Старая номенклатура: Kállay, saec. XV. App. B. III. n. 72.)

⁴¹ По Длугош, и Кухай см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II, стр. 522.

войска старого типа, построенного на вассальных отношениях, как это сделал его сын, Матиас, во второй половине своего царствования.⁴²

В этой эпохе не всегда легко различить вассальные и наемные отношения; данные в исторических источниках часто весьма туманны. „XV столетие в Венгрии было переходной эпохой от натурального хозяйства к товарно-производственному денежному хозяйству. Поэтому феодальная организация войск была проникнута структурными элементами наемных войск, которые исторически развивались одновременно с денежным хозяйством.“⁴³ Часто новые, развивающиеся формы наемных отношений были прикрыты традиционными формами и наименованиями вассальных зависимостей, но несмотря на это, деньги начинали играть все большую роль в жаловании вассалов вместо платы натурой, которая прежде имела перевес. Благодаря этому и существуют те неясности, которые мы встречаем в исторических источниках.⁴⁴ Однако, эти две системы в самой своей сущности совершенно различны. Их разница становится очевидной после того, когда мы только определим их общественные и экономические основы и характерные черты. Фамилиарная зависимость является венгерской формой феодального сцепа, сущность которой определяется отношениями натурального хозяйства. Личные отношения между сервитором и доминусом обыкновенно выражаются формулой „взаимная верность“, что в сути своей означало, что сервитор во всех областях отождествлял

⁴² Госархив. Dl. 29.792, регистрационный приказ Гуниади своим вассалам Миклошу Поган и Имре Зинди, гражданам города Торда, которые участвовали в некоторых походах. — Именно благодаря их деятельности в качестве вассальных офицеров, возвышаются из кенезов в высшее сословие семейства Кендерфи, Кендереш, Чолнакоши и т. д., см напр. A Hunyádmegyei Tört. és Fég. Társ. Évkönyve (Ежегодник исторического и археологического общества комитата Гуниад), т. IV, стр. 90; *Fejér*, Codex Diplomaticus т. XI, стр. 506. — Для мелких дворян Трансильвании см. напр. *Teleki*, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. X, стр. 139., *Zichy-okmánytár* (Архив Зичи), т. IX, стр. 67. — Повышаются в высшее сословие дворяне Байоми, *Károlyi-oklevéltár* (Архив Кароли), т. II, стр. 918. — Здесь мы не можем заниматься обсуждением проблем вассальных зависимостей; их эластичное применение характеризует случаи с Михаилом Доци, который был вассалом семьи Таллоци и сборщиком каменных доходов, предназначенных для содержания крепостей; когда Гуниади стал начальником войск Белграда, Доци сделался его вассалом. *Teleki*, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. X, стр. 87, 124.

⁴³ *Molnár*, Ук. соч. стр. 278.

⁴⁴ Несколько примеров смещения вассальных и наемных зависимостей: Ласло Гуниади посылает вассала своего отца Котвица с шестью всадниками в Нежидер; через несколько дней он пишет городу Пожонь (Братислава), что город должен платить этим жалованье (*Teleki*, Hunyadiak kora, т. II, стр. 278., примечание); Ласло Гедервари, епископ г. Эгер, дает указание священникам в комитате Береге платить из „десятин“ Миклошу Вардан: „pro sustentatione mensae suae ad quatuor lanceas“ (*Zichy-okmánytár* т. IX, стр. 360.); Иштван Этре заключил договор с пещским епископом в том, что он поступит к последнему на службу, вместе с десятью всадниками, за годичную плату в 150 форинтов деньгами и вино, одежду, т. е. сукно для себя и своих людей натурой (Госархив. Dl. 44.630); Общему собранию комитата Сабольч была подана жалоба на Франка Шепшея в том, что он угрожал жалобщику жизнью, но Шемпшей заявил, что в его распоряжении находятся много чешских, польских и венгерских вассалов и он не может ручаться за то, что с их стороны не будет кое-что предпринято против жалобщика. *Zichy-okmánytár* (Архив Зичи), т. IX, стр. 232.

свои интересы с интересами доминуса и брал обязательство преданно представлять их в самых различных поручениях, в том числе и с оружием в руках. В свою очередь, доминус должен был защищать его и заботиться о его снабжении. Последнее могло осуществляться, как это обыкновенно и происходило в постоянных дружинах, путем снабжения питанием, одеждой, возможно, и некоторой суммой денег, или же в форме предоставления имени, или же права на пользование им. Таким образом, при этой системе характерно то, что тот, кто поступал на службу, получал жалованье, большей частью в натуре, за что должен был выполнять различные поручения и не только в определенной области, как, например в военном деле. В противоположность этому, наемный солдат получал большую часть своего жалованья в деньгах, или в денежных ценностях и должен был выполнять исключительно военные обязанности. Необходимо подчеркнуть эту последнюю характерную особенность системы наемничества, так как выделение и отделение воинского звания от остальных элементов общества в историческом развитии происходило именно наряду с развитием наемных войск и именно в этой форме.

Из всего вышесказанного следует, что нельзя считать наемником такого дворянина, который служил в „ауле“ короля, или в эскорте своего феодала и взамен за так называемый „*stipendium*“ становился участником одного, или нескольких походов последнего; таким же образом не является наемником вассал, который получает свой „*salarium*“, частично в деньгах, но за это обязан выполнять не только военные, но и различные другие обязанности. Имеются данные, которые указывают на то, что и дворяне нанимались на военную службу, однако, это так кажется лишь на первый взгляд. При более подробном изучении оказывается, что они поступали на службу на условиях старой формы военной организации, почти всегда в качестве вассала, и если их сеньеры не шли на войну, считали это причиной для того, чтобы не выполнить свои обязательства. Весьма показательным в этом отношении является описание вербовки в 1456 году Яноша Таглиякоцци, согласно чему: „среди дворян и клиентов многие надевали на себя знак крестоносца, но в военном лагере никто из них не появился, так как венгерские дворяне по обычаю служат в войсках своих господ, а эти последние остались дома, как и дворянские ополчения комитатов.“⁴⁵ Из этого следует, что дворянство не играло значительной роли в создании отечественных наемных войск.

Таким образом, из вышесказанного выясняется, что Гуниади создавал свое наемное войско способами, которые существенно отличались от тех, которые употреблял для этой цели Сигизмунд, и не только вне рамок

⁴⁵ *Katona*, *Historica critica*, т. XIII. стр. 1078—1079. См. напр. случаи с Ласло Болгаром, который в 1443 году решил, что он поступит на наемную службу к „воеводе“, но ставит в условие, чтобы его назначили к Иштвану Банфи, если тот пойдет в бой (*Teleki-oklevéltár* Архив Телеки). т. II, стр. 11.

старой организации войск, а по возможности совершенно независимо от нее. Уже в то время, когда он исполнял должности регента и главнокомандующего войск, его начинания в этом направлении имели общегосударственные масштабы. Его стремления становятся особенно очевидными, если в исторических источниках обратить внимание на данные и косвенные ссылки о противоположных стремлениях. Однако, Гуниади при организации военных сил страны не хотел совершенно отказаться от элементов старой организации войск, от активного участия последних в борьбе против турок. В связи с этим он постоянно требовал и в государственном совете и в сеймах, чтобы бандерии и дворянские ополчения комитатов также внесли свою долю в кровавые жертвы войны. Эти его стремления, как мы увидим из дальнейшего, не всегда имели успех. С другой стороны, его стремление создать новую армию из наемных элементов имело большой успех. Он не только увеличивал число наемных солдат в своих походах, но, кроме того, старался создать ядро маневренных войск короля. Путем предоставления систематичного жалованья он постоянно увеличивал и укреплял королевскую бригаду, кроме того, во время военной угрозы — а таковая была почти всегда — он держал под оружием вспомогательные оперативные отряды „*peregrina auxilia*“.⁴⁶ Одновременно он постоянно увеличивал свою собственную армию, которая в то время, так как не было короля, считалась вооруженными силами центральной власти. В то же время мы видим, что он старался извлечь из под влияния и контроля баронов эти новые наемные элементы государственной военной силы. Это он проводил отчасти таким образом, что централизовал вербовку солдат и прекратил диспозиции (на это указывает та часть цитированного выше договорного письма неаполитанского короля Альфонса, в котором последний, очевидно, в интересах баронов и против стремлений Гуниади, ставит условия, чтобы Гуниади не употреблял непосредственно предназначенную в связи с турецким походом сумму для вербовки солдат, а разделил ее между венгерской знатью; с другой стороны, он стремился уменьшить перевес баронов в старом типе войск, увеличивая королевскую бригаду за счет остальных бандерий. Это видно, например, из пункта второго закона 1454 года, в котором опять, также в интересах баронов и против Гуниади, подчеркивается, что необходимо контролировать, получают ли наемную плату из доходов короля те, кто по „*honore baronatum*“ составляют бандерии.⁴⁷ Если это наше предположение является

⁴⁶ „*Premimur, re vera, magnis oneribus regni, nam ultra regalem curiam, quam opportunis salariis promovemus, oportuit etiam, hoc tempore, peregrina alere auxilia pro defensione regni*“ — читаем мы в письмах Йоханнис де Зредна летом 1450 года, во время обостренных боев, одновременно на двух фронтах с Гишкрой и Бранковичем. *Schwandtner, Scriptorum*, т. II. (Вена, 1746), стр. 86.

⁴⁷ По общему мнению, закон 1454 года создавался под впечатлением падения Константинополя, и обозначал укрепление положения Гуниади. Это правильно. Однако, в то же время существовала другая, очень сильная тенденция ограничения власти Гуниади, торможения его успешной деятельности, в первую очередь, со

правильным, то оно указывает на то, что уже сам Гуниади стремился к тому — что в последствии осуществил его сын —, чтобы ослабить в самых основах систему бандерий, сокращая им выдачу казенных сумм, предназначенных для их содержания, и использовать эти суммы для усиления центральных вооруженных сил.⁴⁸ Наши источники не дают вполне точного указания на то, имели ли стремления Гуниади в этом отношении успех, однако, можно предполагать, что они, по крайней мере, в значительной своей части, были успешны, так как в противном случае бароны не были бы вынуждены ставить такие условия в отношении Гуниади, как те, о которых мы только что упомянули. С другой стороны, об этом свидетельствует и то, что они значительно усилили свое сопротивление начинаниям Гуниади, свои клеветнические походы против него и даже строили планы убийства. Все это ясно указывает на то, что они не только ненавидели его, но и видели в нем роковую опасность для своей власти. Они распространяли о нем слухи, что он стремится экспроприировать страну в своих личных интересах, что он стремится подчинить страну своей власти, и среди их обвинений не на последнем месте стоит то, что *военная сила страны зависит исключительно от него*.⁴⁹ Клеветнические обвинения такого рода со стороны баронов, особенно тех, которые держали сторону двора, освещают одну из самых положительных черт в деятельности Гуниади и его самый крупный успех, а именно то, что, усиливая новые элементы в организации военных сил страны, ему удалось извлечь их из под влияния баронов, а также и то, что он стремился ослабить перевес баронов внутри воинских частей феодального типа.

Для того, чтобы содержать наемное войско в достаточном количестве, ему нужны были крупные денежные средства. Сам собою возникает вопрос, откуда он их брал? Нам известен тот факт, что он вел постоянную переписку с Венецией, с императором, с папой и другими властителями, ища содействия в борьбе против турок и преследуя цель организации общего наступательного похода. Он часто вынужден был торопить обещанную помощь в форме войск или же денежных средств. Но весьма ошибочно было бы думать, что эта его инициатива имела успех. Турецкая политика Венеции и других итальянских городов была определена интересами их торговли с Ближним Востоком, а их они почти всегда могли обеспечить без военных действий. В таких случаях они не хотели и слышать о войне

стороны придворной партии. Это видно также из текста закона, особенно, если принять во внимание указания короля и клевету придворных. (См. напр. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 265, 283, 325 и т. д., однако, он не замечает настоящего смысла королевских указаний.

⁴⁸ В связи с упомянутыми распоряжениями Матиаса, см. *Mályusz, A magyar állam a középkor végén* (Венгерское государство в конце средневековья). *Magyar Művelődéstörténet* (История венгерской культуры под ред. S. Domanovszky), т. II. стр. 62.

⁴⁹ *Bonfini*, т. III, стр. 8, *Aeneas Silvius Hist. Bohem. LXIV.*; *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 368—369.

с турками, а бывали случаи, когда они „оружием, военным снаряжением, продовольствием, лошадьми и железом“ помогали туркам и даже за хорошую плату сражались в их рядах.⁵⁰ От западных монархов не было получено ничего, кроме пустых слов.⁵¹

Немецкая знать в 1443—44 годах открыто угрожала стране тем, что она может оказаться между двумя огнями. Хотя и позднее на имперских собраниях было дано много обещаний по вопросам ополчения и денежной помощи, но из всех этих обещаний ни одно не было исполнено.⁵² Литература в общем единогласно приводит эти факты. Однако, в литературе встречается много расхождений по вопросу о помощи римского папы. Клерикально настроенные историки, особенно Фракной, стараются представить факты так, как будто бы папы, одни из могущественных властителей в Европе, бескорыстно и эффективно спешили на помощь нашей родине, которой угрожала опасность. Остальные данные показывают этот вопрос совсем в другом освещении и поэтому его следует рассмотреть подробнее.

Клерикальные и буржуазные писатели уже со времени появления сельджуков неоднократно предлагали церкви объявить крестовый поход против „бусурман“. Однако, эти призывы остались безрезультатными и те незначительные действия, которые были предприняты с целью похода против турок до начала XV века, итальянские города финансировали только тогда, когда это было в их коммерческих интересах. Папа во время Никополя и позднее принимал участие в приготовлении войны против турок и в организации интернационального союза, который вел эту подготовку. Но в то же самое время он воскрешает забытый вопрос о соединении восточной и западной церквей. Причина этого совершенно очевидна. Вследствие соборного движения и двойного избрания пап, папство, расшатанное в организационных формах, а затем и вследствие еретичества, потрясенное в самой своей основе, хваталось за каждое подходящее средство, которое могло бы восстановить его авторитет и кредит. Такими средствами являлись союз церквей и поддержка войны против турок. Разрешение обоих этих вопросов стало неотложным, когда базельский собор поставил их на повестку дня. В то время политика папы становится активной. Вначале последовало отпущение грехов для всех тех, кто принимал участие в войне против турок или же материально поддерживал эту войну.⁵³ Следующим шагом было послание легатов,

⁵⁰ См. напр. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 451. (Письмо папы, в котором он отлучает от церкви такие элементы. *Raynald, Annales ecclesiastici*, т. XVIII. стр. 294.

⁵¹ Так пишет современник, хорошо осведомленный Иванч в связи с посещением бургундского посланника в 1445 году. *Epistolae Johannis de Zredna*. стр. 21—22.

⁵² *A magyar nemzet története* (История венгерского народа, под ред. S. Szilágyi). т. IV. стр. 42, 142 и т. д. Эти же сословия три раза предприняли крестовые походы против гуситов, однако, каждый раз они терпели позорное поражение.

⁵³ Такое отпущение грехов объявили в Венгрии уже в июне и декабре 1432 года. Госархив. *DI. 43.919.*, и 43.930.

как например Цезарини в Венгрию в сороковых годах, которому один из циркуляров папы Евгения IV приписывал успехи Владислава на Балканах.⁵⁴ Легат действительно вербовал наемные войска и выплачивал им жалованье из денег папской помощи, как мы это узнаем из речи Франко Таллоци в сейме. О числе этих войск ничего неизвестно, но в сравнении с вооруженными силами страны их не могло быть много. Наши источники говорят о том, что было много добровольцев: — „огромные массы людей, которые оставили свой дом не ради жалованья, а для защиты христианства“ —, однако, все они шли в поход с знаком крестonosца.⁵⁵ Одновременное выступление папского флота, которое было предусмотрено на это время, не удалось.

Начинание папы Евгения IV в связи с неуспешными операциями флота, в следующем году обозначало вершину папской политики помощи, т. к. потом она никогда больше не проявлялась. После поражения при Варне, Гуниади был принужден все чаще напоминать папе — который ускорил расторжение мира —, о его обязанностях, однако, ожидаемой помощи он все-таки не получил.⁵⁶ Новый папа, Николай V, наградил Гуниади, который торопил помощь, княжевским титулом, который он, однако, никогда не употреблял. „Если Вы действительно хотите почтить меня — писал Гуниади в своем ответе — дайте мне возможность исполнить то, на что Вы обнадеживали меня“ (т. е. изгнание турок). Однако, его посланник вернулся домой — по свидетельству хорошо осведомленного современника Иванича —, с пустыми обещаниями: „привез много красивых слов и несколько обещаний относительно помощи против турок“.⁵⁷ Гуниади снова торопит папу, который предлагает отсрочку; „лучше я умру в латах и с оружием в руках, чем снова увижу бедствия моего народа“ — отвечает Гуниади.⁵⁸ После битвы в Косово Поле, Гуниади снова собирается в поход; папа советует ему дожидаться отечественного согласия. „С радостью отзываюсь на Ваши слова, которые торопят согласие — отвечает Гуниади — но не понимаю, почему Вы в то же время советуете мне сидеть дома и перестать вооружаться. Действительно странно то, что истинный отец христианства предлагает только оборону против неверных, а кроме этого отказывает во всякой помощи...“.⁵⁹

⁵⁴ Történelmi tár (Исторический сборник), 1901. стр. 162—163.

⁵⁵ Callimachus у *Schwandtner*, *Scriptores*, т. II. (1765), стр. 142; Бонфини, т. III. стр. 5. также подчеркивает большое число добровольцев, а Фракнои все-таки говорит о большом числе наемников, завербованных на деньги папы из уже указанных источников. (Церковные и политические связи с папским престолом. т. II. От синода в Констанце до поражения у Мохача.) Будапешт, 1902. стр. 53; поражение флота, там же, стр. 51.

⁵⁶ Фракнои, Ук. соч., стр. 65—67.

⁵⁷ „Reportaverat multa pulchra verba et quardam etiam promissionem de subsidio contra Turcos“, *Epistolae Johannis de Zredna* стр. 50.; письмо Гуниади там же и Fejér, *Genus*, стр. 109—111., см. Фракнои, Ук. соч., стр. 69.

⁵⁸ Fejér, *Genus*, стр. 116—119.

⁵⁹ *Epistolae Johannis de Zredna*, стр. 63., см. *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 118.

Главной причиной нового переворота в папской политике, как на это уже указал Телеки,⁶⁰ было то, что базельский собор в это время был распущен в Лозанне и распадался, а контр-папа Феликс V отказался от своей должности в апреле 1448 года. Ни вопрос о союзе церковей, ни турецкая война не были уже такими наболевшими вопросами, как раньше, и, в сущности, Николай V отказался от них обоих. Его помощь ограничилась тем, что он предоставил в юбилейном году — по просьбе Гуниади —; всем тем, кто жертвует на турецкую войну, такие же церковные привилегии, какими пользовались римские пилигримы, однако, вопреки просьбе, он распространил эту меру только на „благородных“. Гуниади снова обратился с просьбой к папе, чтобы эта льгота распространялась и „на всякий пол и класс народа, одним словом на всех, у кого общая родина“, однако, папа в своей новой булле так высоко поднял цену отпущения грехов (половина расходов на путешествие в Рим), что этим практически сделал невозможным сбор пожертвований среди бедных. Благодаря этому необходимые деньги так и не были собраны, так как после этого имущие классы медлили с принесением лепты даже такого незначительного размера для „общей“ родины.⁶¹ И во время Калликста III (Альфонс Боржия) положение также по существу не изменилось, хотя он и клялся в том, что все свои силы употребит для борьбы против турок, „но вскоре его поступки доказали, что ему ближе к сердцу было обогащение своих родственников“.⁶²

Все это значит, что турецкая война, в сущности, была только предлогом, вернее средством для укрепления расшатанного положения папства, и после прекращения еретических волнений и ослабления активности собора потеряла свою актуальность, а 60 лет спустя, после провала мантовского конгресса, этот вопрос был снят с повестки дня. Во время Гуниади папская политика помощи не представляла собой серьезную поддержку, во всяком случае, она не могла послужить базой для походов и реформирования вооруженных сил. Гуниади обеспечивал финансовые средства для вербовки наемников — не считая поддержку извне, из стран, которым угрожала опасность, в особенности из Сербии — из венгерских источников: кроме своих личных доходов, из одной части королевских доходов, которые находились в его руках.

Во времена Гуниади для содержания пограничных крепостей и их военного гарнизона служили, главным образом, доходы сегедской соляной камеры и *Lucum* соседних комитатов. Для покрытия расходов по расширению центральной армии в широком масштабе использовали наряду

⁶⁰ Hunyad'ak kora (Эпоха Гуниади), т. II, стр. 116.

⁶¹ Epistolae Johannis de Zr'dna, стр. 81—82., Ук. соч. 73—74.

⁶² По Engel, *Teleki*, Hunyad'ak kora (Эпоха Гуниади), т. II, стр. 367. — В отношении планов и волокиты после взятия Константинополя см. напр. *Franknoi* Ук. соч. стр. 93—96.

с доходами от соляных камер и *lucrum*, также все остальные королевские доходы, как например цензы и „приношения“⁶³ городов, прибыли монетного двора и прибыли от обмена денег, как и от обязательной отдачи благородных металлов.⁶⁴ Доходы с рудников как, например, с богатых залежей серебра рудников Бранковича в местности Новобрдо, являлись важными денежными источниками; это выясняется из письма государственного совета от 21-го июля 1455 года, в котором говорится о занятии вышеупомянутых рудников турками, которые тем самым отрезали „главный нерв нашей прочной обороны“⁶⁵ — из чего можно заключить, какое значение имели для развития военной силы золотые прииски, расположенные в комитате Гуниад, находящемся в руках Гуниади, а также и в Надьбанья, перешедшей впоследствии в его руки. К общим доходам страны Гуниади добавил из своих доходов: для военного похода в 1443 году 32 000, в последующем году 63 000 золотых и эти суммы он истратил „из своих собственных средств, не считая деньги, полученные из других источников.“⁶⁶

Для восстановления развалин городских стен, в 1454 году он сбавляет налог города Себена на 40 марок серебра и дает сборщикам налогов отдельное долговое обязательство в том, что если король не примет налоговый расчет, он из своих средств покроет недостаток.⁶⁷ Во время больших походов, кроме этих налогов, необходимы были и чрезвычайные военные налоги, которые при Сигизмунде взимались еще редко, но, начиная с Альберта, их стали взыскивать более или менее систематически. Однако, для этого необходимо было еще преодолеть большие трудности, которые состояли в том, что знать с одной стороны не противилась обложению налогами, но с другой стороны, под предлогом освобождения от налогов, или же по другим причинам, а иногда и просто насильственным путем, хотела поступающие деньги использовать для собственных целей. Характерно отметить при этом тот раздор, который возник в 1443 году (т. е. после укрепления власти Владислава в году „долгого похода“) между Циллей и уполно-

⁶³ *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 335., примечание № 2. В начале 1443 года Гуниади берет из „ценза“ города Брашо 50 марок серебром в качестве аванса на выплату жалованья наемникам. *Gelcich, Ragusa*, стр. 465—466: вследствие воззвания Гуниади, Рагуза предлагает для военного похода, планировавшегося на лето 1447 года, 2000 золотых, которые должны быть уплачены при переходе Дуная.

⁶⁴ В 1443 году сейм принимает решение о чеканке новых и обязательном обмене старых монет, возлагая проведение этого постановления в жизнь на Гуниади (*Teleki Hunyadiak kora*, т. I. стр. 380, в отношении мер, которые Гуниади предпринял в этом деле см. там же стр. 384—385 и т. X. стр. 149); точно также в 1447—48 гг. (*Fejér, Genus*, стр. 107, см. *Harmuzaki Documente*, т. XV. стр. 34.)

⁶⁵ „Praecipuum illum durantis nostrae defensionis nervum“, *Katona, Historica critica*, т. XIII. стр. 1010—1011.

⁶⁶ *Fejér, Genus*, стр. 71—75. (Свидетельское письмо капитула города Арада о признании Бранковича в том, что для возмещения одной части затрат, Гуниади передается Вилагошвар „хотя он заслужил и больше“.)

⁶⁷ *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 431.

моченными сеймом славонскими сборщиками налогов, Ласло Тёттёшом и людьми Детре Берзевици Похарнока. Сейм распорядился взыскивать налог, но его уполномоченные все-таки считали еще нужным испрашивать специальное разрешение у старшего Циллеи для сбора налогов в его владениях. Циллеи дал им защитную грамоту, но одновременно заявил, что она недействительна для сбора налогов в имениях его сына; наведенные сборщиками справки показали, что огромное большинство имений принадлежало его сыну. Итак, высланные сеймом сборщики налогов только даром потеряли время, но они заявили своим поручителям, что „мы боялись управляющих замков и служителей графа Циллей“. Впоследствии хорватско-славонский бан, представитель центральной власти Матко Таллоци, посредничал в ведении мирных переговоров между Теттешом и Циллей.⁶⁸ Весьма возможно, что имели место и другие такие случаи, вероятно, и денежные злоупотребления: на следующем заседании сейма было принято решение по упорядочению дел о непоступающих налогах.⁶⁹

Для выполнения задач, связанных с оборонной, Гуниади необходимо было энергично действовать против всех злоупотреблений и произволов. Он проводил это в жизнь не только путем постановлений сейма, но и государственно-административными распоряжениями. Так, например, в 1443 году он угрожал всей знати, которая будет препятствовать сбору налогов, потерей головы и благосостояния⁷⁰ а позднее, во время своего регенства, он довольно часто применял подобные устрашительные меры против имевшей власть знати, которая уменьшала королевские доходы (так, например, в 1448 году против Иштвана Банфи, который сопротивлялся уплате установленной цены на соль.)⁷¹ Выполнение подобных мероприятий всегда находилось в зависимости от действительных соотношений сил, но они во всяком случае имели больше веса, чем пустые постановления сейма. Все указывает на то, что Гуниади, будучи на вершине своей власти, в большинстве случаев проводил в жизнь свою волю. Этим и объясняются направленные против него барснами обвинения, что он якобы экспроприирует для себя доходы (т. е. не допускает расхищения казны баронами) и угнетает „страну“ (т. е. ограничивает баронов). Эти обвинения снова освещают одну очень положительную сторону деятельности Гуниади, т. е. направленную на то, чтобы покончить с баронскими злоупотреблениями и этим улучшить положение казны. Они были увековечены Сильвиусом Аэнеас, который резюмирует по этому поводу:

⁶⁸ Zichy-okmánytár (Архив Зичи), т. IX. стр. 55, 57, 58. Ввиду таких случаев статья 9 закона 1454 года, которая должна была быть строгой, подчеркивает, что необходимо составить реестр городов короля, королевы, деспота, Циллеи и другой знати, а также и в отношении Славонии.

⁶⁹ См. Kovachich J: Sylloge decretorum, т. I. стр. 74.

⁷⁰ Katona, Historia critica. т. XIII. стр. 246.; Teleki, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 332., 1. примечание.

⁷¹ Fejér, Genus, стр. 115—116.

„Как говорят — (т. е. бароны, недовольные деятельностью Гуниади) —; он в отсутствие короля управлял страной железным кнутом и не смягчал свои меры даже в присутствии короля“.⁷²

Все это способствовало успешной вербовке большого количества наемных солдат. Однако, Гуниади не был достаточно силен для того, чтобы совсем оттеснить баронов, прекратить их произвол, а еще меньше — получить всецело обратно экспроприированные ими королевские доходы. Нам известны его старания в этом направлении, но они не имели большого успеха. Ему довольно часто приходилось бороться с недостатком денег, с материальными трудностями. В такие времена случалось, что он возвращался к методам займов под залог имений, которые практиковались так часто при Сигизмунде, хотя в общем он стремился избежать таких сомнительных кредитных операций.⁷³ Случалось также, что он не мог выплатить жалованье солдатам. Но несмотря на это, солдаты все-таки оставались с ним. Они знали, что они получают свою долю и даже больше этого: после победоносных походов он всегда разделял добычу между ними. Бонфини рассказывает, что он в лагере Сехабеддина нашел столько драгоценностей, „что разбогател не только каждый из его витязей, но и их наследники“. Весьма вероятно, что он это имел в виду, когда он во время своих различных переговоров подчеркивал, что для начала международного похода (с целью изгнания турок) достаточно иметь в распоряжении трехмесячное жалованье, а остальное найдется у неприятеля.⁷⁴ Солдаты любили его и доверяли ему. Ранзанус пишет, что у Белграда сражались вместе с ним его старые витязи, которые явились туда по его призыву.

По нашему мнению, все вышесказанное в достаточной мере доказывает, что, во первых, наемный элемент являлся с самого начала решающим фактором в походах и в военно-организационной работе Гуниади и, во вторых, он стал таким же и внутри государственной военной силы во время деятельности Гуниади как главнокомандующего, и регента. Это утверждение доказывается не только уже приведенными, но и ниже следующими данными относительно значения наемных солдат. Но оно получает полное подтверждение, если мы исследуем, какую роль сыграли старые элементы военной силы в войнах Гуниади. Мы уже упомянули;

⁷² „Absente rege provinciam ut ajunt virga ferrea gubernavit, nec, dum rex adfuit, minor eo habitus fuit“ Europa I. глава. (*Teleki*, Hunyadiak kora, т. II. стр. 449., 1. примечание; он старается оградить Гуниади от „обвинения“ и не видит действительного смысла последнего).

⁷³ В 1450 году он, для финансирования похода против Гискра, закладывает на сумму в 1000 золотых г. Чонград, который он только что выкупил из прежнего заклада. *Károlyi-oklevéltár* (Архив Кароли), т. II. стр. 291.; в 1454 году он для защиты крепости Сёрень передал бану в Сёрень Петру Данчу в счет израсходованных 1500 форинтов, имения в комитате Темеш (Госархив DI. 44.271.); в 1456 году он предоставил своему кастеляну в Бестерце, в счет уплаты жалованья, участие в находящемся там имении с домами, виноградниками и участками под мельницами. (*Teleki Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 491.

⁷⁴ См. напр. *Fejér*, *Genus*, стр. 216—218.

что Гуниади не хотел исключить из боевого состава эти элементы, напротив, он всячески старался заставить их и дальше исполнять свои обязанности. В отношении к оставшимся элементам были приняты многочисленные решения в сейме, последовали строгие распоряжения. Однако, другим вопросом является, насколько они были исполнены.

В эти годы довольно часто призывалось дворянское ополчение. Под предлогом призыва на военную службу отсрочивались многочисленные процессы и по числу этих отсрочек можно было заключить, что дворянство, по крайней мере в критические времена (так например после падения Варны в 1445 году и Константинополя в 1454 году) действительно сражалось в рядах армии. Однако, даже и в эти критические времена, мы не можем найти надежного следа, указывающего на то, что дворянство действительно воевало с турками. В 1454 году было опубликовано особенно строгое постановление и Гуниади принимал все необходимые меры для его проведения, даже настолько, что не обращал внимания на освобождение от воинской повинности, выдаваемо королем. Так, например, в феврале (значит уже после опубликования строгого постановления), Миклош Варнаи был освобожден королем на один год от всякой воинской повинности, а особенно от призыва на войну против турок, так как он, якобы, занят обороной своих имений; тем не менее, мы встречаем его в августе в Бече, где он жалуется на „бистрицкого графа“, который приказал ему вступить в ряды армии; характерным для его боеспособности является то, что у него за несколько дней до срока вступления в армию еще нет никакого снаряжения: в письме брату он просит о присылке оружия.⁷⁵ Так могло случиться то, что ополчение, о котором было издано строгое распоряжение, несостоялось: в 1454 году Гуниади боролся против турок „со своей собственной ратью“, ⁷⁶ таким же образом он приготавливался в следующем году „cum nostris gentibus“ пойти в Молдавию, которой угрожали турки и которая была вынуждена платить ежегодную дань.⁷⁷ Дворянское ополчение было призвано также в 1456 году, когда султан угрожал „ключу страны“ Белграду. Но, как нам известно из описаний Яноша Таглиакоццои, а также других повествователей, дворянство не принимало участия в этом походе и осталось в стороне. Характерен тот обмен письмами, который имел место перед большой схваткой между Гуниади и трансильванскими саксонцами: 12 июня Гуниади, на основании объявленного ранее королевского указа, призывает саксонцев вступить в армию и направить к нему все конные и пехотные военные силы; 10

⁷⁵ Zichy-okmánytár, т. IX. стр. 422—423 и 461—462.

⁷⁶ „Personaliter cum gentibus nostris“, *Katona*, *Historia critica*, т. XIII. стр. 963—967., *Fejér*, *Genus*, стр. 202. прим.

⁷⁷ Történelmi tár (Исторический архив), 1901, стр. 182—183. В отношении событий в Молдавы см. *M. Costăchescu*, *Documente moldovenești nainte de Ștefan cel Mare* т. II. Бухарест, 1932. стр. 801., см. *Babinger*, *Cel dint i bir al Moldovei către sultan*. Сборник в честь Lăpedatu, Бухарест, 1936. стр. 29—37.

днями позже он вновь призывает их, угрожая обвинением в измене; 3 июля он опять им пишет, указывая на то, что их делегаты сами видели, что он уже находится в соприкосновении с неприятелем и просит их притти скорее, днем или ночью — однако, саксонцы не пришли.⁷⁸ Но они все-таки прислали своих делегатов, ссылаясь на то, что они должны оборонять границы Валахии, в то время как комитатские дружины даже этого не сделали.

От бандерии Гуниади также не получил значительной помощи. Когда под Белградом решалась судьба страны, все его оставили и он мог рассчитывать только на свои собственные силы. Когда весть о приближении турок распространилась по всей стране, король скрылся вместе со своим главным советником Циллей. „Он отправился на охоту и больше не вернулся обратно“ — писал о нем потрясенный папский посланник.⁷⁹ У Турочи мы читаем, что „знать как будто спала глубоким сном и не послала вооруженную помощь крепости, которая находилась на краю гибели“. Янош Таглиякоцци рассказывает, что из высшей знати явился на поле битвы только непосредственно заинтересованный мачонский бан Янош Короди, старый соратник Гуниади. Ни один барон не принимал участие в походах против турок в пятидесятых годах этого столетия. Раньше, перед поражением на Косово Поле, когда Гуниади еще находился на вершине своей власти и пользовался полным авторитетом, ему еще удавалось с трудом получить некоторую поддержку, но и тогда большая часть знати, особенно самые могущественные, отсутствовала. В этом отношении необходимо отнестись весьма критически к рассказам придворных повествователей, а также и к документам того времени, в которых прославляются заслуги знати: они специально изготовлялись по внушению заинтересованных кругов, отражали их мнение и часто противоречили действительности. Вследствие не критического отношения к таким документам, можно встретить в литературе, например, такие мнения, что в бою на Косово Поле „осталось на поле брани почти все венгерское дворянство, или же, по крайней мере, его отборная часть“.⁸⁰ Однако, в действительности в этом сражении участвовала только незначительная часть магнатов, исключительно одиномышленники Гуниади, так называемые „содлаты-магнаты“ (члены семейств, которые за боевые заслуги были приняты в дворянство), как например Янош Секели, Короди, Франко Таллоци. В стороне остались те дворянские семейства, а также и высшее духовенство, которые владели самыми крупными поместьями и в течение целых поколений занимали высшие посты в государстве. В „долгом походе“, в котором принимал участие и сам король, мы встречаем в его свите и нескольких

⁷⁸ *Teleki*, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 525, 526, 528.

⁷⁹ *Fejér*, Genus, стр. 222—223., см. Bonfini, т. III. стр. 8., Turóczy y Schwandtner т. I. (1765), стр. 422.

⁸⁰ *Teleki*, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 99., подобно *Hóman—Szekfű*, Magyar Történet (История Венгрии) 2-ое изд. т. II. стр. 440.

магнатов, но в походе на Варну и они отсутствовали (из участников этого похода нам известны, кроме двух епископов городов Эгера и Варада, только магнаты Франко Таллоци, Генрик Тамаш и Степан Батори). Уже современники отмечали, что бароны в большинстве случаев не желали нести тяжелое бремя походов. Так, например, в посвященной Гуниади эпитафии в стихах Тамаш Ниркаллои обвиняет баронов в том, что „они стали слабыми, благодаря своим злодеяниям“, заботятся только о своем животе „для защиты родины и народа зябнут итти в бой“. „Плачут Темешвар и Трансильвания, которые когда-то защищал щит Гуниади“, но с тех пор как он умер, турки свободно могут насильничать и грабить.“⁸¹ Существуют правда источники, например, среди повествований итальянских гуманистов, которые упоминают „воинственность“ венгерских баронов, но это относится скорее к внутренним сражениям и опустошениям (а отнюдь не к походам против турок), как это ясно видно по докладу папского легата из эпохи Матиаса, о котором мы уже выше упоминали.

Исторические источники, разрабатывавшие события в феодальном духе, исключительно доверявшие преданиям придворных писателей и умалчивавшие о вышеприведенных фактах, в общем, дают совершенно неправильную картину о „военных жертвах дворянства“ и о действительных компонентах армии Гуниади. В противоположность этому фактом является то, что параллельно все нарастающему значению наемников, бандерии, равно как и вассальные войска отдельных магнатов и дворянские ополчения комитатов, почти совершенно снимали с себя бремя ведения войны. Энергичные действия Гуниади, повторные постановления сейма, а также все усиливающиеся угрозы о наказании виновных не привели к улучшению положения. Напротив, все возрастающиеся репрессии (штрафы, угрозы потери гсловы и конфискации имущества) указывают на то, что на практике дворянству удалось сорвать все постановления сейма. И так как реализация репрессий всегда зависела от соотношения сил, на что мы уже указали, то и Гуниади даже на вершине своей власти был не в силах принудить большинство дворянства к участию в военных походах. Когда знать примирилась с тем, что Гуниади использует и остальные королевские доходы на развитие наемной военной силы, она под этим понимала то, что таким образом она освобождается от личной воинской повинности. В этом отношении характерно, что когда сейм в 1447 году расширил права регента на использование доходов, он одновременно ограничил их по отношению призыва дворянского ополчения.⁸² Ввиду все нарастающей опасности со стороны турок, магнаты разрешили

⁸¹ *Kovachich M.*, *Scriptores minores*, т. II. стр. 5.

⁸² *Kovachich M.*, *Sylloge decretorum*, т. I. стр. 116; *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 40—41., см. т. I. стр. 517. Регент теперь уже может без вмешательства так наз. регентского совета свободно использовать доходы от камер. Однако, как и бан Славонии, он имеет право призывать дворянское ополчение только в случаях крайней опасности.

использование доходов в случае крайней нужды и соглашались еще на взывание чрезвычайного налога с *крепостных*, но вступить *сами* против турок они были несогласны.

Это сопротивление несению тягостей войны отнюдь не означало, что они соглашались предоставить Гуниади свободу действий в области подготовки походов, а особенно в отношении организации армии. Мы уже видели, что бароны, сохраняя в силе свои „диспозиции“, желали и в дальнейшем иметь влияние на новые элементы в структуре армии. Поэтому Гуниади было необходимо не только бороться за обеспечение необходимых средств на создание наемной армии, но, весьма вероятно, в еще гораздо большей мере — за освобождение этой ценной части военной силы от влияния баронов. Бароны жаловались, ввиду этого мы считаем весьма возможным, что стремления Гуниади в этом направлении — если и не полностью, то во всяком случае большей частью —, имели успех. *Этим он заложил основы создания армии, которая, независимо от феодальных элементов, была в состоянии осуществить задачи турецкой войны и государственной централизации.* В противоположность последним утверждениям военной историографии XV века⁸³ мы, благодаря вышесказанному, с полным правом можем оценить Гуниади как новатора, даже если бы он не сделал ничего другого. Но как мы еще увидим, он создал и другое.

* * *

В войсках Гуниади в каждом решающем случае мы встречаем в большом количестве крестоносцев и народных ополченцев. Так, например; нам известно, что под Белградом военную силу против турок составляли преимущественно крестоносцы, не считая наемных войск Гуниади, пришедших на его зов старых соратников и бригады Короди.⁸⁴ Но и в прежних, менее известных походах под знаком креста, или без него, мы находим, наряду с регулярными войсками, народных ополченцев, так называемых „provinciales“. В 1442 году Гуниади призывает к оружию против Мезида, кроме секлеров (венгерская народность в Трансильвании) также и „крестьян и горожан“, таким образом, через несколько дней после поражения под Сентимре, собирается та армия, которая при поддержке попавших в плен к туркам „provinciales“, наконец одерживает победу. Против Сехабедина Гуниади подготовился таким образом, что кроме своих латников, численностью в три „легиона“, он опирался на „жителей и, главным образом, на секлеров“; благодаря последним его армия увеличилась прибли-

⁸³ *Tóth Z.*, A hadviselés átalakulása (Преобразование ведения войны). Magyar művelődéstörténet (Венгерская история культуры) под ред. S. Dománovszky, т. II. стр. 213.: „Оба Гуниади не были новаторами в военном деле“.

⁸⁴ Данные составил *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади) т. II. стр. 417—418., но он принимал во внимание некоторые источники сомнительного характера, например, данные из *Historia Foesensis* относительно 200 рыцарей Генрика Розенберга, на которые в других источниках ссылки нет.

жительно до 15 000 человек.⁸⁵ По данным Каллимаха и по источникам, в „долгом походе“ в 1443 году, как мы об этом уже упомянули, принимало участие значительное число крестоносцев, часть в качестве наемных солдат, а другая, большая часть, в качестве добровольцев. Среди них были чехи, поляки и „другие нации“. Впоследствии к ним присоединились сербы, боснийцы, валахи и по мере продвижения армии вперед и новые добровольцы из освобожденных от турок местностей.⁸⁶ Среди ополченцев находились также венгерские крепостные, которых Гуниади мобилизировал в предыдущем году: по его распоряжению поджупан комитата Арад, Михаил Доци выдал 9 февраля крепостным этого комитата — безразлично, где они живут — открытый лист в том, что если они присоединятся к „действующей всеобщей армии“, они свободно могут туда ехать.⁸⁷ Главная причина неудачи состоявшегося в следующем году похода на Варну заключилась именно в том, что численность армии была гораздо меньше, чем при наступлении в предыдущем году; ввиду полученных сведений о состоявшемся заключении мира, польско-румынские вспомогательные отряды отправились домой, венгерские ополченцы также разошлись и когда было принято решение о наступлении на Варну, уже не было времени к их новому призыву. Поддержка со стороны балканских государств также не последовала, частью ввиду заключения мира, частью же из-за других причин.⁸⁸

Кто были эти ополченцы? Вряд ли это были дворяне, т. к. они, как мы видели из ранее сказанного, старались избежать походов, особенно тогда, когда за это не получали денег. Ответ несомненен, хотя наши источники, под влиянием придворных дворян, вообще обходят молчанием происхождение этого элемента военных сил страны, но все же они ясно указывают на его состав. Бонфини, вне всяких сомнений, говорит в связи с событиями 1442 года, что кроме секлеров восстали и „крестьяне и дворяне“;

⁸⁵ См., главным образом, описание Бонфини, т. III. стр. 5: „paganos aequae ac urbanos omnes publico edicto militare imperat“; свое доверие он возлагает на „provincialibus et praecipue Scytulis“, см. Turóczy у Schwandtner, Scriptores т. I. (1765) стр. 407.

⁸⁶ См. письмо Гуниади, написанное им 8 ноября Уйлаки: „Армия растет с каждым днем, каждый день приходят к королю с полками болгаре, боснийцы, сербы“ *Katona, Historia critica*, т. XIII. стр. 251., *Fejér, Genus*, стр. 55.; состав армии освещает переписка Цезарини, см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 335. также *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1919, стр. 35—38.

⁸⁷ Вольную грамоту опубликовал сто лет тому назад *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. X. стр. 124., но литература не обратила на это внимания, даже автор не считал нужным отметить, что в данном случае речь идет об ополчении крепостных: в описании он только в общих чертах говорит об организации „бригад“ Гуниади. (Т. I. стр. 332., 2. прим.). Историки из дворянства стремились замолчать или же уменьшить роль крепостных солдат.

⁸⁸ Второй причиной беды была, как известно, неудовлетворительная деятельность папского венецианско-бургундского флота, который должен был препятствовать переброске войск султана, с другой стороны — предательство генуэзских горожан. В этом отношении нам более важными источниками являются: *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. I. стр. 412., а по отсылке домой крестоносцев, кроме Длугоса и Каллимаха см. у *Schwandtner, Scriptores*. Т. II. (1765) стр. 181,

арадский жупан выдает пропуск наемникам в 1 443 году. Точную ориентировку в этом отношении дает описание от 1 456 года Яноша Таглиакоцци, монаха-францисканца, который сам участвовал в вербовке крестоносцев. По этому описанию, „*все собравшиеся были выходцами из народа* — крестьяне, бедняки, сельские священники, студенты, странствующие монахи . . . Они были плохо вооружены и имели лошадей только для перевозки продовольствия . . . В большинстве случаев у них были сабли, дубины и пращи, как у пастухов, встречались у них также и самострелы, лук со стрелами и ружья с рогатком, свинцовые пули и железные крюки“. „*Крестьяне, земледельцы, мотвижники*“ — писал о них другой монах-францисканец Николай де Фара.⁸⁹ Туроци также подчеркивает народный, большей частью крестьянский состав армии. В Германии, в Польше и в Венгрии вербовки производились, главным образом, „среди крестьянских масс“ (*multam, maxime popularis conditionis plebem*). Очень многие пришли из Венгрии, а из Польши — 300 человек. Эта армия одержала победу над магометом-завоевателем, „который хотел властвовать над всей землей . . . победила крестьянская рука, более опытная в употреблении мотыги, чем оружия“.⁹⁰

„Здесь были представлены те слои общества, из которых 50 лет спустя Дьёрдь Дожа сформировал армию крестьянского восстания. Восставший народ был плохо снаряжен и только наскоро обучен. Но этот народ был полон решимости защищать свои бедные избушки от поджога, свою семью от рабства и свой скот от угона, он был полон решимости оборонять то, чем для него являлась родина в условиях феодального общества.“⁹¹ Эта масса „бедняков“ имела решимость и воодушевление для обороны родины, что, как мы видим, отсутствовало среди привилегированных „жителей страны“ (*regnicola*), которые эксплуатировали государство для своих личных выгод. Таким образом, под Белградом, составленная из крестьян, деревенской и городской бедноты, из плебейских элементов, собралась та огромная масса народа, которую современные источники оценивали в 30—40 и даже в 60 тысяч человек.⁹² Между ними были иностранцы и, кроме чехов, поляков, немцев и австрийцев, о которых упоминает Туроци, один из источников особенно подчеркивает храбрость отряда венских студентов.⁹³ Однако, большая часть иностранных крестоносцев опоздала.

⁸⁹ *Katona*, *Historia critica*, т. XIII. стр. 1078—1079.: „*omnes, qui convenerant, erant populares, rustici, pauperes, sacerdotes, clerici, scholares, studentes, monachi, fratres diversae religionis merciantes . . .*“ и также стр. 1097.: „*agricolae, fossores et aratores*“.

⁹⁰ *Schwandner*, *Scriptores*, т. I. (1765) стр. 438, 442—449. „*Qui solus cuncta terrarum orbi dcminari volebat . . . rusticanam per manum, quae potius sarculum quam arma tractavit, devictus est.*“

⁹¹ *Molnár*, *Ук. соч.*, стр. 288—289.

⁹² Цифровые данные составил *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 418.

⁹³ *Muratorì*, *Rerum Italicarum Scriptores*, т. XXIII. стр. 59; *Teleki*, *Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 437.

Главная масса их прибыла под Белград только осенью, вместе с армией короля и, оставшись без вождя, не выполнив свою задачу, вернулась оттуда домой.⁹⁴ Большая часть этой армии, сражавшейся с султаном, по сообщениям Турочи и Фара, собралась в Венгрии, главным образом, в южных областях страны.

Успехи вербовки литературные источники большей частью приписывают пламенным речам монахов-францисканцев, а особенно Капистрана. Но с этим мнением трудно согласиться. Только одна группа источников подчеркивает роль францисканцев, но эти источники, в конце концов, сводятся к одному, из которого они заимствовали эти вести, а именно к сообщению монахов, действовавших в непосредственном окружении Капистрана. Эти источники в интересах Капистрана и в других областях искажают действительные факты.⁹⁵ Путем сравнения и сопоставления данных из других источников мы получим совершенно другую картину. Вербовка шла медленно и в начале имела мало шансов на успех. Сам Капистран хотел начало года посвятить обращению трансильванских румын; 6-го февраля был объявлен крестовый поход в Буде, а в мае-июне едва ли были уже какие-либо результаты.⁹⁶ В том, что результаты запаздывали, большую роль играло то, на что особенно указывает один из современников — Ранзанус, а именно, что народ не понял итальянской речи Капистрана, а на слова переводчика не обращал внимания.⁹⁷ В середине мая число крестоносцев было еще настолько незначительно, что Гуниади отговорил легата выступать в пограничные провинции, потому что его армия настолько мала, что она только поднимет дух турок.⁹⁸ В середине июня в это дело вмешался Гуниади и предложил переместить центр вербовки на юг, потому-что там всегда легко можно уговорить людей на бой с турками.⁹⁹ После этого начался приток крестоносцев к Земуну; в начале июля первые отряды прибыли на 5 лодках, а Капистран тотчас-же должен был вернуться за новыми. Ясно, что перемена в делах вербовки находилась в тесной связи с вмешательством Гуниади. Народ пограничных

⁹⁴ *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 423., 453, 473—474.

⁹⁵ Напр. в связи с битвой на воде и направлением отражения решающей битвы см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 419—433. *Hedtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1913. стр. 578—583. — В связи с этим следует отметить много оспаривавшееся замечание Сильвиуса Энеаса: „Капистран презирал светскую роскошь, избегал развлечений, обуздывал желания тела, но не желание достичь славы“ *Hist. Bohem. LXV*; а также и *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 440; так как мы здесь не можем подробно обсуждать этот вопрос, только вкратце заметим, что мы и в другом отношении не согласны с распространенным в литературе мнением о роли Капистрана, идеализирующим его.

⁹⁶ *Fraknoi*, Ук. соч., стр. 93—96.

⁹⁷ *Schwandner, Scriptores*, т. I. (1765) стр. 645.

⁹⁸ *Történelmi tár* (Исторический архив), 1901. стр. 201—202. (Среди турок была распространена весть, что легат сосредотачивает большую армию внутри страны.)

⁹⁹ Там же, стр. 215—216. В этом духе уже раньше писал калочский архиепископ: Капистран теперь должен отправиться на юг, потому, что там результат обеспечен; в отношении дворянской дружины там-же, стр. 203—204. Теперь легат дает указание Капистрану: „Все должно быть так, как решит Гуниади“. Там-же, стр. 214.

областей, который в прошлом уже не раз боролся рядом с ним против турок, и на этот раз с радостью брался за оружие на его зов. Это конечно, не означает, что ополченцы из других частей страны не откликнулись бы на призыв в поход, а также, что энтузиазм крестоносцев и их волю к борьбе не усиливали проповеди монахов-францисканцев, в особенности; если эти говорили на их языке и оглашали отпущение грехов, так как в эту эпоху, когда „души масс питали исключительно религией“, религиозная подкладка, вероятно, действовала и была необходима. Но это не имело решающего влияния на ход событий. В 1442 году не объявляли ни паломничества, ни крестового похода, однако, ополченцы, „provinciales“, „pagani ас шћани“ все-таки сражались в армии Гуниади. Очевидно, это были те же самые „бедные люди“, которые сражались рядом с ним под Белградом. Крестьяне и плебейские элементы систематически поддерживали Гуниади в его походах, независимо от того, вербовали ли их францисканцы с обещанием отпущения грехов, или нет. Из этого следует, что кроме религиозной подкладки, их движение в 1456 году имело и другие мотивы.

По указаниям классиков марксизма-ленинизма, характер и цели войны определяют поведение воюющих народов. Когда народ ведет справедливую войну и когда цели войны совпадают с основными интересами народа, естественно, что тогда народные массы поддерживают войну и сражаются самоотверженно. Это объясняет участие масс из слоев бедноты венгерского народа в турецких войнах Гуниади. Эти войны и по своей сущности и по целям имели характер обороны, совершенно независимо от того, кто и когда их начинал и на чьей территории происходили отдельные военные операции. Они имели цель оттеснить турок, которые разрушали и опустошали страну, защитить Венгрию от нападения захватчиков, восстановить независимость угнетенных балканских народов и прекратить ту вечную угрозу, которая задерживала их национальное развитие. Это были войны за правое дело и служили насущным интересам, как венгерского, так и соседних с ним народов, так же как и те освободительные войны, которые вел русский народ в XII и XIV веках против завоевавших и разрушающих русскую землю татар. Венгерский народ, равно как и народы угнетенных балканских стран, как мы видим по событиям 1443 года, чувствовали это и именно поэтому их массы „поддерживали войну и участвовали в ней самоотверженно“. Естественно, что в первую очередь и наиболее решительно проявил себя народ южных окраин страны, во-первых потому, что он непосредственно чувствовал опасность, а во-вторых потому, что был более давно и более близко связан с Гуниади.

У нас имеются данные, согласно которым народ вдоль южных границ страны, еще до Гуниади, стремился с оружием в руках отражать нападения неприятеля. Однако, представители государственной власти до Гуниади никогда не давали ему возможность осуществлять это. Мы уже видели как сорвало дворянство закон об учреждении „земской рати“.

Еще в большей мере сопротивлялось оно ополчению крепостных крестьян и их вооружению в ширских размерах. Часто в исторических источниках мы встречаем случаи, когда псмешики при междоусобиях или в случае грабительских войн мобилизовали часть своих крепостных крестьян, но всегда только в форме дополнительных частей своего собственного войска и под контролем последнего, в большинстве случаев для вспомогательной службы. Это не представляло собой опасности для господствующего класса. Весьма другой оборот могла бы иметь мобилизация крепостного крестьянства целого комитата или целой части страны. В случае крайней нужды руководители южной пограничной обороны попытались сделать и это, но тогда они мобилизовали ополченцев только для вспомогательной службы и не дали им в руки оружия. Николай Македонский, например, одержал в одном случае победу над ворвавшимся с целью грабежа отрядом турок таким образом, что напал на них ночью, а одновременно крестьяне окружающей местности, снабженные барабанами и трубами, гнали свои стада с большим шумом на спящий лагерь.¹⁰⁰ Не было и речи о том, чтобы снабдить крепостных оружием или же систематически втягивать ополченцев в организацию обороны. Гуниади это сделал. Наряду с этим он занимался с ополченцами, учил их пользованию различного рода оружием, проводил упражнения в замкнутом военном строю и с передвижением войск в связном порядке, наступательные и оборонительные маневры по различным сигналам, одним словом, он стремился внушить им все то, что он усвоил из военной науки того времени.¹⁰¹ И то, что он имел успех в этом отношении, доказывают результаты его военных походов. В бою против Сехабединна, где в войсках Гуниади принимали участие, главным образом, ополченцы, было характерно то, что наряду с высшим подразделением военного строя бросалось в глаза хорошее согласование при передвижении войск. В одном тяжелом сражении „долгого похода“ решающую роль сыграла атака крестоносцев, которые спрятались в кустах и как раз в нужный момент напали на турок и своими длинными пиками пугали их лошадей. В сражении за Белград, несомненно, в первую очередь достойным удивления является отважное, геройское поведение ополченцев, но одновременно не подлежит сомнению и то, что бой на воде, оборона крепости и, наконец, победоносная вылазка были результатом не только мужества, но и хорошей организации и согласованности военных действий.¹⁰²

¹⁰⁰ Bonfini, т. III. стр. 3.

¹⁰¹ Согласно сообщению Яноша Таглиякоцци, *Teleki*, Hunyad'ak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 423—424., срав. Туроци: „cruce signatam quicque gentem, cum popularis esset conditionis, armaque vertere esset ignara... in quantum potuit bello adaptavit“.

¹⁰² Мы не можем согласиться с тем, что пишет З. Тот о народном ополчении в своем труде на стр. 216: „Этот слой общества мог быть храбрым и самоотверженным и таким и был, но в военном деле он мало что понимал и без дальнейшего развития и основательной организации он никогда не мог стать серьезным участником в сражениях.“ В отношении таких требований специальных знаний см. *Molnár*, Ук. соч. стр. 288.

Гуниади, таким образом, и тут оказался новатором. Это новаторство происходит непосредственно из потребностей южного фронта, из ясного осознания турецкого метода ведения войны, который требовал массовой мобилизации людей. Но на заднем плане выявляется то стремление Гуниади, которое уже наблюдалось в других областях, а именно: изменить характер организации армии, ее существенный состав. Судя по достигнутым результатам, он во всяком случае ослабил феодальный элемент в организации армии, сократил его относительный вес: он действовал в том же направлении, как и при развитии наемного войска, преследуя при этом цель централизации при вербовке наемников и ликвидацию влияния баронов. Следовательно, и с этой точки зрения, а не только из-за достижения непосредственной цели походов, нам необходимо в высокой степени оценить его деятельность, которая в значительной мере, наряду с большой практикой наемников, а также, как, например, под Белградом, с геройским поведением народных ополченцев, способствовала всемирно известной победе над турками.

Отношение Гуниади к народным ополченцам несомненно способствовало тому, что „бедные люди“ окружали его доверием и любовью. В связи с этим Туроци пишет, что когда он (Гуниади) был выбран регентом страны, народ, а не только „жители страны“, а именно „*cuncta Hungarici regni plébs*“ во всей стране торжествовал и ликовал. Эта любовь впоследствии распространилась и на его семью: не было случайностью то, что при казни Ласло в Буде, придворные люди боялись народного восстания, в первую очередь восстания рабочих виноградников.¹⁰³ Такое отношение народа к самому крупному помещику страны и к его семейству нельзя объяснить только тем, что в имениях Гуниади крепостные были в лучшем положении, чем в других имениях (это относится, например, к тому, что они имели право свободно передвигаться), повод к этому в гораздо большей мере кроется в общеизвестной борьбе, которую Гуниади вел с одной стороны против турок, а с другой стороны — за ограничение власти баронов. Почти весь народ знал об отдельных распоряжениях Гуниади в целях прекращения насильственных действий, для предотвращения задержки крепостных и их насильственного переселения, в пользу защиты порядка и судопроизводства в свободных королевских городах, против произвола высшей знати, наместника и верховного судьи. Но они также знали, что он борется за безопасность дорог, за прекращение опустошений и грабежей, против насилия высшей знати. Таким образом его поддерживали все те элементы, которые были в этом заинтересованы и видели в нем представителя своих намеченных целей. Особенно это

¹⁰³ *Teleki*, Hunyadiak kora (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 510., 516. (По Разанусу восстание вспыхнуло и было подавлено оружием). Относительно выбора регента см. там-же т. I. стр. 510, или же *Teleki*, Az országos tanács és országgyűlések története. (История государственного совета и сеймов в 1445—1452 гг.), Пешт 1859, стр. 40—42.

относится к крепостным, к бедному населению городов и деревень, которое больше всего страдало от беспрестанных внутренних войн, насилий и нарушений законов. Война против турок, усиленная защита государственных границ, следовавшие одна за другой победы — все это влияло в том же направлении. С определенной ясностью указывают на это современные писатели, а также тот доклад папского легата, который, исследуя соотношение сил в начале царствования Матиаса, усматривает главную опору королевской власти в том, что его отец сделал столь выдающиеся дела в борьбе против турок и что „поэтому весь народ и его любит“.¹⁰⁴

Таким образом, мы видим главную причину популярности Гуниади в том, что он в двух основных линиях своей политики: во внешней политике — в борьбе против различных проявлений феодальной анархии — преследовал цели широких народных масс, защищая их действительные интересы. Его популярность сказывалась и в том, что народные ополченцы всегда слушались только его и меньше или совсем не подчинялись другим. Этим и объясняется вначале безрезультатная вербовка для защиты Белграда, к которой после его вмешательства имела массовых успех.

Резюмируя, мы можем установить, что *Гуниади в своей военной политике против турок является носителем интересов народа, поэтому народ окружал его любовью и доверял ему и он мог положиться на активную вооруженную помощь со стороны народа.* На турецком фронте он развил народное ополчение в постоянный и значительный элемент военной мощи; этим он решил основную проблему войны против турок, которая требовала мобилизации больших масс; одновременно он сделал дальнейший важный шаг вперед в отношении удаления феодальных элементов из вооруженных сил, уменьшая и в дальнейшем силу их влияния.

* * *

Остается еще исследовать, какие дальнейшие изменения, благодаря изменившемуся составу армии, произошли в способе ведения войны. В связи с этим необходимо еще выяснить бесчисленные детальные вопросы. Здесь приводятся только некоторые, самые важные из них. Такими являются: новые рода оружия, ведение войны, основанное на расчлененном порядке и, наконец, проблема наступательной тактики.

В войсках Гуниади мы встречаем уже разнообразные виды оружия. Согласно описаниям Бонфини, он имел в 1442 году, кроме легкой и тяжелой кавалерии, всадников с самострелами, тяжелую и легкую пехоту (с копьями и стрелами), телеги нагруженные оружием. В 1443 году упоминаются, в отличие от обозных подвод, его боевые подводы и сопровождающая их чешская пехота. В 1448 году появляются, наряду с всадниками,

¹⁰⁴ „... multa egregia gessit pro regno contra Turcas — idcirco Mathias a populis amatur,“ *Kovachich M.*, *Scriptores minores*, т. II. стр. 29.

лучники, пехота с щитами, гренадеры, а также заграждения из повозок по „чешскому образцу“, различные военные орудия, мортиры и „зароботан“ пушки монтированные на подводы. В 1456 году встречаются и у слабо вооруженных ополченцев огнестрельные оружия и самострелы: баркасы, предназначенные для нападения на турок они наполняли большим количеством огнестрельного оружия и метательных орудий. Из новых родов оружия, которые находились в полном развитии в эпоху Матиаса, одновременно с баркасами появились и речные гайдуки.¹⁰⁵

Согласно вышесказанному мы видим развитие следующих родов оружия: тяжелая и легкая кавалерия, тяжелая и легкая пехота, боевые повозки, метательные орудия, артиллерия и речные гайдуки. Большинство из этих родов оружия находилось в стадии развития, их численные и структурные соотношения не освещаются историческими источниками. Весьма сомнительным является, имел ли каждый из этих родов оружия постоянные рамки, а если имел, то какой именно числительности. По всей вероятности, обозников и, возможно, и часть пехоты вербовали только в начале похода, а пополнение их производилось уже во время похода.¹⁰⁶ С другой стороны, из описаний сражений можно более или менее точно установить значение отдельных родов оружия и согласованность их действий. Для этого мы должны анализировать некоторые сражения Гуниади. При этом мы основываемся на его победе над Сехабеддином и на его поражении на Косовом Поле.

Султан поручил беглербеку Сехабеддину завоевать Валахию и Трансильванию и для этой цели предоставил ему соответствующее количество отборных войск, состоявших из румельского войска в полном составе, нескольких анатолийских дивизий, акинджиков и нескольких тысяч янычар. В сражении турецкий вождь применял обычную тактику: на середину он ставил янычар, по флангам — кавалерию и будучи уверен „в силе и быстроте своих войск“, он стремился сделать обход. В противовес численно превосходящему противнику, Гуниади старался придерживаться чрезвычайно расчлененного военного порядка и приказал своим солдатам ни в коем случае не нарушать этот строй. На середину он ставил пехоту, впереди — тех, кто вооружен тяжелым оружием, а позади лучников и копьеносцев, по обоим сторонам пехоты он сосредоточивал два каре тяжелой кавалерии. На флангах перед каре из тяжелой кавалерии разворачивалась легкая кавалерия и позади каре устанавливались самострелы и пушки, повозки формировались в заграждение. Наступление начала находящаяся в центре тяжелая кавалерия Гуниади

¹⁰⁵ В отношении речных гайдуков см. *Szentkláray, A dunai hajóhadak története* (История дунайских военных флотов), Будапешт, 1889, а в связи с остальным собранным источниками см. *Teleki., Hunyad-ak kora* (Эпоха Гуниади), т. I-II.

¹⁰⁶ *Tóth Z., Mátyás király idegen zsoldoserege* (Иностранное наемное войско короля Матиаса), стр. 99.

в направлении на янычар, находящихся в середине фронта турок, считывая, повидимому, на фронтальный прорыв. Латники убили большую часть янычар, но одновременно турецкая кавалерия оттеснила на флангах легкую кавалерию Гуниади. Последняя отступила за каре тяжелой кавалерии, которая приняла атаку более слабо вооруженной турецкой кавалерии и отразила ее. Тогда беглербек бросил в бой свои резервы; ему удалось отразить попытку Гуниади прорвать его фронт и даже оттеснить обратно его тяжелую кавалерию. Теперь Гуниади меняет свою тактику и дает приказ строю повозок (*catgorum agmina*), двигаться вперед, а с их бойцами (*essedariis*) он старается тайком обойти турецкие фланги. Обход удается сперва на правом фланге: на турок сзади падают снаряды, огненные стрелы и одновременно начинается новое фронтальное наступление. Фланг не выдерживает давления, обращается в бегство и тянет за собой противостоявший до сих пор другой фланг. Судьба боя решена, беглербек с остатками янычар спасается бегством.¹⁰⁷

К бою на Косовом Поле Гуниади готовился продолжительное время. Его приготовления замедлялись тем, что он не получил от римского папы ожидаемой помощи. Но и без этой помощи он завербовал большое число наемников, преимущественно опытных чешских и немецких солдат. Если он и не имел столько людей, как это приводится в балканских описаниях (Туроци приводит 24 000, Халкокондилас вдвое большее количество), но все же его армия была так велика, что султан счел нужным сконцентрировать против него свою военную силу.¹⁰⁸ Свое войско он хорошо вооружил; источники упоминают значительное количество огнестрельного оружия и боевых орудий. Для прислуги прикрытия он определил важные, самостоятельные задачи, как это явствует из его письма, которое он в конце июля написал совету города Пожонь (Братислава). В этом письме он говорит о необходимости скорейшего отправления подготовленных повозок, и мортир, так как турки, по его сведениям, хотят препятствовать переходу армии через Дунай, и поэтому является весьма важным, чтобы одновременно с повозками и боевыми орудиями, переправлялась паромами через Дунай и прикрывающая их пехота.¹⁰⁹

¹⁰⁷ *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1919. стр. 22 и след. Нашим главнейшим источником является Бонфини, который свои данные, как он это сам утверждает, получил от бывших соратников Гуниади. Но некоторые источники опровергают его описание, ссылаясь на то, что в теснинах Карпат не было возможности для таких передвижений войск. Но дело в том, что место боя является сомнительным, с другой стороны, ряды повозок в достаточной мере показали свою подвижность на тяжелых участках, например, во время походов гуситов в горных краях.

¹⁰⁸ Данные Халкокондиласа (*Corpus, Bonn.* т. 55.) подтверждаются и турецкими источниками, см. напр. *Thury, Török történetírók* (Турецкие историографы) т. I. стр. 23., 146. — Относительно остальных см. *Teleki, Hunyadiak kora* (Эпоха Гуниади), т. II. стр. 79; сборные источники, см. *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1913. стр. 571—578.

¹⁰⁹ *Thallóczy — Aldási, A Magyarország és Szerbia közötti összeköttetések oklevéltára* (Архив связей между Венгрией и Сербией), т. I. стр. 33, 377—378., *Hadtört. Közl.* (Военно-исторические сообщения), 1911, стр. 570.

Орудия и огнестрельное оружие выполняли в бою свою роль, с одной стороны, при отражении турецких атак, с другой стороны, в той ночной атаке, в которой Гуниади, видя неравенство сил, хотел неожиданно уничтожить турецкий лагерь.¹¹⁰ Военная сила султана группировалась в обычном порядке: в середине янычары, за ними укрепленный лагерь, на обоих флангах — румельская и анатольская дивизия, впереди — легкая кавалерия пограничных областей. Гуниади формировал по чешскому заграждение из повозок, сюда он поставил свою пехоту и боевые орудия, впереди них находилась посередине большая часть тяжелой кавалерии — по Халкокондилису, его „витязи“. По этой группировке было видно, что он и на этот раз хотел прорваться через середину; согласно турецкому Анониму, ему это и удалось, но сломанные ряды янычар не расформировались, они опять соединились за клином латников, придавили их к укрепленному лагерю и смяли их наступление. На флангах происходил бой с переменным успехом; некоторые турецкие отряды обратились в бегство, но после того, как прорыв на середину был отражен, они опять сформировались в боевом порядке и, подкрепленные резервами, перешли в новое наступление. Таким образом, дело дошло до той атаки, которую приняла, как стена, тяжелая кавалерия Гуниади, поддержанная боевыми орудиями. На ночь противник отшел в свой укрепленный лагерь, но бой орудий продолжался; тогда Гуниади предпринял свое уже упомянутое безуспешное нападение. На следующий день одержало верх превосходство сил; у султана были еще свежие резервы, а у Гуниади их не было; его солдаты не спали, ели во время боя, были усталы, ранены и под конец — может быть, только на третий день — они оставили поле битвы и предоставили победу противнику. Пехота, которая защищала повозки, сформированные в заграждение, устояла еще дальше и боролась до последнего бойца. После взятия этого заграждения султан из мести приказал разрубить на части всех раненых, но и его потери были так велики, что он не был в состоянии преследовать пораженного противника.

Из описания боя, который мы можем дополнить другим примером, выясняется, что Гуниади — по крайней мере, по сравнению с прежними боями —, придерживался усовершенствованного подразделения порядка боя. Основной частью его армии является еще тяжелая кавалерия; от ее атаки, от прорыва центра фронта турецкой армии он ожидает решения, исхода сражения; но операции тяжелой кавалерии еще дополняются согласованными операциями других родов оружия. Против Сехабединна решение исхода боя подготавливается обходным маневром боевых повозок. Перед Косово Поле переход через Дунай прикрывается пехотой, пово-

¹¹⁰ Попытку нападения упоминает Халкокондилас, относящиеся сюда ссылки встречаются и в других источниках, между прочим мы узнаем из одного письма Гуниади, что ночью происходил бой с „машинами.“

зками и орудиями. Пехота укрывается в „крепость“, образованную из повозок, по „чешскому образцу“, и борется еще тогда, когда кавалерия уже потерпела поражение. Огнестрельное оружие и боевые орудия участвуют как в наступлениях, так и в оборонительных операциях. Все это доказывает, что армия Гуниади, как в отношении многообразного состава родов оружия, применения новых средств войн — повозок, огнестрельного оружия — так и в образовании соответствующего нового метода борьбы достигла большого прогресса по сравнению с рыцарскими армиями и их методами борьбы, существовавшими на рубеже столетия. То обстоятельство, что решающим элементом борьбы все еще является тяжелая кавалерия, само по себе еще не означает отсталости: с одной стороны, в это время большей частью еще на всех театрах военных действий Европы положение было одинаковое (решающий поворот наступает лишь с расширением пехотных составов наемников типа ландскнехтов на исходе столетия и в начале следующего столетия), с другой стороны, тяжелая кавалерия Гуниади органически присоединяется к другим элементам военной силы и ее деятельность совсем нельзя считать аналогичной с действиями, присущими тяжелой кавалерии рыцарей предыдущей эпохи.

Ввиду отсутствия соответствующих данных, не представляется возможности точно определить методы ведения войны отдельными родами оружия. С уверенностью можно установить, что пехота наемников состояла из частей, вооруженных щитами, из лучников, копьеносцев, или же вооруженных ружьями, как и позже в эпоху Матиаса; по всей вероятности, они находили и соответствующее применение. В одном из своих писем Матиас пишет о методах борьбы пехоты, заключающихся в том, что тяжело вооруженная пехота с щитами образует нечто в роде оборонительной стены; за ними устанавливаются стрелцы с ружьями и легко вооруженная пехота — лучники, копьеносцы и самострельщики, чтобы в нужный момент перейти в наступление. Это школа гуситов, только с той разницей, что оборонительная стена повозок заменяется подвижной стеной людей; в противоположность обороне турецкой пехоты, она представляет наступательный род оружия; несомненно, это самый совершенный род пехоты, который мы можем наблюдать на южных театрах военных действиях до эпохи Гуниады.¹¹¹ Из всех сражений Гуниады нам известен только один, не подлежащий сомнению пример оригинальной тактики гуситов — наступательного выступления боевых телег, а, именно, уже упомянутого выступления в 1442 году; но, с другой стороны, очевидно, что и в последующие годы, не без причины, его сопровождали боевые повозки, хотя в нашем распоряжении не имеется данные об их активном участии. Необходимо отметить, что гуситский метод войны, после уничтожения революционного ядра движения, после сражения у Липан,

¹¹¹ Mátyás-Emlékkönyv. (Сборник в честь короля Матиаса) т. I. стр. 237., Magyar Művelődéstörténet (История венгерской культуры), т. II. стр. 228.

сам изменил свою первоначальную форму: бойцы старались приобрести рыцарские доспехи, так как с таким вооружением они легче могли найти себе место на международном рынке наемников. Большинство чешских наемников Матиаса воевало уже в латах. Параллельно с этим была упразднена система заграждений их повозок, одна часть повозок служила, помимо транспорта, в первую очередь, целям укрепления (не как оружие для наступления), а другая часть приравнивалась к первобытному типу, находившейся в стадии образования полевой артиллерии.¹¹² Эти два вида применения повозок мы встречаем в бою на Косовом Поле: Гуниади строит заграждение из повозок и на повозки устанавливает свои „сѣботан“-ы. О полевой артиллерии, можно сказать, мы ничего другого не знаем, кроме ее существования. В это время этот род оружия и на своей родине находился еще в очень примитивном состоянии; в армии Гуниади его можно рассматривать только как опыт, но, как таковой, он весьма примечателен.

На основании приведенных данных, во всяком случае, можно установить, что Гуниади в своей армии — как в отношении состава родов оружия, так и в создании соответствующих военных методов — широко реализовал тот опыт, который является результатом европейских, особенно гуситских способов ведения войны. Одновременно мы можем установить, что он отлично приспособлялся к специальным условиям турецкого театра военных действий, которые, например, требовали развитие легкой кавалерии. У Гуниади была легкая кавалерия, состав ее неизвестен, но можно предположить, что он развивал в ней знаменитую уже и раньше своей деятельностью в пограничных областях „сербскую“ кавалерию — предков гусар — и включил ее, как впоследствии и Матиас, в регулярный состав армии. Фактом является то, что легкая кавалерия в течение его военных походов уже сыграла большую роль, например, во время сербского похода, который кончился взятием в плен бека Фериза.¹¹³ Быстротой своих военных операций он также хотел соответствовать своеобразным требованиям турецкого театра военных действий, организация армии, вербовка и вооружение все еще требовали много времени, зато тем живее стало передвижение армии на марше. Особенно это бросается в глаза у армии самого Гуниади, у его так называемого „свободного военного народа“, так и при том войске из 10–12 тысяч человек, который при наступлении в 1443 году, двигаясь впереди королевских войск, сам провел большинство сражений; в этих сражениях большую роль играла быстрота, неожиданность и внезапность нападения, так, например, в военных действиях против Фериза, в которых Гуниади ночным переходом приблизил к неприятелю „лучшую часть своей армии“; Туроци образно описывает смятение турок; они, после того как рассеялся утренний туман, увидели войска и опознали грозные знамена Гуниади.

¹¹² Magyar Művelődéstörténet (История венгерской культуры), т. II. стр. 210.

¹¹³ Turóczy у Schwandlner, Scriptores т. I. 1765/ стр. 435.

Численному перевесу турецких войск Гуниади противопоставлял подразделение всенного строя и почти всегда с успехом, за исключением двух крупных поражений, когда против него находилось значительное превосходство сил. Однако, из источников видно, что он и в этих случаях причинял победителю такие большие потери, что последний не был в состоянии использовать свою победу. Вторым способом выравнивания сил, по отношению к численному перевесу противника, было фронтальное наступление ядра латников против отборных отрядов центра турецкого фронта. Тактической основой для этого служило правильное понимание того, что между отдельными турецкими отрядами в отношении выносливости и военной силы имелись громадные расхождения. Уничтожение ядра отряда могло иметь решающее значение для исхода боя: иррегулярные войска (а иногда, при Варне и Косово Поле, также и часть регулярного войска) уже при кажущемся неуспехе обратились в бегство. Своими фронтальными атаками, с целью уничтожения ядра отряда противника, Гуниади не хотел следовать старому боевому методу тяжелой кавалерии, но старался приспособливаться к своеобразным требованиям театра военных действий; если его наступление имело успех, он с уверенностью мог рассчитывать на победу; если это не удавалось, он старался (как, например, в бою против Сехабедина) неожиданным вмешательством других родов оружия внести смятение в ряды противника; а если ни один из этих методов не удавался (например, на Косовом Поле), тогда неизбежно решающее значение имел численный перевес противника.

Очевидно, уже современники заключили из наступательной тактики, что принципом борьбы Гуниади было: „победить или умереть“, или же, говоря словами Андрея Паннониуса „vincere aut mori“. Однако, это не выражает сущности, более того, само по себе это не соответствует действительности. Гуниади применял атаки сокрушающей силы, которые в то же время ставили судьбу боя на карту, но не из самоцельных причин, а ввиду тактических соображений. Тактика должна была приравняться к задаче, а последняя требовала задержки турок и их возможного отступления. Количественно меньшая армия могла решить эту задачу только тогда, если она разведала слабые стороны противника. А такими были, как мы это видели, большие расхождения в боеспособности отдельных компонентов турецкой армии, что Гуниади сознательно стремился использовать своими атаками, целью которых являлось уничтожение ядра неприятельской армии. Эта его тактика ясно освещается, наряду с его походами, также и в его речи, которую он держал на заседании военного совета перед боем под Варной. На этом заседании многие выступали за отступление, некоторые — за ожидание возле заграждений из повозок. Гуниади указал на невозможность осуществления этих планов и предложил наступление, так как, по его мнению, согласно описанию Каллимахуса: „Успех — это быстрота, нужно иметь отвагу и действовать —

это устрашает такого врага". Бонфини пишет, что именно устрашение врага являлось основным принципом Гуниади: „Следуя учению Юлия Цезаря, он был того мнения, что всегда необходимо *устроить врага стремительностью и отвагой*".¹¹⁴ Кроме стремительных, внезапных операций, этой цели служила также и фронтальная атака, все эти действия; основанные на глубоком знании слабых мест турецкой армии, правильной оценке соотношения сил, преследовали цель тактически обоснованного устрашения врага.

Из писем Гуниади становится ясным его основной принцип ведения войны, к которому относится и вышеупомянутая теория „устройства", а именно: от простой обороны необходимо перейти в наступление и всегда стараться перенести театр военных действий на территорию врага. „Будем ли мы победителями, или побежденными, враг всегда здесь — пишет Гуниади перед боем на Косовом Поле — он всегда нападает на соседей, возбуждает их к бою; мы решили *лучше сами наступать, чем выждать наступление врага*: лучше мы начнем войну, чем нас заставят ее принять".¹¹⁵ По сравнению с оборонительным устройством эпохи Сигизмунда, ведение войны Гуниади имело наступательный характер. Это не касается по существу оборонного характера самой войны, того факта, что война велась против турецкой агрессии, в интересах защиты границ, для защиты национальной независимости угнетенных народов. Оборонительные укрепления предыдущих времен оказались недостаточными по отношению к туркам; Гуниади осознал это и сделал соответствующие заключения: „*Враг всегда готов наступать, против его опустошительных вторжений нельзя в достаточной мере защитить даже границы, если мы не навестим его в его собственной берлоге*", выждать — это значит дать ему в руки инициативу — пишет он в своем письме от 24 июня 1449 года.¹¹⁶ Следовательно, он осознал тот факт, который нашел неоднократно подтверждение в последующих боях, а именно, что наступлению турок можно противодействовать только контр наступлением, т. е. наступление является условием успешной обороны. Сознание этого привело в дальнейшем к разрешению второго решающего фактора обороны, а именно, к вооруженному объединению с другими народами, находящимися в непосредственной опасности. Мы уже упомянули о том, что основной ошибкой оборонительных планов Сигизмунда являлось то, что он не включал в них соседние народы и предназначил их территории для театра военных действий. Гуниади хотел помочь этим народам и тем

¹¹⁴ „... cum audacia et temeritate, e Julii Caesaris instituto, deterrendum semper hostem esse arbitretur“ Bonfini т. III. стр. 7. (Возможно, что Гуниади и знал Цезаря, но его точка зрения, очевидно, определялась не этим, а требованиями театра военных действий.) Описание Каллимахуса военного совета в Варне, *Schwandtner, Scriptores* т. II. (1765), стр. 192.

¹¹⁵ *Epistolae Johannis de Zredna* стр. 52.

¹¹⁶ Там-же, стр. 63. срв. стр. 50: „Победа благоприятствует тому, кто навещает врага на его собственной земле“.

самым создать основу для объединения балканских народов в войне против турок. Опыт показал, что югославы, румыны и албанцы согласились бы с этим, но действительно объединиться, оказать активную помощь, они могут только в том случае, если сражения происходят не на Дунае, а на Балканах. Осознав это, Гуниади получил более, чем кто-либо глубокое представление о сложных и трудных условиях успеха войны против турок; при оформлении своей тактики он учел, каким образом находящиеся в его распоряжении силы лучше всего могут послужить основным намеченным целям. Наряду с бесчисленными частичными успехами, многие достигнутые крупные результаты подтвердили правильность его образа действий. Он защитил границы, оттеснил турок, сделал возможным совместные действия. Ни он, ни его армии не были виноваты в том, что не удалось прочнее укрепить и последнюю долю успехов; кроме других причин ответственность падает, в первую очередь, на внутреннюю подрывную работу оппозиции баронов.

Таким образом, мы можем установить, что армия Гуниади в *методах ведения войны*, как и в отношении *состава родов оружия*, по сравнению с теми обстоятельствами, которые имели место на рубеже этого столетия, *достигла значительного прогресса*; Гуниади широко реализовал опыт развития европейских, главным образом, чешских методов ведения войны и создал новую тактику, основанную на взаимодействии различных родов оружия; эта тактика соответствовала характеру турецкой войны и ее своеобразным требованиям, которые Гуниади ясно осознавал.

После всего вышесказанного мы можем дать ответ на вышеупомянутые вопросы. В начале XIV столетия венгерская военная сила, вследствие своего феодального характера, не была пригодна ни для борьбы против турок, ни для исполнения задач централизации. Реформы Сигизмунда также не принесли существенных изменений. Зато мы видим значительные изменения в эпоху Гуниади, который осознал, что существенная реформа вооруженных сил осуществима только в связи с ограничением власти и влияния баронов. В противоположность Сигизмунду, он провел свои новшества в этом направлении, с тем результатом, что внутри вооруженных сил не только стали преобладать прогрессивные элементы над феодальными, но во время военных походов наемные отряды и поддерживающее их народное ополчение были подчинены ему, как представителю центральной власти, а не подлежали больше влиянию баронов. Таким образом в военных силах образовалось то ядро, которое при соответствующем дальнейшем развитии могло сыграть выдающуюся роль в разрешении военных задач, связанных не только с турецкой войной, но и с централизацией. Одновременно с новыми элементами армии появляются или начинают развиваться новые рода оружия: так, например, особенно проявившая себя в сражениях с туркам легкая кавалерия, указавшая путь дальнейшего развития ведения войны наступательная

пехота; систематическое применение новых достижений военной техники — заграждения из повозок и пушки и огнестрельные орудия, до того появлявшиеся лишь кое-где. Таким образом, эта армия, если и не численно, то по своему разделению и своей правильной тактике, приспособленной к требованиям театра военных действий, стала способной для достижения значительных результатов, несмотря на превосходство сил турецкой армии.

Организационной работе Гуниади всячески препятствовали бароны, опасавшиеся за свою власть, и дворянство, не желавшее принимать участие в войне. Тем более воодушевленное его поддерживали „бедные люди“, широкие массы трудящихся. *В главных линиях своей политики — как внешней, направленной к оттеснению турок, так и во внутренней, направленной на ограничение власти баронов — Гуниади выражал основные интересы венгерского народа. Его война против турок была справедливой войной: он защищал родину и народ против опустошающего и разрушающего все агрессора и помогал балканским народам, вынужденным платить дань, в их борьбе за свою независимость. Поэтому не только венгерский народ, но и все другие народы юговосточных стран сплотились вокруг него. Сплоченность угнетенных народов, активная поддержка венгерских трудящихся масс, наряду с его способностями полководца и боевым опытом его наемных солдат — вот истинная основа успехов Гуниади.*

Л. ЭЛЕКЕШ

(Перевод из венгерского. Оригинал: *Etelekes Lajos*,
Hunyadi hadserege. Журнал Század.k. 1950 г.)

СРАВНЕНИЕ ВЕНГЕРСКИХ ЗАКОНОВ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ 1849 И 1868 гг. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ИСТОРИИ

Последним значительным законодательным актом сегедского сейма 1849 года было принятие им 21 июля закона о национальностях. 28 июля 1849 года закон был утвержден национальным собранием. Таким образом, этот закон вступил в силу в такой момент, когда уже практически не мог влиять на исход нашей национально-освободительной борьбы. Если мы хотим оценить его историческое значение, то в первую очередь наше внимание привлекают события, предшествовавшие его созданию. Эти события, по существу, ни что иное, как попытки разрешения национального вопроса. Это были особые усилия, направленные на прекращение братоубийственной войны и на облегчение сближения между борющейся за свою независимость венгерской нацией и национальностями, жившими на территории тогдашней Венгрии и также искавшими разрешения своей национальной независимости; в 1849 году эти усилия становились все более значительными.

Продвинуться вперед можно было лишь по пути совместной борьбы. Однако, закон о национальностях 1868 г. детищем не борьбы, а компромисса. Именно теперь, в связи с 100-ой годовщины закона 1849 г., очевидна необходимость сравнения двух законов и их историческая оценка.

Однако, для этого мы прежде всего должны поставить вопрос: соответствовал ли — хотя бы в некоторой степени — тот или другой закон тем задачам, разрешение которых было поставлено на повестку дня развитием материальной жизни общества. Другими словами, был ли способен тот или другой закон помочь развитию прогрессивных сил, прогрессивных классов общества, был ли он способен облегчить или затормозить их борьбу против отживших, отмирающих сил общества.

Однако, нельзя рассматривать этот вопрос изолированно, только с точки зрения внутреннего развития Венгрии, потому что он был тесно связан и с развитием рождавшихся соседних наций. Но даже и так, вопрос не был бы оценен нами правильно, если бы мы не смотрели на него, прежде всего, с точки зрения развития демократических сил Европы.

Как известно, венгерская революция и национально-освободительная борьба 1848—49 гг. имели с точки зрения Европы положительное значение, так что попытку соглашения с национальностями также нужно оценивать в первую очередь с этой точки зрения.

Далее, что касается закона о национальностях 1868 г., мы должны исследовать, какую роль играла Венгрия в Европе после австро-венгерского соглашения 1867 г. Была ли она опорой демократических сил или же подготавливала формирование, укрепление империалистических групп?

В Европе 1848—49 гг. прогрессивные силы общества многих стран боролись за свое быстрое буржуазно-демократическое преобразование против реакционных сил, сохранявших феодальные и полуфеодальные отношения. На повестке дня стояло формирование независимых, единых национальных государств, — не только в Италии и Германии, но и в Польше, такая же тенденция проявлялась и у наций и национальностей, живших на территории Габсбургской монархии, даже Турции. Феодальные и полуфеодальные отношения, благоприятная для них территориальная раздробленность и оковы абсолютистских монархий — это было пережившее себя, но не желавшее умирать по доброй воле окостеневшее старье, которое революционным силам нужно было разбить, чтобы оно не могло продолжать препятствовать развитию производительных сил, полному формированию новых общественных классов и в конечном счете — развертыванию борьбы буржуазии и пролетариата. В то же самое время, однако, в двух наиболее развитых национальных государствах Европы рабочий класс находился уже в состоянии открытой революционной борьбы с буржуазией — в Англии чартисты, во Франции пролетарии Парижа, баррикадные борцы июнского восстания 1848 года.

В этой обстановке решающее значение имело то, будет ли многонациональная монархия Габсбургов и дальше играть роль пресловутого „баланса“, которая свои собственные экспансивные стремления противопоставляла экспансивным стремлениям царизма таким образом, чтобы монархии и их правительства всегда могли заключать компромисс между собой. Такой компромисс, в котором принимались во внимание интересы господствующего класса то Англии, то Франции, то обеих этих стран, но который всегда был в ущерб балканским народам, Польше и даже итальянскому народу. Вопрос следовательно стоял так: сохранится ли эта крепость реакции в интересах всех угнетавших народы держав, или же место займет баланс совершенно нового характера — государства свободных наций, завоевавших свою независимость, такие государства, общественная и политическая структура которых пригодна для ускорения капиталистического развития и для того, чтобы рабочий класс, уже выступивший наряду крестьянским, плебейским крылом демократии, все больше развертывался и, ведя свою классовую борьбу, быстро двигал вперед историю.

Общеввропейское значение венгерской освободительной борьбы прежде всего состояло в том, что, разрушая своими ударами здание главного оплота европейской реакции — монархии Габсбургов, она попадала в органическую связь с формированием будущего Европы, с вопросом исхода европейской революции. Во-вторых, ее значение состояло в том, что с осени 1848 года, когда реакция в Европе уже взяла верх, но силы демократии были еще боеспособны, боровавшаяся за свою свободу Венгрия была тем исходным пунктом, откуда боровшиеся за свою свободу народы, нации могли ждать новой революционной волны.

Маркс и Энгельс именно так, с точки зрения европейской революции и прогресса высоко оценивали нашу освободительную борьбу — она поддерживала борьбу прогрессивных сил общества против сил реакции.

Но при этом мы должны отметить, что революция в Венгрии и ее борьба за независимость именно потому, что она хотела ликвидировать абсолютизм и феодализм созданием независимого венгерского государства, по своей внутренней направленности совпадала с общедемократическим развитием.

Однако, вопрос о победе или поражении освободительной борьбы переплетался с вопросом об отношениях между венгерской нацией и национальностями, жившими на территории тогдашней Венгрии, и вследствие этого — с судьбой народов Балкан, стремившихся к национальной независимости.

История открывала перед ними две перспективы: остаться попрежнему сторонящимися друг друга, ссорящимися между собой национальностями под ярмом врага — монархии Габсбургов — или же венгры и словаки, румыны, сербы и хорваты объединятся для общей освободительной борьбы в интересах достижения своей независимости. В соответствии в этом уже в 1848 году проявились две тенденции. Однако, тенденция к прекращению братоубийственной борьбы, стремление к сближению и к заключению союза получили значение лишь в 1849 году. Это произошло тогда, когда исторический опыт уже показал самым прогрессивным деятелям наций, которым угрожала общая опасность, те внутренние связи, которые были глубже любых национальных противоречий: то, что основой их общих несчастий, отсталости их экономического, общественного развития и происходящих отсюда их раздоров, является в первую очередь зависимость от Австрии.

Ввиду того, что в первую очередь попытка соглашения 1849 года была важной в европейских масштабах, а также для будущего всех наций и национальностей габсбургской монархии и соседних балканских народов — события, предшествовавшие сегедскому закону о национальностях, нужно оценивать в первую очередь с этой точки зрения. Ниже мы кратко охватываем некоторые выдающиеся и решающие моменты попыток согла-

шения, служивших предметами сложных и разветвленных переговоров; которые затем привели к созданию закона о национальностях 1849 г.

* * *

Два первых значительных этапов попыток соглашения приходится еще на 1848 года. Первый — это „Проект закона о трансильванских румынах“, разработанный Комиссией Унии¹ при венгерском национальном собрании. Однако, этот законопроект хотел сделать уступки лишь в отношении языка, таким образом, чтобы наряду с официальным венгерским языком, там, где на совещаниях местных властей „румыны принимают участие в большинстве“, дал возможность применять румынский язык и писать выдержки из протоколов на румынском языке. Этот законопроект предусматривал определенные уступки и в отношении языка обучения. Однако, в решающих вопросах — поднятых балажфальвскими² пунктами от 16 мая 1848 года, по существу, как требования *национального равноправия, территориальной автономии и права на самоопределение*, — работа Комиссии Унии не принесла еще никаких результатов.

Из 16 пунктов балажфальвских решений, в соответствии с вышесказанным, особенно большое значение имеют первый и последние два пункта. Официальная историография почти целого столетия, занимавшая отрицательную точку зрения по отношению к этим законным желанием приводила в качестве предлога возражение, что это было бы ни что иное, как требование признания четвертой сословной нации „*Supplex libellus valachorum*“ 1791 года в то время, когда речь шла именно о ликвидации сословности. В этих случаях особенно любили ссылаться на Миклоша Вешшелени, который на заседании трансильванского сейма 29 мая 1848 года указывал на то, что на основе унии новая конституция и так обеспечит каждому гражданину личное равноправие, независимо от его родного языка, и религиозной принадлежности и поэтому для объявления унии не нужно признать румын четвертой, законной нацией. Но дело в том, что:

Во-первых, в противовес четвертой нации „*Supplex libellus*“-а, который исключал румынских крепостных из пользования политическими и гражданскими правами, то есть в действительности, являлся требованием признания сословной нации, *15-ый и 16-ый балажфальвские пункты являются ни чем иным, как охватывающим все классы буржуазно-демократическим выражением национального равноправия и полного самоопределения.*

¹ Речь идет о комиссии, оформленной для проведения унии между Венгрией и Трансильванией.

² Трансильванское село Балажфальва (по румынски Блаж) было политическим и культурным центром национальных стремлений трансильванских румын, где 16-го мая 1848 г. на массовом собрании обсуждались национальный и крестьянский вопросы.

Во-вторых, позиция Вешшелени вытекает из двойственного классового характера (позже мы еще вернемся к этому) всего руководящего класса революции 1848 года — либерального дворянства, что проявлялось тогда во всем национальном вопросе. Позже, официальная венгерская историография, служа венгерскому господствующему классу, идущему по прусскому пути капитализма, уже совершенно сознательно использовала аргументацию Вешшелени для того, чтобы под либеральными фразами спрятать шовинизм, — свой и своих хозяев. В противовес этому приведем факты, с одной стороны — 15-ый и 16-ый балажфальвские пункты и с другой стороны — по существу крестьянско-демократический характер балажфальвского собрания.

15. „Румынская нация желает, чтобы для Трансильвании конституционным собранием трансильванских наций была изготовлена новая конституция, которая должна основаться на принципах справедливости, свободы, равенства и братства; чтобы на основании всех этих принципов были разработаны новая законодательная, уголовная, торговая и т. д. системы.

16. Румынская нация просит, чтобы данные нации не подвергали обсуждению вопрос об унии с Венгрией, пока румынская нация не будет в качестве конституционной нации представлена в сейме с совещательным и решающим голосом; в противном случае, если сейм Трансильвании все же вступил бы в обсуждение по вопросу унии без нас (*de nobis sine nobis*), то румынская нация торжественно заявит о своем протесте.“¹

Здесь решающим является именно то, что *это решение было вынесено грандиозным массовым собранием, в огромном большинстве состоящим из крепостных*. Появление его депутатов — даже если они в большинстве своем и состояли из представителей интеллигенции — в трансильванском сейме 1848 г. трех сословных наций означало бы, что *народное представительство проникало бы в это эксклюзивное собрание*. А представители сословий, заседавшие в Ключе, хотели воспрепятствовать именно этому. Их позицию, занятую против права румынского народа на самоопределение, ее классовый характер мы еще лучше осветим, если добавим, что в этом последнем трансильванском сейме, который был создан в мае, то есть значительно позже после мартовских законов, венгерские и секлерские крестьяне также остались без народного представительства. Это был еще истинно сословный сейм.

Крестьянско-демократический характер балажфальвских решений прекрасно подчеркивается особенно 3-им и 11-ым пунктами. Эти пункты содержали требование безвозмездной ликвидации феодальных повинностей, а также возвращения тех земель и высокогорных угодий, которые были

¹ *Papp Dénes, Okmánytár, 'Magyarország függetlenségi harcának történetéhez.* (Сборник документов к истории борьбы Венгрии за независимость). Пешт, 1868 г. Т. 1, стр. 121.

отобраны у румынских крестьян привилегированными саксонскими городами.

Национальное равноправие, территориальная автономия, а также в связи с этим — освобождение крепостных и разрешение земельного вопроса — вот каковы были те требования, которые весной 1848 года вообще выдвигались на разных собраниях национальностей, вместе с требованием свободы пользования языком, как программные пункты демократического крыла национальных движений. Выполнение их укрепило бы демократические течения национальных движений и поставило бы массы на сторону венгерской освободительной борьбы — а не на сторону Вены, лишь всегда и все обещавшей. Однако, либеральное дворянство выступавшее в роли революционной буржуазии, и даже радикальная интеллигенция, большая часть которой была дворянского происхождения, вследствие своего классового положения не могли понять эти вопросы и в течение следующего года даже лучшие их представители лишь медленно начали менять свою точку зрения. Причиной этого является с одной стороны то, что либеральное дворянство, включавшееся в товарное производство и поэтому в определенной мере заинтересованное в формировании буржуазных отношений, но в то же время имевшее поместья, не было способно к радикальному разрешению аграрного и крестьянского вопросов. Национальный вопрос вообще, а в данном случае особенно тесно связывался с крестьянским вопросом. С другой стороны, из-за того, что они были товаропроизводителями, эти либеральные дворяне вместе с независимостью страны хотели обеспечить себе единую экономическую территорию с единым языком, и поэтому они резко противостояли территориальной автономии. *Это двойственное классовое положение, этот одновременно буржуазный и дворянско-помещичий характер их классовых интересов своеобразно отражался в их идеологии.* Находясь в некоторой степени в плену старых сословных понятий о нации, согласно которым одно лишь дворянство составляет венгерскую нацию, они согласовывали свои взгляды с либеральными идеями французского национального государства и таким образом намеревались „включить в крепость конституции“ всех жителей страны, обеспечив им определенное равноправие, независимо от языка и религиозной принадлежности. *Так сословное пристрастие объединялось в них с нетерпимостью буржуазного национализма.* Поэтому они не видели или долгое время не хотели видеть, что они живут в многонациональном государстве, где границы венгерской нации не совпадают с государственными границами, и следовательно, обеспечение личного равноправия недостаточно без признания полного и действительного национального равноправия.

Определенным шагом в направлении понимания этого явился проект мирных переговоров, составленный Оборонным Комитетом 23 ноября 1848 года и переданный правительственным уполномоченным Бёти патри-

арху Раячичу —, а к сожалению, не демократическому крылу сербского движения. В этом проекте часть крестьянства, несущая пограничную службу была вновь обеспечена специальным пунктом о том, что она становится свободным владельцем своей земли. Если бы это требование было осуществлено весной 1848 года, то пограничники встали бы на сторону не австрийского главнокомандования и венского „Кригсрата“, препятствовавших их свободному владению землей, а на сторону венгерской революции и ее правительства. Важным моментом в миссии Бёти являлось то, что правительство дало ему указание, согласно которому он в случае необходимости во время переговоров мог сделать следующую уступку: „Принимая во внимание желанья сербского народа, правительство и национальное собрание соглашаются на то, чтобы Славония и славонский пограничный округ избрали бана из своей среды с такой же компетенцией, какой пользуется хорватский бан...“²

Как известно, эта попытка, направленная на такое частичное удовлетворение требований территориальной автономии, не смогла быть обсуждена из-за отрицательного поведения Раячича.

Попытки заключения мира и переговоры, направленные к соглашению, по-настоящему приобрели значение лишь весной 1849 года. Поскольку с законом о национальностях от 1849 года теснее всего связаны румыно-венгерские переговоры, здесь мы прежде всего должны коснуться проекта, известного под названием „*projet de pacification*“, который был подготовлен Казимиром Баттяни в результате переговоров Кошута—Драгоша—Балческу—Аврама Янку. Этот проект умиротворения по времени ненамного опередивший закон о национальностях от 1849 года был с ним тесно связан, и по существу, значительно даже перегнал его.

Обстоятельства, предшествовавшие рождению проекта коротко следующие: после поражения революции во Валахии, ее демократические руководители, бежавшие в Трансильванию, трудились во главе с Николаем Балческу над примирением румынского и венгерского народов. К этому же стремились и румынские депутаты венгерского национального собрания, в том числе и Янош Драгош, честное предложение которого Кошут принял и поручил ему в качестве посредника ехать к Авраму Янку. 26 апреля 1849 года Кошут направил депутату Драгошу письмо, послужившее исходным пунктом для переговоров с Янку. В этом письме Кошут от имени венгерского правительства предусматривал уступки, которые превосходили все до сих пор сделанные в области языка, однако, о вопросе территориальной автономии, которая, по его мнению, означала бы раздробление страны, он по-прежнему не хотел и слышать. Очень важной является заключительная фраза письма, которая объявляет для обоих

² *Thim József, A magyarországi 1848—1849-i szerb felkelés története.* (История сербского восстания в Венгрии в 1848—49 гг.) Т. III, стр. 212.

нраодов вопросом жизни и смерти совместную борьбу за национальную независимость.

„Наше оружие победоносно продвигается вперед, наемники вероломного тирана биты, столица находится во власти нации, я желаю — как можно скорее увидеть румынские батальоны в рядах доблестной венгерской армии не в качестве принуждаемых новобранцев, а добровольцами, борющимися за общую свободу; на этом пути каждого верного бойца ждет благословение Родины, слава и свобода; там, где они борются сейчас, у них нет других возможностей кроме бесславной смерти или же, после того, как их использовали — печальное рабство, которое будет сопровождаться проклятиями последующих поколений“.³

История миссии Драгоша общеизвестна, поэтому мы только ради полноты изложения вкратце перечислим события: 4 мая 1849 года Драгош уже вел в Абрудбана переговоры с Аврамом Янку, на следующий же день моцы^{2а} на огромном митинге в Топанфалва преслишали письмо Кошута, зачитанное в румынском переводе. Вооруженные румынские крестьяне с радостью приняли протянутую им руку примирения и встали на сторону соглашения с венграми. В это время, однако, Хатвани, майор вольного отряда, личность сомнительного характера, карьерист, вместе со своими людьми двинулся против Абрудбани, где Драгош и Янку продолжали переговоры. Янку услышав вест о приближении Хатвани, думал, что Драгош его предал, поэтому он оставил Абрудбаню и сконцентрировал свои войска в горах. Войска Хатвани врываются в Абрудбаню, провоцируют румынское население и казнят много людей. 9 мая Янку нападает на город и его возмущенные солдаты убивают Драгоша, считавшегося предателем. Но в это время нить оборвавшихся переговоров берет в свои руки уже никто иной, как великий румынский демократ, Балческу. В середине мая он устанавливает связь с Бэмом, а затем по его совету связываясь с самим Кошутым, уезжает в Дебрецен. Зедь он написал уже письмо, посланное 29 мая 1849 года Йону Гика,

В письме, между прочим, писал:

„Уже три дня я зедь. На следующий день после приезда я в течение двух часов совещался с президентом Л. Кошутым. Я остался очень доволен им и приемом оказанным мне. Он кажется не только просвещенным и выдающимся человеком, но и *homme de bien* (честным человеком). Я не могу подробно рассказать тебе, о чем мы говорили, потому что мне не хватает времени. Достаточно сказать — что касается нас — он полностью

³ 1848—49. *évi iratok a nemzetiségi megbékélééről* (Документы 1848—49 гг. о примирении национальностей.). Будапешт, 1948. стр. 168. (характерно, что Бенедек Янчо, в третьем томе своего труда „История румынских национальных стремлений“ (стр. 731—733) публикует правду, значительную часть письма, но заботливо выпускает из него последнюю фразу.

^{2а} „Моцами“ назывались румыны, проживающие в горных районах Трансильвании.

соглашается с мыслью о конфедерации и с радостью принял к сведению создание легиона.“ „Как видно, правительство довольно благожелательно относится к трансильванским румынам. Оно в удовлетворительной мере предоставляет им блага и права. Оно лишь хочет — и мне кажется, что румыны никогда не возражали против этого — чтобы дипломатическим языком страны был венгерский, но в делах провинций, а также религии каждая нация пользовалась своим языком.“⁴

Вопрос о конфедерации является здесь не только предвестником будущих представлений Кошута, но с инициативой Балческу доказывается и то, что планировалось немедленное заключение союза между венгерским и теми соседними народами, которые по существу принадлежали к одному народу с национальностями, жившими тогда в Венгрии. Замечание Балческу по вопросу о языке уже намечает определенное, объединяющееся с территориальной автономией разрешение этого и, таким образом, относится к числу непосредственных факторов, предшествовавших рождению „*projet de pacification*“.

Письмо Бальческу от 3 июня доказывает, что путь братского сотрудничества народов он видел в последовательном осуществлении демократии, что он представлял на конфедеративной основе:

„Здесь очень распространена идея — писал он из Дебрецена — что Венгрия может существовать только путем конфедерации с трансильванскими румынами и славянами. Однако, правительство еще не желая этого, часто говорит, что создаст конфедерацию с Великой Валахией и Малой Валахией, с Молдавией и Сербией. Об этом много говорили мне Кошут, Баттяни и Семере и обещали, что они сделают уступки и дадут гарантии в отношении всех национальностей. Все справедливые люди здесь говорят, что румыны очень правы, но они плохо сделали объединив свое дело Австрией.“ „Я попросил депутатов показать мне, что просили румыны. Они дали мне этот проект, который я прилагаю и в копии; они говорят, что румыны удовлетворятся этим немногим. Вчера я передал его Баттяни. Ему я сказал: видите, румыны принимают оба ваши принципа, которые вы хотите — целостность страны и ваш дипломатический язык; остальное дайте им. Вы видите, что просьба со стороны румын небольшая. Это будет решено в Пеште, куда правительство и я едем завтра. Эти взаимные требования кажутся мне пустыми придирками, потому что с демократией большинство венгерского сейма будет румынским и славянским и взаимные трудности принудят всех принять существование в конфедерации. Сейчас перед нами стоит задача как-то примирить венгров с румынами...“⁵

⁴ *Ion Ghica, Amintiri din pribegia după 1848* (Воспоминания из эмиграции после 1848 г.). Крайова, б. г. т. II, стр. 33—34.

⁵ Там же. стр. 37—38. Письмо Балческу Й. Гике. Дебрецен, 3 июня 1849 года.

Мысль о союзе между борющейся за свободу Венгрией и румынским народом, сражавшимся за независимую Румынию, с продвижением вперед дела создания румынского легиона чуть ли не воплощалась в жизнь.

22-го июня Балческу из Пешта сообщает И. Гике сущность предварительного соглашения, заключенного с венгерским правительством, согласно которому венгры и румыны в будущем создадут федеративное государство. Для осуществления этого они договорились с венгерским правительством в совместной борьбе за свободу и решили создание румынского легиона. Балческу в 19 пунктах сообщает свой план организации легиона и текст проекта принципиального соглашения, предлагаемого им к указанному плану. Самые важные части плана:

„Легион приносит присягу Румынии (Молдове и Валахии), а также Венгрии и обязуется бороться за свободу, но никогда не бороться против венгров. Если его Родине будет угрожать опасность, легион с разрешения венгерского правительства — которое не откажет ему в этом — поспешит на помощь своей Родине оружием, боеприпасами, артиллерией и каваллерией; венгерское правительство обещает, что оно будет поддерживать Румынию в той мере, в какой этого требуют взаимные интересы.

Румыны могут быть уверены в том, что благодарная и великодушная венгерская нация будет бороться лишь за дело свободы, а не за угнетение какой-либо национальности, ведь целью венгерского правительства является именно то, чтобы в будущем для всех национальностей Венгрии открылся путь свободного и равного развития. Следовательно, *венгерское правительство признает румын, проживающих в Венгрии, в качестве отдельной национальности. Поэтому румынский легион будет бороться против врагов Венгрии, поскольку они являются одновременно врагами свободы.*“⁷

Предпосылкой совместной борьбы за свободу являлось и то соглашение, в заключении которого Балческу постарался посредничать между румынами, живущими на территории тогдашней Венгрии и венгерским правительством. О переговорах по этому предмету Балческу в том же письме писал следующее: „Семере еще не закончил проекта об уступках национальностям. Баттяни сказал мне, что когда проект готов, сразу же его покажут мне и мы его вместе пересмотрим и обсудим“. (7^a)

В результате переговоров проект организации легиона, к которому была добавлена принципиальная часть, выработанная Балческу, хотя и более кратко, был подписан Кошутом, Балческу и Болиаком в Сегеде, 4 июля 1849 г.

В тот же день министр иностранных дел Казимир Баттяни в письме, адресованном к Балческу и Болиаку, подчеркнул: „Вы пред-

⁷ Там же, стр. 62. Балческу—Гике. Дебрецен, 22 июня 1849 г.

^{7a} И. Гика, Ук. соч., стр. 63.

лагали мне несколько статей, выражающих желания Ваших трансильванских компатриотов. Я их сообщил г. Регенту и гг. министрам и сейчас имею честь препроводить их Вам с маленькими изменениями и вместе с венгерским переводом.“^(7b)

Самые важные пункты проекта, посланного министром иностранных дел Балческу (общеизвестного под именем „*projet de pacification*“), относятся к осуществлению известной формы территориальной автономии:

„1. Валахи, составляющие особую национальность, в будущем в официальных документах будут упоминаться под именем румын.

2. Венгерское правительство, желая свободного развития для каждой национальности Венгрии, предоставляет румынам следующие национальные гарантии:

3. Поскольку дипломатическое применение венгерского языка должно распространяться только на законодательство, на ведение общегосударственных дел и только в такой мере, в какой это необходимо для сохранения единства венгерского государства, то языком муниципальной администрации будет язык, на котором говорит большинство населения.

4. В комитатах и в муниципиях исключительно румынских, или же там, где большинство составляет эта нация, в дискуссиях возможно пользоваться или румынским, или же венгерским языком. Протоколы составляются на этих же двух языках.

В переписке с сеймом, правительством и муниципиями употребляется венгерский язык за исключением переписок между муниципиями, где пользуется обоими языками. В этом случае можно переписываться на румынском языке.“

Тот факт, что согласно проекту языком местного управления считается язык большинства и в комитатах с румынским большинством в управлении можно пользоваться румынским языком, в конечном счете открывает путь к развитию известного самоуправления национальных комитатов. Это самоуправление подкреплялось 5 и 6 пунктами:

„5. Во всех школах, как в уже существующих, так и в тех, которые в будущем будут созданы государством для румын, обучение производится на румынском языке.“

„14. В тех муниципиях, где румынский язык является преобладающим, командование национальной гвардией ведется на румынском языке.“⁸

Три пункта приложения проекта особенно подчеркивают факт освобождения крепостных и ликвидации феодальных повинностей. Это было нужно, потому что венгерские помещики продолжали — а теперь уже

^{7b} Там же, стр. 119—120.

⁸ Там же, стр. 120—122.

незаконно — мучить румынских крестьян различными фесдальными бременами.

В день составления проекта Балческу направил И. Гике радостное письмо, в котором, между прочим, пишет:

„Можешь представить себе мою радость, когда Кошут предложил, чтобы я пошел к Янку и вместе со всем его войском вел его в Великую Валахию!

Все трансильванские и банатские румыны — сказал Кошут — должны двинуться на спасение княжеств, потому что ведь там — основа румынской нации. Таким образом, в ближайшее время я вместе с Бемом отправляюсь в Великую-Валахию, с огромной военной силой...“⁹

Из вышесказанного ясно, что работы по подготовке „projet de pacification“ создали соглашение с живущими на территории Венгрии румынами таким образом, что венгерское правительство одновременно заключало союз об общей освободительной борьбе с румынским народом, живущим за границами страны. В концепции Кошут-Балческу венгерская и румынская нации целиком объединяются в общем фронте освободительной борьбы, чтобы завоевать для себя независимое государственное существование. Из проекта мира ясно, что подобным же образом венгерское правительство намеревалось договориться и с остальными национальностями. В то время переговоры с южными славянами относительно соглашения и союза продвинулись уже далеко и если бы это удалось немного раньше, то в 1849 году этот союз братских народов действительно двинул бы новую революционную волну к Европе.

Было поздно. Балческу прибыл со своей миссией к Авраму Янку уже только тогда, когда войска венгерской освободительной борьбы стояли перед катастрофой у Вилагоша.

Все это вопреки тому, что Янку был на стороне соглашения и после абрудбаньских событий. Это доказывается его письмом, написанным почти одновременно с „projet de pacification“ и совершенно независимым от него.

Приведем несколько выдержек из него, которые были опубликованы в 1947 году в брошюре „Români și Unguri“:

„Братья венгры — писал Аврам Янку, — поверьте... что в этих двух братских странах о настоящем и будущем не могут говорить ни венгры без румын, ни румыны без венгров.“

„Нас побудило к восстанию то, что нас не признавали за политическую нацию, то, что трансильванские венгерские консерваторы и аристократы — деспоты и варвары. Все это в нашу эпоху народ не мог больше вынести. Это глубоко оскорбляло нашу интеллигенцию.“

⁹ Там же, стр. 115—116.

„... короче: если Вы верите в Бога в небесах и в Родину на земле, то обращайтесь с нами по-другому и будьте уверены в том, что *между вами и нами оружие никогда не будет решать*.“¹⁰

* * *

Закон о национальностях от 28 июля 1849 года по сравнению с результатами вышеизложенных переговоров является определенным шагом назад по отношению к „*projet de pacification*“. Дело в том, что хотя в первом его пункте говорится: „Настоящим свободно обеспечивается свободное национальное развитие каждой народности, *живущей на территории венгерского государства*“, хотя „*projet de pacification*“ *решительно признает язык преобладающих на местах национальных меньшинств* в качестве языка управления, закон о национальностях в 3-ем пункте говорит в этом случае только о факультативном употреблении их языка:

„3. В совещаниях муниципий каждый может пользоваться или венгерским, или родным языком: протокол же ведется на одном из употребляемых в муниципии языков, определенном по свободному выбору.“

В 4-ом пункте, в противоположность проекту, разрешающему для переписки муниципий между собой, включая и комитаты с румынским большинством официальное употребление румынского языка, закон о национальностях на это никакого намека не делает:

„4. Тот, кто имеет на это право, может высказывать свое мнение на каждом совещании муниципии или на венгерском, или же на румынском языке.“

Если в муниципиях какой-нибудь народ превышает половину всего населения, протокол по желанию можно вести и на его языке.

Но переписку с национальным собранием, правительством и с каждым другим муниципием надо вести всегда на венгерском языке.“^{10а}

Правда, что 6 и 7 пункты опять подчеркивают свободное и официальное употребление национального языка в муниципиях:

„6. Члены национальной гвардии командуются на языке, установленном для муниципии.“

„7. Язык обучения в начальных школах будет всегда язык муниципии или же язык церкви.“

Это значит, что комиссия по делам национальностей, в противоположность 3-им и 4-им пунктам „*projet de pacification*“, ограничивает употребление языка национальностей на муниципии. В качестве языка для переписки между комитатами и муниципиями она принимает, исключительно венгерский язык.

¹⁰ Viktor Cheresiesiu, Rămâni și Unguri (Румыны и венгры). Editură de stat. 1947. стр. 42—43.

^{10а} *ja Pap D.*, Ук. соч., т. II. стр. 256. Подчеркнуто мною. Э. Г. Ф.

Итого, пока „projet de pacification“ содержал в себе возможность стать исходным пунктом территориальной автономии в комитатах с румынским языком, закон о национальностях в известной степени затрудняет это дальнейшее развитие. Причина регресса ясна из письма Семере от 26-го июля, адресованного к Кошуту. Здесь он излагает трудности, встретившиеся во время совещаний при подготовке законопроекта:

„Это что-то страшное — близорукость, политическая слепота сейма. Герой радикальной партии высказывались, как в 1832 г., когда все было венгерским — сербский, румынский, чешский народы. Хорошо выступил Баттяни и я вынужден был резко выступить в своей почти часовой речи, в которой высказал, что те общие положения, то все еще аристократически-венгерское воззрение на требования других народностей в демократии погубит нацию и я умываю руки от этой политики. Надеюсь, я говорил не без успеха и значительно повернул мнения. Этот сейм нуждается в опеке.“¹¹

Как выясняется из приведенных строк Семере, в это время он считал разрешение национального вопроса уже решающей задачей, однако, он уже не осознавал, что радикалам мешало ясно видеть не только или не столько их „аристократически-венгерское воззрение“, сколько скорее их буржуазный национализм. Действительно лишь Кошут, Семере и очень немногие кроме них были способны в 1849 г. подняться над ограниченным горизонтом своего класса.

Здесь была не настолько важна сама буква закона, как результаты предварительных обсуждений и то мнение, которое было выражено в речи Семере, в день принятия закона о национальностях. Семере заявил:

„Наша революция имеет три основных идеи, на которых она покоится, как на столбах.

Первая идея — исправление формы правления.

До сих пор страна в смысле правления была под опекой. Таким образом, нужно было ввести парламентскую форму правления, чтобы народ сам вел свои дела, чтобы нация сама располагала своей судьбой.

Вторая идея — обеспечение личных прав. Нужно было ликвидировать королевства, провозгласить равенство права и обязанностей, чтобы был высказан принцип: должны принимать во внимание заслуги, а не происхождение и титул, должны вознаграждаться способности, а не длинный список предков, пусть потеряют свои короны благородный граф и князь, чтобы все, кто живут в стране, получили ту единую корону, которая заключается в словах — свободный гражданин и свободный человек.

Третья великая основная идея — свободное развитие национальностей и народов.

¹¹ Документы 1848—49 гг., стр. 203.

*Пусть всем народам будет разрешено свободное развитие нации. Национальность является не целью, а орудием свободы, как и свобода является не целью, а средством человеческого и гражданского совершенствования!*¹²

„Пусть видит мир, что нам известны признаки жизни новейших революций, что в то время, как старые революции желали и завоевывали лишь свободу, мы понимаем новые революции новой истории и даем гражданам не только свободу, мы предоставляем народам и их национальность.“¹²

Речь Семере, безусловно, является очень прогрессивной в условиях его эпохи, и представляет резюме буржуазно-демократических идей. Особенное значение ее состоит в том, что Семере *подчеркнул принцип равноправия наций*, хотя и не мог далее этого переступить границы мышления демократического буржуа. Чего же больше — не только закон, но даже и речь не распространяется на разрешение аграрного вопроса, так же, как и для венгерского крестьянства они были не в состоянии последовательно разрешить этот вопрос в соответствии с буржуазно-демократическими требованиями. Как это ясно и из речи, Семере считал закон временным и ожидал, что готовящаяся к разработке Конституция пойдет дальше или же по крайней мере вернется к позициям „*projet de pacification*“. Если мы дополним эту речь вышеприведенным письмом к Кошуту, то эта мысль станет ясной.

Таким образом, значение сегедского закона о национальностях от 1849 года состояло, главным образом, в том, что, осознавая необходимость соглашения, союза, общей освободительной борьбы, он был создан на основе реальных переговоров, направленных на его осуществление. *События, предшествовавшие его рождению, облегчили развертывание прогрессивных сил общества, и поэтому, несмотря на все свои недостатки, он был пригоден к тому, чтобы подготовить совместную борьбу наших друг друга наций против упадочных сил общества.*

*

В десятилетия, следовавшие за революциями 1848—49 гг., именно из-за незаконченности революций, из-за недостатков буржуазного преобразования в целом ряде стран Европы с повестки дня не сошли выступления поднимающейся буржуазии (или представляющих ее классов) против остатков феодализма. Поэтому эти два десятилетия по существу относятся к историческому периоду с 1789 по 1871 год, который Ленин характеризует следующим образом: „Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности,

¹² Там же, стр. 207—208.

эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений.¹³

В пятидесятых годах прошлого столетия еще не было решено, народные ли революции или войны государств, выступающих от имени поднимающегося капитализма, создадут предпосылки дальнейшего развития, то есть, зависело от соотношения классовых сил, будет ли закончена революция *снизу* или *сверху*. Так Ленин в связи с вопросом объединения Германии констатирует: „Оно могло совершиться, при тогдашнем соотношении классов, двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии.“¹⁴

Незаконченная и потерпевшая поражение буржуазная революция в Венгрии разрешила аграрный вопрос сверху, а не в результате крестьянской войны и поэтому только наполовину, вопрос же независимого государства, второго основного фактора, необходимого для капиталистического развития — она совсем не разрешила. Поэтому движения за независимость венгров и национальностей, вместе с ними страдавших под общим ярмом габсбургского абсолютизма, могли выступить в качестве прогрессивных сил. Вопрос состоял в том, каков будет характер этих национальных выступлений, то есть, есть ли класс, который опираясь на последовательно демократическую программу и движения широких масс, способен руководить революционно-освободительной борьбой не только национального, но и — с осуществлением объединения братских народов — интернационального характера.

Итак, здесь мы должны осветить, каково было классовое соотношение сил в Венгрии в 50—60-х гг. прошлого столетия. Это послужит ключом к объяснению того, почему союз в освободительной борьбе, составляющий решающее содержание румынско-венгерского соглашения от 1849 года, не имел продолжения; почему переговоры Кошута с руководителями румын, живущих за пределами страны, с этой точки зрения оказались безрезультатными, и почему венгерский помещичий класс, с 1867 года державший в своих руках политическую власть страны, „разрешил“ национальный вопрос *законом о национальностях от 1868 года — законом национального угнетения*.

Здесь, однако, мы должны коротко вернуться к вопросу о классовом соотношении сил венгерской революции 1848—49 гг. Результатом полукOLONиальной зависимости страны и вытекавшей отсюда неразвитости капиталистических отношений было не только то, что руководящий класс революции вышел из среднепоместного дворянства, но и то, что плебейские слои города представляли очень узкую основу для создания истинно

¹³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21. стр. 126.

¹⁴ В. И. Ленин, Соч. т. 19. стр. 265.

якобинского крыла. Поэтому не был осуществлен тесный союз с крестьянством, поэтому революция оказалась неспособной радикально ликвидировать феодальные учреждения, и поэтому не смогла она решить и национальный вопрос. Поэтому было достигнуто поздно и румыно-венгерское соглашение. Отсюда — противоречие между путем создания закона о национальностях и текстом закона. В то время, как этот последний с точки зрения национального вопроса одновременно выражал буржуазную и дворянскую ограниченность и совершенно не касался аграрного вопроса, *объективное классовое содержание самого соглашения* составлял тесный союз с крестьянством, в первую очередь румынским. За Балческу стоял Янку, Янку же, вождь вооруженных крестьянских отрядов, уже весной 1848 года провозглашал лозунг крестьянской демократии:

„Вечный и бесплатный выкуп — или смерть!“ Именно эти крестьянские массы вопреки всяким Сагунам и Барнутину наложили печать крестьянских демократических требований на решения балажфальвского собрания 15—16 мая 1848 года.

Венской камарилье удалось использовать национальные и классовые противоречия, вытекавшие из соотношения классовых сил в венгерской освободительной борьбе для того, чтобы оторвать от революции готовые к бою войска крестьянской войны, в том числе и румынское крестьянство. Это также является одним из противоречий нашей освободительной борьбы — силы крестьянской войны согласны на объединение лишь непосредственно перед поражением борьбы, когда уже поздно.

Далее встает вопрос: проявляется ли в годы после освободительной борьбы тенденция к намерстанию этого опоздания, то есть, имеется ли такое изменение в классовом соотношении сил, которое создает возможность начала новой революции и освободительной борьбы?

Что касается национальностей, проживающих на территории страны, несомненно, что в годы габсбургской реакции в них все больше накапливалось недовольство. В 1848 году Вена обещала национальностям свободу языка, создание федеративного государства, построенного на королевских провинциях, имеющих самоуправление, полное равенство — вместо этого они попали под гнет армейского и бюрократического аппарата централизованной государственной власти. На долю национальностей „на основе gleiche Beknechtigung,“ то есть я хочу сказать, на основе gleiche Berechtigung пришелся лишь немецкий язык“,¹⁵ как удачно выразился румынский депутат Алайош Влад, характеризуя положение, на заседании венгерского сейма 1861 года.

Враг был общим — в лице габсбургского абсолютизма, австрийского государства. Осознание этого национальностями, в том числе и венгерской нацией, — которые, правда, были вызваны к жизни капиталистическим

¹⁵ Цитируется в „Háborús felelősség“ („Военная ответственность“), 1 июня 1929 г., № 3. (Из дневника XXXIV заседания парламента 1861 г.)

развитием, но превращению которых в целостные нации феодальные пережитки продолжали препятствовать, — могло бы послужить исходным пунктом их борьбы за независимость в тот момент, когда в области внешней политики Австрию трепал рост капиталистических сил Европы — в 1859 году во имя объединения в национальное государство Италии, в 1866 году Германии. В 1860 году, Энгельс следующим образом характеризует положение империи Габсбургов, пошатнувшееся после известных поражений предыдущего года (Мажента и Сольферино): „Ее финансы, которые перед войной должны были быть приведены в порядок, были подорваны на десятилетия, вся внутренняя система государственного управления безнадежно расшатана, ее государство в Италии уничтожено, территория урезана, войска деморализованы и лишены веры в своих вождей; венгерцы, славяне и венецианцы настолько подняли свое национальное движение, что отпадение от Австрии стало их открыто выраженной целью.“¹⁶

Правда, итальянская борьба за независимость была использована в собственных захватических целях Наполеоном III-им, правда, объединение Германии было проведено Бисмарком путем династических войн, все же в момент начала этих войн еще была возможность превращения их в национально-освободительные войны, потому что как пишет Ленин, „Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—97 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося, от разных видов феодализма буржуазного общества“.¹⁷ „Главным классом который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом.“¹⁸

Именно эта нерешенность борьбы создала возможность того, чтобы для ее завершения *объективно были открыты еще два пути*: с одной стороны, путь буржуазно-демократической революции, с другой — путь военных конфликтов, вытекающих из состязания национальных буржуазий.

В цитируемой выше статье Ленин пишет о том, что в связи с международными конфликтами Маркс взял курс на выступление плебей-

¹⁶ Энгельс, „Савоя, Ницца и Рейн“, приводится в сборнике „Избранные военные произведения“, Москва, 1941. т. I, стр. 139.

¹⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21. стр. 127.

¹⁸ Там же, стр. 127.

ских масс, особенно крестьянства, то есть Маркс видел возможность завершения борьбы против феодализма в буржуазно-демократической революции и быстрой подготовки пролетарской революции. Мы видели: в случае Германии, Ленин, говоря о 60-х годах, вместо германской буржуазии, испугавшейся в 1848 году революционного выступления пролетариата и бросившейся в объятия реакции, уже решительно намечает возможным руководящим классом буржуазно-демократической революции пролетариат. Для революционного же объединения Германии, констатирует Ленин в согласии с точкой зрения Бебеля, „не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, не было крепкой организации, сплачивающей силы, и настроение пропало даром“¹⁹ т. е., не было революционной социал-демократической партии, которая поняла бы задачи гегемонии.

В Венгрии на пороге 60-х годов „различные слои имущих товаропроизводителей“, то есть представители товаропроизводительного землевладения и начинающей развиваться буржуазии, объективно также были еще прогрессивны, постольку они заинтересованы в ликвидации колониальной зависимости, в создании экономической и политической самостоятельности страны и, таким образом, противостоят абсолютизму Габсбургов. В то же время, однако, именно из-за нерешенности земельного вопроса это поместное дворянство неспособно даже к такому сотрудничеству, как в 1848 году, когда оно и само до некоторой степени было заинтересовано в ликвидации крепостных отношений. Как мы видели, в 1848—49 гг. из-за двойственного характера этого класса попытка сотрудничества с национальностями (и одновременно, объективно, с крестьянскими массами национальностей) появилась поздно. Естественно, этот класс не мог продолжать дело там, где проявилась объективная тенденция венгерско-румынского соглашения 1849 года — в союзе с крестьянской войной — и тем менее потому, что в сельском хозяйстве развитие капитализма шло уже по прусскому пути. Хотя в годы угнетения он и противостоит Вене, потому что за отсутствием политической власти ни его экономические интересы не обеспечены, ни в политическом и административном аппарате страны он не может занять свое место, все же разрешения для себя он может искать лишь в умеренных формах „прогресса“. Этот класс и вместе с ним до определенной степени буржуазия (перед которой стояли препятствия в торговой и промышленной деятельности, в связи с зависимым положением страны), недовольны, не раз даже „бунтарски“ настроены, но они ни в каком случае не революционны. Как известно, эти классы наряду с обеспечением определенной экономической и политической самостоятельности стремились завоевать соответствующее их интересам место

¹⁹ Там же, т. 17, стр. 206—207.

внутри империи Габсбургов, хотели опираться на ее кредитные органы, на ее рынки и велико-державное положение. Они уже не были способны создать ни единый национальный фронт, ни — в связи с этим — объединение с национальностями для начала совместной освободительной борьбы!

Чтобы начать национальную борьбу за независимость, на крестьянство, ропщущее из-за нерешенности земельного вопроса, а также из-за тяжелых австрийских налогов, и бремени военной службы, мог опираться только такой класс, который с радикальной земельной реформой поспешил бы на помощь распыленным мелким крестьянским владениям и миллионам безземельных батраков. Однако, тот единственный класс, который был способен на это после поражения революций 1848 года — промышленный пролетариат — в этот период в Венгрии едва зарождался.

О защите своей независимости против императорской власти также могла думать только такая нация, которая опирается на общую освободительную борьбу широких венгерских и не венгерских — трудящихся масс. Однако, венгерские помещики и буржуазия, именно потому, что они боятся движения масс, боятся и отрыва от империи Габсбургов. Их путь ведет к ком промиссу, к завершению революции „сверху“, к соглашению 1867 года. И вместо революционного использования международных конфликтов они ловко используют трудности одной из великих держав, участвующих в конфликтах — Австрии — и одновременно поступают к ней на службу. По существу подобным же образом в 50—60 годах „имушие товаропроизводительные классы“ Валахии и Молдавии путем компромисса разрешили вопрос об объединении двух княжеств и создании самостоятельного Румынского государства. А ведь в Дунайских княжествах крестьянство не освобожденное от крепостного бремени, могло бы в конце 60-их годов выступить в качестве могучей революционной силы. Но эти классы уже боялись именно крестьянской войны. Так для достижения своих целей они использовали раздоры групп европейских великих держав и их перегруппировку и в конце концов попали в их фарватер. В первую очередь, классовое соотношение сил было причиной того, что в 50—60-их годах Кошут не нашел настоящего отклика в Венгрии. Между прочим, и из-за этого стал утопическим план Дунайской конфедерации, не только в отношении Венгрии, но и в отношении планировавшихся союзников, рождавшихся соседних государств. „Этот план — пишет Йо жеф Реваи — возражал против проведения в жизнь наследства революций 48-го года *сверху*, однако, он не смел и не мог апеллировать к *низам*, к народу, к истинно революционным национальным движениям.“²⁰

Кошут в эмиграции продолжает развивать план заключения союзов 1849 года и в связи с этим доходит до возможно более широкого разре-

²⁰ Révai József *Marxizmus és magyarság* (Марксизм и венгры). Будапешт, 1946., стр. 181. Империя и „сознание миссии“.

шения национального вопроса внутри страны, настолько, что вариант плана от 1862 года, план дунайской конфедерации уже содержит и признание права нации на самоопределение вплоть до отделения — хотя с некоторыми оговорками в связи с Трансильванией. Однако, он не умеет да и не мог последовательно связать вопрос борьбы за независимость ни венгерского, ни соседних народов с требованиями крестьянской демократии. Субъективная тенденция в эмиграционных планах Кошута является, в конечном счете, отражением того объективного факта, что как венгерские, так и валашские и молдавские товаропроизводительные слои стали неспособны к руководству революционным движением. Кошут также не мог освободиться от ограниченности этих слоев. Этим объясняется то, что посланцы Кошута в Венгрии устраивают заговоры в среде дворянских слоев, что в своих планах Дунайской конфедерации он ведет переговоры сверху, то есть партнерами являются князья Куза и Обренович. В 1859 году общий фронт Кошута и Кузы с Наполеоном III-им своеобразно выражает, что ни один из них не может в борьбе против пяти держав опереться на то, что Энгельс называл шестой великой державой Европы — на революцию.

И Кошут, хотя он прислушивается к русской демократии и слышит гул „Колокола“, не может подобающим образом оценить ту могучую силу, которая в случае борьбы за национальную независимость венгерского и соседних народов могла бы связать руки царизму — движение демократических сил России, проявившееся в конце 50-их годов.

Маркс в своем письме Энгельсу от 13 декабря 1859 года пишет:

„В России движение идет быстрее, чем во всей остальной Европе.“ „В следующей революции России придется принять благосклонное участие.“²¹ Энгельс же в своей выше цитированной статье в 1860 году подчеркивает: „Между тем мы получили союзника в русском крепостном.“²² Далее он говорит, что внешняя политика царизма уже подорвана внутренним политическим развитием страны и вытекавшей отсюда вспышкой классово-вой борьбы.

В конце 50-их годов, когда в некоторых странах Европы вновь зреют предпосылки революции, Россия впервые проявляется бременной силами буржуазно-демократической революции. В связи с положением 1861 года, при оценке сил демократических движений, особенно же крестьянских волнений, Ленин говорит о возможностях революционного взрыва.²³ Но тогда из брожений не родилось революции. Ленин указал, что освобождение крепостных в 1861 году осуществлено было сверху, в проведенной феодалами полувинчатой „крестьянской реформе“ „в силу крайней

²¹ Маркс—Энгельс, Сочинение, т. XXII, стр. 468—469.

²² Энгельс, „Савойя, Ницца и Рейн“, приводится в сборнике „Избранные военные произведения“. Москва, 1941 г. т. I, стр. 141.

²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 395.

слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования.²⁴ Потому что „революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было“.²⁵ Промышленный пролетариат, родившийся в пореформенные десятилетия, стал затем в России руководящим классом революции.

В отношении же 50–60-ых годов, в случае с Венгрией и Румынией (Валахия и Молдавия) положение также было таково, что „среди угнетенных масс не было еще революционного класса“. Кошут или Куза, даже если бы они попытались последовательно опираться на *крестьянское движение, в конечном счете потерпели бы неудачу из-за формирования классовых сил, потому что не было класса, который еще или уже мог бы руководить революцией*. Так произошло и то, что „в 1858 и в 1866 году в Европе снова была объективно революционная ситуация и эта ситуация только потому прошла неиспользованной, что демократические национальные силы выступили не в качестве самостоятельного фактора, а в хвосте реакции.“²⁶ На компромиссы шел не только венгерский господствующий класс, но в концепцию Кошута из-за этого просочились элементы компромисса, которые нашли свое выражение в политике переговоров с великими державами. Именно поэтому его Дунайская конфедерация не была направлена прямо против Англии. Поэтому он не был способен рассчитывать и на русскую революцию, как возможного союзника в революционной борьбе за независимость. Поэтому он пытался завоевать своими планами нейтралитет Англии, хотя ему было хорошо известно, что официальные английские круги явились врагами венгерской независимости. В конце концов он выбирает среди реакционных держав — Англии и царской России — ту, которую считает „меньшим“ злом, точно также, как в переговорах с Наполеоном III-им и Бисмарком. С этим связано то, что в своем письме, направленном 23 июня 1862 года Иштвану Тюрр, Кошут относительно плана Дунайской конфедерации пишет следующее: „С общеизвестное дело, что английские дипломаты обычно мотивируют поддержку гнилой Австрии вопросом: «что можно положить вместо Австрии на весы европейского равновесия?» На дне этого вопроса много обмана, но раз этот вопрос существует и раз Англия несомненно много весит в европейской политике, то мы считаем немалой заслугой проекта конфедерации то, что на поставленный вопрос он дает такой ответ, который сбещает положить на весы европейского равновесия гораздо более надежный груз, чем способна положить австрийская династия.“²⁷

Кошут, который не мог освободиться от чар всемогущества царской власти, искал точки опоры прежде всего против царизма, причем исходя

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения. т. 17. стр. 90.

²⁵ Там же, стр. 94. (Подчеркнуто мною Э. Г. Ф.)

²⁶ *Иожеф Реваи*, Марксизм, народничество, венгры. Будапешт, 1948 г., стр. 148.

²⁷ Сочинения Лайоша Кошут. Будапешт, 1898 г. т. IV. стр. 5.

не из вопроса европейской революции, а единственно, из вопроса венгерской независимости. Все это происходило в такой исторический период, когда во многих странах Европы еще не были ликвидированы феодальные силы. Хотя Кошут видит разницу между „русской нацией и русской властью“, в лице русского народа, борющегося против царизма, он еще не может видеть будущего освободителя и великого союзника народов Венгрии и Балкан. Но, повторяем, это был иной исторический период, чем настоящий. Концепция Кошута родилась в доимпериалистическую эпоху, эпоху домонополистического капитализма, когда центр тяжести революции еще не переместился с Запада в Россию. В отношении Англии у Кошута все еще были либеральные иллюзии, хотя он резко повернулся против Пальмерстона и осудил политику правительственных кругов. Эти факторы объясняют его непоследовательность, когда он не мог связать рождение нового „равновесия“ с перспективой европейской революции, а предполагал создать его внутри имеющийся государственной системы Европы. Таким образом, эта концепция нереальна. Она исходит из той иллюзии, что малые народы, защищающие свою свободу, своим лавированием смогут нейтрализовать ту или другую захватническую великую державу и таким образом спасутся от вмешательства.

В то же самое время, однако, большой заслугой проекта Кошута, который связывался с широко демократическим представлением о разрешении национального вопроса, являлось признание равноправия наций и национальностей.

Йожеф Реваи в своей работе, посвященной Лайошу Кошут, и в статье „Империя и сознание миссии“ указал, что в хортистской Венгрии господствующие классы и часть их партий упоминанием проекта Дунайской конфедерации хотели оправдать свою антисоветскую и стремящуюся к особому венгерскому империализму политику: „За антигерманской видимостью скрывалась антисоветская цель.“ „Этим реакционным контрабандным товаром промышляли, главным образом, венгерские демократические партии, но не имело против него возражений и то крыло венгерской реакции, которое, видя поражение гитлеровской Германии, пыталось сменить практику „общности судьбы“ с немецким империализмом на теорию „солидарности малых народов“.“²⁸

Реваи подчеркивает, что „Дунайская конфедерация Кошута провозглашала не вообще союз малых народов, вообще против великих держав, а союз борющихся за свою независимость малых народов против реакционных захватнических великих держав.“ „Но как же можно, ссылаясь на Кошута 1858 года, в 1944 году провозглашать, что придунайские народы должны объединяться против любой великой державы, то есть и против России,

²⁸ Йожеф Реваи, Марксизм, народность, венгры. Стр. 151—152.

против той России, которая является защитником и освободителем придунайских малых народов от ига германского империализма.²⁹

К этому же — в связи с последним развитием событий — мы должны добавить, что проект Дунайской конфедерации Кошута точно также не имеет никакого отношения к напечатанному империалистическими великими державами титовскому проекту Балканской федерации, антисоветское, реакционное острие которого одновременно направлено на удушение свободы и независимости народно-демократических стран, опирающихся на своего великого Освободителя, на страну социализма. Сегодня, в эпоху отмирающего капитализма и победоносного социализма, этим планом Балканской федерации, пропитанным шовинистической политикой Тито, реакционные западные державы всего хотели достичь распространения заразы космополитизма, удушения здорового патриотизма народно-демократических стран, строящих социализм. Так Тито и его сообщники, разоблаченные в Венгрии, хотели подготовить подчинение империалистическим державам, так хотели они вырвать народно-демократические страны из союза СССР. Из этого, однако, ясно, что т. н. „Балканская федерация“ не имеет никакого отношения к концепции Кошута, которая „провозглашала союз борющихся за свою независимость малых народов против реакционных захватнических великих держав“ и которая признанием равноправия наций, по существу вступала в борьбу против шовинизма. Но, с другой стороны, проект Кошута в сегодняшних условиях как раз соответствует тому, чтобы Венгрия вместе с остальными странами народной демократии была преданной дружбе и союзу с социалистическим Советском Союзом, защищающим независимость свобододолюбивых народов против реакционных великих держав.

Что касается разрешения самого национального вопроса в проекте Кошута, то он несет в себе идею закона о национальностях 1849 г., вернее, предшествовавшего ему „projet de pacification“, когда признает:

а) Каждый муниципий сам принимает решение об официальном языке для себя. На этом языке проводятся устные совещания, готовятся доклады и письма начальнику комитата, прошения правительству и сейму. Каждый муниципий также сам принимает решение по вопросу, на каком языке должно вестись преподавание в его школе.

б) Каждый комитат большинством голосов решает, каким языком должно пользоваться управление. На этом языке будут проводиться устные переговоры, составляться протоколы. Кошут идет здесь дальше, чем „projet de pacification“, потому что он подчеркивает, что на этом языке „будет вестись переписка с правительством. Правительство на этом языке отвечает и на этом же языке составляет все свои постановления.“

в) На заседаниях парламента каждый депутат по желанию может пользоваться любым из языков, употребляемых в стране.

²⁹ Йозеф Ревач, Марксизм, народничество, венгры. Стр. 151—152.

Таким образом, Кошут преступил и этот пункт закона от 1849 года, и „projet de pacification“, в котором говорилось, что дипломатическим языком страны должен быть венгерский. *Здесь проявилась определенная форма административной автономии, основанной на полной свободе пользования языком.* Правда, это не является последовательной концепцией территориальной автономии, но, во всяком случае, это — значительный шаг вперед в этом направлении.

Нужно, однако, сказать, что Кошут пронизал разрешение национального вопроса также одной из форм культурно-национальной автономии:

„d) Жители страны могут свободно объединяться в интересах своих национальностей в большие национальные объединения (consortii),

могут организовываться по своему желанию и проводить собрания, приуроченные к определенному времени совещания в целях улаживания своих религиозных дел. Одновременно они могут избирать своего национального руководителя и называть его воеводой, господарем или как-нибудь в этом роде.

e) Право распоряжения своими церквями и школами они могут поручить своим национальным объединениям, свободно избирая своего высшего священника и называя его патриархом, митрополитом или как-нибудь в этом роде.

ж) В отношении своих национальных и религиозных интересов они могут выносить постановления.“³⁰

Пункты d), e), ж) ясно противоречат вышеприведенным и по своей тенденции скрывают в себе ту опасность, что это *внетерриториальное объединение лиц, принадлежащих к отдельным нациям, препятствует размежеванию классов.* Оно способствует тому, чтобы не только крестьянство, но и пролетариат попал в хвост национальной буржуазии и ее церкви. Ленин и Сталин в целом ряде своих работ по национальному вопросу разоблачают буржуазно-националистический характер „культурно-национальной автономии“. Так, Ленин в своем труде „Критические заметки по национальному вопросу“ пишет следующее:

„Проповедь полного равноправия наций и языков выделяет в каждой нации один только последовательно демократические элементы, т. е. только пролетариев, *объединяя их не по национальности, а по стремлению к глубоким улучшениям общего строя государства.* Наоборот, проповедь „культурно-национальной автономии,“ несмотря на благие пожелания отдельных лиц и групп, *разделяет нации* и сближает на деле рабочих одной нации с ее буржуазией...“³¹

Несмотря на все это, у Кошута это противоречивое представление о национальном вопросе при демократизме всей программы далеко не

³⁰ Сочинения Лайоша Кошута, т. VI, стр. 11.

³¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 25.

настолько скрывало в себе опасности, сопутствующие культурной автономии, как законы IX и LXIV от 1868 года, о которых речь будет итти ниже и которые узаконением практики национальной политики венгерского господствующего класса, содействовали развитию буржуазного национализма и шовинизма, как в венгерской нации, так и в остальных национальностях.

Этот шовинизм уже пустил глубокие корни в венгерском господствующем классе на его пути к соглашению и так он дошел до полного обеспечения национальной супремации в законах 1868 года.

Тяжелое положение Австрии, возникшее благодаря поражению в 1859 году, венгерский помещичий класс вскоре же попытался использовать для получения уступок. Вместо борьбы за национальную независимость Ференц Дак, от имени этого класса провозглашал пассивное сопротивление, затем, в начале 1861 года, в целях приобретения относительной самостоятельности он вступает в переговоры с кайзером Францем Йосифом. Его позиция в национальном вопросе видна и из того письма: в котором он рассказывает о переговорах и где, между прочим, пишет, „Третий тяжелый вопрос представляют невенгерские национальности, которые выступают с несуществимыми требованиями, хорваты, сербы, валахи все хотят считаться отдельными политическими нациями, все выступают с такими претензиями, удовлетворение которых раздробило бы страну, ликвидировало бы Венгрию и создало бы в крайнем случае новое союзное государство, в котором венгерская раса составляло бы лишь осколок в середине страны без естественных, защитных границ“.³²

Вена естественно, лишь в целях разделения сил обещала национальностям определенную узкую автономию. Она хотела использовать национальности для контр-давления на венгерский сейм, собравшийся после октябрьского диплома 1860 года и февральского патента 1861 года. Этим они хотели парализовать стремления венгерских руководящих классов к самостоятельности не соответствующей интересам империи Габсбургов. Сначала, однако, Вена пошла навстречу венгерским руководящим классам и 5 января 1861 года ликвидировала и присоединила к Венгрии Войводину, эту каррикатуру самостоятельной коронной провинции, представленной австро-славянскими стремлениями и с 1849 года вегетирующей под военным владичеством Вены.

Против шовинистических руководящих классов, ворчащих на „Рейхсрат“, но готовых к соглашению, Вена выдвигает их шовинистических соперников — Сагуну и Раячича, а их приверженцев верными орудиями интриг камарильи в 1848—49 гг. Они вновь появляются на сцене и как будто вновь выдвигают прежние национальные требования, однако,

³² Magyar Remekírók. T. 13. Deák Ferenc munkáiból. (Из писем Ф. Деак) Будапешт, 1906. т. I. стр. 338.

они тщательно следят за тем, чтобы эти требования не слились с крестьянскими требованиями 48-го года. 2 апреля 1861 года в Карловице под предводительством Раячича собрался сербский национальный конгресс, который хотел восстановить Войводину, но этот раз под эгидой венгерской канцелярии, существовавшей до 1848 года и восстановленной септембром дипломом. В то же время Раячичу и в гласу не пришло упомянуть о требованиях сербских пограничников, а ведь они попрежнему все еще мучились под австрийским военным управлением. Лишь условно в резолюции было включено, что „если военная организация пограничного округа будет ликвидирована, то входящие сюда районы также смогут посылать своих депутатов в территориальное собрание“.³³

Истинное лицо Раячича хорошо показал демократ Яко Игнятович в своей речи на первом заседании сейма 1861 года, в которой он разоблачил феодально-милитаристскую систему пограничных округов. Население здесь „живет чуть ли не на положении рабов... то, что страна переживала в течение 11 лет, переживают пограничники уже в течение полутора столетий... Военные власти неограниченно господствуют, политические и национальные проявления селам не разрешаются, строгость военной власти унижает души, поместные отношения являются карикатурой земельной собственности, военный феодализм душит зарождающееся благосостояние“.³⁴

Заседавший в Сибии 13—16 января 1861 года румынский национальный конгресс, который находился под влиянием епископов Сагуна и Сулуциу, подготовил законопроект об избирательном праве. Этот проект связывал *избирательное право с имущественным цензом* или интеллигентским поприщем и особо подчеркивал обеспечение политических прав для всех лиц духовного звания. Это уже очень далеко от демократии первого пункта балажфальвских решений, в котором высказывалось лишь желание, чтобы румынская нация в соответствии со своей *численностью* получила представительство в сейме. Решение, принятое в Сибии и принятое затем на Дюлафехерварском совещании за основу избирательного закона, исключило из пользования политическими правами значительную часть румынского трудового народа, массы нищих батраков.

На основе предложения Сулуциу, трансильванское совещание, состоявшееся в феврале 1861 года в Дюлафехерваре, потребовало объявления румын „четвертой“ законной нацией. В данных обстоятельствах, если это уже и не означает полностью четвертой сословной нации „*Supplex libellus Valachorum*“, то во всяком случае является шагом назад по срав-

³³ *Kemény Gábor, A magyar nemzetiségi kérdés története* (История венгерского национального вопроса). Будапешт, 1946 г. ч. 1., стр. 63.

³⁴ Приводится в „*Háborús felelősség*“, 1 января 1929 года № 3, стр. 207. (Из дневника сейма 1861 года, заседание XXXIV).

нению с балажфальвскими демократическими требованиями национального равноправия. В этих решениях выражается своеобразная смесь умеренных либеральных воззрений и сословных реминисценций; *эти решения хотят ограничить избирательное право рамками участия в налоговом бремени*, в то же самое время участие румын в государственной администрации, основывающееся на законных требованиях свободы языка, строится на еще имеющихся остатках сословных автономий.

На трансильванском сейме 1863—64 гг. стало ясно, чего хотела достичь Вена, когда обещала равноправие национальностям Трансильвании. Закон о „применении трех общегосударственных языков“, принятый 13 сентября 1863 года, в своем первом пункте, правда, утверждает, что „три общегосударственных языка — венгерский, немецкий и румынский — в административных делах равноправны“³⁵, но в 15-ом пункте становится видным шило в мешке: „*При сообщении с королевскими военными властями села пользуются собственным языком, муниципальные органы и их учреждения по возможности пользуются немецким языком*“.³⁶

Таким образом, речь идет о новом издании „gleiche Beknechtigung“ под австрийским скипетром.

Здесь также ясно, что все это видимое осуществление равноправия являлось в руках Вены лишь средством против венгерского руководящего класса, чтобы он отступил. В 1867 году Австрия предпоставила призыву венгерского господствующего класса „четвертую равноправную нацию.“

В сейме 1861 года уже сильно заметно было стремление венгерского руксводящего класса приобрести собственную национальную самостоятельность не с помощью объединения с другими национальностями, не прогив Австрии, а именно в ущерб остальным и продав в замен значительную часть независимости Венгрии, т. е. приобрести относительную самостоятельность на основе соглашения. „Национальная комиссия“, назначенная сеймом 1861 года, стремилась уже утвердить свое положение венгерской нации и явилась, таким образом, предшественницей авторов закона о национальностях от 1868 года, когда провозгласила: „... Все граждане Венгрии, говорящие на любых языках, составляют одну нацию — единую и неделимую венгерскую нацию в соответствии с историческим понятием о венгерском государстве“.³⁷

Уже в этом сейме выступила группа национальных деятелей, которая стремилась разрешить этот вопрос до некоторой степени в рамках политики венгерского руководящего класса. В конечном счете, это также компромиссная тенденция, потому что отношение ее к революции было

³⁵ Приводится в книге Габора Г. Кемень „История венгерского национального вопроса“, ч. 1, стр. 61.

³⁶ Там же, стр. 61. Подчеркнуто мною. Э. Г. Ф.

³⁷ Там же, стр. 54.

таким же, что и у венгерского помещичества. Интеллигенция национальностей, выступавшая в качестве представителя национальной буржуазии и помещичества, искала для себе решения вопроса без массового движения, без общей освободительной борьбы, путем соглашения с этим классом. Несмотря на все это, в этом стремлении есть и нечто положительное — ища возможности национального примирения, оно объективно способствует размежеванию классов. Это проявилось еще больше в феврале 1867 года, когда группа румынских и сербских депутатов, приняв к сведению существующее положение — готовое вот-вот совершиться соглашение — разработала законопроект, целью которого было национальное сближение в рамках венгерского государства. Однако, большинство комиссии, разрабатывавшей закон о национальностях от 1868 года, не приняло во внимание этот законопроект и в течение целого года оттягивала решение этого вопроса. Это и понятно! Венгерский господствующий класс нуждался в свершившемся факте соглашения, чтобы затем, имея в своих руках политическую власть, навязать национальностям свою систему законодательства о национальностях. Это доказывают законы: IX/1868 „По делам граждан, исповедующих православие“, XXX/1868 „Об узаконении соглашения, достигнутого между Венгрией, Хорватией и Далмацией по существующим ими вопросам государственного права“ и XLIII/1868 „О подробном урегулировании объединения Венгрии и Трансильвании“, которые составляют единую систему с законом XLIV/1868 „По вопросу национального равноправия“. *Другими словами, эти законы составляют единую цепь национального угнетения.* Аннексионный характер законов XXX/1868 и XLIII/1868 ясен, закон же IX/1868, который кажется справедливым и представляется так, как будто преследует цель обеспечения свободы вероисповедания (и который и со стороны национальностей был понят именно так,) — *именно этот закон вместе с законом о национальностях был пригоден для того, чтобы бросить трудящиеся массы национальностей на произвол не только национальной буржуазии, но и клерикальной реакции.* Этот закон, во втором параграфе говоря об учреждении специальной метрополии для румын и сербов, исповедующих православную религию, в третьем параграфе гласит: „... Верующие вышеназванных двух метрополий имеют право самостоятельно решать все вопросы, касающиеся церковных и школьных дел в рамках законов страны на специальных церковных соборах (конгрессах), которые созываются этими метрополитами с предварительным заявлением об этом Его Величеству, и самостоятельно вести эти дела через посредство своих чиновников в соответствии с правилами, принятыми на этих конгрессах и утвержденными Его Величеством“.³⁸ Если мы сопоставим этот параграф с 26 параграфом закона XLIV от 1868 года „По вопросу национального равноправия“, то станут ясны

³⁸ Magyarország hatályos törvényei (Действующие законы Венгрии). Будапешт. 1943 г. стр. 133. Подчеркнуто автором,

намерения венгерского господствующего класса. Здесь мы читаем: „Как до сих пор отдельные граждане любых национальностей, также, как села, церкви, церковные приходы, имели право создавать собственными силами или путем объединения низшие, средние и высшие школы, так они имеют это право и в будущем. В этих целях создания других институтов, содействующих развитию языка, искусства, науки, экономики, промышленности и торговли, отдельные граждане под контролем установившимся законом, могут объединяться в общества и объединившись, создавать правила, действовать в соответствии с правилами, утвержденными правительством, могут создавать денежный фонд и под контролем правительства могут распоряжаться им в соответствии с их национальными законными потребностями.“³⁹

Эти так называемые национальные „права и свободы“ в период безудержного национального гнета, последовательно за соглашением, благоприятствовали самой реакционной форме „культурно-национальной автономии“. Эти законы отдавали национальные школы в руки церкви и таким образом были очень пригодны для того, чтобы удержать угнетенные классы национальностей от классовой борьбы. „Не подлежит сомнению, — пишет Ленин, — что «национальная культура» в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов, и буржуазных шовинистов во всех странах мира“.⁴⁰ Для вышеприведенных параграфов это еще более действительно, потому что венгерская школьная политика последующих десятилетий, а именно: закон о народном образовании от 1879 года, закон о средних школах от 1883 года и закон о сельских и церковных народных школах от 1893 года, оставляя национальные школы в руках церкви, в то же время последовательно вытесняли в этих школах преподавание языка национальностей и навязывали им венгерский язык. Все это увенчал в 1907 году т. н. Lex Arroyui. Этими своими мероприятиями венгерский господствующий класс не только поставило на повестку дня насильственное распространение венгерского языка, а прямо гнал национальности, борющиеся за свободу своего языка, в объятие церкви, отвлекало их от социальных требований и придавало их сопротивлению религиозную окраску. Так было легче разделить трудящиеся массы и воспрепятствовать тому, чтобы массы венгерских и национальных трудящихся объединились в общем демократическом фронте против эксплуатации и несправедливости. Буржуазия всех наций и в Австрии и в России под лозунгом „национальной культуры“ проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.“⁴¹

³⁹ Там же, стр. 165.

⁴⁰ В. И. Ленин, Сочинения. Т. 20, стр. 19.

⁴¹ Там же, стр. 5.

В своих произведениях Ленин и Сталин не раз призывают внимание к тому, что „национальный мир“ нужен именно для того, чтобы развернулась классовая борьба, буржуазия же провозглашает „классовый мир“ под предлогом национального единства. Признание равноправия и права наций на самоопределение, вплоть до отделения, важно именно из-за национального мира, свободное же развитие национального языка представляет прямой интерес для пролетариата. „Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству.“⁴²

Сталин же в связи с этим вопросом в своем произведении „Марксизм и национальный вопрос“ пишет следующее: „Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчиненных наций.“⁴³

В вышеприведенной системе законов национального угнетения закон LXIV/1868, конечно, наиболее характерен для всей угнетательской политики венгерского господствующего класса. На основе соглашения венгерскому господствующему классу были развязаны руки для эксплуатации и политического угнетения как венгерского крестьянства и рождавшегося рабочего класса, так и трудящихся масс национальностей вообще, а для угнетения национальностей в особенности.

„Есть старая специальная система управления нациями, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, дает им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через нее на остальные. Так управляли, например, в Австрии. Всем памятно заявление австрийского министра Бейста, когда он позвал венгерского министра и сказал: ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь. То есть, ты, мол, жми и дави свои национальности в Венгрии, а я буду давить свои в Австрии. Ты и я — привилегированные нации, а остальных дави. Далее это оссбая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными. С точки зрения бюрократии — это экономный образ управления, потому что приходится возиться с одной национальностью, но с точки зрения политической — эта верная смерть государства, ибо нарушать принципы равенства национальностей и до-

⁴² Там же, стр. 137.

⁴³ И. В. Сталин, Сочинения. Т. 2, стр. 308.

пускать какие-нибудь привилегии одной национальности — это значит сбросить свою национальную политику на смерть.⁴⁴

Венгерский господствующий класс опирался уже на привилегии, полученные из австрийских рук, когда в 1868 году парламент закончил обсуждение национального вопроса. 24 ноября этого года Ференц Деак в большой речи заявил, что: „В Венгрии существует только одна политическая нация — единая неделимая венгерская нация, равноправным членом которой является каждый гражданин Родины, к какой бы национальности он ни принадлежал.“⁴⁵ Провозглашение этого „равноправия“ трудящимся венгерской национальности служило для прикрытия эксплуатации, политического бесправия. Для национальностей же это заявление не являлось ничем иным, как открытой и сознательной прокламацией венгерского превосходства и угнетения национальностей.

Парламент отклонил законопроект, подготовленный национальными депутатами, законопроект, который основывался на национальном равноправии, определенной форме территориальной автономии и — одновременно — на центральном управлении, едином законодательстве и государственной администрации. Пятого же декабря парламент проголосовал за пресловутый закон, носящий звучное название „По вопросу о национальном равноправии“, в первой же фразе введения которого это самое равноправие объявлялось вне закона. Так мы читаем „Поскольку все граждане Венгрии согласно основным принципам конституции в политическом отношении составляют одну нацию — единую, неделимую венгерскую нацию, равноправным членом которой является каждый гражданин Родины, к какой бы национальности он ни относился,⁴⁶ а далее мы читаем только о „применении различных языков, имевших хождение в стране“, т. е. о самих же национальностях в этом введении даже не упомянуто. В отличие от этого, в введении сегедского закона о национальностях (в целях сравнения цитируем еще раз) говорится: „Настоящим законом обеспечивается свободное национальное развитие всех народностей, проживающих на территории венгерского государства“. Регресс очевиден.

Если до 1848 года, а затем и в период революции и освободительной борьбы Кошут долгое время считал, что одного личного равноправия достаточно для того, чтобы каждый житель страны считал себя членом венгерской нации и поэтому нет нужды в особых национальных правах, то это еще основывалось на отсутствии исторического опыта, то есть на произвольной ошибке. В парламенте же 1868 года не могло быть и речи о произвольности. У Кошута существенным является именно то,

⁴⁴ И. В. Сталин, Сочинения. Т. 5, стр. 255.

⁴⁵ Приводится в „Háborús felelősség“ апрель-июнь 1929 г. № 4—5, стр. 383—385. (Выдержка из дневника парламента 1865—68 гг., т. II, СССХIII).

⁴⁶ Magyarország hatályos törvényei (Действующие законы Венгрии), стр. 156.

что он уже и в период освободительной борьбы до некоторой степени пересмотрел свою старую точку зрения и еще больше стремился освободиться от этой юридической фикции в своем проекте, разработанном в эмиграции. Парламент же 1868 года прямо повернулся спиной к тому опыту, который после освободительной борьбы уже можно было бы извлечь в отношении национального вопроса. Кошут, несомненно, шел вперед, проект, предложенный национальными депутатами, также означал определенный прогресс, в конечном счете они приспособливались к направлению движущих сил истории. Венгерский же господствующий класс своей шовинистской политикой пробовал задержать прогрессивные силы истории. В этом вопросе он также стал реакционным. Если в 1848 году непризнание венгерской стороной значения национального вопроса было политической ошибкой и закон о национальностях от 1849 года, несмотря на все свои недостатки, означал уже и прогресс, — в 1868 году сознательный отказ от разрешения вопроса был уже не ошибкой, а политическим преступлением.

Национальное угнетение, наступившее и все более усиливавшееся после законов 1868 года, во внутренней политике служило обеспечению эксплуатации, во внешней же политике — стремлениям экспансии на Балканах формирующегося австро-венгерского империализма, шедшего по стопам немецкого империализма. Поэтому 1868 год мы также отвергаем, как и 1867-й. В то же самое время мы подчеркиваем, что народно-демократическая Венгрия, которую Советский Союз освободил от империалистического ярма, когда вторично прорвал фронт империализма и тем самым принес свободу и соседним братским народам, — эта новая, строящая социализм Венгрия стремится продолжать самые лучшие, самые прогрессивные традиции 1848—49 гг. Именно поэтому в отношении соседних наций истинным наследием 1849 года является не братоубийственная борьба, как это пыталась внушать официальная историография периода дуализма и хортиского режима, а их стремления, направленные к соглашению, к объединению, которые в то же время объективно, в соответствии со своей эпохой, показывали проявление истинно демократических движущих сил революции.

Включение Венгрии в лагерь свободолюбивых народов, туда, где вокруг сильнейшей цитадели фронта мира — социалистического Советского Союза спланиваются все страны народной демократии, означает, что Венгрия переняла и развила лучшие традиции 1848—49 гг. не только во внутренней, но и во внешней политике и от стремлений 1849 года к соглашению и союзу пришла к созданию братских союзов, достигнутых в 1948 и 1949 году.

Э. Г. ФАЗЕШАШ

„ПАКТ БЕТЛЕН — ПЕЙЕР“

„Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении.“

1. ПОМОЩНИКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ЗАХВАТЕ ЕЙ ВЛАСТИ

Общеизвестно, какую большую роль играли руководители венгерской социал-демократии — предатели рабочего движения — в свержении Венгерской советской республики. Пробравшись на руководящие правительственные посты, они сделали все возможное, чтобы ослабить и подорвать власть рабочего класса, чтобы с помощью тайного заговора содействовать восстановлению власти эксплуататорских классов. Они сами хвастались своей контрреволюционной деятельностью в письменном обращении к Хорти в декабре 1920 года, заявив :

„Именно социал-демократические комиссары вели постоянно, как и другие профсоюзные руководители, тайные переговоры с иностранными миссиями, пришли к соглашению с представителями Антанты, направили события на путь медленного развития, обеспечили плавность перехода, в порядке провели демобилизацию Красной Армии.“¹

Действительно, социал-демократические руководители играли решающую роль в „направлений событий“, если и не на путь медленного развития, то на путь, ведущий к господству коонтрреволюционной буржуазии и крупного помещичьего класса. А под „плавностью перехода“ они понимали, несомненно, не что иное, как обеспечение спокойного устройства контрреволюции посредством „профсоюзного правительства“. Это правительство существовало всего лишь пять дней, но и этого времени ему было достаточно для уничтожения всех достижений, обеспеченных властью советов за четыре с половиной месяца ее существования, для восстановления полиции и жандармерии, возвращения капиталистам и крупным помещикам их национализированного имущества, для того, чтобы начать

¹ Прощение Венгерской социал-демократической партии и Совета венгерских профсоюзов регенту Хорти о помиловании приговоренных к смерти народных комиссаров. Институт рабочего движения, Архив А. XVII. I (1920) 17. Подлинный документ.

преследование коммунистов — одним словом, для обеспечения „перехода“ к кровавому режиму белого террора.

Министр внутренних дел „профсоюзного правительства“ Кароль Пейер, уже 2 августа, на второй день после формирования правительства, направил „главным жупанам всех комитатов“ следующую телеграмму:

„Строго секретно. Надо воспрепятствовать бегству коммунистов. Бегущих арестовывать.“²

Одновременно правительство Пейделя, т. е. венгерская социал-демократическая партия, начало переговоры с английскими империалистами о восстановлении в Венгрии буржуазного общества. Уполномоченный Антанты, полковник Кеннингэм 2 августа направил секретную телеграмму Совету четырех в Париже. В телеграмме говорится между прочим следующее:

„Переговоры с венгерской СДП (социал-демократической партией), проводимые в настоящее время в Вене, в течение следующих 14 дней вероятно приведут к хорошему результату. Мы просим выдать тех, кто: а) занесен на наши списки, б) всех живущих в настоящее время в Венгрии русских подданных... Венгрия обязана нам помогать всеми силами против русского советского правительства в военном и политическом отношении.“³

Далее он докладывает о том, что „профсоюзное правительство“ обязуется выдать венгерско-русскую переписку и дипломатические документы. Переговоры дают надежду на достижение „хороших результатов“. Венгерское социал-демократическое правительство с готовностью спешило арестовать и выдать западным империалистам венгерских и русских коммунистов, с готовностью предложило свое сотрудничество в интервенции против русских советов „в военном и политическом отношении“. На его вина, что это соглашение не могло быть заключено. После нескольких дней его господства открытые контрреволюционеры отстранили „профсоюзное правительство“.

Западные империалисты, чтобы еще более втянуть Венгрию в интервенционную войну против Советского Союза, старались придать открытой контрреволюции демократическую окраску. С этой целью они начали новые переговоры о формировании „правительства концентрации“, которое при участии социал-демократов легализировало бы контрреволюцию. В эти переговоры включили различные течения контрреволюции, так называемые буржуазные демократические партии и социал-демократию. Переговоры вел в Будапеште сэр Джордж Кларк. 5 ноября на квартире Кларка состоялось конфиденциальное совещание, на котором представи-

² Текст строго секретной телеграммы. Институт рабочего движения. Архив А. XVII. I (1919) 22. Подлинный документ.

³ Перевод на венгерский язык текста строго секретной телеграммы на английском языке. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I (1919) 23. Подлинный документ.

тели различных буржуазных партий и социал-демократической партии обсудили с „главнокомандующим“ Хорти вопросы, связанные с вступлением национальной армии в Будапешт и с „развязкой событий“.

Хорти старался успокоить присутствовавших на совещании. На следующий день „Непсава“ сообщила следующий „радостный результат“:

„В 12 часов дня в среду тов. Эрнэ Гарамы посетил Джорджа Кларка. После этого Кларк пригласил на совещание главнокоманду цего Миклоша Хорти, тов. Эрнэ Гарамы, Вильмоша Важони, Мартона Ловаси, Иштвана Надьбатади-Сабо и Лайоша Варьяши.

Совместное совещание началось в три часа дня и продолжалось до 6 часов вечера. После прибытия приглашенных Кларк заявил политикам, что он оставит их с главнокомандующим и удалился.

Началось совещание, в ходе которого были выяснены все вопросы.

Между Хорти и политиками состоялось соглашение, радостный результат которого содержит следующее коммюнике, изданное и подписанное на основании совместного соглашения:

Главнокомандующий Хорти в среду после полудня на квартире сэра Джорджа Кларка провел совещание с руководителями Всевенгерской национальной партии, Национальной демократической буржуазной партии, Партии мелких хозяев, находящейся под руководством Иштвана Надьбатади-Сабо, и социал-демократической партии. Главнокомандующий уполномочил участников совещания на опубликование следующих заявлений:

Вступление в Будапешт армии не повлечет за собой военной диктатуры. Армия подчиняется правительству, созданному при содействии уполномоченного Антанты. Главнокомандующий заявил и то, что армия стоит на основе гражданского равноправия и, хотя непреклонно подавит даже и зачатки большевизма, не будет терпеть подстрекательства против гражданского равноправия со стороны любого члена армии“.

22 ноября, через несколько дней после вступления „национальной армии“ в Будапешт, происшедшего 16 ноября, при поддержке Кларка было сформировано правительство концентрации во главе с Карсль Хусаром. Представителем социал-демократической партии в этом правительстве был Кароль Пейер в качестве министра социального обеспечения. „Непсава“ следующим образом объяснила формирование нового правительства и участие в нем социал-демократов:

*„Социал-демократическая партия принесла очень тяжелые жертвы и пошла на большие уступки для того, чтобы сделать возможным развязку событий... Мы хотим, чтобы Венгрия вернулась в общество культурных народов... и чтобы оружием естественных стремлений классов внутри страны, вместо грубого и жестокого насилия, были убеждение и организация“.*⁵

Стоит запомнить этот аргумент, так как позже пейеристы мотивировали свои систематические предательства тем, что они „возвращают страну“, в общество культурных народов, т. е. в буржуазное общество. Под „жестоким насилием“ они понимали, в первую очередь, власть пролетариата, от нее хотели оберечь буржуазное общество и западных империалистов. С другой стороны то, какое значение придавали империалисты поддержке социал-демократов, отлично показывает заявление Каролья Хусара, сделанное им в связи с формированием правительства:

⁵ „Népszava“ (Голос народа) 23 ноября 1919 года.

„По желанию Антанты мы должны сформировать такое правительство, в котором получат представительство все слои народа, ибо победившие державы согласны вести переговоры о мире только с таким правительством“.⁶

В то же время, конечно, западные империалисты отнюдь не были против контрреволюционного белого террора, а всеми силами поддерживали его, что выясняется из того же заявления Хусара, который констатирует, что:

„Уполномоченный антанты Кларк помогал в том, чтобы христианское и национальное течения имели в новом правлении решающее большинство“.⁷

Пейеристы недолго были в правительстве. В январе 1920 года, когда началась предвыборная кампания и вследствие террора контрреволюции в провинции даже и для правых социал-демократов была невозможна всякая агитация, пейеристы в знак протеста вышли из правительства. Социал-демократы думали, что державы Антанты, поддерживавшие их в ноябре при формировании правительства, и на этот раз окажут им поддержку. Однако, они глубоко ошиблись. Западные империалисты в борьбе против большевизма считали усиление открытого белого террора уже гораздо более важным, чем лакейские услуги социал-демократии. Они боялись того, что коммунисты будут иметь большое влияние на социал-демократических рабочих и используют предвыборную агитацию социал-демократов для целей революционной классовой борьбы — много признаков чего действительно проявилось в начале предвыборной агитации. Поэтому „западные демократии“ не обратили внимания на отеснение венгерской социал-демократии. В это же время они скорее заботились о том, чтобы отеснить социал-демократов и в Австрии, где было чисто социал-демократическое правительство, и помочь буржуазным партиям захватить власть в свои руки. Это видно из цитируемого ниже газетного сообщения:

„Во время пребывания канцлера Реннера в Париже ему заявили, что безусловно необходимо сформировать коалиционное правительство. Английская и французская миссии в Вене уже некоторое время с беспокойством видят обострение положения в Вене. Установлено, что, с одной стороны, укрепляется коммунистическое движение, а, с другой стороны, правительство бессильно воспрепятствовать мятежническим стремлениям“.⁸

Антанта не беспокоилась за венгерских социал-демократов, а она боялась „призрака коммунизма“ и поэтому всеми силами поддерживала тех, кто наиболее кроваво и беспощадно выступал против коммунистического движения.

⁶ Там же. Под „всеми слоями народа“ Хусар, естественно, понимал только слои господствующих классов и их прислужников.

⁷ Там же.

⁸ „Népszava“ (Голос народа), 16 января 1920 года.

II. ПЕРЕГОВОРЫ О СОГЛАШЕНИИ С ХОРТИСТСКИМИ БАНДИТАМИ

Венгерские социал-демократы вскоре поняли, что в деле укрепления классового режима буржуазии они должны играть пока более скромную роль. Поэтому уже через несколько дней они начали непосредственные переговоры с контрреволюционными правительственными партиями. Эти переговоры ясно показали, что выход социал-демократов из правительства и отказ от участия в выборах было не началом классовой боевой оппозиционной политики, а только тактическим шагом приспособления к буржуазному обществу, к контрреволюционному режиму. Характерно, что инициатором переговоров был директор фабрики и известный спекулянт социал-демократ по имени Пал Дэнэш. Первое совещание состоялось на квартире Дьюлы Пекар, известного главного „идеолога“ периода белого террора.

Дословно публикуется протокол совещания, служившего основой дальнейших переговоров, а также и текст пакта:

Протокол

Занесено: Будапешт, 22 января 1950 года на квартире статссекретаря Дьюлы Пекар (VIII р Рэкк Силард ул. 32, II этаж). Тема: Переговоры уполномоченных Партии христианского национального объединения и Венгерской социал-демократической партии в интересах обеспечения взаимного понимания.

Присутствовали: со стороны христианского объединения — министры — Эдэн Беницки, д-р. Якоб Блейер и Дьюла Пекар, со стороны социал-демократов Ференц Миакни, Янош Ванчак, Дэнэш и четыре уполномоченных от профсоюзов.

Председатель: Дьюла Пекар.

Секретарь: начальник отдела печати министерства национальных меньшинств Енэ Херцег.

СОВЕЩАНИЕ

Председатель тепло приветствует присутствующих.

Он заявляет, что после обмена мнениями с социал-демократом Палом Дэнэш, по инициативе начальника отдела печати министерства национальных меньшинств, Енэ Херцега состоялись переговоры с Эдэн Беницким министром внутренних дел, затем с руководителем христианского объединения, Белой Таслером. В результате этих переговоров на сегодняшнем совещании собрались уполномоченные двух партий, в связи с чем он просит членов партий от всего сердца принять участие в укреплении страны. Одновременно с этим он должен выразить начальнику отдела печати Енэ Херцегу благодарность за его бескорыстные усилия в интересах патриотического дела.

После выступления всех присутствующих, социал-демократы в качестве основы взаимного понимания выдвинули следующие условия:

1. Они заявляют, что стоят на основе целостности исторической Венгрии с признанием национального направления,

2. до окончания борьбы в целях защиты целостности страны прекращают классовую борьбу,

3. признают право существования христианского морального мировоззрения,

4. включаются в консолидацию и в политическую жизнь, обеспечивая действительное участие обеих партий христианского блока в голосовании на ближайших выборах,

5. приступают к работе по всей линии.

С другой стороны:

1. Они не требуют участия в правительстве и в парламенте,
2. требуют обеспечения демократических свобод, прекращения политических преследований, освобождения невинных, наказания виновных, ответственных по уголовному праву за участие в большевистском движении,
3. требуют равноправия с гражданскими элементами.

Дата, как указано выше.

Председатель: статс-секретарь Дьюла Пекар с. р.

Секретарь: Енэ Херцег⁹, начальник отдела печати министерства национальных меньшинств с. р.

Что означали эти „условия“? Прекращение классовой борьбы до окончания защиты интегритета, т. е. до восстановления старой „большой Венгрии“, очевидно означало, что классовая борьба — по крайней мере, поскольку это зависит от них — будет „прекращена“ раз и навсегда. Это же означало и признание права „христианского морального мировоззрения“ — т. е. права контрреволюционного правления. Из этого вытекало, естественно, предложение услуг в консолидации, т. е. предложение включиться в строительство контрреволюционного режима. Исклчительно характерно, что социал-демократия, как „оппозиционное“ течение, обсудила и представила на одобрение руководящих представителей венгерского контрреволюционного режима те „требования“, которая она желала выставить якобы против этого режима! Правда, наконец, социал-демократы „требуют обеспечения общественных свобод“, но в то же время они признают своей точкой зрения виновности коммунистов и известный лозунг контрреволюции „искупать вину должны виноваты“. Мы знаем, что за этим лозунгом скрывала, этим лозунгом мотивировала контрреволюция все свои злодеяния, всю свою террористическую гнусность.

В связи с этими первыми переговорами важно подчеркнуть, что, как и при дальнейших переговорах, инициатива исходила от социал-демократической партии и они проходили — как это ясно видно из протокола — в наилучшей, можно сказать, в дружественной атмосфере. Это уже заранее опровергает то, что, как ложно утверждали позже пейеристы, „на них навязали“ этот пакт, что на переговорах „шел рукопашный бой между контрреволюцией и социал-демократами“. Этот протокол, также, как и следующие, доказывают совсем противоположное. Социал-демократы, охваченные необузданной ненавистью к революционному рабочему движению, добровольно предложили свою помощь для укрепления контрреволюционного режима и сделали все для того, чтобы принять в этом как возможно более активное участие.

⁹ Протокол совещания уполномоченных Партии христианского национального объединения и Венгерской социал-демократической партии, состоявшегося 22 января 1920 года на квартире статс-секретаря Дьюла Пекар. Институт рабочего движения, Архив, А. XVII. I, (1920) 18. Подлинный документ.

Следующие переговоры состоялись только в марте, так как возникли осложнения. 17 февраля 1920 года бандиты офицерского отряда, по непосредственному указанию Хорти, захватили и убили редактора „Непсава“, Белу Шомоди и бывшего с ним молодого журналиста, Белу Бачо. Шомоди в отношении его политической платформы был таким же правым социал-демократом, как Гарамн или Пейер. Он так же выступал против Венгерской советской республики, так же радовался ее свержению, так же, как и они проповедывал идею „мирного востания“ в социализм. Однако, Шомоди не мог так быстро и бесхарактерно приспособиться к обстановке белого террора, как ванцаки, пейеры и миакичи. При начале белого террора он немедленно начал издавать газету „Szociáldemokrata Röriratok“ („Социал-демократические листовки“), в которой, с одной стороны, резко хулил Венгерскую советскую республику, с другой стороны, разоблачал кровавые „уклоны“ британистов (британисты — члены офицерского отряда, штаб которого находился в гостинице „Британия“ в Будапеште) и других офицерских формаций. Позже, после появления газеты „Непсава“, Шомоди, как ее редактор, продолжал свою деятельность в этом же направлении. Его разоблачения были неприятны вождю банды убийц — Хорти, и потому он дал приказ убить Шомоди.

Палачи Хорти захватили и убили редактора „Непсава“ Белу Шомоди 17 февраля, и спустя две недели, 2 марта в газете была опубликована передовая статья нового редактора „Непсава“ Яноша Ванцака, адресованная этому же Хорти. В этой передовой статье, потерявший всякий стыд вождь социал-демократов отвратительно льстит новому регенту и открыто предлагает „мозолистые руки рабочих“ для укрепления контрреволюции. Эта передовая статья заслуживает особого внимания потому, что она была первой попыткой венгерской социал-демократии, хотя и в скрытой форме — высказать перед рабочим классом те идеи, которые были позже основой пакта. Этим они „идеологически“ хотели подготовить массы к предстоящему соглашению, к предательству интересов рабочего класса. Передовая следующим образом обращается к кровавому регенту:

„Господин Регент !

Теперешние представители венгерской нации возвели Ваше Превосходительство в верховное звание в стране, в качестве наследника двух выдающихся личностей истории венгерской нации: Яноша Гуниади и Лайоша Кошута.

Народ тысячелетней Венгрии в течение тысячелетия только два раза — и теперь — имел возможность поручить верховный пост в стране тому человеку, к которому он питает наибольшее доверие и которому он спокойно может доверить свою судьбу . . . Мы ходатаи рабочего класса и от его имени приветствуем Ваше Высокопревосходительство на посту регента . . .

Чувствуя величину задачи, стоящую перед Вашим Высокопревосходительством здесь, в разорванной на куски, окруженной врагами, кровоточащей тысячами ран стране, мы чувствуем так, что и мы всеми силами должны вложить свою долю в начинание — работу по восстановлению, чтобы и этим облегчить Вашу, Господин Регент, работу . . . К восстановлению и воскресению нации, сохраняя нашу твердую волю,

*мы с готовностью протягиваем наши мозолистые руки на примирение и доверяем мудрости Вашего Превосходительства определить ценность или бесценность этих рук*¹⁰

Хорти, должно быть, очень понравилась эта лакейская лесть, это лизание его держащей бич руки, несколько дней спустя он разрешил Ференцу Миакичу явиться к нему на аудиенцию в качестве представителя руководства социал-демократической партии. Об аудиенции сохранилась памятная записка, которая вероятно была составлена руководством партии с его предложениями. Записка гласит:

„Выдержка из наших заявлений, сделанных Его Высокопревосходительству господу регенту Хорти.

Внутренняя политика. Наша партия занимает нейтральную позицию в вопросе формирования правительства, для нее безразлично, кто будет премьер-министром и как будет составлено правительство. Однако, по нашему мнению, все же было бы в интересах страны, если бы во главе правительства стоял пользующийся в Европе авторитетом, быть может беспартийный, государственный деятель, а в правительстве, по крайней мере, в специальных министерствах, руководителями были бы специалисты, не смотря на то к какой партии они принадлежат.

Внешняя политика. Свои международные связи наша партия желает использовать для того, чтобы рабочий класс во всех странах выразил своему правительству и отелст против несправедливостей, совершенных по отношению к Венгрии.

Армия и общественная безопасность. Уже и в интересах поддержания внутреннего порядка в стране мы считаем необходимым содержание надлежащего состава, не слишком большой, но хорошо дисциплинированной и не занимающейся политической армии,¹¹ которая, однако, по нашему мнению, не может быть классовой армией, так как это означает опасность. Мы считаем также исключительно важным, для выполнения распоряжений правительственных властей, организацию дисциплинированной полиции и жандармерии, которые также не должны заниматься политикой.

Наконец, мы считаем необходимым присоединение различных специальных формирований и вооруженных отрядов к армии, или к полиции, или к жандармерии, чтобы и ими распоряжались соответствующие ответственные министры.¹²

Посещение Миакичем Хорти с засвидетельствованием почтения, было лишь торжественным введением к переговорам следующих дней. Однако, характерно, с какой готовностью предложили венгерские социал-демократы свои „международные связи“, чтобы помочь режиму Хорти выйти из политических и экономических затруднений. Что касается специальных террористических отрядов, то интересно отметить, что социал-демократы желали не их ликвидации и привлечения к ответственности, а „присоединения“ их к буржуазной армии, полиции и жандармерии, создание которых они считали желательным.

¹⁰ „Népszava“, 2 марта 1920 года. Подчеркнуто мною. Л. Р.

¹¹ Ясно, что „не занимающаяся политикой“ армия и полиция в классовом обществе являются прислужниками господствующего класса и вооруженной гарантией ее власти. Пейеристы также хорошо знали это и поэтому хотели, чтобы контрреволюционный режим имел свою, „не занимающуюся политикой“ армию и жандармерию.

¹² „Выдержка из наших заявлений, сделанных его высокопревосходительству господину регенту Хорти.“ — На документе сверху, чернилами, почерком Миакича написано: „В мае или июне 1920 года по случаю аудиенции, Миакич“. Миакич занес эту заметку на выдержку, вероятно, несколькими месяцами или годами позже, так как он ошибся в дате. Аудиенция произошла в первой половине марта, непосредственно после передовой статьи Ванцака и до переговоров с министром земледелия 16 марта, как это без всякого сомнения выясняется из протокола переговоров. Институт рабочего движения. Архив. А XVII. I (1920) 19. Подлинный документ.

Но еще интереснее и характернее то, что нет в этом заявлении. Характерно то, что в нем вообще нет никакого конкретного требования или желания и, особенно, нет требования прекращения преследований и освобождения арестованных и интернированных. Пейеристы позже, после опубликования пакта, как увидим, постоянно ссылались на то, что к заключению пакта их „принудили“ родственники, плачущие матери и жены арестованных и интернированных. Но уже при начале переговоров, из передовой статьи Ванцака и приема Миакича регентом Хорти ясно видно, что пейеристов меньше всего интересовало то, почему плачут матери и жены. Для них была важна не „защита невинных жертв“, а были важны их бюрократические позиции, безусловная легальность партийных и профсоюзных организаций, доходные места, занимаемые ими в Потребительном кооперативе и в органах соцстрахования, будущие депутатские мандаты и горячо желанные бархатные кресла. Ванцак и Миакич не требовали, они просили милостыню. Они предложили „мозолистые руки рабочих“ и положились на многократного массового убийцу, вождя контрреволюции в том, какие крошки соизволит он бросить им взамен с накрытого стола эксплуататоров.

Через несколько дней после „высокой“ ауденции у регента переговоры продолжались со возобновленной энергией. На этот раз делегацию социал-демократов, состоявшую из трех членов: Миакича, партийного секретаря Иштвана Фаркаша и члена партийного руководства Мора Преуса, принял председатель Всевенгерской христианской партии мелких хозяев и крестьян, министр земледелия Дьюла Рубинек. Основой переговоров служили представленные социал-демократами следующие пункты:

„Венгерская социал-демократическая партия предлагает следующее:

1. Партия становится на национальную основу,
2. примет участие в консолидации страны,
3. обеспечит трудовую дисциплину среди членов партии,
4. требует целостности страны на основе принципа всенародного опроса,
5. в настоящее время не применяет классовой борьбы,
6. включается в политическую жизнь, а на выборах в районах за рекой Тиссы с помощью своих организаций поддерживает официального кандидата Всевенгерской христианской партии мелких хозяев и крестьян.

С другой стороны:

1. В настоящее время партия не примет участия в правительственной власти и в парламенте,
2. требует обеспечения общественных свобод,
3. прекращения политических преследований, строгого наказания виновных,
4. роспуска национального собрания после ратификации мирного договора и создания основных законов,
5. срочного создания Всевенгерского арбитражного комитета по установлению зарплат,
6. создания связи с Всевенгерским земледельческим союзом.¹³

¹³ Протокол совещания председателя Всевенгерской христианской партии мелких хозяев и крестьян с представителями Венгерской социал-демократической партии, состоявшегося 16 марта 1920 года в служебном помещении министра земледелия. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I. (1920) 20. Подлинный документ.

Согласно достоверному протоколу, Миакич в начале совещания:

„Заявил, что в настоящее время главным стремлением социал-демократов является включение в консолидацию страны и содействие ее экономическому развитию. Он указал, что за несколько дней до совещания Его Высокопревосходительству господину Регенту было заявлено, что социал-демократы в настоящее время не хотят брать на себя активной политической роли ни в форме участия в правительстве, ни в форме представительства в парламенте, из чего вытекает, что они не выставляют кандидатов на предстоящие выборы в районах за рекой Тиссы.

В целях избежания забастовок, которые при печальном положении страны могут быть роковыми и вызвать полный экономический кризис, он, от имени своей партии желает срочного создания Всеенгерского арбитражного комитета по установлению зарплаты, задачей которого будет разрешение спорных вопросов в области зарплаты и других разногласий между рабочими и работодателями в каждом отдельном случае в обязательном порядке для обеих сторон“.¹⁴

Преус в своем выступлении, ссылаясь также на аудиенцию Миакича у Регента:

„Указал на то, что партия заявила Его Высокопревосходительству, что она

1. базируется на принципе целостности страны,
2. всеми силами будет стремиться к подавлению большевистских стремлений,
3. приступит к работе и обеспечит трудовую дисциплину.

На основании всего этого партия ищет возможности взаимного понимания, которое, если будет зафиксировано соответствующим образом, надо довести до сведения рабочего класса.“¹⁵

Итак, как видим, уполномоченные социал-демократов и здесь подчеркивали, прежде всего, свою готовность приспособиться к контрреволюционному режиму. Самым главным их стремлением было „включение в консолидацию“ и „обеспечение трудовой дисциплины“. Больше этого не могли требовать даже хортисты. Чего же просили со своей стороны социал-демократы? Они „требовали обеспечения общественных свобод и прекращения политических преследований“. Но то, что это было только пышными фразами, а не серьезным стремлением с их стороны, лучше всего показывает выступление Миакича, в котором

„он просит прекращения политических преследований по всей линии, причем его партия считает необходимым применение примерных наказаний по отношению к привлекаемым к уголовной ответственности“.¹⁶

Что означает это? Должно прекратиться интернирование, должны быть освобождены те социал-демократы, большинство которых саботировало работу Советской Республики и попало в лагеря только вследствие смутного положения в стране — с другой стороны, тысячи честных, боевых революционеров должны быть преданы контрреволюционному суду, чтобы суд мог применить по отношению к ним „примерное наказание“. Таким образом — думали они — „и коза будет сыта, и капуста останется“. Для заграницы будут ликвидированы пользующиеся дурной славой концентрационные лагеря, будут освобождены несколько случайно попав-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ших туда друзей социал-демократов, а истинные борцы, верные представители интересов рабочего класса будут переведены из концентрационных лагерей в тюрьмы. Но, социал-демократические вожди думали не только о революционных борцах прошлого. В интересах консолидации контрреволюционного режима надо было подавить также и ожидаемую борьбу рабочего класса. Пейеристы, естественно, не хотели отстать и в этом, и поэтому заявил Преус, что его партия „всеми силами подавит большевистские стремления“.¹⁷

Рубинек, от имени правительства и своей партии, конечно, был полностью согласен со всем этим. Он лицемерно заявил, что

„Как партия, так и правительство глубоко желают прекращения политических преследований невинных. Виновные должны быть наказаны, но с другой стороны, надо широко проявить и прощение и понимание.“¹⁸

Одновременно он выразил также и то, что его партия „представляет христианское направление“, но безусловно рассчитывает на участие социал-демократической партии в парламентской жизни „в интересах мира во внутренней политике, а также и с точки зрения международных отношений“.¹⁹

Однако, согласие было полным не только в политической области. При тогдашнем положении страны исключительно большую роль играли экономические вопросы. Производство промышленности катастрофически сократилось, не было ни сырья, ни топлива, угрожал призрак полного экономического развала. Фабрики одна за другой прекращали работу, так как не могли получить заграничного кокса. Контрреволюционный режим для дальнейшего существования нуждался в срочной помощи. Мы уже видели выше, как предлагала социал-демократическая партия свое сотрудничество и свои „международные связи“ для преодоления трудностей. Теперь она сделала еще один шаг вперед. Она предложила свое сотрудничество в контрреволюционном разрешении внутренних экономических трудностей, поддерживая стремления капиталистов снизить зарплату рабочего класса. Как заявил Миакич:

„Он хочет видеть рабочий класс плечо к плечу, в понимании с буржуазными элементами. При теперешних тяжелых экономических условиях они не будут вести классовой борьбы, от которой принципиально не отказываются и будут стараться содействовать смягчению классовых противоречий.“²⁰

Однако, социал-демократы не ограничились только принципиальным прекращением классовой борьбы и желанием понимания. Они сразу же представили конкретное предложение, как можно воспрепятствовать стачечной борьбе рабочих с помощью чудодейственного средства государственного посредничества в спорных вопросах о зарплате :

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

„В целях избежания забастовок — заявил Миакич —, которые при печальном положении страны могут быть роковым и могут вызвать полный экономический кризис, он, от имени своей партии желает срочного создания Всевенгерского арбитражного комитета по установлению зарплаты, задачей которого будет разрешение спорных вопросов в области зарплаты и других разногласий между рабочими и работодателями в каждом отдельном в обязательном порядке для обеих сторон.“²¹

Это, конечно, очень нравилось Рубинеку, который полностью был солидарен и в этом вопросе. В своем ответе он заявил, что

„он уже давно занимается изучением этих вопросов, вполне чувствует их исключительную важность и значение и все его стремления будут направлены к тому, чтобы через партию, а также и у правительства сделать возможным срочное создание арбитражного учреждения, ссылаясь на то, чтобы во главе комиссии были также и лица, пользующиеся доверием и рабочего класса“.²²

Таким образом, между министром от партии мелких хозяев, „стоящим на христианско-национальной основе“ и вождями социал-демократов „временно прекратившими классовую борьбу“ было полное согласие. То, что социал-демократы предложили голоса рабочих на следующих выборах партии мелких хозяев, только закрепило их дружественное сотрудничество. По протоколу Миакич закончил свое выступление следующим :

„Одновременно от имени своей партии он заявляет, что из руководящих в настоящее время партий к принципам социал-демократической партии ближе всего стоит партия мелких хозяев, и он уже при выборах в Затисских районах даст членам своей партии указание голосовать за официальных кандидатов, выставленных партией мелких хозяев.“²³

Неудивительно, что это расстрогало Рубинека, который следующим образом напутствовал делегацию социал-демократической партии:

„Он вновь выражает свою радость по случаю начала переговоров с социал-демократами, дающих надежду на понимание. Еще сегодня он сделает об этом доклад руководству своей партии и на ближайшем заседании Совета Министров — правительству.“²⁴

Через четыре дня уполномоченные социал-демократической партии явились к тогдашнему премьер-министру Шандору Шимони-Шемадам. Здесь вместо Преуса присутствовал Ванцак в сопровождении Миакича и Фаркаша. Главным оратором был также Ванцак, который во введении „теоретически“ мотивировал, что социал-демократия стала интернациональной только потому, что „не встретила понимания“ на родине. То есть, если бы венгерские господствующие классы проявили больше понимания, то не было бы „интернациональной“ социал-демократии! Но отсутствие этого понимания является объяснением — по мнению Ванцака — рас пространения большевизма. Как он указал:

„Объяснением того, что в свое время партия стала интернациональной является то, что социал-демократы не встретили на родине понимания в вопросе избиратель-

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

ного права и, таким образом, рабочий класс вынужден был опираться на силу интернационализма. Ни при политических, ни при местных выборах они не могли приспособиться к старому устаревшему юридическому строю. Это огорчило их душу и это было причиной того, что при содействии террора они присоединились к большевистскому течению. Однако, надо констатировать, что число тех, кто . . . сохранил свою рассудительность и не отождествил себя с большевистскими стремлениями, было значительным. Многие из благоразумных элементов — именно и присутствующие здесь — пытались проявить сопротивление, но против необузданной волны это было уже невозможно.

После террора . . . наступила новая эпоха, в которую они не могли включиться в течение нескольких минут, так как по отношению к ним сплошь да рядом проявлялась понятная антипатия.²⁵

Конечно, антипатия вполне „понятна“, и они сделают все возможное, чтобы рассеять недоверие. Они готовы доказать свою готовность на сотрудничество с христианско-национальным режимом, с его партией и другими организациями, только пусть предоставят им возможность:

„Они заявляют, что занимая место в новом мире чувств, они не являются ренегатами, они и дальше остаются социал-демократами, не отказываются от классово́й борьбы, но в настоящее время не прибегают к ней. Они, как венгерские рабочие, протягивают свою братскую руку, от честной рабочей души предлагают свой труд для содействия интересам родины. Но с другой стороны, напряжение должно смягчиться, правительство и буржуазный лагерь должны подняться до примирения, тогда можно будет избежать индустриального влияния.“²⁶

Миакич вновь поднял вопрос „чудодейственного средства“ — обязательного посредничества в области зарплаты и предложил „ревизию“ марксизма.

„Мы все вместе с буржуазией ответственны за большевизм, заявил он. Поэтому мы не должны обвинять только рабочий класс . . . Мы признаем, что *марксизм также нуждается в ревизии*²⁷ . . . Государство не должно отнять предприятия от частных фирм, они должны быть восстановлены и государство должно взять от них полагающееся ему. Рабочего надо буржуазировать.“²⁸

Все это, конечно, вызвало одобрение и премьер-министра также, как и министра земледелия. Премьер-министр сомневался лишь в том, можно ли верить в искренность социал-демократов. В конце совещания он заявил:

„Для законности сближения я прошу знака того, что приближение со стороны рабочего класса происходит честно и не только в целях достижения прекращения преследований.“²⁹

Затем он сделал короткий политэкономический доклад о праве капитализма на существование, ибо, хотя он и не является его сторонником, „это теперь единственный проходимый путь“. Он заявил также и то,

²⁵ Протокол совещания между премьер-министром и уполномоченными Венгерской социал-демократической партии, состоявшегося 20 марта 1920 года в служебном помещении премьер-министра. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I. (1920) 21. Подлинный документ.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

что он любит употреблять слово „социальный“, а не выражение „социалистический“, так как последнее означает выражение ненависти.³⁰

Наконец, достигнув согласия во всех вопросах, они расстались с тем, что, в надежде на достижение быстрого соглашения, они будут продолжать переговоры. Как мы видим, на этом совещании социал-демократы по существу заложили все основные „принципы“, которые были приняты во внимание при заключении пакта. Они не провели ревизию марксизма, потому что они никогда не были марксистами, они окончательно бросили на произвол судьбы классовую борьбу рабочего класса, перешли на сторону буржуазии. В приведенных выше протоколах нельзя найти даже малейшего следа марксистской революционной теории и практики. Несомненно, не от них зависело то, что пакт удалось заключить не весной 1920 года, а только в конце 1921 года.

III. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ДОКАЗЫВАЮТ СВОЮ ВЕРНОСТЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОМУ РЕЖИМУ

Переговоры между правительством и социал-демократами на некоторое время были прерваны. Золтан Бенч, руководитель „социально-политического“ отдела кабинета премьер-министра и главный организатор дальнейших переговоров, одна из повивальных бабок пакта, в докладе о создании и выполнении пакта перерыв переговоров объяснял следующим образом:

„... Я должен установить, что со стороны правительства и руководителей буржуазных партий и в ходе переговоров наблюдалась определенная воздержанность по отношению к этим обещаниям. Министр внутренних дел Беницкий считает невероятным, что социал-демократы искренно хотят стать на национальную основу и принять участие в работе по консолидации. Премьер-министр Шимони на совещании с ними прямо намекнул на то, что „многие говорят, что нельзя питать доверие к социал-демократам, так как их приближение к власти и присоединение к буржуазии — только тактика“. Пожалуй, этому наверно надо приписывать и неуспешность переговоров.“³¹

На самом же деле прекращение переговоров имело совсем другую решающую причину. Контрреволюционный режим в течение нескольких лет после захвата власти вновь и вновь делал большие усилия в целях укрепления и обеспечения своего господства с помощью различных массовых организаций фашистского характера, в первую очередь — с помощью рабочих организаций. Эти христианско-социальные и прочие профсоюзные и партийные организации, несмотря на всю поддержку и огромные денежные жертвы со стороны государства, не могли глубоко проникнуть в ряды

³⁰ Там же.

³¹ Доклад секретаря министра д-ра Золтана Бенча премьер-министру о событиях, предшествовавших договору, заключенному 22 декабря 1921 года между правительством и социал-демократическим рабочим классом, и о его выполнении. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I (1921) 5. Подлинный документ.

рабочего класса. Таким образом, контрреволюционному режиму не оставалось иного, как, с помощью предательской деятельности социал-демократии, ксвенным, сбхсдным путем сбеспечить для себя сотрудничество рабочего класса. Итак, рецидивы и перерывы в ходе переговоров явно показывают, чье мнение взяло верх в данное время в правительственных кругах: мнение тех-ли, кто хотел идти на соглашение с социал-демократией, или-же тех, кто еще раз хотел сделать попытку заставить рабочий класс принять массовые организации фашистского характера.

Однако, поскольку необходимость консолидации контрреволюционного режима становилась все более яенной, постольку и в планах контрреволюционных политиков на первом план все более выходила мысль о начале вновь переговоров с социал-демократами.

Между тем, конечно, и социал-демократы сделали все возможное, чтобы доказать свою „надежность“. В „Непсава“ продолжалось подлизывание к тогдашнему правительству и к Хорти. А в декабре 1920 года, когда контрреволюционный суд приговорил к смертной казни четырех народных комиссаров от социал-демократической партии, социал-демократы в прошении, поданном Хорти, вновь изложили свою основную позицию по отношению к событиям недавнего прошлого, доказывали свое контрреволюционное поведение во время диктатуры пролетариата и выразили свою готовность на вращение в хортистский режим. Историю они объясняли следующим образом:

„Социал-демократическое рабочее движение в Венгрии всегда характеризовалось стремлением к порядку, миру и доведению классовй борьбы до победы мирными средствами. Рабочее движение в Венгрии никсгда не проповедывало кровавой борьбы, террористического насилия, покушений или путчей.

. . . Прошлое социал-демократической части рабочего класса, проведенное в мирной борьбе, обдуманное и осторожное политическое и общественное направление этого прошлого, имевшее всегда в виду общие интересы страны и стремящееся к достижению, в рамках экономической борьбы, соглашения, компромисса с другими общественными классами, проводит резкую границу между осужденными социал-демократическими народными комиссарами и бежавшими коммунистическими вождями. Это прошлое стихийной силой, моральной силой объективной истины требует другого отношения и другого подхода к социал-демократическим народным комиссарам, чем если бы перед судом стояли коммунистические вожди.

. . . Кто объективно смотрит на события, тот должен видеть, что на огромная непреодолимая разница, которая до диктатуры резко, даже в форме уличных боев, поставила социал-демократическую часть рабочего класса против коммунистов и которая на короткое время была ликвидирована историческим безвыходным положением, созданным в связи с нотой Викса: — эти противоречия со всей интенсивностью ожили вновь во времена диктатуры, еще более углубили пропасть между двумя лагерями, и теперь между социал-демократами и коммунистами продолжается старая ненависть и старая борьба. Венгерское министерство внутренних дел и венские газеты могут дать в этом вопросе несомненные доказательства.³²

В другом месте прошения гсворится :

„Руководства нашей партии и наших профсоюзов до конца серьезно, честно и искренно вели борьбу против большевизма. Один из приговоренных к смерти

³² См. примечание № 1.

народных комиссаров — Хаубрих вложил львиную долю в эту борьбу. К сожалению, буржуазия квалифицировала эту борьбу внутренней борьбой между социал-демократами и коммунистами и не поддерживала нас.³³

Социал-демократия не могла яснее показать свое подлинное лицо, свою действительную роль в предательстве дела Венгерской Советской Республики, в подлом сотрудничестве с внешним и внутренним врагом. Однако, описание прошлого служило только тому, чтобы, на основании его — доверить Хорти право „беспристрастного“ правосудия.

„Ваше Высокопревосходительство — писали они — стоит над партиями. Мудрость правителя делает Вас способным и в обстановке раздора и политического разногласия беспристрастно рассматривать роль приговоренных к смерти народных комиссаров, чтобы, поставив все это в ряд вышеизложенных событий и учитывая и изложенное ниже, взвесить: заслуживают-ли они смерти на виселице, как обыкновенные убийцы, и будет-ли содействовать эта казнь пониманию, примирению и общественному миру.“³⁴

Чтобы облегчить решение, они одновременно указали и на международную роль социал-демократии в борьбе, направленной на кровавое подавление рабочего движения. Они гордо ссылались на контрреволюционную, спасающую капитализм деятельность социал-демократии всего мира и, в тоже время, на хорошее мнение будапештских агентов западных империалистических держав о венгерских социал-демократических народных комиссарах. Благодаря разоблачениям, сделанным Матиасом Ракоши, теперь мы уже знаем, какая тесная связь имеется между шпионской организацией английского империализма и руководителями так называемой „Лэбор“ партии. В этом прошении, написанном 30 лет тому назад, венгерские социал-демократы невольно выдают себя, считая хорошее мнение агентов антанты равноценным с позицией западных социал-демократов.

И, если они уже в мировом масштабе и с исторической точки зрения показали и доказали большую роль социал-демократии в восстановлении и укреплении буржуазного режима, то является только естественным, что в заключительной части прошения говорится о роли, взятой на себя венгерской социал-демократией в консолидации контрреволюционного режима.³⁵

Это письменное обращение к „Его Превосходительству господину Регенту“ заслуживает особого внимания потому, что в противоположность различным практическим желаниям и обещаниям, прозвучавшим на совещаниях, в противоположность торгашеству, оно на „идейной почве“, с помощью теоретических разъяснений старается объяснить и обосновать предательство социал-демократов. Поэтому, кроме известной передовой статьи Ванцака от 2-го марта 1920 года, это письменное обращение можно

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Смотри приложение № I.

считать вторым решающим документом обдуманной и основательной подготовки пакта.

15 апреля 1921 года пост премьер-министра занял Иштван Бетлен. В первом своем выступлении в парламенте относительно „рабочего вопроса“ он высказался следующим образом:

„В настоящее время мир находится под влиянием больших деструктивных идейных течений. В России еще господствует большевизм; большевизм покрыл все Европу сетью своих агентов и подкупил ее деньгами; большевизм проявляет деятельность. У наших соседей проявляются подобные симптомы и — даже здесь у нас — мы не должны обманывать себя — имеются силы напряжения. Мы не должны обманывать самих себя: эти силы напряжения, если мы дадим им волю, могут воспрепятствовать возможности консолидации государства.“

По отношению к рабочему классу правительство проявит глубочайшее понимание. Мы полностью сознаем, что существует много различных распоряжений, которые в настоящее время являются уже несправедливыми по отношению к рабочему классу.³⁶

Правительство во всех отношениях смягчит эти распоряжения и твердо решило, создав контакт с рабочим классом, обсудить с ним эти вопросы и, по возможности, создать такое урегулирование, которое успокоит и рабочий класс.³⁷

Конечно, ясно, что под „рабочим классом“ Бетлен понимал руководителей социал-демократов и, боясь большевизма, хотел создать с ними контакт. Таким образом был дан сигнал для возобновления переговоров, со времени перерыва которых прошло уже более года.

„Непсава“ с радостью встретила предложение Бетлена. Заявления и обещания были уже и до сих пор, при каждом новом правительстве — гласила газета —, но теперь „стакан уже давно переполнен до краев“. И правда, бедняжки целый год ждали продолжения переговоров, но вместо переговоров получали всегда только обещания!

„Итак, мы хотим верить, что на этот раз дела пойдут иначе, и что за высказанными теперь заявлениями скрывается серьезное желание.“³⁸

Действительно, за обещанием скрывалась твердая воля. Бетлен принес новые, большие планы. После многих неудачных попыток он хотел окончательно консолидировать контрреволюцию: хотел обеспечить прочность государства крупных помещиков и капиталистов, возможность спокойного достижения прибыли. Для этого в стране необходимы были спокойствие и контрреволюционный строй, а необходимо было иностранный заем. Для создания внутреннего порядка, также как и для получения займов из заграницы Бетлен хотел использовать сотрудничество венгерской социал-демократии. Упомянутый выше доклад Бенча характерно показывает изменение, происшедшее в поведении господствующих кругов по отношению к социал-демократии:

³⁶ Здесь Бетлен думал, вероятно, о том, что после безрезультатных попыток привлечь на свою сторону различные „христианские“ и „национальные“ рабочие организации, не остается ничего иного, как использовать помощь, услужливо предлагаемую социал-демократами.

³⁷ Дневник нижней палаты венгерского парламента 1920—21 т. IX. стр. 186.

³⁸ „Népszava“ 23 апреля 1921 года.

„Положение осталось неизменно напряженным, социал-демократическая часть рабочего класса жаловалась на все новые и новые обиды, с другой стороны, в кругу руководящих политиков буржуазных партий все более распространяется сознание того, что длительно пренебрегать участием социал-демократических масс рабочего класса в общественной жизни и в ответственности — не политическая и не целесообразная тактика.“³⁹

Следующим шагом к сближению было дружеское посещение руководителями социал-демократов Имре Надаши, в лице которого они приветствовали назначенного 7 августа 1921 года нового начальника государственной полиции, позже вождя поддельвателей франка. Бенч об этом пишет, что

„Когда министерский советник Имре Надаши после назначения его начальником государственной полиции, занял свой пост, для выражения своего уважения к нему явилась делегация социал-демократической партии (Геца Малашич, Ференц Миакич и Иштван Фаркаш). Подчеркивая свои обиды, члены делегации указали на то, что с их стороны интернационализм является не иным, как интернационализмом католицизма, они венгерские рабочие, хотели бы работать для родины, но теперешние условия препятствуют этому. Иштван Фаркаш заявил, что они не имеют ничего общего с трусливо бежавшей эмиграцией, оставившей в беде рабочий класс и отказываются от всякой общности с ней. Я должен отметить, что на приеме присутствовал также заместитель начальника полиции Кароль Андрека.“⁴⁰

Обе стороны охотно содействовали сближению. Так, когда компетентные органы министерства внутренних дел хотели начать следствие в связи с одной передовой статьей „Непсава“ и просили по этому делу распоряжений кабинета премьер-министра, им прямо было запрещено выступать против „Непсава“. Характерно, что главной причины терпения фигурировало то, что преследование газеты может вредить интересам внешней политики. В этом документе, датированном в начале октября 1921 года, говорится:

„Нельзя установить случая подстрекательства, имеющего определенно коммунистическое направление и угрожающего общественному строю, следовательно нет необходимого основания для возбуждения следствия. При теперешнем тяжелом внешнеполитическом положении страны вообще не было бы целесообразным заставить замолчать единственный орган социал-демократической части венгерского рабочего класса с помощью применения более решительных мероприятий, тем менее, что достигнутая таким образом польза с политической точки зрения не стоила бы вредного влияния, того волнения и беспокойства, которые безусловно вызвали бы эти мероприятия.“⁴¹

Однако, правительство все еще с „недоверием“ относилось к социал-демократам, просило все больше гарантии того, что социал-демократия будет верным, на все готовым лакеем господствующего режима. Как собаке дают кусок сахара только тогда, если она предварительно ста-

³⁹ Смотри примечание № 31. Всеобщий Потребительский Кооператив уже раньше был подчинен государственному контролю и его хотели взять из рук руководителей социал-демократов. Осенью 1920 года, по распоряжению правительства Бетлена государственный комиссар был отозван и было восстановлено самоуправление кооператива. Это несомненно было дружественным жестом, служащим введением к начинающимся переговорам.

⁴⁰ Смотри примечание № 40.

⁴¹ Государственный Архив. М. Е. 1921—V—8447 Подлинный документ.

новится на задние лапки, так правительство Бетлена заставляло социал-демократов предварительно „аппортировать“, прежде чем начать серьезные переговоры. Это показывает и доклад Бенча, в котором дальше говорится:

„Со стороны социал-демократии все более определенно проявлялось стремление к урегулированию в ходе переговоров всех неразрешенных вопросов. При разговорах, касающихся этого, я всегда должен был указывать на то, что, как бы ни были симпатичны эти неофициальные заявления, до тех пор, пока социал-демократическая партия не даст публично несомненного знака, что она действительно сделала вывод из событий и искренно желает проводить национальную политику — хотя и в качестве оппозиции — правительство не может серьезно принять эти заявления, так как общественность, под влиянием революционных событий недавнего прошлого, не питает много доверия к тому, что эти заявления основаны на серьезном рефлексии и что за ними, в случае необходимости, последуют и серьезные действия.“⁴²

Пейеристы согласны были дать любые доказательства. Вскоре представился подходящий случай: второй путч, имеющий целью реставрацию Габсбургской династии.

22 октября 1921 года бывший венгерский король, Карл Габсбург вторично пытался захватить потерянный трон с помощью путча. Эта попытка разделила венгерские господствующие классы на два лагеря. Одна часть с воодушевлением поддерживала попытку Карла. К этой группе принадлежали такие руководящие политики, как граф Дьюла Андраши, бывший председатель парламента Иван Раковски, бывший министр финансов Эдэн Бенички и многие другие. Сильный лагерь имел „король“ в рядах офицеров и различных специальных офицерских отрядов.

Второй лагерь сплотился вокруг Хорти и Бетлена. В рядах этого лагеря были также и монархисты, которые, однако, при данных обстоятельствах возвращение Карла не считали своевременным. С одной стороны, они боялись международных осложнений, с другой стороны, они пока хорошо себя чувствовали при режиме Хорти и поэтому охотно откладывали выставление и разрешение этого вопроса „до лучшего времени“.

Возвращение короля произошло в форме путча. Карл и его сторонники от границы „продвинулись“ до Будаэрша, по пути приводя гарнизоны и государственных служащих к присяге на верность „королю“. Столкновение военных сил двух лагерей произошло около Будаэрша. После короткого сражения „карлисты“ сдались. Путч был сорван, верх взяли бетленовцы.

Однако, эта превратившаяся в трагикомедию акция вскрыла противоречия внутри венгерских господствующих классов, гниль господствующего режима. Господа политики, которые еще день тому назад мирно разговаривали в коридорах парламента, теперь нападали друг на друга и по телеграфу и по телефону посылали друг другу „смертные приговоры“.

⁴² Смотри примечание № 31.

Внутренние противоречия господствующих классов являются резервами освободительной борьбы рабочего класса, если рабочий класс способен использовать эти противоречия и внутреннюю слабость господствующих классов в свою пользу. Однако, для этого рабочему классу было необходимо последовательное, революционное, классовое боевое руководство. Это руководство дала коммунистическая партия, которая в листовках призывала рабочий класс использовать внутренние противоречия контрреволюционного режима. Но коммунистическая партия не имела тогда в Венгрии сети организаций, не имела достаточно силы для того, чтобы стать во главе непосредственной борьбы рабочего класса. А социал-демократическая партия использовала этот хаос для того, чтобы доказать свою „верность“ господствующему режиму, чтобы в награждение за оказанные услуги протянуть затем руку за милостыней.

Один из руководящих лиц бетленовского режима, тогдашний руководитель Венгерского телеграфного агентства (МТИ), Миклош Козма, свои переговоры с социал-демократической партией, состоявшиеся в „роковые часы“, записал следующим образом:

„4 часа 45 минут после полудня. Доверенный Ванцака, редактор „Непсава“ по имени Сердахеи получил информацию в таком смысле, что правительство является полным хозяином положения — доброжелательное предупреждение в интересах спокойного поведения рабочего класса . . .

5 часов 50 минут. Доклад кабинету премьер-министра о том, что представитель социал-демократической партии, Сердахеи пока заверяет в спокойном поведении рабочего класса, ищет личного контакта со мной.

6 часов 16 минут. Сердахеи по телефону сообщает, что руководство социал-демократической партии созвало заседание, о результате которого он сделает доклад. Цель: успокоение рабочего класса . . .

1 час 35 минут (ночью). Личные переговоры с руководителем рабочих Сердахеи. По его словам, партийная конференция гарантирует спокойное поведение рабочих . . . В случае безусловно хорошего поведения обещаю интервенцию у правительства в целях приема Ванцака одним членом правительства. Ссылаясь на речь премьер-министра в городе Печ, по моему мнению, не исключена возможность того, что правительство пойдет на уступки . . .“⁴³

Несколько дней спустя, 3 ноября, Козма в секретном докладе Бетлену о том же Сердахеи пишет:

„Пригласив к себе одного заслуживающего доверия человека, я получил от него заверение в том, что рабочий класс будет вести себя спокойно, будет пассивным наблюдателем событий . . . По моей просьбе было созвано заседание Совета профсоюзов, которое приняло резолюцию в смысле моей информации. Взамен этого я обещал интервенцию по всему комплексу рабочего вопроса, подчеркнув, что правительство является полным хозяином положения, так что здесь мы стоим не на основе *do ut des* (я даю, чтобы ты дал), когда я, как друг, предлагаю им задним числом заслужить доброжелательность и одобрение правительства, что во всяком случае проявится на деле.“⁴⁴

Итак, социал-демократическая партия охотно спешила на помощь Бетлену и Хорти. Социал-демократическая партия вместо того, чтобы

⁴³ Государственный Архив. МЕ. 1921—V—10 151. Подлинный документ.

⁴⁴ Государственный Архив. Записи Козмы, 8. Подлинный документ.

использовать противоречия между двумя группами буржуазии для организации самостоятельного, боевого выступления рабочего класса против обоих течений господствующих угнетающих классов, сдерживала рабочих во избежание осложнений.

Для полной картины не безинтересно отметить, что Шандор Сердахеи, которого Миклош Козма представляет в качестве своего агента в социал-демократической партии, вплоть до соединения венгерских рабочих партий в 1948 году, был редактором „Непсава“!

IV. ПАКТ

Итак, социал-демократы доказали, что они искренно склонны принять участие в укреплении так называемого христианского правления, в укреплении капиталистического контрреволюционного режима. Путь к новым переговорам и окончательному соглашению был открыт.

„Спокойное поведение, проявленное организованными рабочими в хаосе второго приезда Карла . . . казалось серьезным фактом. Итак, правительство обдумало и решило предоставить этому ценному слою национального общества, которым является организованный рабочий класс, возможность принять участие в работе по национальному восстановлению, если он действительно хочет принять в ней участие. После этого решения Вашего Превосходительства, в связи с письмом Ференца Миакича, в котором он, обращаясь ко мне официально, поднял вопрос о предоставлении возможности устных переговоров в интересах разрешения их жалоб, обратив на эти жалобы внимание Вашего Превосходительства — я сообщил ему, что если они представят их жалобы в кратком изложении, я надеюсь исходатайствовать для них прощенные ими уже раньше устные переговоры. После этого они представили мне заявление, которое позже служило основой прений на созванном Вашим Превосходительством совещании.“⁴⁵

Действительно, переговоры начались 8 декабря 1921 года на основании заявлений социал-демократической партии. Переговоры продолжались почти в течение двух недель, состоялось всего шесть совещаний. 21 декабря переговоры закончились подписанием пакта. Обе стороны придавали переговорам очень большое значение и участвовали в них своими „лучшими силами“. Совещания до самого конца проходили под председательством Иштвана Бетлена и при обсуждении вопросов, затрагивавших сферу их деятельности, присутствовали и различные министры, а также начальник государственной полиции. Делегацию социал-демократов возглавлял Карой Пейер, в ней приняли участие такие испытанные и опытные предатели рабочего движения, как Иштван Фаркаш, Ференц Миакич и Шандор Поппер.

На переговорах социал-демократическая партия подняла двенадцать вопросов. О двух вопросах (вопросы Всеобщего потребительского кооператива и свободы печати) было установлено, что они в промежуток времени

⁴⁵ Смотри примечание № 31.

„уже разрешены“. Во всех остальных вопросах было достигнуто полное и совершенное разрешение. В вопросе свободы объединений и собраний договорились таким образом, что будут разрешены собрания, но „полицейские власти могут посылать на все политические собрания (таким образом и на партийные!) свои контрольные органы“. Договорились и о том, что профсоюзы „ни в коем случае не могут заниматься политикой“, запрещается организация государственных служащих, железнодорожников и почтовых служащих, запрещается агитация среди землекопов — а в остальном профсоюзы, „беспрепятственно могут проводить свою деятельность!“

Было достигнуто соглашение в том, что правительство, „принимая во внимание агитацию большевиков, и в будущем сохранит учреждение концентрационных лагерей“, но по отношению к тем, за кого ручается социал-демократическая партия, следствия будут прекращены. Договорились о том, что в будущем интернировать будут „только те лица, которые с государственной и общественной точки зрения, как опасные агитаторы — коммунисты — означают особую опасность.“ Согласились в тексте амнистии, которая действительно была объявлена несколько дней спустя, сущность которой заключалась в том, что она не распространялась на тех лиц, относительно которых „венгерский королевский министр юстиции установит, что . . . они подвергают опасности законный строй государства и общества или же общественную безопасность.“ Договорились также и о ликвидации ускоренного судопроизводства и о „постепенном“ отмене военных чрезвычайных распоряжений.

Договорились о восстановлении автономии социального страхования рабочих на основе „трех заинтересованных сторон (рабочих, работодателей и правительства)“. По сравнению с прежней заинтересованностью двух сторон (рабочих и работодателей) это было серьезной принципиальной уступкой, ибо было очевидно, что в решающих вопросах правительство выступит на стороне капиталистов. Между прочим, позже правительство сделало в этом вопросе уступку и, надлежащим образом сузив автономию, восстановило заинтересованность двух сторон. То есть, правительство осознало, что капиталисты не нуждаются в особой защите против социал-демократии, ибо она в конечном итоге является представителем интересов буржуазии.

Они договорились о том, что правительство предоставит шахтерам большую свободу, отменит запрет переселения, имеющий средневековый характер, а с другой стороны, социал-демократическая партия не будет вести агитацию в такой области, „где она может угрожать непрерывности и выпуску производства“. Они договорились и о том, что правительство „естественно сделает все“ для улучшения экономического положения и что в интересах этого будет проведено в жизнь чудодейственное средство Миакича — арбитражные и третейские суды. Наконец, правительство

с готовностью обещало снять секвестр с денег профсоюзов и содействовать распространению партийных и профсоюзных газет.

Правительство со своей стороны, „параллельно перечисленным выше удовлетворениям жалоб социал-демократической части рабочего класса“, также представило свои желания, в вопросе которых также было достигнуто полное и совершенное соглашение. Чего желало правительство?

В области внутренней политики оно желало только того, чтобы социал-демократия приспособилась к контрреволюционному строю, „не занималась республиканской пропагандой, воздерживалась от забастовок, „считала универсальные интересы нации и страны — то-есть контрреволюционный режим — тождественными с интересами рабочего класса“.

В области внешней политики социал-демократы обязуются всеми средствами способствовать созданию хорошей репутации контрреволюционной Венгрии, в целях чего руководители партии должны писать статьи в духе соглашения, а партия назначает своего делегата, „который постоянно будет иметь связь с министерством иностранных дел“.

Таково было соглашение, таков был известный пакт. Смело можно сказать, что в течение четверти столетия этот пакт был образцом, первой четкой формулировкой мирного и тесного сотрудничества социал-демократии с контрреволюционным режимом. Этого не изменяет и тот факт, что социал-демократы после опубликования пакта в 1924 году отказались от пакта и отрицали, что они когда-либо соблюдали его. Конечно, пакт содержал и такие несущественные или относительно менее существенные пункты, которые не были осуществлены или же были изменены в ходе их осуществления. Например, мы не знаем, был-ли, согласно соглашению, назначен специальный делегат в министерство иностранных дел. Но мы знаем то, что социал-демократы в течение всего четверти столетия внимательно следили за тем, чтобы не вредить внешнеполитическим интересам контрреволюционного режима и поддерживать его просьбы об иностранном кредите. Правда, они не порвали с эмиграцией, но относительно этого они позже, очевидно, заключили с бетленовцами специальное соглашение, ведь руководители социал-демократических эмигрантов (Гарамы, Бухингер) позже, со специального разрешения правительства того-же Бетлена, могли вернуться на родину.

Итак, пакт мог содержать и содержал такие менее значительные пункты, которые вследствие изменения обстоятельств не были выполнены буквально. Сущность, однако, заключается в том, что венгерские социал-демократы строго соблюдали все имеющие решающее значение пункты и условия пакта не только до его опубликования в 1924 году, но и позже, и считали его основой всей своей деятельности. В чем заключалась сущностью пакта? Сущностью пакта было то, что социал-демократия с готовностью приспособилась к контрреволюционному режиму. Сущностью его было то, что венгерские социал-демократы фактически отка-

зались от борьбы рабочего класса за создание нового общественного строя, за ликвидацию капиталистической эксплуатации. Сущностью пакта было то, что социал-демократы в повседневной конкретной борьбе между капиталом и трудом предали интересы рабочего класса и перешли на сторону капиталистов. И, наконец, сущностью его было то, что они сотрудничали в преследовании и угнетении революционного рабочего движения и коммунистической партии. Может-ли ктонибудь утверждать, что социал-демократия во времена контр-революционного режима когда-либо отказалась от этих существенных и основных пунктов пакта? Нет! Социал-демократическая партия с самого начала до конца точно и последовательно соблюдала *дух и сущность* пакта, потому что это было естественным последствием классового предательства!

У. КАК СОБЛЮДАЛИ ПАКТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Едва засохли чернила подписей на последней странице пакта, как обе стороны уже приступили к выполнению взятых на себя обязательств. Первым условием пакта, которое, правда, не фигурировало в тексте, но которое обе стороны считали естественным и строго соблюдали в течение многих лет, была секретность пакта. Тот факт, что в руках правительства был такой документ, опубликование которого руководители социал-демократов, по понятным причинам, не считали желательными, уже сам этот факт выдавал бы социал-демократов правительству, если бы они и до этого не прислуживали ему! Если бы социал-демократы — как они это позже утверждали — действительно не хотели выполнять обязательств, взятых на себя пактом, то было бы естественным опубликовать его и разоблачить вымогательские маневры правительства.⁴⁶

С другой стороны, мы видим, что уже и тогда, как и позже, всегда Бетлен был тем, кто хотел опубликовать как возможно больше подробностей пакта, а социал-демократы охраняли его секретность. Так, Бетлен уже 23 декабря 1921 года сделал заявление о соглашении. Его заявление было опубликовано во всех газетах, поэтому и „Непсава“ вынуждена была поместить его, пока безо всякого комментария. В заявлении между прочим говорится:

⁴⁶ Держать пакт в секрете хотели социал-демократы, а не правительство. „Близкостоящие к премьер-министру круги“, после опубликования пакта заявили, что „... Материалы переговоров в свое время не были опубликованы, и это произошло ни в коем случае не по вине правительства. Пакт не был опубликован потому, что руководители социал-демократов выразили решительное желание, чтобы совещание было секретным. Они мотивировали это тем, что таким образом они легче смогут достигнуть результатов среди масс и свободнее смогут проводить свою политическую деятельность“. Газета „Мадяршаг“, 1 января 1925 года. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

„Заявление председателя правительства о переговорах с делегатами социал-демократических рабочих.“

Венгерское Телеграфное Агентство сообщает: премьер-министр, граф Иштван Бетлен информировал корреспондента Венгерского Телеграфного Агентства о переговорах между правительством и делегатами венгерских социал-демократических рабочих, продолжавшихся в течение нескольких дней с 8 по 21 декабря. Исходным пунктом переговоров было то, что официальные представители и органы венгерских социал-демократических рабочих повторно подчеркивали публично, что социал-демократические рабочие считают интересы страны тождественными со своими интересами, и всеми силами и самоотверженно готовы принять участие в великой исторической работе по восстановлению нации . . .

В ходе переговоров удалось создать согласие, делающее возможным такое разрешение возникших вопросов, которое вызывает взаимное успокоение, удалось достичь соглашения, которое полностью обеспечивает включение венгерского рабочего класса в работу по восстановлению страны.⁴⁷

Два дня спустя газета „Непсава“, наконец, опубликовала свое заявление о переговорах. Это заявление было типичным образцом политики затуманивания дела и заявлений „вокруг да около“, проводимой позже социал-демократической партией в вопросе пакта. В заявлении не публикуется ни текста, ни содержания соглашения; газета хвалится тем, что, благодаря соглашению, вновь можно проводить партийные собрания. Вообще пейеристы и тогда, и позже говорили скорее о том, что они *получили* от правительства, и, по возможности, молчали о том, что *дали* они взамен за полученное ими. В заявлении говорится:

„По вопросу жалоб велись длительные переговоры с премьер-министром и с компетентными министрами и референтами. Невозможно было достичь максимума, однако, детали нельзя было отклонить, ибо речь шла о свободе, о прекращении страданий многих тысяч людей, об обеспечении деятельности профсоюзов, о приобретении обратно части их реквизированных помещений и имущества, о ликвидации военного надзора над шахтами, об обеспечении шахтерам свободы переселения, о свободе политических собраний и о начале деятельности партийных организаций. В ходе переговоров по всем этим вопросам было достигнуто не совершенное, а только частичное разрешение, но по сравнению с положением два года назад напряжение является таким смягчением, которое необходимо для нашего движения.“⁴⁸

Конечно, нельзя было полностью обойти и вопрос об ответных услугах. Каждый здравомыслящий человек мог понять, что Бетлен пошел на уступки не из бескорыстной любви. А буржуазные газеты были полны догадками того, что могло быть ответной услугой со стороны социал-демократов. Таким образом, нельзя было не поднять этого вопроса. „Непсава“ следующим образом разрешила эту щекотливую задачу:

„Ответной услугой — которая так многих интересует — является не иное, как борьба за венгерский народ, доведенный войной до гибели, т. е. за интересы рабочего класса, защита его с помощью организованной силы партии. Не служба правительству, христианскому направлению, а защита трудового народа против дальнейшего ограбления, дальнейшего голода и угнетения. Мы не должны забыть того, что здесь нет прогрессивного обложения налогами, что здесь все бремя лежит на плечах широких народных масс: борьба против этого — не может быть предательством социализма и партии.“⁴⁹

⁴⁷ „Népszava“, 23 декабря 1921 года.

⁴⁸ „Népszava“, 5 января 1921 года.

⁴⁹ „Népszava“, 5 января 1921 года.

Это, конечно, полнейшая чепуха и разговор „вокруг да около“. „Непсава“ хотела уверить своих кротких читателей в том, что Бетлен сделал социал-демократической партии уступки и взамен просил и получил усиленную борьбу социал-демократов против него! Газета хотела уверить своих читателей в том, что правительство стремится, главным образом, к тому, чтобы социал-демократическая партия, окрепнув как можно лучше, боролась против существующего режима, против эксплуататорской политики господствующих классов. Это действительно не может быть предательством социализма. Но, предполагать, что этому кто-нибудь поверит — было предательством человеческого мышления, предательством здравого смысла! Однако, это не много беспокоило вождей пейеристов. Они даже неоднократно хвалились результатами, достигнутыми благодаря соглашению:

„В нашем партийном и профсоюзном движениях открылась новая глава. Результатом переговоров с правительством является то, что в положении создается значительное улучшение и смягчится существующее напряжение.“⁵⁰

„Организация трамвайных служащих вновь может начать свою деятельность. С помощью переговоров, начавшихся между правительством и социал-демократической партией, создано ясное положение и в этой области. В одном из пунктов соглашения правительство в обязательном порядке дало обещание не ставить препятствий перед восстановлением союза трамвайных служащих.“⁵¹

Социал-демократы, естественно, глубоко молчали о том, что одновременно они продали право организации землекопов и железнодорожников и связали право организации рабочих всех других специальностей. В одной из статей „Непсава“ говорится:

„Мы будем искать случая, чтобы осветить весь материал этих переговоров, широко обсуждаемых в печати, чтобы осветить предшествовавшие переговорам события, их результаты и ожидаемые последствия.“⁵²

Однако, в течение круглых трех лет они не нашли подходящего „случая“. Постепенно они совсем перестали писать о пакте и даже отрицали его существование. Когда один из депутатов парламента еще на заседании 31 декабря 1921 года заявил, что соглашение, заключенное между правительством и социал-демократической партией — „безнравственная сделка“, так как из концентрационных лагерей освобождаются только социал-демократы, „Непсава“ немедленно с жаром ответила:

„Социал-демократическая партия никакого пакта ни с кем не заключала.“⁵³

Газета с возмущением заявила, что все это только „подлые пустые разговоры“, безответственные „сплетни“. Социал-демократы и позже придерживались этой-же „линии“. Они наотрез отрицали заключение письменного пакта, предусматривающего какие-либо взаимные обяза-

⁵⁰ „Népszava“, 25 декабря 1921 года.

⁵¹ „Népszava“, 25 декабря 1921 года.

⁵² „Népszava“, 24 декабря 1921 года.

⁵³ „Népszava“, 1 января 1922 года.

тельства. Они говорили только о каком-то точно не определенном „соглашении“, согласно которому правительство делает уступки в пользу социал-демократической партии, по существу — без взаимных услуг. Но, так как это не было слишком вероятным, они старались покрыть это дело благотворным мраком забвения. Они больше и не говорили об этом вопросе, и не их вина, что сознательный, революционный рабочий класс все вновь и вновь требовал от них отчета в этом предательстве.

Естественно, что между тем обе стороны приступили к выполнению взятых на себя по пакту обязательств.

Первый официальный документ, в котором имеется ссылка на пакт, датирован от 5 января 1922 года. Один трамвайный служащий по имени Баджо, просил разрешения на издание ежемесячного специального журнала. Отдел печати кабинета премьер-министра запросил мнение начальника социально-политического отдела Золтана Бенча, который ответил следующее:

„На основании соглашения, заключенного с уполномоченными социал-демократической части рабочего класса, правительство не препятствует организации профсоюза трамвайных служащих. Поскольку журнал является официальным органом профсоюза и будет выходить в свет в его издании — нельзя делать возражений против его разрешения. Однако, надо обратить особое внимание на то, чтобы за издание журнала *ответственен был сам профсоюз*. Трамвайный служащий Иштван Баджо (согласно удостоверению о венчании „поденщик“) не является достаточной гарантией.“⁵⁴

Два дня спустя, согласно и в смысле соглашений было опубликовано распоряжение начальника государственной полиции Надаши об изменении в порядке интернирования. В распоряжении говорится:

„Принимая во внимание возросшую опасность большевистской агитации в связи с возвращением военнопленных из России, я и в дальнейшем хочу сохранить учреждение интернирования. Однако, в будущем в концентрационные лагеря хочу направлять лишь тех лиц, которые и теперь опасны с точки зрения государственного и общественного строя (террористы, коммунистические агитаторы и т. д.).“⁵⁵

Можно наблюдать, что здесь почти буквально перенят даже текст пункта пакта, касающегося этого вопроса. Можно-ли желать более совершенного сотрудничества? Несколько месяцев позже министр внутренних дел — пост которого занимал тогда уже Раковски — издал дальнейшее указание о применении распоряжения, в котором, также в духе пакта, показывает, как надо гладить по шёрстке и вежливо обращаться с социал-демократами и как надо с беспощадным террором выступать против коммунистов. Распоряжение содержит подробные указания относительно борьбы против организации коммунистов. В нем объясняется, что тех людей, по отношению к которым можно доказать, что они коммунисты,

⁵⁴ Государственный Архив, М. Е. 1922—V—564. (11 293 — 1921). Подлинный документ.

⁵⁵ Государственный Архив М. Е. 1922 — XXXVII — 2958. Подлинный документ.

надо арестовывать, а тех людей, против которых нет никаких доказательств, но которые подозрительны в коммунистическом убеждении, значит, опасны с точки зрения контрреволюционного режима, надо интернировать или же поместить под надзор полиции. По отношению к социал-демократам, как это показывают дальнейшие указания распоряжения, надо поступать совсем по иному.

„5. С бдительным вниманием надо следить и за теми личностями, которые — *вопреки существу щим запрещениям* -- носят или применяют красный цвет таким образом, чтобы выразить этим интернационализм, или носят коммунистические значки. По отношению к тем, кто носит общеизвестные, определено коммунистические значки (пятиконечную звезду, красную пуговицу, красную ленту и т. д.), по случаям надо применять или интернирование или же надзор полиции.

А тех лиц, которые носят красный цвет в виде цветка или в другом виде, или же применяют его на своих вещах *таким образом*, что это *может вызвать возмущение патриотически настроенного населения*, органы власти *самым вежливым образом* должны удостоверить личность и о каждом таком случае докладывать соответствующим полицейским властям.“⁵⁶

Здесь ясно проявляется дух пакта: коммунистам — тюрьма, социал-демократам — вежливое предупреждение. Но точное выполнение пакта еще лучше можно видеть из распоряжений, в которых говорится об организации партийных и профсоюзных групп:

„6. с) Надо воспрепятствовать созданию таких новых партийных организаций, деятельность которых — в смысле указанного выше — вызывает опасения. Надо воспрепятствовать также экспансии социал-демократической партии в непромышленных районах и созданию ее местных организаций.

д) Организацию, имеющую явно экономическую цель — при надлежащем контроле — правда, вообще надо сделать возможной, но надо воспрепятствовать предполагаемому созданию и деятельности новых социал-демократических экономических организаций в непромышленных районах, а в других местах, особенно среди сельскохозяйственных рабочих.“⁵⁷

В пакте предусматривается: „Социал-демократическая партия не будет распространять свою агитацию на сельскохозяйственные слои рабочих“. Согласно соглашению, текст пакта надо было держать в тайне. Таким образом министр внутренних дел Раковски аллегорическим языком министерского постановления сообщил своим подчиненным: делайте разницу между коммунистами и социал-демократами, но не допускайте, чтобы социал-демократы нарушили наше соглашение, не допускайте их до народа деревни.

Когда несколько месяцев спустя, в июле 1922 года в селе Этьек было арестовано 18 жнецов, потому что у них нашли устав социал-демократической партии, один депутат парламента от социал-демократической партии в своей интерpellации сказал следующее:

„Начальник государственной полиции заявил, что это произошло совершенно правильно, по интенции правительства и, когда адвокат партии ссылался на то, что с социал-демократической партией заключено соглашение о том, что социалистов — не коммунистов, которые далеки от того, чтобы быть коммунистами — не

⁵⁶ Строго секретное распоряжение министра внутренних дел Раковского всем поджупанам, полицейским и жандарским комендатурам. Институт рабочего движения. Архив. А. III. 1/1922/2. Подлинный документ.

⁵⁷ Там-же.

будут обижать. начальник государственной полиции заявил (читает): „В свое время господин премьер-министр договорился с социал-демократической партией в том, что она полностью будет воздерживаться от движения сельскохозяйственных рабочих и не будет проводить среди них никакой организации. Я имею прямое указание от господина премьер-министра не терпеть движения сельскохозяйственных рабочих и подавлять его в зачатке. Значит, я и буду поступать так. Прошу принять это к сведению. Я подавляю все попытки такого характера.“⁵⁸

Итак, правительство соблюдало соглашение, даже строго настаивало на его соблюдении. Соблюдали соглашение и социал-демократы. Они соблюдали его, прежде всего, в важнейшем вопросе, своим прилежным участием в консолидации контрреволюционного режима, в укреплении капиталистического экономического строя. Они сами оформили себе наилучшие удостоверения об этом. Так, 17 марта 1922 года в статье о снижении жизненного уровня рабочих и о растущей безработице „Непсава“ констатирует:

„Правда . . . в том, что профсоюзы — даже в ущерб своей популярности — до сих пор старались обеспечить мирное производство и отговорить рабочих в своих законных требованиях повышения зарплаты, по возможности отказаться от применения крайних средств.“⁵⁹

Насколько неграмотно написано это хвастовство, которое можно принять за признание, настолько подло и его содержание. Руководители социал-демократов гордились тем — что в духе пакта — всеми силами воздерживали рабочих от борьбы за свои законные требования. Когда несколькими неделями позже фабриканты, в интересах повышения своей прибыли и дальнейшего снижения зарплаты, локаутировали металлистов, „Непсава“ гордо ссылалась на заслуги профсоюзов:

„А руководство союза металлистов со времени падения диктатуры не делал другого, кроме зажима законного ожесточения металлистов в пределы, и всеми силами стремилось к тому, чтобы борьба рабочих не мешала производству металлургической промышленности. Оно серьезно вело работу строительства государства даже и ценой того, что в течение этих трех лет рабочие дошли до сего ужасной нищеты.“⁶⁰

На выборах летом 1922 года руководители венгерских социал-демократов с величайшим бесстыдством работали вместе с правительством Бетлена. Правительство обеспечило для них две дюжины мандатов, взамен чего они продали правительству своих избирателей в других избирательных районах. Об этом свидетельствует масса телеграмм правительства целому ряду избирательных районов со следующим текстом (адресаты и названия местностей, конечно, изменялись):

„Гл. жупану Алмаши, Сольнок.

Социалисты обещали поддерживать наших кандидатов в Мезетуре и Фельдваре. Прошу проверить, получили-ли местные организации распоряжение из центра, чтобы я в случае надобности своевременно мог принять меры.

Премьер-министр граф Бетлен“.⁶¹ Поступило 3. VI--1922 г.

⁵⁸ Дневник нижней палаты парламента. 1922 т. II. стр. 476.

⁵⁹ „Népszava“, 17 марта 1922 года.

⁶⁰ „Népszava“, 7 апреля 1922 года.

⁶¹ Текст секретных телеграмм кабинета премьер-министра. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I/1922/24. Подлинный документ.

⁶² Текст секретных телеграмм кабинета премьер-министра. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. I/1922/25. Подлинный документ.

Но эту торговлю людьми, которую вели пейеристы, пожалуй, еще лучше показывает обмен телеграммами между местным уполномоченным правительственной партии по имени Фоглер и человеком из центра по имени Мадьяри в ходе дополнительных выборов в Сомбатхейе.

Фоглер послал следующую телеграмму:

„Прошу тебя, доложи его превосходительству, что начатые с социалистами переговоры, принимая во внимание то, что они получили из Будапешта распоряжение, согласно которому, они не могут присоединиться ни к одной партии, потерпели неудачу.“⁶²

Мадьяри немедленно ответил:

„Твоя телеграмма пришла в самое лучшее время. Пейер был как раз у нас. Господин премьер-министр обсудил с ним это дело, и в соответствии с этим тамошние местные организации получили указание, взвесив местные обстоятельства или проявить нейтральное поведение, или поддерживать Хедьешхалми.“⁶³

Хедьешхалми был членом эксплуатирующего народ правительства Бетлена, одним из подписавших пакт. Таким образом, было безусловно необходимо, чтобы социал-демократы всеми силами поддерживали его на выборах. Итак, господин Фоглер просил больше и более определенные обещания, как это показывает его ответ:

„С помощью нейтральности я ни при каких обстоятельствах не могу достичь результата. Прошу воздействовать, чтобы здешняя организация, если и не открыто, но на основании текущих переговоров, поддерживала нас. Одновременно прошу ходатайствовать в министерстве внутренних дел, чтобы немедленно были отправлены обещанные для Сомбатхейя — 150, для Вашвара — 100 и для Цельдемелька — 30 жандармов.“⁶⁴

Итак, социал-демократы попали в замечательную кампанию. Как показывает эта телеграмма, в контрреволюционной Венгрии для победы выставленных контрреволюционным правительством кандидатов летом 1922 года в рабочих районах правительству нужны были две вещи: жандармы и поддержка со стороны социал-демократов. Победа кандидатов правительства была обеспечена, так как обе эти вещи были в его распоряжении.

Если пейеристы и умолчали, даже отрицали факт подписания пакта перед рабочими, это еще не означает того, что они не ссылались непрерывно на переговоры с правительством. Особенно в парламенте, где среди господ они чувствовали себя „в своей среде“ и не должны были бояться того, что пролетарии все узнают, проговаривались они иногда больше, чем следовало бы. Проппер, например заявил следующее:

„Когда мы вели переговоры с господином премьер-министром, он в качестве возмещения за сделанные им уступки наметил использование наших международных связей в интересах страны. Мы с готовностью обещали это.“⁶⁵

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

Однако, работа социал-демократов не была бы полной, они недостаточно работали бы в духе пакта, еслибы они не сотрудничали тесно с контрреволюционным правительственным режимом и в области борьбы против коммунистического движения. Но, социал-демократическая партия и в этой области выполнила взятые на себя в пакте задачи. С пеной у рта забрасывала она клеветами Советский Союз, преследовала и доносила на находящиеся в подполье коммунистов, и, когда они попадали в руки врага, социал-демократическая партия в газете „Непсава“, состязаясь с буржуазной печатью, позорила и клеветала на коммунистов.

В сентябре 1922 года контрреволюционная полиция нашла след коммунистической организации, руководимой Эрнэ Герэ. Эта группа среди зверских преследований создала серьезную подпольную организацию и издала первую в контрреволюционной Венгрии нелегальную газету коммунистической партии. Из этой газеты под названием „Коммуна“ было издано 30 номеров.

Было арестовано почти 100 коммунистов, в полиции их жестоко пытали. Однако, „Непсава“ ругала правительство не за эти пытки, а за то, что оно не оказывало социал-демократам большей помощи в борьбе против коммунистов:

„Социал-демократическая партия во всех странах ведет против большевиков борьбу не на жизнь, а на смерть, и повсюду социал-демократы *вытянули* почву из-под ног большевиков. Агитация социал-демократов противодействовала большевистской агитации везде, где бы она не появлялась. Но разве имеет социал-демократическая партия в Венгрии возможность вылечить до крайности ожесточенные массы, попавшие в болото острой экономической нужды, от опасной болезни революционной романтики?“⁶⁶

Иначе говоря: дайте нам социал-демократам большую возможность движения и тогда мы защитим вас от опасности большевизма, покончим с этой „опасной болезнью“, которая хочет вести действительную, революционную борьбу за свержение капитализма. Возьмите пример — говорят они — с западных империалистов, которые укрепляют свой эксплуататорский режим с помощью социал-демократии:

„Социал-демократическая партия охотно возьмет на себя и будет применять западные методы, однако, с тем условием, чтобы и правительство устроилось в духе западной демократии.“⁶⁷

Все это служит общим интересам; итак, явна необходимость объединения сил. Социал-демократическая партия придерживается духа пакта и, ссылаясь на общую опасность, угрожающую вследствие революционной организации коммунистов, призывает контрреволюционный режим на совместную борьбу: предупреждает его в том, что

„он идет по плохому, даже роковому пути, с которого, ради общих великих интересов, хорошо было бы свернуть во время.“⁶⁸

⁶⁶ „Népszava“, 21 сентября 1922 года.

⁶⁷ „Népszava“, 22 сентября 1922 года.

⁶⁸ „Népszava“, 22 сентября 1922. г. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

А когда крайне правые газеты старались использовать аресты коммунистов против социал-демократической партии, „Непсава“ повторно и гордо ссылалась на заявление заместителя начальника полиции Кароля Андрека:

„Согласно имеющимся до сих пор данным, социал-демократическая партия не имеет ничего общего с разоблаченным большевистским движением. Среди арестованных коммунистов есть много членов отдельных профсоюзов, однако, это отнюдь не означает, что они с ведома профсоюза принимали участие в интригах. Даже показания свидетелей говорят за то, что большевики проникли в социал-демократические профсоюзы, чему — так как речь идет о рабочих — отдельные профсоюзы до сих пор препятствовали.“⁶⁹

Итак, начальник полиции выдал пейеристам свидетельство о благонадежности: социал-демократы — добрые малые, они не принимают участия в революционной организации, „не имеют ничего общего с ней“. Можно продолжать направленное на укрепление контрреволюции сотрудничество, основанное „на общих великих интересах“, и общую борьбу против лучших представителей рабочего класса, против борющихся в подполье коммунистов.

Все это, исключая малейшее сомнение, доказывает, что, при данных возможностях, обе стороны строго соблюдали пакт. Поэтому права была венская капиталистическая газета „Neue Freie Presse“,⁷⁰ когда спустя несколько лет, во время нового готовящегося соглашения квалифицировала пакт Бетлена 1921 года „одним из удачнейших шахматных шагов“ буржуазной политики. Газета была права по отношению к сущности пакта несмотря на то, что по ошибке она писала, что в пакте согласились и в вопросе представительства социал-демократов в парламенте. В действительности это в пакте не фигурировало. Однако, это только формальный вопрос, ибо очевидно и бесспорно, что все поведение социал-демократов на выборах 1922 года и то, что вследствие этого они попали в парламент,

⁶⁹ „Népszava“, 22 сентября 1922 г. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

⁷⁰ Газета „Neue Freie Presse“ („Нее Фрейе Прессе“) в статье под заголовком: „Граф Бетлен и венгерская социал-демократия. Попытки на сближение“ писала: „... В настоящее время между правительством и социал-демократами идут переговоры, целью которых является расширение пакта, заключенного между премьер-министром графом Бетленом и партией в 1921 году.“ „... Венгерская социал-демократическая партия на выборах 1921 года вновь начала свою активную политическую деятельность. Граф Бетлен в то время заключил с партией так много упоминаемый пакт, в котором он обещал партии 24 мандата в парламенте. Взамен социалисты обязались играть в парламенте роль тихой оппозиции и поддерживать правительство в его борьбе против коммунизма. Пакт, заключенный с социалистами, был одним из удачнейших шахматных шагов графа Бетлена. Социалисты, которые даже несмотря на всеобщее избирательное право при тайном голосовании не могли получить в парламенте ни одного места, теперь, после сильного ограничения тайного голосования получили 24 мандата. С другой стороны, Бетлен приобрел социалистический отряд в борьбе против коммунистической опасности, которую до тех пор вели исключительно правые радикальные элементы. Социалисты не изменили пакту. Они помогали правительству в преодолении коммунистической агитации и вытеснили большевистских агитаторов с фабрик.“ „Neue Freie Presse“. Вена, 8 октября 1929 года. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

а также и число их депутатов в парламенте является последствием пакта и, очевидно, результатом заключенного позже частичного соглашения.

И, если „большевистских агитаторов“ даже и с помощью наилучшего сотрудничества не удалось вытеснить из рабочего движения, то это произошло не из-за пробелов в сотрудничестве Бетлена и Пейера, а из-за героической, самоотверженной, не отступающей ни перед какими трудностями деятельности подпольной, преследуемой коммунистической партии.

VI. БОРЬБА ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ПАКТА

Пакт, полный его текст и, главным образом, та часть его, в которой говорится о предательской роли, взятой на себя социал-демократической партией, держался в строгом секрете. Рабочие могли знать о нем только то, что можно было предугадать из цитированного выше заявления Бетлена. И все-же, пакт с самого начала вызывал большое беспокойство в рядах сознательных рабочих, и, чем больше проявлялось пагубное влияние пакта в экономическом обнищании и политической выдаче рабочего класса, тем более росло подозрение и законное ожесточение рабочих против тайного договора, заключенного с буржуазией.

Уже на первых партийных собраниях, проведенных после заявления Бетлена, многие ожесточенно выступали против докладов, сделанных в духе пакта. Приведем лишь единственный пример из многих: прения по докладу Иштвана Фаркаша на партийном собрании в городе Дьер (Győr). Газета венгерских коммунистов, издаваемая в Вене, поместила следующее сообщение:

„Доклад в Дьере

Иштван Фаркаш на днях сделал доклад в дьерской организации социал-демократической партии. Он информировал о пакте, заключенном партией с Бетленом. Во что бы то ни стало он хотел доказать, что Бетлен честный человек и что партия не имеет никакой причины заранее сомневаться в его обещаниях. Далее он установил, что рабочий класс склонен принести все жертвы, если речь идет об интересах родины. В своем выступлении он врал, что 1200 интернированных уже освобождены, но позже, под влиянием выступлений рабочих, он снизил это число до 103.

Выступившие рабочие резко нападали на докладчика. Один старый рабочий страстно нападал на Фаркаша и на руководство социал-демократической партии и квалифицировал заключение пакта подлостью. Он выступал против Фаркаша и социал-демократической партии из-за внесенного в пакт обещания, что партия использует свои международные связи „в интересах пакта“. Он заявил, что этим обещанием партия служит контрреволюции и капитализму и предает интересы рабочего класса.

Настроение собрания было возбужденное и оппозиционное. При требовании отчета, предъявленном *революционным дьерским пролетариатом* — Иштван Фаркаш чувствовал себя очень плохо.⁷¹

Текст пакта не знали и коммунисты. И все-же, подпольная газета партии в Венгрии „Kommün“ („Коммуна“) уже в 1922 году в целом

⁷¹ „Vörös Ujság“ („Красная газета“), Вена, 25 января 1922 года.

ряде вопросов правильно указывала на систематические и планомерные предательства, принципиальную основу и краткое изложение которых дал именно пакт. Так, при первом выступлении социал-демократической фракции в парламенте „Коммуна“ в статье „Началось раздевание“ метко писала:

„Социал-демократы сделали в национальном собрании «принципиальную декларацию». Эту декларацию наиболее метко можно характеризовать замечаниями, прозвучавшими с крыла правительства. В сторону Пейдля, читавшего декларацию, отовсюду, но особенно со скамеек правительства, звучали реплики: «Действительно патриотическая речь», «Правда», «Так и есть»...“

„Первое выступление социал-демократов в парламенте не принесло венгерскому рабочему классу никакого конкретного результата. Утешительно в этом лишь то, что сознательная часть венгерского рабочего класса и не ждала от них ничего, и, таким образом, не обманулась. Другая же часть, еще верующая им и более или менее бессознательная, может быть некоторое время будет надеяться, но эти надежды рухнут тем скорее, чем больше можно будет видеть из деятельности социал-демократов в парламенте. Социал-демократическая фракция парламента выступила на сцене национального собрания и приступила к раздеванию на открытой авансцене. Чтобы иметь возможность сотрудничать с буржуазией, она отказалась от прошлого пролетариата. — *Нельзя одновременно служить буржуазии и пролетариату.* Цена примирения с буржуазией — предание пролетариата.”⁷²

Так же правильно оценила „Коммуна“ поведение социал-демократов по отношению к трудящимся сельского хозяйства, несмотря на то, что она не знала взятых на себя социал-демократами в пакте обязательств о выдаче сельскохозяйственных рабочих:

„Выступление Ференца Седер на заседании парламента 18 июля верно включается в политическую борьбу, проводимую до сих пор социал-демократами. Как трехлетняя политическая деятельность социал-демократии означает полное отступление видимой партии рабочего класса — социал-демократии — от марксистской линии, так отступлением является и выступление депутата парламента от союза сельскохозяйственных рабочих, Ференца Седер. Марксистское наследие было отброшено не только в вопросах революционной и классовой борьбы, но и в оценке соотношений классовых и общественных сил.“

„Печальное дело, что депутат сельскохозяйственного пролетариата придунайского района не имеет более срочного требования, как осуществление уверточной аграрной реформы Рубинька. Исключительно печально, что депутат сельскохозяйственных рабочих прививает эту незаконнорожденную идею дереву ирредентического направления. «Без честной земельной политики и идея ирредентизма хилая» — провозглашает стоящий на национальной основе господин депутат, который действительно является достойным представителем тех глупостей и предательства, представителями которых являются и его соратники по руководству. Честная политика и ирредентическая демагогия христианского направления дает хлеб десяткам тысяч оставшейся без хлеба сельскохозяйственной бедноте, если второй парламента белого террора благосклонно примет указания Седера?”⁷³

Несгораемые шкафы еще строго хранили *письменные доказательства предательства*, но боевой рабочий класс уже видел и на своей шкуре чувствовал *факт предательства*. И поэтому все больше число рабочих и все более громко требовало опубликования пакта, ликвидации духа пакта и удаления рыцарей пакта с передовой линии рабочего движения.

⁷² „Vörös Ujság“ („Красная газета“), Вена, 5 июля 1922 года.

⁷³ „Kommün“ („Коммуна“) 2 августа 1922 года.

Заклучив пакт, пейеристы в свое время поставили свою партию перед готовым положением. Они только позже, задним числом и неполно информировали руководство партии об этом деле, а съезд партии, который мог бы предварительно вынести решение или позже требовать отчета, был созван только год спустя. Пейеристы рассчитывали, что к тому времени память о пакте ослабеет и отойдет на задний план. Конечно, действительное содержание пакта и тогда не было опубликовано или доведено до сведения делегатов съезда. Наоборот, когда речь шла о пакте, пейеристы неимоверно вралли.

А о пакте говорилось очень много. Делегаты оппозиции требовали отчета о соглашении, заключенном в декабре 1921 года. Проппер тогда заявил:

„Мы не заключили с правительством пакта, а мы в исключительно тяжелом положении приняли одно приглашение . . . Мы начали переговоры в интересах наших страдающих в тюрьмах товарищей, и, как это можно теперь установить, в результате переговоров было освобождено около 1500 человек. Уважаемые товарищи . . . если я могу это сделать без отказа от принципа, то я еще раз вырву из рук контрреволюции 1500 человек.“⁷⁴

Проппер, конечно, врал гвсвря о 1500 челсвек, так как в течение одного гда из кснцентрациснных лагерей в сбщем не было освсбождено стелько челсвек, а бслышая часть ссвсбсбжденных была бы ссвсбсбждена и без пакта в хсде пересмстра дел, прсвсдимого систематически каждое полугодие.

Но самой большой ложью было здесь не это, а то завуалированное, скрытое утверждение, что соглашение состоялось „без отказа от принципа“. Этому, конечно, не поверили и делегаты и, псдняяв вновь вопрос ответных услуг, указали на то, что пейеристы спасли режим Бетлена от катастрофы. Так, делегат из Кишпешта Габор Ошват заявил:

В душе рабочих сильно горит вопрос, что руководство партии совершило большую ошибку, начав перед рождеством переговоры с премьер-министром Бетленом. Товарищ Проппер . . . говорит, что он охотно будет вести с премьер-министром переговоры, если речь идет об освобождении 1500 товарищей. Это правда. Но посмотрим, что дали мы за это . . . Я скажу, что эти 1500 товарищей охотно остались бы еще на полгода в тюрьме . . . но, не думаю, что правительство могло бы долго существовать. Из выступления товарища Проппера я узнал, что это правительство не имеет политической программы и не имеет экономической концепции. Если это так, то это доказывает, что с помощью пакта и соглашений . . . мы только продлили жизнь этого правительства, дав ему инъекции. Такое правительство . . . может существовать дальше только тогда, если мы будем давать ему инъекции . . .⁷⁵

Делегат Будапешта Карсль Дюркович рассказал, как поставило партийное руководство партию перед готовым положением при заключении пакта:

„Когда мы услышали известие о том, какое соглашение готовится с правительством, мы привлекли партийное руководство к ответственности . . . Тогда партийное руководство просто объявило, что это известие ложное, заявив, что оно не

⁷⁴ Протокол XXI съезда Венгерской социал-демократической партии, стр. 124.

⁷⁵ Протокол XXI съезда Венгерской социал-демократической партии, стр. 124.

ведет никаких переговоров... Затем, к нашему величайшему удивлению, оно представило партийному выбору готовый пакт... Тогда мы немедленно высказали свои опасения, что на социал-демократической партии будет лежать большая ответственность, если она согласится на заключение такого — по нашему мнению — невозможного пакта. Однако, положение и тогда, как и всегда, было таковым, что при проявлении в партии критики, по очереди вставали товарищи и резко, грубо выступали против тех, кто высказывал противоположное мнение. Товарищ Проппер с большим пафосом заявил, что он берет на себя моральную ответственность за все случившееся, так как он сделал бы это и в другой раз, если речь идет о том, что этим он мог бы освободить из тюрьмы 1500 товарищей. Но, когда речь шла о том, что этим фактом мы продлим заключение тех, кто останется в тюрьме, то я не смел бы взять на себя моральную ответственность за этот пресловутый пакт.⁷⁶

Оратор, конечно, не мог думать о том несомненном факте, что голова пейеристов не болела за оставшихся в тюрьмах товарищей, они даже радовались этому, так как большая часть оставшихся там были коммунисты.

Делегат из Секешфехервара Иштван Мико заявил:

„Не важно, как будут терроризировать и обвинять меня некоторые товарищи но надо видеть, что в моем комитате товарищи выражают недовольство в связи с деятельностью партии, в связи с тем, что она заключила с правительством пакт, до сегодняшнего дня не опубликовала его и не представила его даже съезду, чтобы, по крайней мере, делегаты узнали о нем.“⁷⁷

Докладчик Иштван Фаркаш, один из подписавших пакт, осмелился дать на эти выступления следующий ответ:

„Говорить о переговорах с Бетленом, что они влияли на партию и что мы связали себя... этого я не могу понять. Не знаю, из каких данных исходите, из чего делаете вы этот вывод, так как это не было пактом.“⁷⁸

В конце 1923 и в начале 1924 года оппозиционное движение в социал-демократической партии приняло большой подъем. Все более видимые „результаты“ пакта: позорное поведение социал-демократической фракции парламента, ее тесное сотрудничество с буржуазией, все более открывали глаза рабочего класса, делали все более решительным и сознательным его сопротивление этой политике. Выступление оппозиции на XXII съезде социал-демократической партии в апреле 1924 года было особенно значительным проявлением силы, целей оппозиционного движения и его влияния на массы.

На этом съезде также выступили делегаты оппозиции, в том числе много делегатов из провинции, которые требовали от вождей социал-демократов отчета в их предательской политике. Проппер, Пейер и Фаркаш со свойственной им грубостью и демагогией вновь старались прижать к стенке и запугать оппозицию. Например, Проппер, „забыв“ о том, что подписанный также и им пакт запрещает организацию сельскохозяйственный рабочих, сказал следующее:

⁷⁶ Там же, стр. 147.

⁷⁷ Там же, стр. 148.

⁷⁸ Там же, стр. 154.

„Надо признать, что организация сельскохозяйственных рабочих наталкивается на трудности... Насколько я помню, социал-демократическая партия никогда, ни на один момент не пренебрегала этим вопросом.“⁷⁹

И, будучи уже в отрицании, он со смелым порывом продолжал:

„Говорят о пакте, и здесь я мог бы занять совсем удобную позицию. Этот вопрос мы обсудили, разобрали на прошлогоднем съезде, и прошлогодний съезд принял к сведению доклад руководства партии... Однако, я не займу эту удобную позицию, но опять таки я могу сказать только то, что мы сказали и в прошлом году. Да, произошли определенные переговоры. На основании этих переговоров... началась медленная ликвидация контрреволюции.“⁸⁰

Подобным образом „занимался“ вопросом пакта и Пейер:

„О том, что здесь рассказали о разных делах, о пакте и т. д. один товарищ уже сказал, что об этом говорят все уличные торговки. Да, но и только уличные торговки, а вы (в сторону левого крыла) — переняли болтовню уличных торговков.“⁸¹

В заключение Иштван Фаркаш следующими словами „закрыл“ этот вопрос:

„Из года в год на съезде партии, если речь шла о критике политики партии, вновь и вновь поднимался вопрос пакта... Это некрасивое обвинение базировалось на том, что „говорят“, „утверждают“ о заключении пакта, о состоявшемся соглашении. Так кто же это, кто говорит, кто утверждает? На такой основе, таким образом строятся обвинения и это характеризует критическое мышление людей. Это такой метод критики, который должен осудить каждый серьезный человек.“⁸²

VII. РАБОЧИЙ КЛАСС ЗАСТАВЛЯЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ ПАКТ

Пейеристы думали, что на XXII съезде партии окончательно удалось ликвидировать вопрос пакта. Однако, дела сложились не так. С одной стороны, члены оппозиции не удовлетворились тем, что „большинство“ участников съезда голосовало против них и высказало пейеристам доверие. Это большинство вообще не выразило мнения даже действительного большинства членов социал-демократической партии. Преобладающее большинство делегатов съезда было избрано не членами партии на партийных собраниях или другим демократическим путем, а оно просто было делегировано на съезд руководствами профсоюзов. Например, на XXII съезд партии в представительстве 41 отраслевого профсоюза присутствовали 221 делегат, от 24 будапештских парторганизаций — 32 и от 45 провинциальных парторганизаций — 63 делегата.⁸³

Однако, что еще важнее этой пропорции — делегаты, главным образом, от профсоюзов, вообще не избирались демократическим способом, а бюрократы „избирали“ друг друга на заседаниях руководств или президиумов.

⁷⁹ Протокол XXII съезда Венгерской социал-демократической партии, стр. 150.

⁸⁰ Так же, стр. 149.

⁸¹ Там же, стр. 170.

⁸² Там же, стр. 188.

⁸³ Там же, стр. 133.

Естественно, что не только оппозиционные делегаты, но и массы членов партии не считали обязательными для себя резолюции, принятые таким „демократическим“ съездом партии. Все более росло недовольство руководством партии, вопрос пакта стоял на повестке дня прений в партийных и профсоюзных организациях. Боевой рабочий класс требовал опубликования пакта.

Пейеристы хотели покончить с растущей и укрепляющейся оппозицией вначале таким образом, что они по отдельности пытались подкупить или запугать руководителей оппозиции. По отношению к некоторым лицам этот метод замечательно удался. Так, например, Рудольф Пайор, бывший на съезде 1922 года одним из самых громких вождей оппозиции, на следующем съезде уже молчал и вскоре стал одним из доверенных Пейера, секретарем центрального комитета партии и самым ожесточенным преследователем оппозиции. Однако, преобладающее большинство оппозиционных работников партии нельзя было заставить замолчать с помощью подкупа и партийных функций. Против них нужны были более сильные мероприятия. Таким образом, под руководством Пейера началось планомерное истребление оппозиции.

Вначале члены оппозиции исключались из партийных и профсоюзных организаций по одиночке. Позже, когда эти исключения из партии вызвали сильное возмущение и протесты, из социал-демократической партии и из центра профсоюзов исключались уже целые группы, целые местные партийные и профсоюзные организации. Пейеристов несколько не беспокоило то, что именно в рядах оппозиции были самые боевые, самые активные товарищи, лучшие организаторы и агитаторы. Их несколько не смущало то, что этими массовыми исключениями они вызывали раскол в легальном рабочем движении. Им нужно было не единство, а гегемония, возможность свободного неограниченного классового предательства.

Однако, естественно, что исключенные не примирились с исключением, не терпели того, что их просто вытеснили из рабочего движения, и приступили к упорной, последовательной борьбе против предательского руководства пейеристов. Одним из важных средств этой борьбы было требование опубликования пакта Бетлен—Пейер.

Это требование, к которому присоединялись все большие и большие массы, может быть, само по себе не было бы достаточным для того, чтобы заставить опубликовать пакт. Однако, одновременно с этим между пейеристами и их хозяевами, правительством Бетлена, начались разногласия. Правая социал-демократия находилась постоянно между двумя жерновами. С одной стороны, она с готовностью обслуживала контрреволюционную буржуазию, стоящий в данное время у власти правительственный режим. Однако, для того, чтобы правительство пользовалось и ценило услуги социал-демократии, ей необходимы были массы. С другой стороны, рабочие массы нельзя было завербовать и сохранить с программой классового

предательства. Для этого был нужен радикальный тон и иногда, для видимости, и радикальные выступления. Таким образом, с одной стороны — полное обслуживание буржуазии, с другой стороны — мнимая борьба против буржуазии. Однако, даже эта мнимая борьба нервировала господствующий режим и он бил за это социал-демократию по рукам.

В конце 1924 года между правительством и социал-демократией, вступившей в союз с буржуазной оппозицией, произошло одно такое столкновение. Оппозиция подняла в парламенте вопрос раскрытых крупных панам, на что бетленовцы ответили введением более строгого устава парламента и насильственно удаляли из здания парламента протестовавших оппозиционных депутатов. В ответ на это оппозиция, в том числе и социал-демократы объявили, что

„Вступившая в союз оппозиция не согласна быть дальше . . . фиговым листом мнимой конституционности.“⁸⁴

Оппозиция оставила парламент и отказалась от участия „в работе законодательства“. Конечно, это было только бурей в стакане воды, но правительство все-же старалось обезоружить эту акцию оппозиции. Бетлен теперь уже на самом деле начал применять вымогательство. Насколько лживо было утверждение вождей социал-демократов, что Бетлен с помощью вымогательства заставил их подписать пакт — ведь мы видели, как от всего сердца соблюдали они все его главные пункты — настолько правда то, что в 1924 году Бетлен шантажировал социал-демократов, угрожая им опубликованием пакта. Создалось комичное положение: мнимый шантажист хотел опубликовать документы „шантажа“, а мнимый „шантажированный“ боялся расклевывания шантажа!

Пейеристы приступили к мольбе. „Непсава“ сделала все возможное, чтобы доказать, что социал-демократы всегда верно служили господствовавшим классам и не их вина, если они вынуждены приступить теперь к мнимой борьбе. Правительство не имеет причины жаловаться на них:

„До сих пор правительство в надлежащее время могло провести все законопроекты, оппозиция ни в одном случае не прибегала к оружию обструкции.“⁸⁵

Пейеристы повторно напоминали о своих незаменимых услугах в консолидации буржуазной экономики и упрочения массовой нищеты рабочего класса:

„Социал-демократическая партия, профсоюзы прилагают по-истине сверхчеловеческие усилия, чтобы не допустить выступить из берегов ожесточение рабочего класса, стонущего под невыносимым бременем нищеты и лишений.“⁸⁶

Однако, эти усилия, как они объясняют — дошли уже до предела их способности, рабочие массы невозможно дальше сдерживать, чтобы

⁸⁴ „Népszava“, 2 декабря 1924 года.

⁸⁵ „Népszava“, 30 ноября 1924 года.

⁸⁶ „Népszava“, 30 ноября 1924 года.

не потерять полностью массы, они вынуждены — к их величайшему сожалению — по крайней мере по видимости показать боевое выступление. Однако, это не будет очень опасным, не надо бояться действительного боевого выступления:

„... если правительству нужна борьба, так будет борьба... Но правительство сильно ошибается, если думает, что оно может принудить сознательные социал-демократические массы к необдуманному действию отчаяния.“⁸⁷

Бетлен неоднократно угрожал опубликованием пакта в том случае, если социал-демократы не вернуться в парламент и не порвут с буржуазной оппозицией. А на рождестве 1924 года он в венской газете „*Neue Freie Presse*“ еще раз решительно повторил эту угрозу.⁸⁸

Пейеристы были „прижаты к стене“. Удовлетворить требования Бетлена, они ничего не достигли бы этим, так как заявления Бетлена настолько возбуждали интерес рабочего класса, что уже нельзя было избежать ознакомления и опубликования пакта. Рабочий класс хотел ясно видеть. Таким образом, компания пейеристов решила сама опубликовать пакт, и, надеясь на благотворное, заглаживающее влияние трех лет, прошедших со времени подписания пакта, старались фальсифицированно показать обстоятельства подписания, представить пакт в качестве незначительного события:

„Премьер-министр Бетлен... за последние недели все чаще упоминает о — называемом пактом — протоколе, подписанном социал-демократической партией зимой 1921 года под влиянием неустрашимого насилия. Руководство социал-демократической партии, не желая дальше терпеть этого политического шантажа, приняла решение опубликовать дословный текст протокола...“⁸⁹

На пленуме социал-демократической партии 30 декабря 1924 года Иштван Фаркаш информировал присутствовавших о пакте. Тот-же самый Иштван Фаркаш, который несколько месяцев тому назад, на апрельском съезде, еще бесстыдно говорил о том, что „каждый серьезный человек должен осудить то «некрасивое обвинение», согласно которому в декабре 1921 года между правительством и пейеристами «был заключен пакт,

⁸⁷ „*Népszava*“, 30 ноября 1924 года.

⁸⁸ Бетлен между прочим заявил корреспонденту „*Neue Freie Presse*“ следующее: „... Левые рубят дерево под собой. Если члены оппозиции — как они это повторно подчеркивают — откажутся от своих мандатов, то я буду вынужден опубликовать пакт, заключенный мной с социал-демократами, и, таким образом, создам им возможность принять участие в жизни парламента“. („*Neue Freie Presse*“, 25 декабря 1924 года.)

⁸⁹ „*Népszava*“, 31 декабря 1924 года. Газета „*Pester Lloyd*“ правильно устанавливает поводы к опубликованию пакта: „Итак, руководство социал-демократической партии, публикуя в своей газете полный текст пакта, хочет опередить угрозы премьер министра. При опубликовании текста руководство партии исходит, очевидно, из того, что таким образом оно будет иметь тактическое преимущество: свои заключенные с правительством соглашения оно может преподнести рабочим массам с таким комментарием, который в более благоприятном свете покажет поведение, проявленное им во всем этом деле. Однако, из длинного, высокомерного введения газеты „*Непсава*“ выявляется, что социал-демократы с тяжелым сердцем решились на опубликование пакта“. „*Pester Lloyd*“, 31 декабря 1924 года. (Вечерняя газета).

было соглашение. Фаркаш не стыдился выступить теперь, на несколько месяцев позже, с заявлением, что действительно был заключен пакт, „было соглашение“. Из всего поведения вождей социал-демократической партии трудно решить, что было больше — их предательство или же их подлое лицемерие. Фаркаш приступил к жалким объяснениям:

„Заявление премьер-министра выставляет социал-демократическую партию в таком виде, как будто она в каком либо отношении обязалась правительству, и, можно сказать, выставляет дело таким образом, что социал-демократическая партия попала в национальное собрание якобы на основе этого „пакта“.⁹⁰

„Бетлен старается сделать социал-демократическую партию подозрительной в глазах ее соратников, буржуазной оппозиции и всей общественности.“⁹¹

Дальше он уже врал без разбора:

„Несколько недель тому назад пленум партии имел возможность ознакомиться с текстом «пакта».⁹²

В то же время, сделав смелый поворот, он продолжал:

„Но, в сущности, пленум партии знал уже о протоколе немедленно после его подписания. Пленум хорошо знает и причины, принудившие руководство партии подписать этот протокол. Пленум партии, все органы партии и члены партии хорошо знают также и то, что руководство партии ни на один момент не считало этот протокол обязательным для себя именно из-за тех обстоятельств, при которых он был создан. Пленум партии именно поэтому принял к сведению и повторное заявление руководства партии по этому делу. Таким образом, мы не имели никакой причины держать этот протокол и дальше под замком.“⁹³

Итак, правительство шантажировало, они подписали пакт, но не соблюдали его. То-есть, они „перехитрили“ правительство, ничего не дали ему. Но, почему же секретничали они годами, почему так жалко заикались, почему вралли? Очевидно, что это последнее утверждение является такой же ложью, как и другие. Они держали пакт в тайне потому, что соблюдали его, и держали его в тайне до тех пор, пока соблюдали. Когда в области осуществления и соблюдения определенных пунктов пакта возникли разногласия, Бетлен начал угрожать опубликованием пакта и тогда пейеристы вынуждены были опубликовать, наконец, текст пакта. Но Фаркаш бесстыдно продолжал врать:

„Эти переговоры были настоящей борьбой, рукопашным боем между контрреволюционной и социал-демократической партией. Можно сказать, что за каждую малейшую выгоду надо было платить кровью“.⁹⁴

Мы видели протоколы переговоров. В них нет ни одного слова о борьбе, о рукопашном бое или же о купленной ценой кровью выгоде. Но тем больше говорится в них о сердечном сотрудничестве, о согласии, о совместной защите нации. В заключение „ради полноты картины“ Фаркаш пытался вставить в свой доклад еще одну ложь:

⁹⁰ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹¹ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹² „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹³ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹⁴ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

„Ради полноты картины — заявил он — я должен сказать еще то, что, когда уполномоченные партии отказались подписать этот протокол, тогдашний министр юстиции Вильмош Пал Томчани заявил, что в таком случае постановление об амнистии не будет издано“.⁹⁵

Картина полная. Это такая же ложь, как и другие заявления. Подумаем только. Они заранее знали, что не будут соблюдать пакта, но в последний момент у них возникли опасения и они не хотели его подписать. Этому, пожалуй, можно было бы поверить, если бы мы не знали, что предварительно, в течение одного с половиной года, они забрасывали правительство именно такими и подсыбными устными и письменными предложениями; такими предложениями в которых вопрос интернированных и арестованных даже и не фигурировал или же фигурировал только во второстепенном порядке. Все заикающиеся объяснения Фаркаша своей подлой ясностью и грубой лживостью являются достойным аккомпанементом опубликованного, наконец, по принуждению пакта.

Опубликование пакта естественно возбудило всеобщее внимание и вызвало возмущение в рядах венгерского рабочего класса. Получило указательство то, что оппозиция, говоря о пакте, распространяла не выдуманную ложь. Бесчисленные предательства, совершенные социал-демократической партией в течение прошедших трех лет, многие подавленные и преданные забастовки, многие более или менее крупные предательства и добавочные пакты получили очевидное объяснение. Однако, социал-демократическая оппозиция все еще не хотела нарушить единства легального движения и стремилась очистить и освежить движение путем удаления разблаченных, раскрытых предателей. Поэтому она приняла, в сущности, наивный шаг, искав защиту против предательской социал-демократической партии у интернационала предателей. Этот шаг, как будто, привел к результату. Заседание Исполкома II Интернационала, состоявшееся в Брюсселе в начале января 1925 года назначил комиссию для расследования дела венгерской социал-демократической партии. Эта комиссия собралась на заседание в Вене в январе 1925 года. Членами комиссии были старый ренегат марксизма Карл Каутский и главный идеолог австро-марксизма, Отто Бауер.

Социал-демократическую партию, естественно, беспокоило проводимое II Интернационалом расследование, международное разглашение ее грязных дел. „Непсава“ вновь приступила к жалким объяснениям:

„До Исполкома Интернационала обходным путем дошла коллекция легенд, клеветующих на нашу партию и ее руководство, посеяв там зерно недоразумений и сознательно неправильных толкований.“⁹⁶

Конечно, это слабое объяснение. Из него не видно, какие обходные пути имеются к Интернационалу, не видно того, почему надо было поднять

⁹⁵ „Népszava“, 31 декабря 1924 года.

⁹⁶ „Népszava“, 27 января 1925 года.

такой шум из-за очевидной клеветы, создать специальную комиссию, созвать ее специальное совещание в Вене. Но, что будет обсуждать эта комиссия? Во первых, мы узнаем, что она не будет обсуждать. По „Непсава“:

„Прежде всего, устанавливаем, что на повестке дня совещания не фигурирует дело — называемого пактом — протокола.“⁹⁷

Это, конечно, опять-таки сплошная ложь. Несколько дней спустя и „Непсава“ вынуждена была опубликовать решение венской комиссии, которая резко осудила пакт, но это несколько не мешало пейеристам, пока на это была возможность, вводить венгерский рабочий класс в заблуждение. Они знали, что вопрос пакта сыграл решающую роль, и все-же, не моргнув глазом, они отрицали существование пакта. Что-же было, по их мнению, причиной венских совещаний? Они говорили, что Интернационал создал комиссию не из-за пакта,

... а потому, что, по его мнению, внутри венгерской социал-демократической партии имеется значительная оппозиционная группа, деятельность которой может привести к расколу партии. Во избежание этого, Интернационал создал комиссию по расследованию „венгерского дела“. Однако — добавляют они — комиссия убедится в том, что в венгерской партии нет оппозиционных критиков, а есть только клеветники и нарушители порядка, от которых все органы венгерской социал-демократической партии, в интересах именно сохранения единства партии и обеспечения партийной дисциплины, хотят очистить партию.“⁹⁸

Комиссия, конечно, была комиссией II Интернационала, главными вожаками ее были Каутский и Бауер и, следовательно, она сделала все возможное для того, чтобы сбьявить черное—белым. Однако, как ни старалась комиссия „вымыть негров“, она не могла избежать установления нескольких несомненных фактов. А эти факты с точки зрения венгерской социал-демократии были сокрушительными. Так, комиссия установила следующее:

„Граф Бетлен ... сделал уступки ... с такими условиями, о которых и сам граф Бетлен знал, что они противоречат всем основным принципам международного рабочего движения, а некоторые из них даже и принципам социалистической морали ... Все-же, пожалуй, понятно, что заключение такого пакта, содержание и форма которого почти полностью противоречат всем требованиям международного рабочего движения, естественным образом, вызвало в партии оппозицию.“⁹⁹

На совещании комиссии присутствовали также и представители оппозиции. Оппозиция представила следующие требования:

1. Подписавшие заключенный с Бетленом пакт не могут быть дальше членами руководства партии.

2. Комиссия должна высказать, что она не одобряет политику партии, направленную на коалицию, и что на предстоящих в скором будущем муниципальных выборах партия обязана выступить с самостоятельным списком.

⁹⁷ „Népszava“, 27 января 1925 года.

⁹⁸ „Népszava“, 29 января 1925 года.

⁹⁹ Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale, стр. 110—111.

3. Товарищи, исключенные из партии вопреки совету Интернационала, должны быть приняты обратно. В будущем нельзя исключать никого из тех, кто распространяет внутри партии свои оппозиционные принципы и по демократически борется в рамках партии за их осуществление.

4. Руководящие партийные органы в будущем должны составляться не таким образом, чтобы делегаты назначались центральными органами партии и профсоюзов, а на основании демократических выборов.

5. Каждый более важный партийный вопрос должен быть представлен руководящим партийным органам.¹⁰⁰

Принятие и осуществление этих требований означало бы конец пейеризма в венгерской социал-демократической партии. Естественно, что уполномоченные II Интернационала, каутские и байеры не могли согласиться с этим. Они заявили, что они не решают и не дают указаний, а они дают только совет.

„Комиссия . . . не была склонна вести прения по этим вопросам, ибо она не считала себя компетентной на основании одного совещания высказать мнение по одному жизненному вопросу партии и навязать партии свое мнение.“¹⁰¹

„Непсава“ считала также исключительно важным подчеркнуть в своих статьях, говорящих о совещаниях комиссии, что комиссия является только консультативным органом и не может вмешиваться во внутренние дела венгерской партии. Пейеристы опубликовали заявление, согласно которому:

„Руководство венгерской партии с определенного времени не считает для себя обязательным т. н. пакт, заключенный в 1921 году под влиянием безвыходного положения с правительством Бетлена.“¹⁰²

Стоит сравнить это заявление с громкими заявлениями Фаркаша и других, согласно которым, они „никогда, ни на один момент“ не считали пакт обязательным для себя.

Наконец, комиссия закончила свои совещания, установив вышеуказанное и высказав краткое желание того, чтобы „ссоры“ прекратились. Пейеристы дали комиссии обещание принять обратно исключенных из партии, предоставить оппозиции большую свободу агитации и не применять новых исключений. Конечно, они ни один момент не думали сдерживать свои обещания. Совещания в Вене еще не кончились, как „Непсава“ уже самым подлым образом начала рассчитывать с оппозицией.

Союз строительных рабочих исключил из своих рядов 11 оппозиционных рабочих. Когда исключенные рабочие под защитой членов вошли в помещение союза, их удалили оттуда с помощью полиции, а „Непсава“ следующим образом писала о „фоне“ оппозиционного движения:

„Для Центрального Комитета Союза строительных рабочих вполне ясно, откуда и кто поддерживает эту . . . акцию.“¹⁰³

¹⁰⁰ „Itéljen az Internacionál!“ („Пусть судит Интернационал“). Будапешт 1925, стр. 4.

¹⁰¹ Там же, стр. 5.

¹⁰² Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale, стр. 11.

¹⁰³ „Népszava“, 29 января 1925 года. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

И, чтобы не было никаких сомнений, чтобы клевета был общепонятна, „Непсава“ в следующем номере разъяснила:

„Мы хотели бы сказать что-то и благонамеренным недовольным людям. Пусть будут они осторожны, чтобы большевистская агитация, скрываясь за их благонамеренностью, не проникла в профсоюзы и в партийные организации, рабочие должны быть осторожны и не позволить заразить себя клеветой и опасными лозунгами.“¹⁰⁴

Таким образом, ни одного момента не шла речь о соблюдении обязательств, взятых на себя руководством социал-демократической партии в Вене. Пейеристы продолжали применять исключения из партии и клевету, продолжали свои стремления, направленные на разложение единства рабочего класса, так как лишь таким образом они могли сохранить свою власть в легальном рабочем движении, лишь таким образом могли они продолжать политику обслуживания буржуазии.

В то же время они считали мнение II Интернационала слишком суровым для них, и потому, например, выступление Отто Бауера, они сфальсифицировали таким образом, что он вынужден был опубликовать дословный текст своего выступления в газете „Arbeiter Zeitung“ и требовать исправления фальсификации. Пейеристы, конечно, не удовлетворили этого требования и не опубликовали исправления.

Наоборот, по возвращении из Вены они с новыми силами приступили к истреблению оппозиции. Они ликвидировали целые организации, в „Непсава“ ежедневно публиковались резолюции об исключениях и отстранениях от постов. Положения стало невыносимым.

VIII. БОРЬБА ЗА УДАЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАКТА ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В конце 1924 года венгерское рабочее движение получило сильное подкрепление. После четырехлетней революционной деятельности за границей в Венгрию прибыл *Маттас Ракоши* с целью организации и укрепления подпольного коммунистического движения. Под его руководством получила подъем не только подпольная работа Коммунистической партии, но также и деятельность оппозиции внутри социал-демократической партии. Оппозиционные рабочие все более ясно понимали, что ошибка кроется не в образе мышлений некоторых руководителей социал-демократической партии, в их „предательской натуре“, а в сущности социал-демократии. Поскольку росла бешеная травля пейеристов против всех критикующих и боевых движений, постольку оппозиционные массы, под руководством товарища Ракоши все более осознавали, что в рамках социал-демократической партии нельзя вести честного революционного движения.

¹⁰⁴ „Népszava“, 30 января 1925 года.

Бешеная травля руководства социал-демократической партии, направленная на подавление оппозиции, его явное стремление к удалению боевых, честных рабочих из партийных и профсоюзных организаций, вызвали большую антипатию членов партии и профсоюзов, которые до тех пор проявляли пассивное поведение. Параллельно с исключениями из партии возрастало число добровольно вышедших из организаций, находившихся под руководством предателей. Рабочие, исключенные руководителями социал-демократической партии и добровольно вышедшие из партии, под руководством действовавших в подполье коммунистов, 14 апреля 1924 года создали новую партию, Венгерскую Социалистическую рабочую партию, ставшую популярной под сокращением „МСМП“.

За отсутствием разрешения на газету сообщение о создании партии было опубликовано в листовке, изданной под заголовком „Социалист“ 25 мая 1925 года. В сообщении говорится :

„Комиссия Интернационала настолько строго осудила руководство партии, насколько это вообще было возможно при данных обстоятельствах. Конечно, она не могла объявить свою партию *предателем*, а заявила лишь, что ее действия противоречат *принципам* международного движения. Комиссия не сказала даже, что действия партии *безнравственны*, а сказала лишь, что они противоречат социалистической морали. Впрочем, комиссия считала бы непонятным, если бы при таких обстоятельствах в венгерской партии *не* развилась оппозиция. Оппозиция может продолжать свою деятельность, исключения из партии были неправильным поступком, как можно скорее надо созвать съезд партии *на основе демократических выборов*.“

Таковы были главные результаты венского совещания. На бумаге. В действительности же, на практике руководство партии еще бешенее продолжало проводить свою политику исключения из партии. Оно даже не делало из этого секрета: оно хотело достичь того, чтобы критикующие элементы оставили партию.¹⁰⁵

Оппозиция еще и тогда старалась сохранить единство, брала на себя жертвы, в форме исключения и клеветы, и решила создать новую партию только тогда, когда для нее стало окончательно явным, что в рамках социал-демократической партии невозможно продолжать борьбу за революционные цели рабочего класса :

„14 апреля была создана Венгерская социалистическая рабочая партия. К величайшему ужасу буржуазии и вождей социал-демократической партии . . . Исключениями из профсоюзов, увольнениями с работы они старались отпугать рабочих от нашей партии. Напрасно. Рабочий класс знает, что классовую борьбу нельзя довести до конца без жертв, знает и то, что свою классовую борьбу в Венгрии он должен довести до конца, не в последнюю очередь, *именно против предательской социал-демократической партии и против ее воли*.“¹⁰⁶

Мы уже видели несколько примеров „методов борьбы“ вождей социал-демократической партии, с помощью которых они хотели обезвредить оппозицию и позже новую Социалистическую рабочую партию. В заявлении направленном МСМП Интернационалу, говорится :

¹⁰⁵ „Socialista“, 25 мая 1925 года. Газета Венгерской социалистической рабочей партии (МСМП). За неполучением разрешения на издание газеты, вследствие преследований, газета издавалась в виде „листовки“.

¹⁰⁶ Там-же. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

„Когда руководство партии предъявило обвинение в получении денег от Красной Помощи, оно должно было знать, что такая открытая клевета *означает преследование и тюрьму*. Однако, это его не устрасило, ибо оно любой ценой хотело воспрепятствовать тому, чтобы мы, в соответствии с решениями, принятыми в Вене, работали в партии в интересах правильного развития партии.“¹⁰⁷

Конечно, руководители МСМП не знали и не могли знать того, что пейеристы не удовлетворились только клеветой. Они, которые в связи с подписанием и опубликованием пакта, сбивали правительство в „вымогательстве“, теперь не чуждались даже политического вымогательства, лишь бы освободиться от опасной — опасной для них — деятельности МСМП. Именно в это время политическую жизнь взволновало заявление бывшего министра внутренних дел Эдэна Беницкого, в котором он разоблачал Хорти, как зачинщика убийства Шомоди. Руководство социал-демократической партии воспользовалось удобным случаем и направило правительству следующий „ультиматум“:

„В том случае, если правительство и теперь не проявит склонности к удовлетворению всех требований социал-демократической партии, фракция социал-демократической партии в рамках бурного заседания в нижней палате парламента категорически будет требовать привлечения к ответственности или ухода в отставку его Высокопревосходительства господина Регента.

С другой стороны, социал-демократическая партия в ходе предполагаемых переговоров даст правительству почувствовать, что она будет склонна отказаться от своей акции в том случае, если правительство удовлетворит требования партии.“

Социал-демократы предъявили четыре требования, первым и важнейшим из которых было:

„1. Воспрепятствовать деятельности партии Ваги.“

Таким образом, величайшей очередной задачей для вождей социал-демократической партии было не разоблачение убийц, а ликвидация легальной революционной рабочей партии. Мы не имеем данных о соглашении, заключенном тогда между социал-демократической партией и правительством. Однако, является фактом то, что „бурное заседание“ не состоялось и не было предъявлено требования ухода регента в отставку. С другой стороны, правительство хотя и не запретило немедленно деятельность МСМП, всеми средствами контрреволюционного режима старалось как можно быстрее задуть партию. В этом оно и дальше уверенно могло рассчитывать на клеветническую деятельность социал-демократии.

Руководство МСМП на основании перечисленных многочисленных предательств и клеветы констатировало:

„Нет такого международного органа, который после таких предшествовавших событий не установил бы, что:

1. *ответственность за раскол партии лежит на руководстве.*“

2. руководство партии выпроводило раскол партии с помощью таких *безнравственных, недопустимых обманов и средств*, за которые его надо судить и клеймить самым строгим образом... Мы предъявляем руководству Венгерской социал-демократической партии обвинение в том, что руководство партии не только ни один момент не относилось с уважением к венскому решению Интернационала, но, вследствие его связи с самыми реакционными буржуазными партиями, на муни-

¹⁰⁷ „Itéljen az Internacionálé!“ („Пусть судит Интернационал.“), стр. 7.

ципальных выборах *в большей мере* повторило грех бетленского пакта, тот преступный шаг, который решение венской комиссии характеризовало таким образом, что он *противоречит традициям и моральным принципам рабочего движения*, что руководство социал-демократической партии *сознательно вызвало раскол партии*;

что руководство социал-демократической партии *не выдерживающим критики образом выступило* против оппозиции внутри партии, а позже против членов и руководителей Социалистической рабочей партии, который не совместим с членством в Интернационале.¹⁰⁸

Естественно, что такие возложенные на Интернационал надежды оказались обманчивыми. Этот Интернационал был не единой международной партией, центр которой направляет и руководит партии отдельных стран, а он был таким никчемным учреждением, которое по временам собиралось на совещания, но решения которого были только советами и не имели ни для кого и никакой обязательной силы. С другой стороны, этот Интернационал во всем его целом состоял из таких же предателей и клеветников, какими были и пейеристы, и так он меньше всего заботился о том, чтобы занять серьезную позицию против венгерских предателей. Венгерский рабочий класс не мог ждать от II Интернационала эффективной помощи.

В сентябре 1925 года — вследствие предательства — полиция арестовала Матиаса Ракоши. Одновременно были арестованы многие вожди МСМП. Контрреволюция всеми силами старалась доказать, что МСМП является, собственно говоря, организацией, действующей под руководством Коммунистической партии. В этом она получила большую помощь и поддержку от социал-демократической партии, которая усилив свои нападения на МСМП, затопила потоком клеветы как ВКП, так и МСМП. Эта последняя была квалифицирована организацией, созданной правительством в целях нападения в тыл социал-демократической партии, с другой стороны, одновременно называли ее якобы органом прикрытия коммунистической партии. Социал-демократов нисколько не смущало явное противоречие между двумя утверждениями, исключаящими друг друга. Депутат от социал-демократической партии, очень богатый адвокат Имре Дьерки на заседании парламента ораторствовал:

„Что-же произошло? Произошло то, что вследствие, с одной стороны, акции правительства, с другой стороны, поощрения защитников расы^{108а} в т. н. оппозиционное движение внутри партии включилась большевистская агитация, которую всем и полностью приходится отклонять и которой все должны препятствовать. Никто не может обвинять нас в том, что мы в какомлибо отношении имеем общее с этим движением, так называемым движением Ракоши. Наоборот, мы самым решительным образом осуждаем и осуждали его и в прошлом. Я должен заявить, что депутаты от социал-демократической партии и все члены гораздо энергичнее, гораздо эффективнее развернули движение и акцию, направленные на подавление большевистской агитации, чем развернуло и развертывает правительство своей деятельностью, с помощью которой оно старается подавить это движение.“¹⁰⁹

¹⁰⁸ Там-же, стр. 9—11. Подчеркнуто в оригинале. Л. Р.

^{108а} Реакционная, фашистская буржуазная группа.

¹⁰⁹ Протокол нижней палаты венгерского парламента, 1928, т. XXXV, стр. 109.

Однако, было еще много людей, которые верили в том, что социал-демократическую партию можно очистить изнутри, что силой социал-демократических рабочих из руководства партии можно удалить явных предателей, рыцарей пакта. Этих людей отрезнил съезд СДП, состоявшийся в декабре 1925 года. На этом съезде внутрипартийная оппозиция выступила вновь с массой фактов и данных. Был издан целый ряд листовок, разоблачавших старые и новые предательства пейеристов. Так, в листовке организации социал-демократической партии в Дьемрэ говорится о том, что пейеристы самовольно отменили устав партии, лишили ее представительства на съезде, зная, что организация укрепила бы оппозицию. Дальше в листовке говорится:

„Товарищи, мы очень хорошо знаем причину того, почему нас не пускают на съезд! Центр боится оппозиционного голоса сельскохозяйственных рабочих. Боится справедливой критики! Он хочет заглушить критику!

Уважаемые делегаты съезда! Мы обращаемся к вам . . . Рассчитайтесь с теми, кто предал сельскохозяйственный пролетариат и весь рабочий класс. Подписавших пакт надо исключить из партии и внедрить в партию демократию и диктатуру членов!

Уважаемые товарищи! Мы очень просим вас, решите в этом смысле! Если съезд не признает нашу правду и не свергнет тех, кто всячески препятствует организации сельскохозяйственных рабочих и классовой борьбе — то мы будем знать, что должны мы делать! Тогда мы ни на одну минуту не останемся в социал-демократической партии. И, наверно, многие поступят так, как мы!“¹¹⁰

Итак, члены партии из Дьемрэ *еще* обращались к съезду социал-демократической партии, но они *уже* сами не имели доверия к этому органу, к этой партии. Подобную картину показывает листовка, изданная членами сельнокской парторганизации и адресованная также делегатам съезда партии :

„Мы долго ждали, чтобы партия приступила к борьбе против угнетения рабочих города и деревни. Этого ждали мы уже и тогда, когда после трех лет секретничания и вранья получил огласку хорошо известный пакт. Мы долго следили за Будапештом и ждали, чтобы что-нибудь случилось. После совещания в Вене, мы надеялись, что партия прислушается к голосу международного рабочего класса. Однако, что-же мы видим?“¹¹¹

Затем они рассказывают, что — по распоряжению центра — они должны были сменить с постов двух руководителей их партийной организации, организаторов успешной борьбы за повышение зарплаты, лишь потому, что они критиковали директивы центра. За это центр потребовал исключения из сельнокской парторганизации этих двух сельскохозяйственных рабочих, честных бойцов классовой борьбы.

„По нашему, товарищи, это уже черезчур! Преследование со стороны полиции — не новость для сельских рабочих. Однако, мы не позволим, чтобы нас преследовал руководство нашей собственной партии!“¹¹²

¹¹⁰ „A pártkongresszushoz!“ (Обращение к съезду партии!) — Листовка организации социал-демократической партии в Дьемрэ. — Институт рабочего движения. Архив. А. XIII. З. (1925) II. Подлинный документ.

¹¹¹ „Делегатам съезда партии.“ — Листовка оппозиционной группы сельнокской организации Социал-демократической партии. Институт рабочего движения. Архив. А. XVII. З. (1925) 10. Подлинный документ.

¹¹² Там же.

Между прочим, они рассказывают, что после посещения Сольнока уполномоченным центра, когда он требовал исключения из партии упомянутых выше товарищей — странным образом — „спустя несколько дней полиция арестовала этих двух товарищей и без всякой причины в течение нескольких дней держал их в заключении.“¹¹³ На основании всего этого они призывают съезд к осуществлению следующих требований:

„Мы должны провести в нашей партии коренные изменения и совершенно изменить теперешнюю политику партии. Мы должны исключить из наших рядов подписавших пакт и тех, кто знал об этом бесчестном поступке и, подло врав, скрывал его . . .“¹¹⁴

„Мы должны бороться против политических преследований . . . Но мы должны бороться также и против того, чтобы „Непсава“ и люди из центра клеветали на рабочих, если их мнения расходятся!“¹¹⁵

Однако, съезд социал-демократической партии, состоявшийся на рождестве 1925 года, вследствие характера дела, не мог удовлетворить этих требований. Этот съезд „обеспечил“ пейеристам „полную победу“ в уменьшившейся, „очищенной“ и оставленной боевыми рабочими социал-демократической партии. Голос истинной оппозиции почти даже не мог дойти до съезда. Хорошо подобранные и терроризованные делегаты „приняли к сведению доклад руководства партии“ и осудили МСМП, как нарушителя единства. Оставшиеся в социал-демократической партии т. н. оппозиционеры Енэ Киш, Альфред Халас и подобные им, сами сильнее всего протестовали против „обвинения“ их в оппозиции и объявили вечную верность пейеристской социал-демократии.

Этим вопрос оппозиции внутри социал-демократической партии можно было считать законченным. Но, конечно, и позже, до тех пор, пока существовала социал-демократическая партия, всегда вновь и вновь, в силу необходимости, в партии появлялись оппозиционные голоса и оппозиционные группы. Всегда находились люди, которые были недовольны предательской политикой партии и по-одиночке или же организовано высказывали свое недовольство. Однако, опубликование пакта Бетлен—Пейер и связанная с этим борьба внутри социал-демократической партии, а также создание МСМП и ее борьба наглядно выяснили один вопрос. Выяснилось, что в рабочем движении, как и вообще в политике, не может быть среднего пути между классовым, боевым движением пролетариата и антирабочей политикой буржуазии, что между ними нет третьего пути. Возникавшие позже внутри социал-демократической партии оппозиционные движения в течение очень короткого времени всегда доходили до распутия: или идти вперед по пути классовой борьбы, и это, естественно, означало приближение к подпольной коммунистической пар-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

тии и к Советскому Союзу — или же чуждаться этого решающего, решительного шага и безвозвратно измотаться, *вернуться назад в ряды предательской правой социал-демократии*. Никакие левые пышные фразы, никакой псевдорадикализм не могли больше длительно скрыть или отстрочить необходимость решающего шага. Критерием истинно левого убеждения, верности революционному марксизму стало отношение к Советскому Союзу и подпольной коммунистической партии. Однако, в том, что эти вопросы стояли так открыто и ясно, очень значительную роль сыграли опубликование пакта Бетлен-Пейер и происходившая вокруг него борьба.

IX. ПАКТ ПЕЙЕРА — ПРОГРАММА КЛАССОВОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Пакт Бетлен—Пейер был не только простым *соглашением* между правительством контрреволюционного режима и руководителями венгерской социал-демократической партии. Этот пакт, как в теоретической так и в практической области был первым документом, соединяющим тот длинный ряд предательств, который составлял сущность политики венгерской социал-демократии до тех пор, пока в Венгрии существовала социал-демократическая партия.

Матиас Ракоши уже в 1926 году, в своем выступлении перед трибуналом, по праву последнего слова, перечислив шесть крупных исторических процессов венгерского народа, справедливо сказал, что:

„Пятый процесс — это тот процесс, который ведет венгерский народ в последнее время против социал-демократической партии. Эта партия единственная в Венгрии легальная рабочая партия. С тех пор, как эта партия предала диктатуру пролетариата, она где открыто, где тайно присоединялась к контрреволюционным господствующим классам, и, в полном смысле этого слова, боролась против пролетариата. В первые времена контрреволюции она вешала через своих министров, не возражала против интернирования, одобряла ускоренные судебные процессы. В заключенном с премьер-министром Бетленом пакте она выдала контрреволюции свидетельство о благонадежности, пустила в продажу и предала свободу объединения сельскохозяйственных рабочих и железнодорожников. При борьбе против оздоровления государства она заключила пакт. Она безобразно напала в тыл типографских рабочих, начавших акцию в интересах газеты „Непсава“. Она в „демократическом блоке“ объединилась с легитимистами и с известными во всей стране панамистами. Она демобилизовала и демобилизует и теперь каждое движение рабочего класса. Невозможно перечислить всех преступлений, которые совершает она со дня на день. Однако, несомненно то, что все больше растет ожесточение и отвращение рабочего класса по отношению к этой партии, и, несмотря на всю ее клевету, весь ее террор и демагогическую мнимую борьбу, этот процесс закончится таким образом, что социал-демократическая партия останется на арена борьбы.“¹¹⁶

Пакт, действительно, стал символом предательства, совершенного социал-демократами. Он был выражением всего гнилого, всего грязного в этой партии, которую Ленин с правом назвал „предательством

¹¹⁶ „Rákosi per“ (Процесс по делу Ракоши.). Будапешт, 1950, стр. 137.

буржуазии в рядах рабочего класса". Венгерская социал-демократия напав во времена всемирного экономического кризиса в тыл самоотверженной борьбы рабочего класса против капиталистического разрешения кризиса и возродив старую, изношенную тесрию „организованного капитализма“ западных социал-демократий, цель которых — спасение капиталистического строя, действовала в духе пакта. Поддерживая накануне второй мировой войны венгерскую буржуазию в обслуживании немецкого фашизма и напав во времена второй мировой войны в тыл борьбы коммунистической партии за единство рабочего класса и за объединение сил нации против фашистов, пейеристы освежили и развивали дальше дух пакта. Последствием этой политики пакта пейеристов было то, что рабочий класс не мог своевременно организовать антифашистскую борьбу всего трудового народа за свободу.

Поэтому говорится в программе Венгерской партии трудящихся, что :

„Раскол в венгерском рабочем движении, пейеристское предательское руководство социал-демократической партии и яд шовинизма были решающей причиной пассивности и колебания крестьянских и мелко-буржуазных масс, слабости и запоздавшей организации демократических сил против антинародной войны и изменившего родине хортистского режима.“¹¹⁷

Руководство венгерских социал-демократов и после освобождения страны „развивало дальше“ дух пакта, когда оно при изменившихся обстоятельствах, другими средствами продолжало вести политику поддержки буржуазии и, теперь уже, политику реставрации буржуазии. Этой цели служила вся деятельность Пейера, Бана, Кетли и их сторонников. Поэтому сказал товарищ Ракоши на учредительном съезде Союза трудящейся молодежи:

„— Я должен говорить о правых социал-демократах, от которых народная демократия до сих пор еще не требовала отчета в их старых преступлениях и которые поэтому набрались „смелости“ и теперь, когда империалистические поджигатели войны громче бряцают своим оружием, вновь начинают действовать. Эти правые руководители социал-демократов в течение четверти столетия перед освобождением страны были наместниками Хорти и реакции в рядах рабочего класса.

Они были теми, кто с пеной у рта забрасывал Советский Союз клеветой и грязью, кто разыскивал среди трудящихся, в рабочих организациях коммунистов и выдавал их кровавым палачам Хорти. Во времена второй мировой войны они были тормозом всех освободительных движений. Они заботились о том, чтобы венгерские фабрики полным ходом работали на войну немецких фашистов, чтобы не было саботажа, не было брака, по их доносам отправляли революционных рабочих в застенки или „на движущиеся лобные места“ карательных отрядов.

Эти господа на время притихли, но в последнее время вновь начинают действовать. Теперь их деятельность, конечно, совсем другая. Теперь они те люди, которые ослабляют дисциплину, повышают брак, дают советы и поощряют занижающих нормы, злоупотребляющих в области зарплаты, в области соцстрахования, они распространяют панические слухи врага, стремятся подорвать хорошее настроение трудящихся...

Они вступают в союз с агентами империалистов, сотрудничают с упорным врагом нашего народа, церковной реакцией. Теперь наша народная демократия направляет на них рефлектор всеобщего внимания и приступает к тому, чтобы

¹¹⁷ Программа Венгерской партии трудящихся.

окончательно разоблачить и обезвредить этих старых предателей, которые служат врагу в цитадели нашей демократии, внутри промышленного рабочего класса.“¹¹⁸

Но, в духе предательского пакта действовали и так называемые „левые“ руководители социал-демократов, которых товарищ Ракоши разоблачил, как подкупленных агентов буржуазии:

„С тех пор, как существует рабочее движение, буржуазии во всем мире взяла курс на то, чтобы по возможности подкупить руководителей рабочего движения. И у нас не было иначе. Теперь мы уже знаем, что большинство руководителей венгерского социал-демократического и профсоюзного движения стояли на службе хортистской буржуазии и политической полиции. Они создали даже идеологическую базу для этого подлого сотрудничества: „совместную борьбу против большевизма.“¹¹⁹

Товарищ Ракоши на основании конкретных фактов и собственных показаний социал-демократов показал, что в этой области не было разницы между правыми и так называемыми „левыми“ руководителями, которые одинаково были агентами буржуазии. Он доказывает, что после освобождения страны эти „левые“ руководители, по указаниям английской шпионской организации — пока могли — противились созданию организованного единства рабочего класса и, когда это было уже неизбежно, так же по указанию англичан, согласились на создание единой рабочей партии.

„Самой главной задачей было: не объединение, а проникновение. Предательские вожди социал-демократов точно выполнили эти указания. Если бы они дальше противились объединению, удалению скомпрометированных руководителей, то их отстранили бы их собственные честные, левые массы . . . Мы в значительной мере разоблачили этих правых и так называемых „левых“ социал-демократических предателей . . . Мы должны извлечь урок из этих событий. Мы должны быть осторожными, чтобы десятки тысяч честных бывших социал-демократов — рабочих и партийных работников — которые, естественно, не имели понятия о подлости и предательстве их вождей, плечо к плечу с нами спокойно могли строить социализм.“¹²⁰

Двадцатипятилетнее господство пейеризма в легальном рабочем движении нанесло венгерскому рабочему движению исключительно большой ущерб. Решающее значение имело заражение мышления рабочих и трудящихся идеологией оппортунизма. Для спокойного и уверенного строительства социализма, для разоблачения еще скрывающихся и прячущихся предателей необходима последовательная борьба против пережитков пейеристской идеологии, ликвидация этих пережитков. Важным оружием этой борьбы является — показать и разоблачить прошлое предателей.

Пакт Бетлен—Пейер был программой классового предательства. Ознакомлением его и ознакомлением с ним мы догола разденем предатель-

¹¹⁸ Выступление Матиаса Ракоши на I съезде ДИС (Союз трудящейся молодежи).

¹¹⁹ Доклад Матиаса Ракоши на заседании ЦК ВПТ, 27 октября 1950 года.

¹²⁰ Доклад Матиаса Ракоши на заседании ЦК ВПТ, 27 ноября 1950 г.

скую социал-демократию, сделаем для трудящихся понятным позжие предательства социал-демократов, облегчим ликвидацию пережитков оппортунистической идеологии. Изучение истории пакта Пейера оказывает нам непосредственную помощь в нашей теперешней борьбе.

Л. Р Е Т И

(Перевод из венгерского. Оригинал: *Réti László, A Bethlen--Feyer paktum* Исторический журнал „Századok“ 1950.)

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ЖУРНАЛА ВЕНГЕРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА „САЗАДОК“

В этом году вышел в свет 84-й том журнала Венгерского Исторического Общества „Сазадок“ („Столетия“). Восьмидесятилетний журнал с самого начала был главным органом и информатором венгерской историографии. Особенно в первые годы своего существования журнал имел серьезные положительные черты; в нем публиковались статьи, вскрывающие важные данные, сотрудниками журнала были передовые венгерские историки XIX века — Тагани, Ачади, Марки, Мэрцали. Но уже и тогда проявлялась характеризующая буржуазную историографию классовая ограниченность; большая часть опубликованных в нем статей служила интересам классу помещиков и капиталистов. Особенно в номерах, вышедших в свет в XX столетии, выявилось, что официальная венгерская историография по существу была феодальной и клерикальной историографией. Лишь около 20% помещенного в журнале материала освещало события XIX и XX столетий (да и эти статьи носили на себе габсбургистский или шовинистический характер), 80% материала обслуживало эпоху феодализма. Авторы статей восхваляли феодализм; главным мотивом была „великая венгерская империя“, руководящая роль венгров по отношению к соседним народам. С другой стороны, стремления венгерского народа, его движения за независимость выставлялись нереальными или даже прямо катастрофическими, не вскрывалась прогрессивная история прошлого трудового народа. Таким образом не указывали на извлекаемый из истинной истории венгерской нации урок, наоборот, события искажались в феодально-клерикальном духе.

В течение первых трех лет после освобождения страны старая редакционная коллегия „Сазадок“ в основном продолжала проводить „научную политику“ своих предшественников. Вышли в свет только два тома журнала. Лишь „год поворота“ (1947 г.) создал условия для возрождения и венгерской исторической науки. Венгерское Историческое Общество получило новое руководство, его журнал „Сазадок“ — новую редакционную коллегия, в которых занимают место представители передовой венгерской историографии во главе с академиком Эржебет Андич. В демократическом преобразовании фронта венгерских историков значительную роль

играет журнал „Сазадок“, вышедший за последние два года под новым руководством уже в трех объемистых томах (82, 83, 84 т.). На этих томах все более сказывается плодотворная сила марксизма -- в области выбора темы, метода, истинного вскрытия венгерской истории, обработки ее запущенных до сих пор областей. Историки-марксисты показали направление и провели большую воспитательную работу в области выбора темы и обработки материала. Эти тома журнала доказывают также и то, что уже выросла первая молодая гвардия венгерских историков, которая все более успешно и всесторонне изучая конкретный материал, ведет серьезные исследования. Наконец, и не в последнюю очередь из этих томов „Сазадок“ выявляется и то, что и все большее число буржуазных историков, следующих указаниям руководящих кадров и вдохновленных примером молодежи, начинают осознавать, что подлинными научными результатами могут быть достигнуты только владея единственной научной теорией, и, строя свои специальные знания на идеологическую основу, выходят со все более ценными научными очерками.

Тома „Сазадок“, изданные под руководством новой редакционной коллегии, вышли в свет объемом в 4—500 страниц. Они содержат большие и небольшие научные статьи, хронику научной жизни, обзор книг. На последних страницах публикуется краткое содержание статей и резюме на русском и французском языках.

Том издания 1948 года, пополнивший серьезное упущение старой редакционной коллегии, вышел в свет в 1949 году. Этот том почти целиком был посвящен столетней годовщине венгерской революции и борьбе венгерского народа за свободу 1848 года.

Во введении опубликовано выступление председателя Венгерского Исторического Общества Эржебета Андич по случаю реорганизации Общества. Эржебет Андич в своем выступлении указала на то, насколько не являлась венгерская историография учителем жизни, а, наоборот, своими фальсификациями сознательно вела венгерский народ на неправильный путь. Стоя на службе господствовавшего класса, венгерская историография готова была „с исторической точки зрения“ оправдывать всякое угнетение и обесчестила венгерские передовые традиции, даже и память 1848 года. Этот славный этап венгерской истории выставлялся как заблуждение, кровавая авантюра. Злонамеренно восхвалялось господство Габсбургов, державших венгров в колониальном угнетении. Эта историография с ее антимарксистским, направленным против прогресса убеждением и не могла быть научной. Новую гвардию историков и старых специалистов, ликвидирующих преступления прошлого и стоящих на службе прогрессу, ожидает разрешение великих задач, поставленных перед историками пятилетним планом, и ознакомление трудового народа с его подлинной историей. Разрешение этой задачи венгерские историки могут достигнуть с помощью последовательного применения исторического

материализма, сделав этим историографию богатым источником веры, трудящихся в прогресс и свободу.

Часть статей, посвященных событиям 1848 года, обсуждает проблемы венгерской революции и борьбы венгерского народа, проблемы национальностей и соседних народов, связанные с событиями 1848 года. Эржебет Фазекаш-Герэне в статье „Венгерские законы о национальностях в 1849 и 1868 годах“ показывает, что венгерское политическое руководство 28 июля 1849 года, незадолго до подавления борьбы за свободу реакционной царской властью, создало закон о национальностях. Если бы этот закон, демократически регулировавший вопрос национальностей в Венгрии, был издан на один год раньше, то он еще мог бы быть основой боевого объединения сил венгерского и соседних с ним народов. Однако, революция уже не имела силы для проведения его на практике. Но он и так показал, каким путем можно обосновать сотрудничество венгерского и соседних с ним народов. Автор на основании учений товарища Сталина рассматривает национальный вопрос в Венгрии 1848—49 и 1868 гг. Она устанавливает, что в период революции и борьбы за свободу национальный вопрос неотделим от крестьянского вопроса, от вопроса освобождения крепостных. И в национальных движениях 1848 года выразились крестьянские и демократические стремления. Однако, руководители венгерской революции, передовое мелкое дворянство напрасно боролись в 1848 году против реакции, они не могли своевременно удовлетворить законных требований, и таким образом, не были способны превратить силы крестьянства и дворянства в источник общей свободы. Помещичий класс, заключив в 1868 году соглашение с габсбургской династией, стал сообщником и союзником иностранного угнетения и являлся его представителем и по отношению к национальностям. Угнетение скачкообразно обострило противоречия, которые могут быть ликвидированы только странами народной демократии, освободившимися с помощью Советского Союза, борющимися плечо к плечу за общую великую цель — за строительство социализма.

В создании закона о национальностях 1849 года активную роль играл крупнейший румынский революционер-демократ Николае Балческу. Балческу уже в мае 1848 года хотел начать переговоры с венгерским правительством. За неудавшейся попыткой следовали новые, также безуспешные попытки. Об этом говорится в статье Золтана И. Тота „Вопрос о венгерско-румынском союзе в 1848 году“. Объединению сил борющихся за свою свободу народов на переговорах в 1848 году, а также и на начавшихся вновь в 1849 году препятствовали, с одной стороны, классовая ограниченность руководства венгерского мелкого дворянства, с другой стороны, сопротивление румынской интеллигенции, попавшей в сеть венгерской политики. Но все же имелись основы венгерско-румынской дружбы, на долгое время заглушены нападением и победой международной реакции.

Эндре Арато в статье „Национальное движение у Словаков перед революцией 1848 г. (1845—1848)“ анализирует противоречия, которые, во вред венгерской борьбе за свободу, сделали словацкое национальное движение, руководимое интеллигенцией и мелкой буржуазией, средством венской реакции. Субъективно, словацкое национальное движение было прогрессивным, но его руководители сделали ту ошибку, что выступили против борьбы венгерского народа за свободу, которая одновременно являлась борьбой за дело международного прогресса. Обострению этой ошибки содействовал тот факт, что руководители венгерской революции совершили ошибки в изданных языковых и социальных распоряжениях.

Статья Кароя Виг „К 100-ой годовщине славянского съезда в Праге“, написанная на основании статьи советского историка Никитина, опубликованной в журнале „Вопросы истории“ в 1948 году, указывает на значение этого конгресса и на его влияние и отношение в венгерской революции.

Осенью 1848 года венгерская буржуазная революция стала борьбой за свободу. Место Министерства занял революционный правительственный орган, т. н. Комитет Обороны, руководителем которого был сам Лайош Кошут. Дьезе Эмбер в статье „Венгерский Комитет Национальной Обороны в 1848 году“ дает ценную информацию о построении и деятельности этого органа, но не пытается обсудить проблемы революционного правительства.

Вопрос политической борьбы трудящихся поднимает Карой Вэрэш в статье „Вопрос избирательного права в шахтерских районах в 1848 году“. В статье приводится ценный документальный материал.

Статья Эржебет Андич, в которой приводятся документы, касающиеся измены родине тогдашнего эстергомского архиепископа Яноша Хама, разоблачает роль предателей борьбы за свободу, клерикальной реакции в 1848 году. Эти документы разоблачают, что венгерский архиепископ с находящимся под его влиянием большинством епископов предал борьбу венгерского народа за свободу, предал дело венгерского народа, предложив свои услуги австрийскому императору. Хам в интересах победы контрреволюции активизировал переплетающую всю страну церковную организацию и всеми силами старался влиять и на верующих. Революционное правительство, сам Кошут квалифицировали деятельность Хама изменой родине и издали распоряжение о конфискации его имущества.

Дьордь Шпира разработал большой архивный материал в своей статье „Венгерское крестьянство и дворянское руководство первой венгерской буржуазной революцией.“ Молодой историк-марксист указывает, в первую очередь, на ограниченность, проявляющуюся по крестьянскому вопросу в поведении мелкого дворянства, руководившего революцией за отсутствием буржуазии. Хотя закон, принятый в марте 1848 года, провозгласил освобождение крепостных, помещики все откладывали окончательный отказ от барщины. Противоречия между дворянством и крестьянством обострились, что ограничило источники сил революции и борьбы за свободу.

Показывая противоречия, автор не показывает положительных сторон дворянского руководства. Он подчеркивает противоречия, исходившие из дворянского руководства революцией, но — неправильно — недооценивает роль передовой части дворянства. На основании изложенного в этой статье читатель с трудом может взвесить огромную организационную роль Кошута и левых дворян, и не видит, что передовые дворянские руководители не только организовали национальное сопротивление, но, встав во главе его, проливали за него и свою кровь. Поэтому — и не потому, что были введены в заблуждение — встали на их сторону огромные массы крестьянства.

В этом же томе опубликована статья Дьюла Мереи „Цеховое устройство ремесла в Венгрии до 1848 года“. Этот очерк имеет ценность с точки зрения ознакомления с тем, что предшествовало движениям пештских рабочих, разыгравшимся весной и осенью 1848 года и дававшим революции решающий толчок. В статье говорится о борьбе внутри цехов между подмастерьями и эксплуатировавшими их мастерами.

Статья Жигмонда Пала Пах „К исследованию вопроса о первоначальном накоплении капитала в Венгрии“ также освещает события, предшествовавшие 1848 году. К обсуждению этого вопроса мы вернемся в связи со следующим томом „Сазадок“ 1949 г.

Как на особую ценность юбилейного номера отдельно надо указать на опубликованную в нем в переводе на венгерский язык статью советского академика В. Волгина „К столетию Манифеста Коммунистической Партии“ („Вопросы Истории“, 1948. № 3), дающую венгерским историкам богатый идеологический материал.

На первой странице второго тома реорганизованного журнала „Сазадок“ издания 1949 года помещен портрет Сталина, которого венгерские историки приветствуют по случаю 70-летия со дня его рождения, как великого вождя освободительного Советского Союза, как великого друга венгерского народа и пионера науки.

Первая статья этого тома — перевод на венгерский язык всемирно-известной статьи выдающегося советского историка академика Б. Д. Грекова „И. В. Сталин и историческая наука“.

Том издания 1949 года подчеркнуто разрабатывает такие вопросы венгерской истории, которые преднамеренно были запущены или фальсифицированы старой официальной историографией. В первой части статьи „Канун Венгерской пролетарской революции 1919 года“ под заголовком „Венгерское рабочее движение в 1914—18 гг.“ Эржебет Андич показывает Венгрию в момент взрыва первой империалистической мировой войны. Она разоблачает венгерский господствовавший класс, который боясь недовольства масс, революционной развязки, добровольно спасался в кровавой авантюре. Он не мог бы этого сделать, если бы предательские руководители единственной тогда рабочей партии — социал-демократи-

ческой партии — и профсоюзов не поддерживали правительство. Эти предательские руководители подчинились империализму, сознательно тормозили революционный порыв венгерских боевых рабочих масс, разложили их организации — даже на долгие годы отказались от традиции празднования 1 мая.

Причиненная войной нищета, политический и экономический террор правительства все более решительно восстанавливали трудовой народ против войны. *Победа Великой Октябрьской социалистической революции, победа руководимого большевистской партией советского народа* подняла венгерское рабочее движение из упадка, в который толкнули его оппортунистические руководители. Ценностью этой статьи является „изучение влияния русской революции в Венгрии“ — как выразился товарищ Ракоши — почти хронологическое изложение событий на основании в большей части неизвестного до сих пор архивного материала. На основании подлинных документов статья знакомит с расширением анти-милитаристического движения, со многими мелкими и несколькими крупными революционными движениями. В свое время венгерская печать под давлением милитаризированной цензуры умолчала об этих движениях, то же самое происходило и во время 25-летнего периода контрреволюции. Одно из крупнейших забастовочных движений разыгралось в марте 1918 года в городе Решицабана. Из сообщенного материала импозантно вырисовывается вспыхнувшая в июне 1918 года в Будапеште всеобщая забастовка. Многие восстания были организованы и вдохновлялись вернувшимися из России военнопленными. Правительство и духовенство применяли по отношению к ним изысканные методы физического и духовного террора. Венгерское правительство, одновременно с внешней войной, вело и решительную внутреннюю войну против венгерского народа. Но никакие военные и террористические мероприятия не могли подавить революционный подъем венгерского рабочего класса.

В этом же томе „Сазадок“ опубликована вторая часть уже упомянутой выше статьи Жигмонда Пала Пах. В первой части статьи автор, исходя из 24 главы „Капитала“ Маркса, рассматривает историю первоначального накопления капитала в Венгрии. Автор описывает процесс лишения крестьянства земли начиная с XVI столетия до 1848 года. Он показывает, как появилось это уже в ходе борьбы между реформацией и контрреформацией. Богатый документальный материал, опубликованный в статье, показывает насколько тесна была взаимосвязь между религиозной борьбой и борьбой за землю. Разогнание вооруженных дружин магнатов, конфискация поместий сторонников национальной борьбы против Габсбургов, вымогательство занявших их место новых помещиков и арендаторов — все это составляло отдельные этапы процесса создания безземельных масс. Ценной частью статьи Жигмонда Пала Пах является та глава, в которой он анализирует разложение сельской земельной

общины. Разложение и ликвидация земельной общины, превращение обрабатываемых крепостными земель в помещичьи фермы расширило тот процесс, в результате которого к концу XVIII и к началу XIX столетий образовались огромные массы аграрного пролетариата, обеспечение которых землей в течение целого столетия было основной проблемой экономического и общественного развития Венгрии. Рассматривая отдельные этапы первоначального накопления капитала, автор во второй части обсуждает подчеркнутый Марксом вопрос колониальной системы. Он устанавливает; что не Венгрия создала колониальную систему в интересах первоначального накопления капитала, а габсбургская держава колонизировала страну в интересах капиталистического развития австрийской буржуазии, наследственных земель. Автор приводит богатый материал, показывающий как колонизировали Габсбурги Венгрию; анализирует экономические причины национальной борьбы за свободу, направленной на воспрепятствование колонизации страны, и последствия ее подавления.

Большую пользу могло принести читателям изучение статьи А. Гиршфельда „О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке“ („Вспросы Истории“, 1948 г. № 1).

Ласло Жигмонд в статье „Канун второй мировой войны“ обсуждает также всеобщую историю и новейшую эпоху. Исходя из сборника исторических документов Совинформбюро „Фальсификаторы истории“, используя большой литературный материал, он доказывает, что американские, английские и французские империалисты с момента создания советской власти, в надежде на „крестовый поход“ против Советского Союза, старались поднять на ноги немецкий империализм. Так в 1918, 1923, 1933 и 1936 годах и, наконец, за последний этап второй мировой войны, при кризисах немецкого буржуазного и затем фашистского режимов английские и, особенно, американские империалисты в каждом случае спешили на помощь капиталистической Германии. Империалисты получали при этом большую помощь от „Центрума“, действующей по интенциям Ватикана католической партии. Оказывали им помощь и различные вредители и предатели рабочего движения, социал-демократы и троцкисты. Статья ярко показывает ответственность империалистического лагеря и, с другой стороны, последовательную мирную политику Советского Союза накануне второй мировой войны.

Из статей, занимающихся вопросами венгерской истории, статья Эмма Ледерер „О роли церкви в средневековой Венгрии при династии Арпадов“ характеризует угрожавшие нашей независимости вмешательства и деятельность церковной реакции и пап уже в первые столетия существования венгерского государства. Недостатком статьи является то, что она не занимается деятельностью живущего среди народа и происходящего из него низшего духовенства; но — на основании богатого документального материала на латинском языке — занимается с антинародным и открыто

корыстолюбивым высшим духовенством, показывает попытки папы — в большинстве случаев экономического и отнюдь не „принципиального“ характера — на вмешательство во внутренние дела Венгрии.

Две статьи черпают материал вновь из тем 1848—49 гг. Дьезе Эмбер описывает казнь плебейского революционера Иштвана Олаха а Золтан Варга, рассматривает вопрос формы государства и правления в связи с лишением трона династии Габсбургов в 1849 году. Он показывает, что за лишением трона не следовал революционный подъем, так как в политическом руководстве взяла верх оппортунистическая партия, и с разложением левого крыла отошло на задний план и влияние Кошута на руководство страной.

Среди опубликованного в этом томе материала ценность научного очерка имеет статья Иоахима Вега, в которой он хорошо обрабатывает и дает ценные данные о движении шахтеров в юго-западной Венгрии в 1893 году.

Заслуживает внимания публикуемое Кальманом Бенда открытое письмо одного из руководителей якобинского движения в Венгрии в конце XVIII столетия Игнаца Мартиновича, написанное им под псевдонимом. В этом письме Мартинович бичевал реакционную внешнюю политику императора Франца I.

Иштван Дарваш собрал сообщения современных газет о войсках великого русского полководца Суворова, продвинувшихся через Венгрию в 1799 году. Из современных газет выясняется, с какой любовью встречал венгерский народ русские войска, которые в течение одного месяца продвигались через территорию Венгрии.

Наконец, Лайош Лукач под заголовком „Материалы к вопросу о сотрудничестве западных империалистических держав с венгерскими контрреволюционерами в 1919 году“ публикует документы, которые показывают, к каким маневрам прибегали империалисты, чтобы уничтожить молодую венгерскую Советскую Республику в 1919 г.

Вышедший до сих пор *третий том, издание 1950 года*, возрожденного журнала „Сазадок“, согласно критике специалистов отражает значительное развитие журнала. Журнал старается осуществить указания *II Съезда Венгерской партии трудящихся*, относящиеся к историкам, особенно, указания *Матиаса Ракоши*. Согласно этим указаниям, перво-степенным долгом венгерских историков является вскрытие столетней борьбы венгерского народа против угнетения, верное описание отдельных крупных исторических деятелей, шедших во главе этой борьбы.

Первая статья 84 тома журнала (1950 г.) посвящена 100 годовщине смерти героического польского полководца венгерской борьбы за свободу Йожефа Бэма. Автор статьи Эндре Ковач в своей работе опирался на заметки Маркса и Энгельса, на результаты советской и польской историографии, на богатую современную мемуарную литературу и архивный

материал. Йозеф Бэм был международным солдатом революции, его характеризовали замечательные военные достоинства и пламенная любовь к свободе. Из поражения борьбы польского народа за свободу 1831 г. он извлек тот урок, что дело освобождения нации неотделимо от дела крестьянства. Обогащенный этим опытом пришел он осенью 1848 года в Венгрию. В течение трех месяцев он очистил территорию Трансильвании от австрийских войск. Успех его зимнего и весеннего походов приобрел ему не только дружбу Кошута и Петэфи, но и доверие всего трудового народа. Автор показывает его метод организации армии, его военные победы, славные походы; показывает также, в чем коренятся эти победы, революционную политику Бэма. Этот великий революционер провозглашал: „венгры, саксонцы и румыны, протяните по-братски руку друг другу устранив всякую национальную ненависть, и вы будете счастливы“. Его целью было распространение борьбы против реакции за границы страны, так, в первую очередь, на Галицию, на территории с румынским населением, на Молдавию и Буковину. Он вел успешную деятельность в интересах привлечения румынов, но после начала царской интервенции уже не мог победить преобладающую силу. Бэм, как подобает подлинному солдату революции, боролся до последней минуты, и оставил страну только в последний момент, после капитуляции главного венгерского военачальника. Свсей десятимесячной деятельностью в Венгрии он навеки записал свое имя на страницы истории венгерской нации, его имя стало символом польско-венгерской дружбы.

Статья Лайоша Элекеш „Армия Гунияди“, опубликованная в этом же номере, также стоит на службе отечественных традиций венгерского народа. Янош Гунияди — общий герой придунайских народов. Его походы в середине XV столетия открывают новую главу в истории борьбы против главного врага прогресса в те времена, против стремящейся к мировому господству турецкой державы. В предыдущую эпоху венгры и их союзники терпели тяжелые поражения и теряли все большую территорию. Гунияди своими победами приостановил, даже отбросил турков, и вернул угнетенному народу веру и боевую решимость. Войны, веденные Гунияди, были справедливыми войнами, и поэтому он мог рассчитывать на воодушевленную, активную поддержку со стороны угнетенных народов, независимости которых угрожала опасность. Успехами походов 1442, 1443—44 годов, а также успешной защитой Белграда в 1456 году он был обязан ополченцам. Наряду с поддержкой народных масс, источником его успехов была проведенная им в организации армии реформа. Хотя он не мог отказаться от феодальных войск, но он опирался главным образом на наемные войска. Изъяв наемные войска из под контроля боящихся за свою власть феодальных магнатов, Гунияди создал ядро армии, способной содействовать централизации государства. Наряду с тяжелой конницей, он развил важную в боях с турками легкую конницу и пехоту, играющую

решающую роль в войнах будущего. Он широко использовал метод ведения войны гуситов. Проведенные им мероприятия, свидетельствующие о понимании им характера турецких войн, личная храбрость и примерставят Яноша Гунияди, высоко ценимого и Марксом, в ряд выдающихся полководцев.

Иштван Сабо дает полезный материал для разработки отечественных традиций венгерского народа в статье о гайдуках, игравших большую роль в борьбах за независимость XVI—XVII столетий. В статье „Роль гайдуков в 1514 году“ автор указывает, что в крестьянской войне Дьердь Дожа вооруженные пастухи крупного рогатого скота „гайдуки“, были одними из первых выступивших на борьбу против феодалов. Выяснение их роли важно потому, что они не только составляли военное ядро и являлись представителями не склонной к соглашательству революционной готовности в великой крестьянской войне 1514 года, но также и потому, что в последующие десятилетия они преобразовались в регулярное наемное войско, которое последовательно сражалось против турок и, во времена национальных восстаний, против габсбургской власти.

Иштван Като, давший в предыдущем томе журнала критическое обозрение литературы о якобинском движении в Венгрии, в этом номере в статье „Вопросы движения венгерских якобинцев“ рассматривает пролог революции 1848 года, организацию, происходившую в 1790—94 годах, которая является одной из самых красивых прогрессивных традиций венгерского народа. Организация связана с небольшим слоем революционных демократов, руководители которых были казнены габсбургской реакцией.

Тибор Кардош в статье „Движение гуситов и роль Матиаса Гунияди в создании венгерской национальной церкви“ подробно рассматривает падение гуситизма в Венгрии его течение и характерности. Автор констатирует, что движения гуситов в Чехии и Венгрии в общем были параллельными, и в Венгрии оно вынесло на поверхность важные элементы национального сознания.

Таким образом, движение гуситов подготовило попытки Матиаса Гунияди к централизации. Одним из важнейших средств централизации Матиас считал освобожденную от влияния папства национальную церковь. Борясь за освобождение церкви, он неоднократно сам разоблачал стремление папства к политической власти. В деятельности Матиаса, как реформатора церкви, его помощником был канцлер, происходивший из чешских родителей-гуситов.

Многие статьи занимаются вопросом венгерского крестьянства, уделяя особое внимание крестьянским движениям. Дьюла Мереи в своей статье „К истории капиталистического развития венгерского сельского хозяйства“ исходит из *генцального труда Ленина* „Развитие капитализма в России“. Он обстоятельно рассматривает феодальные пережитки, оставшиеся в трудовой организации венгерского сельского хозяйства за период

от 1850 по 1918 год. После подавления борьбы венгерского народа за свободу реакция стремилась воспрепятствовать действительному осуществлению освобождения крепостных. В статье описываются те крестьянские движения, разыгравшиеся во всей стране, которые в конце концов заставили привести в исполнение закон об освобождении крепостных. Автор пишет о дальнейших крестьянских движениях, о полном обнищании крестьянства, о венгерском варианте „системы отработки“, о непрекращающейся классовой борьбе крестьянства.

Кроме этой большой статьи еще две статьи обслуживают вопрос классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма и капитализма. Эва Х. Балаж в статье „Движение крепостных варадского епископата в середине XVIII столетия“ пишет с сопротивлением крепостных, работавших в рудниках. Пал Ш. Шандор в статье „Данные об экспроприации крестьянства и о крестьянских движениях в эпоху абсолютизма (1849—1867)“ показывает обнищание крестьянства и подавление его движений дворянством, заключившим союз с австрийским абсолютизмом.

Статья А. Шандора и П. Колошша „Из истории государственных займов Венгрии (Во времена кризиса 1873 года)“ помогает ознакомлению с историей колониального угнетения Венгрии.

В третьем томе „Сазадок“, вышедшем в свет в новой редакции, венгерские историки дали богатый материал по отдельным вопросам отечественной борьбы и передовых движений венгерского народа. Но первоочередной задачей историков является также и разоблачение врага, чем они оказывают трудящемуся народу помощь в его борьбе за защиту мира, за строительство социализма. Этой задаче служит журнал одной большой статьей и опубликованием документов.

Автор статьи Ласло Рети использовал для своей статьи „Пакт Бетлена-Пайера“ неизвестный до сих пор архивный материал. Он показывает, что означал в Венгрии „социал-демократизм“ за период времени 1919 до 1924 гг. Премьер министр граф Иштван Бетлен и предательский, правый руководитель социал-демократической партии Кароль Пейер заключили этот пакт в глубокой тайне. В пунктах этого пакта социал-демократы заверяют контрреволюционное правительство в том, что они приспособятся к контрреволюционному режиму, откажутся от организации крестьянства, не будут вести революционной и, даже, республиканской пропаганды, и все свои заграничные связи используют в интересах создания „хорошей репутации“ фашистской Венгрии. Этот пакт, превративший партию рабочих масс в „доброжелательную оппозицию“ в течение долгих лет держался в секрете. С другой стороны, в духе этого пакта нападали в тыл героической борьбы коммунистической партии за свободу рабочего класса и венгерского народа. Когда руководители социал-демократической партии под давлением революционных рабочих масс вынуждены были опубликовать его, даже и их интернационал заклеил их поступок. Но создатели

пакта остались на их постах, чтобы дальше действовать на службе контрреволюционного правительства. Правые и т. н. левые руководители и после освобождения страны продолжали свою разлагающую деятельность в духе пакта. Благодаря бдительности Венгерской партии трудящихся и лично товарища Ракоши удалось разоблачить их и удалить из венгерского рабочего движения, завоевавшего наконец свое единство.

Не только правая социалдемократия была твердой опорой угнетающего венгерского господствующего класса. Он всегда мог рассчитывать на поддержку клерикальной реакции. Об этом рассказывает Бела Балаж в своей статье „Деятельность клерикальной реакции во время белого террора“. Начиная с того момента, когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в результате борьбы руководимого коммунистами рабочего класса, 21 марта 1919 года в Венгрии была провозглашена Советская Республика, клерикальная реакция оказалась самым активным штурмовым отрядом. Когда венгерская Красная Армия потерпела поражение в борьбе против многократно превосходящей силы и начались кровопролития, организованные белым террором, в этих кровопролитиях приняла участие и клерикальная реакция. Особенно трудным стало положение крестьянства, живущего в условиях нищеты на больших церковных имениях.

По вопросам всеобщей истории и внешней политики этот том „Сазадок“ публикует ценную статью советского автора Н. Калинина „Мюнхенский сговор и предательская роль английских лейбористов“ (Вопросы Истории, 1950, № 10).

Краткое изложение содержания вышедших до сих пор под новой редакцией трех томов „Сазадок“ дает схематическую картину работы венгерских историков за время после освобождения страны. Сжатое выступление Эржебет Андич во введении, заключительная речь почетного председателя Венгерского Исторического Общества Йожефа Реваи, произнесенная им на одном из заседаний Общества, и, особенно, доклад *Матиаса Ракоши на II Съезда Венгерской партии трудящихся* дали ценные указания к важнейшим задачам новой венгерской историографии.

Новое, марксистское поколение историков — и все более усиленно — и старые, буржуазные историки поняли, что их задачей является вскрытие истинной истории трудящегося народа, разоблачение исторических фальсификаций прошлого. Венгерские историки, в первую очередь, сотрудники „Сазадок“ могут выполнить стоящие перед ними великие задачи, если они усиленнее будут опираться на учения классиков марксизма-ленинизма, усиленнее будут изучать достижения советской историографии. При таких условиях следующие номера „Сазадок“ смогут показать новые достижения венгерской истории.

Les *Acta Historica* paraissent en russe et publient des travaux du domaine de la historique.

Les *Acta Historica* sont publiées sous forme de fascicules qui seront réunis en volumes de 300 à 500 pages. Il paraît, en général, un volume par an.

Les manuscrits, autant que possible écrits à la machine, doivent être envoyés à l'adresse suivante:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est 60 forints par an.

On peut s'abonner à l'Entreprise de Commerce extérieur des Livres et Journaux „Kultúra“ (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Compte courant No. 45-790-057-50-032) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Acta Historica* publish papers on history in Russian.
The *Acta Historica* appear in parts of various size, making up volumes of 300 to 500 pages. On the average, one volume is published per year.
Manuscripts should, if possible, be typed and addressed to:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 60 forints a volume. Orders may be placed with the „Kultúra“ Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest VIII, Rákóczi-út 5. Account No. 45-790-057-50-032) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Historie in russischer Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen Band von 20–30 Bogen. Im allgemeinen erscheint jährlich ein Band.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind, möglichst mit Maschine geschrieben, an folgende Adresse zu senden:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion und den Verlag bestimmte Korrespondenz zu senden.

Abonnementspreis pro Band 60 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Aussenhandels-Unternehmen „Kultúra“ (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Bankkonto Nr. 45-790-057-50-032) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Ára : 40 Ft.

INDEX

Введение	1
<i>Л. Элекеш</i> : Армия Гуниади	5
<i>Э. Г. Фазекаш</i> : Сравнение венгерских законов о национальностях 1849 и 1868 гг. с точки зрения прогрессивных сил истории	61
<i>Л. Рети</i> : „Пакт Бетлен—Пейер“	95
Отчет о работе журнала Венгерского Исторического Общества „Сазадок“	149

ACTA HISTORICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

REDIGIT
E. ANDICS

TOMUS I.

FASCICULUS 2.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
BUDAPEST, 1952

ACTA HIST. HUNG.

ACTA HISTORICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA TÖRTÉNELEMTUDOMÁNYI KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST, V., ALKOTMÁNY-U. 21.

Az *Acta Historica* orosz, francia, angol és német nyelven közöl értekezéseket a történelemtudomány köréből.

Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg: több füzet alkot egy kötetet.

A közlésre szánt kéziratok, géppel írva, a következő címre küldendők:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi és kiadóhivatali levelezés.

Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként belföldre 40 Ft, külföldre 60 Ft. Megrendelhető a belföld számára az »Akadémia Kiadó«-nál (Budapest, V., Alkotmány-utca 21, bankszámla 04-878-111-48), a külföld számára pedig a »Kultúra« Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest, VI., Sztálin-út 2, bankszámla: 45-790-057-50-032), vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

»*Acta Historica*« публикует трактаты из области исторических наук на русском, французском, английском и немецком языках.

»*Acta Historica*« выходит отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков со тавляют один том.

Предназначенные для публикации рукописи (в напечатанном на машинке виде) следует направлять по адресу:

Acta Historica, Венгрия, Будапешт 62, п'я 440.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена »*Acta Historica*« — 60 форинтов за том. Заказы в стране принимает »Akadémiai Kiadó« (Budapest, V., Alkotmány-utca 21) текущий счёт № 04-878-111-48), а для заграницы. Предприятие по внешней торговле книг и газет »Kultúra« (Budapest, VI., Sztálin-út 2., текущий счёт № 45-790-057-50-032), или его заграничные представительства и уполномоченные.

LA TACTIQUE DE LÉON LE SAGE COMME SOURCE HISTORIQUE HONGROISE

Depuis que François Kollár avait publié, en 1783, l'original et la traduction latine des passages concernant les Hongrois de la Tactique de Léon VI le Sage,¹ cette oeuvre est considérée par les historiens comme une des sources les plus précieuses de l'histoire ancienne des Hongrois. Dès 1852 Charles Szabó fit paraître la traduction des passages relatifs aux Hongrois² et François Salamon, soumettant la Tactique à un examen critique approfondi, réussit à en découvrir la source : un traité de tactique antérieur.³ Plus tard, sous l'influence des recherches de F. Salamon, R. Vári s'est fixé le but de préparer une édition critique de la Tactique de Léon le Sage et d'éclaircir tous les problèmes qui s'attachent à l'ouvrage en question. Dans ce but il examina, au cours de ses voyages d'étude à l'étranger, les différents manuscrits de l'ouvrage et, à partir de 1894, il consacra plusieurs études à la Tactique.⁴ En 1900, dans la série intitulée «A magyar honfoglalás kútfői» (Les sources de la conquête arpadienne), il fit paraître l'original grec et la traduction hongroise du XVIIIe chapitre où, à propos de l'art militaire des peuples étrangers, l'auteur traite la tactique des Hongrois. Malheureusement R. Vári ne réussit pas à mener à bonne fin l'édition critique de l'oeuvre complète ; n'ayant pu publier qu'environ la première moitié de l'ouvrage, il n'avait pas l'occasion d'insérer le XVIIIe chapitre dans son édition inachevée. Entre temps plusieurs autres chercheurs hongrois consacraient des études à la Tactique dans le but de répondre aux questions suivantes :

1. Quand et par qui fut rédigé le traité de tactique qui servit de source à Léon le Sage?

2. Quels sont les rapports qu'il y a entre le texte de Léon le Sage et sa source, et dans quelle mesure ses renseignements sont-ils dignes de foi?

En ce qui concerne la première question, c'est-à-dire la date de la rédaction, la plupart des chercheurs hongrois et étrangers optent pour la fin du VIe siècle

¹ *Historiae iurisque publici regni Hungariae amoenitates* I., Vindobonae 1783. 20—44.

² *Új Magyar Múzeum* [= Nouveau Musée Hongrois] 1851—52. I, 299—309. et *Kisebb történelmi munkái* [= Petits essais historiques] I., Budapest 1873. 81—95.

³ *A magyar hadi történehez a vezérek korában* [= Contribution à l'histoire militaire des Hongrois à l'époque des chefs], Budapest, 1877.

⁴ Les études de R. Vári, ainsi que la bibliographie de la question sont énumérées par *Gy. Moravcsik* : *Byzantinoturcica* I., Budapest 1942. 241—243.

ou le début du VIIe. A ce sujet nous avons à notre disposition les points de repère suivants :

Au XIe chapitre de l'ouvrage qui sert de source au XVIIIe chapitre de Léon, l'auteur décrit les moeurs et l'art militaire des Perses, des Scythes c'est-à-dire des Avars, des Turcs et d'autres peuples hunniques qui mènent une vie analogue, ensuite ceux des peuples «blonds», notamment des Francs, des Lombards et d'autres peuples similaires et enfin les moeurs des Slaves, des Antes et d'autres peuples vivant de la même manière ; dans tous les cas Léon esquisse aussi la tactique à laquelle ses compatriotes auront à recourir en cas de guerre. En ce qui concerne cette énumération, il est à remarquer qu'au cours du VIe siècle les Byzantins avaient des guerres presque ininterrompues avec les Perses : ces hostilités se prolongèrent jusqu'à la campagne victorieuse de l'empereur Héraclius en 627—8 ; après cette date les Perses n'étaient plus à compter parmi les ennemis de Byzance. Les luttes contre les Avars qui s'étaient poursuivies presque sans interruption depuis 568, culminèrent à la fin du VIe siècle et au début du VIIe ; après le siège de Byzance (626) les Avars s'affaiblirent et ne représentaient plus un danger sérieux. Quant aux Turcs, les Byzantins les connurent dès 576, date du siège de la ville de Bosphorus en Crimée. En ce qui concerne les Francs, les Byzantins se battaient avec eux en Italie, entre 553 et 561. C'est un peu plus tard, entre 568 et 572, que les Lombards occupèrent la majeure partie des provinces byzantines de l'Italie. Au sujet des Slaves l'auteur mentionne qu'ils vivent sur la rive septentrionale du Danube ce qui nous permet de dire que le récit est antérieur à la pénétration des Slaves dans la Péninsule des Balkans. Comme il ressort des dernières recherches, les Slaves s'établirent en Péloponèse en 588, à la suite de la grande invasion de 584 ; par conséquent, l'an 588 est à considérer, au point de vue de l'ouvrage, comme un «terminus ante quem». ⁵ A propos des Antes il suffit de dire qu'à partir de 517 ils firent plusieurs incursions en territoire byzantin ; vaincus par les Avars en 602, ils ne sont plus mentionnés par les sources. En un mot, tous les renseignements sur ces peuples étrangers renvoient à la deuxième moitié du VIe siècle. En outre, nous possédons même des points de repère plus précis : sous ce rapport on ne doit pas perdre de vue que l'auteur de la Tactique signale, à titre d'exemple, plusieurs événements historiques. Rappelons en premier lieu la ruse de guerre à laquelle les Ephthalites recoururent dans la guerre contre Péroz, roi de Perse (IV. 3, éd. Scheffer p. 109). Ce stratagème, rapporté par plusieurs autres sources, remonte incontestablement à 484. ⁶ On peut renvoyer aussi à la mention du

⁵ Aux derniers temps le problème de l'établissement des Slaves en Grèce a plusieurs fois été remis sur le tapis. Cette fois il suffit de renvoyer à l'étude récente de P. Charanis : *The Chronicle of Monemvasia and the question of the Slavonic settlements in Greece*, *Dumbarton Oaks Papers* I, Cambridge Mass. 1950. 141—166. — Cf. N. S. Derjavine : *История Волгария I.*, Moscou-Leningrad 1945. 90—92.

⁶ Pour quelques descriptions confirmant sur tous les points le témoignage de cette Tactique cf. Procope, *De bello Persico* I, 4, éd. Haury I, 15—16 ; Agathias IV, 27, éd. Dindorf : HGM II, 338 ; Théophane le Confesseur, éd. de Boor 123 ; Tabari, éd. Nöldeke 129—130.

siège d'une forteresse d'Arzanène (X. I, éd. Sch. 237) ; ce siège doit avoir eu lieu en 586. Enfin l'auteur rappelle un épisode des guerres byzantino-avares : à cette occasion le khagan avar surprit la cavalerie imprudente de Byzance en Thrace, près de la ville d'Héraclée (IX. 2, éd. Sch. 206). Quant à la date de cet événement, on est encore loin de l'avoir fixée d'une manière définitive. Pour ne signaler que les opinions émises par des savants hongrois, J. Gyomlay pense à l'époque de l'empereur Maurice, notamment à la date de 592,⁷ tandis que E. Darkó préfère l'an 619 qui tombe au temps d'Héraclius.⁸ La discussion reste ouverte aussi au sujet de l'auteur : Gyomlay est d'avis que la Tactique fut rédigée — comme il ressort de la plupart des manuscrits — par l'empereur Maurice en personne soit autour de 580, quand il exerçait les fonctions de commandant en chef, soit plus tard, après son avènement, quand il aura chargé quelqu'un de ce travail.⁹ Ces vues ne sont point partagées par E. Darkó qui attribue l'ouvrage à l'empereur Héraclius : celui-ci l'aurait rédigé en 621, en vue de sa campagne contre les Perses.¹⁰ A notre avis, la seconde hypothèse est infirmée par le fait que l'auteur du traité renvoie expressément aux expériences des guerres contre les Perses : *καὶ ἡμεῖς δὲ ἔγνωμεν ἐν τοῖς Περσικοῖς, ὅτι...* (IX. 3, éd. Sch. 221). Dans ces conditions il n'est pas étonnant de voir qu'on proposait aussi d'autres auteurs, par ex. un certain Urbicius et Rufus. Mais de quelque manière qu'on puisse essayer de trancher la question de la paternité, il n'en est pas moins vrai que la source de la Tactique de Léon le Sage remonte à la fin du VIe siècle ou au début du VIIe.¹¹ Dans ce qui suit, nous allons maintenir la dénomination traditionnelle de Tactique de Maurice.

Quant à la question de savoir comment le texte de Léon le Sage reflète sa source et dans quelle mesure les renseignements de la dernière sur les Hongrois sont authentiques, les opinions se partagent ; sous ce rapport les chercheurs hongrois se rangent en deux camps opposés. Signalons tout d'abord l'opinion

⁷ Böles Leo taktikája mint magyar történeti kútforrás [= La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise]. Budapest 1902. 31—34.

⁸ Böles Leó taktikájának hitelessége magyar történeti szempontból [= L'authenticité de la Tactique de Léon le Sage au point de vue de l'histoire hongroise]. Budapest 1915. 19—23. E. Darkó, rappelant que Léon le Sage qui transcrit ce passage (XVII, 18) intercale une remarque d'après laquelle l'événement en question aurait eu lieu au temps de l'empereur Héraclius, essaie d'établir un rapport entre ce texte et un épisode relaté par le patriarche *Nicéphore* (éd. de Boor 13). Mais on ne saurait négliger le témoignage d'une série de sources historiques : sous ce rapport il faut signaler le discours de Théodore (éd. L. Sternbach : *Analecta Avarica, Cracoviae* 1900. 5), le *Chronicon Paschale* (éd. Bonn. 712—3), Georges de Pisidie (éd. Bonn. 85—124) ; Théophane (éd. de Boor 301), Zonaras (éd. Bonn. III, 205—6). Ces sources nous permettent de dresser un tableau bien différent de celui qui se dégage de la Tactique. La date exacte est d'ailleurs 617 ; cf. J. Koulakovskij : *История Византии III.*, Kiev 1915. 53—54.

⁹ Op. cit. 35—45.

¹⁰ Op. cit. 5—59. — Déjà Gy. Czebe a établi (*Egyetemes Philologiai Közöny* 41(1917) 125—144) que les arguments de Darkó n'empportent pas la conviction.

¹¹ Dernièrement le début du VIIe siècle a été proposé par H. Zilliacus : *Der Kampf der Weltsprachen im oströmischen Reich*, Helsingfors 1935. 116—120 et N. V. Pigoulevskaia : *Византия и Иран на рубеже VI и VII веков*, Moscou-Leningrad 1946. 28—32 ; cf. Gy. Moravcsik, *Erasmus* 2 (1949) 593—596.

de J. Gyomlay qui repose sur une collation minutieuse des deux textes et d'après laquelle l'empereur Léon se serait contenté de copier servilement sa source, appliquant la description de l'art militaire des Avars et des Turcs du VIe siècle aux Hongrois du IXe siècle ; il s'ensuit que ses renseignements sont dépourvus de valeur et ne méritent pas de figurer parmi les sources de l'histoire de Hongrie.¹² D'autre part E. Darkó, soumettant les textes en question à un examen non moins approfondi, essayait de démontrer que Léon le Sage avait procédé à une transcription consciente de sa source rédigée trois siècles auparavant, puisqu'il n'ignorait pas que les Hongrois de son époque recouraient d'habitude à la même tactique que les Avars, les Turcs et les autres «Touraniens» du VIe siècle ; néanmoins, il apportait à sa source des modifications dictées par ses expériences. Tout bien considéré, E. Darkó est d'avis que les renseignements de Léon le Sage sur les Hongrois méritent d'être pris pour authentiques.¹³

Dans ces conditions, force nous est de procéder à une révision des problèmes soulevés par la Tactique. Pour ce faire, il ne suffit pas de procéder à la collation des deux textes ; en outre il faut examiner le caractère des renseignements de la Tactique de Maurice sur les peuples étrangers et la méthode d'adaptation de Léon ; comment a-t-il utilisé sa source, dans quelle mesure a-t-il apporté des modifications et par quelles considérations était-il guidé dans son travail ?

Le texte de la Tactique de Léon le Sage fut publiée pour la première fois par Meursius, en 1612 ; plus tard le texte de Meursius fut plus d'une fois légèrement remanié et réédité. La plus récente de ces éditions complètes est celle de Migne.¹⁴ Etant donné que la nouvelle édition critique de Vári¹⁵, comme j'ai remarqué plus haut, ne contient pas le chapitre XVIII, nous nous sommes servis de l'édition de Migne, en y apportant les corrections suggérées par R. Vári à propos du texte paru dans la collection «A magyar honfoglalás kútfoi»¹⁶.

Quant à la source de Léon le Sage, la seule édition complète de la Tactique attribuée à l'empereur Maurice fut publiée par Scheffer, en 1664.¹⁷ Mes conclusions reposent sur ce texte, mais en même temps je me suis servi du texte, légèrement amélioré, du chap. XI. 3 que R. Vári avait fait paraître dans «A magyar honfoglalás kútfoi», en guise d'introduction au chap. XVIII de Léon le Sage.¹⁸ En outre, j'ai utilisé, parmi les manuscrits de l'Académie Hongroise des

¹² Op. cit. 67—8.

¹³ Op. cit. 119—121.

¹⁴ *Patrologia Graeca* 107 (1863) c. 669—1120.

¹⁵ *Leonis imperatoris Tactica. Ad librorum mss. fidem edidit, recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vári* I. (prooemium et constitutiones I—XI. continens) ; II, 1. (constitutiones XII, XIII et constitutionis XIV. paragraphos 1—38. continens). Budapestini 1917—1922 [*Sylloge Tacticorum Graecorum* III].

¹⁶ *A magyar honfoglalás kútfoi* [= Les sources de la conquête arpadienne]. Rédigé par Gy. Pauler et S. Szilágyi. Budapest 1900. 11—89.

¹⁷ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. *Joannes Schefferus*. Upsaliae 1664. — Autant que je sache, une édition critique du texte est en préparation.

¹⁸ Op. cit. 5—8.

Sciences, le legs de R. Vári qui contient entre autres la collation des trois principaux manuscrits et une copie du texte dit «recensio Ambrosiana». ¹⁹ Ce dernier, encore inédit, est une paraphrase plus récente, en langue vulgaire, de l'original et comme tel, il nous rend des services signalés non seulement en vue de l'établissement du texte, mais — dans certains cas — même à propos de son interprétation. J'ai consulté moi-même une partie du manuscrit de Naples. Au surplus, nous possédons encore deux sources susceptibles de nous aider à rétablir l'original de la Tactique de Maurice. La première est une des oeuvres de Léon le Sage où le texte de la Tactique de Maurice est présenté sous forme de questions et réponses ; tout porte à croire que cette oeuvre servait d'étude préliminaire à la Tactique projetée par Léon. ²⁰ L'autre source est un extrait fait par Constantin VII Porphyrogénète qui se rapporte au passage consacré par la Tactique de Maurice à l'art militaire des peuples étrangers. ²¹

Voici une énumération de nos sources et dont les abréviations s'y rapportant :

a) *A propos du texte de Léon le Sage :*

Migne = édition précitée de Migne.

Vári = édition du chap. XVIII par R. Vári dans «A magyar honfoglalás kútfői».

b) *A propos du texte de la Tactique de Maurice :*

Scheffer = édition de Scheffer.

Vári = édition du chap. XI. 3 par R. Vári dans «A magyar honfoglalás kútfői».

M = cod. Laurentianus gr. LV, 4 (s. X.) fol. 44^v—46^v (d'après la collation de R. Vári).

N = cod. Neapolitanus gr. III. C. 26 (s. XI.), fol. 75^r—77^r (d'après ma propre collation se rapportant au début du texte).

P = cod. Barberinianus gr. 276 [II. 97] (s. XI.) fol. 39^v—41^r (d'après la collation de Vári).

V = cod. Vaticanus gr. 1164 (s. XI.) fol. 78^v—80^r (d'après la collation de R. Vári).

Rec Amb = cod. Ambrosianus gr. 139 [B 119 sup] (s. XI.) fol. 63^r—65^r (d'après la copie qui se trouve dans le legs de R. Vári).

Leo Prob = remaniement de la Tactique de Maurice par Léon le Sage (d'après l'édition de Dain).

Konst Exc = extrait fait par l'empereur Constantin VII Porphyrogénète d'après la Tactique de Maurice (édition de Lami).

¹⁹ Sous la cote RUI. 2°. 60.

²⁰ Leonis VI Sapientis Problemata, nunc primum edidit, adnotatione critica et indice auxit A. Dain. Paris 1935.

²¹ I. Lami : Ioannis Meursi Opera VI., Florentiae 1745. 1409—1418.

Avant d'analyser la méthode d'adaptation de Léon le Sage à propos de l'intercalation du chap. XI (*Περὶ τῶν ἐκάστου ἔθνους ἐθῶν τε καὶ τάξεων*) de la Tactique de Maurice dans sa propre oeuvre qui, à vrai dire, n'en est qu'une variante considérablement remaniée, il convient d'examiner de près les renseignements fournis par la Tactique de Maurice. Voici le plan du chapitre XI :

Après une introduction succincte (1), l'auteur traite tour à tour dans quatre parties distinctes, de l'art militaire des Perses (2), des Scythes c'est-à-dire des Avars et des Turcs, ainsi que des peuples hunniques qui s'en rapprochent par leur manière de vivre (3) *Πῶς δεῖ ἀρμόζεσθαι Σκύθαις, τουτέστιν Ἀβάροις καὶ Τούρκοις καὶ λοιποῖς ὁμοδιαίτοις αὐτῶν Οὐννικοῖς ἔθνεσιν*), des peuples blonds, c'est-à-dire des Francs, des Lombards et des autres peuples qui mènent une vie analogue (4), et enfin de celui des Slaves, des Antes et des autres peuples congénères (5); dans tous les cas il signale aussi la tactique à suivre en cas de guerre. A propos de l'analyse de l'art militaire d'un peuple l'auteur s'en tient à un schéma préétabli qui confère aux récits parallèles une certaine uniformité. Voici les détails successifs du plan qu'on y retrouve : 1. caractéristique générale du peuple et mise en relief de ses particularités ethniques ; 2. description de l'armure ; 3. analyse de l'organisation de l'armée et de l'art militaire ; 4. analyse des facteurs susceptibles d'entraver ses opérations militaires ; 5. la tactique à laquelle les Byzantins ont à recourir dans les luttes contre le peuple en question. L'uniformité des points de vue et de la matière est mise en relief par des moyens stylistiques appliquées d'une manière non moins uniforme. La caractéristique générale, très concise présente la juxtaposition de certaines épithètes ou constructions « à participe » qui remontent à des traditions de longue date dans la littérature ethnographique antique.²² Par suite de cette méthode les analyses des divers peuples sont caractérisées non seulement par des tournures identiques, mais encore par la concordance des faits. Voici quelques exemples :

Sur les Perses :

... τοῖς ἄρχουσιν ὑπάρχει διὰ φόβον
... (ed. Scheffer 254)
Φέρει δὲ ῥαδίως ... καύσωνος ὄχλησιν
... (254)
Ὀπλίζονται δὲ ζάβαις ἢ λωρικίοις, τό-
ξοις τε καὶ σπαθίοις ... (255)
Τὰ δὲ ἀδέστρατα καὶ τὸν τοῦλδον ὄπιθεν
ἀπ' ὀλίγου τῆς παρατάξεως ποιεῖ ...
(256)

Sur les Avars, les Turcs etc.:

Ταῦτα τοίνυν ... οὐκ ἀγάπη, ἀλλὰ φόβῳ
κεκρατημένα ... (ed. Scheffer 261)
Ἀνέχονται δὲ καύσωνος ... (261)
Ὀπλίζονται δὲ ζάβαις καὶ σπαθίοις,
τόξοις, κονταριοῖς ... (262)
Τὰ δὲ ἀδέστρατα αὐτῶν ὄπιθεν τῆς
παρατάξεως ἔχουσι πλησίον καὶ τὸν
τοῦλδον ... (264)

²² Ce fait a déjà été signalé par K. Trüdinger : Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie, Basel 1918, 133. — Cf. A. Graf: Antik hatások a korai bizánci irodalom etnográfiai tudósításaiban [= Quatenus auctores Byzantini medii aevi ineuntis in populis nationibusque describendis ab antiquis pendere videantur?], Budapest 1933. (= Egyetemes Philologiai Közlöny 57 (1933) 24—33, 100—105, 231—234 ; 58 (1934) 76—79, 176—180.)

τὰ δὲ βάθη τῆς τάξεως οὐχ ὠρισμένῳ Καὶ τὰ μὲν βάθη τῶν ἀκίων ἀορίστως,
 μέτρῳ ποιεῖ ... (256) ὡς ἀπαντᾷ, ποιοῦσι ... (264)
 ... ἀλλὰ σπεύδει ... τὸ μέτωπον τῆς ... καὶ ἴσον ποιοῦσι καὶ πυκνὸν τὸ
 τάξεως ἴσον καὶ πεπυκνωμένον ἔχειν μέτωπον (264)
 (256)
 Λυπεῖ δὲ ... πεζικὴ τάξις ἐπιμελῶς Ἐναντιοῦται δὲ αὐτοῖς ... τάξις πεζικὴ
 συντεταμένη, τόπος ὁμαλὸς καὶ γυμνὸς συντεταγμένη ... τόπος ὁμαλὸς καὶ
 ... πολλακίς δὲ καὶ νυκτεριναὶ ἀδόκητοι γεγυμνωμένος ... ἔφοδοι νυκτεριναὶ
 ἔφοδοι ... (257—258) ἀσφαλῶς γινόμεναι ... (265—266)

Certaines répétitions se retrouvent jusque dans les passages consacrés aux peuples blonds ce qui prouve que la conception de l'auteur reposait sur des points de vue préétablis et que ses moyens stylistiques provenaient du trésor d'une phraséologie «standardisée». Dans la description des Slaves et des Antes on retrouve tous les paragraphes énumérés ci-dessus ; quant aux détails, il suffit de signaler l'épithète «libre» que l'auteur applique aussi à ces peuples, ensuite le fait que ce sont des «peuples riches en hommes», la remarque «qu'ils endurent la chaleur comme le gel» et enfin, une autre observation, d'après laquelle «on doit se méfier d'eux à tous les égards» (Sch. 272, 276). Toutefois, abstraction faite de certains termes techniques qui, naturellement, reviennent aussi dans ce chapitre, on est amené à dire que la caractéristique de ces peuples ne ressemble ni par sa matière, ni par sa forme aux renseignements concernant les autres groupes ethniques. Il s'ensuit que l'auteur attachait le plus d'importance précisément aux Slaves et aux Antes. L'intérêt qu'il témoigne à leur égard ressort aussi du fait que ce passage (5) est presque aussi long que le texte intégral des trois parties précédentes (2—4). D'autre part, à l'encontre de ces trois parties qui nous fournissent une description rédigée selon le schéma traditionnel et farcie de lieux communs, le passage relatif aux Slaves et aux Antes contient une analyse pénétrante et fine de la manière de vivre et de l'art militaire de ces peuples : l'auteur ne manque pas de signaler le théâtre («au nord du Danube») des luttes qui sont en cours contre eux et renvoie avec un soin minutieux même aux menus faits, notamment à celui qu'en cas de danger les Slaves ont l'habitude de plonger dans l'eau et de respirer par un roseau (274—5). Il est encore à remarquer qu'à la fin du chapitre XI (289) l'auteur de la *Tactique* de Maurice déclare que son récit repose, d'une part, sur ses expériences, d'autre part, sur les renseignements des anciens. Il est évident que la description des Slaves et des Antes, ainsi que — selon toute probabilité — les passages relatifs aux Scythes, c'est-à-dire aux Avars, aux Turcs et à d'autres peuples hunniques réunissent les traits essentiels d'une conception antérieure à l'époque de l'auteur. Ces caractéristiques contiennent une série de détails connus d'autres sources ; c'étaient, pour ainsi dire, des lieux communs antiques et byzantins pour caractériser, dans les oeuvres ethnographiques, les Scythes et autres peuples congé-

nères. Sans avoir la prétention de donner une énumération exhaustive, en voici quelques spécimens, illustrés par le témoignage de certaines sources antérieures ou datant de la même époque : *manque de confiance* : sur les Huns v. Ammien Marcellin XXXI. 2, 11 ; sur les Avars, Théophylacte Simocatta I. 3, 2 ; — *avarice* : sur les Huns, Ammien Marcellin XXXI. 2, 11 ; sur les Outigours, Agathias V. 25 ; sur les Avars, Théophylacte Simocatta I. 3, 2 ; — *attachement à l'équitation* : sur les Huns, Ammien Marcellin XXXI. 2, 6 ; Zosime IV. 20, 4 ; — *fuite simulée* [signalée déjà par Platon comme un des traits caractéristiques des Scythes (Lachès 191 A—B) ; on possède des renvois à l'existence de la même tactique chez les Parthes (Dion Cassius XL. 15) et les Alains (Arrien, Scheffer, éd. citée 78)] : sur les Huns blancs, Procope BP I. 3, 11 ; — *coutume de décocher des flèches en arrière, en retournant sur la selle* [déjà signalée par Hérodote (IV. 16) à propos des Scythes, cette habitude est attribuée aux Parthes par Dion Cassius (XL. 15)] : sur les Outigours, Agathias V. 19 ; — *ligne de bataille cunéiforme* : sur les Huns, Ammien Marcellin XXXI. 2, 8. Inutile de dire que certains lieux communs de tactique sont appliqués par les oeuvres ethnographiques non seulement aux Huns et aux peuples turcs, mais encore à d'autres groupes ethniques.²³ Naturellement, il serait faux d'en conclure que les particularités en question ne reposent pas sur l'observation de la réalité ; bien au contraire, il vaut mieux dire qu'il s'agit d'une vision profondément enracinée dans la conscience collective ce qui suffit à expliquer la présence de tant de traits typiques. L'auteur de la Tactique attribuée à l'empereur Maurice, qui range en plusieurs groupes les peuples et ne signale que quelques peuples représentant telle ou telle catégorie, pour appliquer aux autres des tournures comme «menant une vie similaire» ou «de ce genre», avoue spontanément de vouloir nous fournir des descriptions typiques et non des analyses variant d'un peuple à l'autre. N'identifie-t-il pas les «Scythes» avec les Avars, les Turcs et les autres peuples hunniques qui mènent une vie similaire ?²⁴ Cette conception correspond parfaitement au tableau qui se dégage des autres oeuvres littéraires de l'époque. Le nom ethnique des Huns n'avait point disparu avec le peuple d'Attila. Dans les sources byzantines du VIe siècle on rencontre souvent le terme de «peuples hunniques» : on voit des «Huns» dans l'armée byzantine et l'on qualifie de «Hun» non seulement une série de petits groupes ethniques mal connus, mais encore les Ephthalites ou «Huns blancs», les Sabires, les Onogours, les Outigours, les Koutrigours, les Bulgares, les Avars et les Turcs.²⁵ Évidemment c'est précisément à ces groupes ethniques que la Tactique de Maurice applique le nom collectif de «peuples

²³ Cf. Darkó, op. cit. 61—70 ; Graf, op. cit. 6—8 ; V. D. Blavatskij, О стратегии и тактике скифов. Академия Наук СССР. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Материальной Культуры 34 (1950) 19—29, A. I. Milioukova : Войско и военное искусство скифов, ibidem 30—41.

²⁴ L'identification des Scythes et des Huns est attesté aussi par un autre passage de la Tactique attribuée à l'empereur Maurice (VII, 1, éd. Sch. 137 : Σκυθῶν ἢ Οὐννῶν.)

²⁵ Sur ces données cf. Gy. Moravcsik : Byzantinoturcica II., Budapest 1943. 199—202.

hunniques». Il convient d'ajouter que dans les sources byzantines (de même que dans la *Tactique de Maurice*) les Turcs et les Avars figurent aussi sous le nom de «Scythes», mais selon l'usage byzantin cette dénomination s'appliquait, au point de vue culturel et géographique, à un nombre beaucoup plus grand des peuples que la dénomination de «Huns».²⁶ Parmi ces peuples il y a plusieurs (notamment les Ephthalithes, les Sabires, les Onogours et les Outigours), avec lesquels les Byzantins du VIe siècle n'avaient des rapports — en partie, des rapports d'alliance — qu'aux confins du nord-est de l'empire, dans la région du Don et du Caucase, sans qu'on puisse signaler des luttes de quelque importance entre eux et les forces byzantines. En ce qui concerne les Turcs qui vivaient dans une région encore plus éloignée, ils étaient en contact diplomatique avec Byzance dès la deuxième moitié du VIe siècle ; en 576, lorsque les Turcs occupèrent la ville de Bosphorus, en Crimée, Byzance connut aussi leur force armée. Au cours du VIe siècle les Bulgares et les Koutrigours firent, du côté du Danube, plusieurs incursions en territoire byzantin ; en 558 les Koutrigours menaçaient même Constantinople et Bélisaire, commandant en chef des troupes de Justinien, ne les rejeta qu'au prix de luttes particulièrement graves. Ces peuples mis à part on doit encore mentionner les Avars qui, dans la deuxième moitié du VIe siècle et au début du VIIe, ne cessaient de menacer la ligne du Danube : au champ de bataille leur tactique faisait maintes difficultés aux Byzantins. C'est au cours de ces contacts belliqueux que Byzance eut de la tactique des peuples de caractère hun et turc les impressions qui se reflètent dans la *Tactique de Maurice*.

Voyons maintenant, comment Léon le Sage a utilisé les renseignements de son prédécesseur sur les peuples étrangers. Comme il ressort de son ouvrage, ils'intéressait surtout aux Sarrasins. Selon son propre aveu (XVIII. § 142), c'étaient bien les Sarrasins qui, imitant l'exemple des Perses de jadis, ne cessaient de harceler les citoyens de l'empire. Voilà la raison, pour laquelle l'empereur s'occupe d'eux d'une manière particulièrement détaillée (§§ 109—142), d'une part, comme il dit lui-même (§ 123), sur la base des rapports des chefs de l'armée et des rapports soumis aux empereurs antérieurs, d'autre part d'après les déclarations de son père, Basile Ier qui avait eu beaucoup de guerre avec les Arabes. Cette partie de l'ouvrage est donc indépendante des *Tactiques* antérieures, y compris celle de Maurice. Léon ne traite que rarement les Perses ; les données qu'il avait recueillies sur eux, se transforment maintenant en conseils de caractère général (§§ 16—39),²⁷ même leur nom est passé sous silence et dans les cas où il figure quand même dans le texte, il est accompagné d'un adverbe signifiant «jadis». Tout cela n'est que fort naturel puisqu'à cette époque les Perses ne

²⁶ Cf. *Gy. Moravcsik*, op. cit. II, 236—7 ; *Graf*, op. cit. 20—23.

²⁷ Je tiens à faire remarquer que dans l'édition de *Vári* (*A magyar honfoglalás kútfoi*) la numérotation des paragraphes diffère de celle de l'édition de *Migne* : *Migne* 29—107 = *Vári* 28—106 ; *Migne* 114—121 = *Vári* 115—122 et *Migne* 143—157 = *Vári* 143—157.

constituaient plus aucune menace pour Byzance. Au § 40 Léon mentionne les Turcs, en les identifiant avec les Scythes mentionnés par sa source ; un peu plus loin, du § 42 jusqu'au § 77 il s'occupe exclusivement des Turcs. Néanmoins, avant d'entrer dans l'analyse de ce passage, il convient d'examiner l'attitude de Léon vis-à-vis des autres peuples qui avaient figuré dans sa source. Dans les paragraphes suivants (§§ 78, 80—98) il traite les Francs et les Lombards, transcrivant, avec quelques remaniements, le texte de sa source ; à ce propos il fait ressortir le fait que ces peuples, jadis payens, ayant déjà embrassé le christianisme, entretiennent des rapports d'amitié ou d'alliance avec les Byzantins ce qui exclut la possibilité d'une guerre contre eux. S'il décrit quand même leur art militaire, c'est pour inviter les chefs de l'armée à en tirer des conclusions générales (§ 78). Ensuite l'empereur traite les Slaves (§§ 99—108, cf. § 79), mais sans parler des Antes. A propos des Slaves il tient à signaler le fait qu' auparavant ils avaient vécu au-delà du Danube ; à présent ils se trouvent déjà en deça du fleuve, sont chrétiens, portent l'empreinte d'un processus d'hellénisation et, grâce aux efforts de l'empereur Basile Ier, père de Léon, ils ne menacent plus Byzance (§§ 99, 101). Ensuite Léon décrit quelques unes de leurs coutumes d'après la Tactique de Maurice, mais il omet le passage concernant la lutte contre les Slaves, abrège considérablement le récit de sa source, le transpose au passé, l'accompagne de l'adverbe «jadis» et, pour terminer, il ajoute qu'il n'a pas en vue les attaques contre les Slaves, mais celles qu'on dirige contre les peuples similaires et les autres peuples barbares. Il est donc évident que dans tous les cas (sauf le passage concernant les Sarrasins) où Léon le Sage s'inspirait de la Tactique attribuée à Maurice pour décrire l'art militaire des peuples étrangers, il adaptait les renseignements de sa source aux conditions de son époque. Mais comment a-t-il procédé au sujet des Turcs ?

Les Turcs sont mentionnés pour la première fois à propos de la retraite simulée (XIV. 42). Dans ce cas Léon répète presque littéralement sa source (IV. 1—2, éd. Scheffer 107), mais il modifie la phrase finale de la Tactique de Maurice de la manière suivante :

Maurice

... ἄπερ ποιούσιν ὡς ἐπίπαν Σκυθικὰ
ἔθνη.

Léon

Τοῦτο δὲ ὡς ἐπὶ πολὺ ἐπὶ τῶν
βορειοτέρων καὶ Σκυθικῶν ἐθνῶν γίνεται
διὰ τὸ ἄτακτα εἶναι, οἷον Τούρκων καὶ
τῶν ὁμοίων αὐτοῖς.

Comme on voit, Léon a intercalé la mention des Turcs, complétant d'une manière consciente sa source où il y avait déjà deux mentions antérieures du même peuple. Dans le premier passage l'auteur de la Tactique recommande les

tentes faites à la manière avare et turque (I. 2, éd. Sch. 24) ;²⁸ dans le second il signale un des traits essentiels de l'ordre de bataille chez les Avars et les Turcs : au lieu de former un seul front, ils en forment deux ou même trois (II. 1, éd. Sch. 47). A propos du premier passage Léon omet entièrement la mention des Turcs (VI. 14) ; à propos du second il agit de la même manière, transformant ainsi les textes de sa source en un conseil de caractère général (XII. 7.)²⁹

Au chap. XVIII Léon le Sage revient aux Turcs. Ayant lu dans la Tactique de Maurice que les Perses poursuivent en ordre de bataille leurs ennemis et que, par là, ils se distinguent des Scythes, il adopte ce renseignement, mais le transforme d'une manière radicale : il remplace le nom des Scythes par celui des Turcs et attribue la méthode des Perses à un certain groupe des peuples. Vu que ce passage illustre fort bien les procédés d'adaptation de Léon, il n'est pas inutile de confronter soigneusement les deux textes :

Maurice XI. 2, éd. Sch. 260.

... ὡσπερ οὖν οἱ ὑποχωροῦντες αὐτοῖς, εἰ βουληθῶσιν ἀντιστρεφόμενοι εἰς ὄψιν τῶν διωκόντων αὐτοὺς ἐλθεῖν, βλάπτονται συντεταγμένοις περιπίπτοντες. Οὐδὲ γὰρ ὡς Σκύθαι ἐν ταῖς διώξεσιν οἱ Πέρσαι ἀτάκτως ἐπιτίθενται, ἀλλὰ πρῶως καὶ συντεταγμένως. Διὸ τοὺς ἀναστρέφοντας κατ' αὐτῶν, ὡς εἴρηται, οὐ δεῖ δι' ὄψεως, ἀλλὰ διὰ τῶν πλαγίων κατὰ τοῦ νότου αὐτῶν ἐπιτηδεύειν ἔρχεσθαι.

Léon XVIII. §§ 40—41.

Τὰ μὲν γὰρ τῶν ἐθνῶν, οἷον οἱ Τοῦρκοι, ἐν ταῖς διώξεσιν ἀτάκτως ἐπιτίθενται τοῖς διωκομένοις, ὅθεν καὶ εὐχερέστερον βλάπτονται παρὰ τῶν διωκομένων εὐτάκτως ὑποχωρούντων καὶ ὑποστρεφόντων.

Τὰ δὲ πρῶως καὶ συντεταγμένως διώκουσι. Διὸ οὐδὲ χρὴ τοὺς ἀναστρέφοντας κατ' αὐτῶν δι' ὄψεως ἐπιτηδεύειν ἔρχεσθαι, ἀλλὰ καὶ διὰ τῶν πλαγίων καὶ κατὰ τοῦ νότου αὐτῶν ποιεῖσθαι τὴν ἐπέλεσιν, ὡς μοι εἴρηται.

Après cette mention des Turcs l'empereur commence à décrire la tactique du peuple en question : selon son aveu (§ 42) il l'avait connue par expérience à l'époque où il s'était servi des Turcs comme alliés de Byzance contre les Bulgares. Il ajoute encore quelques détails, notamment le fait qu'à ce moment-là les Turcs avaient traversé le Danube sur des galères impériales. Un des épisodes

²⁸ Dans l'édition de Vári, en regard du texte de Léon le Sage, on retrouve aussi celui de sa source ; dans le dernier texte, le nom des Turcs ayant été omis, il n'est question que des Avars (tome I, p. 108).

²⁹ Il est à remarquer qu'à plusieurs endroits où la source de Léon fournit la mention des Avars (I, 2, éd. Sch. 21, 22, 23), des Huns (VII, 1, éd. Sch. 137) et des Bulgares (XII, B, 1, éd. Sch. 303), l'empereur supprime ces renvois directs soit en passant sous silence les noms des peuples énumérés, soit en omettant le texte même (VI, 2, 9, 12 ; XII, 133—4). — Son procédé est d'ailleurs illustré par le fait que dans le chapitre XI de l'ouvrage où la Tactique attribuée à l'empereur Maurice est présentée sous forme de question et réponses (cf. 20 note), Léon traite toujours les Scythes (sauf les §§ 14 et 15 où il est question des Turcs et des Avars) ; en d'autres termes — se laissant conduire par les titres des chapitres — il attribue aux Scythes tout ce qu'il trouve dans sa source sur les Avars et les Turcs.

de ce transport est d'ailleurs mentionné par le fils de Léon le Sage, Constantin Porphyrogénète³⁰ qui, dans un autre passage du même ouvrage, relate aussi les conséquences de la guerre byzantino-bulgare, à savoir l'attaque des Petchénègues contre le territoire turc et l'occupation d'une nouvelle patrie par les Turcs.³¹ Ces données ne laissent subsister aucun doute au sujet du fait qu'à ce propos Léon le Sage fait allusion à la guerre byzantino-bulgare de 894—896, dont l'histoire nous a été transmise même par une troisième source, à savoir par la suite de la chronique de George le Moine.³² Comme il ressort du dernier texte, l'ambassadeur de l'empereur Léon arriva en bateau dans la région du delta du Danube pour y conclure le pacte d'alliance avec les chefs des Turcs, Arpad et Kousan. Conformément à ce pacte, les Turcs ne tardèrent pas à s'attaquer aux Bulgares et à anéantir, dans trois batailles successives, les troupes du prince Syméon.³³ La confrontation de ces sources et surtout la mention d'Arpad rendent indubitable que les Turcs des sources byzantines sont identiques aux Hongrois. Pour s'en convaincre d'une manière absolument sûre, on n'a qu'à confronter les sources byzantines avec une source occidentale,³⁴ avec la légende vieille-slave de saint Georges³⁵ et avec le récit des Annales russes³⁶ où à propos des mêmes événements, la mention des Turcs est remplacée par celle des Hongrois («Avari qui dicuntur Hungari», Оугри, Оугры, Угри, Угры Угре). L'empereur Léon avait donc bien l'occasion de se procurer des renseignements précis sur les événements de cette guerre et sur la tactique des Hongrois, alliés de Byzance; les sources que nous venons de signaler ont conservé même le nom des ambassadeurs et des chefs d'armée byzantins qui pouvaient fournir maints détails concrets à l'empereur.

Mais Léon le Sage, non content d'avoir analysé la tactique des Hongrois, examine aussi celle des Bulgares. Répétant les paroles de la Tactique de Maurice sur les Scythes (XI. 3, éd. Sch. 261), il remplace le nom des Avars par celui des Bulgares (§ 43) et par là il applique aux Turcs (= Hongrois) et aux Bulgares tout ce que la Tactique relate sur les Scythes, c'est-à-dire sur les Avars, les Turcs et les autres peuples vivant à la manière des Huns. Dans quel but Léon a-t-il recouru à ce procédé? Lui-même, il répond à cette question dans le para-

³⁰ De administrando imperio 51103—128, éd. Moravcsik—Jenkins, Budapest 1949.

³¹ Ibidem 407—22.

³² Éd. Bonn. 853—855; V. M. Istrin: Хроника Георгия Амартола въ древнем славянорусскомъ переводѣ. II., Petrograd 1922. 27—28.

³³ Cf. G. T. Kolias: 'Η παρά τὸ Βουλγαροβύργιον μάχη καὶ ἡ δῆθεν πολιορκία τῆς Κωνσταντινουπόλεως (895), Ἀρχεῖον τοῦ Θρακικοῦ Λαογραφικοῦ καὶ Γλωσσικοῦ Ἐθναροῦ (1940—41) 341—362.

³⁴ Annales Fuldenses ad. a. 896; cf. A. Gombos: Catalogus fontium historiae Hungaricae aeo ducum et regum ex stirpe Arpad descendantium ab anno Christi DCCC usque ad annum MCCI. I., Budapestini 1937. No. 316, p. 132—133. — Cf. A magyar honfoglalás kútfoi 317.

³⁵ Ch. Loparev: Чудо святаго Георгия о Болгаринѣ [Памятники древней письменности 100] St.-Peterbourg 1894. — Cf. A magyar honfoglalás kútfoi 355—361.

³⁶ A. Hodinka: Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai [= Les passages concernant les Hongrois des Annales russes], Budapest 1916. 47, 71. — Cf. A magyar honfoglalás kútfoi 373.

graphe suivant où il expose que les Bulgares, déjà chrétiens et correligionnaires des Byzantins, se soumettent à la volonté de l'empire ; ayant été punis pour leur parjure, ils ne fournissent plus d'occasion à une guerre contre eux. Dans ces conditions, il n'est plus nécessaire de décrire leur tactique (§ 44). Léon insiste sur le fait qu'il ne poursuit qu'un seul but : décrire l'art militaire des Turcs qui « se distingue fort peu ou ne se distingue guère de celui des Bulgares » (§ 45). Cette remarque revient encore à deux reprises dans les paragraphes consacrés à la caractéristique des Turcs (§§ 61, 75) qui se terminent par une observation analogue : sans avoir l'intention d'attaquer les Bulgares qui ne sont ni voisins, ni ennemis de l'empire, mais cherchent plutôt à se montrer vassaux de Byzance, il décrivait leur tactique dans le but unique de fournir matière à réfléchir aux chefs d'armée byzantins (§§ 76—77). Il n'en est pas moins vrai — et toute l'attitude de Léon le Sage milite en faveur de cette explication — que ces tournures rusées, caractéristiques pour les méthodes diplomatiques des Byzantins dissimulent assez mal certaines intentions secrètes. Si l'empereur eût été parfaitement rassuré au sujet de la menace que les Bulgares et les Hongrois constituaient pour l'empire, il eût pu transformer l'analyse présentée par la Tactique de Maurice en conseils de caractère général : n'at-il pas agi de même à propos des parties consacrées aux Perses ? Dans ce cas, en revanche, l'empereur, malgré son attitude d'une apparence amicale, jugeait nécessaire d'initier ses généraux à la tactique, presque identique, des Hongrois et des Bulgares : le cas échéant, on ne manquerait pas de profiter de ces conseils. Sous ce rapport on ne devrait pas perdre de vue que, depuis la conquête de leur nouvelle patrie par les Bulgares, il y avait une suite presque ininterrompue des guerres bulgaro-byzantines et que la période de trêve qui est représentée, après la paix de 896, par les dix-sept ans du règne relativement tranquille du tsar Syméon, fut suivie, dès la mort de Léon (912), d'une nouvelle reprise des hostilités. En ce qui concerne les Hongrois, nous ne savons rien des attaques qui auraient succédé à la conquête arpadienne ; il n'en reste pas moins qu'à partir des années 30 du Xe siècle il y eut une série d'incursions hongroises en territoire byzantin. Par conséquent, la finesse de Léon de Sage n'était point déplacée.

Examinons maintenant de plus près les rapports qu'il y a entre le texte de Léon et sa source. Sans considérer les petites modifications stylistiques qui sont indifférentes au point de vue de sens, nous bornerons notre analyse aux additions et aux modifications plus ou moins significatives, au point de vue du contenu, de Léon le Sage.³⁷

Signalons, tout d'abord, l'omission d'une phrase de la Tactique qui, après la caractéristique du peuple turc, se rapportait à celle des Avars (éd. Sch. 261 ; cf. Léon § 45). Étant donné qu'il s'était, selon ses propres paroles (§ 45), fixé

³⁷ La traduction hongroise des textes parallèles de Léon et de sa source a paru dans mon étude de langue hongroise, publiée dans la revue Századok (85 [1951] 334—353).

le but de traiter «de l'organisation et de l'ordre militaire des Turcs», il mit au singulier une forme de pluriel de sa source (chez Maurice 261 : *Ταῦτα τοίνυν*) qui se rapportait aux Turcs et aux Avars, voire aux autres peuples hunniques (chez Léon § 46 : *Τοῦτο τοίνυν*). D'autre part, voulant rapporter son texte directement aux Turcs, il intercala à plusieurs reprises le nom ethnique de ce peuple (§§ 47, 53, 62, 71), quoique, dans les passages correspondants, la Tactique n'ait présenté aucun nom analogue. Mais nous avons déjà vu que, d'une manière plus ou moins dissimulée, Léon appliquait aussi aux Bulgares ses constatations sur les Turcs (c'est-à-dire sur les Hongrois). Cette préoccupation secrète se fait sentir aussi au § 43 où, comme nous avons déjà dit, il remplace le nom des Avars par celui des Bulgares ; en même temps il ajoute au texte de sa source l'épithète *ὁμοίας* ; en dernière analyse le texte de Maurice prend sous le plume de Léon l'aspect suivant :

Maurice, éd. Sch.261

Léon § 43

Τὰ Σκυθικὰ ἔθνη μιᾶς εἰσιν ὡς εἰπεῖν ἀναστροφῆς τε καὶ τάξεως, πολυαρχά τε καὶ ἀπράγμονα. Μόνα δὲ τὰ τῶν Τούρκων καὶ Ἀβάρων φροντίζουσι τάξεως πολεμικῆς ἰσχυροτέρας τῶν ἄλλων Σκυθικῶν ἔθνων τὰς κατὰ συστάδην μάχας ποιοῦμενα.³⁸

Τὰ Σκυθικὰ τοίνυν ἔθνη μιᾶς εἰσιν ὡς εἰπεῖν ἀναστροφῆς τε καὶ τάξεως, πολυαρχά τε καὶ ἀπράγμονα, νομαδικῶς ὡς ἐπίπαν βιοῦντα. Μόνα δὲ τὰ τῶν Βουλγάρων, προσέτι δὲ καὶ τὰ τῶν Τούρκων τῆς ὁμοίας φροντίζουσι τάξεως πολεμικῆς ἰσχυροτέρας τῶν ἄλλων Σκυθικῶν ἔθνων τὰς κατὰ σύστασιν μάχας ποιοῦμένα τε καὶ μοναρχοῦμενα.

Léon omet partout la mention des Perses (§§ 53, 55, 59), rattachée souvent par sa source à celle des Romains (= Byzantins) : selon la Tactique, les Perses et les Byzantins sont des peuples ayant un art militaire différent de celui des Avars et des Turcs.

³⁸ Quant au texte, il est à remarquer que dans l'édition de Scheffer et dans les manuscrits NPV on lit *ἔστι(ν)* au lieu de *εἰσι* ; néanmoins, la seconde leçon est confirmée par le témoignage de Rec Amb, Leo Prob et Konst Exc. Devant l'expression *τῶν Τούρκων* l'édition de Scheffer ne présente pas l'article *τά*. Vári a contesté la forme *κατὰ συστάδην*, mais on la retrouve précisément chez Théophylacte Simocatta, auteur de la même époque, sous la forme de *κατασυστάδην*. Les traducteurs hongrois avaient des doutes quant à l'appartenance syntaxique de l'épithète *ἰσχυροτέρας* : faut-il la rapporter à l'expression *τάξεως πολεμικῆς* ou bien aux paroles *τὰς . . . μάχας*? De ma part, je suis persuadé que seule la deuxième interprétation peut être juste, puisque dans le cas contraire l'emploi de *τὰς* devant *μάχας* serait immotivé (cf. Léon § 46 : *ἀπηνεῖς καὶ βαρείας τὰς ποιῶς. . .*). Comme il ressort de la ponctuation proposée par Dain pour Leo Prob, il interprète le texte de la même façon.

On peut relever une divergence plus significative dans le passage suivant :

Maurice, éd.Sch. 261

Léon § 45

Καὶ τὸ μὲν Τούρκων πολυάνδρόν τε καὶ ἐλεύθερον, ἀπηλλαγμένον τῆς τῶν πλειόνων πραγμάτων ποικιλίας καὶ δεινότητος, οὐδὲν ἕτερον ἡσκημένον ἢ τὸ ἀνδρείως πρὸς τοὺς ἐχθροὺς διακεῖσθαι.

Περὶ δὲ τῆς τῶν Τούρκων διαθέσεώς τε καὶ παρατάξεως μικρῶ τῆς Βουλγάρων ἢ οὐδὲν διαφερούσης ἤδη ἐροῦμεν.

Ὅτι πολυάνδρόν ἐστι καὶ ἐλεύθερον τοῦτο τὸ ἔθνος μελέτην μόνον ποιοῦμενον παρὰ τὰς ἄλλας πολυτελείας καὶ τὴν εὐπορίαν τὸ ἀνδρείως διακεῖσθαι πρὸς τοὺς ἰδίους ἐχθρούς.

Après avoir intercalé dans le texte de Maurice la phrase initiale qui sert à relever son intention, Léon adopte la caractéristique des Turcs, mais il apporte au texte quelques modifications. Le participe *παρηλλαγμένον* est remplacé par une construction précédée de la préposition *παρά*. L'interprétation de ce passage a fait couler pas mal d'encre. Darkó le traduisait par les paroles «egyéb pompa kifejtése és a jólét mellett» (= outre les autres aspects du luxe et de la prospérité) et essayait d'en tirer la conclusion que la civilisation des Hongrois avait été supérieure à celle des Turcs du VIe siècle.³⁹ Mais déjà Charles Szabó a reconnu que le passage en question devait être traduit par «minden kényelem és élvezet fölött» (=au-dessus de tout luxe et de toute prospérité). Déjà en grec ancien *παρά* avait eu le sens de «malgré, contre» et dans le grec vulgaire moderne qu'il faut prendre en considération même à propos du grec byzantin, on ne retrouve que cette signification; grâce à une évolution ultérieure, la même particule a pris, auprès d'un comparatif, le sens de «que». Il est évident que cette acception est attestée aussi par le texte de Léon ce qui ressort du fait que dans ce cas la construction introduite par *παρά* sert à remplacer la forme *παρηλλαγμένον*.⁴⁰ L'expression *μελέτην ποιοῦμενον* de Léon est une paraphrase du terme *ἡσκημένον* du texte de Maurice. Il est encore à remarquer que Léon reproduit l'expression *τῆς τῶν πλειόνων πραγμάτων ποικιλίας καὶ δεινότητος* de sa source par les paroles *τὰς ἄλλας πολυτελείας καὶ τὴν εὐπορίαν* qui ont incontestablement un sens différent, puisque Maurice fait ressortir le fait que le peuple turc est «loin d'avoir de l'expérience et de l'habileté dans les autres choses». A ce qu'il paraît, Léon fut dérouté par les acceptions multiples du terme *πράγματα* singifiant dans le grec vulgaire moderne, aussi «marchandise, article, denrée, étoffe» : c'est pourquoi il s'est mépris sur le sens de l'original. Il est encore à remarquer que le mot *ποικιλία* prête également à l'équivoque, ayant le double sens de «variété» et «habileté».

³⁹ Op. cit. 98.

⁴⁰ Le sens précis de *παρά* dans cette phrase a déjà été reconnu par Gy. Gyomlay, Századok 36 (1902) 259 ; cf. G. Fehér : Военното дѣло на прабългаритѣ, Sofia 1938. 24, 156.

Voyons maintenant les passages où Léon le Sage amplifie son texte par des additions. Outre les paragraphes où Léon traite des rapports avec les Turcs (= Hongrois) et les Bulgares, ainsi que de l'attitude des Byzantins vis-à-vis d'eux et où il expose, pourquoi il doit s'occuper de ce sujet (cf. §. 42, 44, début du § 45, §§ 61, 75, 76, 77) et sans énumérer les nombreux cas d'intercalation d'un nom des «Turcs», nous avons à signaler les additions suivantes :

Maurice

262 .... ἐν τοῖς ὄμοις τὰ κοντάρια ἀναβαστάζοντες καὶ τὰ τόξα ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες ἀμφοτέροις κατὰ τὴν ἀπαντῶσαν χρεῖαν κεχρημένοι.

262—263. Ἀκολουθεῖ δὲ αὐτοῖς καὶ πλῆθος ἀλόγων, ἀρρένων τε καὶ θηλειῶν, ἅμα μὲν πρὸς ἀποτροφήν, ἅμα δὲ καὶ διὰ πλήθους θεωρίαν.

263. Ἐν δὲ τῇ μάχῃ οὐχ ὡς οἱ Ῥωμαῖοι καὶ οἱ Πέρσαι τὴν παρατάξιν τάσσουσιν ἐν τρισὶ μέρεσιν, ἀλλ' ἐν διαφόροις μοίραις δρουγγιστὶ συνάπτοντες ἀλλήλαις τὰς μοίρας, ὥστε μίαν τινὰ φαίνεσθαι παρατάξιν.⁴¹

264. Καὶ τὰ μὲν βάθη τῶν ἀκιῶν ἀορίστως, ὡς ἀπαντᾶ, ποιοῦσι βάθους μᾶλλον φροντίζοντες καὶ ἴσον ποιοῦσι καὶ πυκνὸν τὸ μέτωπον.

264. Τρέποντες δὲ τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν πάντα ἐν δευτέρῳ τάξει τιθέμενοι οὐκ ἀρκοῦνται...

Léon

49. §. ... ἐν τοῖς ὄμοις τὰ κοντάρια ἀναβαστάζοντες καὶ τὰ τόξα ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες καὶ ἀμφοτέροις κατὰ τὴν ἀπαντῶσαν χρεῖαν κεχρημένοι, διωκόμενοι δὲ μᾶλλον προτεροῦσι τοῖς τόξοις.

52. §. Ἀκολουθεῖ δὲ αὐτοῖς καὶ πλῆθος ἀλόγων, ἵππαριῶν καὶ φοραδίων, ἅμα μὲν πρὸς ἀποτροφήν καὶ γαλακτοποσίαν, ἅμα δὲ καὶ διὰ πλήθους φαντασίαν.

55. §. Ἐν δὲ τῇ μάχῃ οὐχ ὡς οἱ Ῥωμαῖοι παρατάσσουσιν ἐν τρισὶ μέρεσιν, ἀλλ' ἐν διαφόροις μοίραις δρουγγιστὶ συνάπτοντες ἀλλήλαις τὰς μοίρας μικρὸν ἀπ' ἀλλήλων διισταμένας, ὥστε μίαν φαίνεσθαι παρατάξιν.

57. §. Καὶ τὰ μὲν βάθη τῶν ἀκιῶν τῆς παρατάξεως ἤγουν τοὺς στίχους ἀορίστως ποιοῦσι διὰ τὸ παχεῖαν εἶναι τὴν παρατάξιν βάθους μᾶλλον φροντίζοντες καὶ ἴσον ποιοῦσι καὶ πυκνὸν τὸ μέτωπον.

59. §. Ὅταν δὲ τρέψωσι τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν, πάντα ἐν δευτέρῳ τιθέασιν καὶ ἀφειδῶς ἐπιτίθενται οὐδὲν ἔτερον λογιζόμενοι ἢ τὸ διώκειν. Οὐκ ἀρκοῦνται γὰρ...

⁴¹ En ce qui concerne le texte, les manuscrits PV, la Rec Amb et Konst Exc, ainsi que l'édition de Scheffer présentent la forme ἀλλήλας tandis que Leo Prob nous fournit ἀλλήλαις qui est incontestablement une variante plus correcte.

266. ... ὀλίγων δὲ ἀρχομένων
προσρῦεσθαι καὶ φιλοφρονουμένων πλη-
θος αὐτοῖς ἐπακολουθεῖ.

67. §. Ὀλίγων δὲ τάχα τοῦ προσφρυ-
γεῖν ἀπαρχομένων καὶ φιλοφρονουμένων
παρ' ἡμῶν πλήθος αὐτοῖς ἐπακολουθεῖ·
διὸ καὶ βαρέως φέρουσιν ἐπὶ
τοῖς ἀπ' αὐτῶν ἀναχωροῦσιν.

Au § 46 Léon le Sage expose que le peuple turc est sévèrement puni par ses chefs pour les crimes qu'il avait commis. Etant donné que le texte correspondant ne figure pas dans l'édition de Scheffer, les chercheurs précédents y voyaient une addition de Léon et s'évertuaient d'en tirer des conclusions d'une grande portée.⁴² Mais l'examen des différents textes de la Tactique de Maurice nous permet d'aboutir à une autre conclusion. Dans le manuscrit M, ainsi que Rec Amb et Leon Prob on retrouve le passage qui servait de source à Léon et qui manque aussi bien dans les manuscrits N, P, V que dans l'édition de Scheffer. Le fait que ce passage devait figurer dans l'original et qu'il n'a été omis que du texte du groupe représenté par les manuscrits N, P, V est dûment prouvé par la table généalogique de Dain (op. cit. p. 9). Il s'ensuit que Léon, au lieu d'intercaler un passage, n'a fait qu'imiter le texte de Maurice. Voici les deux passages parallèles :

Maurice, éd. Sch.261

Léon § 46

Ταῦτα τοίνυν ὡς μοναρχούμενα
< καὶ ἀπηγεῖς τὰς ἐπεξελεύσεις ἐπὶ τοῖς
ἀμαρτήμασιν ἐκ τῶν ἀρχόντων αὐτῶν
ὑφιστάμενα > οὐκ ἀγάπη, ἀλλὰ φόβῳ
κεκρατημένα...

Τοῦτο τοίνυν ὡς μοναρχούμενον
καὶ ἀπηγεῖς καὶ βαρείας τὰς ποινὰς
ἐπὶ τοῖς ἀμαρτανομένοις παρ' αὐτῶν
ἐκ τῶν ἀρχόντων αὐτῶν ὑφιστάμενον οὐκ
ἀγάπη, ἀλλὰ φόβῳ κεκρατημένον...

Dans ces conditions il ne nous reste à examiner que six additions, plus ou moins significatives, de Léon. Quant à la constatation que les Turcs, quand ils sont poursuivis, savent s'assurer certains avantages à l'aide de l'arc — c'est-à-dire en décochant en arrière leurs flèches — c'était, pour ainsi dire, un lieu commun des descriptions de la tactique des Scythes et des peuples semblables aux Huns et aux Turcs. En ce qui concerne l'habitude de boire du lait de jument, c'est également un «topos» qui, à propos des peuples nordiques et des Scythes, remonte à Homère (Iliade XIII, 5—6) et à Hérodote (IV. 2). Naturellement, ces faits n'excluent point l'utilisation de certains renseignements recueillis par Léon lui-même concernant le maniement de l'arc et la consommation du lait de jument par les Turcs (ou Hongrois). On croit pouvoir déceler des observations et des renseignements personnels même dans les passages où Léon traite les petits intervalles séparant les régiments turcs, de l'épaisseur du front, de la cruauté caractérisant la poursuite de l'ennemi et de l'attitude des Turcs vis-à-vis

⁴² Cf. Darkó, op. cit. 98—9.

des fuyards. Mais c'est tout. D'une manière générale, les modifications et les additions qu'on peut relever dans le texte de Léon sont minimes par rapport au fait que l'auteur copia fidèlement sa source et qu'il apporta des retouches stylistiques vraiment insignifiantes. Cette fois il respecta beaucoup mieux l'original que dans les autres parties de son ouvrage. Mais, s'il en est ainsi, comment devons-nous interpréter la contradiction manifeste qu'il y a entre la déclaration d'avoir connu par expérience la tactique des Hongrois et le fait d'avoir emprunté la description de cette tactique à un ouvrage du VIe siècle sur l'art militaire des Turcs et des Avars? A mon avis, il n'y a qu'une seule explication : Léon le Sage admettait sans réserve que les Turcs mentionnés dans la Tactique de Maurice étaient identiques aux Turcs qu'il avait connus au cours de la guerre byzantino-bulgare, c'est-à-dire aux Hongrois.⁴³ C'est pourquoi, contrairement à la méthode qu'il applique à d'autres peuples, il ne pose même pas la question d'un rapport quelconque entre les Turcs mentionnés par sa source et le peuple du même nom de son époque.

Pour comprendre ce procédé, d'une apparence fort singulière, de Léon, il convient de mettre en relief deux traits essentiels de la conception byzantine en matière d'histoire et d'ethnographie. D'une part, la pensée byzantine est dominée par le sentiment de la stabilité, de la permanence et de la continuité : ce sentiment se manifeste dans tous les domaines de la vie et de la civilisation byzantines. Les Byzantins, captivés par le vaste horizon historique de l'antiquité, considèrent le milieu qui les entoure comme une chose permanente et immuable. Appliquant cette conception même aux peuples qui paraissent aux confins de l'empire, ils croient reconnaître en eux des peuples antiques. C'est bien cette conviction qui explique l'emploi des noms archaïques : on croit fermement à l'identité des peuples nouveaux et des peuples mentionnés par les sources antiques : c'est pourquoi, même en plein XIIe siècle les sources byzantines traitent de Scythes, de Sauromates, de Huns, etc. D'autre part, aux yeux des auteurs byzantins l'autorité suprême est la source écrite et la tradition qu'elle représente. Même quand ils pourraient s'appuyer sur des renseignements personnels, ils préfèrent recourir au témoignage des sources écrites, surtout si celles-ci confirment l'expérience. Il n'est pas douteux que la méthode de Léon le Sage reflète ces deux particularités essentiellement byzantines.

Dans ces conditions, voici comment peut s'imaginer la genèse du passage consacré aux Hongrois. Lors de la guerre de 894—6 Léon fut renseigné par ses généraux sur l'organisation militaire et la tactique des Bulgares et des Hongrois : ces rapports suffisaient pour lui en donner une idée générale. Un peu plus tard (après 904), se préparant à écrire sa Tactique, il découvrit dans sa source principale, l'oeuvre analogue de Maurice, une description de l'art militaire des Turcs, qui, dans ses traits généraux, correspondait aux impressions données par ses alliées

⁴³ Cette idée a été proposée par Gy. Czebe : cf. *Egyetemes Philologiai Közlöny* 41 (1917) 134. Sur le nom *Τούρκοι* des Hongrois cf. Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica* II. 270.

du même nom. Vu l'identité des noms ethniques et de l'art militaire, il n'avait aucune raison à contester l'autorité suprême de sa source ; fidèle à la conception byzantine, il se contenta de copier le texte de son prédécesseur, n'y apportant que quelques retouches insignifiantes. Léon le Sage avait donc bien le droit d'affirmer qu'il connaissait par expérience la tactique des Hongrois, mais il négligeait de faire un aveu (qui, d'ailleurs, n'était point exigé par la pratique byzantine) : il n'avouait pas d'avoir puisé sa description dans une source écrite et d'avoir utilisé comme source principale la Tactique de Maurice. C'était là un procédé spécifiquement byzantin dont on pourrait citer maints exemples.

En un mot, Léon le Sage n'était point un imitateur servile, comme certains spécialistes voulaient le faire croire, néanmoins il serait erroné de voir en lui, comme on supposait plus d'une fois, un philologue moderne qui examine toutes les données de ses sources à la lumière de ses renseignements et y apporte sans cesse des corrections. Il ne faisait qu'une présentation traditionnelle des peuples de caractère huno-turc où les traits typiques et les «topoi» prévalaient au détriment des traits particuliers. Il recourait à ce procédé dans la conviction que ce tableau pouvait bien être appliqué aux Hongrois et aux Bulgares dont la tactique — comme il le répétait avec insistance — était presque la même. D'autre part, cette constatation nous révèle que, malgré les similitudes l'empereur doit s'être aperçu aussi de certaines divergences. S'il n'entra pas dans la matière, il le fit pour une double raison : d'une part, son but consistait à esquisser les traits essentiels de la tactique des Hongrois et des Bulgares, d'autre part, il camouflait ses allusions aux Bulgares par la mention des Turcs (c'est-à-dire des Hongrois).

Naturellement, ce procédé comportait certains risques au point de vue des faits relatés par Léon, puisque, d'un côté, ni l'organisation militaire et la tactique des Turcs, des Avars et des autres peuples de caractère hun, ni celles des Hongrois et des Bulgares du IXe siècle n'étaient pas tout à fait identiques ; de l'autre côté, il devait y avoir des différences entre l'organisation militaire et la tactique de ces derniers et celles des peuples huno-turcs du VIe siècle. On a déjà relevé plus d'un fait susceptible d'ébranler notre foi dans l'exactitude des renseignements fournis par Léon. Pour citer un exemple, signalons le cas de la cuirasse (*λωρίκιον*) que Léon mentionne parmi les armes des Turcs (§ 49) ; déjà dans sa source il avait été question d'une pièce analogue de l'armure (*ζάβα*). Jusqu'ici les trouvailles archéologiques découvertes dans les tombes remontant à la période de la conquête arpadienne n'ont point confirmé le témoignage de l'empereur.⁴⁴ En revanche, on connaît l'emploi de la cuirasse chez les Bulgares.⁴⁵ Dernièrement la critique historique a mis en évidence le fait qu'en copiant ses sources, Léon eut tort d'attribuer les formes de gouvernement des empires des Turcs nomades

⁴⁴ Cf. J. Hampel, *A magyar honfoglalás kútfoi* 62 ; Gy. László : *A honfoglaló magyar nép élete* [= La vie du peuple hongrois à l'époque de la conquête arpadienne]. Budapest, 1944, 362.

⁴⁵ Cf. G. Fehér, *op. cit.* 50—53.

à la société pastorale hongroise.⁴⁶ C'est aux recherches ultérieures et à la critique historique qu'incombe le tâche de soumettre tous les détails du récit de Léon à un examen approfondi.

Tout bien considéré, voici comment nous pouvons répondre à la question, si la Tactique de Léon le Sage est une source historique digne de foi. Étant donné que les renseignements fournis par les sources orientales et occidentales sur la tactique des Hongrois à l'époque de la conquête arpadienne, confirment, dans la plupart des cas, les données de Léon⁴⁷, le tableau tracé par l'empereur peut passer, dans son ensemble, pour authentique, mais sous la réserve qu'on y trouve une certaine prédominance de traits typiques. Les renseignements de Léon sur la tactique des Hongrois sont authentiques dans la même mesure que les données de sa source, la Tactique de Maurice, concernant les Avars et les Turcs ; le tableau profondément ancré dans la conception byzantine qui fut adopté et renouvelé par Léon, n'était point un miroir fidèle des changements successifs de la réalité historique : au lieu de la caractéristique des traits particuliers des divers peuples, on y trouve plutôt un mélange des qualités typiques qui caractérisent un groupe entier des peuples cavaliers nomades arrivé à une certaine étape de l'évolution sociale et ayant une organisation fondée sur les tribus et les grandes familles.

Gy. Moravcsik

ТАКТИКА ЛЬВА МУДРОГО КАК ВЕНГЕРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Д. Моравчик

Целый ряд отечественных исследователей уделил особое внимание главе XVIII Тактики (ed. Migne: Patrologia Graeca 107) императора Льва Мудрого (886–912), содержащей описание метода сражения древних венгров. Исследования были направлены на выяснение следующих вопросов : 1. когда же создано византийское сочинение, трактовавшее вопросы тактики, из которого Лев Мудрый почерпнул свои сведения, и кто был его автором, 2. какое отношение имеет его сочинение к источнику и могут ли считаться его сведения аутентичными.

Что касается первого вопроса, источник (ed. Scheffer, Upsala 1664) императора в главе XI описывает обычай и военные приемы персов, скифов, т. е. аваров, тюрков и других гуннских племен, ведущих подобный же образ жизни, затем белокурых народностей, т. е. франков и лангобардов и, наконец, славян и ант, равно как и других подобных народов с указанием на тактику, применяемую против них. Из перечисленных народов персы после победоносного похода императора Ираклия в 627/8 годах прекратили враждебные действия против Византии. Бои с аварами достигли своего кульминационного пункта в конце VI века и в начале VII-го, но после осады Константинополя в 626 году они не были уже слишком опасны для византийской империи. С тюрками они сражались при осаде города Боспора в Крыму в 576 году. С франками они воевали от 553 до 561 года в Италии, точно так же, как и с лангобардами, занявшими большую часть византийских территорий в Италии от 568 до 572 года. В связи с славянами упоминается, что они обитают на северных берегах Дуная, поэтому источник, повидимому, был создан

⁴⁶ *E. Molnár*: A magyar társadalom története az őskortól az Árpádokig [= Histoire de la société hongroise de l'époque primitive jusqu'à la période arpadienne], Budapest 1949². 84.

⁴⁷ Cette thèse fut démontrée par *Darkó*, op. cit. 106—121.

еще до появления их на Пелопоннесе (588 г.). Об антах после победы, одержанной аварами в 602 году, не упоминается больше в византийских записях. Автор источника Тактики приводит также и некоторые события, датировка которых легко поддается определению. Притворное нападение ефталитов на персидского царя Пероза (IV, 3 = ук. изд. стр. 109) имело место еще в 484 году. Осада одной восточной крепости (X, 1 = стр. 237) может быть датирована при учете данных, содержащихся в других источниках, 586 годом. Неожиданное нападение аварского кагана на византийскую кавалерию под городом Ираклией (IX, 2 = стр. 206) совершилось по мнению историков в 592 или 617 году. Таким образом, все эти данные относятся к концу VI века или же к началу VII-го. А что касается личности автора источника, некоторые ученые приписывают Тактику императору Маврикию (582—602 г.), а другие — императору Ираклию (610—641 г.). Однако, против последнего предположения говорит факт, что автор источника в одном месте (IX, 3 = стр. 221) ссылается на свои опыты, приобретенные во время персидских войн.

Относительно второго вопроса прежние венгерские исследователи выдвигали два противоположные друг другу мнения. Дю. Дьомлай утверждал, что Лев Мудрый воспользовался источником, рабски подражая его тексту, придавая военные приемы, характерные для аваров и тюрков VI века, венграм IX века, поэтому его сообщения не имеют никакой ценности. В противоположность этому Е. Дарко старался доказать, что император скопировал свой трехсотлетний источник вполне сознательно, так как он заметил, что венгры пользуются тактикой, применявшейся три столетия тому назад аварами, тюрками и другими «гуранскими» народами. При копировке источника Лев Мудрый учел, конечно, и свои собственные сведения, согласно которым он исправил сведения, содержащиеся в источнике. Таким образом, сочинение императора в полной мере заслуживает доверия историков.

Ввиду столь резкой дифференции мнений оказывается целесообразным подвергнуть весь вопрос новому рассмотрению.

Что касается Тактики Льва Мудрого, новое критическое издание текста, опубликованное, но к сожалению не доконченное (см. прим. 15) покойным академиком Р. Вари, не доходит до главы XVIII, но греческий текст этой главы, проверенный при помощи сличения важнейших рукописей, в сопровождении венгерского перевода был издан в сборнике «A Magyar Honfoglalás Kútfoi» [= Исторические источники завоевания Венгрии].

О Тактике Маврикия не имеется еще критического издания, но часть текста, относящаяся к аварам и тюркам, была также издана академиком Вари в вышеназванном сборнике (см. прим. 18). В наследстве издателя были найдены список главных вариантов важнейших рукописей и копия с т. н. «*Recensio Ambrosiana*». При определении искомого текста ценную услугу оказывают и т. н. «*Problemata*» (см. прим. 20), равно как и эксперты, составленные Константином Багрянородным на основании труда (см. прим. 21). При помощи этих пособий можно исправить целый ряд мест в издании Шэффера.

В главе XI Тактики Маврикия обычаи и военные приемы чужих народов описываются по следующей схеме: 1. общая характеристика данного народа с подчеркиванием этнических особенностей, 2. описание вооружения, 3. военной организации и способа сражения его, 4. указание на моменты, которые являются нежелательными ему в борьбе, 5. определение тактики, применяемой против него. Вследствие схематической трактовки материала, текст труда в немалой мере однообразен и в нем часто встречаются повторения, не только по форме, но и по содержанию, как например, в описании о персах, аварах и тюрках (см. стр. 166-167). Описание о славянах и антах схематично, но тут удалось автору дополнить безжизненную характеристику некоторыми тонкими и индивидуальными подробностями. Автор Тактики в одном месте своего труда (XI = стр. 289) упоминает о том, что он приобрел свои сведения, отчасти по опыту, отчасти же от других писателей. Не подлежит сомнению, что места, где описаны славяне и анты, были написаны на основании собственных наблюдений, а сообщения об аварах, тюрках и других гуннских племенах содержат детали и черты, которые считались общими местами в античной и византийской этнографической литературе в связи со скифами и подобными им народностями. Таковыми являются ненадежность, жадность, пристрастие к лошадям, притворное бегство, стрельба из лука с лошади (см. стр. 168). Это конечно отнюдь не означает, что эти черты не соответствовали действительности. Они существовали, но носили типичный характер. Факт, что автор соединил различные народности в известные группы, указывает также на то, что он хотел дать только описание типичного характера. Это подтверждается и идентификацией аваров, тюрков и других гуннских племен со скифами. Эти приемы подходили к духу времени и соответствовали требованиям современной литера-

туры. Под названием «гуннов» приведено множество народов и племен в византийских источниках, а именно: ефталиты, сабиры, оногуры, утигуры, кутригуры, болгары, авары, тюрки и т. п., причем авары и тюрки названы и «скифами» (см. Моравчик, *Vyzantinoturcica* II, стр. 199—202, 236—237). В VI веке выступила Византия в сношение с названными народностями и племенами и в это же время выявилась картина способа сражения их, основные линии которой проглядывают и в Тактике Маврикия.

Но как же применил Лев Мудрый описания о различных народах, найденные в своем источнике? Судя по его собственным словам (XVIII, 142), он интересовался в первую очередь сарацинами, уделив им особое внимание (§ 109—142), опираясь на информации войсковых начальников, равно как и на рапорты, полученные его отцом в свое время. Эта часть его труда находится вне зависимости Тактики Маврикия. Все, что там писалось относительно персов, превращается у него в советы общего характера (§ 16—39) и при упоминании о них сейчас же прибавляются слова «однажды» или «когда-то». Места, относящиеся к франкам и лангобардам (78, 80—98), хотя и с некоторыми модификациями, заимствованы из источника, причем указывается, что эти народы уже обращены в христианство и в виду их союзнических и дружеских отношений к Византии война с ними исключена. Все же описываются их военные приемы, но только для получения общих выводов. Об антах не упоминается, а о славянах рассказывается (§§ 79, 99—108), что они когда-то проживали на противоположной стороне реки Дуная, но сейчас расселены, и приняв христианство, грецифицировались. Описываются также и некоторые обычаи их и только в сокращенном виде повторяются сообщения источника с прибавлением слов «однажды» и «когда-то». Характеристика славян заканчивается замечанием, что надо выступать не против них, а против подобных им народов. Из всего этого явствует, что Лев Мудрый подверг модификации сведения своего источника согласно существующей действительности его эпохи. А как же поступил он с тюрками?

О тюрках впервые упоминается в связи с притворным бегством (XIV, 42). Лев Мудрый почти дословно выписывает относящееся место Тактики Маврикия с некоторыми модификациями (см. стр. 170). В главе XVIII (§ 40—41) он снова возвращается к ним. В источнике находит кое-что о том, как преследуют скифы побежденного неприятеля. Он использует место, несколько модифицируя его, заменив скифов тюрками (см. стр. 171). В то же время начинает говорить о методах сражения тюрков, которые известны ему — как он сам утверждает (§ 42) — по опыту, так как тюрки были его союзниками в войне против болгар, когда императорский флот переправил их через Дунай. Это событие отмечено и в сочинении Константина Багрянородного (*De adm. imp.* ed. Moravcsik 50103—128, упоминающего о сражениях с болгарскими и в другом месте своего труда (там же 40₇—22). Описание войны Византии с болгарскими в 894—896 гг. известно нам из дополнения летописи Георгия Амартола (ed. Bonn. 853—855; ed. Istrin II, 27—28), далее из т. н. «Чуда святого Георгия» (изд. Лопарева), русских летописей (ad. a. 902) и одного из западных источников (*Annales Fuldenses* ad. a. 896). Из сличения названных записей, равно как и из упоминания о венгерском князе Арпаде совершенно ясно, что под тюрками, названными уграми (Оугры, Оугри, Угры, Угри, Угре) в славянских летописях, при описании этих событий, подразумеваются венгры. Таким образом, автор-император безусловно обладал точными сведениями о названной войне и тактике венгров.

Тем более удивительно, что Лев Мудрый для характеристики способа сражения венгров просто выписывает соответствующее место Тактики Маврикия, и так близко придерживается подлинника, как нигде на всем протяжении своего труда. Повторяет слова Тактики Маврикия о скифах, заменив аваров болгарскими (§ 43). Подчеркивает, что болгары — христиане, братья византийцев по религии, которые дорого заплатив за свое прежнее вероломство, послушно подчиняются Империи, поэтому нет никакой причины выступить против них, вследствие чего описать тактику, применяемую им в войне, излишне (§ 44). По своим собственным словам, он хочет описать лишь тактику венгров, «которая мало в чем или совершенно не отличается от тактики болгар» (§ 45). Это замечание два раза повторяется еще при описании тюрков (§§ 61, 75), оканчивающемся самооправданием автора: он пишет о них не потому, как будто он хотел вести войну против них — это предположение недопустимо, ведь венгры не заселяют смежные с Византийской Империей территории и не являются врагами, а скорее подданными Византии — а потому, чтобы кругозор военачальников расширился (§§ 76, 77). Однако, не подлежит сомнению, что за дипломатическими, хитрыми словами императора скрывались замаскированные, тайные планы и намерения. Если венгры действительно так опасны были для Империи, как он сказал, то зачем не превратил он текст источника в совет общего характера, как, например, место о персах. Но император — при

подчеркивании своей полной незаинтересованности — считал необходимым обратить внимание военачальников на тактику венгров, не слишком отступающую от образа сражения болгар, чтобы они могли использовать ее в пользу Византии. Общеизвестно, что после заключения мира в 896 году болгарский царь Симеон в течение 17 лет не воевал с Византией, но после смерти Льва Мудрого (912 г.) опять начались ожесточенные бои между болгарами и Византией. А что касается венгров, непосредственно после завоевания страны они не сражались с Византией, но несколько десятилетий спустя, в 30-ых годах X века уже часто нападали на византийские территории. Предусмотрительность Льва Мудрого, значит, вполне оправдалась.

Далее рассматривается вопрос отношения Льва Мудрого к его источнику. Оставляя без внимания незначительные модификации стилистического характера, автор указывает на места, где Лев Мудрый произвел интерполяцию или же изменил текст подлинника в значительной мере.

Выписав текст Тактики Маврикия, Лев Мудрый пропускает предложение о характеристике аваров (§ 45). Поэтому, рисуя картину об организации и военной тактике тюрков, он превращает множественное число подлинника, относящееся к тюркам и аварам, в единственное (§ 46), вместе с тем интерполируя в разных местах (§§ 47, 53, 62, 71) имя тюрков. В § 43 интерполирован эпитет *όμοίος*, имеющий целью намекать на то, что все сказанное относится также и к болгарам (см. стр. 174). Кроме того Лев Мудрый в §§ 53, 55 и 59 не упоминает о персах, фигурирующих в тексте источника.

Еще более значительным является отступление сочинения Льва Мудрого от источника в § 45, где причастие *παρηλλαγμένον* замещено конструкцией, начинающейся предлогом *παρά*. Значение этого предлога не «помимо, сверх», как некоторые венгерские ученые предполагали, а «вопреки, против», как и в новогреческом народном языке, что подтверждается и фактом, что предлог замещает *παρηλλαγμένον*. Обращает на себя внимание, что слова *τῆς τῶν πλείονων πραγμάτων ποικιλίας καὶ δεινότητος* приводятся у Льва Мудрого в следующей форме: *τὰς ἄλλας πολυτελείας καὶ τὴν εὐπορίαν*. Может быть различные значения слов *πράγματα* и *ποικιλία* ввели в заблуждение Льва Мудрого и поэтому он неправильно понял текст источника. (см. стр. 175).

Помимо мест, в которых упоминается о тюрках (венграх) и болгарях (§§ 42, 44, 45, 61, 75, 76, 77) и сверх повторенных интерполяций имени тюрков Лев Мудрый всего только в 6 местах отступил значительно от текста источника (см. стр. 176-177). Но сообщение о том, что тюрки строго наказываются своими начальниками за проступки (§ 46), содержалось и в источнике Льва, как это подтверждается и обследованием преданий, относящихся к тексту (см. стр. 177). Сообщение о том, что тюрки при их преследовании отстреливанием из лука стремятся получать преимущество (§ 49), было общим местом в связи со способом сражения скифов, равно как и гуннских и турецких племен. А что касается питания молоком (§ 52), это упоминалось еще и Гомером (Ил. XIII, 5-6) и Геродотом (IV, 2) по отношению к северным народностям и скифам. Это, конечно, не исключает возможности, что Лев Мудрый лично слышал о том, что тюрки (венгры) стреляли из лука с коня и питались молоком. Может быть, что непосредственно приобретенные сведения служили основой и для мест, где Лев Мудрый говорит о небольших интервалах, отделяющих тюркские полки друг от друга (§ 55), глубине фронта (§ 57), беспощадном преследовании неприятеля, характерном для тюрков (§ 59) и обращении с дезертирами (§ 67). Но все эти изменения и дополнения ничтожны по сравнению с тем, что Лев Мудрый — не считаясь с модификациями чисто стилистического характера — почти дословно выписал текст источника. Но тут невольно спрашивается: как же согласуется утверждение Льва Мудрого, будто он лично приобрел свои сведения о тактике тюрков (венгров) по опыту, с фактом, что при описании ее он воспользовался текстом старого, трехсотлетнего источника, трактовавшего метод сражения тюрков и аваров VI века? Здесь возможно лишь одно объяснение: Лев Мудрый был убежден, что тюрки, упомянутые в Тактике Маврикия, тождественны с тюрками, с которыми он имел возможность познакомиться во время войны между Болгарией и Византией т.е. с венграми. Это видно и из того, что он считал совершенно излишним выяснять связь между тюрками, упомянутыми в источнике, и тюрками своей собственной эпохи, несмотря на то, что подобное выяснение для других народов он никогда не упускает. (см. стр. 175).

Чтобы понять поведение Льва Мудрого, кажущееся несколько странным, надо указать на две черты, характеризующие исторические и этнографические взгляды византийцев. В новых племенах, появлявшихся на границах Империи, они видели народности, знакомые им издавна. Этим объясняется и частое употребление архаических наименований народов. С другой стороны византийские авторы весьма высоко ценили письменные источники. Даже при наличии непосредственных сведений они ссылались на пись-

менные источники, особенно же когда сообщения, содержащиеся в них, совпадали с их сведениями. В поведении Льва Мудрого отражаются эти две характерные черты.

Таким образом, возникновение описания, относящегося к венграм, представляется в следующем виде: Сведения о военной организации и тактике болгар и венгров, были получены Львом Мудрым непосредственно от своих военачальников и когда он, спустя несколько лет (после г. 904), подготовляясь к своему труду, в Тактике Маврикия нашел описание метода ведения боя тюрков с теми же самыми деталями, которые наблюдались и в тактике его союзников, называвшихся также тюрками, то в полной уверенности, что они идентичны с тюрками источника, он, как истый византиец, в глазах которого все письменна были непоколебимым авторитетом, просто списал текст источника, почти не уклоняясь от подлинника. В полном соответствии с действительностью он мог утверждать, что ознакомился с тактикой венгров по личному опыту, но обошел молчанием, что его описание было заимствовано из письменного источника. Византийские обычаи и не требовали этого, что видно и из того, что о Тактике Маврикия ни разу не упоминается на протяжении всего труда. Это — типичная византийская манера, подтверждающаяся многими примерами.

Значит, Лев Мудрый не был машинальным, безличным копиральщиком, как некоторые ученые утверждали, но в то же время не был и филологом, тщательно сличающим текст источника с имеющимися у него сведениями, вносящими поправки согласно фактам. Он продолжал только копирование традиционной картины о гунских-тюркских народностях, в которой преобладали типические или даже топические черты над индивидуальными, так как был уверен, что она верно обрисовывает венгров и болгар, военные приемы которых — как это веско подтверждается им — почти ничем не различались между собой. Но именно это утверждение доказывает, что Лев Мудрый все же заметил некоторую разницу, но он не коснулся подробностей, так как он хотел набросить только эскиз, выявляя военные методы венгров и болгар несколькими штрихами, замаскировав болгар венграми.

Совершенно естественно, что при этом в описание Льва Мудрого вкрались ошибки, ибо военная организация и тактика тюрков, аваров и других гунских племен VI века не были вполне тождественными с таковыми венгров и болгар IX столетия, которые также отличались друг от друга. Исследователи уже указывали на несколько фактов, порождающих сомнение в правильности некоторых утверждений Льва Мудрого. Так, например, автор-император в § 49 — где говорится о вооружении тюрков (венгров) — упоминает о кожаных панцирях, подобно источнику, в котором кожаный панцирь также фигурирует среди оружия тюрков, лишь под иным названием. Этому противоречит отсутствие остатков подобного панциря в археологическом материале, происходящем из венгерских могильников эпохи завоевания страны. Но доподлинно известно, что болгары имели панцири. Критики указывали и на то, что Лев Мудрый при копировании текста источника ошибочно перенес характерные черты обществ кочевнических империй на пастушеское общество венгров. Задачей дальнейших исследований является подвергнуть должной критике и другие установления Льва Мудрого.

Учитывая все сказанное, на вопрос, имеет ли сочинение Льва Мудрого как источник венгерской истории какую-нибудь аутентичность, можно дать следующий ответ: Так как данные, приведенные в восточных и западных исторических источниках в большинстве случаев подтверждают сообщения византийского императора, набросанная им картина может считаться достоверной, примечая, что ее черты имеют скорее типичный, нежели индивидуальный характер. Сообщения Льва Мудрого о венграх также аутентичны, как и сообщения Тактики Маврикия об аварах и тюрках, ведь картина, зафиксированная под влиянием преданий в сознании византийцев и обновленная Львом Мудрым, не отражала постоянно изменяющуюся действительность и исконно не содержала верную характеристику того или иного народа, а представляла собой совокупность типичных черт, относящихся к целой группе народностей-кочевников, стоявших на определенной ступени развития общества племенной и родовой организации.

ДВИЖЕНИЕ ВЕНГЕРСКИХ ЯКОБИНЦЕВ

После освобождения Венгрии наша историческая наука по указанию партии раскрыла наши самые значительные прогрессивные традиции. С законной национальной гордостью мы созерцаем длительную борьбу нашего рабочего класса и крестьянства, революционную борьбу 1848 и 1919 гг., мы почитаем наших боевых предков в тех, кто в течение долгих столетий боролся против угнетающих нашу родину иноземных захватчиков, против татар, турков, немцев.

Хотя движение венгерских якобинцев 1794 г. принадлежит к лучшим прогрессивным традициям нашего народа, почти ничего не было сделано для исторической обработки этого движения, для его освещения с марксистской точки зрения. Наша молодежь не знает имен Сентмарьяи, Хайноци и других храбрых революционеров, атмосфера сомнения и подозрения охватывает и до сих пор движение якобинцев. Об этом движении даже не было никакой дискуссии и, таким образом, в отношении нашего первого буржуазно-демократического движения до сих пор неизменно существуют установленные реакцией взгляды.

Правда, республиканское движение по многим причинам трудно характеризовать. Особенности века очень усложняют вопрос, документы до сих пор не собраны и не обработаны, в то время как реакция, для подтверждения своей точки зрения, в течение многих десятилетий собрала объемистый материал. Все-таки, при наличии имеющегося уже материала можно, хотя и не совсем точно, анализировать главные вопросы движения и дать такую оценку, которая, хотя и является не окончательной, но может вывести историографию из того тупика, в которой ее завели работы Фракной и Мальуса.

Чтобы понять движение якобинцев, нам надо начать с борьбы среднего дворянства в 1790—91 гг., так как эта борьба является прелюдией той классовой борьбы, финалом которой был заговор венгерских якобинцев. С 1789 по 1794 года в политической борьбе между отдельными классами произошли такие резкие повороты, что не учитывая их, мы не можем понять основных вопросов якобинского движения. Нам следует возвратиться к

движению среднего дворянства и потому, что контрреволюционная историография не удовлетворялась биографией Мартиновича, которая является работой Фракной, а по следам Мальуса создала широкую историческую картину, в которой дворянское движение искажено и венгерские якобинцы стали причиной габсбургской реакции конца XIX столетия. Для реабилитации венгерских якобинцев нам следует правильно осветить и движение среднего дворянства.

В 1790-х годах обостряются все внутренние общественные противоречия: между дворянами и крепостными, между венгерским народом и колонизаторскими габсбургскими властями, между господствующим венгерским дворянством и угнетенными национальностями. Две основные проблемы ждут своего разрешения: проблема национальной независимости и проблема буржуазного преобразования. Хотя феодализм находится уже в стадии глубокого кризиса, те классы, которые могли бы найти выход из этого положения, еще не достигли своего достаточного развития. Но французская революция встряхнула венгерские общественные классы и включила их в борьбу за национальную независимость, за буржуазное преобразование. «На призыв французской революции к народам Европы Венгрия тоже должна была дать свой ответ. В конце XVIII и в первые годы XIX столетия главнейшей задачей лучших сынов страны был этот ответ» — пишет Йожеф Ревай.¹ Но этот ответ, данный общественными классами Венгрии на французскую революцию, не так ясен как во Франции. Не было такого класса, который смог бы выдвинуть все проблемы колониальной и феодальной Венгрии, борцы ставят задачи односторонне, или с колониальной или феодальной точки зрения.

Один из сложнейших вопросов — это понимание характера дворянского и затем буржуазного движения. Либеральная и социал-демократическая историография выставляет движение низшего дворянства как реакционное, а буржуазное движение и габсбургский «просвещенный» абсолютизм как совершенно прогрессивное. Фейтё говорит о дворянской контрреволюции и о «революционерах Габсбургах».² А направление Секфю-Мальус реакционной историографии осуждает движение демократов, называя его «антинациональным радикализмом.» Для этого века характерно, что не было такого общественного класса, к которому мы в настоящее время могли бы безоговорочно присоединиться. Но в то время эти классы были прогрессивными, так как в каждом из них вместе с революционным было смешано и прогрессивное. Мы видим с одной стороны демократов, позже республиканцев, бичующих все феодальное, но восторгающихся габсбургской монархией, а с другой стороны низшее дворянство, свирепо борю-

¹ Révai József, Kölcsey Ferenc. Marxizmus és magyarság (Марксизм и венгерская нация). Будапешт, 1946. стр. 12.

² Fejtő Ferenc, Martinovics Ignác (Игнац Мартинович). Szép szó 1936. стр. 126 --7.

щееся за феодальные привилегии, едва не начинает восстание за национальную независимость против Габсбургов. Демократы не были националистами и националисты не были демократами. В этой эпохе демократизм роковым образом расходится с патриотизмом и противопоставляется ему. Йозеф Реваи указывает на этот вопрос, решающий с точки зрения понимания нашего исторического развития, «и в Венгрии патриотизм и любовь к прогрессу с начала не шли рядом друг с другом... Великая вспышка национального чувства произошла благодаря реакции против реформ Иосифа II. Она была прогрессивной, поскольку она была направлена против иноземного угнетения и колонизации страны, но эта вспышка была реакционной, поскольку она защищала привилегии дворянства».³ Поэтому и движение низшего дворянства и движение демократов, хотя и разные по своему характеру, оба имели в себе черты и прогресса и реакции. Одни, заключив с королем союз в борьбе против феодализма, не сознавали колониального положения, другие же, в национальной борьбе среднего дворянства сохраняли феодальные взгляды на крепостничество. В Венгрии, находящейся в феодальных и колониальных условиях, из-за феодальной неразвитости классов не было такой радикальной буржуазии, которая могла бы одновременно стремиться к достижению и буржуазных и национальных целей. Среднее дворянство, являющееся товаропроизводителем в условиях разлагающегося феодализма, становится защитником национальной независимости постольку, поскольку на это способен еще полуфеодальный класс, не видящий где кончаются его обязанности сословной самостоятельности по отношению к королевской власти и где начинается национализм. Но с другой стороны, колонизирующая страну абсолютная монархия становится поддержкой антифеодальных сил постольку, поскольку на это способно колониальное государство, не видящее где кончается подавление колонизаторами национальных сил и где начинается борьба королевской власти против сословного порядка.

Только те, которые остались демократами и после 1792 г. и, сопротивлялись крепнущей габсбургской реакции, стали якобинцами, смогли соединить в своей программе национализм с прогрессивностью, потому что республиканцы, борясь с Габсбургами, одновременно боролись за самостоятельную венгерскую республику.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА И СОГЛАШАТЕЛЬСТВО СРЕДНЕГО ДВОРЯНСТВА

В то время, как во Франции вспыхнула революция, в Венгрии царствовал Иосиф II. Революция привела в движение все классы Венгрии и вызвала коренные перемены в политике Габсбургов. Меры, принятые Иоси-

³ Révai, Ук. соч., стр. 29.

фом II против католической церкви и дворянства, оставили особенно глубокие следы в сознании интеллигенции того времени и в последующей либеральной историографии, которая непоняла или искажила характер этой политики. Либеральная и социал-демократическая историография представляет Иосифа II демократическим и даже революционным правителем.⁴ Социал-демократ Фейтё пишет: «... настоящие революционеры того времени... династия, т. е. Габсбурги, государственный совет, бюрократия...»⁵ Эту же точку зрения высказывает уже после освобождения Тибор Барабаш. «С точки зрения господствовавших в Венгрии условий король был революционером.»⁶ Реваи доказал, что «Такое понимание Габсбургов: либеральная легенда.»⁷ Этим пониманием либералы и социал-демократы маскировали предательство борьбы за независимость, их отказ от республиканских требований и, вообще, доказывают свою оппортунистическую, поддерживающую Габсбургов, политику. Этот взгляд может быть понятен у либералов и у социал-демократов, но по какой причине его придерживалась демократическая интеллигенция того времени? Иосиф II насильственным объединением стран под властью Габсбургов, насильственной германизацией народов хотел создать Австрию не только сильным, централизованно-дворянским, но и промышленным государством. Иосиф II, отклоняясь от традиционной политики Габсбургов, поссорился с католической церковью, потому что не мог допустить, чтобы попы повиновались не ему, а римскому папе, и не мог допустить того, чтобы государственное имущество просачивалось в Рим. Он восстановил против себя и венгерское среднее дворянство, которое в то время в первый раз восстало в защиту национальных интересов. Против дворянства и против католической церкви была необходима — выражаясь современным языком — пропаганда, поэтому он смягчил суровую цензуру и проверку книг времен Марии Терезии. Через эту брешь потекла просвещенная литература, подготовившая французскую революцию и в то же время началось развиваться антиклерикальная и антидворянская литература,⁸ которая несколько лет спустя стала очень неудобной для Габсбургов. Против дворянской оппозиции Иосифу II понадобилась преданная государственная бюрократия, поэтому он открыл двери учреждений, остававшиеся до сих пор закрытыми для протестантской и недворянской интеллигенции, которая с радостью пошла служить. Бедная дворянская и недворянская интеллигенция восторгалась иозефинизмом. Она видела в

⁴ *Kató István. Első köztársasági mozgalmunk a magyar történetírásban* (Наше первое республиканское движение в венгерской историографии). Századok, 1950. и Térjétek le a sötétség bilincseit (Разобьем кандалы тьмы). Будапешт, 1950. стр. 9 - 10.

⁵ *Fejtő* Ук. соч., стр. 127.

⁶ *Barabás Tibor. Martinovics élete* (Жизнь Мартиновича). Будапешт, 1945. стр. 59.

⁷ *Révai Marx és a magyar forradalom. Marxizmus és magyarság* (Маркс и венгерская революция. Марксизм и венгерская нация). Будапешт, 1946. стр. 109.

⁸ *Ballagi Géza. A politikai irodalom Magyarországon 1825-ig* (Политическая литература в Венгрии до 1825 г.). Будапешт, 1888, стр. 103 - 262.

Иосифе II только противника дворянства и антиклерикала, не замечая, что он был одновременно феодалом и колонизатором. Так в их кругах возникла иллюзия, которую лучше всего можно назвать монархическим демократизмом, иллюзия буржуазного преобразования сверху «просвещенным» властелином, путем будущих реформ. Иосиф и демократы взаимно недопоняли друг друга и ни один из них не получил от другого того, чего хотел получить. Демократическая интеллигенция ожидает буржуазных реформ и вместо них получает феодальный «просвещенный» абсолютизм. Иосиф II, ожидает умеренную дворянскую критику и получает антифеодализм просвещения. Иосиф II первым понимает свое заблуждение и старается уменьшить влияние литературы, которое все более становится неприятным из-за французской революции. Поэтому он облагает листовки гербовым сбором. Интеллигенция еще при Леопольде II поддерживала монархию и только при Франце понимает свое заблуждение и все, придерживающиеся демократических взглядов, становятся республиканцами.

Уже в 1784 г. появляются среди среднего дворянства первые признаки национального сопротивления против колониальной политики Иосифа, но серьезное движение развязывается только под влиянием французской революции. Среднее дворянство сначала вдохновляется на борьбу французской революции, так как видит в ней только антикоролевскую черту. Оно черпает свои аргументы из французского просвещения, толкуя его на свой вкус, и на место Вербёци ставит Монтескье. «Комитатские послания без разбору повторяют новые революционные французские лозунги». ⁹ В послании комитата Бихар приведена следующая аргументация: «Всякая независимая нация вступает в союз только для самой себя и не по каким другим причинам; таким образом она пользуется наивысшими правами сама над собой. Значит, венгерская нация, принеся с собой свою свободу из Азии и сумевшая сохранить ее среди всех превратностей в течение тысячи лет, теперь, в просвещенное столетие, когда другие нации борются за потерянные в прошлые времена права, станет-ли в гражданском смысле в большом обществе других наций ниже других?» ¹⁰

Сопротивление начинается с демонстративного ношения национальных костюмов, продолжается требованием введения венгерского языка и через комитатские управления переходит в государственную область. Комитаты, в которых среднее дворянство играет ведущую роль, отказываются от уплаты налогов, от рекрутского набора. Недовольство охватывает крестьянство. «Теперь недовольством охвачены не только духовенство

⁹ *Marczali Henrik*, Magyarország története III. Károlytól a bécsi congressusig. A magyar nemzet története. (История Венгрии от Кароля III до венского конгресса. История венгерской нации.) т. VIII. Будапешт, 1898. стр. 458.

¹⁰ *Horváth Mihály*, Magyarország történelme. Uj dolgozat. (История Венгрии. Новая работа). Пешт, 1863. т. V. стр. 425.

и дворянство, но и крепостной народ...»¹¹ Недовольство военными поставками и неурожаем охватывает всю страну. «Говорят, что семя бука хорошо в качестве пищи для людей»¹². В Кэсэгфальва застрелили составлявшего опись зерна исправника, в комитате Шомодь крестьяне, не желая вести дальше слишком тяжелый для их возов груз, бросили своего вожатого в реку Драву и вернулись домой, чтобы стать с оружием в руках против комитатских властей. Возникает боязнь крестьянских восстаний. В одном из анонимных доносов написано: «Надо быть готовыми к тому, что в Венгрии вспыхнет такая же революция, как и во Франции»¹³.

Среднее дворянство дает тон и крестьянским обидам, объявляя незаконными тяжелые налоги на крестьян и рекрутские сборы. Это укрепляет сопротивление крестьянства, но и движению среднего дворянства придает такую силу, которой позже оно никогда не распоряжалось. Своеобразный союз возникает на короткое время между средним дворянством и крестьянством против Габсбургов. Но этот союз продолжается очень короткое время, потому что среднее дворянство после первых же успехов отворачивается от крестьянства и союз распадается, не успев окрепнуть. Иосиф II тотчас же понимает опасность, которую означает для него сближение между средним дворянством и крестьянством. «Разница между длинной и короткой одеждой не больше, чем разница между длинным и коротким кинжалом. Кажется, что они обращают внимание на эти материальные вещи только потому, чтобы пренебрегать сущностью вопроса: смелые разговоры, частые собрания, подстрекательство крестьян всякими очковтирательствами и тайные сборы денег»¹⁴. Реферат государственного судьи Зичи отражает это положение таким образом. «С тех пор, как во Франции и Бельгии вспыхнула революция, дворянство вообще повысило свой голос. Это похоже на пробуждение от дремоты, на выигрывание новых сил. Этот голос звучит дружно и едино, разнося законы и свободу». «Подданные утомлены невыносимым грузом продолжающейся уже три года войны, они недовольны и сердиты. Достаточно одной только искры для того, чтобы вспыхнул пожар, потому что крестьяне знают, что сословия защищали их на собраниях, но напрасно»¹⁵.

Иосиф II переживает серьезный кризис. Влияние французской революции порождает сильные волнения не только в Венгрии, но и в Бельгии и в Тироле. Пруссия угрожает войной Австрии и поддерживает анти-австрийское движение. Сэкфю пишет об этом положении следующее: «В этом

¹¹ *Marczali, Magyarország története II. József korában* (История Венгрии времен Иосифа II) т. III. Будапешт, 1888. стр. 534.

¹² Ук. соч., стр. 542.

¹³ Там же.

¹⁴ Ук. соч., стр. 549.

¹⁵ Ук. соч., стр. 652.

положении руководимое сильной национальной волей восстание могло бы кончиться лучше, чем сто лет тому назад, если одновременно с помощью перестройки в национальном духе сословной конституции удалось бы дать оружие в руки сотен тысяч крепостных крестьян»¹⁶. Это конечно преувеличение и ошибочное мнение, но оно характерно для тогдашнего положения. Иосифу II угрожает опасность полной политической изоляции, как раз в то время, когда перед лицом французской революции была необходимость в самом крепком общественном базисе. Волнения среднего дворянства противопоставляли ему тот класс, который он считал самым способным для борьбы с французской революцией. Поэтому Иосиф порывает с проводившейся им до сих пор политикой, по совету Кауница аннулирует все сделанные им до сих пор распоряжения, чтобы разорвать круг изоляции и снова привлечь к себе среднее дворянство. «Почему он отказался от того, что он сам создал в течение всей своей жизни? — ставит вопрос Марцали. Чтобы примирить венгерские и трансильванские сословия с государством и склонить их на службе для поддержки его внешней власти»¹⁷. Этот знаменитый поворот в политике Иосифа II показывает влияние французской революции на Габсбургов. Если до сих пор, хотя и условно, можно было говорить о некоторой незначительной прогрессивности в политике Габсбургов, аннулирование распоряжений делает это в дальнейшем невозможным. И даже в дальнейшем от Габсбургов не происходило ничего нового и они стали главной организующей силой интервенции против французской революции. Именно в этот момент произошел поворот в политике Габсбургов, а не при Франце I, как это утверждают либеральные историографы, и не при разоблачении республиканского движения, как этот старался нам доказать Мальус.

Аннулирование Иосифом II распоряжений не успокоило движения среднего дворянства, достигнуты успехи придают этому движению еще больший размах. Комитаты, чуть ли не состязаясь друг с другом, уничтожают среди народных волнений все следы распоряжений Иосифа II. Перемена правителя, последовавшая после смерти Иосифа II, еще больше усилила это движение. Это явилось хорошим поводом для того, чтобы предъявлять к Леопольду II, наследнику Иосифа II, еще больше требований. Требуют немедленного созыва сейма, угрожая, что если это не будет сделано, то сейм будет созван самовольно. Объявляется, что из-за незаконного правления Иосифа наследственная линия прекратилась и что с новым королем должен быть заключен новый «договор». Требования дворянства подходят очень близко к разрыву с Габсбургами. Во главе движения стоит Петер Балог, формулирующий самые смелые требования среднего дворянства.

¹⁶ *Szekfü Gyula, Magyar történet* (Венгерская история). т. VI. стр. 405.

¹⁷ *Marczali*, Ук. соч., стр. 566.

Он пишет листовку для комитатов, чтобы посылаемые на сейм делегаты получили соответствующие поручения, и распространяет эту листовку через масонские ложи¹⁸. Он пишет, что Венгрия не является австрийской провинцией, а самостоятельным государством, и поэтому она должна иметь свое собственное отдельное внутреннее и внешнее управление. Право законодательства должно принадлежать сейму, перед которым король пользуется только простым правом вето. И даже это может быть отклонено большинством. Исполнительная власть остается в руках короля, но его министерство будет контролироваться и изменяться сеймом. Кроме того, должна быть создана национальная армия и иностранные войска не имеют права находиться внутри государства. Листовка говорит и о распоряжениях, с помощью которых можно принудить короля соблюдать вышеизложенное. Этот документ является наибольшим, на что идеологически было способно среднее дворянство дореформенного периода.

Эта программа является одновременно и национальной и дворянской и смешивает национальные антигабсбургские требования с дворянским феодальным антироялизмом. Программа ничего не дает недворянам и только для их успокоения предлагает им комитет. Наконец, программа, хорошо зная свой собственный класс, требует, чтобы комитатские делегаты принесли присягу в том, что они не дадут себя подкупить королем и будут последовательно бороться за вышеуказанные цели.

Движение среднего дворянства все больше расширяется, захватывает низшее дворянство, армалистов и таксалистов, яс-кунов и гайдуков. Леопольда больше всего страшит вооружение. Под предлогом защиты короны неуклонно организуются дворянские бандерии, составляются списки вооруженных дворян и по районам проводится настоящая пробная мобилизация. Комитаты, посылая воззвания венгерским полкам, расшатывают и австрийскую армию. На воззвания отвечают венгерские офицеры — например Лацкович, ставший потом республиканцем, — которые пишут заявления сейму, требуя национальной армии. 400 солдат из полка Дьюлаи переходят к полякам, чтобы бороться против Габсбургов¹⁹. 22 солдата из полка Дефинс просто уходят домой²⁰.

При таких обстоятельствах всходит на престол Леспольд. Он хочет начать с того момента, когда Иосиф аннулировал свои распоряжения, потому что он тоже был с теми, которые торопили Иосифа на этот шаг.

Политика Леопольда была понята либералами еще более ошибочно, чем политика Иосифа. Леопольду без всякого основания приписывают все

¹⁸ *Marczali*, Tud. Ak. 30. f. jogt. Ism. Az 1790—1791-i országgyűlés (Марцали, Сейм 1790 - 91 гг.). Будапешт, 1907. т. I, стр. 90 - 98.

¹⁹ *Marczali*, Ук. соч., т. I. стр. 271.

²⁰ *Marczali*, Magyarország története II. Károlytól (История Венгрии от Карла III). стр. 497.

то, о чем, хотя и с очень маленьким основанием, можно было говорить о Иосифе. Альберт Гордоньи пишет об этом следующее: «Леопольд II был просвещенным правителем. Он расходился только формально с политикой императора Иосифа, по существу он хотел того же: противэгоизма привилегированных классов он выдвинул интерес всего народа»²¹. Против этого, хотя и не с похвальной целью, но совершенно правильно, Мальус указывает, что между Леопольдом и известным реакционером Францом, не было никакой разницы. «Либеральная историография считает, что реакция началась со дня восхождения его на трон... Согласно этому тезису, Леопольд II был сторонником свободного высказывания мнений, значит его царствование было плодотворным, в противоположность чему Франц, будучи реакционным самодержавным правителем, выдает распоряжение о запрещении издания — одну за другой — листовок, призывающих к революции. Это мнение и историографическое воззрение были необходимы для того, чтобы поставить вне всяких споров справедливость заговора Мартиновича... Нам надо освободиться от обаяния такого мнения и воззрения»²².

Политика Франца была по существу одинаковой с политикой Леопольда, но не потому, что Франц не был реакционером, а потому, что Леопольд тоже был реакционером. Баллаги правильно определил политику Леопольда: «Все помыслы Леопольда сосредоточены на том, чтобы препятствовать революционным идеям, таким образом, чтобы этим не выявить себя врагом свободного мышления. Необходимы были большая осторожность и тактичность, чтобы довести до конца этот танец на пороховой бочке.»²³.

Леопольд II поставил себе целью сломить сопротивление среднего дворянства, для чего он поддерживает выступление против дворянства недворянских слоев и национальностей. Но он отталкивает от себя не среднее дворянство, против которого он борется, а недворянские классы и национальности, которых он поддерживал против среднего дворянства. Он хочет лишь смягчать среднее дворянство, чтобы после этого в союзе с ним подготовиться к отражению опасности, угрожающей со стороны революционной Франции. Его внешняя политика служит той же цели, для чего он заключает союз с пруссаками.

После первых боевых успехов среднее дворянство уже показывает свою феодальную сторону и круто поворачивает против недворянских классов. Многие комитаты требуют удаления недворян из государственных

²¹ *Gárdonyi Albert, A magyar jakobinusok története. A magyar jakobinusok emlékezete.* (История венгерских якобинцев. Память о венгерских якобинцах). Будапешт, 1919. стр. 9.

²² *Mályusz Elemér, Sándor Lipót főherceg nádor iratai* (Бумаги эрцгерцога-наместника Александра-Леопольда). Будапешт, 1926. стр. 80—81.

²³ *Ballagi*, Ук. соч., стр. 265—266.

управлений, проникших туда при Иосифе II, и уничтожения распоряжений о барщине не только Иосифа II, но и происходящих от Марии Терезии. В меморандуме от комитата Хонт распоряжения Иосифа II, относительно крепостных крестьян, отрицаются следующим образом: «... ввиду того, что стоящее над людьми провидение желает, чтобы некоторые рождались королями, другие дворянами, третьи слугами: мы будем жить по законам, не возмущаясь против христианской любви, до тех пор, пока сейм не переменит это положение.»²⁴ Другой комитат пишет следующее: «Отношения помещиков и крестьян сами по себе останутся одинаковыми, будут ли крестьяне свободны или навечно прикованны к земле согласно закону... Впрочем, законы уже достаточно позаботились об этом... сословия не могут дать своего согласия на изменение положения крестьян.»²⁵

1790 г. был годом сильной засухи, плохого урожая, когда из-за засухи водяные мельницы приводились в действие людской силой. Вследствие этих бедствий растет недовольство между венгерскими и другими, проживающими в Венгрии крестьянами. Это недовольство теперь обращается против тех дворян, которые так быстро обернулись против крестьян. Леопольд заботится о том, чтобы крестьяне узнали, что дворянство отказывается от барщинных распоряжений Иосифа II и Марии Терезии. Во многих комитатах волнения настолько велики, что они просят войска для усмирения. Задерживаются антидворянские листовки. В Сабольче распространяется «крестьянский декрет.» «Подымайся все крестьянство, помогай себе, возьми дубины, косы, вилы и топоры против беспощадных паразитов, опустошителей страны, против королевских воров, против из нас кровь сосущих господ...»²⁶ Леопольд II посредством тайных доверенных стремился стать во главе крестьянского движения, чтобы использовать революционное недовольство в своих целях против дворян. Его доверенные пишут листовки и распространяют их среди крестьян; листовки возбуждают против дворян и просят защиты короля.²⁷ К сожалению у нас имеется еще мало данных о крестьянском движении. Поэтому мы не можем соответствующим образом показать влияние французской революции на венгерское крестьянство.

Под влиянием французской революции приходит в движение и городская буржуазия и требует одинаковых прав с дворянством. Но наша буржуазия еще очень слаба. Согласно переписи 1787 г., число королевских свободных городов равняется 38, с общим количеством жителей 269 655

²⁴ *Horváth Mihály*, Ук. соч., т. VI. стр. 11.

²⁵ Ук. соч., стр. 11—12.

²⁶ *Marczali*, Magyarország története III. Károlytól (История Венгрии от Карла III). стр. 481.

²⁷ *Mályusz*, A magyarországi polgárság a francia forradalom korában (Венгерская буржуазия во время французской революции). Jahrbuch des Wiener Ungarischen Historischen Instituts. Будапешт, 1931. т. I.

человек. В 1787 г. у нас было 10 городов, с населением, превышающим десяти тысяч жителей, самый большой из них Братислава с 28 737 жителями. Общее число городского населения, занимавшегося исключительно ремеслами и торговлей, вместе с еще не отделившимися от земледелия мастерами, равнялось 79 тысячам.²⁸ Во главе городского управления стоят дворяне и делегаты в сейм избираются из их среды. Дворяне, представляющие буржуазию, не выдвигают ее требований. В сейме выслушивают — не делая никаких замечаний — сообщение, что у недворян хотят отобрать право работать в государственных учреждениях. Во внешнем совете, работающим рядом с городским советом, промышленники и торговцы высказывают свое неудовольствие. Однако, требования их очень умеренные, движение бессильное. Их программу составляют Янош Молнар и Дьёрдь Алайош Бельнаи.²⁹ Бельнаи пишет: «Весь мир уже знает, особенно после французской революции, в чем состоят права буржуазии: развеялся туман, скрывавший правду за абсурдной феодальной системой, и никто не имеет такой власти, чтобы препятствовать вторжению в сердца народа чувства свободы, которое так ценно и для уважаемых сословий.»³⁰ Требуют равноправия буржуазии, распространения и на крестьянство народного представительства, личной и имущественной безопасности буржуазии перед дворянством. Резко выступают против дворянского движения и разоблачают, что дворяне говорят от имени народа, но действуют только для себя. Ждут помощь и поддержку от короля против дворянства. Кроме умеренности, самой главной их ошибкой является то, что они совершенно равнодушны к вопросам национальной независимости. В национальном движении они видят только дворянство. Безоговорочно становятся они рядом с Габсбургами и восторгаются не только Леопольдом и Иосифом, но и их поездками. Буржуазия еще не достаточно сильна, чтобы собственной силой противостоять дворянству, для борьбы она ждет помощи от короля. И король помогает ей до тех пор, пока это соответствует его интересам, чтобы движение протекало в желаемом им направлении и границах. Через людей своей секретной полиции Леопольд стремится влиять на буржуазное движение. Алайош Гоффманн по его поручению организует акцию прошения городов к королю. В этих прошениях они требуют народное представительство, чем Леопольд оказал давление на среднее дворянство. С тайной помощью короля пытаются вооружить буржуазную охрану.³¹ Таким образом первое буржуазное движение в своем бессилии сплетается с королевской тайной полицией, борющейся против дворян.

²⁸ *Mályusz*, Ук. соч. стр. 227. *Marczali*, Magyarország története II. József korában (История Венгрии времен Иосифа II.) т. III. стр. 250. — *Gárdonyi A*: A vármegye és város társadalma (Общество комитата и города). Magyar Művelődéstörténet. т. IV., стр. 326.

²⁹ *Molnár János*, Politisch-kirchliches Manch Hermaeon 1790.

³⁰ *Belnay György Alajos*, Reflexiones cunctorum Hungariae civium non nobilium. 1790.

³¹ *Mályusz*, Ук. соч., стр. 140.

После того, как Леопольд, большой «демократ» либералов, выступил в роль защитника крестьян и надел личину покровителя буржуазии, он выдал себя и защитником национальностей. Он разрешает сербам созыв «иллирской диеты». Целью его является, конечно, не удовлетворение справедливых национальных требований, а то, что он и их руками хочет бить венгерское дворянство. Когда среднее дворянство было достаточно укрощено, его наследник Франц, отталкивает от себя национальности и разгоняет их национальное собрание.

Такой политикой Леопольд успешно изолировал среднее дворянство, повернул против него недворянские классы и национальности и, посредством соглашения с пруссаками, укрепил свое внешнеполитическое положение. В конце июля он чувствует себя уже достаточно сильным для того, чтобы вместо уступчивого до сих пор поведения, вести себя более круто. Он ведет процесс против венгерских офицеров, поддерживавших дворянское движение. В Пеште и в Буде появляются хорватские солдаты. Одни из вождей сопротивления, как например — Стараи, отстраняются, другие, как например — Балог, подкупаются. Он угрожает, что начнет процесс по оскорблению величества против тех, кто конспирировал с пруссаками. Под таким давлением среднее дворянство начинает идти на уступки. Они все меньше подчеркивают, что наследственная нить трона оборвалась, и требования их становятся все более умеренными. Французская революция их уже более пугает, чем воодушевляет. Во главе их движения стоят уже сторонники компромисса, Зичи и Юрменьи. Таким образом, между королем и средним дворянством постепенно создаются предпосылки гнилого компромисса.

При выборах наместника (по-венгерски : *Nádor* ; по-латыни : *Palatinus*) в сейме уже не слышно голосов оппозиции. Дворяне единогласно выбирают в наместники сына Леопольда, Александра-Леопольда, восстанавливается «взаимное доверие», как говорят историки об этом постыдном компромиссе. Напрасна была присяга Балога. «Зимой 1790 г. делегаты уже чувствовали себя свободными от присяги, их больше ничего не отделяет от двора и, один за другим, они протягивают руки, чтобы получить более высокое положение.»³² В среднем дворянстве дворяне победили националистов, реакция победила прогресс. Оно отказалось от национальных требований, но, конечно, не отказалось от антинародных феодальных прав. Национальное геройство среднего дворянства испаряется под давлением Леопольда. Леопольд использовал реакционность среднего дворянства, убив все прогрессивное, что в нем было. Однако, движение среднего дворянства этим еще не закончилось, в этом движении есть еще нисходящий период отступления, прошедший в различных комиссиях по реформам сейма. Уже через

³² *Mályusz, Sándor Lipót* (Александр-Леопольд). стр. 28.

три дня после коронации, Леопольд хотел распустить сейм, но по совету своих приближенных волей-неволей отказался от этого акта и указ не был опубликован. Так продолжался этот сейм, комитеты которого бесконечно долгое время обсуждали те реформы, которые они и никогда не думали осуществить. Комитет государственного права закончил свои работы только в 1795 г. Наши историографы не сдерживают своего восхищения перед проектами реформ. Мальтус сочинил целую легенду о выздоровлении от «революционной горячки» и о победе «консервативных реформ». «. . . Осуществление реформ 1792—93 гг. должно было иметь огромное значение с точки зрения венгерской нации. В этом случае в 1828 г. венгерское общество конечно не могло бы быть таким отсталым, как одно поколение тому назад — в 1793 г. Начавшиеся реформы повлекли бы за собою неизменный прогресс и, таким образом, в годы выступления Сеченьи венгерское общество не было бы в положении тяжело больного, на краю могилы.»³³ Мальтус утверждает, что дворянство и король в конце концов находят общую точку зрения и с помощью «мудрого консерватизма» могли бы преобразовать страну. Мальтус утверждает это для того, чтобы возложить на венгерских якобинцев ответственность за непроведение реформ и за дворянскую и габсбургскую реакцию. «Все препятствия были устранены и все признаки указывали на то, что работа удалась бы и что реформы могли бы быть проведены. Дальнейшие события показали, что отношения между королем и наместником до смерти эрцгерцога, до самого последнего дня остались неизменными, такими же, какими они были летом 1794 г. Венгры тоже не изменились, и, если солнце лучших дней закатилось еще не взойдя, то в этом была не их вина.»

В развертывании больших событий следуют коренные изменения. Общее внимание привлекает к себе призрачный черный капишон, как будто ад послал этого испорченного атеиста-священника. Безудержная фантазия романтических писателей смогла только описать это чудовище, которое стало живой правдой, чтобы уничтожить все венгерское, разрушить все надежды на возрождение венгров. По внушению Мартиновича создается заговор, цель которого чужда стремлениям венгерского общества, его мыслям, но который, компрометируя венгров, окончательно изменяет отношение к ним наместника.³⁴ В действительности дискуссии по реформам означают только комедию по сравнению с предыдущей борьбой дворян. Тогда еще и национальная одежда имела боевое значение, а теперь и самые серьезные споры о реформах служат компромиссу. Все делают не то, что хотели бы делать. Так как король еще не может распустить сейм, он дает ему такое направление, чтобы среднее дворянство потеряло всякий интерес к нему. Он успокаивает их той палкой, на которую опирались до сих пор.

³³ Ук. соч., стр. 140.

³⁴ Ук. соч., стр. 141.

Вступительная речь и указания короля регулируют работу сейма, а так как он в них требовал прав для недворянских классов, национальностей и протестантов, сейм и среднее дворянство попали под их влияние. Леопольд через тайных поверенных еще глубже обострил антидворянское движение. Король, не принимая всерьез работу над реформами, действовал в направлении скорейшего закрытия сейма». . . Его сердечное желание было скорейшее закрытие сейма и он много раз просит своего сына-наместника постараться, чтобы дворяне чем скорее бы вернулись домой.»³⁵ Что дворяне обсуждают уступки насчет недворян только в силу необходимости, — это едва ли надо доказывать. Делегаты комитатов требуют в комитетах изгнание недворян из всех государственных учреждений, и вокруг самых значительных реформ создается огромная волокита. Когда Леопольд от имени народа требует уступок, он думает о дворянах, а дворяне, обсуждая реформы, касающиеся недворян, думают о короле.

При обсуждении реформ борьба идет за недворянские классы. Король борется за то, чтобы они победили дворян, дворяне за то, чтобы король не восстановил против них эти классы. Реформы никогда не были проведены. Когда союз короля и дворян против французской революции не имел больше никаких помех, они забыли обо всем прошедшем, как о детских проказах. «Общее внимание обращено на события мирового значения, в шуме которых в 1790 г. медленно исчезают живо расцвеченные восторги . . . планы систематических реформ никогда больше не вытягиваются из-под спуда, навеки они похоронены и народ о них совсем забывает. И, таким образом, реформы, направленные на осуществление таких светлых надежд, окончательно исчезли из нашей общественной жизни . . .»³⁶

К обсуждению реформы относились серьезно только слои, не принимавшие участия в сейме, крестьянство, буржуазия и демократическая интеллигенция, которые, с одной стороны, боролись против реакционных требований, а с другой стороны, питали иллюзии осуществления реформ.

Обсуждение реформ в сейме привело к созданию новых иллюзий возможности буржуазного преобразования, к дворянскому реформизму. Некоторые после монархического демократизма буржуазное преобразование ждут от дворянских добровольных реформ. Разрабатываются планы, хотя и умеренные, но далеко превосходящие «мудрый консерватизм» комитетов сейма. От дворянства ждут, чтобы оно добровольно отказалось от своих привилегий, а дворянство даже спустя пятьдесят лет, когда оно уже искало союза с народом, еще не было способно сделать этого. Как либеральные историки питают иллюзии насчет Иосифа II, так и Мальтус и Сэкфю возобновляют в историографии иллюзии в связи

³⁵ Ук. соч., стр. 54.

³⁶ Horváth M., Ук. соч., т. VI. стр. 108—109.

с дворянством. Но буржуазного преобразования напрасно ждут от дворянского «желания реформ», как ждали его напрасно от Иосифа II. Последователи этого направления происходят не из рядов среднего дворянства, а скорее из рядов дворянской интеллигенции. Самые типичные их представители Алайош Батьани и Янош Надьвати. Батьани излагает свое мировоззрение в книге.³⁷ Надьвати же в своих восторгах перед «большим сердцем» дворянства доходит до того, что пишет утопию о том, как чудесно будет счастлива страна в 1900 г., когда воспользуется результатами того, что дворянство и духовенство добровольно откажутся от феодальных привилегий: «... чувствительным сердцам будет приятно видеть, что счастье помещиков и их товарищей по работе неразделимо связано, что некоторые и один счастливы только тогда, когда и другие счастливы; когда они с радостью служат другим и даже радость у них общая... Как я уже сказал, большая радость видеть, что светские патриоты, богатые, бедные, помещики и их товарищи по работе, превращаясь в друзей, делят между собой радость и горе как некое наследство. Мне все же кажется, что щедрость, с которой Многоуважаемое Духовное Сословие пожертвовало своим личным счастьем для общего счастья, ничуть не меньше чем все это.»³⁸

Главным успехом 1791—92 гг. является необыкновенно большая литература листовок, развертывающая антифеодальную критику дворянской и католической реакции. Число листовок достигает 500, значит больше чем в 1848 г.³⁹ Листовки заменяли печать. Больше всего широко разоблачается католическая реакция.

Антиклерикализм, кроме демократической интеллигенции и буржуазии, завоевывает в это время и среднее дворянство, низшее духовенство и даже некоторые группы высшего дворянства. В этой литературе звучит смертельная ненависть народа против грабящей его лицемерной католической реакции. Никакая другая тема не могла бы создать такого широкого фронта. Антиклерикальная литература разоблачает католическую реакцию, отличающуюся в нашей истории и до наших дней тремя главными чертами: изменой родине, враждой к народу и антипрогрессивной позицией. Позже эту программу заимствовали якобинцы.⁴⁰ Они боролись за то, чтобы отнять церкви школы, потому что «рабы Рима могут воспитывать только рабов».⁴¹ Они требовали экспроприации церковного имущества, исключения церкви из политической жизни, отстранения от государствен-

³⁷ *Batthyány, Ad amicam aurem*. 1790. Реценз. *Ballagi*, Ук. соч., стр. 321. — *Csaba Jenő*, «*Batthyány Ad amicam aurem*» c. munkája. Будапешт, 1917.

³⁸ *Nagyváthy János, A' Tizen-kilentzedik Században Élt Igaz Magyar Hazafinak Ööm-brái*. 1900. (О Радостных часах Настоящего Венгерского Патриота, жившего в XIX. столетии). 1900. (Год указан неправильно. И. К.). стр. 14.

³⁹ *Ballagi*, Ук. соч., стр. 283.

⁴⁰ *Kató, Térjétek le a sötétség bilincseit* (Разобьем кандалы тьмы). стр. 10—12.

⁴¹ Ук. соч., стр. 55.

ных дел, независимости высшего духовенства от римского папы. Против защищающей феодализм клерикальной реакции они хотели создать буржуазную и национальную церковь. Эта сила в борьбе против духовенства показывает одновременную слабость движения против дворянства. И Иосиф и Леопольд стремились перенести недовольство дворян с Габсбургов на духовенство.

Леопольд больше всего стремился к обузданию французской революции, для этого он обезоруживает сопротивление венгерского дворянства, для этого он приходит к соглашению с пруссаками. «Главным вопросом, было то, удержится ли трон во Франции, и не повлечет ли он за собой в своем падении другие европейские династии?»⁴² Французская революция затрагивала Леопольда очень близко и политически и персонально. Людвиг XVI был его зятем, Мария-Антуанетта родной сестрой, Французская монархия — союзной монархией. К этому прибавилась та огромная опасность, которую представляла собой французская революция, как пример для всех угнетенных. Уже в конце 1790 г. имеется план интервенции.⁴³ Он готовится из Бельгии попытку бегства Людвига и делает все возможное для сплочения контрреволюционной коалиции.

Демократические движения буржуазии, интеллигенции и крестьянства, которые поддерживались им в 1790 г. против дворянства, становятся ему все более неприятными. Сперва он отдаляет от себя буржуазию. Требования буржуазии пропадают в бюрократических лабиринтах, буржуазные делегаты им больше не принимаются и он допускает, чтобы их организации были разбиты на голову городскими магистратами.⁴⁴ Он дает приказ Гоффманну не оказывать дальнейшей помощи этому движению. «Вообще, во всем этом движении, характерно для короля известное лицемерие. Сначала он подстрекает буржуазию, потом же делает крутой поворот, после чего не поддерживает ни одной ее попытки.»⁴⁵

Укреплением цензуры он старается поставить преграду тем идеям, распространение которых еще нетак давно его несколько не тревожило. В июле 1791 г. он запрещает, чтобы газеты публиковали какие-либо сообщения о французской революции. Также он поступает и с печатью наследственных провинций. Из венской книгопечатной цензуры он удаляет либерального Ван Свитена и на его место назначает друга иезуитов, Мартини. В конце концов он старается всевозможным образом укрепить католическое влияние. «Государственная власть дает руку духовенству в искорении

⁴² *Marczali*, Magyarország története III. Károlytól (История Венгрии от Карла III). стр. 347.

⁴³ Ук. соч., стр. 278.

⁴⁴ *Mályusz*, A magyarországi polgárság a francia forradalom korában (Венгерская буржуазия во время французской революции). стр. 265—272.

⁴⁵ Ук. соч., стр. 278.

опасно разросшегося просвещения».⁴⁶ Он выдает приказ, чтобы все книги, листовки и все, что поступает из-за границы, проходило через самую строгую цензуру, чтобы помешать «распространению среди его народов опасных, вредных идей, учений и понятий, не служащих ни для чего другого, как только возбуждать фантазию не имеющих здравого смысла людей». ⁴⁷ Редактор «Венгерского Курьера» Сачваи подвергается преследованиям.

Даже посредники дворянского компромисса не кажутся Леопольду в достаточной степени достойными его доверия, он начинает отдалять и тех, кто посредничал при компромиссе, чтобы посадить на их места заслуживающих его полного доверия лиц. Беззубому льву он хотел еще и когти отстричь.

Большая часть демократов не видит этой перемены, не желает откатиться от иллюзий монархического демократизма, потому что не знает, что поставить на его место.

В 1792 г. Леопольд неожиданно скончался. Перед его наследником Францом стояла уже гораздо более легкая задача, чем перед Леопольдом, когда тот пришел к власти. За время своего недолгого царствования Леопольд провел большую работу в пользу реакции. Он уничтожил политическую изоляцию, в которую попал Иосиф II в Венгрии. Леопольд сломил национальное движение, принудил дворянство к компромиссу и начал ограничивать демократические движения, усиленные влиянием французской революции. В области внешней политики он установил союз с Пруссией на базе интервенции против французской революции.

Начиная от аннулирования Иосифом собственных приказов, политика Габсбургов вплоть до Франца I остается неизменной. В направлении этой политики не имеется никаких существенных изменений. Франц I заканчивает только то, что начал Иосиф II и чему положил основу Леопольд II, сломив дворянское движение.

20 апреля 1792 г. с помощью жиронды Людвиг XVI провоцирует объявление войны против Австрии. Агрессором, несмотря на объявление войны со стороны Франции, была Австрия. Этим началась вооруженная интервенция, подготовленная Леопольдом и Францом, против французской революции.

Через несколько недель после вступления на трон, Франц созывает сейм и коронуется. Покоренное среднее дворянство с порывистым энтузиазмом принимает его и обязуется предоставить военную помощь для интер-

⁴⁶ *Váczy János, Kazinczy Ferenc és kora* (Ференц Казинци и его эпоха.) т. I. 1915. стр. 355.

⁴⁷ *Mályusz, Sándor Lipót* (Александр-Леопольд). стр. 84.

венции : пять тысяч рекрутов, тысячу лошадей, четыре миллиона форинтов. О реформах, большая часть которых уже разработана комитетами, и король и дворянство тактично молчат. »Возвратились медовые годы царствования Марии Терезии. Король и дворянство ценят друг друга во взаимном доверии и любовных высказываниях. Дворяне по закону обещают от всей души свое имущество и свою жизнь для безопасности и достоинства его величества.«⁴⁸ Это низшее дворянство уже не имеет никакой связи с тем средним дворянством, которое боролось за национальную независимость против Иосифа и Леопольда, ни с тем, которое обсуждало реформы. Дворянское чувство на три десятилетия победило в дворянах патриотизм. Первое выступление среднего дворянства в новом времени позорно удушилось в компромиссе, среднее дворянство для ведения национальной борьбы оказалось еще слишком феодальным, оно хотело быть лучше дворянами, чем патриотами, лучше крепостниками, чем реформаторами. »Не видят сущности вещей те, кто думает и говорит, что к деятельному участию в войне против Франции нашу нацию привели сладкие слова короля. Если когда-либо среди них существовало тесное единство взглядов относительно, наивысших политических интересов то это было именно тогда . . . Мы знаем какое отчаянное сопротивление оказывало венгерское дворянство всякому ограничению привилегий помещиков. Революция тогда еще не атаковала трон, но, во всяком случае, ее победа означала аннулирование церковных и сословных привилегий. В Париже высказывались те идеи, против которых во времена Иосифа боролось венгерское дворянство и духовенство, только теперь они выступали в гораздо более насильственной и радикальной форме.«⁴⁹

Теперь уже ясно для каждого, что не только дворянство, но и королевская власть изменились. Все понимают, что Франц, подавший руку дворянству и пошедший против французской революции, не похож на аннулирующего свои приказы Иосифа. Рухнула иллюзия, связанная с монархией Иосифа. Возможность буржуазного преобразования через просвещенного короля останется навсегда в прошлом. Но рухнет и связанная со средним дворянством иллюзия дворянского реформизма. Обе эти возможности буржуазного преобразования исчезли. Те, кто остался верен идеям французской революции, вопреки усилению реакции, и искал возможности их осуществления в наших условиях, должен был искать нового пути. Таким образом, после поражения и компромисса среднего дворянства и из крушения двух иллюзий, возникли у нас предпосылки якобинского движения.

⁴⁸ *Marczali, Magyarország története* II. Károlytól (История Венгрии от Карла III). стр. 552.

⁴⁹ Ук. соч., стр. 551.

ВЕНГЕРСКОЕ ЯКОБИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Политически и идейно яacobинское движение является наивысшей вспышкой классовой борьбы под влиянием французской революции, однако оно смогло затронуть только самые незначительные общественные слои не только потому, что оно в радикализме достигло самые дальнейшие пределы, но и потому, что когда яacobинское движение началось, движение среднего дворянства было уже истощено; мало того, одной из предпосылок республиканского движения явилось крушение движения среднего дворянства и его компромисс с королем.

Слабость буржуазии наложилa клеймо на ту общественную обстановку, в которой возникло республиканское движение. Слабость буржуазии давала себя чувствовать самым тяжелым образом в венгерской истории именно в это время. Это было то время, когда из рядов аристократии уже не рождались вожди, а среднее дворянство еще не вступило на его место. Ракоци уже нет — Кошута еще не было. Среднее дворянство 1790 г. могло дать только Балогов и такое национальное движение, которое еще перед своей развязкой провалилось. В такой обстановке формируются такие революционеры как Сентмарьяи и Хайноци и такие люди как Мартинович и Лацкович.

Они представляли буржуазию, хотя в движении участвовало только два буржуа.⁵⁰ Все же программа их была не крестьянской и не среднего дворянства, а буржуазной. Поэтому особенно много занимаются вопросами буржуазной собственности, в основе которой лежат «права человека»; требования, выставленные ими в борьбе против дворянских и церковных привилегий, являются не крестьянскими, а буржуазными, хотя они хорошо знают, что ликвидация феодализма невозможна без освобождения крестьянства, и победа антифеодального движения невозможна без выигрыша крестьян. При всем этом представлена была такая буржуазия, число которой являлось весьма незначительным и не стояла в замкнутых рядах за своими представителями. Буржуазия в своей борьбе против дворянства даже и при таких обстоятельствах оказывалась слабой, при которых знала, что за ее плечами стоит сам король, теперь же, когда заключение союза между королем и дворянством стало очевидным, буржуазия уже не была способна к борьбе против феодализма, хотя и раздаются во время царствования Леопольда II в рядах буржуазии голоса недовольных, как например: »Ну, теперь мы уже видим доброжелательство короля к нам! Нет другой возможности кроме восстания вместе с крестьянами, так как для нас все таки будет лучше, если король будет стрелять на нас, мы же своей смертью обеспечим лучшее будущее нашим детям; лучше умереть, чем сдаться на ми-

⁵⁰ *Landerer nyomdász és Paizkoffer lakatos* (Типограф Ландерер и слесарь Пайцкоффер).

лость городскому магистрату.⁵¹ Все таки, согласно утверждению наместника, только двое из них дошли до якобинизма, а большинство из них стали «благомыслящими».⁵² Их можно считать лучше предвестниками буржуазии, чем представителями, но такими предвестниками, программу которых буржуазия никогда не приняла. Когда буржуазия укрепилась, она уже не видела в короле и в церкви своих врагов, как это видели якобинцы, а союзников. Этот процесс ясно обрисован литературой о республиканском движении. Публицисты, представлявшие радикальную и социал-демократическую буржуазные партии, хотят выхолостить в программе якобинцев именно республиканство. »Монархист (Мартинович.—И. К.) до тех пор, пока видит, что государственное право служит интересам большинства людей... Потому что никакого контраста не существует между демократическими и монархическими принципами».⁵³

Организация опиралась на демократическую интеллигенцию, из которой происходило большинство участвующих. В полицейских записях обнаружен список 75 членов, из которых о 65 у нас имеются подробные данные. Из этих 65 членов — 54 представителя интеллигенции, 9 помещиков и 2 буржуа.⁵⁴ Общее количество интеллигенции не было большим, всего несколько тысяч человек, чиновники, происходившие из рядов обедневших дворян и недворянского происхождения, работавшие в государственных, комитатских учреждениях или в частных учреждениях магнатов, кроме того, адвокаты, низшее духовенство, врачи, педагоги. Они лучше всех, кроме крестьян, чувствовали разложение феодализма, перерастая крепостническое общество, которое уже не было в состоянии содержать их. Для комитатских постов надо было иметь имущество, так как зарплата не была достаточной для прожиточного минимума, большая часть ставок равнялась только 700—800 форинтам.⁵⁵ Таким образом отсюда исключалась интеллигенция, происходящая из рядов обедневшего дворянства. Недворяне и протестанты были исключены из всех государственных и комитатских учреждений, они могли работать только в конторах магнатов, в городских учреждениях, или работать как адвокаты, врачи, педагоги. Поэтому мы встречаем самых образованных людей страны на службе у частных лиц.

⁵¹ *Mályusz. A magyarországi polgárság* (Венгерская буржуазия). стр. 271—2.

⁵² *Eckhardt Sándor, A francia forradalom eszméi Magyarországon* (Идеи французской революции в Венгрии). Будапешт, 6. г. стр. 161.

⁵³ *Rózsa Ignác, Martinovics Ignác és társai* (Игнац Мартинович и товарищи). Будапешт, 1913. стр. 45—6. (Подчеркнуто мною И. К.)

⁵⁴ *Fraknói Vilmos. Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей) *Századok*, 1879. стр. 60.

⁵⁵ Это »nobile officium« не считается настоящим путем жизни потому, что не обеспечивали необходимого для жизни, и постоянными их тоже нельзя было назвать, ибо зависело от повторяющихся выборов.

Gárdonyi Albert. A vármegye és város társadalma. Magyar Művelődés Története. (Общества комитата и города) т. IV. стр. 315.

В организации принимало участие пять личных секретарей магнатов и два воспитателя детей магнатов. Только Иосиф II открыл служебное поприще перед протестантами, но Леопольд II и Франц I это поприще снова закрыли.

Эта недовольная интеллигенция составляла самый образованный слой страны. Она была воспитана на идеях французских просветителей, любимыми авторами ее были Вольтер, Монтескье, Руссо.

Ее философским взглядом был материализм в той или другой форме. Большинство было знакомо с французским материализмом того времени и он оказывал на них большое влияние. Работа «Система Природы», написанная Д'Ольбахом под псевдонимом Мирабо, получила, согласно полицейским донесениям того времени, большое распространение. В одном доносе говорится о Сентмарьяи, что в кругу друзей он объяснял эту работу.⁵⁶ Д'Ольбах оказал тоже большое влияние на материалистическое развитие Бешшенеи.^{56а} У Лацковича имеется несколько работ, в которых он нападает на догмы и обряды религии.⁵⁷ Пал Эз в своей работе, о которой будем говорить позже, также пишет против религиозных обычаев.

Большая часть демократов дошла только до деизма, но Мартинович, бывший среди них самым последовательным материалистом, отворачивается от деизма и становится атеистом. Его философские воззрения шире всего развиты в труде «Философские мемуары или разоблаченная природа».⁵⁸ Само собой разумеется, что деятели реакции эту работу Мартиновича — утопили. В 1920 г. Фракной делал доклад об этом и страшно ругал его: «... „Мемуары“ родились при встрече грубых анархистов в кабаке» — сказал он.⁵⁹ Экхардт, который только вскольз упоминает об этом труде, считает правильным утверждение Фракной.⁶⁰ Нельзя было и ждать от епископа и от историка-идеалиста, чтобы они нам раскрыли материалистическое наследство.

Мартинович указывает в своей работе, что в философии имеется два направления. «В вопросе о происхождении мысли философы делятся на два лагеря: по мнению одной группы всякая мысль, слагающаяся в человеческом уме, происходит как результат впечатления предметов, находящихся вне нас; другая группа хочет подняться выше материализма и старается убедить нас, что существует чисто интеллектуальная мысль, и

⁵⁶ *Eckhardt*. Ук. соч., стр. 92.

^{56/а} *Bruckner János*, A materialista Bessenyei György (Материалист Дьердь Бешшеней). Irodalomtörténet, 1950. вып. 3.

⁵⁷ A keresztnény vallásban magát oktattatni vágyó úzó ember (Путешествующий человек, тоскующий о самообразовании в христианской религии). 1790.

⁵⁸ Согласно надписи: «1788. Лондон.», но вероятно было отпечатано не в Лондоне; появился только первый том, часть второго в рукописи. Цитата мною взята из перевода Е. Грапьер.

⁵⁹ *Fraknói*, Martinovicsnak istentagadó elveket hirdető imént fölfedezett munkája. (В нынешнее время открытая работа Мартиновича, провозглашающая безбожные принципы.)

⁶⁰ *Eckhardt*, Ук. соч., стр. 96.

учат в школах, что управляющий человеческим механизмом дух может творить, не нуждаясь во внешних материальных впечатлениях.⁶¹ Мартинович является боевым представителем материалистического направления. В своей работе, на основании собственного развития он говорит, как становится атеистом религиозный философ, если он мыслит. «... После сравнения религии Иисуса Христа с религией Могамета и Моисея он увидит, что одна не менее ложна, чем другая, после чего он не останется безразличным, а будет насмехаться над всякими откровениями, как над сказками старух. Освободившись от этого ига дойдет очередь до проверки натуральной религии на основании твердых принципов, а не авторитетов, и придет к тому, что в природе нет следа божьего провидения и даже совсем невероятно, что можно доказать его существование, так как и духовность души ничего не доказывает. Таким образом, невольно, он становится деистом, после чего путем рассуждения, он подымается над принципами деизма и делает открытие, что эта система ни в малейшей степени не соответствует природным явлениям... Дойдя до этого он отвергает также и деизм, и, если его нервная система еще не достаточно сильна, он скептически обсуждает существование наивысшего существа, но с наибольшей вероятностью будет придерживаться атеизма. Человек может только тогда освободиться от понятия бога, которое было внушено ему еще во времени нежного детства, когда пройдет до конца этот длинный путь...»⁶² Вся его работа является борьбой с идеалистической философией: «В наших ушах жужжат многочисленные протесты метафизиков, они смеются утверждать, что существуют чисто интеллектуальные мысли, совершенно независимые от чувств.⁶³ Против идеалистической философии Мартинович доказывает, что: «Правду следующих утверждений... нельзя понять никаким образом: — бог существует, человеческая душа бессмертна и бог создал мир из ничего.»⁶⁴ Он объясняет откуда произошло понятие бога. «Любознательные пришли к тому, что природные явления гораздо более сложны и хитры, чем любой результат, которого может достичь человек ценой больших усилий, каким бы уровнем мастерства он не обладал. Поэтому они объяснили великие достижения природы действием какой то более благородной причины. И эту причину они придумали таким образом, что собрали вместе целую массу замеченных одинаковых человеческих черт, например, решительность, любовь, способность и возможность наказывать и т. д. И чтобы эта последняя причина и особенность на деле превысила все другие, подчеркнули, что эта причина называется богом и обладает особенностями, возведенными в бесконечную степень. Понятие наивысшего существа таким образом про-

⁶¹ *Martinovics*, Ук. соч., Прилож. № V. j 54.

⁶² Ук. соч., Прилож. № I. j 6.

⁶³ Ук. соч., Прилож. № II. j 18.

⁶⁴ Ук. соч., Прилож. № I. j 9.

никло в человеческое сознание, как такое существо, которого мы боимся во время опасности, кого мы любим в нашем счастье, к кому мы молимся во время несчастья и т. д.»⁶⁵

Он разъясняет, что нет независимого от материи «вечного существования» и вообще в чем состоит понятие «душа». Доказывает, что вселенная вечна и бесконечна. «Сколько абсурда, сколько лжи, какая грубая бессмыслица заключается в этом утверждении. Сделать что-нибудь из ничего, представить себе такую причину, которая существует сама в себе, даже до существования мира, в своей божественности; все это пустые слова, не определяющие никакого понятия.»⁶⁶ «... Никаким образом мы не можем вообразить, что какая то причина могла существовать до вселенной и еще меньше мы можем понять, что что-то произошло из ничего; следов подобных феноменов также нет в природе, ведь все создано таким образом, что из предыдущего состава следуют новые составы.»⁶⁷

Материя тоже бесконечна и ее главной особенностью является движение. «... Изменения происходят в природе безостановочно и невозможно понять существование никакой субстанции без движения... сущностью жизненной энергии является деятельность, без этой деятельности мы также не можем себе ее представить. Это объясняет, почему природа находится в бесконечном изменении, и если мы видим, что природа никогда не повторяет одного и того же изменения, то легко делаем вывод, что активная жизнь вселенной создается из изменений...»⁶⁸

Материализм Мартиновича не идет дальше взглядов механического материализма, он считает человека механизмом, он видит причину движения материи в «жизненной энергии.» Его доказательства из естествознания, в связи с материалистическим началом мира, взятые из флогистонической теории, устарели. Но надо учитывать ограниченность того времени, чтобы правильно оценить значение его материалистических взглядов, оценить то, что несмотря на тогдашнюю неразвитость естественных наук, он смог подняться до материализма. Рядом с величием его философии очень маленькими являются религиозные и идеалистические историки, упрекающие его в том, что он взял для своей работы материал у Гельвеция и Д'Ольбаха, и называющие его «компилятором».⁶⁹

⁶⁵ Ук. соч., Прилож. № I. j 8.

⁶⁶ Ук. соч., Прилож. № I. j 5.

⁶⁷ Ук. соч., Прилож. № III. j 42.

⁶⁸ Ук. соч., Прилож. № II j 25.

⁶⁹ «Из работы Мартиновича мы можем установить, что ей недостает научного характера, что она устанавливает поверхностные, произвольные тезисы, метод доказательства: ... влияние она могла оказывать только на полубразованную публику.» *Fraknói, Martinovics élete* (Жизнь Мартиновича). стр. 30. — «... о его произведениях уже Вильмош Фракнои показал, что они представляют собой компиляцию трудов Д'Ольбаха.» *Eckhardt, A francia forradalom eszméi* (Идеи французской революции). стр. 96.

Согласно имеющимся у нас до сих пор данным, до появления в Венгрии научного социализма, в нашей материалистической философии не было такой широко разработанной системы ни до Мартиновича, ни после него. Работа Мартиновича является значительнейшим документом истории нашей культуры, показывающим какие глубокие традиции имеет материалистическая философия в Венгрии. Мартинович не один стоял на материалистической точке зрения, демократическая интеллигенция конца XVIII. века придерживалась той же точки зрения.

Их взоры были устремлены вперед на французскую революцию, разбившую плотину феодализма, и они ищут пути для возможности осуществления всего этого и у нас. Под влиянием французского просвещения они стали материалистами и демократами, под влиянием революции они станут республиканскими революционерами. Развитие их до тех пор, пока лучшие из них не достигают якобинства, проходит через несколько степеней. Они ищут правильной дороги между трех представлений буржуазного преобразования. Первое — это монархический демократизм, второе — дворянский реформизм и третье — республиканский заговор.

В конечном результате ни один из этих путей не будет правильной классовой программой и останется иллюзией. Ни одна из программ не противостоит другой, как классовые программы французской революции, чтобы последователи одной из них уничтожили последователей других, а, наоборот, смешиваются. Нет между ними широкой классовой борьбы и поэтому они не отделяются, а переходят с одной на другую. Нет среди них таких, кто не испытал бы по крайней мере двух возможностей буржуазного преобразования и не вступил в противоречие сам с собой. Таким образом, они следуют по этим дорогам, не перывая еще с первым представлением и начиная пробовать уже следующее. Как это констатирует Хорват Мартон : »У декабристов также отсутствовало идеологическое единство и последовательность, как и у последователей Мартиновича.«⁷⁰ Якобинское движение характеризуется идеологическим и политическим хаосом. Идеи бродили, твердые принципы полностью отсутствовали.

Демократическая интеллигенция времен Иосифа II и Леопольда II находится в полном рабстве иллюзий монархического демократизма. Во время царствования Иосифа, Хайноци становится вице-префектом, Казинци школьным инспектором, Бачани практикантом королевской камеры. »Самые образованные элементы, хотевшие поднять Венгрию из ее отсталости, восхищались им (Иосифом II.—И. К.), писатели, разгоряченные национальными чувствами, не видели в нем врага, даже после опубликования приказа об обязательном употреблении немецкого языка...«⁷¹

⁷⁰ *Horváth Márton*, *Lobogónk Petőfi* (Наше знамя Пэтефи). Изд. 3. Будапешт, 1950. стр. 108—109.

⁷¹ *Grünwald Béla*, *A régi Magyarország* (Старая Венгрия). Изд. 3. Будапешт, 1910. стр. 528—529.

Большая часть демократических элементов видит в движении среднего дворянства против Габсбургов только реакцию. Во время царствования Леопольда II, когда движение среднего дворянства достигло своей наивысшей точки, демократическая интеллигенция не участвовала в этом движении. С разных сторон нападали они на феодальную и колониальную Венгрию, но не заключая союз, а, наоборот, борясь друг с другом. Дворянство боролось против колонизации, демократы против феодализма и они не смогли объединиться друг с другом. Борьбу дворянства за независимость ослабляет то, что демократы стали на сторону короля, а король в свое время пользуется ими против дворянства; борьбу демократов против феодализма ослабляет то, что они ждут от короля буржуазного преобразования и поэтому их требования очень умеренны. В то время они еще только реформаторы, а не революционеры.

Во время сейма 1790—91 гг. иллюзия дворянского реформизма хотя и не вытесняет абсолютистского демократизма, но овладевает многими, однако не до такой степени, чтобы развязать борьбу между двумя направлениями. Монархический демократизм и национальный реформизм мирно уживаются рядом.

Демократы вдохновляются дворянским реформатором Алайошем Батъяни. Бачани пишет следующие стихи:

«. . . благославляя, будут благославлять твое великое имя,
Во все время, и в глубоком уважении
Будут сохранять твой прах.»⁷²

Мартинович и Лацкович называют его драгоценным камнем венгерских магнатов.⁷³ Казинци пишет о нем следующее: «Струны его души звучали в полном аккорде с моими.»⁷⁴

В начале царствования Франца I обе иллюзии рухнули. Компромисс дворянства разбил дворянский реформизм и, одновременно усиление Францом I реакции разбило абсолютистский демократизм. Франц I политически приготовил страну к интервенции против французской революции. Он ликвидирует пережитки тех демократических тенденций, которые одно время поддерживались его отцом против дворян, но которые позже и его отец стремился уничтожить. Все стремления правительства, собственно говоря, сосредоточены на том, чтобы в страну не протекли идеи французской революции, и поэтому особое внимание обращено на печать.⁷⁵ Усиливается цензура, взимаются те труды, которые еще недавно были изданы с помощью Леопольда II. Франц I отдает собственноручное приказание о про-

⁷² *Csaba Jenő*, *Batthyány Alajos* (Алайош Батъяни). Будапешт, 1917. стр. 50.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Váczy János*, *Kazinczy Ferenc és kora* (Ференц Казинци и его эпоха). 1915 стр. 335.

⁷⁵ *Ballagi Géza*, *A politikai irodalom Magyarországon 1825-ig* (Политическая литература в Венгрии до 1825 г.). Будапешт, 1888. стр. 759.

»изведении расследования о работе Мартиновича : »Проповедь о Леопольде. Вскоре запрещаются работы Хайноци, Мартиновича, Лацковича. Число запрещенных книг в 1794 г. возрастает до 4476.⁷⁶ Сачвай удален из Венгерского Курьера, идет травля демократов. Бачани увольняется с работы, Вершеги посажен в тюрьму духовными властями. Недворян и некаатоликов выгоняют из государственных учреждений. Так теряют свою работу и Хайноци и Казинци. Все более усиливающаяся реакция и ее влияние на демократическую интеллигенцию показываются и в развитии Бачани. Он, смотревший в 1789 г. »внимательными глазами« в сторону Парижа, уже в 1792 г. пишет следующие стихи :

»Грустна моя душа. Еще едва прояснился
Веселый день, как снова погрузился в тьму.
Страшное будущее ! Пугающие картины !
Ах ! Что несут нам печальные решения«⁷⁷

Годом позже он пишет Миклошу Форгачу следующее: »Здесь в Венгрии вертится много шпионов... Здесь очень следят за людьми, думающими по французскому манеру; трезво рассуждающих и говорящих людей сейчас же называют якобинцами. Особенно попы промышленляют старыми ремеслами, не задумываются слепцы, что тем самым вредят своим злым делам и ускоряют свою верную гибель.

Из всего того, что мне приходится видеть и слышать, я не могу сделать другого вывода, что в нашей родине неизбежна революция, но, ввиду того, что трезвая ясность умов не продвинулась вперед, так революция будет на манер Хоры и Клошкы.«⁷⁸ »Наше положение здесь опасно. Всегдашние враги трезвых умов получили новую силу. Хотят ввести всю испанскую инквизицию... Против меня лично они особенно злятся и всеми способами стараются повредить мне... Но все же они не смогут здесь долго произвольно властвовать. Свет распространился уже слишком далеко для того, чтобы они могли погасить его.«⁷⁹

Усиление реакции толкает демократическую интеллигенцию не направо, а налево. Только теперь она начинает понимать, что никакие буржуазные реформы невозможны под управлением Габсбургов. Но интеллигенция начинает перемещаться налево тогда, когда среднее дворянство переместилось направо. Французская революция толкает оба слоя в противоположном направлении. Дворянство испытывает отвращение и страх, демократическая интеллигенция приобретает восторженность и храбрость. Демократы и среднее дворянство снова стоят по двум сторонам баррикады,

⁷⁶ Ук. соч., стр. 770.

⁷⁷ *Bacsányi János válogatott munkái* (Избранные сочинения Яноша Бачани). Zalaegerszeg, 1948. стр. 80.

⁷⁸ *Levél 1793 február 10-én* (Письмо от 10 февраля 1793 г.). Ук. соч., стр. 52.

⁷⁹ *Levél 1793 március 18-án* (Письмо от 18 марта 1793 г.). Ук. соч., стр. 53.

но только наоборот, чем во времена Иосифа II и Леопольда II. Тогда демократы поддерживали короля — Габсбурга, а среднее дворянство нападало на него, а теперь среднее дворянство поддерживает его и нападающей стороной являются демократы. Они поддерживали короля, когда против него велось широкое наступление, и выступили против него тогда, когда его положение укрепилось вследствие бесславного союза со средним дворянством. Перемещение интеллигенции налево от монархического демократизма к якобинскому республиканству означало одновременно ее изоляцию. К перемещению налево способен только наилучший, но очень узкий слой интеллигенции, которому французская революция дала силы в борьбе с возрастающей реакцией. Этот поворот налево был вынужден не победой, а поражением. Новые цели выставляются не после достигнутых успехов, а наоборот, республиканское движение является ответом на усиление реакции. Их ведет к якобинству не открытие пути, по которому они могут наконец идти, а, наоборот, безвыходность, крушение всех других возможностей. Они начинают борьбу в то время, когда противник сильнее всего, и борьба их является не нападением, а обороной. Дрожжами и вдохновителем поворота налево явилась французская революция. Они не могут примириться с тем, чтобы в то время, когда там жнут самые большие победы над реакцией, здесь победу удерживает реакция. В этом их политическое и моральное величие, но, одновременно, в этом же и слабость их движения. Восторг перед французской революцией велик и принимает самые различные формы. В частных квартирах, в «Читальнях», в кафе из рук в руки переходит «Монитор» — официальный французский орган —, до тех пор, пока его не запрещают в Венгрии. Для тех, кто не знает французского языка, переводят и они стараются усвоить французский язык. Взволнованно обмениваются последними революционными и военными новостями, следят по картам за боями, желая победы революционным отрядам. 50 студентов университета г. Будапешт, в виде демонстрации, в честь вождей революции обрезают себе косы. Наместнический совет принужден воспрепятствовать расширению движения. В литературном обществе гимназии г. Шаршпатак переводят из французских журналов и называют друг друга республиканскими земляками. В комитате Зала и в Заграбе неизвестные лица устанавливают в подражание французам так называемые деревья свободы с фригской шапкой — символом республики — на макушке. Марсельеза переводится на самые разнообразные языки и распространяется. На квартире Абаффи находят целый сборник революционных песен от «Са іга», до «Carnagnole», которые пели друзья Абаффи под аккомпанемент скрипки.^{79/a} Соларчик так описывает собрания сторонников революции в доме Абаффи :

^{79/a} *Eckhardt S.*, Ук. соч., стр. 146—159.

». . . Однажды там были все те, кого до этого и после этого я видел у них. С радостью пили за счастье один другого и всех без исключения друзей, которых тут же и перечисляли: да здравствуют наши друзья, да здравствуют французы, да здравствует Робеспьер. И так далее. Наконец начался разговор о сегодняшних парижских празднествах, и говорили о них провознося их до небес. После обеда все пошли в комнату Абаффи пить кофе. Я наливал вино, разговор продолжался, потом мы все расцеловались.

. . . Через несколько дней мы поехали на каникулы. Здесь Абаффи всегда с нетерпением ждал дня прибытия почты, чтобы прочитать Монитор. Я очень удивился, что он был так безутешен, когда Вормхер прорвал линию Вейсенбурга и успешно двинулся против Ландау. Напротив этому он радовался в одиноковой степени всем неудачам.

Среди других писем он получил и одно французское письмо с адресом Г р а ж д а н и н ! о котором он рассказал за столом, что в г. Вац прибыл корабль с французскими военнопленными и Сентмарьян пошел к ним, говорил с ними, целовал их и получил от них кокарду, которую не показывает никому и которую хочет поцеловать, стоя на коленях».⁸⁰

Одним из самых главных участков революционного развития демократов была борьба против интервенции. Поняв международную взаимозависимость революционной борьбы, они храбро выступили против контрреволюционной войны Габсбургов. Эта борьба является самой выдающейся частью их общей борьбы, которая придает этому движению международное значение. Французская буржуазная революция не может быть сравнена с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г., так как она ликвидировала феодализм, но была буржуазной революцией и принесла народам новую форму угнетения.

Однако несомненно, что во времена диктатуры якобинцев пробным камнем прогресса было положение, занимаемое по отношению к французской революции. За или против — это была разделяющая линия между сторонниками и врагами прогресса, даже между последовательными и колеблющимися сторонниками. Как раз в этом вопросе венгерские демократы показали, что они якобинцы, так как они защищали против контрреволюционной войны тогдашний центр прогресса, революционную Францию. Когда предательство дворян втокнуло Венгрию в контрреволюционную войну, они подняли голос против этой войны.

Вершеги пишет стихи против войны:

»Венгерцы и хорваты, почему должны вы выступить.

⁸⁰ SK. eredeti 1794. okt. 3. Bécs. Ok. Vertr. 47. fasc. Szolarcsik periratai. 9/Bsz. mellék. (Подлинные документы процесса Соларчика 3 октября 1794 г. в Вене — Из подготовленной к печати документальной публикации Кальмана Бенда.)

С кровавым оружием против французов.⁸¹

Слави пишет листовку, в которой опровергает контрреволюционную клевету на революционную Францию. «В текущем 1792 г. в ноябре месяце 6-го дня попал я в руки к французам и 29-го того же месяца привезли меня в столицу Франции в Париж. Язычниками и беспощадными считал я французов, но в то время, когда я был в Париже, французы покровительствовали мне и многим другим моим пленным товарищам, все таки я все время боялся и дрожа шел с ними, потому что думал о том, как описывали их у нас наши офицеры; но я ошибался потому что, хотя я был пленником, они не обращались со мной как с неприятелем, а как с человеком.»⁸²

Наилучшим документом протеста против интервенции является открытое письмо Мартиновича к королю Францу.⁸³ Это письмо было переведено на многие языки и распространяли его в виде рукописи не только в Венгрии, но и в Вене. Мартинович доказывает, что война французского народа справедливая война и поэтому она победит, а монархическая интервенция является несправедливой, контрреволюционной войной и поэтому она потерпит поражение. «Одумайся-ж, ты, Государь! и знай, что твоя армия никогда не будет в Париже, никогда не допустят этого французы. Какая бы власть не установила у них закон, они хотят быть свободными и свободными будут, чтобы то ни делали заключившие между собою союз короли. Нам надо посмотреть только на просвещение, которое будет управлять всем французским народом, и мы немедленно убедимся в том, что эта нация ненавидит даже самую маленькую тень деспотизма.»⁸⁴ Народ борющийся за справедливое дело, не может быть побежден. «... Эта нация хочет быть свободной, и чем больше будут ярмиться связавшиеся в союз государства, тем более она будет непобедимой. Такая нация, которая всегда была самой первой в всём свете, никогда не склонит голову перед королем и не примет законов, выдуманных в его кабинетах.»⁸⁵ Он угрожает Францу I, что если тот не отступится от войны, то это приведет к его собственной гибели. «... Несчастье запертых в Темпль пленников (Людвиг XVI и его семья —И.К.) перейдет на тебя.»⁸⁶ «... Французы повсеместно, куда они победоносно придут, сделают свое обязательство, установив суверенитет народа, того народа, который вы оскорбляете именем крепостных... Таким образом понесет

⁸¹ *Fraknói, Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). Századok, 1879. стр. 58.

⁸² «Записи венгерского солдата, сделанные им во время пребывания в плену, куда он попал, взятый французами во время большого кровопролития 6 ноября 1792 г.» *Eckhardt* Ук. соч., стр. 60.

⁸³ *Martinovics Ignác nyílt levele Ferenc császár és királyhoz* (Открытое письмо Игнаца Мартиновича императору и королю Францу). Századok. 1949.

⁸⁴ Ук. соч., стр. 273.

⁸⁵ Ук. соч., стр. 271.

⁸⁶ Ук. соч., стр. 275.

наказание весь Союз Тиранов, не захотевший оставить в покое Французскую Свободу.»⁸⁷

Кроме пропаганды они высказывали симпатию к военнопленным, попавшим в плен к интервентам и привезенным сюда. Старались помочь им и материально и сделать для них плен более терпимым. Абраам Барчаи восторженный молодой революционер, дает одному пленному свою рубашку, чтобы он не был голым. От пленных за помощь они получили на память значки; пуговицы со значками республики хранили как реликвии, так что пришлось выдать распоряжение против распространения этих пуговиц. Префект Галлер пишет, что пуговицы имеют «смущающее ум» влияние, так как на них написано «Равенство и Свобода»! Очевидно французская революция перевела на венгерский язык эти два слова.⁸⁸

Венгерские якобинцы спасли нашу национальную честь, затоптанную дворянством в грязь — активной поддержкой революционного французского народа. Мы можем быть горды тем, что во время интервенции против французской революции лучшие представители нашего народа боролись против несправедливой войны. И в теперешней борьбе за мир мы можем черпать силы из великолепных исторических примеров международной солидарности. Если 150 лет тому назад демократы были способны так защищать буржуазную революцию и ее достижения, на сколько более обязаны защищать социалистическое государство и достижения социализма теперешние последователи прогресса. Нетеряющая своей силы историческая заслуга венгерских якобинцев состоит в том, что они показали как должны демократы выступать против контрреволюционной войны даже тогда, т. е. вернее, тогда еще больше, когда собственные «кабинеты» хотят принудить народ к этой войне.

Республиканцам, борющимся против интервенции, уже немного надо было для того, чтобы вступить на путь тайной организации. Инициатором организации стал Игнац Мартинович. Пример для местной организации он видел в Вене. Дружеские связи соединяли его с поэтом Блумайером и торговцем Гакелем, участниками венской республиканской организации.⁸⁹ Тут созревает у Мартиновича мысль о создании тайной организации среди недовольных венгров. В то время Мартинович уже порвал с королевской секретной службой. Он выработал программу организации, так называемый катехизис. 1 мая 1794 г. он выезжает в Пешт для начала создания организации. Для руководства движением он вербует четырех руководителей: Сентмарьяи, Хайноци, Лацковича и позже Шиграи. Эти руководители, особенно Сентмарьяи, создают республиканскую тайную организацию. Вер-

⁸⁷ Ук. соч., стр. 274.

⁸⁸ *Fraknoi' Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). *Századok* 1879. стр. 41—42.

⁸⁹ *Fraknoi, Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). стр. 204—209. *Fraknoi, Martinovics élete* (Жизнь Мартиновича). стр. 96—98.

бовка руководителей и членов среди рядов революционной яacobинской интеллигенции не представляет больших затруднений. Деятельность движения продолжалась всего 8-10 недель, потому что 23 июля 1794 г. Мартинович был арестован, но за это короткое время было все же завербовано более 75 человек во всех концах страны. Гораздо большие трудности встретила организация среди слоев зажиточного среднего дворянства, на которые рассчитывали демократы. Сравнительно большое число завербованных в короткое время существования организации показывает только настроение радикальной интеллигенции, а не то, что у этой организации могла бы быть широкая массовая база.

Движение завоевывает передовых людей нашей культуры, личную часть интеллигенции. Здесь находятся три значительных поэта того времени: Бачани, Вершеги, Сентйоби-Сабо, самые большие писатели и ученые, основоположник реформы в области языка Ференц Казинци со своим братом, историк Хайноци, естествовед и философ Мартинович и, по всей вероятности Гергель Берзевици, которому, однако, удалось избежать разоблачения.⁹⁰ С ними шла прогрессивно-интеллигентная молодежь. Мы знаем, что в организации находилось 13 студентов и учащихся. Нам известен возраст 49 человек, из них 36 моложе 30 лет и 15 моложе 25 лет.⁹¹ Справедливо мог написать Гергель Берзевици об арестованных: «Из груди нации насильственно вырвали ее краску и гордость...» «Большинство из них глубокие умы и полные сил люди, уважаемые ученые, известные писатели, так что приходится думать, что началась война против талантов и против науки...»⁹²

Из умерших мученической смертью руководителей движения самые значительные: Сентмарьяи, Хайноци и Эз.

Вдохновителем и самым преданным организатором республиканцев был Ференц Сентмарьяи. Когда он узнал от Мартиновича о существовании движения, то приветствует его согласно своим идеям и страстно погружается в организационную работу. «Не потребовалось больших усилий для того, чтобы завербовать его для дела революции, потому что еще до того, как между нами начался разговор об организации тайного общества, он уже говорил мне, что если в течение короткого времени не произойдет изменения в монархии, то из-за нетерпимого угнетения, общего несчастья и существующей конституции он эмигрирует из своей родины во Францию.»⁹³ «... Кто знаком с Сентмарьяи, тот знает, что он страстный демо-

⁹⁰ *Mályusz, Sándor Lipót* (Александр-Леопольд). стр. 221—22.

⁹¹ *Fraknoi, Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). *Századok*, 1879. стр. 61.

⁹² *Felségsértési per Magyarországon. 1800.* (Процесс оскорбления величества в Венгрии). — *Gondolat*. 1936. г. январь.

⁹³ *Martinovics vallomása.* (Показания Мартиновича). *Fraknoi, Martinovics élete* (Фракнои, Жизнь Мартиновича) стр. 264—265.

крат, храбрый и талантливый человек. Поэтому не было необходимости применять особые средства для того, чтобы завербовать его для революционных целей, которые находятся в полном соответствии с его идеями.⁹⁴ Так показывал Мартинович, и все данные, имеющиеся о Сентмарьяи, подтверждают это. Он заменил Мартиновича во главе движения.

Сентмарьяи был объединяющим центром для пештской прогрессивной молодежи, он собирал в своей квартире молодых демократов, которые поистине обожали его. Он больше всего любил называть себя и своих товарищей «санкюлотами». Как уже об этом говорилось, он демонстративно дружился с французскими военнопленными, хранил части их одежды как реликвии. «Читая известия о победе французских войск, он не знал границ своей радости: пел Марсельезу, в публичных местах поднимал стакан за здоровье французов, проклиная воюющих против них правителей и войска.

Такой восторженный и отважный молодой человек, конечно, оказывал большое влияние на молодежь.⁹⁵ Он не только пештские дружеские кружки включает в организацию, но и ездит в провинцию, в комитат Сатмар, чтобы вербовать там новых членов. Как отягчающее обстоятельство суд установил о нем, что «... среди его товарищей он усерднее всех действовал для расширения общества.»⁹⁶ Завербовав 11 новых членов, он дал обществу большее число последователей, чем кто либо другой.⁹⁷

Его литературная деятельность состоит из переводов. Он перевел на венгерский язык «Общественный договор» Руссо, и хотел его издать; кроме того, он постоянно переводил статьи Монитора для тех, кто не знал французского языка. Таким образом, он перевел проект якобинской конституции 1793 г. и обвинительную речь Сент-Жюста против жиронды, в которой тот требовал суда против нее.⁹⁸ Избираемые им для переводов тексты показывают его политические взгляды.

Согласно имеющимся данным, он занимал в движении самую левую позицию. Писал стихи уже против Леопольда II.⁹⁹ Когда Мартинович сообщил ему, что кроме демократической организации имеется еще и дворянская организация, он протестовал против нее. «Насколько я помню, в начале я говорил с ним только об одной венгерской тайной организации, о Союзе свободы и равенства, и в эту организацию вовлек я его как сильного

⁹⁴ *Martinovics vallomásai* (Показания Мартиновича). Ук. соч., стр. 266.

⁹⁵ *Fraknói, Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). стр. 191.

⁹⁶ Ук. соч., стр. 351.

⁹⁷ *Fraknói, Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). *Századok*, 1789. стр. 58.

⁹⁸ *Bikessy vallomása*. *Nemz. Muz. Quart. Germ.* 1071. sz. 91—99 : fd : (Показания Бикешы из публикации К. Бенда.)

⁹⁹ *Fraknói, Martinovics és társainak összeesküvése* (Заговор Мартиновича и товарищей). *Századok*. 1878. стр. 40.

демократа. Он произнес слова восторженной благодарности и поцеловал меня . . . Совершенно правильно то утверждение, что он был против создания аристократического союза, что показывает его демократический образ мышления.¹⁰⁰ Согласно одному доносу, Сентмарьяи знает и распространяет коммунистические взгляды Мабли.¹⁰¹ Перед смертью он не сломился; когда пришли за ним, чтобы вести на казнь, он насвистывал Марсельезу столько раз, сколько в ней строф.¹⁰²

Иосиф Хайноци был храбрым и выдержанным революционером. Его друг Казинци, осуждающий в своих воспоминаниях многих участников движения, говорит и пишет о Хайноци всегда с большим уважением. «Я представляю себе Хайноци, как Сократа новейших времен. Я не знаю человека более чистой души, воспламененного идеей национальной гордости, более ученого и неутомимого.»¹⁰³ Хайноци был человеком большой учености и невероятной работоспособности: он все время наблюдал за ходом французской революции и протоколировал его.¹⁰⁴

Он вел очень большую идеологическую работу. Его работы превышают тысячу страниц. Фракной, которого поистине нельзя обвинить в дружеском пристрастии к демократам, в своей первой статье, еще до выхода в свет своей книги, упоминает о Хайноци как об одном из наибольших наших историков. Он указывает, что в то время как иезуитские историки создавали себе «бессмертные имена», работы Хайноци остаются неизвестными. . . . В прошлом столетии среди самых усердных и осведомленных венгерских историков он был один; и он был первым среди светских историков, посвятившим себя собиранию исторических памятников.¹⁰⁵ . . . Среди наших отечественных собирателей документов, он первый, который коллекционировал каждую копию с подлинными документами . . .¹⁰⁶

Хайноци знал значение крестьянства с точки зрения демократического преобразования, поэтому он очень много занимался проблемами крестьянства. Во время ареста он работал над составлением истории крестьянства; после него осталось около 600 незаконченных рукописных листов, в которых он дошел до 1242 года. Перед судом он сказал: «Я горжусь тем, что посвятил свою работу самому численному и самому полезному классу человечества.»¹⁰⁷ Трудно описать политическую установку Хайноци,

¹⁰⁰ *Martinovics vallomása. Martinovics élete.* (Показания Мартиновича. Жизнь Мартиновича). стр. 265.

¹⁰¹ *Zgurich feljelentése* (Донос Згурича). *Eckhardt*, Ук. соч., стр. 48.

¹⁰² *Kazinczy, Fogságom naplója* (Тюремный дневник). Будапешт, б. г. стр. 65.

¹⁰³ Ук. соч., стр. 40.

¹⁰⁴ Ук. соч., стр. 262.

¹⁰⁵ *Fraknói, Martinovics és társai* (Мартинович и товарищи). стр. 21.

¹⁰⁶ Ук. соч., стр. 22.

¹⁰⁷ *Hajnóczy R. József. Hajnóczy József élete* (Жизнь Иосифа Хайноци). Дьер стр. 68. Из подготовленной к печати публикации К. Бенда.

так как его работы относятся к 1790—92 гг., когда он еще склонялся к дворянскому реформизму и надеялся, что сможет оказать влияние на работу комитетов сейма. Эти работы он предназначал дворянству, что умеряло его требования. Хайноци, также как и большинство демократов, с 1792 г. развивался налево и его работы 1790—92 гг. не отражают установки позднейшего Хайноци, который празднует у себя дома 10 августа — день свержения монархии во Франции. В своих работах он подчеркивает, что без освобождения крестьянства буржуазное преобразование невозможно, но, по вышеуказанным причинам, он подходит к крестьянскому вопросу не как революционер, а как реформатор, рассчитывающий в проведении реформ на добровольность дворянства. Он стоит сначала на точке зрения компенсации за освобождение крестьян в Венгрии, но не в обязательном порядке, а по усмотрению дворянства.

Он борется за то, чтобы крестьяне имели право на собственность, а не за то, чтобы они имели саму собственность. В своей работе, хотя он и отошел далеко влево, по сравнению с большинством дворянских планировщиков реформ, но все же чувствуется, что он предназначал эту работу дворянству. Поэтому его крестьянская программа идет дальше 1790-х гг., но не доходит до 1848 года.

»Десятинна и девятина вредны народному хозяйству, сздают возможность невероятных обманов, портят нравственный характер предоставляющих и принимающих. Поэтому их надо навечно пересчитать на деньги согласно средней суммы за десять лет с каждого кестьянина и крепостного хозяйства . . . Все крестьяне свободны. Если они захотят уйти после уплаты долга, надо их отпустить . . . Дом и виноградник находятся в их свободном распоряжении. Если помещик захочет договориться с крестьянином, он может юридически владеть участком земли. После этого крестьянин перестает быть под барской юрисдикцией. Всякая барщина прекращается и все крестьяне станут договаривающимися сторонами . . . Королевские регалии полностью подобают помещику . . .«¹⁰⁸

Хайноци хочет здесь дать такую программу, которая была бы одинаково приемлема и дворянам и крестьянам »Это было то, о чем думали патристические мечтатели«. По его мнению, помещики, магнаты, дворянство на этой основе ничего не теряют, а все остальные, владеющие физической и моральной силой, т. е. все недворяне, солдаты и духовенство всех христианских вероисповеданий выиграли бы.¹⁰⁹ Насколько Хайноци пошел дальше этого, показывают в первую очередь его деятельность в руководящей работе по организации заговора. Может быть обработка его писем сможет дать дальнейшие данные об этом.

¹⁰⁸ Gedanken eines ungarischen Patrioten 1790. Из публикации К. Бенда.

¹⁰⁹ Там же.

Пал Эз не был руководителем в движении, его казнили за то, как он держался перед судом. О нем и о Соларчике было установлено, что «укоренившиеся в их душах злые принципы» не дают надежды на их исправление. Личность Эза показывает как глубоко были республиканские убеждения интеллигенции, даже и в тех, кто не занимал руководящего места в движении. Его также приводит в организацию симпатия к крестьянству, что он и говорит перед судом: «Это было настоящей целью, для осуществления которой — как это я указывал и в моих показаниях — я не только примкнул к обществу, но и распространял катехизис. Так как моя симпатия к платящему налоги народу становилась все более глубокой и искренней, я решил, что выполняю наиважнейшую и наипервейшую обязанность человека, если объединяюсь силами вместе с другими я буду сотрудничать в достижении их успеха.»¹¹⁰ Эз также привлек к борьбе против венгерского феодализма пример французской революции, из которого можно было черпать силы.

Одно из его стихотворений говорит:

«Вперед венгерцы! Чего-ж тебе
Уж есть пример, добыть себе все сможешь,
Счастливый век, дорогу, с французем и бельгийцем
Сам заложишь.
Француз, бельгиец в дорогу-путь пустились:
А ты стоишь, и руки опустились
Могила ждет тебя мой друг,
Могила, тень, тьма, недуг.»¹¹¹

В оставшейся рукописи имеется его большая антиклерикальная листовка. «Письмо Святого Стефана Первого Христианского Венгерского Короля». В этой листовке он остро нападает на окружающие Святого Стефана суеверия и на культ «святой руки». «... Находиться в таком глубоком мраке, чтобы почитать хилую кость и так петь высохшему трупу: Ты святая рука поддержи меня. В тайник нетопыря надо было бы скрыться с такими заблуждающимися мнениями... с окружающим эту хилую руку нестерпимым безобразием.»¹¹²

Кроме того Эз был очень знающим адвокатом, по мнению Казинци: «Одна из лучших голов в стране». Когда Эз стоял перед судом, Юрменьи сказал о нем: «Мне известен этот человек; его образованность достойна того, чтобы он сидел на моем месте.»¹¹³ Пал Эз также держал себя перед судом гордым республиканцем и защищал республиканские идеи против

¹¹⁰ Reflexiones Pauli Ösz. Vert. A. 47. fasc. Prozessakten des Paul Ösz № 5.

¹¹¹ Eckhardt, Ук. соч., стр. 155.

¹¹² Eckhardt, Ук. соч., стр. 77.

¹¹³ Kazinczy, Ук. соч., стр. 277.

монархии. Поэтому его казнили. ». . . Несомненная правда, что целью Общества, значит и моей целью, было разрушение теперешней отечественной конституции, чтобы установить на ее месте республиканскую конституцию. . . . Чтобы моя совесть или мои продолжающиеся занятия не были бы каким либо образом оскорблены, я не отрицаю, что я одобряю республиканские идеи и что я не отходил от желания, чтобы они осуществились на нашей родине.»¹¹⁴

Таковыми людьми были те, кто воспитывал революционные принципы просвещения, кого французская революция воодушевила на большие дела, на храбрую борьбу за прогресс против дворянства, духовенства и монархии, несмотря на то, что они оставались изолированными в своих политических взглядах. В истории Венгрии буржуазия позже никогда не смогла дать таких героев, какими были ее первые представители: Сентмарьяи, Хайноци, Эз, или Иожеф Крали, который закончил свою жизнь самоубийством во время его заключения и оставивший после себя следующее письмо: «Свободным я жил, свободным и умираю, ни одного часа не хочу хиреть в кандалах.»¹¹⁵ Матиас Ракоши сказал о них во время своего процесса: «Буржуазия тоже была революционным классом против феодализма. Тогда первые революционеры этого класса, Мартинович и его товарищи, умерли мученической смертью, бесконечные ряды представителей революционного класса двинулись в тюрьму.»¹¹⁶ Наш народ вправе гордиться этими борцами за революцию.

* * *

Наиважнейшими документами для понимания движения являются выработанные Мартиновичем катехизисы. Один из них: «Катехизис тайного союза венгерских реформаторов»,¹¹⁷ другой: «Книжечка инструкций для человека и для граждан.»¹¹⁸ Основными документами движения являются также: «Условия, необходимые гражданам для достижения свободы» и «Польза, происходящая от нововведений.»¹¹⁹

Были созданы две организации, партия средних дворян — Общество Реформаторов, и тайная партия радикальных демократов — Общество Свободы и Равенства. Этим хотели создать общество среднего дворянства и народа. Народ, конечно, должны были представлять якобинцы, которые хотели обеспечить себе руководящую роль тем, что, до тех пор, пока члены

¹¹⁴ Reflexiones Pauli Ösz. (подчеркнуто мною. И. К.)

¹¹⁵ *Fraknói*. Martinovics és társainak összeesküvése (Заговор Мартиновича и товарищей). Будапешт, 1880. стр. 325.

¹¹⁶ A Rákosi-per. (Процесс Ракоши). Будапешт, 1950. стр. 100.

¹¹⁷ *Fraknói*, Martinovics élete (Жизнь Мартиновича). стр. 223.

¹¹⁸ Szentmarjay egykori fordítása (Современный перевод Сентмарьяи.) Irodalom-történet. 1950. 3.

¹¹⁹ *Fraknói*, Martinovics élete (Жизнь Мартиновича). Стр. 243. и 244.

Общества Свободы и Равенства одновременно являлись членами Общества Реформаторов, они не¹ должны были сообщить Реформаторам сведений о существовании другого общества руководящего обоими организациями. Этот союз таким образом представлен в катехизисе Реформаторов: «Что выиграют этими реформами дворяне? — Многое. Дворяне освободятся от трех тиранов: от короля, от магнатов и от высшего духовенства: достигнут второй палаты и в крепком союзе с освобожденными от рабства недворянами объединятся и станут непобедимыми.»¹²⁰ Целью Общества Реформаторов было отделение среднего дворянства от высшего дворянства и направление его против Габсбургов в союзе с народом. Значение того, что могли бы осуществить обе организации, не мог понять ни один из занимавшихся этим вопросом историков. Они, наоборот, обсудили его, как франкмасонский обман Мартиновича. Объединение среднего дворянства и демократов является исключительно большой политической концепцией; это зародыш того объединения, которое родило самые большие дела во время нашей революции 1848 г. объединением в марте и в сентябре Кошута с плебейской массой.

Заслуга венгерских якобинцев в том, что они смогли сделать вывод из крушения абсолютического демократизма и дворянского реформизма, поняли, что в Венгрии выход из феодализма можно найти только объединением среднего дворянства и радикалов. Однако, основная особенность заключается в том, что все, что в 1848 г. стало реальной действительностью, хотя и на короткий срок, в 1794 г. не могло быть осуществлено. И в этом их историческая трагедия. Хотя среднее дворянство в 1790—91 гг. боролось за национальную независимость, в 1794 г. оно было уже связано не с демократами, а с Габсбургами. Вождем среднего дворянства в 1790-х гг. был не Кошут, а Балог и Юрменьи. Один из них, бывший когда то вождем национальной борьбы, продался за титул префекта Габсбургам, другой, стоявший против Габсбургов во времена обсуждения реформ, всегда был человеком компромисса, а в 1795 г. они оба сидели в том кровавом суде, который приговорил к смерти республиканцев. Союз этот в 1794 г. был построен на песке, был утопией якобинцев, хотя и утопией, указывающей вперед на будущее.

В 1848 г. руководителями союза среднего дворянства и плебеев были средние дворяне. Пэтёфи и Танчич не требовали власти. В 1794 г., именно потому, что этот план был утопией, радикалы выступили с претензией быть руководителями союза. По их представлению, после победы анти-габсбургского национального восстания, среднее дворянство устраняется новым восстанием и они берут власть в свои руки.

На самом деле, обе организации были их организациями, они заключили союз не с борющимся классом, а захотели привлечь к борьбе тот класс,

¹²⁰ *Fraknói*, Ук. соч., стр. 228—29.

который в тени короля успокоил волнения французской революции. В 1848 г. среднее дворянство было вынуждено сделать уступки радикалам, чтобы не лишиться их поддержки, в 1794 г. уступки делали радикалы, чтобы склонить на свою сторону среднее дворянство. Конечно, эти уступки имеют совсем другое значение в 1848 г. и в 1794 г. Незрелость той эпохи отразилось таким образом на их планах, что, пока в 1848 г. национальная освободительная борьба сплеталась с буржуазной революцией, здесь они были бы двумя совершенно различными фазами борьбы. На союз со средним дворянством рассчитывали только в национальном восстании, чтобы потом повернуться против него. Демократы поняли, что в XVIII. столетии нельзя рассчитывать на демократизм среднего дворянства, но не поняли, т. е. не хотели понять, что заключив компромисс с Францом, среднее дворянство сошло для XVII. века с пути прогресса.

Привлечение на свою сторону среднего дворянства составляло главный вопрос катехизиса, это было то «объединение интересов», которое заставило сильно задуматься и Кошута. Сделать такие уступки от демократизма, чтобы быть приемлемыми дворянам, и требовать от дворян таких уступок, чтобы они могли дать руку демократам для создания». . . законов, делающих одинаково счастливыми дворян и недворян». Катехизис реформаторов хочет национальную и, чуть ли, не буржуазную республику на дворянской основе. Чтобы завоевать на свою сторону дворянство, допускают, что только дворяне могут располагать неограниченным правом собственности и принимают иммунитет дворянства от налогов, обуржуазив эту уступку тем, что не только дворяне, но вообще никто не платит налогов.

В их программе, направленной к дворянству, имеется дворянская ограниченность, национальное перемешано с дворянским, хотя и идет дальше него. Они говорят о такой независимости, где «дворянская свобода цвела без ограничений», но в своей национальной программе они идут дальше, чем когда либо шло дворянство. Программа разоблачает колониальную политику Габсбургов: «Как названные короли (короли Англии, Испании, Португалии — К. И.) обременяют свои колониальные товары невыносимыми пошлинами, так и австрийский кабинет взимает с венгерских продуктов пошлины около 50% их стоимости.»¹²¹ Демократы выставляют требование самостоятельной независимой Венгрии: «Способна ли Венгрия управлять сама собой? — Да. На самой плодородной территории девять миллионов венгров при правильной организации могут противостоять как туркам, так и немцам.»¹²² Они хотят национальную армию, национальную внешнюю политику, употребление национального языка, свободное, неограниченное развитие внешней и внутренней торговли. В рес-

¹²¹ Ук. соч., стр. 226.

¹²² Ук. соч., стр. 227.

публиканских требованиях они идут дальше, чем было осуществлено в 1848 г. В этой программе республика выставляется не как антифеодалное, а как последовательно национальное требование: «Что надо делать венграм, чтобы они освободились от политической незначительности и из-под австрийского ига? По примеру поляков надо организовать святое восстание, вырвать королевство из рук Франца и создать республику...»¹²³

Республиканство ведет их к патриотизму, в то время, как они хотят привести среднее дворянство к республике через патриотизм. Их основное заблуждение в том, что, в то время, как они являются на самом деле республиканцами, патриотизм дворянства уже сметен страхом перед французской революцией. Таким образом, члены организации, после крушения монархического демократизма и дворянского реформизма, стали рабами новой иллюзии патриотизма среднего дворянства, питающейся воспоминаниям национальных побед 1790—91 гг. Они думают, что таким же образом, как они пришли к патриотизму через республиканство, среднее дворянство придет через патриотизм к республиканству и станет сторонником требуемой в программе национальной республики. Иллюзия патриотизма среднего дворянства ведет их к представлению о возможности привлечения среднего дворянства, как противника Габсбургов, посредством союза к плебейской республиканской организации.

Кроме требований национальной независимости и республики, программа является дальновидной в вопросах национальностей. «...Для каждой национальности должна быть выделена особая провинция, создана своя политическая конституция и все они должны вступить между собой во внутренний союз. Значит Венгрия должна преобразоваться в союзную республику в которой все национальности будут иметь свой язык, свои обычаи и свободу вероисповедания.»¹²⁴ Согласно их планам, Венгрия должна быть не только самостоятельным национальным государством, не только республикой, но должна быть федеративной республикой проживающих в ней национальностей. Венгерские якобинцы, при первом появлении противоречий между национальностями приняли то решение, которое буржуазия не смогла принять в XIX веке.

По вопросам церкви программа их является последовательной буржуазной программой, которая была развернута антиклерикалами уже в других их работах.

Кроме того они требуют окончания интервенции против французской революции, установления мирных связей с Францией, свободу печати, безвозмездного правосудия, «поддержку» искусства и науки.

¹²³ Ук. соч., стр. 226.

¹²⁴ Ук. соч., стр. 227.

Однако, они гораздо меньше хотели дать народу ввиду того, что эта программа должна была быть принята средним дворянством. Крепостные станут «свободными» безземельными арендаторами, платящими за пользование дворянской землей деньгами, продуктами и барщиной, требуется народное представительство для всех, но сейм состоит из двух палат с одинаковым количеством дворянских и недворянских представителей. В программу они взяли все, что было лучшего в движении среднего дворянства, требование национальной независимости, и связали это требование с собственным демократизмом. Таким образом, они взяли самое лучшее как из дворянского движения 1790 г., так и из борьбы буржуазии и интеллигенции, стремясь очистить все это от реакционных сторон, одно — от феодализма, другое — от национального безразличия. Однако, эта программа, не только в 1794 г., во время дворянского компромисса, но и во время национальной борьбы 1790—91 гг. и, даже, во время революции 1848 г. была бы слишком обширна, ведь она выставила такие требования, как например, республику, экспроприацию церковного имущества, которых буржуазия не выставила больше никогда в Венгрии.

Основное противоречие программы в том, что она хочет на основании дворянской собственности чуть ли не всестороннюю буржуазную республику. Она не смогла разрешить вопроса об «объединении интересов» феодального среднего дворянства и республиканского радикализма. Но эта программа, несомненно, со всей ее слабостью, была самым прекрасным, на что была способна Венгрия в XVIII. веке.

В другой программе, в «Книжечке инструкций для граждан», где, не надо было принимать во внимание среднее дворянство, боясь оттолкнуть его от себя, можно было бы устранить слабости первой программы, но все же они едва пошли дальше. В то время, как первая программа показывает их политическое величие, хотя они и делают уступки дворянству, вторая программа показывает их слабость. В первой сказывается дворянская ограниченность, а в другой — буржуазная умеренность. Здесь их наступление уже шире, они ведут борьбу против «трех бичей человечества», мот нархии, дворянства и духовенства. Они не желают различия между дворянством и высшим дворянством, между духовенством и высшим духовенством, и для самих себя устанавливают гораздо более туманную и отвлеченную программу, чем их союзнику, среднему дворянству. Вообще они не поясняют в каком взаимоотношении находятся обе программы, что они принимают и что отбрасывают из «буржуазных» и «реформаторских» планов. Не уточняют, через длинное или короткое время после национального восстания зазвучит антидворянский «набат», или оба события приблизятся одновременно.

В книжечке инструкций очень много заботы уделяется на то, чтобы опровергнуть те тезисы катехизиса, которые предоставляют право соб-

ственности только дворянам. Но, несмотря на длинное изложение, опять таки не говорят, что именно это и есть опровержение того тезиса.

Программа является в нашей литературе одним из наилучших произведений республиканской пропаганды, разоблачающим монархию с помощью многосторонней и великолепной аргументации, теперь уже не только анти-габсбургской, но и имеющей антифеодалное содержание, как главного врага народа и прогресса.

Самая важная часть программы — это та, в которой они занимаются с крестьянством и «восстанием». Эта часть показывает, что якобинцы вплотную подошли к мысли союза с революционным крестьянством. Они описывают положение крестьянства при «подлой феодальной системе» такими пламенными словами, каких мы не встречаем до Пэтефи. «Существует ли какая нибудь разница в смысле обеспечения между рогатым скотом и рабами? — Абсолютно никакой! Как хозяин погоняет перед собой по своему произволу запряженных в плуг волов, также обращаются короли и аристократы с крепостными или рабами, т. е. как им хочется».¹²⁵ «Какие лишения претерпевают крепостные (!) от дворян? — Крепостные, которых они называют паразитами, вынуждены оставлять свои наполовину сделанные дела и по желанию господ идти работать на них, и эти же крестьяне должны спокойно переносить увеличение своих налогов и сборов. В некоторых провинциях эти бедные жертвы доведены до того, что и жаловаться на господ не могут, и, таким образом, им остается только грустный выбор: умереть от голода или убить тиранов-господ, чтобы быть потом повешенными как злодеи.»¹²⁶

Демократы провозглашают право угнетенных на революцию и с пафосом революционеров говорят о непобедимости народного восстания. «Перед насилием тиранов можно заставить молчать естественные права людей, но как только представится удобный случай для того, чтобы разбить цепи рабства, они сейчас же должны бить набат.» . . . Каждая нация может быть свободной как только она этого захочет. Тиран, отброшенный нацией, уничтожается, и тело нации его легко свергает.»¹²⁷

В первый период революции, в национальной борьбе против Габсбургов демократы рассчитывали на среднее дворянство, во второй период захотели воспламенить крестьянство против «подлой феодальной системы». Хотели поднять крестьянское восстание под их руководством. «Как происходит народное восстание? — Пусть крепостные, немогущие дальше терпеть иго рабства, сначала между собой выскажут свое простое

¹²⁵ Az emberek oktató könyvecskéje (Книжечка-инструкция для людей). Irodalom-történet 1950. № 3, стр. 111.

¹²⁶ Ук. соч., стр. 115.

¹²⁷ Ук. соч., стр. 111.

мнение об естественных правах человека письменно или устно, или установят их через взаимную связь. Позже те, кто имеет много талантов, и чьим сердцам просветительная философия открыла несчастья их сограждан, разоблачают вины короля и аристократов и восклицают, обращаясь к народу: Беритесь за оружие граждане! Принимаем присягу на свободу или на смерть.¹²⁸

Однако, для крестьянства конкретных требований не было составлено. В отношении среднего дворянства реформаторы сумели в катехизисе дать необыкновенно широкую конкретную программу, чтобы склонить его к союзу с ними, но в отношении крестьянства, кроме права относительно собственности и народного представительства, они не смогли дать ничего. Только в брошюре, под заглавием «Выгоды», отмечается, «Помощь бедным, посредством экспроприации многих благ», но касается ли это только королевских или церковных «благ», или относится также и к остальным, — не уточняется. Именно в крестьянском вопросе больше всего сказывается слабость движения. К крестьянству они приближаются для того, чтобы использовать его революционные силы для буржуазного преобразования, но вопрос его освобождения поднимают не крестьянским, а буржуазным образом. В своих организационных распоряжениях они обращают внимание на то, чтобы главным образом привлечь «священников, протестантских духовных лиц и нотариусов», о которых они по всей вероятности думали потому, чтобы они были руководителями крестьянства во время восстания. Однако, крестьянством они не занимаются столько, сколько средним дворянством. Для крестьянства они не создают ни программ, ни отдельных организаций, как делают это для среднего дворянства. Данные относительно связи с крестьянами еще не собраны, однако несомненно, что, несмотря на сознание важности крестьянства, они не смогли создать союза с крестьянами.

Также туманны их представления о революции, которую хотят «разжечь». Этим вопросом больше всего занимались Мартинович и Сентмарьяи, но у них также не могло быть реального представления о революции.

Этим вопросом они много не занимались, отложив его на то время, когда они будут уже достаточно многочисленными. Мартинович признался: «Относительно того, как надо было бы управлять государством во время восстания, мне это не было вполне ясно.¹²⁹ Вся организация была очень шаткой, связь между членами не была установлена. Сам Мартинович был в постоянной связи с руководством только через письма. Он рассчитывал получать от руководителей систематический отчет, но очередь до этого не дошла. Их организационная работа ограничилась вербовкой членов и распространением катехизиса. Каждый новый член должен был основа-

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ *Martinovics vallomásai* (Показания Мартиновича). *Fraknói*, Ук. соч., стр. 261.

тельно изучить катехизис и доставить двух других членов для передачи им этого катехизиса.

Вся организация была основана на пропаганде, как указывает Хорват Мартон. ». . Их движение, конечно, было более примитивным, чем декабристов. Современным языком это можно назвать только центром пропаганды, в то время как офицеры-декабристы в 1825 г. дошли до организации военного восстания.¹³⁰

Хотя члены организации не получили директивы вести пропаганду в более широких кругах вне организации, а не только среди вступающих в организацию членов, но, по всей вероятности, и без этой директивы они все же сделали больше. Это подтверждается листовками, найденными в 1794 г. во многих местах страны. По всей вероятности авторами их были или участники организации, или близко к ним стоящие лица, их друзья. Эти листовки доказывают и то, что были в стране люди более радикальные, чем Мартинович и Хайноци. Невозможно говорить, что сформировалось какое-то левое крыло, так как взгляды этих листовок еще более смутные и менее сформированные, чем у идеологов движения Мартиновича и Хайноци. Но эти листовки доказывают все-таки то, что в стране были элементы, которые, хотя и несознательно, но все-таки находились на более левой позиции; для них «права человека» на частную собственность не были так неприкосновенны и они непосредственно повернулись в сторону крестьянства.

В 1794 г. в г. Мишкольце была найдена одна из таких листовок. На одной стороне стояло: «Восстание», на другой же стороне:

«Убьём мы господ
От короля нам нечего ждать;
Ни капля крови это,
Хорошего не может дать.
Нас тысячи, оружие у нас в руках
И много есть крестов, и виселиц и прах.»¹³¹

В северной области страны задержали письмо на латинском языке, за подписью «Божьей милостью генералы простого народа и нации проживающей на территориях Савы, Дравы, Тисы и Дуная.» Требуется экспроприация владений церковных, королевских, высшего дворянства и дворянских и передача их народу и бедным дворянам. У господ, чиновников, духовенства, арендаторов надо отобрать оружие, дома, золото, серебро и посадить их самих под арест. У богатых евреев надо отобрать имущество, превышающее тысячу форинтов.¹³²

¹³⁰ *Horváth Márton*, Ук. соч., стр. 109.

¹³¹ *Eckhardt S.*, Ук. соч., стр. 161.

¹³² *Fraknói, Martinovics* (Мартинович). *Századok* 1879. стр. 61–62. (Подчеркнуто мною. — И. К.)

В Пеште также найдено много прокламаций. На одной из них подпись «Клуб якобинцев» и, между прочим, в ней говорится следующее: «О паннонийцы, о, гунны, следуйте моему совету, просите равенства и оно принесет вам свободу. Лучше анархия, чем проклятая монархия. Позорно быть подчиненными королю, как лошадь кучеру. Повинуйтесь приказам бога и законам природы. О, паннонийцы, о, гунны, беритесь за оружие и сделайте все классы равными.»^{132а}

* * *

Среди трудных и запутанных вопросов республиканского движения, самым трудным является понимание личности и политики Мартиновича. Мартинович с 1791 по 1793 г. был агентом королевской секретной полиции. Хотя в 1794 г., когда он начал организацию движения, он уже порвал с тайной службой, но до этого времени он регулярно посылал рапорты о различных движениях и втянул в эту деятельность также и Яноша Лацковича. Этот вопрос историографии до сих пор не удалось разрешить. Или умалчивали о нем, как Альберт Гардони¹³³ или оправдывали его, как Варади, Фейтё и Барабаш¹³⁴ или же использовали его для того, чтобы ошибками Мартиновича позорить все республиканское движение, даже всех республиканцев и материалистов, как сделали Фракнои, Мальус и их последователи.

Поведение Мартиновича надо понимать основываясь на анализе того времени, но оправдывать его нельзя, так как в этом случае мы приблизимся к гнилым взглядам социалдемократа Фейтё, который из ошибок Мартиновича выковал оправдания в интересе самых опасных предателей рабочего класса, в интересе тайных доносчиков полиции.¹³⁵

Мартинович был не беспринципным полицейским агентом, а умеренным буржуазным реформатором, ждавшим от «просвещенного» монарха распоряжений против дворянской и католической реакции. Только позднее, под влиянием событий он развивается в революционера и республиканца. Всю свою жизнь он боролся за буржуазное преобразование, но среди тогдашних венгерских условий не нашел правильного пути. Его личная заинтересованность, его стремления к авторитетному ученому положению и политической деятельности, сплелись с борьбой недворянской демократической интеллигенции за буржуазное преобразование.

Вслед за реакционными историками, стало обычаем преуменьшать его научные работы. Мною уже изложены взгляды Фракнои и «современ-

^{132/а} *Fraknoi*, Ук. соч., стр. 63.

¹³³ *Gárdonyi Albert*. Ук. соч.

¹³⁴ *Várady Zsigmond* Martinovics Ignác (Мартинович Игнац). 1909. *Fejtő*, Ук. соч., — *Barabás Tibor*, Martinovics Ignác (Мартинович Игнац). Будапешт, 1945.

¹³⁵ *Fejtő*, Ук. соч.

ного» Экхардта об его самой значительной философской работе: «Мемуары».

Мартинович является самым большим ученым-полигистором своего времени, высоко возвышающийся среди своих отечественных коллег. Он обладает исключительной многосторонней образованностью, говорит на девяти языках, занимается математикой, физикой, химией, механикой, философией. Особенно много занимается естественными науками и постоянно подчеркивает их значение в обучении. 25-ти лет он уже издает первую математическую диссертацию, после чего его научные статьи регулярно печатаются в различных зарубежных специальных журналах. Очень много он занимается возможностью практической реализации научных знаний. Он занимается вопросами использования галицийского керосина для практических целей, демонстрирует Иосифу II машину для резки табака, и Иосиф отклоняет ее с мотивировкой, что она делает излишней работу многих людей, его молотилки используются в Галиции и в Польше. Он конструирует много экспериментальных астрономических и физических приборов.¹³⁶ Его труды по естествознанию и философии должны быть еще обработаны, чтобы можно было увидеть целиком их значение.

Согласно его трудам 1788 г., Мартинович был в тот период еще очень умеренным реформатором, демократом его едва ли можно было назвать: «... с наибольшей вероятностью монархическая форма правления является наилучшей в том случае, если монарх заботится только о благосостоянии своих подданных и обременяет их только на крайне необходимое время, живет в мире с другими монархами, содействует промышленности и торговле, награждает достойных подданных и наказывает злоумышленников.»¹³⁷ Во время царствования Леопольда он находится в полном рабстве иллюзии абсолютистской демократии — другого пути к реформам, против дворянства и духовенства он не видит. Таким образом, он попадает в королевскую секретную службу как буржуазный реформист и последователь монархии. Пишет книги против дворян и церкви для популяризации монархического демократизма.¹³⁸ Леопольду II Мартинович и другие буржуазные реформаторы были нужны для того, чтобы популяризировать монархию в кругах недовольных, информировать о царящих в стране волнениях и использовать их для укрепления влияния на недворянские классы, чтобы привести их в движение с целью сопротивления дворянам. На это указывает письмо короля Франца наместнику Александру-Леопольду о Лацковиче. «Несомненно, что этот человек во время царствования моего

¹³⁶ См. относительно вышеприведенных данных *Martinovics irodalmi dolgozatai* (Литературные работы Мартиновича). *Fraknói, Martinovics élete. Függetlék.* (Жизнь Мартиновича. Приложения). *Gárdonyi A.*: Ук. соч., стр. 6—8.

¹³⁷ *Martinovics, Mémoires.*

¹³⁸ *Testament politique de l'Empereur Joseph II* (Политическое завещание императора Иосифа II) — *Oratio ad Proceres et Nobiles.* — *Oratio pro Leopoldo II.* итд.

отца работал по тому проекту, согласно которому хотели натравить крестьян против магнатов, о чем ты много знаешь.»¹³⁹

Репорты Мартиновича полны предложениями умеренных реформ, но королевская секретная служба не была путем для буржуазного преобразования. Этой своей деятельностью Мартинович совершил тяжелую и непоправимую ошибку, и эта ошибка была не только политической, но и моральной. В конце концов, другие демократы, верившие в путь монархического демократизма, не были по этой причине агентами королевской секретной службы. Но несомненно, что буржуазное движение вначале обычно сплеталось с королевскими придворными интригами. Леопольд II уполномочивает Гоффмана, автора памфлета против дворян, организовать буржуазию против дворян, а Салкаи посылает к крестьянам с подстрекающими листовками, которые он собственноручно контролирует.¹⁴⁰ Известно, что еще такие великолепные фигуры французской революции, как Мирабо и Дантон, завязали тайные нити с роялистическими кругами. И все же Французская Коммунистическая Партия упоминает о них таким образом: «Мы видим дела и людей коммунистическими глазами, в качестве представителей рабочего класса, мы можем оправдывать все их дела, как это делал Уго. Мы видим в них совершителей той же самой бессмертной и плодотворной работы. Мы чтим память каждого достойного работника французской революции в надлежащей степени. Мы благодарны тому Мирабо, который так ответил королевскому послу: «Скажи своему господину, что мы находимся здесь по желанию народа и уступим только силе штыков.

... Две недели тому назад в г. Троя, его родном городе мы цитировали лозунг того Дантона, который также пал. „Смелость, опять только смелость, всегда только смелость...“

Каждый в своем роде, был провозглашателем прогресса, жизненной силой прекрасной эпохи нашего народа.»¹⁴¹

Мы не оправдываем тяжелые ошибки Мартиновича. Но мы не можем оттолкнуть от себя автора «Мемуаров», первого венгерского философа материалиста, человека, выработавшего программу и организационные формы первого республиканского движения, написавшего великолепное «Открытое письмо», восставшего против контрреволюционной интервенции во Франции. Несмотря на свои ошибки, Мартинович был несомненно представителем прогресса, он принадлежит к той многовековой «прекрасной эпохее» нашего народа, во время которой наш народ боролся против фео-

¹³⁹ *Mályusz, Sándor Lipót. Iratok.* (Александр-Леопольд. Письма.) № 89, стр. 575.

¹⁴⁰ *Mályusz. A magyarországi polgárság.* (Венгерская буржуазия.) Стр. 256.

¹⁴¹ *M. Thorez, A százötvenedik évforduló. Tanulmányok a francia forradalomról.* (Стопятидесятилетний юбилей. Исследования о французской революции). Будапешт, 1949. стр. 10.

дализма и иностранного господства. Борьба против феодализма и иностранного господства в различные эпохи дала борцов различных способностей и различной личности, каждый из которых показывал врагу свои различные стороны и принимал в борьбе различное участие.

В этой борьбе Мартинович совершил не маленькие ошибки, однако, под влиянием французской революции он сумел развиться налево, стал способен восстать против растущей реакции. Пример французской революции очистил от грязи его прошлое и развил в нем дальше все то, что было в нем ценное. Таким образом из реформатора он становится революционным заг ворщиком, из монархиста республиканцем, из исполнителя королевских секретных планов мучеником. Это развитие не идет гладко, оно было полно колебаний, возвращений назад, попыток не податься слишком налево, но все же доходит до организации тайного республиканского общества, за которое он умирает мученической смертью.

После смерти Леопольда II Мартинович продолжает посылать свои рапорты Францу I, но возражает против ликвидации пережитков иозефинистской политики и просит прекращения интервенционистской войны против французской революции, восстановления свободы печати, исполнения намеченных Иосифом II реформ.

»Неправильно раздувать внутренние неудовольствия в разгар внешних осложнений. Я теперь ничего собой не представляю, но жертвуя моим спокойным счастьем я не боюсь заявить, что все те, кто посоветовал вашему величеству войну против французов и теперь считают актуальным проведение больших реформ (т. е. возвращение к старой дворцовой политике), все настоящие якобинцы, которые хотят погубить самого справедливого монарха и цветущую монархию.«¹⁴² После этого он пишет «Открытое письмо» против короля, требуя прекращения интервенции.

Много раз он рвет с тайной службой, но снова возвращается к ней. Он не хочет порвать с иллюзией монархического демократизма, не хочет поверить, что от Габсбургов нельзя ждать даже умеренных реформ. Он не понимает, что французская революция вызвала основную перемену в политике Габсбургов. Поэтому снова и снова он штурмует Франца I планами, угрожает в своих рапортах восстанием, опасным для Франца, если тот не откажется от интервенции и не вернется к реформам Иосифа. Мартинович вступает на путь республиканского заговора боясь и сомневаясь, он не чувствует себя и демократов достаточно на то сильными, но наконец всё-таки, после долгих колебаний и возвращений, порывает с королем и не с демократическими взглядами. Мартинович идет налево, в то время как другой человек, Гоффман, которого королевская секретная служба использовала против дворян, идет направо. Мартинович порывает с королем, чтобы стать

¹⁴² *Fraknoi, Martinovics élete.* (Жизнь Мартиновича). стр. 74.

демократом, Гоффман порывает с планами буржуазных реформ, чтобы остаться монархистом.

Перед вступлением на путь тайной организации, он делает еще одну попытку возразить дворянский реформизм. В сентябре 1793 г. ходит слух, что Франц I для получения одобрения войны созывает сейм. Мартинович с Лацковичем составляют воззвание к комитатским делегатам и проект конституции. В одном из воззваний они пишут: »Первый народ мира, французский народ, ведет неумолимую войну против королей, попов и аристократов: его сила, добродетели и принципы завоюют победу, которая в течение нескольких лет освободит все нации, бывшие до сих пор угнетенными как скот, уделяя им благословление свободы и равенства! . . . План новой венгерской конституции содержит в себе тоже гарантии будущего счастья и славы нации . . . Пусть никто не боится, потому что тираны и попы бессильны, если народ их не поддерживает. Всякий народ, желающий быть свободным и солидарным, будет свободным . . .«¹⁴³

План конституции и воззвание не были разосланы, так как Франц не созвал сейма. Эта слабая возможность также окончилась неудачей, и так не осталось ничего другого, как тайная организация.

В своем личном развитии Мартинович пробегает путь тех партий, которые во французской революции боролись одна против другой в кровавых классовых столкновениях. Там якобинцы свели счеты с жирондистами, здесь он из жирондиста становится якобинцем, из реформатора революционером, из монархиста республиканцем. Буржуа, за которым нет буржуазии, до самого конца колеблется, переходит с одной стороны на другую. Он отравлен клерикальным духом, в которомон вырос, и интригами королевского двора, где протекала его деятельность, но он перешагнул через них и боролся против них, но его дух, даже в революционный период все еще находился в их плену. Типична неоднородная фигура, рожденная рассветом буржуазии. Гениальный в области идеологии, он видит то, на что неспособно даже следующее столетие, но в политике он колеблется.

В 1794 г., начиная создавать организацию, Мартинович уже не тот, каким он был, т. е. монархическим реформистом дошедшим вплоть до королевской тайной службы, но все же он не освободился полностью от своего прошлого, что показывают его колебания после ареста. Но республиканское движение не является движением людей, подобных Мартиновичу и Лацковичу, потому что это не движение отвернувшихся от королевской секретной полиции, заблуждавшихся людей, а таких великолепных революционных демократов, как Сентмарья, Хайноци, Эз, Бачани, Вершеги и другие, которые не запачкали себя связью с тайной полицией и во время иллюзий монархического демократизма. Хотя они составляли только тонкий

¹⁴³ Ук. соч., стр. 93 - 94.

слой нашего общества, но все же их было столько, что можно установить, что здесь речь идет не о одиноких планетах, а об общественной силе, которая под влиянием французской революции искала в феодальной Венгрии дорогу буржуазного преобразования и, по всей вероятности, она пришла бы к созданию организации и без инициативы Мартиновича. Если республиканское движение не тождественно с Мартиновичем, все же Мартиновича нельзя отделить от него. Его коренные ошибки исходят из тех же особенностей исторической ситуации, которые создали и движение. Без Мартиновича движение было бы более бедным. Мартинович ведет самую большую идеологическую работу, он последовательнее всех подходит к материалистической философии, он пишет самые пламенные воззвания против интервенции, он составляет программу организации, он инициатор движения.

Работы Мартиновича, если мы их рассмотрим по отдельности, имеют недостатки, местами ошибкой является безразличное отношение к национальному вопросу, местами феодальные преграды. Мартинович один, своей собственной силой не был способен разрешить проблемы колониальной и феодальной Венгрии. Долгое время он ищет для этого поддержки в короле, таким образом он становится монархистом. Позднее, повернувшись против короля и сойдя с пути тайного агента, он ищет того же в организации, тогда он обращается к среднему дворянству, против которого он до сих пор боролся. Опираясь на короля, он разоблачал дворян и клерикалов, опираясь на дворян, разоблачал колонизаторов и монархию. Таким образом, если мы разбираем его работы не в отдельности, а все вместе, то получаем такую критику феодальной и колониальной Венгрии, на которую никто не был способен в XVIII. веке.

Судьба республиканского движения была такова, что оно оказалось изолированным от всех классов, и опиралось только на тонкий слой демократической интеллигенции. Для развертывания более широкой борьбы можно было надеяться только на союз со средним дворянством, но движение могло быть создано только тогда, когда борьба среднего дворянства была уже окончена. Для того, чтобы демократы стали республиканцами и повернулись против Габсбургов, надо было, чтобы произошел поворот Габсбургов при Иосифе II и поворот среднего дворянства при Леопольде II. Для того, чтобы демократы поняли значение национальной борьбы среднего дворянства и искали с ним союза, надо было, чтобы среднее дворянство отказалось от национальной борьбы. Но так, как в то время не понимали политики Иосифа II и Леопольда II и надеялись получить от них буржуазные реформы, теперь не понимают политики среднего дворянства и надеются, что оно будет вести национальную борьбу тогда, когда оно уже порвало с ней.

В то время как демократы должны были бы быть изолированными от среднего дворянства, они сами себя изолировали от крестьянства. На дороге

к объединению стоит в первом случае феодализм среднего дворянства, во втором случае буржуазная умеренность демократов. В эти годы крестьянство также ведет тяжелую кровавую борьбу против феодальной системы, то одна, то другая борющаяся группа поворачивается в их сторону, но только для того, чтобы использовав их для своих целей, оттолкнуть их опять. Крестьянство не встречает настоящего союзника. В 1789 г. среднее дворянство кокетничает с ними, чтобы завербовать их против Иосифа II, но известно, что после первых же побед оно поворачивается против них. В 1790 г. Леопольд II подбадривает их на борьбу против дворян и вскоре, после заключенного с дворянами компромисса, он также изменяет им. Самой большой ошибкой демократов является то, что, хотя они видели необходимость союза с крестьянством, но все-таки не осмеливались опираться на него в достаточной степени. Таким образом, оба класса остаются изолированными и когда король наносит им удар, страна молчит. Франц и его люди видят призраки, но когда они сосредоточивают солдат на время казни, нигде нет признака сопротивления. Движение проваливается. Иозеф Реваи пишет: «Для того, чтобы буржуазный прогресс мог стать на плебейско-революционный путь, ситуация в Венгрии еще не созрела: по этой дороге могли пойти только маленький авангард, а не широкие народные массы.»¹⁴⁴

В июне 1794 г. начались аресты. Франц топил движение в крови. Против шестидесяти человек возбуждается судебный процесс, выносятся двадцать смертных приговоров, семерых казнят, двоих обвиняемых доводят до самоубийства и двадцать семь приговариваются ко многим годам заключения в крепости. Цель их устрашение всех, кто является, хотя бы и в небольшой степени, последователем демократических идей и буржуазного преобразования. По доносам кабатчиков, на основании полицейских доносов возбуждаются процессы оскорбления величества. В меморандуме, адресованном королю, Александр-Леопольд выработал целую систему реакционных, каркюющих мероприятий для дальнейшего укрепления влияния католической церкви, для полного прекращения образования крестьян, для пересмотра всей школьной системы, для удаления демократических педагогов. Смещается пять профессоров университета, двоих высылают из Пешта. Даже преподавание Канта запрещается, под той мотивировкой, что «... он поддерживает необоснованные сомнения и ведет к скептицизму.» Литературная жизнь тоже останавливается. Михай Хорват пишет: «Настроение действительно угнетенное. Те, кто раньше придерживался демократических принципов, видя грустный конец своих товарищей, затаил глубоко в тайниках своей души собственные убеждения...»¹⁴⁵

В XVIII столетии в Венгрии еще не было выхода из феодализма.

¹⁴⁴ Révai József, Ук. соч., стр. 12.

¹⁴⁵ Horváth M., Ук. соч., т. 6, стр. 152.

Движения, происходившие с 1790 по 1794 гг. был прологом революции 1848 г. Те же слои общества вступают в борьбу, для достижения тех же целей, как и в 1848 году, только недоразвитые на пятьдесят лет. Поднимаются те же проблемы, за которые происходят большие столкновения в 1848 году, только слабее чем там и иногда искаженно. Даже ошибки движения 1790 гг. были и в 48 году, но 48 год смог быть 48 годом именно потому, что сумел избежать того, что в 1794 г. причинило крах. Венгерские якобинцы не только подняли проблемы, но и указали выход, хотя и не были способны осуществить это. Только они смогли в своей программе связать национальную независимость с буржуазным преобразованием, они раскрывают за полстолетия до ее осуществления мысль взаимодействия демократов и среднего дворянства, они указывают крестьянским «набато» самый главный вопрос буржуазного преобразования. Прав был Кошут, говоря о них «... идеи... 1789 года были утренними жаворонками, те идеи, которым через 50 лет мы дали тело.»¹⁴⁶ Якобинское движение вместе с ошибками содержит в себе наши самые великие традиции.

Их борьбу мы понимаем полностью только теперь, когда народ победил и с помощью Советского Союза построил свое собственное государство. Венгерская буржуазия никогда не осуществила великих исторических задач, выставленных представителями ее рассвета. Здесь показывается, что слабость буржуазии была не только отрицательным фактором в движении, но и положительным, так как именно слабость буржуазии сделала возможным, чтобы ее первые представители выставили более смелые цели, чем позже, когда она уже укрепилась. Надо было победить венгерскому рабочему классу для того, чтобы осуществить полностью эти цели, так как буржуазия предала их.

Только с победой рабочего класса стало возможным «затоптать» «три бича человечества», монархию, дворянство и клерикальную реакцию: только рабочий класс смог осуществить независимую венгерскую республику, дающую полное равноправие национальностям, передачу церковного имущества народу и внешнюю политику, построенную на союзе с передовым революционным государством. Борьба венгерских якобинцев, чтобы воспрепятствовать интервенции против французской революции, приобретает теперь новое значение, показывая пример всем борцам за мир. Мы сохраним со справедливой гордостью память о них.

И. Като

¹⁴⁶ Kossuth L. A »Századok.« 1877.

Etienne Kató

LES PROBLÈMES DU MOUVEMENT JACOBIN HONGROIS

La Révolution française de 1789 a provoqué de vastes mouvements de classes en Hongrie. Les intellectuels hongrois démasquèrent dans leurs pamphlets spirituels la politique de la réaction cléricale et de la noblesse féodale ; leurs meilleurs représentants adoptèrent le matérialisme, mais ils commirent l'erreur d'attendre de l'absolutisme éclairé des Habsbourg la transformation bourgeoise du pays et de se montrer indifférents à l'égard du problème de l'indépendance nationale. C'est la noblesse moyenne qui mena la lutte contre l'oppression nationale des Habsbourg, mais elle s'opposa aux revendications antiféodales de la paysannerie, de la bourgeoisie et des intellectuels. C'est grâce à l'appui temporaire des démocrates et des nationalités que Léopold II réussit à étouffer le mouvement de la noblesse moyenne qui était prête à s'armer. Un compromis fut conclu entre la noblesse moyenne intimidée et effrayée par les progrès de la Révolution française et entre les Habsbourg. L'empereur François liquida les derniers restes du joséphisme et déclencha la guerre contre la France révolutionnaire. Alors les intellectuels hongrois se détournèrent des Habsbourg et luttèrent contre la guerre d'intervention par tous les moyens de la propagande et par d'aide matérielle accordée aux prisonniers français. Au début de 1794, ils organisèrent sous la conduite d'Ignace Martinovics une conspiration contre les Habsbourg qui se fixa comme but la création d'une république fédérative indépendante. L'élite des intellectuels hongrois, les poètes Bacsányi, Verseghy, Szentjóni-Szabó, l'écrivain Kazinczy etc. furent vite gagnés à cette cause. Les représentants les plus remarquables du mouvement furent : le jeune Szentmarjay qui recruta le plus grand nombre d'adhérents, Hajnóczy qui déploya une vaste activité idéologique et Paul Óz qui fut exécuté, car même devant le tribunal il défendit les idées républicaines. — L'initiateur du mouvement, l'élaborateur de son programme fut Ignace Martinovics, le plus grand savant et philosophe hongrois de cette époque. Avant que les idées du socialisme scientifique ne rayonnent en Hongrie, ce fut Martinovics qui donna l'exposé le plus large du matérialisme philosophique dans ce pays. Au début réformiste bourgeois modéré, il mit tout son espoir dans le joséphisme. Lorsque Léopold se montra prêt à appuyer les mouvements déclenchés contre la noblesse hongroise, il entra au service de la police secrète et ce n'est qu'en 1793 — après beaucoup d'hésitations — qu'il rompit ses relations avec elle. Inspirés de la haine envers tout ce qui est républicain ou matérialiste, les historiens réactionnaires ont avant tout mis en relief les erreurs commises par Martinovics pour pouvoir discréditer le mouvement des jacobins hongrois. — Les jacobins hongrois créèrent deux organisations : la Société des Réformateurs qui aurait eu pour tâche de grouper autour d'elle la noblesse moyenne, et la Société de l'Égalité et de la Liberté qui aurait dû être l'organisation des démocrates radicaux. Chacune de ces organisations avait son programme spécial. Les jacobins hongrois avaient comme projet de gagner la noblesse moyenne pour une insurrection nationale contre les Habsbourg, puis se tourner contre elle en appelant les paysans à la «révolte» et créer avec leur aide la république bourgeoise. Ainsi ils furent les premiers à vouloir lier la lutte pour l'indépendance nationale à la lutte menée pour la transformation bourgeoise du pays. De plus, ils ont reconnu que sans l'appui de la paysannerie aucun mouvement progressiste ne peut réussir. Les mouvements de la bourgeoisie hongroise de l'époque suivante n'ont jamais atteint ce radicalisme et cette attitude courageuse. Cependant le mouvement jacobin ne s'appuya que sur les intellectuels démocrates et ne put se créer une base sociale plus large. La bourgeoisie hongroise était encore trop faible, la noblesse moyenne s'est ralliée aux Habsbourg et l'alliance avec la paysannerie ne pouvait pas être conclue. Isolé de toutes les classes sociales, leur mouvement fut facilement écrasé par les Habsbourg. En juin 1794, la conspiration fut découverte, ses chefs furent exécutés et ses participants condamnés à de longues peines de prison.

ВЕНГЕРСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Накануне первой мировой войны почти во всех капиталистических странах наблюдалось нарастание все более явного коизиса господствующего политического строя, исключительное обострение классовых противоречий, небывалый мощный подъем массовой борьбы рабочего класса. Невозможно во всей полноте оценить политику финансово-капиталистических групп и представляющих их империалистических правительств оставив без внимания то обстоятельство, что развязывание мировой войны в 1914 году кроме «передела мира» как основной цели, привлекало крупнобуржуазные и крупно-помещичьи круги отсрочкой внутривнутриполитического кризиса, в отдельных империалистических странах принимавшего в этот период резкие формы, переводом все более угрожающего массового недовольства на шовинистические рельсы, ликвидацией «кратким путем» все более боевого массового выступления рабочего класса. Таково было положение не только в царской России. Хотя и в другой форме и размерах, но эти явления были заметны и в Германии, Италии, Франции, Англии а также и в других странах. Ленин не однажды указывал на эту сторону империалистической войны :

»Борьба за рынки и грабеж других стран, стремление пересечь революционное движение пролетариата и демократии внутри страны, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны.«¹

• »Всеобщий европейский политический кризис, предшествовавший первой мировой войне, «с особой силой должен был проявиться в Венгрии, которая после царской России была, можно сказать — «самым слабым звеном» в империалистической системе.

»Ни в одном государстве война не положила одним ударом конец, такой ослабленной внутривнутриполитической борьбе, как в Венгрии. После ожесточенной борьбы и накануне новых боев, война разрушила запутавшийся узел внутривнутриполитического положения.«²

¹ В. И. Ленин, Сочинения. Изд. 4-ое, т. 21, стр. 1.

² *Garati Ernő*, Magyarország és háború (Венгрия и война). Журнал «Szocializmus». Март. 1916. г., стр. 10.

Этими словами характеризовал положение лидер реформистской социал-демократической партии Эрнё Гарамии. Баррикадные бои будапештских рабочих 23 мая 1912 года, все растущее движение угнетенных национальностей, накопление огромного недовольства среди крестьян — все это были такие явления, подобные которым наблюдались в этот период лишь в царской России. Венгерские условия приближались к тому положению, когда «низы» не хотят старого, а «верхи» не способны продолжать управлять по-старому. Здание дуализма трещало по всем швам. Дикие выходы графа Тисы³ сорвали последнюю маску с венгерского «парламентаризма», видимость которого поддерживалась до сих пор тысячами форм насилия и хитростей бар. Парламент, в котором совершенно не было представителей рабочего класса и трудящегося крестьянства, бойкотировался теперь уже и буржуазной оппозицией⁴ и национальными меньшинствами.

Все более ненавистная фигура графа Тиса стала воплощением безудержного насилия. Накануне мировой войны 1914 года в венгерской общественной жизни господствовала атмосфера гражданской войны. «... Эта маленькая, тысячу раз скованная страна взрывается.» «Мы стремительно мчимся в революции» — писал крупнейший венгерский поэт этой эпохи, великий демократ — Эндре Ади.

Опасность революционного взрыва народного гнева, демоклитовым мечом повисла над головой венгерских господствующих классов. Не удивительно, что от встающих перед ними проблем, угрожающих революционным взрывом, они спаслись, бросаясь в военную авантюру, явно исходя из соображения, что «тот, кто выигрывает время, выигрывает жизнь». Это на некоторой степени разрешает ту «загадку», почему венгерские господствующие классы в 1914 году, после определенных колебаний, поддерживали войну, хотя она не обещала им непосредственных внешнеполитических выгод и даже в случае счастливого исхода, таила в себе не одну опасность для них. Это является одним из объяснений того, почему все партии венгерского парламента, не исключая и оппозиции, встретили единодушным «наконец» весть об объявлении войны — Сербии⁵, хотя было ясно, что это лишь первое звено большой мировой войны, которая будет вестись в интересах

³ Граф Иштван Тиса был с 22 мая 1912 года председателем палаты депутатов. Он неоднократно прибегал к выводу военной силой из зала заседания депутатов членов оппозиции. С июня 1913 года по июнь 1917 года он был премьер-министром Венгрии.

⁴ «... Оппозиция теперь уже только в определенных случаях и только для протеста и в виде демонстрации принимала участие в заседаниях парламента, но она не принимала места, предоставляемые ей в президиуме и в комиссиях и вообще считала все положение нелегальным». (*Garami*, там же).

⁵ На заседании парламента 28 июля 1914 года граф Альберт Аппони в связи с тем, что монархия объявила войну Сербии, «по поручению всех оппозиционных партий» заявил: «... Мы полностью проникнуты сознанием того, что этот начавшийся расчет был неизбежен... На начале этой расправы мы можем ответить лишь единственным словом, словом, которое на устах всего общества: Наконец-то!» (Оживленное одобрение со всех сторон парламента.) Дневник парламента. 1910—15 год. XXVI., стр. 192.

чуждых не только венгерскому народу, но и в известной мере также венгерским господствующим классам.». . . Центральные державы имели в мировой войне множество таких военных целей, которые вовсе не совпадали с интересами венгерской буржуазии.»⁶

Конечно, это была авантюристская политика, и к тому еще, самая «первоклассная». Венгерские господствующие классы должны были знать, что Австро-Венгерская монархия и в частности Венгрия ни экономически, ни политически, ни в военном отношении не была подготовлена к такому тяжелому испытанию, как мировая война. Ждать от мировой войны и в ней — от победы германского империализма преодоления острых и многогранных социальных противоречий страны, вытеснения или исчезновения таких огромных и все более жгучих проблем, как проблемы национальной независимости, раздела земли, демократического преобразования страны и т. д. — было не только полностью реакционным, но и в такой же мере безрассудным делом. Но венгерские господствующие классы слепо верили в победу «германского орудия» и, опираясь на прусский дух, надеялись на увеличение своего веса в монархии, внутри же страны на неизменное и нерушимое сохранение своего господства. Истинным воплощением этой слепоты был премьер-министр граф Иштван Тиса. Он был непоколебимо убежден не только в победе немцев, но и в совершенстве и непреодолимой силе системы дуализма. «В этой войне, дуализм блестяще постоял за себя» — сказал на заседании парламента 30-го ноября 1914 г.⁷ Авантюристическая политика венгерских господствующих классов, их неспособность считаться с реальным соотношением сил еще более усугубили тяжелое положение страны, делали еще более неотложной необходимостью, чтобы во главе страны встал новый руководящий класс. А это не могло произойти иначе, как путем революции. Таким образом мировая война должна была закономерно еще больше обострить все противоречия венгерского общества, еще более вскрыть всю несостоятельность существующего строя. Те страдания, которые принесла мировая война венгерским народным массам, бесстыдный цинизм и огромный эгоизм венгерских господствующих классов, с особой остротой проявившиеся в период войны, должны были еще больше углубить революционный кризис, зреющий в недрах венгерского общества.

В то же самое время несомненно, что война отсрочила — по крайней мере, на некоторое время — разрешение внутренних проблем Венгрии. В первые месяцы войны волны шовинизма залили общественную жизнь и в Венгрии. Правительству, лозунгом «национального единства» удалось оттеснить на задний план или по видимости уладить внутренние вопросы венгерского общества, ждущие своего разрешения. Граф Тиса не раз

⁶ Речь Матиаса Ракоши перед фашистским судом. *A Rákosi per* (Процесс Ракоши). Будапешт, 1950. стр. 371.

⁷ *Képviseleti Napló* (Дневник парламента), 1910 — 15 гг., т. XXVI, стр. 209.

в первые месяцы войны с удовлетворением подчеркивал это. «Не стоим ли мы ближе к друг другу, чем когда-либо в этой стране, без различий партийной, религиозной, классовой и национальной принадлежности?»⁸ Он же заявил в венгерском парламенте: «Эта борьба утишила межпартийные раздоры, утишила классовую борьбу, оттеснила на задний план национальные противоречия...»⁹

В отсрочке революционного кризиса, зреющего в венгерском обществе, на ряду с террористическими военными мероприятиями правительства и его безудержной шовинистической пропаганды, огромную роль играла и отрицавшая пролетарский интернационализм социал-шовинистическая политика руководителей венгерской социал-демократической партии, единственной тогда венгерской рабочей партии. Дело в том, что принципиальное и практическое поведение венгерских социал-демократических и профсоюзных руководителей в период первой мировой войны в основном шло на пути социал-шовинизма.

Социал-шовинизм социал-демократических лидеров не всегда проявлялся одинаково открыто. В первые месяцы войны они совершенно открыто выступали на стороне империалистической военной политики собственной буржуазии, венгерских господствующих классов. Во второй половине войны, — под влиянием того, что поражение центральных держав становилось все более вероятным и, главным образом потому, что открытая социал-шовинистическая политика совсем изолировала бы их от масс венгерского рабочего класса, все больше настроившихся против войны, — они, подобно социал-шовинистам других стран, все больше провозглашали пацифистские фразы и старались побудить буржуазию к большей «эластичности», и ставить ставку и на другую карту.

В первые месяцы войны социал-демократические партийные и профсоюзные руководители мотивировали свою открыто «оборонческую» позицию опасностью вторжения русской армии в Венгрию.

«Угрожающая опасность русского нашествия принудила социалистические партии в Австрии и Венгрии к тому, чтобы они считали защиту

⁸ Иштван Тиса, *A háború hatása a nemzetre* (Влияние войны на нацию). (Полное собрание соч. графа Иштвана Тиса. Т. I, стр. 675).

⁹ *Képviseleti Napló* (Дневник парламента) 1910 -- 1915 гг. Т. XXVI, стр. 209...»
Благотворным» влиянием войны с точки зрения достижения мира между классами были особенно довольны те, основным призванием которых было провозглашение гармонии между классами, утихомиривание борьбы угнетенных против угнетателей: высшие священники церквей. «Единство, которого не мог достичь вековой труд, было сразу же создано войной... Собственно говоря, истинный мир существует лишь с начала войны, до войны настоящего мира не было» -- писал глава католической церкви того времени в Венгрии, кардинал Янош Чернох. «Egyház és háború» (Церковь и война), Будапешт, 1915, ноябрь-декабрь. То же самое проповедывал епископ Прохаска и остальные.

страны превыше всех интересов,¹⁰ — писал в этот период Гарамии. Это, однако, далеко не являлось его личной и обособленной точкой зрения. Статьи других социал-демократических руководителей, написанные в период войны, отражают то же самое воззрение.¹¹ Так, например, Вельтнер также считал полностью обоснованной и правильной «оборонческую» позицию социал-демократической партии, ссылаясь на то, что антивоенная революционная борьба не была обязанностью рабочего класса, такая борьба была безперспективной, более того, вредной.

«Рабочий класс... — писал Вельтнер, — никаким международным решением не обязывался к тому, чтобы военной и производственной забастовкой воспрепятствовать мобилизации и возможности войны... Применение революционных средств только в отдельных странах приостановило бы подготовку к войне, и это означает, что эти государства в качестве легкого трофея достались бы тем государствам, которые подавлением рабочего движения смогли бы развить свою военную готовность.»¹²

Как мы видим, венгерские оппортунистические лидеры рабочих применяли те же лозунги, которые провозглашались повсюду открытыми и скрытыми социал-шовинистами — в противовес точке зрения интернационалистов, в частности большевиков, последовательно направленной против империалистической войны.

«Если мы согласимся с тем, — продолжал Вельтнер, — что Интернационал не имеет достаточно сил для воспрепятствования войны, если нам ясно, что русское вторжение нежелательно, то нужно содействовать работе главного командования... А здесь нельзя останавливаться на пол-пути.»¹³

Венгерские социал-демократические вожди одобряли то, что руководители рабочих партий в большинстве ведущих войну стран голосовали за военные кредиты, более того, они вступали в состав военных кабинетов.

«. . . Сильная и большая социалистическая партия, — пишет Гарамии, — вынуждена занять место в правительстве национальной обороны, если таковое образуется... То, что мы, венгерские социалисты, не голосовали за военные расходы против русского вторжения, по моему убеждению зависело не от

¹⁰ *Garami Ernő*, *Az Internacionálé és a háború* (Интернационал и война). Журнал «*Szocializmus*», 1914—15. № 10—12

¹¹ В самом начале войны даже Эрвин Сабо написал с точки зрения «*salus belli suprema lex*» (успех войны — самый главный закон) — как он сам выражается — работу: *A háború és a gazdasági élet* (Война и экономическая жизнь). «*Huszadik század*», октябрь 1914 г. Правда, уже через год, — когда Гарамии и его единомышленники еще открыто отождествляли себя с военными целями империалистической венгерской буржуазии, — Эрвин Сабо уже писал, что «Маркс и Энгельс одобряли не войну, а лишь освободительную войну». («*Szocializmus*», 1914—15 г., № 10—12).

¹² *Weltner Jakob*: *Válságok* (Кризисы). «*Szocializmus*», март 1916 г., стр. 36.

¹³ Там-же. Подчеркнуто мною. Э. А.

нашей позиции, а от того, что мы не имеем избирательного права.»¹⁴

Венгерские социал-демократы заняли позицию не против Шейдемана и Эберта — продавших пролетарский интернационализм — а против левых элементов, выступающих против империалистической войны, более того, они одобряли даже политику центристов. В декабре 1917 года, то есть в последнем этапе войны, после Октябрьской революции, Жигмонд Кунфи следующее писал о «единстве рабочего движения»:

«. . . Изучение и наблюдение событий рабочего движения убеждает в том, что единое выступление гораздо важнее, даже если оно и не совсем правильно, чем расчлененное движение, даже если принципиальные основы одного правильнее другого.»¹⁵

Гарампи также видел «опасность» в том, что внутри германской социал-демократической партии очередь дошла до расхождения во мнениях и внутренней борьбы и считал «досадным» фактом то, что в связи с этим произошло «нарушение дисциплины» со стороны недовольных социал-демократических руководящих элементов. «Война, — писал он, — самое воплощенное действие. Решения или принципиальные точки зрения ничего не стоят в ней.»¹⁶

По вопросу Интернационала венгерские социал-демократические лидеры заняли ту же позицию, что и социал-шовинисты других стран: второй Интернационал не потерпел крах, после войны он снова оживет на основе предоставляемой друг другу взаимной амнистии. Нет необходимости в новом Интернационале.

«Кто поверит, что, например, то обстоятельство, что с одной стороны, франко-бельгийские, и с другой стороны, немецкие социалисты по существу делали одно и то же, — это создаст непроходимую пропасть между ними?... Мы уж пойдем друг друга ибо, гдеж найти такого челсвзка имевшего бы смелость сказать, что он в этом ужасном круговороте времен никогда не заблуждался»¹⁷

При этом речь шла не только о том, что венгерские социал-демократические вожжи оказались на фарватере более крупных и авторитетных партий, в частности и в германской социал-демократической партии, и повторяя ее лозунги. Нет, оборонческая точка зрения руководителей венгерской социал-демократической партии в период империалистической мировой войны являлась следствием того, что они приняли империалистическую политику венгерских господствующих классов. Каковы были цели, которых венгерские господствующие классы хотели достичь путем участия в

¹⁴ *Garami Ernő, Az Internacionálé és a háború* (Интернационал и война). Журн. «Szocializmus» 1914—1915 г., № 10—12. Подчеркнуто мною. Э. А.

¹⁵ *Tények és gondolatok* (Факты и мысли). «Szocializmus». 1914—1915. № 10—12.

¹⁶ *Garami Ernő*, Ук. соч.

¹⁷ Там-же.

мировой войне на стороне германского империализма, Гарамии излагает следующим образом:

«Победа Антанты может в лучшем случае привести к расчленению ослабленной монархии и превращению из ее частей в «независимую Венгрию». Венгерским господствующим классам нужно не это. Им нужна сильная монархия, в которой перевес вместо Вены должен быть в Будапеште и в которой они на территории сегодняшней Венгрии должны иметь абсолютную гегемонию над всеми другими национальностями... То, чем соблазняет венгерские господствующие классы победа центральных держав — укрепление гегемонии венгров как в Венгрии, так и во всей монархии — для них это является более значительной ценностью, чем независимость ампутированной Венгрии.»¹⁸

Гарамии совершенно открыто подчеркивает, что, по его мнению, таковы же интересы венгерского рабочего класса.

«... Для венгерского рабочего класса расчленение Венгрии представляет такой же малый интерес, как и для господствующих классов. Организованный рабочий класс Венгрии должен был прийти к этой «патриотической» точке зрения не только приспособившись к принудительным обстоятельствам войны, но и на основе объективных моментов, вытекающих из положения.»¹⁹

Это было открытым выступлением за военные цели венгерских господствующих классов, за венгерский империализм, за угнетение десяти миллионов людей других национальностей, и в то же время за сохранение зависимого, полукOLONИАЛЬНОГО положения Венгрии. Это был открытый отказ от тех демократических задач, срочное разрешение которых было жгучей необходимостью для венгерских народных масс, в первую очередь для рабочего класса Венгрии. Занятием такой позиции венгерские социал-демократические лидеры отказывались не только от идей социализма, но даже от самых элементарных требований буржуазно-демократического развития. Тем самым руководство венгерской социал-демократической партии перестало быть движущей силой демократического развития страны, стало по существу орудием политики коррумпированных, алчных венгерских господствующих классов, антинародного венгерского правительства. Оно не ориентировало, а дезориентировало венгерские рабочие массы в отношении ближайших задач. Логическим следствием этой политической позиции венгерских социал-демократических руководителей была поддержка империалистической войны в интересах венгерских господствующих классов всеми теми средствами, которые имелись в распоряжении социал-демократической партии и профсоюзов.

¹⁸ *Garami Ernő*, Magyarország és a háború (Венгрия и война). «Szocializmus» 1916.

¹⁹ Там-же. Подчеркнуто мною. — Э. А.

Центральный орган Венгерской социал-демократической партии, газета «Непсава», в первые месяцы войны в таком духе и тоне выступила на стороне военных усилий центральных держав, которые не отставали от военного подстрекательства самых реакционных и шовинистических буржуазных газет. Подобно своим германским и австрийским коллегам, венгерские социал-демократические вожди также старались представить центральные державы так, как будто они ведут справедливую войну в защиту демократии, «против режима нагайки», против царского самодержавия. Под этой маркой «Непсава» пела дифирамбы о героизме и силе армии центральных держав.

«Кружится голова, когда мы думаем о величине усилий, которыми наша армия сотрясает дерево русского царизма, уходящего корнями в угнетение и преступления. Души наши наполняются изумлением и уважением, когда мы думаем о той смелости, храбрости, самоотверженности сотен тысяч наших братьев, являющихся беспримерными в мировой истории образцами морального величия, солидарности... Гром пушек, треск пулеметов, стрельба манлихеров, нападения конницы и штыковые атаки пробуют в эти дни на языке крови и железа осуществить давнее политическое завещание всей европейской демократии — свержение и разгром русского царизма.»²⁰

Это было таким же лживым прикрытием истинных целей империалистической войны, как когда социал-шовинисты стран Антанты пытались представить войну, как будто она ведется со стороны «их буржуазией» против германского милитаризма и господствующего в монархии национального угнетения, за демократию и право народов на самоопределение. Такие попытки Ленин причислил к особенно заклеянным «буржуазным и шовинистическим софизмам», единственной целью которых является «ввести в заблуждение массы». Он особо указывает на то, что социал-шовинисты центральных держав пытались поставить рабочий класс на службу империалистической войны, ссылаясь на то, что она ведется, собственно говоря, за свержение русского царизма.

«Германские и австрийские с.-д., пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры... Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так

²⁰ — «Népszava» 31 августа 1914 года. Статья «Eszme nélkül» (Без идеи).

это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать России.²¹

Но венгерская социал-демократическая печать писала в тоне величайшего воодушевления не только о военных действиях армии монархии; а с таким же — если не с большим — воодушевлением доводила она до сведения венгерских рабочих и «доблестные» действия германской армии. Упиваясь победой, «Непсава» писала о продвижении немцев, превозносила их злодеяния.

«Ввиду того, что Франция нарушила международное право, она создала причины для того, чтобы Германия не принимала во внимание бельгийский нейтралитет.»²²

Социал-демократическая печать писала о немцах так, как будто они были благодетелями Бельгии.

Германское правительство стремится к тому, чтобы не только сохранить, но по возможности развить и дальше существующие в Бельгии институты и учреждения социального обеспечения.»²³

В этот период «Непсава» помещала статьи о «жестокостях» не немцев, а бельгийцев.²⁴ В тоне самого большого признания писала «Непсава» о том, что парламентская фракция германской социал-демократической партии голосовала в немецком рейхстаге за военные кредиты.²⁵ Она с гордостью ссылалась на то, что

«. . . Почти половину шести миллионов немцев, идущих сейчас на войну, составляют социал-демократы. Только сейчас, перед лицом врага, они станут по-настоящему первыми.»²⁶

Удивительно ли после этого, что официальный орган венгерского социалистического рабочего движения писал о «необузданной» Сербии,²⁷ поучал сербское правительство, что с его стороны было «безрассудством противопоставить себя монархии», и с большим удовлетворением раструбил в середине августа:

«. . . совершилось то, чего ждали все: армия монархии вступила в Сербию.»²⁸

²¹ В. И. Ленин, Сочинения. Изд. 4-ое т. 21. стр. 14.

²² «Népszava», 6 августа 1914 года.

²³ «Szakszervezeti Értesítő» (Профсоюзный Вестник), август 1915 года.

²⁴ См. номера газеты «Népszava» за 15, 18 авг. и т. д., в том числе цикл статей Жигмонда Кунфи «От Нью-Йорка до Будапешта» в номерах за конец августа.

²⁵ «Népszava», 9 и 12 августа 1914 года.

²⁶ «Népszava», 16 августа 1914 года.

²⁷ «Népszava», 2 августа 1914 года.

²⁸ «Népszava», 15 августа 1914 года.

Однако, дела были гораздо более значительными, чем слова, которыми венгерские социал-шовинистские вожди рабочих поддерживали политику войны империалистических венгерских господствующих классов, тем более, что открыто социал-демократический тон — примеры которого приводились выше в газете «Непсава» — вскоре пришлось прекратить, если социал-демократический генштаб не хотел окончательно потерять доверие венгерских рабочих масс, все более решительно поворачивавшихся против войны. Венгерская социал-демократическая партия и профсоюзы встали на точку зрения классового мира (*Burgfrieden*). Профсоюзы прекратили борьбу за повышение зарплаты.

«Война ликвидировала классовую борьбу, — писал официальный вестник Совета профсоюзов Венгрии. В одном строю борются богатые и бедные, предприниматели и рабочие. Оставшиеся же дома, сейчас без единого слова сносят все. Принимая во внимание войну, они сносят даже вычеты из заработной платы... организованные рабочие лучше всех выполняют свои обязанности в войне...²⁹ никто не думает о забастовке...³⁰ наши организации прекратили свою экономическую борьбу, хотя их часто провоцировали на это снижением зарплаты и плохим обращением.»³¹

Социал-демократическое партийное руководство и Совет профсоюзов, ссылаясь на военное положение, как в 1915, так и в 1916 годах добровольно отказались от празднования 1 Мая, как нерабочего дня. Тем самым они отказались от такой традиции венгерского рабочего движения, которую рабочий класс Венгрии обеспечил себе ценой борьбы на протяжении четверти столетия и которой он с правом гордился. Вообще, курс сотрудничества с буржуазией со все большей силой реализовался в политике как социал-демократической партии, так и профсоюзов.

«Одной из слабостей старой социал-демократической партии Венгрии было пожалуй, то... что она видела близкое осуществление социальных идей» — проболтался о большом открытии Шаму Ясаи.³² «Более политичные» социал-демократические руководители не говорили так открыто, но так думали и поступали. Они славили, созданные правительством, «комитеты жалоб», как значительную победу организованных рабочих. Они по существу были подобны примиренческим комитетам, уже заслужившим плохую славу в английском тредюнионском движении и цель которых заключалась в том, чтобы ликвидировать все возможности движения рабочих в интересах повышения зарплаты.³³ Социал-демократическая

²⁹ «Szakszervezeti Értesítő», ноябрь 1914 года.

³⁰ Там же, октябрь 1914 г.

³¹ Там же, январь 1915 г.

³² *Jászai Samu, Az első két munkásünnep* (Первые два рабочих праздника). «Szocializmus», 1914—15, № 10—12.

³³ *Jászai Samu, Hadi felszerelő üzemek munkásainak szolgálati- munka- és bérvizonya és a Munkásügyi Panaszbizottság* (Служебные, трудовые и зарплатные отношения рабочих военных предприятий и Комитет жалоб по рабочим делам). Будапешт, 1916 год.

печать постоянно ставила венгерскому правительству в пример кайзеровскую Германию, где создалось совершенно открытое сотрудничество между правительством и профсоюзами в интересах возможно более полной поддержки военных целей германского империализма. Однако, венгерская полуфеодально-крупнокапиталистическая правительственная система была менее гибкой и кроме того считала совершенно лишним делать более значительные уступки рабочим организациям. В отношении безработицы, принявшей в период войны устрашающие размеры, венгерское правительство, удовлетворилось например, тем, что создало что то в виде комиссии с целью «снижения безработицы». В состав комиссии входили кроме графа Аурела Дежеффи, графа Бела Сечени, аббата Пал Хайду, барон Ульмана, и подобные им представители финансовых кругов. Когда поступило предложение пригласить в эту комиссию и представителей рабочих организаций, «высокопревосходительные» члены комиссии без голосования отклонили это предложение.³⁴ Профсоюзная и партийная печать этого времени постоянно жаловалась, что рабочие организации являются «сиротами», что правительство не ценит «благотворную деятельность профсоюзов.»

«. . . Правительство с неприязненностью относится к профсоюзам. И даже война не изменила точку зрения правительства . . .³⁵ Профсоюзы до сих пор не признаны.³⁶ В Венгрии еще не существует закона об объединениях и собраниях и следствием этого является то, что власти произвольно относятся к свободе объединения и собраний . . . Мы не желаем ничего иного, кроме того, чтобы рабочие, которые приносят сегодня наибольшие жертвы, имели по крайней мере такую же свободу объединений, как и предприниматели.»³⁷

Эти мольбы, конечно, не растрогали правительственных кругов. Их можно было бы принудить к уступкам только борьбой, мобилизацией рабочих масс. Но оппортунистические социал-демократические вожди больше всего боялись этого. Венгерские правительственные круги имели возможность убедиться в этом, а также и в том, что услуги социал-демократического партийного и профсоюзного руководства можно прекрасно обеспечить освобождением от военной службы нескольких десятков социал-демократических личностей.

Социал-шовинизм, — говорит Ленин, — это «законченный оппортунизм.» Социал-шовинизм правых социал-демократов и центристов в период войны был продолжением и довершением оппортунистической политики, которую они вели в предвоенные десятилетия. В этот период руководители

³⁴ »Szakszervezeti Értesítő«, декабрь 1914 г.

³⁵ »Szakszervezeti Értesítő« январь 1915 г.

³⁶ »Szakszervezeti Értesítő« декабрь 1915 г.

³⁷ »Szakszervezeti Értesítő« сентябрь 1915 г.

социал-демократической партии, как известно, даже не поднимали вопроса о национальной независимости, более того, даже требование самостоятельной покровительственной тарифы для Венгрии имело значительную оппозицию в социал-демократической партии. К ней принадлежал, между прочим, и Эрнё Гарамы. По мнению Жигмонда Кунфи «национальная идея потеряла свое революционное содержание.» «Свободная нация» — это «идеал господствующих классов».³⁸ И это провозглашали рабочему классу той страны, одним из самых больших несчастий которой было то, что даже в двадцатом веке она не могла полностью освободиться от векового колониального подчинения. Обратной стороной этой медали было то, что в более откровенных высказываниях они отрицали, что в Венгрии есть национальное угнетение. Не соответствует действительности, — читаем мы в журнале «Szocializmus» накануне войны, — что национальные меньшинства по сравнению с венграми больше обижены.³⁹ Национальные меньшинства не являются союзниками венгерского рабочего класса, борющегося за демократию и социализм, а наоборот, как подробно развил Жигмонд Кунфи в своей статье «Расы и классы в Венгрии», «невенгерские народности» в определенном смысле составляют тот «экономический резерв», с помощью которого «подавляется борьба венгерского рабочего класса за повышение зарплаты.»⁴⁰ Когда же Кунфи заявил, что «Сербия не больше нуждается в коридоре, ведущем к морю, чем Венгрия в свободном пути, ведущем в Фиуме . . . формирование южнославянского комплекса стран закрыло бы перед ней этот путь.»⁴¹ — то он еще до войны буквально высказал ту империалистическую точку зрения, которая во время войны стала основой их политики.

Не от правых социал-демократических руководителей зависело, что в Венгрии не создалось такого тесного и, главным образом, такого открытого сотрудничества между империалистическим правительством, военным командованием и руководителями рабочих организаций, как например, в Германии. Правые социал-демократы и сами в с я ч е с к и стремились к этому. Однако, более тесное и, главным образом, более открытое сотрудничество между правительством и руководителями рабочих организаций не только противоречило бы традиционным методам правления венгерских господствующих классов, но представляло бы для них и с другой точки зрения сомнительную ценность, ибо неизбежно привело бы к тому, что рабочие массы сравнительно быстро отвернулись бы от своих официальных руководителей. Определенное «оп

³⁸ «Szocializmus», 1913 – 14 гг., № 3.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Szocializmus», 1913 – 14 гг., № 8.

⁴¹ Там же.

позиционное« положение и хотя бы и лояльная критика, но все же критика — превратили венгерскую социал-демократическую партию пригодной для того, чтобы утихомиривать все более пламенный гнев, все более сильное недовольство и возмущение венгерских трудящихся масс политикой правительства, военными бедствиями и т. д., прежде чем они напрягутся до взрыва. Однако, это, не означает, что сотрудничества между социал-демократическими руководителями и правительством не было. Так, в частности, у них была постоянная связь с графом Тиса — или же непосредственно, или же через статс-секретаря Миклоша Вадас. По всем признакам, партийные и профсоюзные руководители точно соблюдали свои соглашения с главой венгерской реакции. Так, например, в 1917 году, когда под влиянием русской революции Гарами даже и сам так видит, что нельзя отклониться от разрешения празднования 1 Мая, и так они заранее заявляют об этом графу Тиса и с его разрешением организуют нерабочий день.⁴²

В самом деле, никогда еще предатели рабочего класса не служили вернее за меньшую плату классу угнетателей, чем это делали венгерские правые социал-демократические вожди. В использовании своих международных связей в интересах военных целей Австро-Венгерской монархии, в интересах того, чтобы не были реализованы законные стремления живущих на территории монархии национальностей к самостоятельному существованию, венгерские социал-демократические руководители были неутомимы. В этот период в Европе они были больше всего «разъезжающими» социалистическими вождями. Мы не должны удивляться тому, что несмотря на военные условия, обычно столь строго реакционное венгерское правительство не только не препятствует этим поездкам, но содействует им, что о своих переговорах с иностранными социалистическими руководителями, например в Гааге, информируется посол монархии (как мы читаем об этом в секретном донесении посла министру иностранных дел графу Буриану). Правительство содействовало заграничным поездкам социал-демократических руководителей — или по крайней мере не препятствовало им, — однако главнокомандование охотно поддерживало отправку на фронт многих тысяч экземпляров газеты «Непсава», как об этом рассказывает официальный историк венгерской социал-демократической партии, Михаил Ревес в своей работе «Об истории газеты Непсава».

Социал-шовинизм руководителей социал-демократической партии и профсоюзов не вытекал из простой неосведомленности в вопросах

⁴² *Buchinger Mano, Tanuvallomás* (Свидетельское показание). Будапешт, 1936, стр. 61, 63 и 74; и труд этого же автора *Küzdelem a szocializmusért* (Борьба за социализм), т. 1, стр. 250—251.

Интернационала. То, что венгерское социалистическое рабочее движение в определенной мере было оторвано от международного рабочего движения, что до него доходили лишь слабые отзвуки больших политических и идеологических боев международного социалистического движения, что в венгерской социал-демократической партии не было принципиальных споров, — что несколько раз открыто критиковал Енё Варга, все это было не столько причиной, сколько следствием господства оппортунизма в венгерском рабочем движении. Со стороны же руководителей это была сознательная политика, направленная на то, чтобы, сохраняя в отдалении от венгерских рабочих масс появляющиеся в международном социалистическом движении в этот период революционные идейные течения, защитить свои позиции внутри венгерского рабочего движения, обеспечить в нем гегемонию своей оппортунистической политики. Кунфи, например, в конце 1917 года отсутствие «духовной жизни» в социал-демократической партии относил к числу причин, благодаря которым, в отличие от рабочего движения других стран, в венгерском рабочем движении во время войны не произошло раскола между левым и правым крылом. «Единство партии . . . поддерживалось тем обстоятельством, — писал Кунфи, — что привычка к дискуссиям, духовная жизнь в венгерской партии развиты менее чем в тех странах, где в распоряжении партии имеется больше литературы, больше газет.»⁴³

Сами социал-демократические партийные руководители не были такими неосведомленными в международных вопросах, как это можно было бы предполагать на основании их речей и статей. Руководители венгерской социал-демократической партии и профсоюзов присутствовали на всех международных конгрессах, слышали Ленина, были знакомы с Розой Люксембург, знали, что есть большевики и меньшевики, которые ведут острую борьбу между собой, были знакомы с противоречиями, существовавшими между левыми, правыми и центристами Германии. Во время войны, именно потому, что так часто бывали за границей, они полностью сознавали, какие расхождения существуют во мнениях о вопросе войны между основными социалистическими направлениями. Против последовательно интернационалистических лозунгов большевиков, они например, не раз слово в слово повторяли те доводы, которые выдвигали в этот период Троцкий и меньшевики. Разъезжавшие по загранице венгерские социал-демократические вожди имели личные встречи с циммервальдцами. На чрезвычайном конгрессе социал-демократической партии в начале 1918 года Вельтнер рассказал, что секретарь циммервальдского движения, Анжелика Балабанова обратилась к ним с призывом присоединиться к циммервальдскому движению. Руководители венгерской социал-демократической партии не соглашались на это,

⁴³ »Szocializmus«, декабрь 1917 г.

несмотря на то, что большинство циммервальдовцев являлись центристами.

Наоборот, они находили тысячи возможностей, чтобы, пусть хоть и намеком, но все же ударить уж какнибудь по циммервальдскому движению. Что же касается большевиков, политика венгерских социал-демократических руководителей являлась «смещение карт», а порой где тут, где там, сознательно фальшивое информирование венгерских рабочих масс. Так, Эрнё Гарамби в своей статье «Интернационал и война», написанной в начале войны, пытался доказать неизбежность социал-шовинистической политики со стороны отдельных рабочих партий тем, что даже поведение социалистической фракции русской думы — в ней участвовали и большевики — в вопросе о военных кредитах ограничилось «лишь демонстрацией уклонения от голосования», — что было сознательным искажением фактов. И это он объяснял тем, что «в России демократии нечего бояться поражения».⁴⁴

Война принесла с собой невероятный рост и без того невообразимого бесправия и нищеты венгерских трудящихся масс, рабочего класса и бедного крестьянства. Процент мужского населения, призываемого в армию, в Венгрии был довольно велик — выше, чем в Австрии, — это обстоятельство в первую очередь тяжело отражалось на трудящихся народных классах. Венгерские части — которые австрийское военное командование меньше всего щадило — «отличились» исключительно высоким процентом ранений и смертности. А ведь этот процент в армии монархии вообще был высоким, не в последнюю очередь вследствие того, что снаряжение армии было устаревшим, военное руководство — скандально плохим. О родственниках фронтовиков заботились, можно сказать, лишь символически. Обеспечение большого количества инвалидов войны высшие правительственные органы отложили на «благотворительность» общества, законодательство не занималось этим вопросом. В Венгрии социальное страхование от несчастных случаев распространялось лишь на 6% населения (даже в Германии Гогенцоллернов, совсем не бывшей передовой в области социальных учреждений, количество застрахованного населения составляло соответственно 20 и 40%) и так подавляющее большинство инвалидов было обречено на нищету.⁴⁵

Но военные мероприятия тяжело отражались не только на призванных в армию и их близких. Законы XII и XVIII от 1912 года, вынесенные империалистическими руководящими кругами заблаговременно, — первый закон касался «особых мероприятий в случае войны; второй» — «военных поставок» — квалифицировали забастовки или даже призыв к прекращению

⁴⁴ «Szocializmus», 1914—15 гг. № 10—12.

⁴⁵ См. статьи Якоба Вельтнера, Гезы Малашича и Александра Молнара в номерах 10—12, 1914—15 г. «Szocializmus». Много занимались этим вопросом «Szakszervezeti Értesítő» и «Népszava».

работы во время войны как преступления, наказуемые строгим заключением в каторжной тюрьме; они давали правительству возможность обязывать гражданское население «к личной службе» — мужчин до 50, а позже до 55 лет,⁴⁶ в определенных рамках к этому можно было обязать и женщин.⁴⁷

Опираясь на эти законы, правительство, с одной стороны, начиная с первого момента войны строго запретило забастовки, с другой стороны, помимо этого, с декабря 1914 года постепенно поставило под контроль армии, милитаризовало важнейшие заводы и фабрики, дающие продукцию для армии. Рабочие милитаризованных предприятий были подчинены военной дисциплине, любые требования повышения зарплаты, невыход на работу или отказ от нее подпадали под компетенцию военного трибунала, рабочие потеряли не только право организовываться, но и право свободного передвижения. Они не имели права оставить свое место работы и были обязаны работать за плату, установленную предпринимателями.

При принятии, а позже — при применении этих законов, соответствующие органы пытались придать этим мероприятиям видимость того, что они требуют жертв в одинаковой мере «от всех граждан» в интересах «общего блага». В действительности же речь шла о том, чтобы связать по рукам и ногам венгерский рабочий класс и в качестве беспомощного средства поставить его в службу империалистическому военному аппарату. Милитаризация заводов проводилась по просьбе предприятий в соответствии с тем, в какой мере рабочие данного завода были организованными социалистами, то есть «неблагонадежными» с точки зрения существующего политического режима и империалистической политики.⁴⁸

«Общеизвестный факт, — заявил военный министр на заседании Совета министров 7 февраля 1918 года, — что эта милитаризация большей частью распространяется на такие заводы и фабрики, рабочие которых проявили неблагонадежное, даже беспокойное поведение, так что интересы государства прямо требовали подчинения этих лиц полной военной дисциплине. Большое же количество предприятий только потому не было милитаризовано, что их рабочие проявили мирное, патриотическое поведение и таким образом распоряжения закона о военных поставках оказались достаточными.»⁴⁹

Направленные на заводы военные коменданты путем применения военных дисциплинарных и карательных мер обеспечивали трудовую дисциплину рабочих и в то же время их не интересовали скандальные злоу-

⁴⁶ Сборник законов, 1914 г., закон № L.

⁴⁷ Там-же, 1916 г., Закон VI.

⁴⁸ § 5 закона XVIII, 1912 года гласит, что от «личной службы» непременно освобождаются государственные служащие и священники, «самостоятельные землевладельцы, владельцы фабрик и заводов» же могут призываться на службу лишь в органиченной мере.

⁴⁹ Протоколы заседания Совета министров 7-го февраля 1918 г. Госархив Венгрии. ME. 1918. № 1920.

потребления фабрикантов, кладущих в карман военные прибыли. »О том, какую плату хотят дать рабочим за выполненную работу — военный комендант не обязан заботиться. Сначала несколько офицеров пробовали вмешиваться и в это дело, но по жалобе организации фабрикантов они получили указание этого не делать«, — читаем мы в »Социализме«. ⁵⁰ Это ужасное забалование рабочих дало предпринимателям возможность самым бессовестным образом эксплуатировать их.

». . . После объявления мобилизации рабочих немедленно лишили своих льгот, которые были добыты рабочими, часто — ценой тяжелой борьбы. Так, в Будапеште ликвидировалась 57-часовая рабочая неделя, сейчас рабочие каждого завода обязаны работать 60 и даже больше часов. На большинстве заводов, рабочих лишили и от того небольшого добавления за сверхсрочные часы, которое раньше выплачивалось.« ⁵¹

Владельцы военных предприятий особенно злоупотребляли женской и детской рабочей силой.

». . . Применение детского труда во время войны, — констатирует в этот период »Профсоюзный вестник«, — растет в таких размерах, что буквально достигает того ужасного положения, которое господствовало на заводах Англии в первой половине XIX столетия.« ⁵²

⁵⁰ *Molnár Sándor, Véderő és szociálpolitika* (Армия и социальная политика). »Szocializmus«, № 10 -12, 1914 1915 гг.

⁵¹ *Malasits Géza, Kötelességek — jogok nélkül* (Обязанности — без прав) »Szocializmus«, № 10 -12, 1914--1915 гг.

⁵² »Szakszervezeti Értesítő«, декабрь 1916 года. »На большом количестве предприятий нанимали и 10—11 летних детей«, — пишет Ясаи (История венгерских профсоюзов, стр. 233). Рабочая печать не раз обращала внимание общественного мнения на скандальные условия, господствовавшие на отдельных заводах, но это даже и в самых кричащих случаях не вело к каким либо результатам. Очень характерен с этой точки зрения следующий случай :

»Népszava« сообщила о том, что на государственных шелкопрядильных фабриках самым бесчеловечным образом заставляют работать приютских детей. Под влиянием нападков печати министр внутренних дел вынужден был запретить применение труда приютских детей на шелковых фабриках, поскольку проведенное официальное следствие установило, что »детей заставляют работать по 9—10 часов в день, что исключительно опасно для развития детского организма. Положение тем более тяжелое, что часть детей, и именно самые младшие, занимались варкой шелковичных коконов, в течение нескольких часов они, наклонившись над водой, вдыхали горячий водяной пар. Эти дети обречены на гибель . . . Шелкопрядильный институт и его вышестоящий орган упрямо отказывается от того, чтобы директор приюта или какой-либо другой орган охраны детей имел инспекторские или ревизорские права в этом вопросе. (Государственный архив Венгрии. (в дальнейшем Г. А.) М. Е. 1918 г. № 1095.)

»Венгерское королевское правительство« не считало ниже своего достоинства специально заняться этим вопросом на совете министров. Члены Совета министров — министр просвещения и культов граф Альберт Аппони, »министр при особе Его Величества« граф Аладар Зичи, граф Мориз Эстергази, князь Лайош Виндишгрец и остальные министры единогласно согласились с предложением премьер-министра Шандора Вэкерлэ относительно того, что применение труда приютских детей на шелкопрядильных фабриках важно »из за военных соображений« и должно быть сохранено и в дальнейшем. (Протокол заседания Совета министров от 7 февраля 1918 года. М. Е. 1918 г. № 1290.)

Конечно, государственная власть не забывала и крупных помещиков. Она позаботилась о том, чтобы несмотря на военную дороговизну и большую нехватку рабочей силы, заставить сельскохозяйственных рабочих работать за нищенскую зарплату. Министр земледелия еще в январе 1915 года в особом постановлении пригрозил рабочим, чтобы они не выдвигали «чрезмерных требований», потому что он примет к ним закон о военных поставках и тогда они, как мобилизованные на принудительную работу, будут получать лишь несколько филлеров.⁵³ В последний год войны сельскохозяйственные рабочие были действительно милитаризованы. Военное командование «бесплатно предоставило одетых в шинели сельскохозяйственных рабочих помещикам в виде различных резервных частей. Железная военная дисциплина, страх перед отправкой на фронт, подавляли таким образом всякое недовольство.⁵⁴

Трудовой народ Венгрии страдал от все большего недостатка самых необходимых товаров, топлива и даже продовольствия. Венгрия должна была быть для монархии и даже в некоторой мере для Германии не только казармой, но и продовольственной базой. Венгерское сельское хозяйство, положение которого сильно ухудшилось из-за большой нехватки рабочей силы, должно было снабжать продовольствием армии, промышленные районы Австрии, а мясом и жирами — даже и Германию. Этого можно было достичь лишь путем все более жестокой реквизиции, — в последний год войны правительство забрало урожай уже у молотилок;⁵⁵ реквизиция проводилась с помощью военных частей и не раз вела к кровавым столкновениям. Ко всему этому добавлялось еще то, что условия и учреждения, созданные господствующим антинародным политическим режимом, открывали широкий простор для того, чтобы находившиеся у власти крупные помещики и капиталисты самым бесстыдным образом перекладывали бремя войны на нищенствующие массы.

Огромные доходы фабрикантов и крупных помещиков, полученные благодаря военным поставкам,⁵⁶ еще увеличивались благодаря спекуляции самыми необходимыми промышленными и продовольственными товарами и целому ряду военных злоупотреблений. Это характеризовало и дея-

⁵³ *Székely Arthur*, *Háborús pénzügyi, ipari és szociálpolitika Németországban és nálunk* (Финансовая, промышленная и социальная политика во время войны в Германии и у нас). «*Huszadik Század*», июнь 1915 года.

⁵⁴ *Hamburger Jenő*, *A magyar mezőgazdasági proletáriátus helyzete a proletár diktatúra előtt* (Положение венгерского сельскохозяйственного пролетариата до диктатуры пролетариата). «*Proletár*», 12 августа 1920 года.

⁵⁵ См. мемуары князя Лайоша Виндишгреца, который в последние месяцы войны был министром общественного снабжения. «*Küzdé'meim*» (Моя борьба). Будапешт.

⁵⁶ Согласно секретной сводке императорского и королевского военного министерства, чепельский завод «Манфред Вейс» до 31 декабря 1917 года поставил государству продукции почти на миллиард корон. Значительными были военные прибыли не только предприятий тяжелой промышленности, но и предприятий легкой промышленности и крупных поместий. (Г. А. — М. Е. 1918 г. № 8787.)

тельность различных военных «центров снабжения». «Центр жиров», «Центр военных продуктов» и т. д. по дешевой цене скупали продукты крестьян и обеспечивали крупным банкам и картелям большие прибыли, в ущерб как мелким производителям, так и широким массам потребителей.⁵⁷ Различные военные «социальные» учреждения были призваны обеспечивать доходную синекуру для членов высших кругов.

Массовое истребление людей, растрачивание рабочей силы трудящихся, их здоровья, материальной и моральной силы, полное уничтожение и без того жалких прав и свобод, с особой силой должны были ударить по живущим на территории Венгрии национальностям. Представители этих национальностей под предлогом «политической неблагонадежности», массами — особенно в районах, находящихся вблизи от театра военных действий — становились жертвами самого дикого военного произвола. На них тяжелее всего ложились и административные меры, с ними хуже всего обращалось в создавшихся тяжелых военных условиях — шовинистическое венгерское государство.⁵⁸

Нищета, причиненная войной, политический и административный произвол, безграничное бесправие народных масс — все это содействовало тому, что трудовой народ Венгрии, особенно его самая сознательная часть — рабочий класс все более решительно поворачивался против войны. Это не означает, что венгерский рабочий класс с самого начала был полностью свободен от шовинистических настроений, особенно, что касается его высшего, «аристократического» слоя, даже и во время войны занимавшего привилегированное положение. Но среди самых рабочих масс пропагандировавшееся правительством военное положение никогда не находило какого-либо значительного отклика, чтобы уступить место все большему противостоянию войне. Несомненные признаки антивоенных настроений венгерских рабочих масс проявились уже в первые месяцы войны. Уже тогда на стенах крупнейших будапештских заводов появились анти-

⁵⁷ Об этом с циничной откровенностью пишет Виндишгрец, который в качестве министра военного времени, и сам стал «знаменитым», благодаря своим злоупотреблениям. Ук. Соч.

⁵⁸ Потрясающим документом этого является письмо греко-католического епископа г. Мукачева, Антала Пап, написанное в январе 1918 года премьер-министру Шандору Вэкерлю по вопросу о «голоде, свирепствующем в народе Верховины и о массовых случаях голодного тифа». В письме, которое конечно не было опубликовано, его вообще реакционный и шовинистически настроенный автор призывает внимание премьер-министра к тому, что по отношению к и без того бедному населению этого района, которому «недостаток хлеба угрожает голодной смертью» при раздаче военных пособий и назначении на военные работы была допущена возмутительная несправедливость. В письме мы читаем следующее: «В селе Сайкофалва, например, и сейчас еще 36 человек лежат больные голодным тифом... священник из Хатмег сообщает... что здесь двое детей уже умерло от голода. Священник из Кишанка сообщает, что деревню наполняют звуки плача детей, измученных голодом. В других местах дети распухли от голода... Многие верующие из Олашертэ выдвигают то решительное обвинение против господина поджупана, что когда они, ссылаясь на свой голод, просили продовольствия, он ответил: «Когда третья часть этого народа погибнет, другим больше достанется.» (Г. А., — М. Е., 1918 г., № 1003.)

военные надписи.⁵⁹ Рабочие милитаризированных заводов с самого начала боролись против поставленных во главе заводов военных комендантов, которые всячески терроризировали рабочих, против дирекций, злоупотреблявших военным положением, и служивших им надсмотрщиков.

»Вагоноремонтный завод в Иштвантэлэк в первом случае взбунтовался и воспрепятствовал применению военного дисциплинарного взыскания... Этот же завод позже... выгнал со своей территории жандармскую часть — железными шестами, топорами и колами... В Шаторалья-уйхей рабочие в дребезги разбили контору железнодорожных мастерских и до крови избили начальника...»⁶⁰

Такие же стычки произошли между непримирившимися со своим закабалением рабочими и заводским руководством на предприятиях «Манфред Вейс», «Ганц», «Липтак», на Оружейном заводе и в других местах. Рабочие Оружейного завода уже в начале 1915 года начали забастовку.⁶¹ Борьбу за повышение зарплаты начали строительные рабочие.⁶² В 1916 году число движений с целью повышения зарплаты растет. Естественно, большей частью неорганизованные, изолированные стихийные, антивоенные выступления рабочих масс не могли приостановить общий упадок венгерского рабочего движения в 1915—1916 гг. То обстоятельство, что социал-демократическая партия и профсоюзы примирились с военными законами, лишившими рабочих завоеванных ими в борьбе на протяжении многих десятилетий прав, то, что они предали рабочий класс в интересах антинародной военной политики венгерских господствующих классов и беспощадной погони военнзаводчиков за прибылями, их сотрудничество с империалистическими венгерскими господствующими классами — все это привело к тому, что массовые организации рабочего класса, — профсоюзы в первые годы войны буквально обезлюдели. Число членов профсоюзов под влиянием войны понизилось на половину и в конце декабря 1915 года было почти на том же уровне, что и в 1903 году.⁶³

»В первые два года войны всякая жизнь в рабочих организациях была буквально парализована... Пустая, тщетная борьба, равнодушие и примиренность показывали, что рабочий класс попал в колесо военной машины и неспособен на самостоятельные действия.»⁶⁴

Так характеризует положение венгерского рабочего движения того

⁵⁹ *Landler Jenő*, *Forradalmi volt-e a magyar munkásság?* (Был ли революционным венгерский рабочий класс?) »Proletár«, 30 июня 1920 года.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Böhm*, *Két forradalom tüzében* (В огне двух революций). Будапешт, 1946, стр. 26; *Landler*, Ук. Соч.

⁶² *Jászai Samu*, Ук. соч., стр. 289.

⁶³ 31 декабря 1903 г. в проф. объединениях Было 41.138 чл., 31 декабря 1913 г. 107.486 чл., 30 июня 1914 г., 96.290 чл., 31. декабря 1915 г. 43.381 чл.

⁶⁴ *Weltner Jakab*, *Milliók egy miatt* (Миллионы из-за одного). Будапешт 1927 г., стр. 266.

времени Якаб Вельтнер — один из главных представителей господствовавшего в социал-демократическом партийном руководстве социал-шовинистического направления. Однако, причиной бессилия и некоторой деморализованности, наблюдавшихся в этот период в венгерском рабочем движении, было не «равнодушие» рабочих масс, а предательство оппортунистических руководителей. Утверждение, будто бы венгерский рабочий класс стал «неспособным к самостоятельным действиям», было опровергнуто последующими годами, когда русские революционные события в России, в частности борьба большевистской партии за пролетарскую революцию и победа ее в октябре 1917 года, вырвали венгерское рабочее движение из того состояния упадка и беспомощности, в которое подвергли его оппортунисты.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции, «излучение русской революции», как говорит Матиас Ракоши,⁶⁵ на венгерский рабочий класс было огромным, оно произвело величайший перелом во всем венгерском рабочем движении.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции чувствовалось во всей венгерской политической жизни, с фактом русской революции приходилось считаться и венгерским господствующим классам. Этот перелом был уже в некоторой мере подготовлен теми изменениями, сдвигами, теми новыми явлениями, которые уже в конце 1916 года и в начале 1917 года чувствовались не только в Венгрии, но и в международных масштабах.

Ленин уже в январе 1917 года констатирует, что наступил «поворот в мировой политике», «поворот от империалистской войны к империалистскому миру.»⁶⁶ Военные, экономические и политические корни этого поворота, Ленин вскрывает следующим образом :

«За 29 месяцев войны ресурсы обеих империалистских коалиций достаточно определились, все или почти все возможные союзники... втянуты в войну, силы армий и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены. Финансовый капитал нажил миллиарды....

Содрать при помощи данной войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя — в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются ресурсы вообще...

А к тому же растет недовольство и возмущение масс.»⁶⁷

Ленин указывал, что внутри обеих ведущих войну коалиций империалистическая буржуазия «бьется революции», и поэтому поднимает вопрос, что «не пора ли кончать первую империалистическую войну.»⁶⁸

⁶⁵ Rákosi per (Процесс Ракоши). стр. 379.

⁶⁶ В. И. Ленин, Сочинения. Изд. 4-ое. Т. 23, стр. 167.

⁶⁷ В. И. Ленин, Сочинения. Изд. 4-ое Т. 23, стр. 257.

⁶⁸ Там-же.

Перелом в вопросе о войне и мире (в вопросе об отношении воюющих стран к войне) в странах Австро-Венгерской монархии, в частности в Венгрии, должен был сказаться с особенной остротой. С одной стороны потому, что расшатанный аппарат монархии под бременем военных условий все больше разрушался, с другой стороны, в этих странах накопился легко воспламеняющийся материал — чрезвычайно сильное социальное и национальное недовольство. Поворот стал еще более заметным благодаря перемене личности короля, вступление после смерти Франца Иосифа в ноябре 1916 года на престол Карла IV. Победа буржуазно-демократической революции в России и свержение царизма еще больше усилили перелом, происшедший в международном положении. Гул приближающегося землетрясения теперь уже должны были принять к сведению те, кто вершил судьбы народов монархии, им также становилось все более ясно, что этим народом уже нельзя «управлять по-старому»... В этот период уже ясно, что только как можно более быстрое окончание войны, уступки рабочему классу и угнетенным национальностям смогут еще, пожалуй, спасти монархию от военного разгрома и от революции. Стремление сохранить воедино владения дома Габсбургов, спасти его шатающийся престол, а не «миролюбие», «великодушие» и тому подобные благородные чувства, руководили Карлом IV, когда он стремился к сепаратному миру, был согласен на уступки национальностям. Предлагая расширение исключительно узкого венгерского избирательного права, и смещением самых непопулярных представителей старого руководящего политического гарнитура старался создать видимость начала новой, более демократической эры.

Смещение Буриана и назначение Чернина на пост министра иностранных дел, различные и неудачные попытки Австро-Венгерской монархии заключить сепаратный мир, королевское послание от апреля 1917 года, в котором король призвал венгерское правительство к разработке нового избирательного права и созданию социальных учреждений, смещение Иштвана Тиса и образование правительства Эстерхази в июне 1917 года, громогласное обещание всеобщего избирательного права, сговор с руководителями социал-демократической партии, — все это были политические маневры со стороны руководящих кругов, маневры, рожденные новым положением. Политический кризис распространился и на высшие круги. Суетливые, противоречивые распоряжения правительственных кругов делали положение еще более смутным. Король принуждает уйти в отставку Иштвана Тиса, надежную опору дуализма. В новое правительство в качестве министра социального обеспечения включается один из руководителей оппозиционной «партии 48 года» — Тивадар Баттьяни. Создается правительство меньшинства, которое, конечно, беспомощно из-за парламентского большинства, стоящего за Иштваном Тиса. В конечном счете правительство не выполнило и обещания о всеобщем избирательном

праве.⁶⁹ Вообще, волокита с избирательной реформой, невероятная слепота венгерских господствующих классов в этом вопросе лишь «подливали масла в огонь». Все растущие противоречия между Австро-Венгрией и Германией — в вопросе о сепаратном мире с Советской Россией, в польском вопросе, в вопросе о дальнейших взаимоотношениях (таможенный союз, единое министерство военных и иностранных дел и т. д.), претензии Германии на повышенную помощь войсками и продовольствием со стороны Австро-Венгрии, делали положение еще более критическим.

«Революционная ситуация в Европе налицо» — констатирует Ленин уже в начале 1917 года. Революционная ситуация все больше создавалась и в Венгрии. Стремилась ли руководители венгерских организованных рабочих использовать это положение для свержения империалистического венгерского правительства, для освобождения трудового венгерского народа, венгерского рабочего класса, и вообще было ли это их стремлением? Нет. Подобно своим единомышленникам из других стран — Каутскому, Турати и т. п. — венгерские социал-демократические лидеры стремились представить попытки империалистов к прекращению данной войны политикой, которая принесет народам действительный и прочный мир. Пацифистскими фразами они стремились скрыть, что мир, который заключат империалистические правительства, может быть только империалистическим миром, продолжением империалистической войны (Ленин).

В отличие от этой политики оппортунистов Ленин указал на то, что «демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии, России не свергнет буржуазные правитель-

⁶⁹ Действовавшее в Венгрии избирательное право, охватывавшее около шести процентов населения, почти не имело подобного в Европе; — болгарское и даже турецкое избирательное право было более широким и демократическим. Как подчеркивало правительство Вэкерлэ в письме к королю от 25 ноября 1917 года (стоит обратить внимание на дату): «В Венгрии с 1848 года не было реформы избирательного права», а закон об избирательном праве от 1874 года даже «значительно сузил» закон 1848 года. Насколько очередь до более демократического избирательного права дошла в предупреждение революционных взрывов, показывает ссылка письма на то, что «Период, последующий за войной, потребует больших жертв, в том числе в смысле финансового и хозяйственного устройства. В организованной демократии имеется больше консервирующей силы.» (Послание Вэкерлэ и Вазони к королю по вопросу о представлении правительством парламенту законопроекта об избирательном праве. Г. А. 1918 г. М. Е. 4609.

Хотя король 5 декабря 1917 года утвердил этот законопроект, более демократический и охватывающий частично и женщин, почти ничто из него не вошло в закон вследствие сопротивления большинства парламента и в частности вождя большинства — графа Иштвана Тиса (Вэкерлэ сговорился с Тиса). Это новое отклонение более демократического избирательного права венгерский парламент мотивировал тем, что в случае принятия первоначального проекта «в большой массе избирательное право получили бы такие люди, которые ввиду своего низкого духовного уровня или отсутствия политической благонадежности, происходящей от других причин, в большой мере могут быть использованы для антигосударственного подстрекательства или другой деятельности, нарушающей правильно понятые государственные интересы.» (Послание министра внутренних дел премьер-министру о законе XVII, 1918 г., касающемся выборов депутатов парламента. Г. А. 1918 М. Е. 4057.)

ства».⁷⁰ »Не тот работает действительно на пользу демократического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот, кто разоблачает империалистский характер данной войны и подготовляемого ею империалистического мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств.«⁷¹ Ленин подчеркивал, что «именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 года : превращение империалистической войны в гражданскую войну за социализм !»⁷²

»Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. На усиление этого потока должны направить все свои силы революционные социал-демократы... От силы революционного движения, в случае его успеха, будет зависеть победа социализма в Европе и осуществление не империалистического перемирия..., а действительно прочного и действительного демократического мира.«⁷³

Основой лозунгов, как и всей политики большевистской партии составляло ленинское положение : «существующее общество созрело для перехода к социализму». Оппортунисты вообще, в том числе и венгерские социал-демократические партийные и профсоюзные руководители, не хотели признать, отрицали это.

Правые и центристские лидеры венгерской социал-демократической партии до самого конца войны не перестали быть агентами империалистических господствующих классов Венгрии, австро-венгерской монархии Габсбургов. Они использовали в интересах этого и свои международные связи. Этим можно объяснить то обстоятельство, что руководители венгерской социалистической партии в период войны совершали много поездок за границу, несколько раз совещались с социал-шовинистами других стран в Вене, Берлине, Швейцарии, Стокгольме и Гааге. Правительственные круги Австро-Венгерской монархии не только не препятствовали заграничным поездкам венгерских социал-демократов во время войны, но, наоборот, довольно открыто поддерживали их и содействовали им. В связи с этими поездками много говорили в социал-демократической печати о «содействии миру.» Однако, на действительные цели, на конкретный материал совещания мы только кое-где находим ссылки. Так, Мано Бухингер пишет об этих заграничных поездках и переговорах, вернее о их инициаторе и руководителе — Эрнё Гарамии следующее :

⁷⁰ В. И. Ленин, *Сочинения*. Изд. 4-ое. т. 23. стр. 262.

⁷¹ Там же, стр. 176.

⁷² Там же, стр. 263.

⁷³ Там же, стр. 264.

»В период войны его утомляет внутреннее беспокойство, каждым своим нервом он чувствует приближение и углубление катастрофы.⁷⁴ На родине он не находит покоя. Он уезжает в Швейцарию, Германию, Голландию. Информировал заграничных товарищей... В Германии проводит обстоятельные беседы и споры с Эбертом и Шейдеманом. Он предупреждает их о губительных последствиях и о несовместимости с социализмом политики аннексии. В этом Гараме, кроме принципиальных соображений, очевидно, руководствовался и тем, что чувствовал: в конце войны Антанта, превосходство сил которой он ясно видел, применит политику аннексии против Австро-Венгерской монархии. Гараме всегда боялся этого, потому что он придерживался мнения Адлера, Реннера и всех тех, кому были особенно знакомы условия старой монархии, мнение, согласно которому расчленение монархии будет во вред и рабочему классу, потому что рабочий класс в своих собственных экономических классовых интересах нуждается в возможно большей, единой экономической территории.«⁷⁵

Тот факт, что руководители венгерской социал-демократической партии в своих заграничных поездках и «международных переговорах» выполняли, собственно говоря, роль агентов габсбургской монархии, стал особенно ясен после их участия на стокгольмской конференции (май 1917 года). Общественному мнению рабочего класса стокгольмскую конференцию также представили в качестве огромного достижения социалистических стремлений к миру. Это, говоря словами Ленина, — было «лживой фразой», «распространением величайшего обмана среди рабочих».

«Стокгольмская конференция, — писал Ленин, — есть соборование министров, состоящих в империалистических правительствах... « Это «мелкое, мизерное в значительной степени интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело.»⁷⁶

Ленин даже указал, «делом» какой из империалистических групп является созыв стокгольмской «социалистической» конференции: «... немецкий империализм сейчас за стокгольмскую конференцию из-за своих корыстных и грабительских империалистических интересов». Эта конференция «... попытка немецких империалистов позондировать почву на счет возможности такого-то или такого-то обмена аннексий». Ленин предупреждал колеблющиеся, центристские элементы, которые склонны были принять участие на стокгольмской конференции, что они явятся «фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма».⁷⁷

⁷⁴ Разгром Австро-Венгерской монархии для Гараме и его сторонников был равноценен катастрофе.

⁷⁵ *Buchinger Mánó, Találkozás Európa szocialista vezetőivel* (Встреча с социалистическими руководителями Европы). Будапешт, 1938, стр. 160.

⁷⁶ В. И. Ленин, Соч. Изд. 4-ое. Т. 25, стр. 248, 251.

⁷⁷ Там же, стр. 251 — 252.

Большевицкая партия, как известно, отказалась от всякого участия на стокгольмской конференции.

Действительной целью социал-шовинистов при созыве стокгольмской конференции была подготовка «мира», соответствующего империалистическим целям центральных держав. Венгерская делегация, членами которой были Эрнё Гарамы, Жигмонд Кунфи, Мано Бухингер, Якаб Вельтнер, Дежё Бокани и Шаму Ясаи, в большом меморандуме выразила свой взгляд, по которому мирный договор, который будет заключен, должен сохранить целостность Австро-Венгерской монархии, этой тюрьмы народов, в противовес стремления держав Антанты, которые также по империалистическим соображениям стремились к расчленению монархии на национальные государства.

»Венгерская делегация, — говорится в меморандуме, — убеждена в том, что . . . социалистический мир не находится в противоречии с принципом, защищённым делегацией, то есть с тем, чтобы территориальная целостность Венгрии, так и Австро-Венгерской монархии не понесла ущерба . . . Что же касается свободы морей, то венгерская делегация считает необходимым еще раз настойчиво подчеркнуть, что отделение Хорватии от венгерского государства жет привести Венгрию к отрезку единственного пути к морю; по этому поводу делегация энергично протестует против южно-славянских стремлений . . .»⁷⁸

Венгерские социал-демократические вожди в Стокгольме открыто отбросили принцип права наций на самоопределение. Ссылаясь на то, что «осуществление национального принципа в Юго-Восточной Европе привело бы к тому, что Венгрия и Австрия были бы отрезаны от моря», венгерская делегация признала то мнение, по которому «создание государств должно произойти на основе национального принципа.»⁷⁹ Это было целиком империалистическим воззрением и открытым выступлением на стороне режима национального угнетения, господствовавшего в Австро-Венгерской монархии. Это воззрение не имело никакого отношения к точке зрения марксизма по национальному вопросу, которая принципиально отвергает национальное угнетение и провозглашает право народов на самоопределение — вплоть до отделения. Эта позиция венгерских оппортунистов была достойным повторением воззрения немецких социал-шовинистов по этому вопросу. По существу это было то же, о чем с циничной откровенностью написал в это время теоретический орган германской социал-демократической партии «Нейе Цейт».

». . . При обсуждении румынского мира то обстоятельство, каков в той или иной части Добруджи процент болгар или румын, нас это совсем не

⁷⁸ »Stockholm«. Comité organisateur de la conférence socialiste internationale de Stockholm. Stockholm. 1918. 191, 194. p.

⁷⁹ Там-же, стр. 191.

интересует; для нас имеет значение только то, насколько этот мир может содействовать экономическому возрождению Германии и, прежде всего, насколько он может содействовать интересам германских рабочих.»⁸⁰

Венгерские социал-демократические руководители также ссылались на «интересы венгерского рабочего класса», когда подчеркивали, что «Венгерская социалистическая партия по политическим, экономическим, а также моральным причинам постоянно боролась против... расчленения политической Венгрии.»⁸¹ Как будто политические, экономические и социальные условия, господствовавшие в Австро-Венгерской монархии и в частности в Венгрии, не были самыми красноречивыми доказательствами правильности того положения Маркса, что несчастьем какого-либо народа является то, если он поработает другой народ. В своем меморандуме венгерская делегация предлагала для разрешения национального вопроса административную и, главным образом, культурную автономию. Но венгерские социал-демократические лидеры противоречали бы сами себе, если бы не старались прикрыть свои непосредственные лакейские услуги, сделанные австро-венгерскому империализму, радикально-социалистическими, более того, революционными фразами.

«Венгерская делегация желает, чтобы национальные и территориальные вопросы не играли решающей роли в переговорах воюющих держав о мире, а также в мирной работе Интернационала. Как представительница рабочего класса, она обращает внимание Интернационала на тот факт, что, кроме национального угнетения, существует еще и социальное угнетение, и выражает свое желание, чтобы в программу переговоров о мире были включены вопросы об охране труда и социально-политические вопросы.»⁸²

Пожалуй, не нужно и говорить, что венгерская социал-демократическая делегация желала снятия территориальных вопросов с повестки дня будущих мирных переговоров, в первую очередь потому, что в этот период уже можно было предвидеть, что если будут территориальные изменения, то они совершатся в ущерб центральным державам. Переговоры руководителей социал-демократических партий, проведенные летом 1918 года в Гааге, по всем признакам служили этой же цели.⁸³

⁸⁰ «Neue Zeit». Jg. XXXVI.. Bd. 2. стр. 240. *M. Grünwald, Zum Frieden mit Rumänien.*

⁸¹ «Stockholm», стр. 196.

⁸² Там-же, стр. 194. (Подчеркнуто мною. Э. А.)

⁸³ См. секретное донесение посланника монархии графа Калиса министру иностранных дел Буриану о том, что посетившие Голландию венгерские социал-демократические руководители информировали его о дальнейших планах голландского социалистического вождя -- Трелстра. (Г. А. М. Е. 1918 года. 6934/res.)

Позже венгерские правые социал-демократы и центристы старались замолчать или же горнически отрицали свое социал-шовинистическое поведение во время войны. Этой тактике социал-демократические руководители следовали не только в своих ме

В то время, когда социал-демократические руководители все глубже увязали в тине оппортунизма, в венгерских рабочих массах накапливается и ищет выхода все больше возрастающая революционная готовность. Этим массам, конечно не было знакомо учение Ленина и Сталина и большевистской партии об империализме, о пролетарской революции и т. д., но они инстинктивно чувствовали нетерпимость положения и когда революционные события в России, в частности борьба и победа большевистской партии в октябре 1917 года указали путь, они со все большей решимостью стремились встать на этот путь. В дальнейшем это должно было еще лучше углубить пропасть между массами венгерских рабочих и оппортунистическим руководством социал-демократической партии, должно было еще более открыто противопоставить борющееся против войны левое крыло венгерского рабочего движения официальным партийным и профсоюзным руководителям.

В том, что идеи Октябрьской революции нашли такой могучий отклик в среде венгерского рабочего класса, значительную роль играл и его состав. И в Венгрии социальную основу оппортунизма в рабочем движении составлял привилегированный верхний слой рабочего класса — рабочая аристократия. Неправильным является любое воззрение, которое считает венгерский рабочий класс и венгерское рабочее движение исключением из этого общего правила. Несомненно, однако, что в Венгрии, вследствие сравни-

муарах, изданных несколькими годами позже (см. мемуары Вельтнера, Гарамы, Бёма и т. д.), но уже и во второй половине войны. Так, весной 1917 года на стокгольмской конференции венгерская социал-демократическая делегация в своем меморандуме представляла свое поведение во время войны, как с самого начала лишенное шовинизма, интернационалистическое и классово-боевое.

«Венгерская партия в течение всего периода войны боролась против националистических и империалистических формул и с определенной гордостью может утверждать, что социалистический рабочий класс Венгрии избежал националистической и империалистической заразы, принеся в остальных воюющих странах столько бед.

В Венгрии не было «божьего мира» ни с точки зрения экономических интересов, ни исходя из политических позиций. Политическая партия продолжала свою борьбу против национального и общественного угнетения, в то время как профсоюзы всеми возможными средствами боролись за улучшение условий жизни рабочего класса.» («Stockholm», стр. 196.)

В последний период войны, когда направленное против войны ожесточение венгерских рабочих масс уже показывало революционное напряжение и вело к открытым взрывам, они делали для венгерского рабочего класса еще более громкие заявления. Так, на чрезвычайном съезде социал-демократической партии, проведенном в феврале 1918 года, Вельтнер хлоднокровно заявил:

«... В Европе нет ни одной социал-демократической партии, которая более целеустремленно выполняла бы свои обязанности, чем венгерская... Венгерская социал-демократическая партия... ни минуты не разделяла военный шовинизм.» (*Weltner Jakab, A szociáldemokrata párt és a béke* [Социал-демократическая партия и мир.] Будапешт, 1919, стр. 5—7. Эта брошюра вышла в качестве полного текста доклада на чрезвычайном съезде партии.)

Начиная с тридцатых годов, по мере того, как контрреволюционная Венгрия все более открыто вставала на путь фашистской агрессии и службы гитлеровской Германии, социал-демократические руководители начали вспоминать, что в период первой мировой войны они были «защитниками родины». (См. Сборник статей в честь Эрбё Гарамы. Будапешт, 1939. стр. 21.)

тельной слабости финансового капитала и его зависимости от Австрии, рабочая аристократия, живущая в мелко-буржуазных условиях, представляла довольно узкий слой, которому противостояло подавляющее большинство венгерского рабочего класса, трудящегося и существовавшего в исключительно плохих условиях и беспощадно эксплуатировавшегося.

«Одним из главных факторов того, что венгерская социал-демократическая партия не могла по образцу австрийской или германской социал-демократической партии удержать пролетариат от революции, было то, что обеспеченный слой венгерских рабочих был очень малочисленным в тот момент, когда сотни тысяч рабочих пришли в организации, и так не смог заразить их своей удовлетворенностью и удержать от революционных действий.» (Матиас Ракоши.)⁸⁴

«Излучение русской революции в Венгрии» можно проследить буквально хронологически. 1917 год является поворотом в истории венгерского рабочего движения. В этом году число членов профсоюза скачком повысилось почти в четыре раза.⁸⁵ «Этот огромный и неожиданный подъем начался, собственно говоря, лишь 1 мая 1917 года» — пишет генеральный секретарь профсоюзов Венгрии того времени — Шаму Ясаи.⁸⁶ В течение 1917 года число членов союза металлистов с 20 000 повысилось до 80 000. В отдельных профессиях количество членов возросло в еще большей мере. Так, число членов организации рабочих мукомольной промышленности в течение 1917 года повысилось более, чем в пять раз⁸⁷, число членов профсоюза работников торговли — более, чем в девять раз.⁸⁸ В таких специальностях, где до того вообще не удавалось создать организации, создаются профсоюзы — например, среди железнодорожников, шахтеров, рабочих кирпичных заводов, государственных служащих и т. д. Организации, которые до того лишь прозябали и никак не могли приобрести значение, теперь окрепли; таковы организации рабочих текстильной и химической промышленности, работников трамвая, сельскохозяйственных рабочих и т. д. То обстоятельство, что в отличие от двух первых военных лет, 1-ое Мая 1917 года венгерские рабочие по всей стране отметили прекращением работы, демонстрациями и народными собраниями, в которых приняли участие сотни тысяч людей, также показывает укрепление самосознания рабочих, стремительный рост их боевой готовности. 1-ое Мая 1917 года — руководители социал-демократической партии — решили праздновать непосредственно под влиянием революции в России. Бухингер пишет о том, что Гарами самым решительным образом заявил, что «в России идет революция, поэтому невзирая ни на что,

⁸⁴ Rákosi per (Процесс Ракоши), стр. 377—378.

⁸⁵ 31 декабря 1916 года число членов профсоюзов — 55 338, а 31 декабря 1917 года число членов профсоюзов — 215 222.

⁸⁶ Jászai Samu, Ук. соч., стр. 226.

⁸⁷ Там-же, стр. 313.

⁸⁸ Там-же, стр. 304.

1 Мая мы должны демонстрировать». ⁸⁹ На следующий день, 2 мая, все предприятия военного снаряжения устраивают демонстративную забастовку за мир и всеобщее избирательное право.

В 1917 году одно забастовочное движение следовало за другим. В этом году — несмотря на мобилизацию, на жандармерию и армию — прошли три железнодорожные забастовки, одна из которых, майская — продолжалась девять дней. В забастовочном движении приняли участие десяткитысяч железнодорожников; приостановлением эшелонов с войсками они в большой мере мешали военным действиям. ⁹⁰ В октябре 1917 года всеобщую забастовку провели и работники трамвая. ⁹¹ И все это делалось вопреки воле и сопротивлению социал-демократических руководителей.

»В 1917 году уже было достаточно большое количество движений за повышение зарплаты, хотя профсоюзы стремились к тому, чтобы воспрепятствовать всякому прекращению работы. В провинциальных городах также были большие демонстрации, в нескольких местах были и всеобщие забастовки.« ⁹²

Услышав весть о победе Октябрьской социалистической революции, о приходе большевиков к власти и их призыве к миру, рабочие Будапешта и его окрестностей на огромном народном собрании в Промышленной Палате выразили свою солидарность революционному рабочему классу России. ⁹³ Участники собрания приняли следующую резолюцию :

»Рабочие Будапешта и его окрестностей, а вместе с ними весь народ Будапешта посылает свой братский привет русским революционерам, которые смелым сердцем, здравым умом и уверенной рукой выводят человечество из ада войны. Все мы, собравшиеся здесь, и вся трудовая Венгрия полны решимости поддерживать русских революционеров в их героической борьбе, направленной на достижение мира, и всеми силами бороться и за то, чтобы и в нашей стране была ликвидирована эксплуатация одного класса другим и угнетение одной нации другой нацией.« ⁹⁴

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала невероятное воодушевление у венгерских рабочих. Атмосфера рабочих собраний

⁸⁹ *Buchinger Manó, Találkozásom Európa szocialista vezetőivel* (Встреча с социалистическими руководителями Европы), стр. 159.

⁹⁰ *Landler Jenő*, Ук соч. и *Jászai Samu* Ук соч., стр. 325.

⁹¹ *Jászai Samu*, Ук соч., стр. 327.

⁹² Там же, стр. 227. Подчеркнуто мною. Э. А.

⁹³ Декабрьский номер «*Szakszervezeti Értesítő*» за 1917 год так писал об этом собрании : »В период войны и даже в мирное время в Венгрии еще не было такого могучего, впечатляющего народного собрания, как в этот день . . . Местом народного собрания была избрана Промышленная Палата, находящаяся в городском парке. Но даже в этом огромном зале не уместились рабочие, значительная часть которых осталась на улице. Но и там они провели летучки . . .«

⁹⁴ Там же. Подчеркнуто мною. Э. А.

стала горячей. На этих собраниях речь шла не только о поддержке проекта сепаратного мира, предложенного большевистским правительством, чем оппортунистические рабочие руководители, уцепившиеся за движение, хотели ограничить проявления рабочего класса. Венгерские рабочие во все более решительной форме выражали тот свой взгляд, что они считают революционную борьбу российского пролетариата великим примером для себя.

Начиная с этого времени, во все более широких кругах рабочего класса становится сознательным чувство того, что его официальные руководители предают его интересы. Новым явлением выступает все более решительное противодействие самой сознательной части рабочего класса против политики руководителей социал-демократической партии и профсоюзов. На почве этого противодействия создаются и становятся все более влиятельными левые антимилитаристские группы. Один из самых деятельных руководителей антимилитаристского движения в период первой мировой войны — Дьюла Хевеши, так характеризует эти группы:

«. . . Из отдельных левых членов кружка Галилея под руководством Отто Корвина, Илоны Дучинской, Имре Шаллаи создалась группа, которая первой стала — нелегальной организацией. Они доставляли на фронт и в военные госпитали антимилитаристские листовки и вели личную антивоенную пропаганду среди солдат. Была создана антивоенная группа писателей и артистов во главе, с Лайошем Кашшак и Аладаром Комьят (группа издавала газету «Ма» («Сегодня»). Позже она разделилась на две части, поскольку Кашшак не хотел и не мог переступить позицию пассивной критики; Комьят вместе с Йожефом Реваи, Матиасом Дьердь и с некоторыми другими, издал газету «Тетт» («Действие»), в которой они еще только в литературно-художественной форме старались пропагандировать антивоенные взгляды. Создавалась и антивоенная рабочая группа — уже и раньше действовавшая группа анархо-синдикалистов, которая работала на самолетном заводе в Матяшфельд под руководством Антала Мошойго — теоретически прекрасно образованного рабочего. Подобная же небольшая группа существовала и на асодском самолетном заводе. И, наконец, была создана группа молодых инженеров, которая также поставила своей задачей борьбу против войны.»⁹⁵

Антивоенной группой был и т. н. Межзаводской комитет, который в этот период стихийно образовался из настроенных против войны рабочих и технической интеллигенции крупнейших будапештских и окрестных заводов. Этот Межзаводской комитет, в котором были представлены, можно

⁹⁵ *Hevesi Gyula, A proletárforrádalom mozgalmi e'özményeiről az első világháború alatt* (О движении, предшествовавшем в период первой мировой войны пролетарской революции). «Társadalmi Szemle», март-апрель 1949 г.

сказать, все антимилитаристские группы,⁹⁶ становился все более важным центральным органом антивоенного движения.

Конечно, нельзя переоценивать ни политическую, ни организационную зрелость этих антимилитаристских групп. Члены их были против войны, но решительный путь, выводящий из войны, они или совсем не видели, или же видели лишь очень туманно. Внутри социал-демократической партии также были левые элементы, которые проводили активную борьбу против войны. Они играли часто значительную роль в организации движений против войны, становившихся в период 1917—1918 гг. все более частными и принимали все большие размеры. Енё Ландлер — старый, боевой руководитель социалистического движения железнодорожников — сыграл большую роль в том, что забастовка, начавшаяся в июне 1918 года на механическом заводе государственных железных дорог, несмотря на все контрмеры правительства, за короткое время охватила всю страну. Енё Ландлер вообще играл выдающуюся роль в организации и руководстве движением железнодорожников в период войны. Движения железнодорожников дотрагивались самого чувствительного места военной машины Австро-Венгерской монархии. Из-за июньской забастовки 1918 года Енё Ландлера арестовали.

За активную деятельность военный трибунал осудил и Енё Гамбургера — председателя социал-демократической партийной организации города Надьканижа. Енё Гамбургер, будучи военным врачом, летом 1917 года встал во главе крупного массового движения в Надьканиже. Он был автором и распространителем целого ряда антимилитаристских листовок; он играл также большую роль в организации местных железнодорожных забастовок, которые имели тем большее значение, что через Надьканижа проходили важные — с точки зрения южного и юго-восточного театра войны как для монархии, так и для союзников, — линии на Винернейштадт, Барч, Прагерхоф, Будапешт. В январе 1918 года Енё Гамбургер призвал рабочих Надьканижи следовать примеру русских рабочих и крестьян и — вопреки указаниям официальных партийных и профсоюзных руководителей — стремился вовлечением железнодорожников в массовую забастовку распространить остановку работы и на транспорт. За это он был передан военному трибуналу.

На процессе, проведенном в сентябре 1917 года братиславским военным трибуналом, военный прокурор выдвинул следующее обвинение против Енё Гамбургера :

»В августе 1917 года он руководил демонстрацией против главного исправника . . . . Он выделился в период октябрьской железнодорожной

⁹⁶ К числу самых активных деятелей комитета принадлежали еще: рабочий завода «Вольфнер» Иожеф Матушак, дорожные инженеры Имре Лоранд, Иожеф Келен и Ласло Шайо, служащий завода «Тудор» Аладар Комьят, инженер завода «Эдешюльт Иззо» Армин Хельфголт, рабочий комбината «Манфред Вейс» Мольнар, один-два рабочих с Оружейного завода, с завода «Ланг», с завода Ганц-Данубиус». (Там-же.)

забастовки, и затем в декабре, когда железнодорожники обратились к управлению железных дорог со специальным меморандумом... 19 января 1918 года по случаю всеобщей забастовки д-р Ландлер, по поручению центрального партийного руководства, послал журналиста Марковича... в Надьканижу к обвиняемому, в целях организации там забастовки... к полудню в Надьканиже забастовка уже была организована. В распоряжении центра якобы говорилось, что сообщение должно быть сохранено. Несмотря на это, в показаниях начальника движения Барца и главного инженера Рубина мы слышали, что частичная забастовка разразилась и на железной дороге. То, что обвиняемый содействовал этому, он сам признал... Паровозных машинистов призвали присоединиться к забастовке. Эти свидетели подтвердили, что машинистам вручили и листовки, в которых говорится, что Центральное правление Союза паровозных машинистов также распорядилось о забастовке, так что они тоже заявили о своем присоединении... Обвиняемый уже в августе 1917 года сделал заявление, в котором обещал всеобщую забастовку и заявил, что если нужно, будет остановлено и железно-дорожное движение. В полдень 19 января в листовке, озаглавленной «Предупреждение», он намеренно не упоминает, что транспортные предприятия также представляют исключение.»⁹⁷

Смелое выступление этих антимилитаристских элементов внутри социал-демократической партии против империалистической войны и политики шовинистских венгерских господствующих классов сильно ослаблялось тем обстоятельством, что они не осознали не только необходимость принципиального и организационного разрыва с социал-демократической партией, нахсидишейся под оппортунистическим руководством — это было общей чертой для всех антимилитаристических групп и направлений — но и настоятельной необходимости разоблачения перед рабочими массами в конкретных случаях социал-шовинистской предательской политики социал-демократических лидеров. И все это — вопреки тому, что, как мы видели выше, они на деле не раз противостояли указаниям центра, не одобрили их.

Более критическую и отрицательную позицию по отношению к социал-шовинистскому партийному руководству занимали антимилитаристы, группировавшиеся вокруг Эрвина Сабо. Нельзя сказать, что им были полностью ясны действительные причины империалистической войны, экономические корни социал-шовинизма и предстоящие задачи. В этом им препятствовали синдикалистские взгляды Эрвина Сабо, все больше отдалявшегося от марксизма. Если их синдикализм и был проявлением протеста, «бунта» против оппортунистической политики официального партийного руководства, он

⁹⁷ Дело военного врача Енё Гамбургера и его сообщников. Стенографический протокол заседаний братиславского военного трибунала. Архив Института рабочего движения, в Будапеште.

не перестал быть «перевернутым оппортунизмом», как называл его Ленин. В то же время несомненно, что нельзя считать случайностью, что группировавшиеся вокруг Эрвина Сабо представители молодого поколения в своем подавляющем большинстве в будущем стали не только выдающимися борцами коммунистической партии Венгрии, но и приняли деятельное участие в ее создании. Участие в антимилитаристическом движении было их первым революционным крещением и политической школой.

Наряду с тем, кто позже играл выдающуюся роль в революционном венгерском движении — как Йозеф Реваи, Отто Корвин, Имре Шаллаи, Дьюла Хевеши, Янош Лекаи и другие — нужно упомянуть имя Антала Мошойго, этого выдающегося рабочего-революционера. Он был одним из инициаторов и главным организатором антимилитаристического движения. Не в последнюю очередь благодаря его работе группа Эрвина Сабо могла распределять в казармах, на заводах, в отправлявшихся на фронт маршевых батальонах сотни и тысячи литографированных антимилитаристских листовок. Самолетный завод в Матьяшфельде, имевший большое значение с военной точки зрения — где работал Антал Мошойго, — стал одним из центров предвоенной антимилитаристской агитации. Антал Мошойго сыграл большую роль в организации массовой забастовки в 1918 году. Во второй половине 1918 года он был арестован и только революция освободила его из тюрьмы⁹⁸.

Некоторое представление о политической зрелости антимилитаристских движений мы можем получить на основе листовок, изданных на протяжении 1917—1918 гг. двумя самыми значительными антимилитаристскими объединениями — группой синдикалистского характера, объединившейся вокруг Эрвина Сабо, и левыми оппозиционными элементами, действовавшими внутри социал-демократической партии. Так, в одной листовке, на которой стоит подпись «Группа венгерских социалистов, присоединившихся к Циммервальду» и которую, согласно всем признакам, издали в конце 1917 года левые члены радикальной прогрессивной студенческой организации имени «Галилея», вместе с синдикалистскими рабочими, сгруппировавшиеся вокруг Эрвина Сабо читаем: «... Терпеть ли нам, страдать ли нам и дальше только потому, что германский кайзер, военное командование и канцлер все еще хотят поработить чужие народы? Или потому, что англо-американским империалистам еще недостаточно пролития крови? ... Воспрепятствование дальнейшей резне, принуждение к миру мы не можем ждать уже и от тех, чьей обязанностью это являлось бы. Ведь мы должны были видеть, что в Стокгольме также не родилось единодушное решение, которое служило бы общим интересам пролетариев всех стран. Не смогли собраться и достичь соглашения те официальные пар-

⁹⁸ «Új március» («Новый март»). Апрель, 1927 г.

тийные вожди, между которыми... не было бы противоречий, если бы они действительно стояли на основе классовой борьбы. Товарищи-рабочие! Только единственная сила может спасти мир и может победить прекрасно организованную международную реакцию — это единое революционное выступление международного пролетариата за мир. Проникнутые этой идеей, еще в начале войны собрались в Циммервальде те товарищи, которые ни на одну минуту не сходили с пути классовой борьбы, поэтому они со все большей силой и решимостью провозглашают, что посреди массовых убийств у пролетариев всего мира есть только один интерес, только один достойный их поступок — война против войны! Этой идеи придерживается революционный пролетариат Петрограда и Москвы. Во имя этой идеи они призвали и нас на борьбу и в течение многих месяцев ждали нашей братской помощи... Братья, пришла наша очередь! Поймем, наконец, что нам, пролетариям, незачем совещаться по поводу военных целей и условий мира. Мы освободим мир от общего врага, если будем бороться, если сможем бороться против него... Призываем вас, братья, к той общей борьбе, которую начинают пролетарии Европы и Америки против войны. Орудием этого является усиленная экономическая борьба, открытой целью которой является: всеобщей забастовкой, саботажем производства военных машин, оружия и аммуниции, затруднить ведение войны, сделать невозможной войну. Товарищи, готовьтесь! Рабочие всех стран, солдаты всех стран, соединяйтесь!

Группа венгерских социалистов,
присоединившихся к Циммервальду.⁹⁹

Несколько более конкретна и решительна следующая антимилицаристская листовка, написанная уже в начале 1918 года и начинающаяся словами: «Братья-солдаты!»

«Братья, опомнитесь! Русские солдаты уже поняли, что земля, которую им нужно завоевать, находится в их собственной стране, что враг, против которого, если нужно, они выступают и с оружием в руках — это паразитический отряд владельцев-графов и промышленных баронов, который натравливает Иванов Безземельных и Петров Неимущих различных наций друг на друга, чтобы избежать того, что те, признав своего истинного врага, повернутся против них!

Солдаты! Через две-три недели русские братья вернутся домой, на плодородные земли, которые отныне будут растить золотые колосья не для хозяев замков, а для тех, кто их обрабатывает... Русские солдаты несогласны умирать за то, чтобы Польша или какая-либо другая область,

⁹⁹ *Halmi József, A Galilei-per aktái* (Акты, относящиеся к процессу кружка Галилеи). стр. 86–87.

населяемая чужим народом, принадлежала к Российской Империи.»¹⁰⁰

Но даже эта листовка — и это характерно — заканчивается вопросом: «Солдаты, что вы будете делать?»

Антимилитаристская листовка, написанная и распространявшаяся левым социал-демократом Енё Гамбургером, также ссылается на революционерный пример русских рабочих, крестьян и солдат.

«Достаточно резни! Сегодня мы посылаем братский привет нашим товарищам — русским революционерам и посылаем ультиматум имущим, желающим продолжать войну, промышленным рыцарям и поджигателям войны.»¹⁰¹

В антимилитаристских листовках мы находим следы того, что участники антивоенного движения осуждали социал-шовинистов — по крайней мере открытых «оборонцев» — прекрасно сознавали империалистический характер правительства Керенского в России, клеймили военные действия кайзеровской Германии и Австро-Венгерской монархии против Советской России, бичевали вызывающее поведение представителей центральных держав на брестлитовских переговорах, осуждали «германских солдат, грабящих и бесчестящих беззащитное население» украинских деревень и т. д.¹⁰² Эти листовки также свидетельствуют о том, что движения, направленные против империалистической войны, в Венгрии сформировались и развивались под сильным влиянием русской революции, на примере российских рабочих и крестьян, участники этих движений видели, что революция является единственным выходом из империалистической войны. В то же самое время мы почти не видим следов ясных и решительных лозунгов большевиков, конкретных указаний относительно превращения войны империалистической в войну гражданскую, решительной точки зрения в отношении краха Второго Интернационала. Хотя они не раз ссылаются на свою принадлежность к циммервальдскому движению,¹⁰³ организационной связи с циммервальдцами у них явно не было, более того, они были не очень информированы о различных течениях, о принципиальной борьбе внутри циммервальдского лагеря, о конкретном развитии всего движения.

В этом факте выражалась не только недостаточная информированность левых антивоенных групп, действовавших в Венгрии, но, прежде

¹⁰⁰ Там-же, стр. 88.

¹⁰¹ Hamburger Jenő népfelkelő orvoslak és társának ügye (Дело военного врача Енё Гамбургера и его сообщников. Стенографический протокол заседаний братиславского военного трибунала. Архив Института рабочего движения. Б. н.)

¹⁰² Листовка начала февраля 1918 года, начинавшаяся словами: «Мы должны действовать!» Музей Института рабочего движения. Б. н.

¹⁰³ См. вышеприведенную листовку, а также показание главной обвиняемой процесса кружка «Галилеи», Илоны Дучинской, сделанное ей на закрытом совещании, относительно того, что выпускной листовки, они преследовали цель «дать понять рабочим, что есть уже и за границей такое объединение, которое стоит на другой точке зрения, нежели наша социал-демократия...» (Halmi József, A Galilei-pör aktái [Акты, относящиеся к процессу кружка «Галилеи».] Будапешт, 1918, стр. 107.)

всего, общая идеологическая и организационная слабость левого крыла венгерского рабочего движения.

После всего этого возникает вопрос, какова была позиция официального партийного и профсоюзного руководства по отношению к революционным событиям в России?

Политическое двуличие венгерских социал-демократических лидеров, их готовность лавировать, часто — ввиду революционного настроения масс — необходимость лавировать, особенно резко проявились в отношении к русской революции, в частности, к политике русских большевиков. С марта по ноябрь 1917 года, то есть в тот период, когда исход борьбы между большевиками и меньшевиками еще не был решен и вместе с этим не был решен вопрос, останется ли русская революция буржуазно-демократической революцией или перерастет в социалистическую революцию рабочего класса — в этот период, особенно в июле — августе 1917 г. «Непсава» изо дня в день публиковала большие статьи о событиях в России, в которых, хотя и стремилась показать «объективность» постороннего наблюдателя, в действительности же совершенно открыто заняла позицию на стороне меньшевиков против большевиков. Перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую она квалифицировала, как анархизм, стремление к этому — как что-то нереальное, что в конце концов подорвет революцию и неизбежно приведет к победе контрреволюции.¹⁰⁴

«Русская революция является буржуазной революцией — подчеркивала «Непсава» — то есть, когда будет ликвидирован старый режим, вследствие нынешнего исторического положения России политическая власть должна быть передана в руки буржуазии. Это всегда было точкой зрения наиболее просвещенных кругов русской социал-демократии...»¹⁰⁵

О большевиках «Непсава» писала, как о «все растущем анархическом течении российского рабочего и крестьянского движения», которое «рассеивает продуктивные силы страны». Согласно характеристике, помещенной в органе венгерской социал-демократической партии, большевики «считают естественные законы общественного развития ложью буржуазии, насильно торопят медленный общественный процесс и так стремятся перегнуть как собственную историю, так и историю всей цивилизации. Исход этой борьбы заранее решен. На сегодняшнем этапе развития капитализма всякий род социализма — безумие. Как мы видим, это безумие беспокоит сознательные социалистические круги... Русская революция исторически является буржуазной...»¹⁰⁶

¹⁰⁴ «Népszava», 7 июля 1917 г. «Az orosz forradalom fejlődésének válságos korszaka» (Критический период в развитии русской революции); «Népszava», 31 июля 1917 г. «Az oroszországi anarchia és az ellenforradalmár elemek» (Российская анархия и контрреволюционные элементы) (От нашего русского корреспондента).

¹⁰⁵ «Népszava», 9 авг. 1917 г. *Olberg*, Az orosz forradalom válságos napjai (Критические дни русской революции) (От нашего русского корреспондента.)

¹⁰⁶ «Népszava», 31 июля 1917 г. «Az oroszországi anarchia és az ellenforradalmár elemek» (Российская анархия и контрреволюционные элементы)

Статья поднимает вопрос, «почему все же лозунг большевиков действует на массы?» И отвечает на этот вопрос следующим образом: «Наряду со сравнительно низким общественным и политическим уровнем масс живой отклик находит демагогическая агитация, подстрекающая к конфискации земель и заводов.»¹⁰⁷ Солидарность с меньшевиками и осуждение политики большевиков были откровенными со стороны правых и центристских руководителей социал-демократической партии, ведь и их политика как до войны, так и в период войны была, по существу, меньшевистской политикой. Из этого следовало, что в августе 1917 года «Непсава», можно сказать, похоронила русскую революцию.¹⁰⁸ Керенского «Непсава» расценивала, как великого революционера, сравнивала его с Дантоном и Карно.¹⁰⁹ Она находила оправдание даже для открыто контрреволюционных распоряжений правительства Керенского, как, например, ограничение свободы печати, восстановление смертной казни, введение военных трибуналов и т. д.¹¹⁰ Направленную же к продолжению войны империалистическую политику «временного правительства» она считала в полной мере правильной, — начало июльского наступления она квалифицировала, как акт мира. ». . . Наступление способно скорее к тому, чтобы способствовать миру, чем быть препятствием к нему,» — писал Якаб Вельтнер в своей корреспонденции из Стокгольма.¹¹¹

«Наступление началось исключительно с политической целью и стремилось к тому, чтобы силой оружия заставило принять мир . . . Керенский . . . успехами на полях битвы хотел добиться мира без аннексий.»¹¹²

Что сказала после всего этого «Непсава», то есть руководство социал-демократической партии, о приходе большевистской партии к власти и о победе социалистической революции в ноябре 1917 года? В этот второй период «Непсава» безо всякого объяснения резко изменила фронт. Самым воодушевленным образом она приветствовала «новую русскую революцию» и вообще писала о ней так, как будто всегда желала ее победы.

«Мартовская русская революция теперь с ноябрьскими днями созрела совершенно . . . Начинаясь сейчас новая революция — чисто пролетарская революция и так мы можем сказать, что русская революция сегодня, с победой и приходом к власти петроградских рабочих и солдат,

¹⁰⁷ «Népszava», 7 июля 1917 г. «Az orosz forradalom fejlődésének válságos korszaka» (Критический период в развитии русской революции; см. также «Népszava», 29 июля 1917 г. «Az oroszországi anarchia és az ellenforradalmár elemek» Российская анархия и контрреволюционные элементы.)

¹⁰⁸ «Népszava», 9 авг. 1917 г. *Olberg*, Az orosz forradalom válságos napjai (Ольберг, Критические дни русской революции.)

¹⁰⁹ «Népszava», 23 июля 1917 г. «Mi történik Oroszországban» (Что происходит в России?)

¹¹⁰ «Népszava», 9 авг. 1917 г., там же.

¹¹¹ «Népszava», 10 июля 1917 г., «Tanácskozás az oroszokkal» (Совещание с русскими).

¹¹² «Népszava», 26 июля 1917 года. «Kerenszki példája» Пример Керенского.

достигла вершин своего развития... То, что происходит сейчас в России — ни что иное, как увеличенная до гигантских размеров парижская коммуна 1871 года.¹¹³ »Все наши надежды связаны с победами советов рабочих, солдат и крестьян.«¹¹⁴ »В России сейчас разыгрывается невиданная в истории по своей величине и глубине социальная революция. Имущественные отношения переживают такие изменения, которые не могут остаться без влияния и последствий для экономических и социальных условий остальных стран...«¹¹⁵

В связи с покушением на Ленина »Непсава« писала о нем, как о »самой выдающейся личности всего социалистического движения современности«, имя которого »начертано на входе в новый мир — мир осуществления социалистического строя.«¹¹⁶

»С большевиками к власти пришел русский промышленный рабочий класс. И остальные социалистические партийные течения, когда все же продолжали борьбу против Ленина, боролись, собственно говоря, против диктатуры пролетариата, против попытки осуществления социализма...«¹¹⁷

В 1918 году на страницах »Непсава« также следовали одна за другой статьи, с величайшим признанием и даже восторгом рассказывавшие о Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. Правда, эти статьи большей частью избегали выносить осуждающий приговор меньшевикам или вообще занять более конкретную позицию в вопросе борьбы между большевиками и меньшевиками. Вместо этого »Непсава« публиковала »тепленькие« высказывания о русской революции Реннера,¹¹⁸ Каутского,¹¹⁹ Шейдемана и т. д.; между прочим, она без комментариев процитировала следующее высказывание Шейдемана:

»Многие вопросы разделяют нас от большевиков и мы никогда не поверим, что эти методы, которые они считают правильными и которые, может быть, в России и правильны, мы можем планомерно применять во всех странах мира... Мы не вмешиваемся в раздоры российских направлений...«¹²⁰

Сама »Непсава« неоднократно ухитрялась выразить и свои сомнения в такой форме, что »сегодня мы еще не можем судить, какое воззрение оправ-

¹¹³ »Népszava«, 9 ноября 1917 г. »Az új orosz forradalom« (Новая русская революция.)

¹¹⁴ »Népszava«, 14 ноября 1917 г. »Ki győz?« (Кто победит?)

¹¹⁵ »Népszava«, 12 дек. 1917 г. »Az orosz szociális forradalom« (Русская социальная революция.)

¹¹⁶ »Népszava«, 3 сент. 1918 г. »Ленин.«

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ »Népszava«, 14 ноября 1917 г. »Ki győz?« (Кто победит?)

¹¹⁹ »Népszava«, 14 дек. 1917 г. *Kautsky Károly, A béketárgyalások* (Переговоры о мире.)

¹²⁰ »Непсава«, 21 ноября 1917 г. »Az orosz forradalom és a német szociáldemokrácia« (Русская революция и немецкая социал-демократия.)

дается ходом исторических событий»¹²¹ и т. д. Вообще же она вступала за российскую социалистическую революцию, за советскую власть.

Чем это объясняется?

В первую очередь, исключительно единодушным и воодушевленным выступлением венгерского рабочего класса на стороне Великой Октябрьской социалистической революции и большевиков. Если бы «Непсава» и после ноября 1917 года продолжала осуждение большевиков, как «анархистов», то это было бы открытым выступлением против революционной России, на что «Непсава» не могла решиться, если только не хотела вызвать самое резкое возмущение венгерских рабочих масс. Руководители венгерской социал-демократической партии «плыли по течению», как много раз и до того и после этого. Они приспособливались к настроению масс, левыми лозунгами прикрывали свои неизменно оппортунистические убеждения; политические воззрения и стремления. Насколько лицемерными, по крайней мере со стороны высших руководителей социал-демократической партии, были высказывания «Непсава», возвеличивавшие ленинцев и пролетарскую революцию в России, доказывает то, что в этот период одним из редакторов «Непсава» был Эрнё Гарам, который, как известно, с самого начала враждебно относился к Великой Октябрьской социалистической революции.¹²² Если бы руководители социал-демократической партии искренне встали на сторону Октябрьской революции и большевиков, то им надо было бы учесть все последствия новой позиции как относительно своей прошлой политики, так, главным образом, и своих будущих задач. С их стороны об этом не было и речи. Молчаливо и они придерживались мнения Шейдемана и вскоре же доказали, что, по их мнению, политика большевиков «может быть правильна» в России (в действительности они и этому не верили), но в Венгрии она ни в коем случае неприменима.

Но, кроме этого, еще и другие соображения побуждали центристских и даже определенно правых руководителей венгерской социал-демократической партии не высказывать открыто, что они не согласны с тем, что происходит в Советской России, что они в действительности не одобряют революционную политику большевистской партии. Эти соображения были внешне- и внутривнутриполитического характера. Внешнеполитически предложение мира со стороны Советской России; имело исключительно большое значение для центральных держав. Поэтому в это время и правые социал-демократы центральных держав торопили с быстрейшим заключением сепаратного мира прежде всего, в интересах избежания военного поражения и революции, в интересах сохранения двуединой монархии.

¹²¹ «Népszava», 3 сентября 1918 г. «Ленин.»

¹²² Бухингер пишет, что Гарам был «холоден и отчужден» «с первых же дней октябрьских событий 1917 года и до самого конца в отношении восторговавшихся и иллюзионистов». «Garami emlékkönyv» (Книга, посвященная памяти Гарам, изданная с.-д. партией, стр. 49.).

«. . . Если правители монархии не хотят довести массы Венгрии до пропасти неисчислимых последствий глубочайшего отчаяния, то они должны связаться и договориться с русскими массами.»¹²³

Принять предложение правительства Советской России о мире — было точкой зрения социал-демократических руководителей, потому что оно пригодно для того, чтобы решить баланс войны, пожалуй, в пользу центральных держав.

«Не только освободятся целые армии, — писала «Непсава» — которые сегодня связаны русским фронтом, но как только мир ликвидировал бы экономическую разруху России, как только германские локомотивы и железнодорожные вагоны уменьшили бы сегодняшние трудности в сообщении, Россия, также, как и в мирное время, могла бы стать неисчерпаемой житницей центральных держав. Мир, заключенный Россией, означал бы военную и экономическую непобедимость центральных держав . . .»¹²⁴

Эта мотивировка заключала в себе небольшую, но законченную колонизаторскую программу, которая по существу и даже по формулировке слово в слово отражает ту точку зрения, которую занимала империалистическая буржуазия центральных держав, по крайней мере, та ее часть, которая считалась с действительным положением, которую занимал по той же причине и Шейдеман, и Реннер, и Каутский, которые все в этот период торопили с заключением сепаратного мира с Россией.

Но как центристские, так и правые лидеры венгерской социал-демократической партии руководились и внутривнутриполитическими соображениями, когда они воздерживались от нападков на русскую революцию и на большевиков. Ссылаясь на «угрожающий» пример русской революции, на отклики ее в Венгрии, они старались принудить реакционное венгерское правительство к определенным уступкам, в частности, в вопросе об избирательном праве. Они стремились использовать большие массовые движения венгерских рабочих, проводившиеся в 1917 и в 1918 гг. для завоевания избирательного права (и одновременно хотели сузить их до этих рамок). Социал-демократические вожди сделали из нового мирового положения, созданного Октябрьской революцией, тот вывод, что внутривнутриполитическую борьбу можно снова продолжить с того места, где они прекратили ее в июле 1914 года, за те же требования и на том же уровне: борьбу за всеобщее избирательное право. Также, как до войны, они и сейчас были готовы отдать рабочий класс «взаимы» буржуазным оппозиционным партиям, использовать выступления рабочих скорее только для угрозы по отношению к правительству и купить компромиссы и пакты тем, что разоружат эти выступления, прежде чем они станут слишком

¹²³ «Népszava», 14 ноября 1917 г. «Ki győz?» (Кто победит?).

¹²⁴ Там же.

опасными. Так произошло и в январе 1918 года, когда социал-демократические руководители в ответ на обещание правительства Вэкерлэ провести закон о всеобщем избирательном праве, по сговору с правительством, разоружили — хотя и не совсем гладко — революционные движения рабочих.

К этому мы еще должны добавить, что в этот период «Непсава» тем более спокойно выражала свою якобы симпатию к Советской России, что пока еще — во всяком случае, ей так казалось — ей не нужно было всерьез бояться того, что и в Венгрии произойдет революция, которая поднимет те же проблемы. По мере того, как Венгрия все больше приближалась к революции, но главным образом, после победы революции статьи «Непсава» о Советской России все больше заканчивались выводом: то, что происходит в Советской России под руководством большевистской партии, и прекрасно и хорошо, но для Венгрии недействительно, в Венгрии неприменимо.

В вопросе о Великой Октябрьской социалистической революции у оппортунистических партийных и профсоюзных руководителей не было и не могло быть искреннего поведения, безо всяких задних мыслей. Но совсем по-иному относились к великой борьбе российского рабочего класса и большевистской партии организующиеся внутри социал-демократической партии или вне ее левые антимилитаристские элементы и широкие пролетарские массы. Хотя и они не были подробно знакомы с учением Ленина, со стратегией и тактикой большевистской партии, но они знали и понимали самое важное — то, что Октябрьская революция положила конец войне, отдала землю крестьянам, заводы рабочим. На этой основе в 1918 году в Венгрии возникают грандиозные антивоенные массовые движения, во все более широких слоях венгерских рабочих и бедных крестьян начинает господствовать стремление к тому, чтобы «и в нашей стране была ликвидирована эксплуатация одного класса другим, угнетение одной нации другой.»

(Продолжение следует.)

Э. Андич

Elisabeth Andics

LE MOUVEMENT OUVRIER HONGROIS AU TEMPS DE LA PREMIERE GUERRE MONDIALE ET L'EFFET DE LA GRANDE REVOLUTION SOCIALISTA D'OCTOBRE

A la veille de la première guerre mondiale impérialiste l'état de Hongrie s'approchait de plus en plus d'une situation que non seulement «ceux d'en bas», c'est-à-dire les larges masses populaires n'étaient plus disposées à tolérer, mais dans laquelle même «ceux d'en haut», c'est-à-dire les dirigeants n'étaient plus capables de s'assurer le pouvoir par les moyens accoutumés. L'édifice du dualisme craquait et menaçait ruine. En face de ces problèmes qui devaient amener une solution révolutionnaire, les classes dirigeantes hongroises cherchèrent une issue dans l'aventure de la guerre. Au fait que les classes dirigeantes réussirent à différer la crise révolutionnaire qui murissait dans le pays, contribua d'une manière décisive, outre les mesures terroristes du gouvernement, la politique chauviniste des dirigeants du parti social-démocrate, le seul parti ouvrier de la Hongrie d'alors.

La légende mensongère d'après laquelle les dirigeants des social-démocrates se seraient opposés à la guerre se dissipe à la lumière des données historiques. Évidemment, le chauvinisme

des chefs social-démocrates quoi qu'ils fussent social-chauvins ne se manifestait pas toujours d'une manière ouverte. Il n'en reste pas moins que dès les premiers mois de la guerre ils se prononcèrent ouvertement pour la politique belliqueuse et impérialiste des classes dirigeantes hongroises. A cette époque — de même que les social-chauvins de l'Allemagne — ils cherchaient à motiver leur attitude au sujet de la «défense de la patrie» par la menace de l'invasion à laquelle ils s'attendaient de la part de la Russie tzariste. A l'avis d'Ernest Garami, c'était bien ce fait qui »même en Autriche-Hongrie, força les partis socialistes à considérer la défense nationale comme un intérêt primant tous les autres«. On retrouve ce motif dans l'argumentation de Jacob Weltner, un autre dirigeant du parti social-démocrate : »Si l'on tient compte du fait que l'invasion russe n'est pas désirable, on est obligé d'appuyer le travail de la direction de l'armée«. Que la politique des social-démocrates ne fût pas complètement dévoilée, cela s'explique surtout par le fait que leur voix comptait fort peu dans les affaires du pays. Ce fut Garami qui dit pendant la première année de la guerre : »Si nous, socialistes, nous n'avons pas voté les crédits militaires au moment de l'invasion russe, cela ne peut — selon ma conviction — s'expliquer par notre attitude, mais tout simplement par le fait que nous n'avons pas de droit de vote.«

Mais les dirigeants social-démocrates glorifiaient aussi bien la guerre de rapine de la monarchie que les impérialistes allemands. Ils s'enthousiasmaient pour les glorieuses »victoires« de l'armée allemande et exaltaient les crimes commis par elle. Dans leur attitude social-chauviniste ils allaient jusqu'à déclarer légitime même l'envahissement de la Belgique. »Après que la France, écrivait le Népszava en août 1914, eut violé le droit international, elle fournit à l'Allemagne un motif qui la dispense de respecter la neutralité de la Belgique.« Au surplus, les social-chauvins n'hésitaient pas à faire croire que l'occupation de la Belgique par les Allemands amenât — malgré ses cruautés — »l'essor des organes de bienfaisance« qui existaient dans ce pays.

Pendant la période suivante de la guerre les dirigeants du mouvement social-démocrate hongrois recoururent à une singulière tactique : celle-ci se manifestait surtout à l'époque où la défaite des puissances centrales devenait de plus en plus probable. Leur attitude était déterminée par le fait qu'une politique social-chauviniste ouverte les eût complètement isolés des masses révolutionnaires de la classe ouvrière hongroise, qui s'opposaient à la guerre. Pendant assez longtemps ils réussissaient à masquer par toute sorte d'habiles manoeuvres leur politique aux yeux des masses : ils réussissaient à isoler pour quelque temps les masses ouvrières hongroises des courants d'idées révolutionnaires de l'internationalisme prolétarien, dirigés par Lénine et le parti communiste (bolchévik) russe. D'autre part, les dirigeants opportunistes hongrois n'étaient point désorientés dans le domaine des questions internationales. Ils avaient écouté Lénine, ils connaissaient Rose Luxemburg, mais ils cédaient sciemment à l'impérialisme. Bien qu'ils fissent de plus en plus souvent des déclarations emphatiques sur la paix, ils se servaient de cette démagogie pour égarer les masses populaires. En même temps ils cherchaient à tirer profit de leur prestige dans le pays et de leurs relations avec l'étranger en faveur du maintien de la monarchie austro-hongroise et des buts impérialistes des classes dirigeantes.

Le fait que les dirigeants des social-démocrates étaient, à proprement parler, autant d'agents de la monarchie des Habsbourg, se révéla surtout à la conférence de Stockholm. A cette occasion la délégation hongroise qui comptait parmi ses membres Ernest Garami, Sigismond Kunfi, Emmanuel Buchinger, Jacob Weltner et autres, exposa dans un grand mémorandum l'idée que le traité de paix à conclure devrait respecter l'intégrité de la monarchie austro-hongroise. »La délégation hongroise, dit le mémorandum, est convaincue qu'une paix socialiste ne serait pas en contradiction avec le principe défendu par ladite délégation et selon lequel l'intégrité territoriale de la monarchie austro-hongroise doit être maintenue . . .« La délégation protesta énergiquement contre les aspirations des nationalités de Hongrie. A ce propos le mémorandum renvoya au fait que »l'application à l'Europe centrale du principe des nationalités aurait pour conséquence, au point de vue de l'Autriche et de la Hongrie, la perte de leur débouché maritime«. Selon les déclarations exposées dans le même mémorandum, la délégation »n'admettait point que la formation des états dût s'effectuer sur la base du principe des nationalités«. Cette conception foncièrement impérialiste fut un aveu manifeste en faveur de l'oppression des nationalités sur le territoire de la monarchie.

Au début la trahison des chefs chauvins du parti social-démocrate désorientait les masses combattantes de la classe ouvrière hongroise, freinait leur élan révolutionnaire et décomposait leurs organisations. Aux années 1915 et 1916 le parti social-démocrate renonça même à l'ancienne tradition, pleine d'esprit combatif, de fêter le 1er mai. Néanmoins bien des faits prouvent que même en ce temps-là l'esprit et l'enthousiasme révolutionnaires ne s'étaient pas éteints dans l'âme de la classe ouvrière hongroise. Dès 1915 d'importantes grèves eurent lieu dans les grandes usines. Précisément à cause de ces grèves les milieux dirigeants impérialistes de la vie politique et militaire, n'ayant plus de confiance dans les ouvriers, déclarèrent la militarisation des usines.

D'autre part, la misère, le despotisme politique et économique, l'état lamentable des masses privées de leurs droits ne restèrent pas sans effet : le peuple travailleur de la Hongrie prit une attitude de plus en plus décidée contre la guerre. Mais de la décadence et de la démoralisation où le mouvement ouvrier hongrois venait d'être poussé par ses dirigeants opportunistes, il ne put être relevé que par les événements révolutionnaires de Russie, par la lutte du parti bolchévik pour la révolution du prolétariat, lutte qui ouvrit une nouvelle époque de l'histoire universelle. »Le rayonnement de la révolution de Russie« — pour reprendre les paroles de Mathias Rákosi — exerça un immense effet sur la classe ouvrière hongroise : il provoqua un tournant décisif dans le mouvement ouvrier et dans toute la vie politique hongroise.

Sous l'effet de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre les masses ouvrières exploitées sans pitié (en Hongrie l'«aristocratie ouvrière» ne constituait qu'une couche extrêmement mince) organisent des grèves, des manifestations contre la guerre et s'opposent d'une manière de plus en plus ferme à la politique traîtresse des dirigeants du parti social-démocrate et des syndicats. Sous la pression des masses les dirigeants opportunistes du parti social-démocrate et des syndicats sont obligés de renoncer, au moins en apparence, à leur attitude menchévik : dans le *Népszava*, organe officiel du parti, on voit paraître des phrases qui font l'éloge de la révolution d'Octobre : en réalité, elles servent à masquer des buts réactionnaires dans le domaine de la politique intérieure et extérieure. Comme tant de fois auparavant et après, ces dirigeants opportunistes se laissent emporter par les flots. Mais au sein du parti social-démocrate il existe déjà de courageux éléments antimilitaristes en premier lieu la partie la plus consciente de la classe ouvrière. Dans ce mouvement antimilitariste les intellectuels révolutionnaires jouent également un rôle très actif. Ceux qui luttent à l'avant-garde du mouvement antimilitariste se recrutent surtout parmi les jeunes révolutionnaires qui, après s'être groupés autour de Ervin Szabó, s'éloignent de plus en plus de leur chef. Ni dans le domaine de la politique, ni dans celui de l'organisation ces groupes antimilitaristes n'atteignent pas le niveau du parti bolchévik. Ceux qui les constituent s'opposent à la guerre, mais ils n'ont pas des idées nettes sur la révolution qui pourrait offrir une issue. Ainsi les éléments antimilitaristes de gauche qui surgissent au sein du parti social-démocrate ne reconnaissent pas la nécessité de rompre, au point de vue des principes et de l'organisation, avec leur parti dominé par des dirigeants opportunistes.

Ils n'en reste pas moins que les divers groupes antimilitaristes ont déployé une activité courageuse et féconde : la plupart des participants évolueront rapidement pour devenir d'excellents combattants du parti communiste formé au mois de novembre de l'année 1918.

Les *Acta Historica* paraissent en russe, français, anglais et allemand et publient des travaux du domaine des sciences historiques.

Les *Acta Historica* sont publiés sous forme de fascicules qui seront réunis en un volume.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction et écrits à la machine à l'adresse suivante :

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement annuel est 60 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise du Commerce Extérieur des Livres et Journaux »Kultúra« (Budapest, VI., Sztálin-út 2., compte courant No. 45-790-057-50-032) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Acta Historica* publish papers on history in Russian, French, English and German.

The *Acta Historica* appear in parts of various size, making up one volume.

Manuscripts should be typed and addressed to :

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Correspondence with the editors and publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 110 forint a volume. Orders may be placed with »Kultúra« Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest, VI., Sztálin-út 2, account No. 45-790-057-50-032) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Geschichte swissenschaft in russischer, französischer, englischer und deutscher Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen Band.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind, mit Maschine geschrieben, an folgende Adresse zu senden :

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion und den Verlag bestimmte Korrespondenz zu richten.

Abonnementspreis pro Band 60 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Atssenhandels-Unternehmen »Kultúra« (Budapest, VI., Sztálin-út 2. Bankkonto Nr. : 45-790-057-50-032) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

INDEX

Gy. Moravcsik : La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise	161
И. К а т о : Движение венгерских якобинцев	185
Э. Андич : Венгерское рабочее движение в период первой мировой войны и влияние Великой Октябрьской Социалистической Революции	237

ACTA HISTORICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

REDIGIT
E. ANDICS

TOMUS I.

FASCICULUS 3.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
BUDAPEST, 1952

ACTA HIST. HUNG.

ACTA HISTORICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA TÖRTÉNELEMTUDOMÁNYI KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST, V., ALKOTMÁNY-U. 21.

Az *Acta Historica* orosz, francia, angol és német nyelven közöl értekezéseket a történelemtudomány köréből.

Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg; több füzet alkot egy kötetet.

A közlésre szánt kéziratok, géppel írva, a következő címre küldendők:

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi és kiadóhivatali levelezés.

Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként belföldre 40 Ft, külföldre 60 Ft. Megrendelhető a belföld számára az »Akadémiai Kiadó«-nál (Budapest, V., Alkotmány-utca 21, bankszámla 04-878-111-48), a külföld számára pedig a »Kultúra« Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest, VI., Sztálin-út 25, bankszámla: 45-790-057-50-032), vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

»*Acta Historica*« публикует трактаты из области исторических наук на русском французском, английском и немецком языках.

»*Acta Historica*« выходит отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков составляют один том.

Предназначенные для публикации рукописи (в напечатанном на машинке виде) следует направлять по адресу:

Acta Historica, Венгрия, Вудапешт 62, п/я 440.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена »*Acta Historica*« - 60 форинтов за том. Заказы в стране принимает »Akadémiai Kiadó« (Budapest, V., Alkotmány-utca 21) текущий счёт № 04-878-111-48), а для заграничных предприятий по внешней торговле книг и газет »Kultúra« (Budapest, VI., Sztálin-út 25., текущий счёт № 45-790-057-50-032), или его заграничные представительства и уполномоченные.

DE L'HISTOIRE DE L'ASSOCIATION GÉNÉRALE DES OUVRIERS *

L'ACTIVITÉ DE L'ASSOCIATION GÉNÉRALE DES OUVRIERS AU TEMPS
DE LA GUERRE FRANCO-PRUSSIENNE

1. *La guerre franco-prussienne et le mouvement ouvrier international*

En juillet 1870 une nouvelle guerre secoua l'Europe : la guerre franco-prussienne éclatait. La cause principale en était, comme on le sait, la volonté de l'Empire français d'empêcher l'union des Etats allemands en une seule nation. Mais Bismarck et ses collaborateurs n'en étaient pas moins responsables : par une victoire allemande ils désiraient raffermir l'hégémonie de la Prusse, même en Allemagne du Sud.

Du côté allemand, ce fut d'abord une guerre défensive. Bien que ce fût la monarchie prussienne qui voulût liquider le morcellement en petits Etats, les Allemands avaient à défendre leur droit à l'union nationale contre l'attaque de l'Empire français. Quant à la suppression de la division en petits Etats, elle constituait également une condition essentielle de l'essor du mouvement ouvrier allemand. Mais précisément parce que la guerre des Allemands était menée par la Prusse de Bismarck, elle menaçait d'emblée de se transformer, en cas de victoire, en une guerre de conquête pour le compte de la Prusse.

La guerre éclatait entre deux pays où fonctionnaient les sections de l'Internationale. Dans les deux pays le mouvement socialiste devait prendre position dans la question de la guerre et agir conformément à cette prise de position. La cause du développement du mouvement ouvrier international exigeait qu'au moment de la guerre entre les deux pays les sections de l'Internationale et le mouvement socialiste dans les deux pays se trouvassent à la hauteur de leur mission révolutionnaire.

L'Empire français voulait freiner le mouvement socialiste par des mesures de terreur accrues. En 1869 et au printemps de 1870 les persécutions contre les sections françaises de l'Internationale reprirent de plus belle. Mais les sections ne furent point intimidées par les mesures policières de Napoléon III. Huit jours avant le commencement des hostilités, la section parisienne de l'Internationale adressa un appel «aux travailleurs de toutes les nations». Cette proclamation stigmatise les fauteurs de guerre «qui trouvent dans les malheurs

* Extrait de l'ouvrage intitulé «Histoire de l'Association Générale des Ouvriers»

publics une source de spéculations nouvelles... Quoi qu'il arrive de nos efforts communs, nous, membres de l'Association Internationale des Travailleurs, ... nous vous adressons comme un gage de solidarité indissoluble, les vœux et les saluts des travailleurs de France.»¹

En réponse à l'appel parisien, la section berlinoise de l'Internationale déclarait : «... Ni le son des trompettes, ni le bruit des canons, ni la victoire, ni la défaite ne nous détournera de notre travail commun, l'union des prolétaires du monde.»² Dans d'autres régions d'Allemagne on formula des résolutions analogues.

C'est le 23 juillet 1870 que le Conseil Général de l'Internationale adressa aux membres de l'Association Générale des Travailleurs son premier Message sur la guerre franco-prussienne. Ce Message, rédigé par Marx, déclare :

»Quels que puissent être les incidents de la guerre de Louis Bonaparte avec la Prusse, le glas de mort du Second Empire a déjà sonné à Paris. Du côté allemand, la guerre est une guerre de défense ; mais qui a mis l'Allemagne dans la nécessité de se défendre ? Qui a permis à Louis Bonaparte de lui faire la guerre ? La Prusse ! C'est Bismarck qui a conspiré avec ce même Louis Bonaparte dans le but d'écraser l'opposition populaire chez lui et d'annexer l'Allemagne à la dynastie des Hohenzollern. Si la classe ouvrière allemande permet à la guerre actuelle de perdre son caractère strictement défensif et de dégénérer en une guerre contre le peuple français, victoire ou défaite, ce sera toujours le désastre.»³

Le Message apprécie en ces termes les manifestations de solidarité contre la guerre des ouvriers français et allemands, que nous venons de citer : «Le fait que, tandis que la France officielle et l'Allemagne officielle se précipitent dans une querelle fratricide, les ouvriers de France et d'Allemagne échangent des messages de paix et de bon vouloir, ce grand fait, sans parallèle dans l'histoire du passé, ouvre la voie à un avenir plus clair... Une nouvelle société est en train de surgir, dont la règle internationale sera la Paix, parce que son régulateur national sera partout le même : le Travail.»

La guerre qui s'était déclenchée le 19 juillet se termina par la honteuse défaite de l'Empire français. Près de Sedan, le 1er et le 2 septembre, les Prussiens mettent en déroute l'armée française. L'Empire de Napoléon III s'effondre ; en France la République est proclamée, mais Bismarck continue la guerre qui, du côté allemand, de guerre défensive devient guerre de conquête, dans le but de rançonner la France et d'en détacher l'Alsace-Lorraine.

¹ Cité par Oscar Testut, *L'Internationale*. Paris—Versailles, 1871, p. 279—80. Cf. Marx—Engels, *Válogatott Művek* (Oeuvres Choiesies). Tome I. Szikra, 1949. p. 469.

² Marx—Engels, *op. cit.* p. 471.

³ Karl Marx, *La guerre civile en France 1871*. Paris, 1946. p. 23—24.

⁴ *Ibid.* p. 25.

Le parti social-démocrate allemand s'était vu dans la nécessité d'accorder son appui à la guerre défensive. Dès le commencement des hostilités, les députés parlementaires du parti, Bebel et Liebknecht s'abstenaient du vote lors de la discussion des crédits militaires, témoignant par là de leur méfiance à l'égard d'une guerre dirigée par Bismarck et à l'égard de la monarchie prussienne en tant que complice du déclenchement de la guerre.

Après la bataille de Sedan le parti social-démocrate allemand protesta contre la poursuite de la guerre, le détachement de l'Alsace-Lorraine et le rançonnement de la France ; peu après, dans son appel du 5 septembre, il saluait la République française et en exigeait la reconnaissance. Après la défaite de Sedan, Bebel et Liebknecht votèrent au parlement contre les crédits militaires. Là-dessus la police se mit à persécuter le parti social-démocrate : Bebel et Liebknecht furent arrêtés. Mais ni la persécution, ni les cris de victoire des conquérants et de leurs laquais ne détournèrent Bebel et ses camarades d'une prise de position et d'une attitude conformes à l'internationalisme.

Les internationalistes se trouvaient donc, au sujet de la lutte contre la guerre de conquête, à la hauteur de leur mission révolutionnaire tant en France qu'en Allemagne ce qui exerça une grande influence sur le mouvement ouvrier international.

Après la proclamation de la République Française, le Conseil Général de l'Internationale adressa un nouveau Message aux membres de l'Association Internationale des Travailleurs. Ce Message qui était également l'oeuvre de Marx, déclarait que la capitulation de Napoléon III à Sedan signifiait pour l'Allemagne la fin de la guerre défensive. Il salue la République Française, mais il exprime une crainte : »cette République n'a pas renversé le trône, mais a simplement pris la place devenue vacante.«⁵ Quant au gouvernement, il se compose de royalistes et de républicains bourgeois. Les positions clé sont entre les mains des royalistes qui, après la chute de l'Empire, voulaient restaurer la Maison d'Orléans et la royauté d'avant 1848. Selon le Message, la classe ouvrière, dans la situation extrêmement difficile que lui a créée l'invasion prussienne sur le sol de la France, doit s'acquitter de sa tâche patriotique et s'opposer aux envahisseurs pour la sauvegarde de la République Française. En même temps le Message encourage les ouvriers français à »utiliser calmement et résolument les commodités de la liberté républicaine pour le travail de leur propre organisation de classe.«⁶

L'Internationale convia toutes ses sections à organiser des actions contre les envahisseurs prussiens, dans l'intérêt de la République Française.

⁵ Ibid. p. 32.

⁶ Ibid. p. 33.

2. La prise de position contre la guerre franco-prussienne de l'Association pour la Formation des Ouvriers et de l'Association Générale des Ouvriers.⁷

Quand éclata la guerre franco-prussienne en Autriche, les revanchards firent entendre leur voix, voyant dans la guerre une bonne occasion de faire payer à la Prusse la défaite de 1866. Mais le parti belliqueux, opposé à la Prusse, s'avéra plus faible que le parti de la neutralité qui cherchait à établir un compromis avec les Prussiens. Dans ces conditions l'Autriche resta neutre, décision dans laquelle le gouvernement hongrois eut une part importante.

Le gouvernement hongrois refusa de s'allier aux Français contre la Prusse. A cet égard le cabinet Andrassy était soutenu non seulement par le parti de Deák, mais encore par celui de Tisza.⁸ Dans les milieux politiques hongrois on envisageait la guerre sous l'angle du Compromis de 1867; dans le cas où l'Autriche réussirait à l'emporter sur la Prusse et à rétablir son prestige en Allemagne, la cause du Compromis s'en trouverait sérieusement compromise.

Deux jours après la déclaration de guerre par la France Charles Farkas, secrétaire de l'Association pour la Formation des Ouvriers, communiqua à la préfecture de police de Pest qu'une réunion pour le 24 juillet 1870 était convoquée avec, à l'ordre du jour, les deux points suivants :

1. Le verdict prononcé dans le procès des dirigeants ouvriers de Vienne.
2. La guerre franco-prussienne et les intérêts menacés des peuples.

Dans le procès de haute trahison, intenté aux dirigeants ouvriers autrichiens, la sentence fut prononcée le 19 juillet, c'est-à-dire le jour même où Napoléon III déclara la guerre à la Prusse. André Scheu, Oberwinder, Most et Pabst accusés du crime de haute trahison, furent condamnés à 5 et 6 ans de reclusion. Aux autres accusés qui, lors de la manifestation de décembre, avaient été membres de la délégation chargés de remettre la pétition, infligea sous prétexte de »violence publique« une détention dont la durée variait de 2 à 10 mois.

La confiance de ce verdict de terreur (qui souleva une puissante vague de protestation dans les milieux ouvriers autrichiens) et le commencement

⁷ L'Association Générale des Ouvriers (Általános Munkásegylet) fut fondée en février 1868 à Budapest, l'Association pour la Formation des Ouvriers (Munkásképző-Egylet) en août 1869. De 1868 à 1869 la première fut dominée par l'influence lassallienne. Quant à l'Association pour la Formation des Ouvriers, les libéraux y jouèrent un rôle important au temps de sa fondation, mais dès le début de 1870, les internationalistes, sous la conduite de Charles Farkas, prirent le dessus.

⁸ C'est sous la direction du parti de Deák que fut conclu le Compromis de 1867 entre les classes dominantes hongroises et l'Autriche des Habsbourg. Après le Compromis le premier cabinet fut constitué par le parti de Deák, sous la présidence du comte Andrassy. Le Compromis fut accepté aussi par le parti de Tisza qui n'en critiquait que certaines parties. Plus tard le parti de Tisza prit le dessus, s'unit au parti, déjà affaibli, de Deák (1875) et adopta l'attitude conciliante de celui-ci à l'égard du Compromis.

de la guerre franco-prussienne n'étaient pas dus à un simple jeu du hasard. En Autriche, comme en France — et presque à la même époque — le mouvement socialiste était l'objet d'une féroce persécution. En Autriche les mesures policières et le verdict de terreur étaient dus principalement aux revanchards, alliés de Napoléon III, qui se prononçaient pour l'intervention. Après la sentence du 19 juillet, la plupart des associations ouvrières autrichiennes et en premier lieu l'Association ouvrière de Vienne, furent dissoutes.

Même les couches bourgeoises de l'opposition désapprouvaient ce verdict ; elles se composaient des libéraux qui s'opposaient à la politique des revanchards. Sous ce rapport il est à remarquer que maintes fois les libéraux, prenant position contre la poursuite policière et les sentences du tribunal, cherchèrent à gagner l'appui des ouvriers contre le gouvernement.

En Autriche il existait la même corrélation entre la persécution du mouvement socialiste et les efforts belliqueux des revanchards qu'entre la protestation contre la campagne terroriste et l'opposition à la guerre contre la Prusse. Lorsque Farkas et ses camarades mirent à l'ordre du jour à la fois la protestation contre le verdict de terreur de Vienne et la protestation contre la guerre, ils firent bien, non seulement parce que le verdict viennois coïncidait avec la déclaration de guerre de la France, mais surtout parce que des liens étroits existaient réellement entre ces deux faits. Mettre en lumière la connexion entre les préparatifs de guerre des revanchards et le verdict terroriste, c'était une exigence extrêmement importante de la lutte efficace contre la guerre injuste. Seuls les socialistes, sous la direction de Charles Farkas, métallurgiste, pouvaient satisfaire à cette exigence. L'importance de la chose ne fut pas diminuée par le fait que la préfecture de police de Budapest — sans doute sur l'ordre du ministre de l'Intérieur — interdit la discussion du premier point de l'ordre du jour : le verdict de Vienne. Le gouvernement hongrois qui, de son côté, s'opposait à la participation du pays à la guerre contre la Prusse, prit acte de la volonté de protestation des ouvriers eux-mêmes ; d'autre part, il empêcha que les ouvriers protestassent publiquement contre la condamnation de leurs confrères viennois.

Le meeting fut une action commune des deux Associations ouvrières. Le projet de résolution adopté à cette occasion comportait, selon le rapport du fonctionnaire de police qui assistait à la réunion, les trois points suivants :

1. Le meeting proteste, pour des raisons de principe, contre la guerre menée par la dynastie des Hohenzollern et celle de Napoléon, ainsi que contre toute espèce de guerre dynastique ; en même temps il salue la résolution des ouvriers français et de leurs confrères munichois.

2. Le meeting attend du gouvernement qu'il s'efforce de dissoudre, après la fin de ces guerres, l'armée permanente.

3. Il se déclare pour la neutralité non armée et attend du parlement qu'il ne vote pas un sou pour la guerre.»

C'est pour des raisons de *tactique* que le gouvernement hongrois et la classe dominante du pays s'opposaient à l'intervention de l'Autriche-Hongrie dans la guerre contre la Prusse. En revanche, c'est pour des raisons de *principe*, que le meeting ouvrier s'opposait à toute espèce de guerre dynastique.

Le point de vue de la «neutralité non armée» était également représenté par le cabinet Andrassy dans le but de n'exercer aucune pression sur la Prusse et de préparer ainsi le terrain pour une alliance ultérieure avec l'Allemagne. La réunion des ouvriers exigeait elle aussi la «neutralité non armée», mais par là elle protestait contre la tentative de l'Autriche-Hongrie pour tirer profit, soit par une pression militaire, soit par une éventuelle intervention, de la défaite d'autres peuples ; le gouvernement, cependant, ourdissait ses plans d'une future guerre de conquête. Sous le principe de la «neutralité non armée» se cachaient donc deux tendances diamétralement opposées : celle du cabinet Andrassy visant à l'alliance avec les conquérants prussiens et celle des socialistes luttant contre toute espèce de guerre de conquête.

La suppression de l'armée permanente était une exigence commune des mouvements socialistes de tous les pays ; il s'agissait d'une mesure dirigée, d'une part, contre les guerres dynastiques, d'autre part, contre l'utilisation de l'armée comme instrument d'oppression du peuple.

Aux termes du rapport de la police, 800 à 1000 personnes prirent part à la réunion du 24 juillet qui eut lieu un dimanche. Ce meeting marque une étape importante du développement du mouvement socialiste et du rapprochement des deux associations ouvrières. On y prit une juste position à l'égard de la guerre franco-prussienne et on fixa la ligne à suivre en matière d'agitation. Ce meeting doit être considéré comme une étape d'une importance décisive : il révéla aux travailleurs, au peuple, l'unique chemin de la lutte contre la guerre injuste, le chemin de l'internationalisme prolétarien et de l'union fraternelle des peuples. On ne doit pas juger de son importance au nombre, d'ailleurs considérable, des participants au meeting, mais plutôt à l'attitude politique qui se cristallisa à ce moment pour éclairer les esprits et pour mobiliser les forces préparant le développement politique des associations ouvrières et le progrès du mouvement socialiste.

Après la bataille de Sedan, la situation changea et avec elle le sens profond de l'attitude du gouvernement hongrois. Le 4 septembre la République Française est proclamée. Les troupes prussiennes envahissent la République pour des buts de conquête. A ce moment la «neutralité non armée» du gouvernement Andrassy ne signifie plus la crainte de voir triompher les revanchards autrichiens, mais plutôt la préoccupation de ne pas déranger l'agresseur prussien, l'allié de demain. Dès lors, les deux associations ouvrières, au lieu de réclamer la «neutralité non armée», devaient entrer en lice pour la reconnaissance de la République Française.

• L'issue de la guerre franco-prussienne mit de la confusion dans les classes dominantes. La transformation de l'Allemagne en grande puissance sous la conduite des Prussiens et l'annexion de l'Alsace-Lorraine, éveillèrent des craintes même dans les partis parlementaires. Néanmoins le gouvernement, ne se souciant point de cette inquiétude, continuait à aplanir le chemin de l'alliance avec l'Allemagne de Bismarck en vue de la préparation d'une guerre future contre la Russie.

La proclamation de la République Française fut saluée avec une vive sympathie par les larges couches de la classe ouvrière, quoique la composition du gouvernement — selon le Message du 9 septembre du Conseil Général de l'Internationale — éveillât des appréhensions parmi les socialistes. Les ouvriers protestèrent contre le détachement de l'Alsace-Lorraine ; en même temps ils se prononçaient pour la reconnaissance de la République Française, ce qui, en Hongrie, donna lieu à une certaine propagande républicaine.

En ce temps-là l'influence de l'Internationale se faisait sentir surtout par l'intermédiaire des organes de presse suivants :

Le *Vorbote* de Genève, organe de la section allemande de Suisse de l'Internationale, dont il circulait en Hongrie 100 ou 200 exemplaires. *Die Tagwacht* de Zurich, organe de la Fédération suisse des ouvriers, qui appuyait également l'Internationale, arrivait chez nous probablement en un nombre d'exemplaires plus réduit. Au lieu de la *Volksstimme* viennoise, interdite en 1869, parut dès le mois de janvier de 1870, le *Volkswille* : comme il ressort des documents du procès de haute trahison, le nombre des exemplaires qui circulaient en Hongrie variait de 200 à 300. Le *Volksstaat*, rédigé par Liebknecht à Leipzig, avait 80 abonnés à Budapest ; l'on sait qu'il y avait des abonnés même dans les autres villes de Hongrie, mais pour le moment il serait illusoire de vouloir en établir au moins le nombre approximatif.

Au numéro du 20 août du journal *Die Tagwacht* fut jointe une proclamation : »Manifest an die deutschen und französischen Arbeiter« (Appel aux ouvriers allemands et français) ; elle soutenait la cause de la République. Ce document fut exposé pendant deux ou trois semaines dans la salle de l'Association pour la Formation des Ouvriers. Le 13 septembre 10 exemplaires du même Appel parvinrent de Suisse à Ihrlinger⁹ par la poste.

Le 11 septembre le *Volksstaat* publia la résolution du 5 septembre du comité de Brunswick du parti, qui protestait d'une façon courageuse et passionnée contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine et saluait la République Française : »Crions-leur donc, disait le Manifeste, ce qui, aujourd'hui, n'est pas possible en Allemagne, mais, qui, un jour, apportera à l'Allemagne l'aurore de la liberté : Vive la République !«

⁹ Ihrlinger était un des dirigeants de l'Association Générale des Ouvriers.

Le 12 septembre les membres du comité de Brunswick du parti furent arrêtés et mis aux fers. Les socialistes allemands, fidèles à l'esprit de l'internationalisme prolétarien, affrontaient courageusement les persécutions.

A peine huit jours après les arrestations de Brunswick on engagea une procédure contre l'Association pour la Formation des Ouvriers ; à ce propos on alléguait comme prétexte — sans succès d'ailleurs — l'appel suisse envoyé à Ihrlinger le 13 septembre. Les manifestes envoyés furent saisis à cause de la propagande en faveur de la République. En même temps le gouvernement, craignant l'accroissement de la propagande républicaine, soumit les Associations ouvrières à un contrôle policier encore plus rigoureux ; par la suite les interventions des autorités ne tarderont pas à redoubler.

L'Association Générale des Ouvriers cherchait à propager l'idée républicaine par d'autres moyens aussi. On publia en tirages à part et on distribua partout un discours qui avait fait sensation : c'était le discours que Castellar, porte-parole de la bourgeoisie républicaine espagnole, venait de faire devant les Cortès.

Castellar n'était pas un ami, mais un adversaire des socialistes. L'édition de son discours républicain ne servait pas la propagande socialiste, mais c'était une besogne dont les socialistes se chargeaient à la place des républicains bourgeois apeurés. Néanmoins ce discours contribuait à accroître l'intérêt politique dans les milieux ouvriers et à encourager une prise de position en faveur de la République. Tel était le côté positif de l'édition et de la diffusion du discours de Castellar ; étant donnée la situation d'alors, c'est ainsi qu'il faut considérer ces faits, même si l'on sait que l'initiative de l'édition avait été lancée par Külföldi et vivement soutenue par Simonyi et ses amis, tous membres du »Club de 48«.¹⁰

En tout cas, le gouvernement s'inquiétait de la diffusion du discours de Castellar. Dès le début de décembre 1870, Paul Rajner, ministre de l'Intérieur, attira l'attention du maire de Pest sur le fait que les associations ouvrières propagent des oeuvres littéraires qui, »allant à l'encontre des principes monarchiques, servent les intérêts de la République, parmi elles, le discours de Castellar devant les Cortès...«

Rajner rappelle que la diffusion du discours de Castellar, signalé aussi par les journaux, ne serait pas surprenante ; ce qui est étonnant c'est que la distribution de la brochure est soutenue par une association ouvrière.« Rajner trouve donc singulier que la classe ouvrière veuille également se prononcer

¹⁰ Le »Club de 48« avait été organisé par le parti de 48, représentant l'opposition bourgeoise de gauche du parlement. Le Parti de 48 était un groupement des libéraux et des démocrates de l'opposition ; la plupart d'entre eux s'opposaient aux conditions du Compromis avec la Maison de Habsbourg, réclamant, outre l'administration intérieure autonome, même le territoire douanier indépendant, ainsi que l'autonomie des finances et de l'armée. Au sein du parti la minorité était formée par ceux qui rejetaient le Compromis et restaient fidèles à l'idée de la République hongroise autonome.

dans la question de la forme de l'Etat. Il somme le maire de soumettre les associations d'ouvriers à un contrôle encore plus rigoureux et à prendre des mesures — avec précaution, bien entendu, parce qu'il s'agit de brochures comme le discours de Castellar — pour empêcher la diffusion des produits de ce genre.

Au moment où le discours de Castellar fut publié, il y avait de nouveau des négociations au sujet de la fusion des deux Associations d'ouvriers. A ce propos, comme nous allons voir, le ministre de l'Intérieur recourut à des mesures policières beaucoup plus impitoyables qu'auparavant, quand il s'agissait d'empêcher la diffusion du discours de Castellar.

3. *Deuxième proclamation de la fusion des Associations : les contre-mesures répétées des autorités*

En juillet 1870 l'action commune des socialistes contre la guerre franco-prussienne fut une belle manifestation du mouvement de rapprochement qui s'intensifiait sans cesse au sein des deux Associations ouvrières. La chute de l'Empire français, la proclamation de la République Française, la propagande républicaine accrue des diverses sections de l'Internationale, les déclarations du 5 septembre du comité du parti social-démocrate allemand en faveur de la République — voilà une série de facteurs qui favorisaient la lutte commune. Le problème de la fusion des deux Associations fut donc remise à l'ordre du jour. L'un des champions de cette cause fut Charles Farkas, appuyé par la section de Pest de l'Internationale, dont les membres avaient aussi un rôle dirigeant dans l'Association Générale des Ouvriers.

Le 18 septembre les deux Associations se réunirent en une séance commune dans les locaux de l'Association pour la Formation des Ouvriers : on proclama la fusion et on entreprit de la réaliser. Les dirigeants des deux Associations résignèrent leurs fonctions ; on élit un comité commun, dit «comité électoral», en vue de la convocation d'une nouvelle assemblée générale commune.

Le «comité électoral» commun aux deux Associations convoqua l'assemblée générale pour le 9 octobre 1870, mais la séance ne put avoir lieu. Le 20 septembre, c'est-à-dire deux jours après l'assemblée commune du 18 septembre qui avait proclamé la fusion des deux Associations ouvrières, un arrêté urgent fut émis par le ministre de l'Intérieur, en vertu duquel la police de Pest eut la mission d'empêcher l'activité du comité électoral et la fusion des deux Associations. Le 27 septembre une seconde ordonnance fut émise ; conformément aux dispositions prévues par ces ordonnances, l'assemblée générale convoquée pour le 9 octobre se heurta à l'opposition de la force publique.

Le 17 octobre le chef de la police d'un des arrondissements de Pest fit parvenir au maire de la ville le rapport suivant :

»Aux termes des ordonnances ministérielles du 20 et du 27 septembre de l'année courante, j'ai interdit sévèrement et à plusieurs reprises toute réunion

et toute activité d'association se rapportant à la fusion de l'Association pour la Formation des Ouvriers et de l'Association Générale des Ouvriers ou résultant de ladite fusion, y compris l'activité du comité électoral mixte de 7 membres, délégué d'un commun accord par les deux Associations».

Le gouvernement prit donc des mesures spéciales pour empêcher la fusion des deux associations ouvrières.

Contre l'interdiction de la réunion de l'assemblée générale l'Association Générale des Ouvriers protesta par une délégation envoyée au ministère de l'Intérieur. Jekelfalussy, chef de service au ministère, reçut la délégation et déclara que chaque Association avait le droit de poursuivre, de son côté, son activité sous la direction de son ancien comité.

Comme on voit, le gouvernement, rendu inquiet par le rétablissement, sous la direction de Farkas, de l'unité du mouvement socialiste, n'hésitait pas à recourir à des mesures terroristes. En même temps l'opposition bourgeoise voyait également avec angoisse l'influence croissante de l'internationalisme. Le Club de 48 se mit aussi à l'oeuvre pour intensifier son influence dans les Associations ouvrières et pour contrebalancer par là l'influence de Farkas.

Après l'insuccès de ces tentatives de fusion, l'Association Générale des Ouvriers approfondit ses relations avec le parti de 48.

En juillet encore les deux Associations ouvrières organisèrent une réunion commune pour protester contre la guerre franco-prussienne. En décembre ce n'est plus avec l'Association pour la Formation des Ouvriers, mais avec le parti de 48 que l'Association des Ouvriers tomba d'accord pour organiser une action commune contre les tentatives annexionnistes de la Prusse. A cette occasion l'influence bourgeoise n'a pas manqué de marquer cette action de son empreinte : Irányi et son groupe, s'opposant au régime réactionnaire de Bismarck, se prononçaient pour le cabinet contre-révolutionnaire de Thiers, étant en relations étroites avec l'ambassadeur français à Vienne du gouvernement Thiers. Ce n'est pas seulement leur opposition à la monarchie prussienne qui motivait l'attitude d'Irányi et de ses amis aux côtés du gouvernement Thiers, mais bien leur opposition au parti de la Commune française (au »parti rouge«), qui dans la suite des événements allait s'aiguiser de plus en plus.

En ce qui concerne l'action dirigée contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine, voici ce que dit la déposition de Louis Szvoboda devant les autorités policières :

»Le meeting qui eut lieu vers le 21 décembre au jardin Beleznay au sujet de la guerre franco-prussienne, avait été convoqué par l'Association Générale des Ouvriers et le Club de 48, quoique sur les affiches il ne figurât que le nom de l'Association Générale des Ouvriers comme organisateur du meeting. L'Association Générale des Ouvriers s'était mise en contact avec le Club de 48 et celui-ci invita l'Association à envoyer une délégation à une de ses réunions. A la réunion commune du 14 décembre 1870, organisée par le président Marko-

vics dans les locaux du Club (Országút), on se mit d'accord au sujet de l'ordre du jour et on discuta dans les grandes lignes le projet de résolution à présenter à l'assemblée et que le député Ernest Simonyi devait effectivement rédiger par la suite. La présence de M. Lefebvre, consul français à Vienne, donna au meeting un caractère particulier.»

Le meeting eut lieu le 18 décembre 1870 dans une des salles du restaurant Buzalka. Dans son numéro du 20 décembre 1870 le Magyar Ujság a inséré une brève mention du meeting et le jour suivant il a publié le texte de la résolution approuvée par l'assistance : il est à remarquer que la résolution fut présentée par Hollós, collaborateur du Magyar Ujság.

Le premier point de la résolution constate clairement que Napoléon III avait entrepris une guerre d'agression injuste dans le but d'empêcher la naissance de l'unité nationale allemande. De la responsabilité de Bismarck aussi dans le déclenchement de la guerre, il n'en est rien dit. La résolution constate que les Allemands ont le droit de se réunir en nation et que ce droit a triomphé avec la victoire de Sedan. Après la chute honteuse de Napoléon, »le gouvernement élu de la République Française — renonçant solennellement à l'intention de s'immiscer dans les affaires de l'Allemagne — fit une équitable proposition de paix assurant à la nation allemande une indemnité totale«. Cela étant, la continuation des hostilités de la part de l'Allemagne n'est qu'une »guerre de conquête« et d'agression, inspirée par un désir de »gloire dynastique« ; c'est pourquoi elle est »catégoriquement condamnée et désapprouvée« par l'assemblée.

La résolution constate donc avec justesse que le caractère de la guerre s'est modifié, mais elle identifie au peuple français qui défend sa patrie et sa liberté le gouvernement Thiers, traître à son peuple et à sa patrie dès le premier jour de son existence. En ce qui concerne le cabinet Thiers — élu des traîtres à la patrie — l'assemblée des ouvriers fut manifestement induite en erreur.

Le point 2 de la résolution proteste contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine et constate que »les intérêts de la liberté, de la civilisation et du progrès exigent que la nation française ne subisse aucun dommage dans la position qui lui revient de droit au sein des nations européennes.« C'est pourquoi »l'assemblée accompagne de sa sympathie et de ses vœux les plus chaleureux la résistance héroïque et intrépide des Français livrant une lutte glorieuse pour la défense légitime de la nation.«

Le peuple français et la classe ouvrière de Paris d'abord étaient prêts à livrer l'ultime combat contre les Prussiens. Mais le cabinet Thiers, au lieu de soutenir cette »glorieuse lutte pour la défense nationale«, s'efforça de la manière la plus ignoble à désarmer la garde nationale parisienne et à capituler devant les Prussiens. C'est de l'opinion publique européenne et des gouvernements angoissés par la suprématie allemande que le gouvernement Thiers quêtait et espérait un certain appui contre les envahisseurs allemands. Mais les libéraux avaient beau envoyer et faire envoyer leur »alut« et leur »messages

de sympathie», si leurs gouvernements laissaient les mains libres aux agresseurs prussiens. Cependant, voyant l'inaction des gouvernements européens, le cabinet Thiers redoubla ses efforts pour désarmer la garde nationale et pour mener à bien la capitulation. Ces manoeuvres de capitulation, de caractère manifestement contre-révolutionnaire, furent cependant camouflées dans une assemblée d'ouvriers, à Pest, par Simonyi et son groupe, avec l'aide de Külföldi et ses amis.

Le troisième point de la résolution constate que la guerre de conquête de la Prusse »blesse profondément les sentiments humains de la nation hongroise et nuit aux intérêts économiques du pays« ; on exige que le gouvernement hongrois, tout en reconnaissant le droit justifié des Allemands à l'unité nationale, intervienne dans l'intérêt du maintien de l'intégrité territoriale de la France. Pour l'essentiel, c'était une constatation et une revendication justes, mais l'opposition libérale se bornait à discuter de la chose. Simonyi et ses amis proposaient à l'Association des Ouvriers d'entrer en action en restant dans le cadre des réunions et des collectages de signatures.

Le point 4 de la résolution invite »toutes les associations et tous les cercles qui professent des vues analogues à favoriser par des résolutions similaires la cause d'une paix ardemment souhaitée et à présenter leurs résolutions aussi bien au gouvernement qu'à l'Assemblée Nationale.

Une alliance politique semblable, nouée avec le Club de 48 par Külföldi et ses amis, équivalait à l'abandon de l'indépendance politique pour la classe ouvrière : c'était, par rapport au meeting de juillet, un pas en arrière, car l'Association des Ouvriers avait raison dans ses efforts pour nouer une alliance avec les libéraux de la bourgeoisie dans la lutte contre la guerre des envahisseurs prussiens, mais à condition que la politique indépendante de la classe ouvrière soit sauvegardée, développée et non pas abandonnée. En ce temps-là, en Hongrie, le mouvement ouvrier n'avait pas encore trouvé la voie juste des alliances politiques, parce qu'il n'y était pas préparé idéologiquement. Son incertitude dans la question des alliances était une conséquence inévitable du manque de développement du jeune mouvement ouvrier.

Le gouvernement ne mettait pas d'obstacle à la réunion commune de décembre de l'Association et du Club de 48. Néanmoins après ce meeting qui donna un nouvel essor à la propagande républicaine le ministre de l'Intérieur interdit l'Association pour la Formation des Ouvriers, quoique celle-ci ne fût même pas officiellement représentée à la réunion du 18 décembre. Tout porte à croire que sa participation »non-officielle« n'en fut que plus orageuse. L'assistance manifesta avec véhémence contre les envahisseurs prussiens ; en même temps elle affichait sa sympathie pour la République Française. Il est à présumer que l'attitude courageuse de Farkas et de ses camarades n'étaient pas pour rien dans la manifestation. Quoi qu'on n'en lise rien dans la proposition de résolution présentée par Hollós et approuvée par l'assemblée, on peut y

conclure du caractère même de cette manifestation républicaine et de l'affermissement de l'influence de l'Association pour la Formation des Ouvriers. Ces faits seuls pouvaient motiver l'angoisse du gouvernement et l'amener à l'interdiction immédiate de l'Association en question.

La propagande républicaine se fit donc entendre : elle trouvait un écho surtout dans les milieux ouvriers influencés par les socialistes et, par là, elle représentait une certaine force de masse.

Les classes dominantes furent vivement impressionnées par ces premiers symptômes du mouvement républicain. Leur crainte était d'autant plus motivée que la province offrait un sol encore plus propice à la propagande : à la campagne le mouvement aurait mis en péril le régime antipopulaire des propriétaires de milliers d'arpents.

Le 12 décembre, c'est-à-dire six jours avant le meeting du 18 décembre, Charles Farkas annonça aux autorités que pour le 26 décembre on avait convoqué l'assemblée générale de l'Association pour la Formation des Ouvriers dans le but de renouveler son comité exécutif. Le 24 décembre Rajner, ministre de l'Intérieur, fait savoir au maire de Budapest que »l'Association pour la Formation des Ouvriers ayant été dissoute conformément à sa propre volonté, elle n'est plus autorisée à organiser des assemblées générales ou autres manifestations de caractère collectif.«

Conformément aux décisions de la réunion commune du 18 septembre, dans leur requête, le 28 septembre, Farkas et ses camarades avaient porté à la connaissance des autorités la fusion des deux Associations. Rajner n'en tint pas compte. En octobre les deux Associations durent en revenir à l'ancien état de choses. Enfin en décembre Paul Rajner qualifia la résolution du 18 septembre concernant la fusion de l'Association pour la Formation des Ouvriers comme une décision préconisant la dissolution de l'Association par la volonté de ses membres. Il s'ensuit qu'au moment où il interdit l'activité de l'Association pour la Formation des Ouvriers, il eut le front de prétendre, avec une arrogance bien »seigneuriale«, qu'il agissait à la base des décisions prises par l'Association elle-même. Comme on voit, Rajner n'hésitait pas à user de la pire perfidie.¹¹

Sous la direction de Farkas, l'influence de l'Internationale prévalait de plus en plus dans l'Association pour la Formation des Ouvriers et contribuait à renforcer l'ascendant de l'Association sur les masses. Ces faits inquiétaient davantage le gouvernement que les relations, de plus en plus serrées, de l'Association des Ouvriers et du »Club de 48«.

Étant donné que l'Association pour la Formation des Ouvriers ne pouvait plus fonctionner légalement et que la section de l'Internationale étendait

¹¹ Voir Archives Nationales (Budapest). Documents de la préfecture de police. 35 877/1870 et 36 586/1870 ; Archives Municipales N° 1758/el. 1870.

son activité sur les deux Associations ouvrières, la question se pose, pourquoi Farkas et ses camarades n'ont pas résolu le problème de la fusion par leur passage immédiat à l'Association Générale des Ouvriers? Car quelques mois plus tard, au temps de la Commune de Paris, cette démarche aura effectivement lieu.

A coup sûr, ce n'étaient pas des raisons personnelles, mais plutôt la divergence de vue politique qui constituait un obstacle. Une des principales sources de celle-ci, qui ne manquait pas de soulever des différences entre Farkas et ses camarades, d'une part Külföldi et Ithlinger, d'autre part, était le problème de la collaboration avec la parti de 48.

Farkas et ses camarades désapprouvaient les relations avec le Club de 48, parce que le groupe d'Irányi se composait de »bourgeois«. Cette attitude accusait trop de raideur. Au lieu de rejeter toute espèce de collaboration avec l'aile gauche de la bourgeoisie, il eût mieux valu préconiser une alliance qui n'aurait pas porté atteinte à la politique indépendante de la classe ouvrière. En tout cas, l'attitude de Farkas révélait ses craintes au sujet d'une politique de classe prolétarienne indépendante. A l'encontre de cette attitude, Külföldi et son groupe se montraient prêts à sacrifier pour l'alliance l'indépendance politique de l'Association des Ouvriers.

Lorsqu'ils s'associaient au Club de 48 pour protester contre les prétentions annexionnistes de Bismarck, c'était en même temps pour soutenir le gouvernement Thiers. A l'égard d'une telle alliance qui protestait contre un gouvernement contre-révolutionnaire en soutenant un autre cabinet de la même espèce, l'attitude négative de Farkas était entièrement justifiée. La seule chose qu'il ne comprît pas, c'est qu'on pouvait s'associer au Club 48 contre les envahisseurs prussiens, si en même temps, tout en soutenant la cause du peuple français et de la République, on démasquait la politique de trahison du peuple et de capitulation du cabinet Thiers, et cela, même si ce n'était pas du goût du Club.

Il est indubitable que les divergences de vues au sujet de l'alliance avec le Club de 48 jouèrent un rôle essentiel dans la scission qui se produisit entre les deux associations précisément à l'époque de l'action contre l'annexion prussienne.

Külföldi avait des ambitions personnelles d'un caractère plus ou moins aventureux qui produisaient des conflits même au sein de l'Association. Ce n'est pas à cause d'une sympathie particulière pour Külföldi qu'Ithlinger, Szvoboda et d'autres se rangèrent de son côté pour s'opposer à Farkas, mais simplement parce qu'ils jugeaient la politique de Külföldi plus réaliste, plus sûre.

En janvier 1871 le bureau de l'Association des Ouvriers fit savoir aux membres que l'Association allait publier un bulletin en deux langues sous les titres de *Testvériség* et *Brüderlichkeit*. La publication régulière d'un bulletin

socialiste fut un événement fort important : dès lors l'Association des Ouvriers avait de nouveau dans les mains cette arme essentielle qu'est la propagande par la presse. Le premier numéro du bulletin, hebdomadaire de petit format, parut le 5 février : c'était le premier bulletin qui paraissait, non comme le résultat d'une initiative personnelle, mais en tant que bulletin officiel de l'Association des Ouvriers. Jusqu'au 14 mai 1871 — date de l'interdiction du bulletin — parurent 15 numéros.

Bien que ce bulletin fût publié à l'époque de la rupture avec le groupe de Farkas, on n'y attaquait pas ouvertement Farkas et son groupe. Il est probable que les membres de l'Internationale qui continuaient à travailler dans l'Association des Ouvriers refrenaient la lutte ouverte contre l'Association pour la Formation des Ouvriers qu'on avait privée du droit d'activité légale.

Par suite de l'interdiction de l'Association pour la Formation des Ouvriers, l'assemblée générale de la Caisse de secours aux malades — qui avait été fondée par cette même Association — proclama le 5 février 1871 sa transformation en une association autonome. Dès sa fondation déjà, elle avait ses statuts à part, parce que, conformément à un décret de 1869 du ministre de l'Intérieur, si l'Association pour la Formation des Ouvriers voulait créer une société de secours, les statuts de celle-ci devaient être approuvés séparément. Le régime de Rajner ne risquait pas de montrer le vrai visage de son »libéralisme« par l'interdiction de la Caisse de secours. Par la transformation de la Caisse en une société autonome le groupe de Farkas conservait un appui sérieux.

4. Participation de l'Association Générale des Ouvriers à l'action du Club au sujet de la pétition contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine

Au mois de février 1871 le groupe de Külföldi, sur l'initiative et avec l'appui matériel des dirigeants du Club de 48, ouvrirent une campagne de pétitions contre le détachement de la France de l'Alsace-Lorraine.

Le Conseil Général de l'Internationale invita les membres de la Fédération Internationale des Travailleurs à organiser des manifestations pour soutenir la République Française contre la politique d'agression de Bismarck. Mais le Conseil Général ne voulait pas s'appuyer sur n'importe quelle action : il refusait de participer à toute action qui aurait pour but de soutenir le cabinet Thiers.

A Pest manœuvrait Lefebvre, ambassadeur du gouvernement Thiers à Vienne. Il se mit en contact, entre autres, avec Irányi, Külföldi et leurs amis.

Au cours de l'enquête policière qui précédait le procès de haute trahison, Louis Szvoboda, dans sa déposition fit des déclarations détaillées sur le début de la campagne de pétition. Renvoyant aux actions qui se déroulaient dans d'autres pays, il dit :

» . . . On doit considérer comme un chaînon des manifestations publiques contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine, la propagande faite dans le but d'organiser ici, en Hongrie un meeting au milieu du mois de février. Chez nous, c'est dans les milieux d'extrême-gauche que Lefebvre a trouvé le plus de compréhension. C'est dans ce but que fut constitué à Budapest, ce dont je n'ai pris connaissance que par les journaux, un comité composé des députés de l'extrême-gauche, sous la direction de Simonyi.

A ce qu'il semble, Simonyi était en relation, entre autres, avec Külföldi ; au moins ce furent Lefebvre et Külföldi qui firent imprimer à l'Athenaeum, en 20 000 exemplaires, la pétition rédigée par Simonyi. La plupart de ces exemplaires ont été déposés au domicile de Külföldi où les députés et, à ce qu'il me semble, les membres du comité les faisaient prendre par leurs domestiques. Je sais, par exemple, que le député Ditrich, membre d'honneur de l'Association des Ouvriers de Pécs, emporta avec lui 200 exemplaires pour les distribuer dans cette ville.

Quant aux négociations entre Lefebvre et le comte Castellar, d'une part, entre Simonyi et Külföldi, d'autre part, je n'y vois pas clair. De cette affaire je n'ai eu connaissance, par l'intermédiaire de Külföldi d'ailleurs, qu'au moment où la pétition était déjà décidée et son impression commencée. Külföldi m'a invité à travailler chez lui pendant mes heures de loisir moyennant une certaine rétribution. J'ai accepté son offre ; on m'a chargé de recopier sur des formules une lettre — la même qu'on m'a présentée pour vérification d'identité — à l'aide de papier carbone bleu.

Ces lettres furent expédiées, avec une dizaine d'exemplaires de la pétition, aux associations d'ouvriers de la province à Pozsony, Pécs, Szigetvár, Kaposvár, Nagykanizsa, Temesvár, Arad, Resica, Kolozsvár. On distribua ainsi tout au plus un millier d'exemplaires.

La réunion du 18 décembre ne décida pas l'organisation d'une campagne de pétition ; tout simplement elle invita les Associations et les cercles d'ouvriers à former des résolutions exigeant l'intervention de gouvernement hongrois contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine. Cet appel n'eut pas l'écho qu'on en attendait. La plupart des libéraux, entre autre Jókai, n'avaient pas envie de s'opposer aux vainqueurs. Quant aux associations d'ouvriers, elles ne s'enthousiasmaient pas pour une action suggérée par les libéraux et où manquait l'idée de la solidarité internationale des travailleurs.

C'est par l'action de la pétition que Simonyi, Irányi, Csernátöny et leur amis — peu importe que ce fût sur leur propre initiative ou à l'instigation de Lefebvre — essayaient de donner plus de poids à leur protestation contre la conquête prussienne. Leur démarche révélait bien les craintes croissantes que le danger de la suprématie allemande faisait naître dans une partie importante des classes dominantes.

;

L'Association des Ouvriers dut également faire entendre sa voix pour démasquer la politique du gouvernement Andrassy qui préparait le terrain à l'alliance avec les Prussiens. Au cas où les libéraux se prononceraient contre la politique gouvernementale d'aide aux conquérants prussiens, il serait juste et nécessaire de les soutenir contre le gouvernement. En même temps, au lieu de renoncer à l'autonomie politique de l'Association, il était nécessaire de la développer. Il s'agissait de faire comprendre aux larges masses du peuple la différence qu'il y avait entre le point de vue *tactique* de Csernátonyi et ses amis, d'une part, et le point de vue de *principe* des socialistes, d'autre part. La réunion ouvrière de juillet, dirigée par Farkas, s'acquitta de cette tâche. Pour bien faire ressortir les différences de principe, au temps de la campagne de pétition il était indispensable de ne pas seulement protester contre la conquête prussienne, mais de stigmatiser en même temps le gouvernement Thiers, traître et capitulard, en portant secours à la République Française, en dépit de la politique traître du gouvernement Thiers.

A propos de la participation à cette action, il importait — en démasquant la politique de conquête de Bismarck et la politique de capitulation de Thiers — de développer dans la classe ouvrière les sentiments de solidarité à l'égard des classes ouvrières allemande et française. Les Messages de l'Internationale encourageaient fortement et chaleureusement les socialistes à développer la solidarité ouvrière internationale. L'Association des Ouvriers avait déjà une certaine expérience dans ce domaine ; néanmoins Külföldi et ses compagnons ne savaient et n'essayaient même pas d'en profiter. Ils négligeaient d'éclaircir la différence de principe qu'il y avait entre l'attitude de Csernátonyi, Irányi et de leurs amis, d'une part, et celle des socialistes, d'autre part. Pour s'en convaincre, il suffit de renvoyer à ce fait singulier que Külföldi et son groupe, d'accord avec Ihrlinger, étaient prêts à accepter de l'argent de Lefebvre, ambassadeur du gouvernement Thiers à Vienne, en vue de la campagne contre l'annexion.

Comme il ressort de la déposition d'Étienne Lukácsi, ouvrier tailleur, membre du comité de l'Association des Ouvriers et bibliothécaire de la même Association, qu'il fit lors de son arrestation en tant qu'un des accusés du procès de haute trahison, l'action avait été lancée par une commission, composée de Külföldi, Szvoboda et Ihrlinger. Cette commission avait convoqué pour le 19 février 1871 une réunion qui devait avoir lieu dans la salle de danse de Buzalka. La réunion, présidée par Ihrlinger, avait à s'occuper de la question de la pétition. Selon la déposition de Szvoboda, le meeting se déroula en présence de Kutill, venu de Vienne, et de Bachruch, arrivé de Paris. A l'occasion de cette réunion on recueillit 1400 signatures en vue de la pétition contre l'annexion de l'Alsace-Lorraine.

Pour se faire une idée de certaines méthodes de cette campagne, il suffit de lire le passage suivant de la déposition de Lukácsi : »En présence

de Szvoboda et d'Ihrlinger, Külföldi m'a engagé, moi et Charles Kovács, pour la collecte des signatures moyennant 5 florins pour 1000 signatures que je recueillerais. »Lukácsi ajouta que cette somme ne couvrirait pas leurs frais, car il leur fallait faire des frais dans les cabarets et les cafés. Là-dessus Külföldi, en présence de Szvoboda, leur fixa un salaire de 3 florins par jour. En 13 jours, Lukácsi, en se rendant aussi dans les ateliers de sa connaissance, réussit à recueillir environ 270 signatures.¹²

Voici le texte de la lettre adressée aux groupes de province que Szvoboda a copiée et dont il est question dans sa déposition :

»Cher ami,

Vous trouverez sous ce pli dix exemplaires de la pétition adressée à l'Assemblée Nationale, dans laquelle nous demandons au gouvernement d'intervenir contre la volonté de la Prusse de faire valoir à nouveau un droit de conquête datant du moyen âge. La Commission de Propagande de la Liberté Publique vous invite à entreprendre sans retard un travail d'agitation de large envergure dans les cafés, les restaurants, les réunions, les usines, etc. et même en allant de maison en maison pour recueillir des signatures et pour couvrir de signatures toute la feuille de pétition, pour que nous puissions exercer ainsi une pression sur le corps législatif et obliger le gouvernement à élever sa voix contre les horreurs du droit de conquête et contre l'extermination de la noble nation française.

Des pétitions analogues circulent dans tous les pays où le peuple est encore pénétré de l'amour de la liberté : en Galicie, en Pologne, en Bohême, en Italie, en Amérique, etc. Ici, en Hongrie nous n'en sommes que plus obligés de soutenir la cause de la France.

Distribuez ces feuilles à ceux qui, nuit et jour, n'épargneront aucun effort pour les faire couvrir de centaines de signatures. Envoyez ensuite ces pétitions à Victor Külföldi, Pest, 7 rue Állomás. Les frais seront couverts par la Commission qui se charge de vous rembourser sans retard toutes les dépenses effectives.¹³ Dès qu'une feuille sera remplie, renvoyez-la aussitôt, pour que nous puissions faire parvenir quotidiennement au parlement quelques-unes de ces feuilles.

La diplomatie, la bourgeoisie et l'Assemblée Nationale sont paresseuses, personne ne fait rien, c'est donc le peuple qui doit agir pour sauver le peu qu'il a arraché aux tyrans au cours de ses luttes séculaires.

Salut fraternel au nom de la Commission.

Szvoboda, m. p., Ihrlinger m. p., Külföldi m. p.«

¹² Voir la déposition de Lukácsi aux Archives Nationales. Documents de la préfecture de police. 24 362/1871, 23 261/1869, 13 688/1871.

¹³ Selon la déposition de Szvoboda, rien qu'à Pest les frais de Külföldi se chiffraient à 700 florins ; autant qu'il sache, la somme fut payée par Lefebvre, par l'intermédiaire de Simonyi. Pour établir l'identité de la lettre, celle-ci fut lue en présence de Szvoboda et annexée au procès-verbal de sa déposition.

Par cette lettre Kűlföldi ne prenait pas position dans la lutte dramatique qui se déroulait entre la réaction française et le peuple français ; sur cette lutte il gardait un profond silence, comme il ne disait rien de la solidarité avec la lutte de la classe ouvrière en France et en Allemagne. La politique de soutien de Bismarck, du gouvernement Andrassy et l'attitude de l'Assemblée Nationale furent qualifiées de »paresse« ce qui permettait à Kűlföldi de ne pas se prononcer sur l'essentiel de cette politique. Naturellement, il aurait pu éclairer aussi bien l'attitude du gouvernement que celle du parlement ; s'il y renonça, c'est parce que dans l'affaire qui nous préoccupe il fut un instrument docile de la politique de Simonyi, alimentée par des subsides du côté français et soutenant la cause du cabinet Thiers.

Lorsque le gouvernement français, par l'intermédiaire du docteur Reitlinger, demanda au Conseil Général de l'Internationale d'organiser une manifestation de sympathie, il exprima le voeu qu'à cette occasion, il ne soit pas question de la République, mais seulement de la France. Le Conseil Général le refusa. Néanmoins la pétition de Simonyi et la circulaire de Kűlföldi évitent en réalité de prendre position aux côtés de la République, et elles n'y furent pour rien si, à l'occasion des réunions, les ouvriers manifestaient quand même avec vigueur en faveur de la République et ainsi contre la monarchie. Le groupe de Farkas, de même que les socialistes participant à l'activité des deux Associations d'ouvriers, profitaient aussi de l'action de Simonyi pour manifester contre la monarchie.

Farkas n'était pas seul à protester contre l'action de Kűlföldi : il y avait contre elle une forte opposition au sein même de l'Association des Ouvriers. Il est probable que Kutill y joua également un certain rôle. Dans le numéro du 25 février du Testvériség et de la Brűderlichkeit on lit une déclaration qui condamnait la campagne de pétition ; en voici le texte :

Déclaration

Ihrlinger, Kűlföldy et Szvoboda, membres de notre Association, ont convoqué un meeting pour le dimanche, 19 du mois. Le Comité soussigné déclare que les membres susmentionnés n'avaient pas été chargés par l'Association Générale des Ouvriers d'organiser le meeting en question. Les mêmes membres seront mis en cause.

Le Comité de l'Association Générale
des Ouvriers

Le même jour on vit paraître dans le Magyar Ujság une notice sur les beaux résultats de la collecte de signatures, »bien qu'il y ait çà et là des gens qui essaient d'entraver l'action en prétextant qu'il est trop tard et que la paix va être conclue d'un jour à l'autre entre les Français et les Prussiens.« Néanmoins le Magyar Ujság jugeait nécessaire de poursuivre la campagne pour

des raisons d'ordre moral : afin de révéler à la postérité le vrai visage de l'opinion publique. Ces motifs équivalaient à enlever de l'ordre du jour l'exigence d'une intervention diplomatique *effective*; il ne s'agissait plus que d'un geste symbolique, destiné à servir de justification aux yeux de la postérité. La transformation des exigences de la pétition en un geste symbolique témoignait de la faiblesse et de l'incertitude de la mobilisation des foules et de l'action elle-même qui menaçait d'échouer.

La déclaration parue dans le numéro du 25 du *Testvériség* et de la *Brüderlichkeit* n'a point mis fin à la confusion provoquée par la pétition au sein de l'Association de Ouvriers. Le 12 mars la *Brüderlichkeit* fit paraître une contre-déclaration qui démentait Politzer, le rédacteur du journal, et d'après laquelle Kulföldi, Szvoboda et quelques autres membres de la direction n'auraient d'avance point été informés de la prétendue déclaration du Comité; le directeur de la *Brüderlichkeit* n'aurait été autorisé qu'à donner sa réponse à un reportage de Pest (Ch. Farkas), paru dans les colonnes du *Volkswille*.

Les auteurs de la contre-déclaration évitent de prendre position au sujet de l'action organisée à propos de la pétition ; de même, ils ne précisent pas ce que le rédacteur du bulletin *aurait dû* écrire au lieu de la première déclaration. Mais précisément ces réticences font voir qu'à ce moment-là déjà l'Association des Ouvriers ne s'identifiait plus avec l'action de Simonyi et de Kulföldi.

A cette époque l'Association pour la Formation des Ouvriers, quoique officiellement interdite, ne cessait d'exister : elle poursuivait son travail d'éclaircissement socialiste avec beaucoup de tenacité, d'enthousiasme et de courage. Par l'intermédiaire de la Caisse de secours aux malades surtout, elle restait en contact avec les fabriques, les moulins, les associations professionnelles et les groupes provinciaux. Le comité de la Caisse, sous la direction de Farkas, était une organisation de mouvement. Outre les questions d'assurance sociale, il s'occupait de la propagande socialiste, de la propagation des feuilles socialistes venant de l'étranger et des problèmes quotidiens de la lutte économique. Les locaux de la Caisse se trouvaient au siège d'un groupe dirigeant de l'Association des Ouvriers même après l'interdiction de celle-ci. On organisait des entretiens, des réunions et des actions, mais on ne pouvait tenir d'assemblées publiques. En même temps les membres assistaient aux réunions convoquées par l'Association Générale des Ouvriers pour y déployer une propagande antimonarchique et socialiste.

Malgré l'interdiction officielle, l'Association pour la Formation des Ouvriers continuait à jouer un rôle de plus en plus important dans le mouvement socialiste ce qui faisait que la question de la fusion des deux Associations restait à l'ordre du jour. Après la proclamation de la Commune de Paris, ce projet sera remis sur le tapis d'une manière encore plus concrète.

Au mois de mars 1871 pris naissance, au sein de l'Association des Ouvriers, un organe nouveau : la section des sociétés professionnelles. Cet organe eut

un rôle éminent dans la reprise des pourparlers sur la fusion. En peu de temps la section des sociétés professionnelles devint un organe commun des deux Associations d'ouvriers et contribua d'une manière décisive à la préparation et à la réalisation de leur fusion.

Plus tard, sous l'effet de la Commune de Paris qui ranimera le désir d'affranchissement de la classe ouvrière et augmentera la combativité par l'exemple des héros de Paris, tout le mouvement connaîtra une période d'essor : à ce moment le rapprochement et la collaboration des deux Associations aboutissent enfin à leur fusion effective.

II.

L'ACTIVITÉ DE L'ASSOCIATION GÉNÉRALE DES OUVRIERS A L'ÉPOQUE DE LA COMMUNE DE PARIS. LE RÉTABLISSEMENT DE L'UNITÉ D'ORGANISATION DU MOUVEMENT SOCIALISTE

Le 18 mars 1871 la classe ouvrière de Paris, en alliance avec les travailleurs de la petite bourgeoisie, prit le pouvoir en mains. L'année précédente, le 4 septembre 1870, la proclamation de la République avait été due également avant tout à l'attitude révolutionnaire des ouvriers parisiens. Mais alors c'était le cabinet Thiers, prêt à la capitulation, qui s'empara du pouvoir; ce gouvernement craignait davantage le peuple de Paris et la garde nationale — dont l'âme était le prolétariat — que les Prussiens qui marchaient sur Paris.

» . . . Paris armé, écrit Marx dans »La guerre civile en France«, était la révolution armée. Une victoire de Paris sur l'agresseur prussien aurait été une victoire de l'ouvrier français sur le capitaliste français et ses parasites d'Etat. Dans ce conflit entre le devoir national et l'intérêt de classe, le gouvernement de la Défense nationale n'hésita pas à se changer en un gouvernement de la Défection nationale.«¹

Le gouvernement contre-révolutionnaire de Thiers livra, sans combat, les fortifications de Paris aux troupes prussiennes qui avançaient. Son premier souci fut d'isoler du reste du pays ce Paris armé, héroïque, révolutionnaire. Il se soumit lâchement aux Prussiens et s'allia à eux contre la capitale armée, prête à défendre jusqu'au bout la patrie et la liberté.

Les conspirateurs contre-révolutionnaires — au moment où les Prussiens se trouvaient déjà aux portes de Paris — essayèrent de tramer une intrigue pour désarmer la garde nationale et le prolétariat parisien, et pour livrer la capitale aux envahisseurs, sans se soucier du déshonneur de la France et de

¹ Marx, La guerre civile en France 1871. Éd. citée, p. 35.

Paris. Mais les ouvriers, n'ayant en vue que la cause de Paris et de la République, créèrent la Commune et prirent le pouvoir en mains ; c'est par là qu'ils répondirent aux machinations contre-révolutionnaires. »De quelle initiative historique, de quelle faculté de sacrifice sont doués ces Parisiens ! — écrit Marx à Kugelmann le 12 avril 1871. — Affamés et ruinés pendant six mois, par la trahison intérieure plus encore que par l'ennemi, ils se soulevèrent sous les baïonnettes prussiennes comme s'il n'y avait jamais eu de guerre entre la France et l'Allemagne, comme si l'étranger n'était pas aux portes de Paris ! L'histoire ne connaît pas d'exemple d'une pareille grandeur.«²

Le prolétariat parisien, prêt à tous les sacrifices, défendit héroïquement la Commune dans des conditions particulièrement difficiles et exerça le pouvoir pendant 72 jours, se chargeant de la »libération de la France du joug des Allemands et de la libération socialiste des ouvriers du joug du capitalisme.«³

La création de la Commune se déroula sans l'intervention directe de l'Internationale. Il n'en reste pas moins que la Commune est incontestablement — selon les paroles d'Engels — »un enfant spirituel de l'Internationale, quoique celle-ci n'ait rien fait pour la créer.«⁴ Le Conseil Général avertit, dans son Message du 9 septembre, la classe ouvrière de France de ne pas risquer un soulèvement dans la situation donnée. Néanmoins plus tard, quand, sous la pression des événements, la Commune eut déjà été proclamée, le Conseil Général de l'Internationale invita toutes ses sections à l'appuyer. Dans sa lettre adressée, le 13 mai, à deux dirigeants de la Commune, Léon Frankel et Varlin, Marx souligne : »J'ai écrit plusieurs centaines de lettres pour votre cause à tous les coins du monde où nous avons des branches. La classe ouvrière était du reste pour la Commune dès son origine.«⁵

Après la proclamation de la Commune, les sections de l'Internationale continuèrent dans les divers pays leur campagne dirigée d'abord contre la guerre franco-prussienne, ensuite contre les volontés de conquête des Prussiens ; prenant courageusement le parti de la Commune, elles saluaient avec un enthousiasme sans bornes l'aurore de l'avènement du prolétariat et de la libération des travailleurs. Elles s'opposaient à la campagne de calomnies, par laquelle la réaction internationale cherchait à souiller la Commune. Dans plusieurs pays, notamment en Angleterre et en Allemagne, il y eut des meetings d'ouvriers qui révélèrent une profonde solidarité avec les héros parisiens. Les journaux des internationalistes étaient autant de porte-paroles intrépides de la cause de la Commune. La Commune de Paris rapprocha du mouvement ouvrier international la grande cause de la libération de la classe ouvrière.

² Ibid. p. 80.

³ Lénine, Les enseignements de la Commune. Oeuvres, 4e éd. t. XIII, p. 437 (en russe).

⁴ Lettre d'Engels à Sorge, en 1874. Cf. Marx—Engels, Válogatott levelek (Lettres choisies), p. 341 (en hongrois).

⁵ Marx, La guerre civile en France, p. 87.

1. *L'échos de la commune de Paris les milieux ouvriers de Hongrie.
Les grèves de Pest en mai 1871*

Les événements de Paris, l'avènement et les luttes héroïques du prolétariat, ainsi que la tentative de réaliser la libération de la classe ouvrière, eurent un grand retentissement dans les milieux ouvriers de Hongrie, y compris les Associations ouvrières. Cet enthousiasme se reflétait aussi dans les colonnes du *Testvériség* (Fraternité), bulletin de l'Association Générale des Ouvriers.

Le numéro du 19 mars du *Testvériség* relate que le gouvernement français a l'intention de désarmer les gardes nationaux. Le journal cite les paroles de Félix Pyat,⁶ journaliste démocrate petit-bourgeois, qui, dans la lutte contre le gouvernement traître de Thiers, s'était joint aux ouvriers et qui dit aux gardes nationaux : »Tenez Paris et la République et ne lâchez les armes à aucun prix«. Le *Testvériség*, exposant l'opinion des socialistes français qu'il partage sans réserve, ajoute : »Tant qu'une certaine part du pouvoir⁷ sera entre les mains des ouvriers et que les gardes nationaux socialistes ne seront pas remplacés par des mercenaires en uniforme, les ouvriers jouiront des droits humains. Mais dès que les anciens rapports seront rétablis et que le pouvoir sera *exclusivement*⁷ entre les mains de la classe dominante, on aura beau proclamer l'égalité autant de fois qu'on voudra, on recourra, malgré tous les efforts de la classe ouvrière, à la force brutale des armes . . .« C'est ce qu'on voudrait répéter aujourd'hui même au nom de la bourse sacrée. »Et c'est pourquoi les capitalistes voient d'un mauvais oeil que les gardes nationaux ne veulent pas rendre leurs armes. Mais les gardes nationaux n'ignorent pas, à quoi les armes sont bonnes ; ils savent fort bien qu'elles seules représentent la vraie constitution qui leur garantit la jouissance des droits humains.«

A ce moment le *Testvériség* n'était pas encore renseigné sur la proclamation de la Commune ; dans ces conditions il apprécie la *participation* au pouvoir et met son espoir dans le maintien d'une certaine forme de dualisme du pouvoir. Il exposa son point de vue au moment où la réaction française recourait aux intrigues les plus sournoises pour désarmer le prolétariat. Les classes dominantes des autres pays — y compris la bourgeoisie libérale — attendaient anxieusement de savoir, si le cabinet Thiers réussirait à l'emporter sur les »rouges«. Les classes dominantes hongroises ne l'attendaient pas moins, de même que les libéraux qui voyaient d'ailleurs avec angoisse l'avance des Prussiens. S'opposant au camp des gens terrifiés par le »spectre rouge«, le *Testvériség*, en tant que porte-parole du prolétariat de Hongrie, élevait sa voix contre le désarmement du prolétariat. C'était une attitude révolutionnaire hautement significative, quoique bien des détails ne fussent pas claires aussi

⁶ Félix Pyat avait été membre de la Commune, mais après la chute de celle-ci il lança une campagne de calomnie contre le Conseil Général de l'Internationale.

⁷ Passages relevés par l'auteur.

bien au sein de l'Association des Ouvriers qu'à la rédaction du journal. Le Testvériség n'avait pas une idée nette de ce qui constitue l'essence de la révolution socialiste ; les commentaires qu'il ajoutait aux événements sont pénétrés de l'idéologie lassalienne. »Même si le gouvernement actuel reste à son poste, écrit le journal au sujet du cabinet Thiers, que pourra-t-il faire de tant d'ouvriers en chômage dans ces jours où toute l'industrie a dû cesser le travail en France? Il sera forcé de leur assurer un secours d'État, de fonder des sociétés de production et de jeter ainsi les fondements d'une nouvelle société.« Comme on voit, c'est par »la contrainte« que le gouvernement Thiers aurait dû être amené à poser les fondements d'une »nouvelle société«.

Dans son numéro suivant du 26 mars, le Testvériség annonce et salue avec joie la proclamation de la Commune : »Vive la République social-démocrate!« C'est par ce mot d'ordre qu'il exprimait la sympathie générale des ouvriers, leur enthousiasme plein d'espoir. La création de la Commune de Paris, le fait historique que le prolétariat français prit le pouvoir en mains, tout cela remplit d'enthousiasme la classe ouvrière hongroise et approfondit sa foi dans la possibilité de son affranchissement. Mais dans la question de la révolution la confusion idéologique d'inspiration lassalienne n'avait pas pris fin et ne pouvait pas prendre fin. La grande question historique se posait d'une manière encore plus immédiate et exigeait la recherche d'une réponse juste. Mais trouver la réponse juste et en même temps la voie juste n'était pas et ne pouvait pas être tâche facile.

Le numéro du 9 avril du Testvériség publie un reportage parisien de Henri Bachruch qui fait face aux calomnies des journaux bourgeois et donne une explication de la Commune. A son avis, la Commune réalise une idée »qui depuis longtemps est connue en France, et qui seule est capable de transformer favorablement la France. Cette idée, c'est la »commune libre dans un état libre« : une commune, revêtue d'une pleine autonomie, qui règle indépendamment ses affaires intérieures, selon ses intérêts matériels et sociaux. »C'est le coup le plus lourd qu'on puisse porter à la centralisation . . . qui depuis vingt ans absorbe en France toute la sève de la vie politique . . .« Dans le projet de la Commune concernant la structure de l'État, la réalisation de l'autonomie communale joue un rôle primordiale et Bachruch, esquissant le caractère de la Commune, met au premier plan la question de l'autonomie communale.

A propos des craintes de la bourgeoisie qui veille aux »intérêts sacrés de sa bourse« Bachruch constate : »Si la Commune de Paris réussit à survivre à la période critique des semaines qui vont suivre, sans être gênée par les Prussiens qui se sont déjà emparés des quatre forteresses parisiennes, elle prouvera que le spectre rouge n'est pas à craindre. Ses premiers efforts seront de créer et d'organiser le plus vite possible à la base des subsides d'État les sociétés de production. Ces messieurs-là n'ont qu'à regarder dans les yeux du spectre rouge : il n'est pas aussi terrible qu'on le croit.«

Dans son article déjà cité (Les enseignements de la Commune) Lénine précise que deux erreurs ont effacé les avantages que la Commune aurait pu tirer de son éclatante victoire. Au lieu d'entreprendre »l'expropriation des expropriateurs«, la Commune s'est laissée emporter par l'illusion de réaliser »la justice suprême dans un pays unifié par l'effort commun de la nation«, et en même temps elle a négligé de mettre la main par ex. sur la banque. Seconde erreur: »Une générosité superflue du prolétariat : il aurait fallu exterminer l'ennemi, tandis que la Commune s'était efforcée d'exercer sur lui une action morale.«⁸

Même le reportage de Bachruch reflétait plutôt le principe de la justice générale au lieu de l'expropriation des biens de la bourgeoisie ; l'auteur essayait de calmer les bourgeois qui redoutaient le spectre rouge en leur démontrant qu'ils n'avaient rien à craindre. Dans ces conditions il n'est pas étonnant qu'en Hongrie, dans l'Association des Ouvriers et dans son journal, l'esprit de »l'action morale« ait aussi prévalu. Il n'en reste pas moins vrai que, malgré l'influence lassallienne, l'Association des Ouvriers se prononça pour la cause de la Commune et pour l'armement des ouvriers. Ce fait avait une importance capitale. L'Association des Ouvriers et son bulletin, au nom de la classe ouvrière de Hongrie, dont il reflétait le véritable état d'âme, se déclaraient solidaires des ouvriers révolutionnaires de Paris, de l'idée de l'armement de la classe ouvrière et du glorieux avènement au pouvoir du prolétariat. La stupéfaction, la consternation et la haine de la presse bourgeoise n'égarèrent pas l'Association des Ouvriers et son bulletin; ils y firent face. Par leur prise de position ils contribuaient au développement de la combativité de la classe ouvrière et à l'essor de ses luttes. La même thèse vaut, à n'en point douter, même pour l'autre Association ouvrière de Pest qui, n'ayant pas de bulletin, devait se contenter de la propagation des organes socialistes de l'étranger.

Sous l'influence de la Commune de Paris la collaboration des deux Associations s'approfondit au cours de l'organisation des luttes quotidiennes. Une conséquence de la Commune de Paris dans les milieux ouvriers, fut ce vaste mouvement de grève qui se déclencha en Hongrie et surtout à Pest. »Au printemps de 1871, écrit Politzer, quand l'agitation avait pris déjà des mesures considérables et que le rayonnement de la Commune de Paris pénétrait dans l'esprit, si facilement excitable, des travailleurs hongrois, la »fièvre de la grève«, phénomène inséparable du mouvement ouvrier en rapide croissance, fit également sentir son effet...«⁹ »Partout les ouvriers, écrit Schulhof, commençaient à bouger : ils regardaient avec fierté vers leurs frères parisiens qui donnaient au socialisme une signification jusque-là inconnue. Les ouvriers de Hongrie participaient à ce courant d'idées, d'où la spontanéité des grèves

⁸ Lénine : Les enseignements de la Commune. Oeuvres, t. 13, p. 438 (en russe).

⁹ S. Politzer, A magyarországi munkásmozgalom történetéhez (Contributions à l'histoire du mouvement ouvrier en Hongrie). Cf. MMTVD, t. I, p. 64.

qui eurent lieu à cette époque. La grève des ouvriers brasseurs qui fut la première, ne tarda pas à être suivie de celles des boulangers et des tailleurs¹⁰.

Dès la fin du mois de mars les ouvriers brasseurs de Kőbánya organisèrent un mouvement pour leur revendications. La police essaya de les désarmer par des menaces, par la dissolution des réunions et par l'éloignement des dirigeants socialistes. Lorsqu'Ihrlinger et Politzer arrivèrent à Kőbánya pour assister à la réunion des brasseurs, ils furent aussitôt réexpédiés à Budapest par les policiers. Néanmoins la grève fut déclenchée et même bientôt suivie d'autres.

Le mouvement des tailleurs commença en avril. Pour le diriger un bureau fut constitué sous la présidence d'Étienne Lukácsi, membre du Comité de l'Association des Ouvriers et bibliothécaire de cette organisation ; c'était le même qui, au mois de février, avait été chargé par Külföldi de rassembler des signatures pour les pétitions anti-prussiennes concernant l'annexion de l'Alsace-Lorraine.

Les tailleurs exigeaient la journée de 10 heures et un relèvement des salaires. La grève commença le 1er mai. Pour freiner le mouvement, la police arrêta 52 délégués ouvriers ce qui ne fit que rendre la lutte encore plus acharnée. La grève fut signalée par le Pesti Napló dans son numéro du 9 mai.

L'extension du mouvement gréviste inquiétait beaucoup le gouvernement et les classes dominantes. C'est par une terreur policière impitoyable qu'ils essayaient d'étouffer la grève des tailleurs. Mais dans les milieux ouvriers les arrestations en masse excitaient non seulement l'indignation des tailleurs, mais aussi celle des travailleurs d'autres branches, notamment des ouvriers des fabriques et des minoteries. Sous la conduite des socialistes le mouvement de grève se transforma en une lutte politique contre la terreur gouvernementale.

Aux réunions des grévistes on prononçait des discours soutenant la cause de la Commune de Paris ce qui augmentait dans une grande mesure la conscience politique, l'enthousiasme et la combativité des ouvriers en grève.

Le développement du mouvement inquiétait aussi les membres du Parti de 48. Irányi et ses compagnons continuaient à rester en contact avec l'Association Générale des Ouvriers. Ils cherchaient à maintenir et même à intensifier l'influence qu'ils exerçaient sur les associations ouvrières. Mais leur tentative se heurtait à la création de la section des sociétés professionnelles, dont le rôle grandissait rapidement à l'effacement de la »section des travailleurs intellectuels«, à l'essor du mouvement gréviste et au développement rapide de la conscience politique des ouvriers. Dans ces conditions le groupe d'Irányi, malgré l'aide de Külföldi, parvenait difficilement à maintenir et à accroître son influence dans les associations ouvrières.

¹⁰ G. Schulhof, A munkásmozgalom keletkezése Magyarországon (Les origines du mouvement ouvrier en Hongrie). Cf. MMTVD. t. I, p. 177.

Au sujet de l'arrestation en masse des ouvriers tailleurs, Simonyi, le compagnon d'Irányi, fit une interpellation le 6 mai. La grève et plus encore les arrestations inquiétaient Simonyi et ses amis. Ils craignaient — et de plein droit — que la terreur gouvernementale, au lieu de freiner le mouvement, n'augmentât la combativité des ouvriers. C'est pourquoi Simonyi désapprouvait les arrestations.

L'interpellation qui condamnait les mesures terroristes du gouvernement avait une certaine importance politique. Elle contribuait à dévoiler le despotisme gouvernemental aux yeux des larges masses du peuple. C'est pourquoi le gouvernement et son parti se sentaient gênés par une interpellation de ce genre. Néanmoins, on ne réussit pas à faire illusion parmi les ouvriers à propos de l'importance pratique de l'interpellation de Simonyi. Ils savaient que l'interpellation qui pouvait rester sans réponse pendant tout un an, n'avait pas une importance particulière de point de vue de la libération des arrêtés.

Les ouvriers essayèrent d'obtenir la libération des tailleurs arrêtés par un mouvement issu de leur propre initiative, sans demander conseil au groupe d'Irányi. L'Association des Ouvriers, à laquelle appartenaient les tailleurs, préparait, avec l'aide de l'Association pour la Formation des Ouvriers, une manifestation pour libérer les arrêtés. Cette manifestation s'appuyait sur des forces beaucoup plus considérables et mieux organisées que la manifestation de juillet 1869 pour la libération d'Antoine Strobel ou celle de février 1870 pour la libération de Raspe. Le 8 mai 1871, deux jours après l'interpellation de Simonyi au parlement, 3000 hommes — les tailleurs en grève et les ouvriers d'autres branches de métier qui se solidarisaient avec eux, — vinrent défiler dans la rue Sándor, devant l'édifice qui était alors le Parlement, et exigèrent la libération des ouvriers arrêtés. Ils portaient des banderoles avec l'inscription »Pain et Justice« et manifestaient orageusement pour leurs revendications.

La préfecture municipale ne tarda pas à mobiliser contre les manifestants non seulement la police, mais encore des unités militaires. Les troupes de la police étaient commandées par le préfet de police en personne, le fameux Alexis Thaisz. Il y eut des collisions d'importance secondaire. On s'efforçait de disperser les manifestants, d'un côté, par la menace des armes, de l'autre, par des promesses concernant la libération des arrêtés. Le bruit courait que les ouvriers des usines et des minoteries venaient de cesser le travail pour porter secours aux manifestants. Avant même que ces ouvriers ne soient arrivées, les manifestants défilèrent devant le Parlement en rangs serrés. Ensuite pleins d'enthousiasme et entonnant la Marseillaise, ils quittèrent le quartier du Parlement, défendu par la police et les forces militaires, pour se rendre sur la place Gázgyár où, après un meeting bref, mais très animé ils se dispersèrent. Essel, Szopkó, Vécsey, ouvriers tailleurs, Maki, cordonnier, Politzer, jeune intellectuel, et plusieurs membres du comité de l'Association des Ouvriers marchaient en tête des manifestants.

Selon les informations parues le lendemain dans les colonnes du »Honk« (Patrie), journal rédigé par Jókai, avant la manifestation une délégation essaya de remettre une requête, exigeant la libération des arrêtés, à François Deák, mais celui-ci refusa de l'accepter. Toutefois le Hon passe sous silence le fait que les membres du parti de Tisza, »les indépendants de 48«, refusèrent également d'accepter la requête pour la remettre au Parlement.

Selon le récit de Schulhof, au cours de la manifestation »plusieurs milliers d'ouvriers pénétrèrent au Parlement ; occupant les galeries et les couloirs et barrant toutes les sorties, ils exigeaient la libération des arrêtés. Mais il ne s'est trouvé aucun député qui se fût chargé d'être le porte-parole des ouvriers. Les travailleurs des minoteries et de la fabrique d'armes s'approchaient également du Parlement et on ne sait ce qui aurait pu advenir, s'ils y étaient arrivés«. ^{11a}

La manifestation du 8 mai causa une surprise générale. Depuis le Compromis austro-hongrois c'était la manifestation la plus importante qui se soit déroulée devant le Parlement, et qui se soit dirigée contre le gouvernement hongrois. Cette manifestation était une manifestation ouvrière ; son importance était d'autant plus grande qu'elle avait lieu au temps de la Commune de Paris.

Le Parlement fut ébahi de l'enthousiasme et de la véhémence de cette manifestation des ouvriers. Guillaume Tóth, ministre de l'Intérieur, profita de la consternation du Parlement pour répondre à une interpellation déposée par Irányi l'année précédente et renouvelée le 27 mars, au sujet de Raspe qui, l'année précédente, avait été honteusement arrêté et livré aux Autrichiens. Après un silence d'un an, le ministre se solidarisa en hâte avec son prédécesseur, approuvant pleinement les démarches arbitraires et scandaleuses de celui-ci. En même temps, il ne soufflait pas mot du fait que ce procédé avait été sanctionné d'avance par »Sa Majesté« François Joseph.

Et voici la réplique d'Irányi : il regrette beaucoup que le ministre lui réponde juste le jour où — à cause de la manifestation qu'on voit se déployer dans les rues — l'humeur de la salle n'est pas des plus favorables à la classe ouvrière. Il ne croit pas que l'activité de Raspe ait été dangereuse, mais même dans ce cas il n'aurait pas fallu le livrer à ceux »qui voulaient l'emprisonner«. En même temps, Irányi passe sous silence le fait que deux jours auparavant le ministre n'a pas répondu à l'interpellation déposée par Simonyi concernant l'affaire des tailleurs arrêtés, bien que des milliers et des dizaines de milliers exigeassent bruyamment devant le Parlement, dans les usines et dans les quartiers ouvriers, en guise de réponse la libération des tailleurs.

Fort intéressante est la lettre du 9 mai de Charles Farkas à Becker sur les mouvements de Pest et surtout sur la manifestation des ouvriers devant

^{11a} Schulhof, op. cit. p. 177.

le Parlement. Une partie de la lettre a paru dans le numéro de mai 1871 du »Vorbote« :

»Sans doute avez-vous déjà connaissance, écrit Farkas, de l'arrestation des 52 délégués ouvriers qui sont emprisonnés depuis une quinzaine de jours. Aujourd'hui des choses curieuses ont eu lieu au Parlement et dans les rues environnantes. 3000 tailleurs en grève, et avec eux des ouvriers d'autres métiers ont occupé le Parlement et exigé la libération des emprisonnés. Les dirigeants de l'extrême-gauche ont vivement attaqué le gouvernement à cause des arrestations et dans une interpellation qui eut lieu trop tard ils ont exposé les méfaits commis sur la personne de Raspe.¹²

Mais le procédé de l'extrême-gauche n'est qu'une dissimulation, puisque ces gens-là sont d'aussi bons bourgeois que les conservateurs (les partisans de Deák) ; d'autre part, les contacts directs que nous avons eus avec eux, nous ont montré qu'ils se faisaient une idée tout à fait fautive du mouvement ouvrier. Néanmoins, à cet égard, je n'ai pu faire admettre mes vues qu'à un très petit nombre de personnes... Au début tout était silencieux aux alentours du Parlement, mais quand les ouvriers soulevèrent les pancartes avec la devise »Pain et Justice«, le préfet de police Thaisz lâcha sur la foule ses »pandours«, ramassés sur le territoire entier de la capitale et renforcés par deux bataillons. La foule accueillit cette horde par le cri : »Voici les chiens municipaux«. Il n'y eut pas de blessure, sauf quelques-unes dues aux fers des chevaux. On trompa la foule par la promesse de relâcher les emprisonnés au cours de l'après-midi et ainsi on rétablit l'ordre. Les locaux de l'Association Générale des Ouvriers, après avoir été fermés pendant un jour par les autorités, sont déjà réouvertes ; la fabrique d'armes, au contraire, est occupée par l'armée, parce qu'on avait peur que les ouvriers ne se tiennent prêts à l'action et ne livrent les armes. Voilà où en sont les affaires. Selon toute probabilité, la grève n'aura d'autre conséquence que d'avoir raffermi la conscience de classe«.

Cette lettre de Farkas est un de nos documents les plus importants sur la période en question. Le passage cité qui se rapporte aux événements de la grève des tailleurs, nous révèle l'attitude négative de Farkas dans la question de l'alliance avec le Club de 48. Dans les interpellations d'Irányi et de Simonyi, Farkas ne trouvait rien de positif ni d'utilisable ; il n'y voyait que l'artifice de la bourgeoisie de gauche. Et si lui-même dit de ses points de vue, qu'il ne pouvait les faire comprendre qu'à un petit nombre de gens, la cause en est à chercher dans la rigidité de son opinion. C'est pourquoi il ne pouvait se prononcer, au lieu d'une alliance nuisible, pour une alliance juste.

Ce serait chose naïve que de demander aux libéraux ou aux démocrates bourgeois d'avoir »des vues justes« sur le mouvement socialiste. Cette naïveté

¹² C'est deux jours avant la manifestation, le 6 mai, que Simonyi fit son interpellation au sujet de l'arrestation des ouvriers tailleurs. Le 8 mai Guillaume Tóth parlait de l'affaire Raspe, comme nous l'avons déjà dit plus haut.

résulte de la protestation d'un militant honnête qui a en vue l'indépendance du mouvement socialiste et tâche de la défendre contre la pénétration sans cesse renouvelée de l'influence bourgeoise. Farkas était convaincu qu'il fallait bannir du mouvement cette influence et ne pas transiger avec elle, ce en quoi il avait incontestablement raison. Mais que la lutte contre l'influence bourgeoise n'exclût pas l'alliance avec les couches bourgeoises démocrates et inversement, que l'alliance avec les couches bourgeoises démocrates n'exclût point la lutte contre leur influence idéologique, mais bien au contraire, l'exige, cela Farkas ne le voyait pas clairement. Sous ce rapport le mouvement n'en était qu'à une période de tâtonnements.

La manifestation devant le Parlement avait produit une certaine confusion aussi bien dans les milieux gouvernementaux que dans les classes dominantes. Pour s'en convaincre on n'a qu'à lire le *Pesti Napló* du 10 mai : »On a inventé, à propos de la manifestation des ouvriers tailleurs, mille nouvelles dont quelques-unes portaient l'empreinte indéniable de l'invéraisemblance ou, pour mieux dire, de la stupidité. D'après une de ces nouvelles on se serait préparé à attaquer la nuit passée la fabrique d'armes de la dépôt de cartouches. A cause de ces rumeurs l'armée fut consignée pendant toute la nuit. Autrement dit : le gouvernement prêtait foi à un tel canard ce qui ressort d'ailleurs même de la lettre citée de Farkas.

La manifestation devant le Parlement eut pour conséquence l'élargissement du mouvement gréviste et l'augmentation de l'esprit combatif. Le 10 mai les boulangers entrèrent en grève, exigeant la réduction du temps de travail, un relèvement de salaire, l'amélioration de l'alimentation et du logement, ainsi que la suppression du tutoiement.

Le 11 mai les boulangers en grève eurent les heurts avec la police. Leur réunion, caractérisée par la vivacité de l'esprit combatif, fut dissoute par la police. De la salle de danse du restaurant de Buzalka, rue Akácfa, où la réunion avait lieu, les grévistes furent éloignés par force, parce qu'ils s'opposaient à la sommation des policiers et ne voulaient point quitter les locaux. L'évacuation de la salle par les forces armées fut suivie d'une manifestation et d'une bagarre dans la rue. Selon le *Pesti Napló* du 12 mai, les boulangers, armés de l'échelle brisée en morceaux d'un lampiste, s'attaquèrent, aux policiers au moment même où ceux-ci voulait arrêter cinq des leurs. Il devait s'ensuivre un grand embarras dans les milieux gouvernementaux, puisque — ayant peur de l'extension de la manifestation qui se prolongea jusqu'à une heure tardive du soir — ils envoyèrent contre les manifestants deux compagnies d'infanterie et un détachement de lanciers. Ces troupes, selon une communication du Hon du 14 mai, barrèrent les rues pour empêcher un attroupement nouveau.

Huit jours après la manifestation organisée devant le Parlement le Hon communiqua que 24 tailleurs arrêtés avaient été remis en liberté ; une instance fut engagée contre 29 autres qui auraient proféré des menaces à l'adresse de

leurs maîtres. Le même numéro du journal annonce que les tailleurs de Pécs se sont aussi mis en grève. En outre, il y avait des bruits sur le mouvement des tailleurs d'Eger.

Le 17 mai, le Pesti Napló annonce déjà la grève des cheminots. »Comme il résulte d'un communiqué de la direction des chemins de fer impériaux et royaux, aujourd'hui ses ouvriers ont interrompu le travail. »Le même jour, annonce le journal, les tapissiers aussi entrèrent en grève pour réclamer la journée de 10 heures. Selon le numéro du 21 mai du même journal,« la grève des tailleurs, des boulangers, des tapissiers et des cheminots ayant été vivement appréciés par les selliers et les travailleurs de l'industrie de cuir, ceux-ci se sont réunis aujourd'hui en masse pour discuter le débrayage«.

En mai 1871 le mouvement de grève s'était étendu à Pest à cinq ou six mille ouvriers. Il n'est pas douteux que des masses beaucoup plus nombreuses aient formulé des revendications semblables à celles des grévistes, mais sans avoir recours à la grève. Cette constatation vaut aussi pour les travailleurs de province. Comme il ressort de l'histoire du mouvement de Pest, la principale revendication était la réduction de la durée du travail à 10 heures. A certains endroits, notamment dans quelques imprimeries, ils obtinrent l'introduction de la journée de travail de 9 heures.

Comme nous voyons, au cours du mouvement de grève du mois de mai, la lutte pour certaines revendications d'ordre économique s'était transformée en une lutte politique contre la terreur gouvernementale. Cette évolution était sensible surtout dans la grève des tailleurs et des boulangers, ainsi que dans les manifestations organisées à ce propos, La Commune de Paris fut un événement décisif au point de vue de l'éveil de la conscience de classe : elle mit en mouvement les masses ouvrières et créa des conditions favorables à l'évolution de l'Association des Ouvriers.

2. Le développement de l'organisation de l'Association Générale des Ouvriers et sa fusion avec l'Association pour la Formation des Ouvriers

Parallèlement à l'essor du mouvement des ouvriers une évolution remarquable se faisait dans l'organisation de l'Association. Ce n'était pas un hasard que ce fut précisément au temps des événements révolutionnaires de Paris que cette évolution dans le domaine de l'organisation eut lieu, et qui se manifestait dans l'affermissement de l'Association centrale, dans le développement des sociétés professionnelles de Pest et leur rattachement à l'Association Générale des Ouvriers, ainsi que dans un certains progrès, d'ailleurs moins connu, des sociétés professionnelles et des sociétés culturelles de la province.

Quant à l'Association Générale des Ouvriers, il y existait auprès du président, au sein du conseil de l'Association, un groupe de 12 membres ; plus tard ce groupe devint le comité de l'Association, Sous la direction du comité qui comptait 12 membres, fonctionnaient à l'origine quatre sections : économique, juridique, financière et section de contrôle ; aux travaux de chacune participaient trois membres du comité.

Les fonctions de la section juridique demandent à être précisées d'une manière un peu plus ample. Cette section jouait un rôle essentiel dans l'éducation idéologique et politique. Elle rédigeait des pétition et des résolutions ; en outre, elle offrait son concours aux sociétés professionnelles en vue de l'élaboration de leurs statuts. Parmi les membres de la section juridique nous voyons Politzer et plus tard, dès la fin de 1870, Szvoboda. Rüd't et Kutill qui, arrivés d'Autriche au printemps de 1871, s'associèrent à la même section.¹³

Les sociétés professionnelles qui s'étaient jointes au centre de Pest de l'Association Générale des Ouvriers étaient également considérées comme des sections à part. Par conséquent, les membres des sociétés professionnelles qui payaient mensuellement une cotisation de 3 kreutzers à l'Association des Ouvriers, étaient considérés comme membres de la dite Association ; le même traitement s'appliquait aux membres des filiales de province.

Outre les sections énumérées, l'Association organisa une section de presse, une section littéraire, ainsi que la section — mentionnée plus haut — des travailleurs intellectuels, une section destinée à assurer la collaboration des sociétés professionnelles, une section de chant et une autre pour la bibliothèque.

A la section littéraire incombait la tâche d'écrire des pamphlets et des articles ; elle assurait aussi la diffusion des publications.

La section des travailleurs intellectuels, s'est constituée — sur l'initiative de Politzer et Szvoboda — au début du mois de janvier 1871. Selon la formule de Politzer, cette section avait à organiser des conférences d'intérêt public et à régler les questions d'éducation ; comme »buts plus éloignés« elle s'était assigné la tâche d'étudier la question agraire et de faire paraître en hongrois des ouvrages socialistes. »Bientôt quelques petits fonctionnaires et quelques instituteurs se joignirent à ce groupe« — écrit Politzer. A l'avis du même auteur la section s'occupait peu des tâches signalées plus haut. »Il est vrai, écrit-il, que les membres ont été détournés de leurs fonctions primitives, mais ils déployaient une activité utile dans le domaine de l'agitation et de l'organisation«. Mais quand cette section ne joua plus un rôle sérieux sur le plan de l'agitation et de l'organisation, alors même elle ne revint pas à sa destination primitive, parce qu'elle était visiblement incapable de venir à bout de ses tâches.

¹³ Auguste Rüd't était originaire d'Allemagne. Pendant quelque temps il collabora au Volksstaat. D'Allemagne il alla en Autriche, d'où il vint en Hongrie en février 1871 avec Kutill et Schäftner.

La section des sociétés professionnelles fut organisée sur l'initiative de Kutill ; Rüd't et Schäftner¹⁴ jouaient un rôle important dans sa direction. L'administration de cette section fut d'ailleurs confiée à un comité de 12 membres ; on y trouvait aussi les représentants des ouvriers des usines et des minoteries qui appartenaient à la Caisse de Secours aux Malades.

Après la formation de la section des sociétés professionnelles, la section des travailleurs intellectuels fut reléguée à l'arrière-plan. Comme il ressort de la déposition de Szvoboda à la police¹⁵ cette section était placée sous sa direction, mais, «dès le troisième mois de son existence, elle se désagrégea faute d'intérêt». Probablement n'en était-il pas tout à fait ainsi, et la section continua à exister, mais reléguée au second plan par la section des sociétés professionnelles. Cette situation signifiait un renforcement de l'influence des socialistes de Vienne, puisque la section des sociétés professionnelles fonctionnait en grande partie sous la direction de Kutill, Schäftner et Rüd't, mais en étroite collaboration avec le comité de la Caisse de Secours aux Malades, c'est-à-dire avec le groupe de Farkas. Dans la direction de la section des associations professionnelles Farkas jouait un rôle important. Cette section en tant qu'organe commun des deux Associations joue un rôle dirigeant dans l'évolution du mouvement de grèves en mai.

Le mouvement ouvrier gagnait du terrain même en province. La rivalité des deux Associations de Pest ne manquait pas d'exercer un certain effet sur les sociétés provinciales. En province il existait déjà un certain nombre de sociétés professionnelles, les unes permanentes, les autres temporaires seulement. C'étaient, dans la plupart des cas, des associations d'assistance sociale, mais dans certains cas il s'agissait déjà de sociétés culturelles. En plus d'un endroit ces associations offraient un précieux appui aux associations temporaires ou permanentes, créées par la collaboration de plusieurs métiers. Les sociétés culturelles de ce genre devinrent avec le temps autant de filiales de l'Association Générale des Ouvriers ou l'étaient dès leur fondation. Lorsqu'à Pest l'antagonisme s'aiguisa entre les deux Associations ouvrières, les relations avec les groupes provinciaux se relâchèrent et parfois furent interrompues.

Pour expliquer l'absence de relations suivies, il convient de tenir compte aussi du fait que de temps à autre certaines filiales ne fonctionnaient presque pas, quelques-unes furent étouffées par les mesures des autorités et d'autres se virent obligées de suspendre temporairement leur activité.

L'absence de relations s'expliquait aussi par l'esprit d'opposition qui se manifestait parfois à l'égard des dirigeants de l'Association Générale des

¹⁴ Schäftner était un des signataires de la pétition présentée à Vienne, à l'occasion de la manifestation de masse du 13 décembre 1869. Il fut également arrêté et condamné. Les condamnés du procès de Vienne furent amnistiés en février 1871, après l'amnistie, Schäftner vint à Pest et y resta avec Kutill et Rüd't.

¹⁵ Il s'agit de la déposition de Szvoboda au cours de l'enquête du procès de haute trahison. Voir plus haut.

Ouvriers. Le Testvériség signale l'opposition du groupe de Temesvár qu'il attribue simplement à l'activité de Windsheimer ¹⁶ dans cette ville. Il est curieux de noter que les relations ont été interrompues même avec l'Association »Előre« de Pozsony qui comptait plusieurs centaines de membres. A Pozsony fut constituée, le 12 septembre 1870, une nouvelle »Association Générale pour la Formation des Ouvriers« qui selon le Testvériség du 5 mars, s'est jointe à l'Association Générale des Ouvriers. Au mois d'avril et mai 1871 les relations qu'il y avait entre l'Association de Pest et les filiales provinciales furent resserrées, ce à quoi la collaboration des deux Associations au mois de mars et avril de la même année avait aidé. En mai 1871, la fusion s'est enfin effectuée entre les deux ailes du mouvement socialiste, c'est-à-dire entre les deux Associations de Pest. Pour atteindre ce but il fallait écarter bien des difficultés. Il fallait, avant tout, éliminer l'opposition de la lutte politique à la lutte économique, l'attitude négative, d'inspiration lassallienne, vis-à-vis du mouvement de grève, ainsi que l'esprit sectaire qui, au sujet des questions d'assistance sociale, se manifestaient même dans l'Association Générale des Ouvriers.

D'autre part, il existait des divergences de vues concernant les relations avec le parti de 1848. A cet égard le groupe de Farkas, sans renoncer à ses principes, fit des concessions. La fusion fut facilitée par la diminution de l'influence de Külföldi. La réalisation de la fusion était exigée par les membres de l'Association et par le mouvement entier, auquel la Commune et ses luttes héroïques donnaient des ailes. Les tentatives de fusion se renforcèrent sous l'influence du renouveau des grèves en avril-mai 1871, grèves qui augmentaient la combativité des masses ouvrières et provoquaient une confusion mêlée de crainte aussi bien dans les milieux gouvernementaux que dans la bourgeoisie. L'essor du mouvement écartait les saboteurs d'une fusion qui, après les luttes communes et les querelles de plus de 18 mois fut remise sur le tapis pour la troisième fois. A cette occasion la fusion s'est enfin effectuée.

Comme première étape de la fusion, on doit signaler la création de la section des sociétés professionnelles en tant qu'organe commun des deux Associations ; la dernière étape du processus est marquée, dans la seconde moitié du mois de mai par l'élection des nouveaux dirigeants de l'Association des Ouvriers.

Voici comment Charles Farkas caractérise la fusion dans sa lettre déjà citée plus haut, du 9 mai, à Becker : »C'est pour la troisième fois déjà que les deux principales Associations tentent de s'unir, mais il est à espérer que cette fois leurs efforts seront couronnés de succès. Toutes les sociétés professionnelles se joindront à l'Association Générale des Ouvriers pour former une orga-

¹⁶ Selon les rapports de la police de Vienne, Windsheimer était, avec Raspe, un envoyé du parti d'Eisenach ; il déployait son activité à Graz et à Temesvár. C'est après l'arrivée de Farkas à Pest, que Windsheimer s'établit à Temesvár.

nisation de masse. Même les fondateurs en caractères qui jusqu'ici se comportaient d'une manière plutôt aristocratique ont annoncé leur adhésion».

Pour effecteur d'une manière pratique l'union des deux ailes du mouvement socialiste, les membres de l'Association pour la Formation des Ouvriers, qui avait été dissoute à une date antérieure, entrèrent à l'Association Générale des Ouvriers. La Caisse de Secours, tout en gardant formellement son autonomie, se joignit également à l'Association. Politzer écrit que ce sont Schäftner, Kutill et Rüdít, qui ont organisé la fusion. Il tait le rôle de Farkas, mais n'oublions pas que Politzer cherche toujours à le passer sous silence. Voilà la première raison qui nous interdit d'admettre sa thèse concernant le rôle décisif de Schäftner, Kutill et Rüdít. Même à d'autres égards la conception de Politzer se heurte au témoignage des faits : sous ce rapport il suffit de signaler les détails de la première et de la deuxième tentatives de fusion, et ceux de la création et de l'activité de la section des sociétés professionnelles. Tout porte à croire que, outre le groupe de Schäftner, Farkas et Essel jouèrent également un rôle décisif dans la réalisation de la fusion.

Au mois de mai on élit le nouveau bureau de l'Association des Ouvriers. André Essel fut élu président, Kűlföldi garda ses fonctions de sous-président, mais il dut les partager avec Ihrlinger. Farkas, secrétaire de la Caisse de Secours aux Malades, devint membre du comité de l'Association. Il est indubitable que la réalisation de la fusion ranima l'activité des filiales de province et raffermis les liens d'organisation avec l'Association de Pest. On entrevoyait déjà les contours d'un grand parti ouvrier national s'appuyant sur un réseau provincial assez étendu.

Selon un rapport rédigé par le procureur général en 1871, au temps du procès de haute trahison, l'Association des Ouvriers avait des filiales dans les 22 villes suivantes : Óbuda, Újpest, Sopron, Moson, Nagykanizsa, Kaposvár, Szigetvár, Bonyhád, Tapolca, Pécs, Eszék, Zágráb, Várad, Temesvár, Arad, Nagyszében, Brassó, Resica, Anina, Oravica, Versec et Pozsony. Dans ce rapport il n'est pas question des filiales de Sárospatak et Rácalmás. En outre, le Testvéríség du 12 mars publie une lettre de Kaposvár, selon laquelle une association d'ouvriers s'est constituée à Keszthely ; enfin, le numéro du 26 mars du Testvéríség publie une lettre de Lukafa qui nous apprend la formation d'une association dans cette commune du comitat de Baranya. Toutes ces filiales ne figurent point dans le rapport du procureur général. Ce rapport, en faisant le compte des membres des 22 filiales de province, ainsi que des 12 associations professionnelles de Pest et de Buda, d'une association ouvrière slave de Pest et d'une Caisse pour les ouvriers infirmes d'Újpest, évalue les effectifs de l'Association Générale des Ouvriers à 5856 membres. Avec l'association centrale il est question ici de 37 associations. En outre, s'est jointe à l'Association Générale des Ouvriers, sinon formellement, du moins en fait, la Caisse de Secours aux Malades. Selon la déposition de Farkas, cette Caisse comptait 3000 membres dont

la plupart se recrutaient parmi les travailleurs des fabriques et des minoteries. La société culturelle des imprimeurs de Pest — qui ne figure pas non plus parmi les sociétés professionnelles énumérées par le procureur — avait 490 membres.

Tout bien considéré, l'organisation de l'Association s'étendait en mai 1871 à un total de 12 à 14 000 ouvriers. Inutile de dire que la majorité des membres vivaient à Pest, à Bude, à Óbuda et à Újpest ; le nombre des membres de province était beaucoup moins considérable. Les travailleurs des petites entreprises jouaient un rôle prépondérant dans le mouvement. Les ouvriers des fabriques et des minoteries prédominaient dans l'organisation de la Caisse de Secours, ainsi que dans les sociétés de Temesvár et Óbuda. Aux sociétés professionnelles et aux filiales de province adhéraient de nombreux petits artisans. On voyait des intellectuels surtout parmi les membres de l'Association centrale, mais il y en avait aussi dans les filiales.

Ce tableau, malgré sa variété inévitable, montre nettement qu'au printemps de 1871 la situation était déjà mûre pour la formation d'un parti ouvrier embrassant le territoire entier du pays. C'est dans ce but que l'Association mit sur le tapis, en février 1871, par l'intermédiaire du Testvériség et de la Brüderlichkeit, le projet de la convocation d'un congrès général des ouvriers. Mais un mois après, malgré le vif écho que ce projet eut en province, les deux organes ouvriers cessèrent brusquement de faire de la propagande dans l'intérêt du congrès. A en croire la déposition déjà mentionnée de Szvoboda, le projet fut abandonné, parce que Kutill et Schäftner se prononçaient contre la convocation du congrès. Ils étaient d'avis qu'il fallait d'abord aplanir les divergences de vue qu'il y avait entre les deux ailes du mouvement et effectuer la fusion des Associations. De fait, ce fut bien la fusion qui créa une atmosphère favorable à la convocation du congrès et à la formation d'un parti ouvrier national. Mais à la même époque, au mois de mai 1871, le Testvériség et la Brüderlichkeit cessèrent de paraître ; par la suppression des deux Bulletins l'Association des Ouvriers renonça à l'arme qui lui aurait rendu possible la préparation de la convocation du congrès.

Avec la suppression des bulletins, l'Association des Ouvriers perdait une arme particulièrement importante, dans le domaine de la propagande et de l'organisation, au point de vue du mouvement ouvrier à Pest, mais surtout en province, et cela au moment même où elle aurait pu s'en servir avec le plus de succès. Les deux bulletins furent supprimés au moment où la Commune de Paris faisait le mieux sentir son effet : à Pest le mouvement de grève battait son plein et la fusion des deux Associations pouvait bien se réaliser d'un jour à l'autre. Dans ces conditions les ouvriers de Pest et de la province n'avaient à leur disposition que les organes socialistes de l'étranger à moins que ceux-ci ne fussent confisqués à la poste sur l'intervention des autorités.

Pourquoi ces bulletins ont-ils été supprimés au mois de mai? Pour le moment nous ne saurions répondre à cette question. Politzer, rédacteur responsable des deux bulletins, écrit que »le capital affecté aux deux journaux était insuffisant pour leur permettre de vivre et que c'est pour cela qu'à la mi-mai il a fallu suspendre la parution des deux feuilles«. Ce motif est à peine admissible. Il y avait un capital suffisant pour la fondation des bulletins à l'époque où se livrait une lutte assez rude entre les deux ailes du mouvement. Et il n'y avait plus de capital pour l'édition d'un bulletin une fois qu'un accord était intervenu entre les deux ailes et qu'elles avaient fusionné! Donc la question reste obscure.

Il est à remarquer que l'Association n'avait plus le temps de fonder un nouvel organe de presse, de préparer le congrès et de jeter les fondements, suivant l'exemple de l'Allemagne et de l'Autriche, du parti social-démocrate de Hongrie. A l'époque de la Commune, l'Association se préparait à s'acquitter de ces tâches qui l'attendaient, mais son programme ne put être réalisé : deux à trois semaines plus tard, à peine, l'Association fut dissoute par la police.

3. La manifestation de l'Association Générale des Ouvriers en faveur des idées de la Commune de Paris au mois de juin 1871

Le mois de mai 1871 fut marqué dans l'histoire du sang avec le prolétariat parisien. Les créateurs du premier pouvoir prolétarien, géants de l'héroïsme du prolétariat, faisaient front, avec une tenacité sans exemple, aux forces contre-révolutionnaires, supérieures en nombre, qui menaçaient la capitale affamée. Bismarck s'entendit avec Thiers et l'armée française, déjà prisonnière, fut mise à la disposition de la contre-révolution en vue d'une attaque contre la ville révolutionnaire. »L'armée victorieuse s'allie à l'armée vaincue, écrit Marx, pour massacrer, toutes forces unies, le prolétariat.¹⁷«

Le 21 mai, une trahison venue de l'intérieur ouvre les portes de Paris aux troupes contre-révolutionnaires d'une immense supériorité numérique. Dans un combat de sanglante extermination qui dura sept jours, les communards moururent d'une mort héroïque. La contre-révolution organisa un massacre dont il n'y avait pas encore d'exemple : des dizaines de milliers de prolétaires furent massacrés avec une brutalité sauvage.

Marx avait averti les dirigeants de la Commune de l'alliance secrète de la réaction française et prussienne et de leur attaque imminente. En même temps l'Internationale invita les sections qui fonctionnaient dans les autres pays à organiser des campagnes de protestation contre l'attaque bestiale.

¹⁷ Marx, La guerre civile en France, p. 71.

La section de Pest reçut également un tel appel. C'est ce dont parle Becker, dans sa réponse du 20 mai 1871, à la lettre du 9 mai de Farkas. Voici le texte de la lettre en question :

Genève, le 20 mai 1871

Au citoyen Charles Farkas

Budapest

Cher membre de notre parti et de notre Association,

Depuis plus de deux mois la Commune de France absorbe tellement nos énergies, nos moyens, notre temps et toute notre activité que nous avons été forcés de négliger le reste de notre correspondance. Il fallut faire, dans l'intérêt de notre agitation, plus d'un voyage dangereux. De retour d'un tel voyage, j'ai trouvé parmi beaucoup d'autres votre lettre de Vienne du 9 mai, à laquelle je ne peux répondre qu'en hâte et d'une manière sommaire.

Si dans le Midi de la France, contrairement à nos espoirs, nous ne parvenons pas à déclencher un soulèvement, notre Commune parisienne doit temporairement succomber, malgré la plus héroïque des défenses. Nous travaillons dans le Midi : en même temps nous faisons notre devoir pour héberger et ravitailler plusieurs centaines de camarades réfugiés chez nous (en partie avec leurs femmes et leurs enfants) à cause des soulèvements avortés de Lyon, Marseille, etc. et dont nous avons à nous occuper. C'est là un fardeau bien lourd ! Par conséquent, pendant un laps de temps assez long nous ne pouvons, d'ici, à notre plus vif regret, rien faire dans l'intérêt d'autres débrayages. Veuillez le porter de la part du Comité Central (il s'agit du Comité Central de la section fédérale de Suisse, *note de l'auteur*) à la connaissance des tailleurs de Pest qui sont en grève et faites leur connaître notre situation et nos devoirs particulièrement difficiles. D'autre part, plus que jamais, nous aurions besoin de l'appui de tous les membres de l'Association pour faire tout ce qui est possible dans cette affaire urgente qui peut encore avoir une importance décisive. Peut être serait-il bon d'organiser à Pest un grand meeting des travailleurs. Mais les messages de sympathie nous aident peu : la solidarité doit se manifester par des faits.

Dans le numéro prochain du *Vorbote* je vais publier un extrait de votre lettre. Je vous envoie 100 exemplaires des »51 articles« ; d'autres exemplaires pourront encore être mis à votre disposition, puisqu'il est important de leur assurer une diffusion aussi large que possible.

En avant, toujours en avant, notre cause est invincible !

Salut fraternel à Vous et à tous les fidèles camarades.

Johann Ph. Becker ¹⁸

¹⁸ Au cours de l'enquête policière la lettre de Becker dont l'identité devait être établie fut lue à Farkas et insérée *in extenso* dans la procès-verbal de l'interrogatoire. La traduction hongroise de l'original (allemand) nous est donc connue par l'intermédiaire de ce procès-verbal.

La lettre de Becker fut présentée par Farkas aux membres du Comité de l'Association Générale des Ouvriers et aux dirigeants de la section des sociétés professionnelles. Quant à la convocation du meeting, elle ne fut décidée qu'après la chute de la commune.

Le haut niveau de maturité politique et de combativité se manifesta aussi par le fait que la chute de la Commune n'entrava pas l'essor du mouvement. Bien au contraire, les massacres donnés par la contre-révolution française engendrèrent parmi les larges masses de la population une indignation et une haine bornée pour les bourreaux. Les magnifiques idées de la Commune vécurent, inchangées, dans des dizaines de milliers de coeurs ouvriers. La foi dans les grandes idées de liberté prêchées par la Commune, la haine et le mépris pour la contre-révolution, ainsi que le sentiment de solidarité qui rattachait la classe ouvrière aux communards, ont fait naître une belle manifestation des ouvriers de la capitale. Il est vrai que la lettre de Becker suggérait l'organisation de la campagne pendant les derniers jours de la Commune, mais les dirigeants de l'Association des Ouvriers n'ignoraient pas qu'après les événements tragiques de Paris ils ne pouvaient pas rester inactifs. Le comité de l'Association décida donc la convocation d'une réunion publique.

Le 5 juin 1871 eut lieu une séance commune du Comité de l'Association des Ouvriers et du comité de 12 membres de la section des sociétés professionnelles. On décida de convoquer le meeting pour le dimanche prochain, c'est-à-dire pour le 11 juin ; on discuta et on approuva le projet de résolution qu'on voulait soumettre à l'assemblée. Ce projet avait été rédigé par Rüd't ; il contenait, entre autres, l'exigence d'accorder le droit d'asile aux communards.

La police refusa de donner son autorisation à l'organisation du meeting du 11 juin. C'est pourquoi deux jours auparavant, le 9 juin, la section des sociétés professionnelles décida de remettre le meeting au dimanche suivant et de le remplacer, le 11 juin, par une »réunion réservée à la discussion des questions de propagande«.

A cette réunion arrivèrent de Vienne André Scheu et Peschau : ils apportèrent un certain nombre d'exemplaires du dernier numéro du Volkswille. Auparavant on avait déjà expédié de Vienne par la poste quelques centaines d'exemplaires du numéro que la police autrichienne avait confisqué à cause d'un article encadré de noir qui était consacré à la Commune de Paris. Ce numéro du Volkswille offrait une précieuse aide à la préparation du meeting et de la manifestation de juin.

La réunion du 11 juin, consacrée »aux questions de propagande«, se déroula en présence de plusieurs centaines de personnes. Elle fut une brillante manifestation de la solidarité internationale du prolétariat, une prise de position courageuse et enthousiaste en faveur des idées de la Commune, l'expression d'un profond deuil pour les martyrs et d'une haine indicible à l'égard des bourreaux contre-révolutionnaires. La réunion formula des décisions diri-

gées contre les protecteurs hongrois des bourreaux français et avant tout contre le gouvernement hongrois qui se préparait à l'arrestation et à l'extradition des communards qui allaient se réfugier en Hongrie.

Plus tard, au cours de l'enquête policière, le fonctionnaire de police qui procédait à l'interrogatoire de Farkas, fit à l'accusé les déclarations suivantes :

»A la réunion en question du 11 juin a. c. les orateurs — Scheu, Peschau, Schäftner, Kutill, Rüdts, Politzer, etc. — ne parlèrent pas, comme vous l'avez affirmé, des buts et des luttes de l'Association des Ouvriers, mais ils se prononcèrent contre les classes dominantes de la société, contre le grand capital ou capital d'usure qui opprime les ouvriers, contre le gouvernement actuel en tant que régime de classe de la noblesse, du grand capital et du clergé, qui doit être renversé et remplacé par l'Etat libre des travailleurs ; ils insistèrent sur le fait que pour atteindre le but suprême à quoi tendent les efforts des ouvriers, la création de l'Etat libre des ouvriers, il est avant tout nécessaire que la classe ouvrière s'organise en Quatrième Etat ou classe, qu'elle s'unisse dans ce but et conquière le droit de vote pour pouvoir envoyer ses députés au parlement. Rüdts déclara que les ouvriers n'avaient plus à demander : c'est d'exiger qu'ils ont le droit et de s'en tenir à leurs exigences, même si, à défaut d'armes, ils doivent opposer leurs poings aux baïonnettes des soldats et à la force brutale. Il dit qu'à ses yeux la social-démocratie est comparable au dragon dans les légendes des temps mythologiques : »si on lui coupe une tête, il en pousse dix nouvelles à sa place«.

Et voici comment Géza Schulhof décrit la réunion et la manifestation du 11 juin : »... En présence d'une assistance nombreuse où il y avait les membres des associations ouvrières de Bude, d'Óbuda et de Pest, un discours fut prononcé à la mémoire des martyrs de la Commune de Paris. Sous l'effet du discours, l'assemblée décida de défiler après les délibérations, en rangs serrés et avec un crêpe au chapeau, jusqu'au Bois Municipal pour montrer par là à la bourgeoisie que la classe ouvrière ne considère pas sa cause comme perdue... »

Un cortège interminable d'ouvriers défila vers le Bois. Le public de la capitale regardait avec intérêt ce spectacle insolite... Les ouvriers s'arrêtèrent au Bois et chantèrent la Marseillaise, ajoutant à chaque strophe en guise de refrain : »La nouvelle révolution, universelle«. Ensuite on distribue aux ouvriers les résolutions intitulées »Temple unique« de l'Association Internationale des Travailleurs de Genève ; ces résolutions comprenaient 51 points.¹⁹ Retournés à la ville, les ouvriers se dirigèrent vers l'édifice de l'Association Générale des Ouvriers pour y arborer le drapeau noir, en signe du deuil des ouvriers de la capitale.²⁰

¹⁹ Il s'agit de la résolution du 8 avril, par laquelle le Comité Central de Genève a salué la Commune de Paris et a mis en relief ses mérites. 20. MMTVD. t. I, p. 178—9.

²⁰ MMTVD. t. I, p. 178—9.

Le 30 mai 1871 Marx fit dans »La guerre civile en France« la constatation suivante : »Le Paris ouvrier, avec sa Commune, sera célébré à jamais comme le glorieux fourrier d'une société nouvelle. Ses martyrs sont enclos dans le grand coeur de la classe ouvrière«. ²¹ A l'occasion de la manifestation de juin les ouvriers de Pest et de Bude ont montré que la classe ouvrière de Hongrie garde dans son coeur la mémoire des martyrs de la Commune.

Les bourreaux de la Commune, dit Marx, »l'histoire les a déjà cloués à un pilori éternel, duquel toutes les prières de leurs prêtres n'arriveront pas à les racheter«. ²² Mais en dehors de ces bourreaux il fallait clouer au pilori même ceux qui, après les massacres de la contre-révolution, voulurent venir en aide aux meurtriers par l'extradition des réfugiés.

A la veille de la manifestation en question, le 10 juin 1871, le cabinet Andrassy discuta, à la base d'une note de Beust, ministre des Affaires Etrangères de la monarchie, la demande du gouvernement Thiers au sujet de l'extradition des communards réfugiés en Autriche-Hongrie. Dans les résolutions du conseil des ministres il fut établi que »les conventions internationales en vigueur excluent« l'extradition des criminels politiques. En même temps on n'a pas manqué d'ajouter avec une ignoble hypocrisie : »Au cas où il se révélerait que les partisans de la Commune avaient commis des crimes qu'on ne saurait cacher sous le voile des aspirations politiques et qui feraient des communards de simples criminels, le gouvernement hongrois tient à appliquer aux dits criminels les stipulations des accords survenus entre la monarchie austro-hongroise et la France au sujet du droit d'asile et à prendre de sa part les mesures nécessaires pour arrêter, à la demande du gouvernement français, les étrangers réfugiés en Hongrie et accusés de crimes commis à Paris et pour les tenir en prison jusqu'à ce que les tribunaux du pays décident de la demande concernant leur extradition«. ²³

Le cabinet Andrassy refusa de qualifier d'»aspiration politique« la lutte des ouvriers pour leur affranchissement social, ainsi que la défense de Paris par les ouvriers contre les contre-révolutionnaires, prêts à capituler devant les Prussiens. Tout cela fut taxé de »crime«. Par là le cabinet Andrassy s'est enfoncé dans le même marais de la contre-révolution, d'où surgirent, avec l'aide des Prussiens, les tyrans de la France, Thiers et consorts.

Le cabinet Andrassy a donc consenti à l'extradition des communards réfugiés en Hongrie. Mais le lendemain les ouvriers de la capitale organisaient une manifestation en faveur de la Commune et exigeaient le droit d'asile pour les combattants persécutés de la classe ouvrière.

Même les milieux littéraires firent entendre leur voix pour s'opposer aux persécutions et aux calomnies débitées par les classes domi-

²¹ La guerre civile en France, p. 72.

²² Ibid.

²³ Archives Nationales. 1038, M. E. 1871, V. n° 876.

nantes sur le compte de la Commune. Victor Darmay, ce poète peu connu de nos jours, protesta dans ses vers sur la Commune de Paris contre les jugements hypocrites, par lesquels la classe dominante cherchait à noircir la mémoire de la Commune :

Arrête-toi, Présent, ne juge pas encore,
 Ces héros, ne les lapide point!
 . . . . .
 Viendra le jour où ceux qui rendront la justice
 Seront prêts à te condamner . . .
 . . . . .
 On t'accuse de meurtre, on t'arrache les armes,
 Ces géants, tu les as vaincus?
 A toi le sang, le feu, les crimes et les larmes,
 Mais eux — autant d'anges déchus!

Contrairement aux décisions malhonnêtes du cabinet Andrassy, ce fut surtout l'Association Générale des Ouvriers qui, guidée par les principes de la solidarité internationale du prolétariat, représenta l'honneur de la Hongrie et mit au pilori non seulement les bourreaux français, mais encore le cabinet Andrassy qui se montrait prête à devenir le complice des meurtriers.

Cette prise de position en faveur de la Commune fut sans doute l'action politique la plus significative, mais aussi la dernière de l'Association Générale des Ouvriers. Peu après, par l'arrestation de ses dirigeants et de plusieurs membres actifs, les mesures terroristes du cabinet Andrassy mettront fin à l'activité de l'Association.

D. Nemes

D. Nemes

К ИСТОРИИ ОБЩЕГО РАБОЧЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Очерк Дежэ Немеш составляет часть с IX и X главы его работы «История Рабочего Объединения». В начале французско-прусской войны, руководимое Анталом Илингер Общее Рабочее Объединение и возглавляемое Карлом Фаркаш Объединение Рабочего Обучения начали совместные действия против захватнической войны. После революции 4 сентября 1870 года и провозглашения французской республики, в рабочих объединениях усилилась республиканская пропаганда. Совместное политическое выступление привело к тесному сотрудничеству между обоими рабочими Объединениями. На совместном собрании Общего Рабочего Объединения и Объединения Рабочего Обучения 18 сентября 1870 г. было вынесено решение об их слиянии. Однако правительство, используя вооруженные силы, вопрепятствовало осуществлению этого слияния.

Часть руководства Общего Рабочего Объединения в декабре 1870 г. заключила союз с клубом, „1848 г.“ и под руководством этого клуба приняло участие в акции протеста против аннексии Эльзас-Лотарингии. Клуб „1848 г.“ свою, кампанию начатую против прусских

захватнических стремлений, связал с поддержкой правительства Тьера, затушевывая борьбу между правительством Тьера и парижским народом и национально-предательскую роль тьерского правительства. В феврале 1871 года внутри Общего Рабочего Объединения появилась внутренняя оппозиция против поддержки тьерского правительства, в результате чего Рабочее Объединение отстранилось от этой акции. В это время Общее Рабочее Объединение и Объединение Рабочего Обучения вновь сблизились, последнее, опираясь на организованный им институт рабочего страхования, действовал полу-легально.

Парижская Коммуна вызывала значительные отклики и в кругах венгерского рабочего класса. Оживилось забастовочное движение, особенно в Будапеште. В ходе чего 8 мая 1871 года 3000 бастующих рабочих организовали перед парламентом демонстрацию протеста, требуя освобождения 52 арестованных руководителей забастовочного движения. Это была одной из самых значительных политических демонстраций протеста со времени соглашения 1867 года, направленная против антирабочего режима венгерского правительства. В период майских забастовок между Общим Рабочим Объединением и Объединением Рабочего Обучения существовало тесное сотрудничество. Еще в марте внутри Общего Рабочего Объединения был создан «отдел отраслевых объединений», в котором приняли участие и представители Объединения Рабочего Обучения. Этот орган играл важную роль в майских движениях, в подготовке и осуществлении формального объединения двух организаций. Во второй половине мая 1871 года Общее Рабочее Объединение и Объединение Рабочего Обучения объединились в единую организацию под названием Общее Рабочее Объединение.

Во время Парижской Коммуны Общее Рабочее Объединение прошло значительное политическое и организационное развитие. Наиболее важными провинциальными филиалами были обудский, темешварский, братиславский, печский филиалы. Филиалы действовали также в Шопроне, Надьканиже, Решице, Анине, Сигетваре, Капошваре и Шарошпатаке. Только в Пеште и Буде к нему присоединилось 12 отраслевых объединений. Его организационное влияние распространилось на 10 12 000 трудящихся, кроме кассы рабочего страхования, насчитывавшей около 3000 членов.

Руководящей группой Рабочего Объединения была Пештская секция Интернационала. Рабочее Объединение твердо выступало за идеи Парижской Коммуны, не только в период существования Коммуны, но и после трагического поражения парижских рабочих. В память жертв Парижской Коммуны 11 июня 1871 года Рабочее Объединение организовало траурное шествие, приветствуя идеи Коммуны, предстоящую новую революцию и требуя право убежища для бежавших из Парижа коммунаров.

Правительство Андрашши еще 10 июня 1871 года вынесло решение, согласно которому беженцы Парижской Коммуны по прибытии их в Венгрию, будут выданы правительству Тьера. В решении далее говорится, что правительство примет активное участие в международном походе против Интернационала.

По указанию правительства Андрашши 12 июня 1871 года начались аресты руководителей и активистов Общего Рабочего Объединения, после чего оно было официально распущено.

Против руководителей Рабочего Объединения с обвинением их в государственной измене был возбужден уголовный процесс.

DIE ANFÜHRER DES UNGARISCHEN FREIHEITSKAMPFES UND DIE WIENER OKTOBERREVOLUTION

Zur Oktoberrevolution des Wiener Volkes im Jahre 1848 nahmen die zeitgenössischen Augenzeugen, die Politiker, die Verfasser von Memoiren und die Historiker, naturgemäss ihrer politischen Parteistellung entsprechend, Stellung. Es gibt jedoch eine Frage innerhalb dieses äusserst wichtigen Ereignisses, die in ihren wesentlichen Zügen — innerhalb der durch die verschiedenen politischen Stellungnahmen gesteckten Grenzen — von den Zeitgenossen und von der Historiographie der Nachwelt in gleicher Weise angesehen wird. Diese Frage aber ist das Verhältnis der ungarischen Revolution zum Wiener Oktoberaufstand. Die antirevolutionistischen, reaktionären Helfert oder Springer beurteilen das Verhalten der Ungarn natürlich von einer anderen Seite, als die fortschrittliche ungarische und österreichische Historiographie. Zum Verständnis des Wesens dieses Problems bot Engels¹ mit seiner Analyse über die Wiener Revolution und innerhalb dieser, über die Frage der ungarischen Hilfeleistung den Historikern grosse Hilfe. Dieser Analyse nahmen sich nicht nur marxistische Historiker, wie E. Fischer und E. Priester², sondern auch der liberale Friedjung an³. Die ältere ungarische Geschichtsschreibung kam auch in der Erschliessung des Materials kaum über das klassische Werk von Mihály Horváth⁴ hinaus, und so oft sie es nötig hatte, wiederholte sie immer dessen Feststellungen. Das Wesentliche der von Engels skizzierten und später von Vielen weiterentfalteten Bewertung kann kurz im folgenden zusammengefasst werden: Die Revolution des Wiener Volkes brach am 6. Oktober im Interesse der Ungarn aus, und ihre Bedeutung war für den ungarischen Freiheitskampf ausserordentlich gross, denn sie schob den in Vorbereitung befindlichen Angriff

¹ S. K. Marx — Fr. Engels: Revolution und Konterrevolution in Deutschland. Berlin, 1949, S. 88 f.

² Anstatt einer ausführlichen Schilderung der österreichischen Literatur dieses Problems wird es hier genügen, auf die Literatur bei M. Uhlirz: Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nebenländer Böhmen und Ungarn, Bd. II/1, S. 628 f. und 650 f. zu verweisen. E. Fischer: Österreich 1848 (Wien, 1946) und E. Priester: Kurze Geschichte Österreichs II. (Wien, 1949) sind bei Uhlirz natürlich nicht aufgeführt.

³ S. H. Friedjung: Österreich von 1848 bis 1860. Stuttgart-Berlin, 1908, Bd. I. S. 88. f.

⁴ Magyarország függetlenségi harcának története 1848. és 1849-ben. (Geschichte des Unabhängigkeitskrieges von Ungarn in 1848 und 1849.) Genf, 1865. Bd. I. S. 566. f.

der kaiserlichen Armee für längere Zeit auf, und ermöglichte somit die Erschaffung der Armee der ungarischen Revolution. Trotzdem erkannten die Ungarn den Zusammenhang ihrer eigenen Sache mit der Wiener Revolution ungenügend, wiesen die nötige Entschlossenheit in ihren Bestrebungen zur Hilfeleistung Wien gegenüber nicht auf, sie hielten am Anschein der Bewahrung der »Legalität« fest, und warteten auf die konkrete Einladung des Wiener Reichstags. So verpassten sie leichtsinnig den günstigsten Augenblick zur Hilfeleistung, und als sie sich endlich für den Angriff entschieden, fanden sie sich bereits einer riesigen Übermacht gegenüber, der entgegen sowohl sie, als auch das belagerte Wien, erlagen. Einige mit der ungarischen Revolution sympathisierenden Verfasser mildern die Kritik von Engels, und machen für die Niederlage auch den Reichstag in gesteigertem Masse verantwortlich, der mit der Einladung der Ungarn zögerte; sie erwähnen weiters zur Entschuldigung der Ungarn, dass ihre Armee schwach war, ferner, dass das unlängst noch kaiserliche Offizierskorps nur ungerne gegen die kaiserliche Armee kämpfen wollte. Die ungarischen Verfasser setzen aber noch, laut des zeitgenössischen Vortrags von Kossuth hinzu, dass die Passivität des Volkes von Wien, das am Tag des entscheidenden Angriffs eben vor seiner Kapitulation stand, eine weitere Ursache des Misserfolgs des Befreiungsversuchs gewesen sei.

Die planmässig arbeitende ungarische Geschichtswissenschaft sieht es heute als eine ihrer Aufgaben an, die Quellen der revolutionären Epochen der ungarischen Geschichte systematisch zu erschliessen, deren Erschliessung die Geschichtsschreibung des vergangenen gegenrevolutionären Zeitalters tendenziös versäumte.⁵ So kam es unter anderem zur Herausgabe der sämtlichen Werke von Kossuth, und während dieser Arbeit, im Zusammenhange mit der Erschliessung der Zeitperiode Oktober 1848, traten zahlreiche Quellen zutage, die sich auf die Unternehmung zur Befreiung Wiens beziehen. Diese Quellen verändern zwar das Bild, welches wir vorher auf Grund der bisherigen Literatur von dieser Frage entwarfen, nicht in seinen Grundzügen, beantworten jedoch bezüglich der Einzelheiten viele dunkle Fragen und werfen ein Licht auf die Kräfte, die hinter der scheinbaren Untätigkeit der zu Wiens Befreiung ausgerückten ungarischen Armee ihren Kampf miteinander austragen. Diese Quellen sind in erster Linie bezüglich der Klärung von Kossuths Rolle wichtig. Noch wichtiger sind sie jedoch aus dem Gesichtspunkt, dass sie, über die Frage des Erfolgs oder Misserfolgs hinaus, auf diejenigen Anstrengungen hinweisen, die die Anführer der ungarischen Revolution und das ganze ungarische Volk entfalteten, als sie dem Wiener Volk, welches, infolge seiner Sympathie für die Ungarn, in eine Bedräng-

⁵ Zur Unterstützung dieser Feststellung genügt es zu erwähnen, dass es in jenem Quellenausgaben-Programm von ansehnlichen Ausmassen, welches die Ungarische Historische Gesellschaft zwischen 1920–1945 ausführte, keinen einzigen Band gibt, der Kossuths Tätigkeit während der Reformzeit und des Freiheitskampfes zum Gegenstand hätte, obwohl die Dokumente des Wirkens von Kossuth bis zu den letzten Zeiten in überwiegender Mehrzahl unveröffentlicht waren.

nis geriet, zu Hilfe eilen wollten. Diese Kraftanstrengungen waren jenem Wagnis würdig, mit welchem das Volk Wiens am 6. Oktober für die Sache der Ungarn aufstand, und einen wahren Beweis der Solidarität der revolutionären Völker lieferte, mit welcher diese beiden Nationen gegenseitig die Hände suchten, und sich der Politik der Kamarilla, »divide et impera«, widersetzen. Diese Quellen ermöglichen zugleich, endlich die ganze Geschichte dieser Unternehmung, von deren glücklichem oder unglücklichem Ausgang das Schicksal zweier Völker abhing, in ihren Zusammenhängen zu erblicken.⁶

Die entscheidende Wendung der Ereignisse kann von demjenigen Tage an gezählt werden, an dem die junge ungarische Honvéddarmee bei Pákozd ihre erste, siegreiche Schlacht gegen den Söldner der höfischen Reaktion, Jellačić, lieferte. In den Stunden der Schlacht, am 29. September, war Kossuth unterwegs auf der Eisenbahn Pest-Szolnok, um seine, am 24. September begonnene Werbereise, die er wegen der, infolge der Beauftragung von Lamberg entstandenen politischen Lage unterbrach, fortzusetzen.⁷ Über Lamberg urteilte das Pester Volk, und Kossuth eilte — nachdem er die nötigsten Massnahmen traf — zurück auf die Tiefebene, um das Volk auch jenseits der Theiss zur Verteidigung der vom Feind bedrohten Hauptstadt unter die Waffen zu rufen. Der Rückzug der ungarischen Armee vor Jellačić dauerte zu dieser Zeit schon mehr als zwei Wochen an, und Kossuth hoffte nicht, dass die bänglichen, wankelmütigen und gegenüber der Sache der ungarischen Revolution gleichgültigen, oder geradezu feindseligen Leiter den erteilten Befehlen folgen und eine Schlacht liefern würden, bevor sie auf ihrem Rückzuge in die Nähe der Hauptstadt gelangt sind. Es ist nämlich kaum zu bezweifeln, dass Kossuth, wenn er den Zeitpunkt der entscheidenden Schlacht gekannt hätte, auch selbst ins Lager geeilt wäre, um mit der unermesslichen Kraft seiner persönlichen Anwesenheit zur Erkämpfung des Sieges beizutragen. In Pest wusste man jedoch bis zur Abfahrt Kossuths nichts von der bevorstehenden und später auch fortdauernden Schlacht, und so kam es, dass Kossuth weder der Erkämpfung des Sieges, noch dem Fällen der darauffolgenden wichtigen Entscheidungen beiwohnen konnte.

Kossuths Werbereise am Ende September und Anfang Oktober ist eine der schönsten Traditionen der ungarischen Geschichte, und ihre Bedeutung ist sowohl hinsichtlich des weiteren Verlaufes des Freiheitskampfes, als auch hinsichtlich der Entwicklung des politischen Bewusstseins unseres Volkes

⁶ Die weiter unten benutzten, in ihrer Mehrzahl bisher noch unveröffentlichten Quellen werden gleichzeitig im Bande »Kossuth a Honvédelmi Bizottmány élén« (Kossuth, als Leiter des Landesverteidigungsausschusses) (Kossuth Lajos 1848/49-ben, Bd. III.) veröffentlicht.

⁷ Ferdinand sandte am 25. September Feldmarschall-Leutnant Lamberg als bevollmächtigten königlichen Kommissar nach Ungarn, und unterordnete ihm die sämtlichen in Ungarn in Garnison liegenden Truppen. Diese Massnahme war schon formell gesetzwidrig, da ihr die ministerielle Gegenzeichnung fehlte, praktisch aber hob sie den, durch die Märzgesetze ins Leben gerufenen verfassungsgemässen Zustand auf. Der Reichstag stempelte diese Ernennung auf Kossuths Antrag für gesetzwidrig und wies sie zurück; den in Pest anlangenden Lamberg griff aber das empörte Pester Volk am 28. September an und tötete ihn.

unermesslich. Es ist in der ungarischen Geschichte nicht der erste Fall, dass die offizielle Staatsleitung sich in einer kritischen Lage unmittelbar an das Volk wendet, zum erstenmal geschieht es jedoch, dass das Volk die Sache, zu dessen Verteidigung es unter die Waffen gerufen wird, als seine eigene Sache ansieht, und sich körperlich und seelisch mit demjenigen einig fühlt, aus dessen Munde es den Aufruf zum Kampfe vernimmt. Die persönliche Begegnung des Volkes mit demjenigen Kossuth, der eine führende Rolle in der Befreiung der Leibeigenen in der Abschaffung der gesellschaftlichen Schranken hatte, der einen Teil der Steuern auf die Schultern der früher bevorzugten Klassen umlud, der das Gewerbe und den Handel von den Fesseln des Feudalismus befreite, und der jetzt das Volk gegen Wiens koloniale und politische Unterdrückung unter die Waffen rief, schmiedete das Volk der Tiefebene mit der Sache der ungarischen Revolution zusammen. Und obzwar sich Kossuth den Selbstverteidigungskampf der Nation auch nach der Mobilmachung der Volksmassen nur unter Leitung des fortschrittlichen Adels vorstellen konnte, war das ungarische Volk der Tiefebene von diesen Tagen an doch eine sichere Grundlage für Kossuths Sache, die in seinen Augen mit der Gesamtheit der sozialen und politischen Errungenschaften der Revolution identisch war: zur Zeit des Missgeschicks fasst die Sache des Freiheitskampfes jenseits der Theiss festen Fuss, das dortige Volk bietet die Reserve der Kräfte, auf welche gestützt die siegreichen Erfolge des Frühlingfeldzuges zu erkämpfen waren, und auch in den Stunden der Niederlage lodert das Feuer des Widerstandes auf demjenigen Boden am längsten, auf dem Kossuth im Herbst 1848 das Volk unter die Waffen rief. Und eine unmittelbare Fortsetzung dieser Haltung ist die hundertjährige treue Anhänglichkeit des ungarischen Volkes der Tiefebene an das Andenken Kossuths und an die Sache der ungarischen Unabhängigkeit.⁸

Wie sehr Kossuths Honvéd-Werbereise zu einer wichtigen Kraftquelle der Sache des ungarischen Freiheitskampfes geworden ist, ebenso ist es zu bedauern, dass sie zeitlich mit den Tagen zusammenfiel, in denen seine Anwesenheit in dem Jellačić gegenüberstehenden Lager dringend nötig gewesen wäre. Es kann nämlich nicht bezweifelt werden, dass die von Kossuth begeisterte Honvédarmee sich nach der erfolgreichen Zurückweisung des feindlichen Angriffs nicht mit einem halben Erfolg begnügt, sondern in Gegenangriff übergehend, den Feind entscheidend geschlagen hätte: und Kossuth hätte auch den wankelmütigen Anführern der Armee die zur völligen Vernichtung des Feindes nötigen energischen Massnahmen abzwängen können. Was Kossuths Standpunkt in dieser Frage war, das erhellt aus den Briefen, die er in diesen Tagen aus der Tiefebene an das Vollziehungsorgan der ungarischen Revolution, an den Landesverteidi-

⁸ Zu Kossuths Werbereise auf der Tiefebene, im Laufe dessen er Zehntausende zur Verteidigung der bedrohten Freiheit unter die Waffen rief, s. die Studie des Verfassers: Kossuth alföldi toborzó útja 1848. őszén. (Kossuths Werbereise auf der Tiefebene im Herbst 1848). (Századok, Jg. 1952, Heft 1.)

gungsausschuss richtete. »Ich bitte den Ausschuss — schreibt er aus Szentes am 1. Oktober, als er nur unsichere Nachrichten über die Schlacht bei Pákozd hat — keinerlei Waffenstillstand zwecks Verhandlungen zuzulassen... Die Verzögerung gereichte uns immer zum Schaden, sie wird uns auch jetzt zum Schaden gereichen, denn der Feind wird den Waffenstillstand entweder dazu benutzen, dass er seine separierten Truppen vereinigt, oder, dass er aus Wien Hilfe bekommt.«⁹ »Verhandeln Sie doch keinesfalls — schreibt er wiederum am 3. Oktober aus Hódmezővásárhely, als er schon über die Schlacht bei Pákozd unterrichtet war — ich sage es, mich auf die Kräfte dieses ungarischen Kernvolkes stützend, verhandeln Sie nicht ; selbst wenn Pest fallen würde — obwohl sie nicht fallen wird — werden wir hier, uns auf die begeisterte Kraft dieses Volkes stützend, das Vaterland retten, seine Freiheit verewigen. Ich widerspreche in Gottes und dieses Volkes Namen jeglicher Verhandlung. Sieg oder Tod, ich kenne kein anderes Losungswort.«¹⁰

Mit Recht ist es also anzunehmen, dass es, falls Kossuth in diesen Stunden im Lager gewesen wäre, keinen Waffenstillstand mit dem geschlagenen, zerrütteten Feind gegeben hätte, im Gegenteil, der Gegenangriff der durch die ersten Erfolge und die Anwesenheit Kossuths begeisterten Honvédarmee hätte den verstimmtten, moralisch entkräftigten Feind zerschlagen, dessen Überreste dann durch die ringsum auflodernden Flammen des Volkskrieges ebenso aufgezehrt worden wären, wie einige Tage später die, unter der Führung der Generäle Roth und Philippović stehende kroatische Reservearmee. Und in welche Richtung eine derartige Gestaltung der Ereignisse die Entwicklung des ungarischen Freiheitskrieges gelenkt, wie sie die Lage des revolutionären Wiens und die Haltung der militärischen Hofkreise beeinflusst hätte, davon erübrigt es sich hier zu sprechen. Es steht aber fest, dass Kossuths Abwesenheit in diesen Tagen schwere Versäumnisse verursachte, und jene Verspätung von einigen Tagen, mit welcher er endlich in die Gestaltung der Ereignisse eingriff, den Erfolg des ganzen Feldzugs gegen Jellačić und der Unternehmung zur Befreiung Wiens verhängnisvoll beeinflusste. Am 29. September bestanden noch die Vorbedingungen zum vollen Erfolg ; diese verringerten sich jedoch infolge der energielosen, schwankenden Führung von Tag zu Tag. Kossuth konnte die politische Lenkung des Unternehmens erst unter viel ungünstigeren Umständen in seine Hände nehmen, und wir werden sehen, wie seine Energie, seine Entschlossenheit immerfort durch die feigen Überlegungen jener gehemmt und gelähmt wurde, die schon einmal bei Pákozd den entscheidenden Sieg zu erkämpfen versäumten.

Jellačić's Armee verschwand, indem sie das am 30. September abends geschlossene Übereinkommen über den Waffenstillstand gebrochen hatte, bis

⁹ Kossuths Brief vom 1. Oktober aus Szentes s. O. Lt. (Ung. Staatsarchiv) Kossuth Polizei-Akten Nr. 118.

¹⁰ Den Brief aus Vásárhely s. O. Lt. OHB (Országos Honvédelmi Bizottmány = Landesverteidigungsausschuss) 1848 : Nr. 2111.

zum Morgen des 2. Oktober aus ihren Stellungen, und zog in der Richtung nach Győr. Es ist kennzeichnend, dass die ungarische Armee erst nach einer Verspätung von anderthalb Tagen, am 3. Oktober gegen Mittag aufbrach, und ihre vorsichtigen Bewegungen noch durch den Umstand schwerfälliger gemacht wurden, dass sie ihre Weisungen vom Landesverteidigungsausschuss erhielt, der damals während Kossuths Abwesenheit, unter der Leitung des bänglichen, von Zweifeln erfüllten Dénes Pázmándy stand, der das wahre Ziel der Kriegsbewegungen von Jellačić verkennend, auch weiterhin nur die Hauptstadt gegen eine eventuelle umzingelnde Bewegung des Feindes zu sichern beabsichtigte.¹¹ Jellačić erhielt auf diese Weise einen Vorteil, den die sich ohnehin langsam bewegende ungarische Armee nicht mehr einzuhölen vermochte, und auch der auf die Verordnung des Landesverteidigungsausschusses aufgestandene Landsturm konnte Jellačić's Absichten in Abwesenheit der regulären ungarischen Armee nicht ernsthaft beeinflussen. Als es sich aber endlich herausstellte, dass der Feind nicht im geringsten die Absicht hat, gegen die Hauptstadt zu ziehen, sondern nur danach trachtet, mit heiler Haut davonzukommen, dachte die Mehrzahl der ungarischen politischen und militärischen Leiter noch immer nicht ernsthaft daran, Jellačić's Armee zu vernichten, sondern sie freute sich darüber, dass der unangenehme Gast von selbst das Land verlässt.

Auch bei der vom Feldmarschalleutnant Móga angeführten ungarischen Armee wusste nur ein einziger genau, was zu tun wäre: dies war László Csányi, der zivile Oberkommissar der Armee, Kossuths Freund und unentwegter Anhänger, der bedingungslos an das Recht der ungarischen Sache glaubte, und ihr konsequent, mit revolutionärem Mut bis zu seinem freiwilligen Märtyrertode diente.¹² Csányi nahm bereits am 30. September gegen den Waffenstillstand und den Rückzug Stellung; auch jetzt war er der erste, der die wahre Absicht des Feindes erkannte: in seinem Brief vom 5. Oktober an Pázmándy sprach er klar aus, dass Jellačić schwach sei, dass er auf österreichische Hilfe rechne, man müsse ihn also verfolgen und schlagen, bevor er sich mit österreichischen Truppen vereinigen könne. In demselben Brief sagte er klar aus, dass, falls Latour gestürzt wurde, »das Herannahen des Jellačić in Wien einen grossen Aufstand verursachen wird, und, wenn er auch nicht gestürzt wurde, zu Besorgnissen verleiten wird, und Wien an unsere Seite stellen kann.«¹³

Pázmándys gleichzeitig geschriebener Brief und seine Antwort vom folgenden Tage widerspiegeln getreu die Anstrengungen der Pester Leiter, in erster Reihe seiner selbst, zur Aufrechterhaltung der Gesetzmässigkeit;

¹¹ Pázmándy ist zwar kein Mitglied des Landesverteidigungsausschusses gewesen, hielt aber in diesen Tagen, als Präsident des Abgeordnetenhauses, in Kossuths Abwesenheit die weiteste Befugnis in der Hand.

¹² Csányi machte von den Möglichkeiten, die sich nach der Niederlage des ungarischen Freiheitskrieges zur Flucht darboten, keinen Gebrauch, sondern meldete sich aus eigenem Antrieb; Haynau liess ihn in Pest, im Neugebäude hinrichten.

¹³ S. Csányis Bericht vom 5. Oktober O. Lt. (Ung. Staatsarchiv) OHB 1848: Nr. 2222.

sie haben keinen Mut, den Boden der Legalität zu verlassen, auch dann nicht, als die Kamarilla diesen schon längst verlassen hat.

»Wir müssen — schreibt Pázmándy — für den Fall bereit stehen, wenn Jellačić aus Wien Hilfe erhalten würde; dort kann man sich jetzt nicht entschliessen, was man mit uns anfangen soll. Denn wir in Pest meiden alles, damit man uns rechtmässig nicht angreifen könne. Es ist jedoch möglich, dass sie heimtückisch einige Bataillons schicken werden, und so müssen wir die Zahl unserer Truppen erhöhen, wie es nur möglich ist.«

Der andere Brief enthält eine Verfügung, die von vornherein auf die Möglichkeit der Vernichtung der Armee von Jellačić verzichtet, und bremst den auch ohnehin gemässigten Schwung der verfolgenden Armee noch weiter ab;

»Alle gefährlichen Umstände überlegend, wonach es schon beinahe sicher steht, dass wir es mit Jellačić nicht mehr als dem Banus von Kroatien, sondern als einem österreichischen General zu tun haben werden, der einerseits ein illegaler ungarländischer Kommissar ist, andererseits auch von Österreich unterstützt wird, setzen wir uns auf den Folgenden fest:

1. Jellačić ist so schnell, wie möglich aus dem Lande zu vertreiben, dabei soll die österreichische Grenze durch unsere Armee nicht überschritten werden. Das ist dazu nötig, damit er, seine Armee nach Österreich einführend, dort das Volk gegen sich selbst hetze.

2. Die Donau ist zu überwachen; wir senden 12 Kanonen nach Pozsony und Herr General Móga trage besondere Sorge dafür, welche Bewegungen Jellačić macht, ob er euch nicht in den Rücken fällt, an der Donau bis Gönyü herabkommend. Von der Einsicht des Herrn Anführers Móga wird es abhängen, eine solche Stellung zu wählen, die dem Zweck entspricht.«¹⁴

Csányis Ermutigungen halfen jedoch nicht. Der Landesverteidigungsausschuss begnügte sich damit, dass er einen diplomatischen Schritt versuchte, um zu verhindern, dass Jellačić seine Armee auf österreichischem Boden neuorganisieren und wieder gegen Ungarn ziehen könne. Deshalb erteilte der Ausschuss die Weisung an Ferenc Pulszky, der nach der Abdankung von Pál Eszterházy das ungarische Ministerium in Wien leitete,¹⁵ in Wien mitzuteilen, dass »die durch unsere Armee aus dem Lande vertriebenen rebellischen Truppen die österreichische Regierung die österreichische Grenze nicht passieren lassen dürfe, falls sie aber dies doch zulassen würde, sei sie verpflichtet, diese zu entwaffnen, und ohne die öffentliche Verletzung ihrer Verpflichtungen gegenüber Ungarn, dürfe sie keinesfalls zulassen, dass Jellačić, zum wiederholten Angriff

¹⁴ Beide Briefe s. O. Lt. Csányi-Akten Nr. 1274.

¹⁵ Pulszky bekleidete sein Amt in Wien seit dem Monat Mai; er stand in engen Beziehungen zu den Leitern der Linken, die mit den Ungarn sympathisierten, und laut der Anklagen der höfischen Kreise spielte er auch im Ausbruch der Oktoberrevolution eine unmittelbare Rolle. (Diesbezügliche Originalakten aus den Wiener Archiven mitgeteilt im Werk Á. Károlyis: Gróf Batthyány Lajos első magyar miniszterelnök főbenjáró pöre. (Der Hochverratsprozess des ersten ung. Ministerpräsidenten Graf L. Batthyány.) Bd. I—II. Budapest, 1932.)

gegen das Land, in Österreich neue Kraft gewinne, und mit dieser von neuem in Ungarn ein falle.«¹⁶

Inzwischen folgte die ungarische Armee vorsichtig dem Jellačić, jene Möglichkeit noch immer vor Augen haltend, dass er aus Wien Hilfe erhält und zurückkehrt, um die Befehle seiner Auftraggeber auszuführen. Ein Bericht Csányis vom 7. Oktober aus Győr an Pázmándy gerichtet, gibt über diese Ansicht der ungarischen Führer Aufschluss :

»Gestern zogen hier unsere unter der unmittelbaren Leitung des Herrn General Móga stehenden Truppen ins Lager. Der Feind lagert diesseits und jenseits Moson, diesseits die weniger zahlreiche Vorhut, jenseits steht er um das Wirtshaus Roter Ochs in Óvár, an der Strasse nach Wien. Anscheinend will er den heutigen Tag dort verbringen, denn er bestellte auch den Rest des Brotes und Salzes dorthin, den er aus Győr nicht mit sich genommen hatte. Nach glaubwürdig bekannten Berichten meiner Spione, erhielt Jellačić aus Österreich sowohl Kanonen, als auch Militär; die bestimmte Zahl der Kanonen ist uns nicht bekannt, ein Teil davon sind Raketen, das bisher bei ihm eingetroffene Militär wird auf 3000 Mann angesetzt.

Jellačić' Bewegung ist unsicher, sowohl er, als auch seine Umgebung behaupteten, dass sie zur Sicherung des Kaisers nach Wien zu eilen hätten, es ist jedoch möglich, dass dies eine List ist, in diesem Falle wäre es nämlich überflüssig gewesen, ihm Militär zuzusenden ; ich werde jede Möglichkeit in Rechnung ziehend, versuchen, Herrn Móga dahin zu bewegen, dass uns keinerlei Bewegungen des Feindes zu überraschen und die Hauptstadt zu bedrohen vermögen.«

In demselben Bericht übermittelte Csányi auch die Ansicht der Heerführer, dass Pest dazu berufen sei, die Richtung der weiteren Massnahmen anzugeben :

»Wir ersehnen aus Pest die Weisung bezüglich unserer Aufgaben, jetzt muss unbedingt der Reichstag die militärische Tätigkeit im allgemeinen bestimmen ; die Ausführung im einzelnen übergeht naturgemäss auf den Militärkommandanten.«¹⁷

Die Weisung, welche der Generalstab der ungarischen Armee aus Pest erwartete, war schon unterwegs. Gleichfalls am 7. Oktober sendet Pázmándy folgende Zeilen an Csányi, die das Schaudern des Landesverteidigungsausschusses vor einer entschlossenen Stellungnahme treu widerspiegeln :

»Laut neulichst erhaltener Berichte kommt in Pozsony immerfort Militär aus Wien an, und der Stadt wurde anbefohlen, die aufgerissene Brücke binnen zweier Stunden wiederherzustellen.

Demgemäss wird entweder das in Pozsony befindliche Militär übersetzen, um Jellačić zur Hilfe zu eilen, oder aber wird Jellačić nach Pozsony übersetzen,

¹⁶ Den Aufsatz der Weisung s. O. Lt. OHB 1848 : Nr. 881.

¹⁷ Den Bericht s. O. Lt. Kossuth Polizei-Akten Nr. 145.

und in diesem Falle würde der Krieg auf das jenseitige Ufer der Donau versetzt werden.«

Wie es dem auch sei, einigte sich der Ausschuss darin, dass es nicht möglich sei, mit der Hauptarmee weiter vorzudringen. »Ihr müsstet irgendwo um Győr eine geeignete Stellung nehmen. Bei Komárom wird die Brücke unter der Festung binnen drei Tagen fertiggestellt werden, und auf dieser könnte ein Teil der Armee auf das jenseitige Ufer hinübergesetzt werden, falls es die Notwendigkeit verlangte. Falls aber Jellačić gegen euch zöge, müsstet ihr die Schlacht unter Győr versuchen, und dort so viel Kräfte konzentrieren, wie es nur möglich ist.«

Im weiteren bestätigt der Brief wiederum die Politik des Festhaltens an die Legalität :

»Der Reichstag wird die Treue an den Thron Seiner Majestät trotz aller Unbilligkeiten keinesfalls aufgeben, noch sich von der Monarchie lossagen. Was indessen als illegale Verordnung kommen sollte, gleich, in welcher Form, wird nicht angenommen werden. Versichere hiervon Móga und die übrigen Offiziere, die wir herzlichst grüssen.«¹⁸

Der letzte Satz weist unverkennbar auf den anderen Faktor hin : auf die von der kaiserlichen Armee übernommene, von ihren schwarz-gelben Gebundenheiten nicht loskommende Heerführung, die das rasche Handeln, das revolutionäre Vorgehen verhindert.

So verflaut endgültig der bei Pákozd gewonnene Aufschwung, infolge der Schwankung und Vorsichtigkeit der militärischen und politischen Führung, und die Unternehmung gegen Jellačić scheint schon endgültig zu kentern, als ein gewaltiges neues Ereignis ihr einen neuen Schwung erteilt und, sie aus ihren lokalen Beziehungen emporhebend, ihr eine—hinsichtlich der ganzen europäischen revolutionären Bewegung — ausschlaggebende Bedeutung verleiht : die Revolution bricht am 6. Oktober in Wien aus. Das Wiener Volk verhinderte im Zeichen der internationalen revolutionären Solidarität mit einem bewaffneten Aufstand die Abfahrt der Jellačić zur Hilfe bestimmten Truppen, und riss entgegen der, zum Mittel der Reaktion gewordenen Regierung, die Macht an sich. Von diesem entscheidend wichtigen Ereignis berichtete Pulszky als erster an Csányi; Pulszky verliess Wien am Tage des Ausbruches der Revolution samt dem früheren Ministerpräsidenten Batthyány, und fuhr nach Sopron. Pulszky verwies in seinen Berichten an Csányi nach der Schilderung der Ereignisse darauf, dass es »nötig sei, Jellačić stark zu drängen, damit er aus dem Lande weiche«, dem gegen Wien ziehenden Jellačić gegenüber jedoch »sind wir dem Wiener Volk schuldig, Jellačić auf der Spur zu folgen, auch über die österreichische Grenze hinaus, bis zu den Mauern Wiens.«¹⁹ Auch andere Berichte treffen ein, unter anderem der Brief des von Csányi nach Wien gesandten Abgeordneten

¹⁸ S. O. Lt. Csányi-Akten Nr. 1274.

¹⁹ Pulszkys Briefe über den Ausbruch der Wiener Revolution s. O. Lt. Kossuth Polizeiakten Nr. 128. u. Csányi-Akten Nr. 1271.

Ede Barthos, der nach der Schilderung der Ereignisse ebenfalls den Wunsch äussert, »dass wir nicht auf die gebratene Taube warten, sondern sie selbst braten, dass wir nicht alles anderen, sondern auch uns selbst zu verdanken haben sollen; meines Erachtens nach, müssten wir also den Kampf aufnehmen, so jedoch, dass wir den Feind auch schlagen... in Wien muss man jetzt erst recht agitieren und verhandeln: wir können indessen nur dann mit Erfolg verhandeln, wenn unsere Armee mitimponiert.«²⁰ Csányi sandte diese Berichte nach Pest weiter; in seinem Begleitschreiben nannte er die Wiener Revolution das erfreulichste Begebnis hinsichtlich der ungarischen Sache, und bat den Ausschuss, dem Heerführer Moga einen konkreten Befehl zum Angriff zu erteilen.²¹

Der weitere Verlauf der Ereignisse war von diesem Tag an durch drei Faktoren bestimmt: durch die Wiener Revolution, die Rückkehr Kossuths nach Pest und das Manifest Ferdinands vom 3. Oktober, das den ungarischen Reichstag auflöste, und Jellačić zum bevollmächtigten Kommissar ernannte; dieses Manifest wurde in Pest eben am Tage des Wiederkehrens von Kossuth, am 7. Oktober, bekannt. Die beiden ersten von diesen drei Faktoren waren berufen, den Operationen gegen Jellačić einen ausgesprochenen Schwung zu erteilen, der dritte rief hingegen eine schwer störende Wirkung hervor — nicht so sehr in Pest, wo es Kossuth gelang, diese Wirkung zu isolieren und in eine glühende Empörung zu verwandeln, — sondern in erster Linie in der Armee. Csányi schilderte diese Wirkung in seinem Briefe vom 6. Oktober: »Es erübrigt sich, jene unangenehme Überraschung zu schildern — schrieb er — die durch diesen neuen, unerwarteten Umstand in unserem von patriotischem Eifer erfüllten Busen hervorgerufen wurde. Es war also notwendig, über diesen neuen Umstand mit der Heerführung zu beraten... Heerführer Moga und sein Generalstab erklärten, dass es durch diesen Wandel der Dinge notwendig geworden sei, dass der Reichstag die politische Richtung der weiteren Kriegsoption festsetze, der sich die Armee im weiteren fügen sollte; bis dahin, solange dies nicht geschieht, zieht sich die Armee mit dem festen Entschluss nach Győr zurück, im Falle einer Begegnung mit dem Feinde, sich mit ihm, mit voller Entschiedenheit und Mut zu schlagen.«²² In diesem seinem Entschluss war der Generalstab übrigens mit der früher erwähnten, am 7. Oktober geschriebenen Weisung Pázmándys überraschend einig.

Kossuth kehrte nach seiner erfolgreichen, jedoch sehr mühsamen Rundreise auf der Tiefebene am 7. Oktober, in schlechtem Gesundheitszustande nach Pest zurück. Hier harrte aber seiner nicht die Ruhe, sondern eine noch mehr gesteigerte Arbeit und kaum lösbare Probleme. Das eine von diesen gelang es ihm noch an demselben Tage zu lösen. In der Vormittagssitzung des Abgeordnetenhauses bewies er in einer grossen Rede, dass das Manifest vom 3. Oktober

²⁰ Barthos' Brief s. O. Lt. Csányi-Akten Nr. 1274.

²¹ Csányis Brief s. O. Lt. OHB 1848: Nr. 910.

²² Csányis Brief s. O. Lt. Csányi-Akten Nr. 1271.

die Gesetze des Landes mit Füßen tritt, und schlug vor, dass der ungarische Reichstag diese schwere Verletzung der Gesetze in einer feierlichen Erklärung zurückweisen und den Feldmarschalleutnant Récsey, der das Manifest kontrasierte, wegen Hochverrats anklagen soll. »Ich halte es für nötig — schloss Kossuth seine wirkungsvolle Rede — kalten Blutes zu erklären, dass dieses Schriftstück ersonnen ist und wenn es auch nicht wäre, der niederträchtigste Verrat ist. Deshalb wird sich der Reichstag auf eine solche Komödie hin nicht auflösen, er wird die Nation nicht im Stiche lassen, sondern erkennt es als seine Pflicht, zu erklären, dass jeder, der die Weisungen dieses Schriftstückes auch nur im geringsten zu befolgen wagt, ein Verräter ist, und mit ihm ein jeder so umgehen soll, wie mit einem Hochverräter.« Nach der Gutheissung des Antrags durch den Reichstag sprach Kossuth im Zusammenhange mit folgendem Satz des Manifestes auch über sich: »der Reichstag liess sich durch Kossuth und seine Anhänger zu grossen Gesetzwidrigkeiten verleiten.« Er schilderte die Geschichte der letzten Monate, trug vor, wie die Kamarilla die gesetzmässigen Bestrebungen des Reichstags zur Verteidigung des Vaterlandes behinderte, wie der König den aufrührerischen, aufständischen Jellačić gegen die in seiner Geduld unerschöpfbare ungarische Nation aufwiegelte, »und er wagt das Abgeordnetenhaus anzuklagen, dass es sich zu Gesetzwidrigkeiten verleiten liess«; schliesslich erklärte er: »wenn es auch hunderttausend Kossuth im Lande gäbe, und sie diese alle einzeln vernichten, zermalmen, oder gleich wie behandeln würden, würden sie sich vergebens damit ermutigen, dass sie die ungarische Nation dadurch zunichtemachen werden.« Zu der Abendsitzung des Abgeordnetenhauses ist das königliche Reskript schon in offizieller Form eingetroffen, zugleich legte aber auch Kossuth den Text des Beschlusses vor, den er tagsüber verfertigte, und in welchem der Reichstag, »da er den Tod der Nation mit frevlerischen Händen nicht unterzeichnen kann, die angebliche Verordnung sowohl mit Hinsicht auf ihren inneren Inhalt, als auch auf ihre äussere Form für gesetzwidrig, ungültig und nichtig« erklärte, den Behörden die Gehorsam gegenüber Jellačić verbot, und verordnete, den kontrasignierenden Récsey in den Anklagezustand zu versetzen. Der Reichstag nahm den Text des Beschlusses ohne Änderung an, und sandte auch gleich einen Ausschuss aus, um Récsey vorzuladen. Kossuth erklärte aber in seiner Schlussrede: »Wir haben eine einzige Aufgabe: vor allem, die Feinde des Landes zu vernichten, und während dieser Vernichtung, wie auch nachher, abzurechnen.«²³

Somit war die dringendste Aufgabe gelöst: die Abgeordneten der Nation schlossen sich, von der, infolge der königlichen Verordnung entstandenen Bestürzung erholt, um Kossuth zusammen, und wählten anstatt der Ergebung, bon neuem den Selbstverteidigungskampf. Am folgenden Tage, am 8. Oktober, vrachte Kossuth, entsprechend der veränderten politischen Lage, die Festigung

²³ Kossuths Rede im Reichstag wurde zuerst im Amtsblatt der Regierung, im Közlöny veröffentlicht (10. Okt.).

der Exekutivgewalt in den Händen des Landesverteidigungsausschusses zustande,²⁴ und löste hierdurch eine weitere schwierige und dringende Aufgabe. Jetzt erst konnte er sich an die Klärung der wichtigsten und zugleich schwierigsten Frage wenden, nämlich die Frage der Kriegsoperation gegen Jellačić zur Entscheidung zu bringen. Seinem ersten diesbezüglichen Schritt, seiner Antwort vom 8. Oktober auf den Brief von Csányi vom 7. Oktober, ist die mangels der gehörigen Informiertheit bestehende Unentschlossenheit, sowie der von Pázmándy auf ihn ausgeübte Einfluss noch stark anzumerken. »Bezüglich der Bewegungen Ihrer Armee — schreibt er dem nach der Wiener Revolution um dringende, konkrete Anweisungen bittenden Csányi — kann der Landesverteidigungsausschuss von hier . . . keine entscheidenden Richtlinien, Weisungen für alle Einzelheiten der Bewegung geben, seine politischen Ansichten wird ihnen der morgen von hier abreisende Präsident des Abgeordnetenhauses, Herr Dénes Pázmándy, mitteilen.« Und nachdem er ihn auf eine Reihe von Möglichkeiten aufmerksam macht, die in den Bewegungen von Jellačić erfolgen können, setzt er fort: »Unter so zahlreichen Möglichkeiten ist es unmöglich, die Bewegungen von hier aus zu lenken, nur so viel ist als sicher zu bezeichnen, dass es die positivste Sicherung ist, wenn man sich mit der Wahrscheinlichkeit eines Sieges schlagen kann. Übrigens halten Sie auch den Umstand vor Augen, dass Wien uns gegenüber eine Sympathie zeigte.«²⁵ In der Sitzung des Abgeordnetenhauses an demselben Tage nahm jedoch Kossuth bereits im Zeichen der Solidarität der revolutionären Völker eine entschiedene Stellung für die Hilfeleistung Wien gegenüber. »Ich halte es für meine grosse Pflicht — sagte er — dass, wenn das Wiener Volk unsere Interessen mit so grossem Eifer fördert, auch wir darauf achten müssen, dass wenn zufällig auch ihnen etwas wegen der uns gegenüber gezeigten Sympathie zustösse, wir auch sie nicht im Stich lassen, und deshalb möglichst viel Kräfte dorthin, und dann vorwärts, bis Wien . . . Gehen wir, um unseren Freunden und Brüdern, dem Wiener Volk die Hand zu reichen, um sie vor der Gefahr zu schützen, in der sie sich infolge der uns gegenüber erwiesenen Sympathie befinden.« Das Abgeordnetenhaus stimmte dieser Stellungnahme Kossuths mit Begeisterung zu, und nahm auch seinen Vorschlag an, dass es »am heutigen Tage als Beschluss zu verkünden ist, dass das Abgeordnetenhaus, wie es mit der Kamarilla und mit Tendenzen, die die Freiheit der Völker zu unterdrücken bestrebt sind, keinen Kompromiss im Leben kennt, ebenso ist es bereit, die herzlichste Freundschaft dem österreichischen Volke gegenüber empfindend, als Nation der Nation gegenüber, die sich treffenden gemeinsamen Interessen

²⁴ Der Landesverteidigungsausschuss wurde nämlich Ende September nur zur Ergreifung der Massnahmen im Zusammenhang mit der Abwehr gegen Jellačić ins Leben gerufen. Inzwischen stellte es sich heraus, dass noch lange Zeit nicht die Rede von der Aufstellung eines Ministeriums sein kann, deshalb vertraute das Abgeordnetenhaus nach dem Vorschlag Kossuths alle Zweige der Regierung dem Ausschuss an.

²⁵ Das Konzept des Briefes s. O. Lt. OHB 1848: Nr. 910, seine Reinschrift Csányi-Akten Nr. 1271.

laut Gottes ewiger Gerechtigkeit auf befriedigende Weise auszugleichen.« Dem österreichischen Volk ist es kundzugeben — das war Kossuths Absicht — dass »wir nichts gegen das österreichische Volk haben; wir sind Freunde und Geschwister, wir können die Angelegenheiten untereinander regeln,« und dann steht es sicher, dass jenes Volk, »welches verstand, dass die uns drohende Gefahr eine gemeinsame ist, als es der gegen uns rückenden Armee den Weg abschnitt, . . . auch dem Aufruf der Nation Glauben schenken wird. . . und wie wir ihnen helfen, so werden auch sie uns in der Erkämpfung des Sieges durch Ausrottung sämtlicher Verräter behilflich sein.«²⁶

Wahrhaftig wäre das der richtige Weg, das richtige Verhalten dem Wiener Volke gegenüber gewesen, welches durch seine Märzrevolution einmal schon der Revolution des ungarischen Volkes zum Siege verhalf, und jetzt, unter kritischen Umständen, wieder die Waffen ergriff und sein Blut um die Erhaltung der bedrohten Errungenschaften der ungarischen Revolution opferte. Dies erwartete ja auch das Wiener Volk von den Ungarn, über dessen ungeduldiges Warten zahlreiche Berichte im ungarischen Lager und in Pest eintrafen, und auch Csányi drängte den Landesverteidigungsausschuss in demselben Sinne. Csányi teilte am 9. Oktober dem Ausschuss mit, dass die Armee an der Leitha angelangt ist, aber Móga »ohne eine bestimmte Verordnung des Hauses die Grenze unseres Landes nicht überschreiten wird, obwohl wir. . . nach den Wiener Ereignissen, unsere deutschen Freunde, die sich unserer Sache angenommen hatten, ohne die Verletzung unserer nationalen Ehre und der Ritterlichkeit nicht der Reaktion zum Opfer fallen lassen können.« »Deshalb halte ich für meine Pflicht — schrieb weiters Csányi — den Landesverteidigungsausschuss zu ersuchen, Herrn Feldmarschall Móga einen konkreten Befehl bezüglich der Aufgaben unserer Armee auszusenden.« Csányi griff bereits den aus Pest erwarteten Entscheidungen vor: er sandte den Abgeordneten Luzsénszky und den Major Miklós Perczel nach Wien, »um mit unseren dortigen Freunden im voraus zu verhandeln und sich zu erkundigen, was wir von unseren deutschen Freunden erhoffen könnten.« Csányi machte ferner den Landesverteidigungsausschuss aufmerksam, dass, sofern sich der Reichstag für die Hilfeleistung gegenüber Wien entscheidet, es den Wienern anzukündigen sei, »dass wir als Hilfe leistende und erwidernde Freunde in ihrem Lande erscheinen, von wo wir uns nach der entsprechenden Erledigung der Sachen, in unserem gemeinsamen Interesse sofort entfernen werden.« »Unsere Armee ist ermüdet — schloss Csányi — aber immerfort begeistert. Wir ersehnen aus Pest und Szőny die Vermehrung unserer Kräfte, was wir auf österreichischem Boden benötigen werden, denn wir müssen überall, besonders aber dort, die Ehre der ungarischen Waffen beweisen.«²⁷

Die Armee war also trotz ihrer Müdigkeit begeistert, und auch zahlreiche andere Umstände sprachen dafür, dass die einmal schon verpasste Gelegenheit zur

²⁶ Kossuths Rede vom 8. Oktober s. im Közlöny vom 10. Oktober.

²⁷ Csányis Brief vom 9. Oktober s. O. Lt. OHB 1848: Nr. 1575.

Vernichtung Jellačić, infolge der besonderen Gunst des Schicksals von neuem wiederkehrte. Der demoralisierte Feind, in seinem Rücken mit dem revolutionären Wien, die mit der Revolution sympathisierende und gegen die Ungarn zu kämpfen unwillige österreichische Armee, die verwirrte, ratlose Kamarilla, alle diese Faktoren zusammen konnten eine ernste Hoffnung auf den Erfolg der begeisterten ungarischen Armee bieten. Zu alledem gesellte es sich, dass die politische Leitung in Kossuths Hände überging, der energisch daran arbeitete, auch die politischen Vorbedingungen der militärischen Operationen herbeizuschaffen. Die rasche Handlung blieb jedoch trotz alledem aus. Kossuths Anstrengungen in Pest begannen von den Wankelmütigen abgebremst zu werden, die auch nach dem 8. Oktober, als Pázmándy ins Lager abreiste, noch über so viel Kraft verfügten, was dazu nötig war, um Kossuth anstatt der revolutionären Handlung auf den Weg der »Legalität« zurückzuschleppen. Pál Nyáry, Stellvertreter Kossuths im Landesverteidigungsausschuss hielt sich ja noch immer in Pest auf, der sich schon Anfang Oktober, zur Zeit Kossuths erfolgreicher Werbereise mit folgender Begründung zum Ausgleich neigte: »wir können bis zum Frühling 200 000 Soldaten stellen, können unsere Unabhängigkeit von Österreich erkämpfen, können sie jedoch nicht behalten, denn wir werden aufgezehrt durch die Haltung so vieler Soldaten.«²⁸

Kossuths Entschlossenheit war auch durch die aus Wien eintreffenden Berichte gestört, die gleichzeitig, als sie über das ungeduldige Warten des Wiener Volkes sprachen, vor der Ausführung des entscheidenden Schrittes die Befragung des österreichischen Reichstags anrieten, so z. B. der Brief des Ede Barthos vom 9. Oktober:

»Gerade jetzt, als ich in der Aula bin, traf der Bericht ein, dass Jellačić in Bruck ankam und von dort nach Wien kommen wird. Es ist also natürlich, dass die Aula und die Arbeiter jetzt überall hin- und herlaufen und die Stadt noch mehr befestigen, denn auch das beim Belvedere lagernde Militär murren: wir werden wahrscheinlich hier aufgehalten werden, aber ich entschloss mich, von hier nicht fortzugehen, solange ich keine bestimmte Richtung erfahre, auf die wir unsere Kombination und Handlungen basieren können, bis dahin unterrichte ich euch über folgendes:«

Nach ausführlicher Schilderung der Lage in Wien und Ausführungen über die zu erwartenden politischen Folgen setzt Barthos fort:

»Gerade jetzt kommt unser Mann von der Brucker Eisenbahn zurück und meldet, dass die Vortruppen des Jellačić gestern tatsächlich in Bruck, sein Hauptlager in der Ebene von Parendorf waren, und dass es in Bruck verfügt worden sei, dass Jellačić heute, oder in der Nacht auf der Eisenbahn nach Wien

²⁸ József Irinyi schreibt an Kossuth am 3. Oktober, dass sich Nyáry in der Sitzung des Landesverteidigungsausschusses so äusserte. (Den Brief s. bei E. Waldapfel: A forradalom és szabadságharc levelestára (Privatbriefe der Revolution und des Freiheitskrieges), Budapest, 1952. Bd. II. S. 156).

kommt ; Wien ist also in einer Lage, in welcher wir trotz all unserer schlechten Situationen niemals waren. Nach Kombination kann ich sagen, dass Wien mit Jellačić um sich herum, von etwa 50 000 Mann umschlossen sein wird. In Wien selbst ist die Mehrheit liberal, es gibt jedoch einen grossen Teil, der um jeden Preis den Frieden wünscht, und deshalb zu den Schwarzgelben hält.

Der Wunsch der Wiener ist, dass die ungarische Armee, um ihnen Hilfe zu leisten, Jellačić auf den Spuren folge : das ist meines Erachtens nach nur möglich, wenn uns die Kammer dazu auffordert, und wenn unsere Kraft von anderer Seite nicht für die Erhaltung unser selbst in Anspruch genommen wird.«²⁹

Eine ähnliche Ansicht widerspiegelt und eine noch grössere Vorsicht empfiehlt der Brief des Referendars des Wiener ungarischen Ministeriums, István Wargha, ebenfalls vom 9. Oktober, an Csányi :

»Sie kennen die Wiener Ereignisse vom 6. Oktober. Das Volk brach mit entschiedener Offenheit den ersten Angriff der Reaktion, die eine scharfe Waffe gegen das ungarische Vaterland ergriff. Es offenbarte sich ein freundliches Gefühl der ungarischen Sache, und ein offenes Auftreten Jellačić gegenüber. Latour wurde vom Volk totgeschlagen und zur Schande gehenkt, das im Interesse der Reaktion die Waffen ergreifende und Kanonen abfeuernde Militär geschlagen. Der Kaiser wurde vom österreichischen Reichstag genötigt, das attentäterische Manifest vom 3. Oktober zurückzuziehen. Und so kann die Lage des Jellačić für sorgenvoll, die unserige für vorteilhaft gehalten werden.

Ich nahm gestern auf Grund dieser günstigen Geschehnisse aktive Fühlung mit den Männern des Volkes, und äusserte den Wunsch, dass es der Reichstag als Beschluss verkünde, dass »wenn das ungarische Heer Jellačić, das Werkzeug der Reaktion, diesen Rebellen, der gegen die Verfassungsmässigkeit und gegen die Freiheit aufstand, und somit unseren gemeinsamen Feind verfolgend, die österreichische Grenze eventuell überschreiten würde, diese Tatsache nicht als eine Verletzung des Volksrechtes angesehen werde.«

Und hören Sie nur zu, ich vernahm als feste Antwort und allgemeine Ansicht, dass »der österreichische Reichstag einen Grenzüberschritt in diesem Falle unbedingt als einen Einfall ansehen würde.«

Die Minuten sind teuer, ich kann Ihnen die ungeschickte Motivierung der Betreffenden nicht vorführen, sondern bitte Sie nur, diese, obwohl falsche, jedoch feste Ansicht als Richtlinie zu nehmen, und sich vor Komplikationen zu hüten, die aus deren Nichtbeachtung hervorgehen würden.

Falls Jellačić österreichischen Boden betritt, soll unsere Armee Halt machen. Hier glauben die Männer des Volkes, von denen ich diese mir unerwartete Äusserung vernahm, dass sich Jellačić, sobald er österreichischen Boden betritt,

²⁹ Den Brief richtete Barthos an Pázmándy, da jedoch dieser damals bereits unterwegs nach dem Lager war, öffnete ihn Kossuth und sandte seine Abschrift an Csányi. Die Abschrift s. O. Lt. ungeordnetes Material von 1848/49, Csányi-Akten.

sofort dem österreichischen Reichstag und der jetzt liberal gewordenen Regierung unterwirft : im entgegengesetzten Falle fühlen sie, — sollten sich Jellačić noch so grosse militärische Kräfte anschliessen, da der grösste Teil der Soldaten auf der Seite des Volkes kämpfen würde, und da der Landsturm binnen zweimal 24 Stunden allgemein ist, — genügende Kraft in sich, Jellačić zu vernichten, und wenn es doch nötig wäre, würden sie schon die ungarische Armee zu Hilfe aufrufen.

So steht also die Sache.

Ich bitte Sie um das Wohl des Vaterlandes, sich vor Verwicklungen zu hüten, und nicht den Fehler zu begehen, zu glauben, dass die freundschaftlichen Gefühle des Wiener Volkes für uns, zugleich die freundschaftlichen Gefühle des ganzen österreichischen Volkes bedeuten.«³⁰

Es ist selbstverständlich, dass die ungarischen Heerführer, die in dem inzwischen eingetroffenen Pázmándy eine gute Unterstützung fanden, die Verfolgung des Jellačić nicht besonders drängten, und dass sie auch die Berichte, die dem des Wargha ähnlich waren, zur Begründung ihrer vorsichtigen Taktik benutzten. Es kam noch dazu, dass am 10. Oktober eine ausweichende Antwort auf den diplomatischen Schritt eintraf, mit welchem der Landesverteidigungsausschuss die Wiener Regierung am 6. Oktober zum Vorgehen gegen Jellačić zu bewegen versuchte. Die Antwort wurde von Staatsrat György Bartal nach Pest expediert. Sie enthielt, dass das österreichische Ministerium erfuhr, dass Jellačić mit seiner Armee bei Bruck eintraf, und seine Vorposten gerade im Aufbrechen sind, die österreichische Grenze zu überschreiten. Da indessen in jener Gegend keine militärischen Kräfte dem österreichischen Ministerium unterstehen, mit Hilfe welcher entweder das Herüberkommen verhindert, noch im Falle der Herüberkunft die Entwaffnung ausgeführt werden könnte, blieb in diesem Augenblick nichts weiter übrig, als ein Mitglied des österreichischen Reichstags zu Jellačić zu senden, der diesem den Beschluss Seiner Majestät persönlich überreiche, in dem über die Aufstellung eines neuen und volkstümlichen Ministeriums verfügt, sowie die Ausgleichung der verwickelten Verhältnisse diesem letzteren als Pflicht auferlegt wurde.³¹

So äusserte sich die offizielle Wiener Regierung ; das Wiener Volk sagte jedoch etwas anderes : die Wiener demokratischen Vereine, die Vertreter des revolutionären Volkes, richteten am 10. Oktober eine Proklamation an das ungarische Volk, die die Aufopferung des Wiener Volkes am 6. Oktober mit erschütternden Worten schilderte, und die ungarische Armee im Namen der Freiheit, der beiden Vaterländer, aufrief, »ohne jede Verzögerung, ohne Hinsicht auf den erheuchelten Vorwand der Besitzstörung, der in solchen grossen Momenten kindisch und unartig ist«, die österreichische Grenze zu überschreiten und

³⁰ Eine zeitgenössische Abschrift des Briefes s. Hadtört. Lt. (Ung. Kriegsarchiv) gemischtes Material aus 1848/49, 1848 : 10 : 12.

³¹ S. O. Lt. OHB 1848 : Nr. 881.

somit das österreichische und das ungarische Volk zu retten.³² Auch Csányi schrieb einen weiteren Brief, noch am 9. Oktober; in diesem äusserte er, dass falls Jellačić seinen Weg nach Wien nehmen würde, »dürfen wir nicht zurückschrecken, wir müssen ihn nach Wien verfolgen, sonst würden wir unsere Wiener Freunde kompromittieren.« »Es ist eine seelenerhebende Erfahrung — schrieb er im weiteren — als wir sehen, dass die Legionen der Jugend sich so treulich unserer Sache annehmen, deshalb dürfen wir sie und die ganze demokratische Partei nicht kompromittieren, und so ist es unsere Pflicht, Jellačić auch nach Wien zu folgen, ihm überallhin zu folgen.« Er bat Kossuth, einen konkreten Befehl an Móra über den Grenzübertritt auszusenden.³³

Csányis Bericht vom 9. Oktober erhaltend, beschloss sich Kossuth zum Handeln, und reichte in der Nachmittagssitzung des Abgeordnetenhauses am 10. Oktober einen Beschlussantrag ein, bezüglich der sofortigen Hilfeleistung für das Wiener Volk. Er sagte: »nachdem das begeisterte Wiener Volk die Anschliessung der Truppen, die zur Stärkung der gegen uns tätigen rebellischen Armee hätten dienen sollen, an Jellačić mit einer so heldenhaften Tapferkeit verhinderte, wäre es seitens der ungarischen Nation die feigste Undankbarkeit, die Bewegungen ihrer eigenen Armee so zu richten, dass, als der Feind von unserer tapferen Armee verfolgt, die früher uns drohende Gefahr nun dem österreichischen Volk auferlegt, wir dann jenes Volk im Stich liessen, und ihnen nicht helfen würden, durch Vernichtung des gemeinsamen Feindes der Gefahr zu entkommen, die sie wegen uns auf sich nahmen.« Er hielt jedoch die Erlassung eines Manifestes für nötig, in welchem das Abgeordnetenhaus das österreichische Volk beruhigt, dass die ungarische Armee die österreichische Grenze ohne jede feindliche Absicht übertreten, und nach Erledigung ihrer Aufgabe aus Österreich fortziehen wird. Und, um weiteren Zeitverlust zu vermeiden, las er sogleich das vorher abgefasste Manifest vor, welches an den österreichischen Reichstag gerichtet war und die Begebenheiten schilderte, die zur jetzigen Lage führten. Das Manifest kündigte ferner an, dass die ungarische Armee die Grenze übertreten wird, und gab die vorhererwähnten Garantien. Das Manifest wurde, sobald als es vom Hause angenommen war, in einer Abschrift der Armee zugesandt, damit die Kriegsoperationen, seinem Inhalt gemäss, sofort begonnen werden können.³⁴ Kossuth setzte in seinem Begleitschreiben auseinander, dass der Beweggrund des Beschlusses ist, »falls Jellačić die österreichische Grenze übertritt, es unsererseits die feigste Undankbarkeit gegen das österreichische Volk

³² Die Proklamation, die in Pest auch in Plakatform erschienen war, s. bei D. Pap: *Okmánytár Magyarorszáig függetlenségig harcának történetéhez* (Archiv zur Geschichte des Unabhängigkeitskrieges von Ungarn). Budapest, 1868, Bd. II. S. 129.

³³ Den Brief Csányis vom 9. Oktober s. O. Lt. Kossuth Polizei-Akten Nr. 165.

³⁴ Kossuths Rede vom 10. Oktober wurde im Közlöny, in der Nummer vom 12. Oktober veröffentlicht. Das Manifest des ungarischen Reichstags, das in Wien auf Plakaten veröffentlicht wurde, s. u. a. bei C. Grüner: *Die Geschichte der October-Revolution in Wien, ihre Ursachen und nächsten Folgen*. Leipzig 1849, S. 50. f.

wäre, ihm nicht nachzudringen, und unsere eigene Gefahr, ohne zur Hilfe zu eilen, auf das tapferere Wiener Volk übergehen zu lassen.« demzufolge »wird es Ihnen im Namen der Nation aufs strengste vorgeschrieben und verordnet, dass Sie die Armee des Jellačić, gleich welchen Weg sie einschlägt, namentlich auch nach Österreich, — im Sinne des Beschlusses der Abgeordneten der Nation — verfolgen, drängen, und dass Sie nicht ruhen, solange Sie sie nicht vernichtet haben.« Er mahnte den Oberfeldherrn auf die Disziplin, auf die Schonung des österreichischen Volkes, und wiederholte: »Also vorwärts nach Jellačić, gleich, wohin er sich wendet. Die Nation erwartet, dass die Verordnung ohne Zweifel, rasch und energisch befolgt werde.«³⁵

Die Entscheidung wurde also gefällt, in der Ausführung zeigten sich jedoch Fehler. Móga meldete zwar nach Erhaltung der Verordnung unwillig, dass er sich den politischen Gesichtspunkten unterordnet, und »die Armee die österreichische Grenze übertreten und ihr möglichstes tun wird, sollte ihm auch die ganze österreichische Armee gegenüberstehen,«³⁶ aus seinem Briefe klang jedoch schon die Besorgnis heraus, die die inneren Kräfte des Offizierskorps der Armee bereits seit dem Siege bei Pákozd zehrte, dass nämlich Jellačić eines schönen Tages seine Larve ablegen, und als Vollzieher der Befehle des Kaisers, mit kaiserlichen Truppen vereinigt, der ungarischen Armee entgegenstehen würde. Es war nämlich allgemein bekannt, dass Feldmarschalleutnant Auersperg unterhalb Wiens, am linken Ufer der Donau mit einer Armee von 10 000 Mann steht, und es war nicht zu bezweifeln, dass die Kamarilla, sobald sie zu Besinnung kommt, auch von diesen Kräften Gebrauch machen wird. Dieser Gesichtspunkt sprach jedoch eher für die schnelle Handlung, zu dieser bestand aber unter den gegebenen Verhältnissen keine Möglichkeit. Gleichzeitig mit dem Beschluss des Reichstags kam nämlich Pázmándy im Lager an, und somit nahm jene Verzögerung von vierzehn Tagen ihren Anfang, während welcher sich die Aussichten auf erfolgreiche angreifende Kriegsoperationen von Tag zu Tag verminderten, bis schliesslich die mit schönsten Hoffnungen begonnene Unternehmung in einem völligen Fiasko endigte. Kaum war nämlich Pázmándy angekommen, erhielten in der Kriegsführung diejenigen die Mehrheit, die einem Erfolg des Angriffes nicht zutrauten, und ihn für den sicheren Untergang hielten. Bei der damaligen Zusammensetzung des Offizierskorps war das kein Wunder, die verräterischen Offiziere verlautbarten aber ihre Ansichten offen, und waren bestrebt, die begeisterte Stimmung der Mannschaft, der Nationalgardisten und Landstürmer zu verderben. Csányi benachrichtigte Kossuth über die so entstandene Meinung noch am 11. Oktober durch einen Kurier,³⁷

³⁵ Kossuths Begleitschreiben s. O. Lt. Csányi-Akten, Nr. 1271.

³⁶ Eine zeitgenössische Abschrift des deutschsprachigen Briefes von Móga s. O. Lt. Kossuth-Archiv Fasc. 495.

³⁷ Dieser Bericht von Csányi ist leider nicht bekannt, auf seinen Inhalt kann aus Kossuths Antwort gefolgert werden.

dessen entschlossene Haltung durch die Stellungnahme des Offizierskorps erschüttert wurde; in seiner Antwort vom 12. Oktober wirft er das erstmal den Gesichtspunkt auf, der später eine dauernde Rechtfertigung derjenigen blieb, die anstatt des Risikos der Handlung lieber der Politik des Abwartens gefolgt hätten. »Der Landesverteidigungsausschuss — schrieb Kossuth in seiner Antwort — stimmt umsomehr den Ansichten des Präsidenten des Abgeordnetenhauses, Herrn Dénes Pázmándy bei, da auch der Beschluss des Reichstags nicht im geringsten so zu deuten ist, dass die ungarische Armee der Gefahr der offensichtlichen Vernichtung ausgesetzt sei, er ist im Gegenteil so zu verstehen, dass er eher die politische Frage entscheidet, dass im Falle, wenn auf die Sympathie und Unterstützung des österreichischen Volkes mit Sicherheit gerechnet werden kann, unsere Armee nicht durch die blosse politische Frage des Übertrittes der Landesgrenze davon abhalte, dass sie zur Vernichtung der Armee des Rebellen weiter vordringe.« Aus Pest könne man keine strategischen Verfügungen senden — sagte Kossuth — und deshalb müsse man die an Ort und Stelle sich zeigenden Umstände in Betracht ziehen.³⁸

Diese von Zurückstutzen zeugende Meinung Kossuths war im Lager noch nicht eingetroffen, als es durch die Verordnung des Reichstags und die Energie Csányis erreicht wurde, dass sich der Generalstab doch für den Angriff entschied. Csányi benachrichtigte hierüber Kossuth am 12. Oktober, und begründete in seinem Briefe glänzend, dass wir einesteils dadurch, dass wir Wien helfen, uns selbst helfen, andererseits, dass die Hilfe sofort erfolgen muss, denn ein jeder Tag der Verzögerung verringert die Aussichten auf Erfolg. »Die entschiedene Verordnung des Hauses — schrieb Csányi am Morgen des 12. Oktober — lässt unser Lager aufbrechen und wir werden heute noch in Bruck eintreffen.«

»Nach allen Berichten erwarten uns die Wiener sehnsüchtig, die ohne uns, bestimmt in den Strom des Absolutismus gerissen würden. Diesen unter/. beigelegten Brief von Wargha erhielt ich gestern, er sandte ihn nach Sopron, dort kam er zu spät an.³⁹ Bevor ich diesen erhielt, sandte er einen Kurier zu mir, und liess durch diesen berichten, dass uns am gestrigen Tage entweder der Reichstag, oder der Gemeindeausschuss einladen würde. Dies erfolgte jedoch nicht. Dessen Ursache ist, wie es mein aus Wien zurückgekommener Freund Luzsénszky sagte, die Furcht des Reichstags, der es nicht wagt, Jellačić als Feind zu bezeichnen, aber Krauss lässt uns auch durch Luzsénszky bitten, ebenso bittet uns der Zentralausschuss, die Aula, und alle Menschen in Wien, wären wir schon dort, denn die Lebensmittel beginnen schon knapp zu werden. Wenn die Einfuhr nach Wiens Umschliessung abbrechen wird, so wird uns wieder die Last der Verzögerung bedrücken.

³⁸ Konzept des Briefes s. O. Lt. OHB 1848: Nr. 998, die Reinschrift Csányi-Akten Nr. 1271.

³⁹ Es ist vom Brief Warghas vom 9. Oktober die Rede, s. oben, S. 339. f.

Unsere Gesandten sind fort, nach ihrer Rückkehr werden wir aus Bruck weiter vordringen, nach meiner persönlichen Meinung ist es nötig, den Kampf je früher ernsthaft zu beginnen, denn je später es geschieht, desto schwieriger wird es sein, denn wer weiss, ob nicht auch Windischgrätz Zeit zum Erscheinen haben wird?

Unser Feldherr hält unsere Kräfte für gering dazu, dass wir uns mit dem, mit Österreichs Kräften vereinten Jellačić erfolgreich schlagen können. Wir fragen aber, wenn Jellačić Wien besiegen und nachher mit Österreichs vereinten Kräften uns angreifen wird, ob wir dann mit Vernunft hoffen können, dass wir dann für uns allein belassen, mit mehr Wahrscheinlichkeit eines Erfolgs ihm gegenüber bestehen werden können, als jetzt, von den Wienern unterstützt? Dazu ist nichts weiter, als reine Vernunft nötig, einzusehen, dazu gesellt sich der Umstand, dass als nach Wiens Niederlage der Kampf mit uns begonnen werden wird, wir von unserer schlecht bekleideten Armee im November- und Dezemberwetter nicht mehr so gut Gebrauch machen werden können, wie jetzt. Schon jetzt entfernte sich die Truppe von Pilis, zog das unbekleidete Bataillon von Zala fort, die Soldaten aus Cegléd gedenken fortzuziehen, ausserdem, wenn die Wiener ohne unsere Hilfe eine Niederlage erleiden, geben wir der ganzen zivilisierten Welt einen gehörigen Grund zu unserer Verachtung, wenn aber die Wiener rechtzeitig, also im Einverständnis mit uns kämpfen werden, so werden wir siegen; wenn wir jedoch in Österreich nicht siegen, so wird uns nur geschehen, was einige Wochen später zweifellos ohnehin geschehen würde, mit dem Unterschied, dass bei einer Niederlage in Österreich, die Ehre der Nation noch erhalten bleibt, sonst aber auch diese verloren ginge, aber, wie ich sage, mit österreichischer Beihilfe dürfen wir eine begründete Hoffnung auf den Sieg hegen, da der Wiener Aufstand mindestens auf 80 000 Mann anzusetzen ist.«⁴⁰

Vor dem Aufbruch traten aber jene Kräfte wiederum in Tätigkeit, die im Offizierskorps und in der politischen Leitung der Armee gegen einen angreifenden Auftritt arbeiteten. Csányis Bericht über den, vor dem Aufbruch abgehaltenen Kriegsrat, widerspiegelt gut die in der Leitung der Armee herrschende unsichere, zu Kompromissen neigende Haltung:

»Wir kommen eben aus dem Kriegsrat, in den Herr Heerführer Móga, sämtliche Truppenkommandanten einlud, bevor wir durch die Leitha setzen würden; es sind auch andere Offiziere in grosser Anzahl erschienen. Feldmarschall Móga erklärte, er werde die Verordnung des Landtags vollführen, sagt jedoch aus, dass kein Erfolg unseres Kampfes zu erhoffen sei, er glaube sogar, dass Jellačić, mit dem österreichischen Militär vereint, unsere Armee vernichten, und somit das Vaterland seiner Stütze berauben werde. Feldmajor Kohlman trug vor, er könne bis in die Nähe Wiens keinen, zur Schlacht geeigneten Ort bezeichnen, und dass Jellačić bestimmt gegen uns ziehe, um die vor uns

⁴⁰ S. Hadtört. Lt. (Kriegsarchiv) gemischte Akten aus 1848/49, 1848:10:15.

liegenden zwei Pässe zu benutzen. Er trug vor, dass unser Rückzug auf diesem Gebiet nicht geschehen könne, diesen müssten wir um Pozsony sichern, deshalb sei es nötig, Hainburg je früher zu nehmen. Auf diese Vorträge schien die Beratung sich so zu gestalten, als ob die Rede noch immer von der Frage wäre, ob man Wien zur Hilfe eilen könne und müsse; da wir jedoch mehrere die Frage aufwarfen, ob es jemand logisch glaube, glauben dürfe, dass wir, im Falle einer, durch das österreichische Militär und Jellačić erzwungenen Niederlage jetzt, als wir die Aussicht haben, uns mit einer grossen Kraft Wiens zu vereinigen, besiegt werden würden, später derselben Kraft, oder im Falle eines Erscheinens des Windischgrätz, einer noch grösseren Kraft gegenüber standhalten werden können? — wurde die Überfahrt, mit umso grösserem Frohsinn beschlossen, da alle von der Überzeugung durchdrungen waren, dass auch im Falle unserer Niederlage dasjenige erhalten bleibt, was sowohl für den einzelnen, als für die Nation der teuerste Schatz ist — die Ehre, — falls wir jedoch später die billige, gerechte Hilfe unseren Wiener Freunden, die für unsere Sache ihr Leben und Blut opferten, verweigern würden, würde unsere Niederlage zugleich auch den Verlust unserer Ehre bedeuten. Es gab welche aus dem Wasa-Regiment, die sich nicht für berechtigt hielten, ausserhalb der Grenzen gegen österreichisches Militär, das sie mit der Dynastie identifizierten, zu kämpfen, auch diese wurden aber durch den Vorschlag des Präsidenten, Herrn Pázmándy beruhigt, laut dessen es beschlossen wurde, an Auersperg zu schreiben, ihm zu erklären, dass wir den Krieg nicht gegen Wien, nicht gegen den König, nicht gegen die österreichische Armee führen, im Gegenteil, in ihrem Interesse.⁴¹ So wurde beschlossen, Jellačić zu verfolgen und den österreichischen Boden zu betreten.

Demgemäss wird unsere Vorhut, vom Major Ivánka geführt, heute noch nach Bruck ziehen, dessen mir zugesandte Bürger uns von einem freundschaftlichen Empfang versicherten. Unsere Zukunft ist in Gottes Händen, wir sind jedoch tatsächlich so weit gekommen, wie weit wir bisher noch nicht waren; wenn wir auch alles verlieren, haben wir unsere Ehre und dadurch die Achtung vor dem freisinnigen Teil der Welt bewahrt, und dies ist mindestens die Garantie für unser späteres Emporkommen, aber die zusammenwirkende Wiener Hilfe verspricht auch den Sieg, und so besteht unwiderleglich die Wahrheit: wenn wir siegen können, ist es nur so und nur jetzt möglich.«⁴²

Es kann kaum bezweifelt werden, dass die Beweisführung für den Angriff von Csányi stammte. Der Erfolg blieb jedoch nicht andauernd: der Angriff wurde auch so um einen Tag aufgeschoben, und am anderen Tage, am 13. Oktober, versuchten die Gegner des aktiven Auftrittes ihrem Standpunkt von neuem Geltung zu verschaffen, und diesmal geschah dies schon mit Erfolg. Über die

⁴¹ Tatsächlich wurde ein Brief ähnlichen Inhalts an Auersperg gesandt; Konzept s. O. Lt. ungeordnetes Material von 1848/49, Csányi-Akten.

⁴² O. Lt. Kossuth Polizei-Akten Nr. 190.

Ereignisse berichteten Pázmándy, Csányi und die im Lager weilenden Regierungskommissare folgendermassen an Kossuth :

»Als wir gestern hier in Parndorf anlangten, wurde ein Kriegsrat abgehalten, in dem, obwohl nicht ohne jeden Widerspruch, beschlossen wurde, dass die Armee im Sinne des Beschlusses vom Abgeordnetenhaus heute die Leitha überfahren und nach Österreich eindringen wird ; zugleich richtete Herr Führer Móga an Grafen Auersperg eine Note, in welcher dieser aufgerufen wurde, sich als Heerführer der österreichischen Armeen, im Kampf zwischen uns und der Armee des Jellačić, neutral zu verhalten.

Heute früh war also die Armee im Begriff aufzubrechen, als infolge grösserer Aufwiegungen die Kommandanten mehrerer Bataillons zuerst bei Herrn Führer Móga, dann auch bei uns erschienen und erklärten, dass ihre Offiziere und auch ein Teil der Nationalgardisten sich weigern, Ungarns Grenzen zu überschreiten. Als wir sahen, in welcher Lage die vor einigen Tagen noch so begehrte Armee ist, hielten wir im Interesse unseres Vaterlandes für ratsamer, das Weiterdringen aufzuschieben, umsomehr, da wir von unseren aus Wien zurückgekehrten Gesandten erfuhren, dass die ansehnlicheren Mitglieder des Wiener Reichstags sowohl den Beschluss unseres Reichstags, der unserer Armee die Hilfeleistung an Wien vorschrieb, als auch unseren, an sie gerichteten Aufruf ähnlichen Inhalts ziemlich kalt entgegennahm. Das Wiener Volk war zwar zur Verteidigung seiner Strassen gut gerüstet, aber für den Fall, wenn Jellačić und Auerspergs vereinigte Truppen einige Tagemärsche von Wien uns entgegenkämen, wurde uns dazu wenig Hoffnung geboten, dass sie seitens Wiens auf offenem Felde von hinten angegriffen werden würden.

Wien kann sich, wie gesagt wird, noch längere Zeit halten, und nach unserer Meinung wird der Plan des Eindringens nach Österreich nach der Stärkung und nach einiger Erholung unserer Armee, mit wiedererwachter Begeisterung und falls unsere Hilfe begehrt wird, — indem die von uns ausgeführten Gründe bestehen, — ausführbar sein.

Derzeitig können wir also nichts anderes tun, als das Blutvergiessen in Österreich aufzugeben. Wir müssen indessen erklären, dass das Vaterland unter schweren Umständen auf unsere Armee in ihrer derzeitigen Struktur nicht rechnen kann. Die Reorganisation der ganzen Armee ist unbedingt notwendig. Ungarische Fahnen, Farben, Abzeichen, Mützenrosen sind nicht weiter aufzuschieben. Wir ersuchen also den Ausschuss, diese uns in der nötigen Menge baldigst zuzusenden, mit einem festen Beschluss des Hauses, laut dessen die Offiziere durch uns aufzurufen sein sollen, dass sie dem Hause, seinen Beschlüssen unbedingt zu folgen haben, und dass alle, die sich dazu nicht verpflichten wollten, aus dem Dienste zu entlassen seien.«⁴³

⁴³ Den Bericht s. O. Lt. OHB 1848 : Nr. 1072.

Wie wenig der mit der Wiener Unterstützung verbundene Pessimismus begründet war, dafür gibt es eben vom 12. Oktober Beweise. Es ist möglich, dass diese am 13. Oktober im ungarischen Lager noch nicht bekannt waren, aber es ist kaum zu glauben, dass Pázmándy und die Seinigen aus anderen Quellen von obigen ganz abweichende Nachrichten erhalten hätten. Die eine derartige Mitteilung ist der Brief des István Wargha an Pál Nyáry nach Pest :

»Der gestrige Tag zog sich wie schweres Elend über die in unbeschreiblicher Erregung und Bedrückung befindliche Bevölkerung hinweg. Der Reichstag war auf keine Weise zu überreden, dass die ungarische Nation der Stadt zur Hilfe hereingerufen werde, nicht einmal zur Fassung des Beschlusses, dass die Grenzüberschreitung der ungarischen Armee in diesem Falle nicht als Besitzstörung angesehen werden solle. Der Reichstag bevollmächtigte den Gemeindevorstand zum Treffen aller Kriegsmassnahmen und nahm dessen Verfügungen schon im voraus an, antwortete sogar bejahend auf die Frage des bevollmächtigten Ausschusses, ob die Ungarn zur Hilfe zu rufen seien. Trotzdem traf er keinerlei konkrete Massnahmen. Abends um 9 Uhr erschien das beigeschlossene Plakat:

[Auf dem Plakat verkündete der Ausschuss des Reichstags, dass er den ungarischen Truppen den Grenzüberschritt nicht verbat, und teilte dem Volke Wiens mit, dass die Beratungen über das Jellačić gegenüber zu bewahrende Verhalten im Gange seien.⁴⁴] Die Fortsetzung des Briefes lautet :

»Bis heute Mittag 12 Uhr dauert noch die Geduld an.

Heute morgen kam József Irinyi mit der Nachricht über den Beschluss der Hauses an, dass die ungarische Armee den Befehl erhalten habe Jellačić auch diesseits der österreichischen Grenze zu verfolgen. Diese Nachricht belebte auch die zaghaften Gemüter, und vermehrte die Energie der starken, so, dass hier die Operation gegen Jellačić und Auersperg, die sich heute früh tatsächlich vereinigten, schon so geführt wird, dass, sobald es durch die aufzustellenden Vorposten gemeldet werden wird, dass die Ungarn angreifen, von hier alle, zur Verteidigung der Stadt nicht nötigen und somit disponiblen Kräfte gegen Jellačić und Auersperg ziehen, um den Feind hiermit von zwei Seiten anzugreifen.

Die Ankunft der Ungarn zur Hilfe verleiht allen Armen neue Kräfte. Wenn jedoch der Schritt schon getan wird, welchen ich meiner persönlichen Meinung nach für ein Risiko halte, soll er je früher getan werden, solange keine grösseren Kräfte ankommen. Und sobald Wien von Jellačić und Auersperg befreit wird, sollen unsere Truppen sofort heimkehren.

Auerspergs Erklärung, die er dem Hause gegen heute Mittag zusandte, wird schon überall verbreitet, dass, wenn die Ungarn die österreichische Grenze überschritten haben, er als österreichischer Soldat sich genötigt fühle, sich — zum Zwecke der Zurückdrängung jener — mit Jellačić zu vereinigen. Aber

⁴⁴ Der Text des Plakats mitgeteilt bei D. Pap a. a. O., Bd. II. S. 130.

dieser Heerführer scheint keine zu grosse Geistesgegenwart zu besitzen, da er an den öfters erwähnten beiden Orten, die er verliess, auch Waffen, Flaggen und Munition hinterliess.«⁴⁵

Der Aufruf, den die akademische Legion am 12. Oktober im Namen des Wiener Volkes an die ungarische Armee richtete, beliess über die Haltung des Wiener Volkes noch weniger Zweifel :

»Freunde! Brüder!

Ihr kennt die Ereignisse des 6. Oktober. Ihr wisst, dass für Eure Sache, für Eure Freiheit, für Euer heilig Recht kostbares Blut geflossen ist. Ihr kennt die Folgen derselben. Ein furchtbarer Akt der Volksjustiz, ein Kampf in den Strassen Wiens, die Beschiessung und Stürmung des Zeughauses, die Flucht des Kaisers, die feindselige Stellung der Garnison und endlich das Anrücken von Jellačić' Armee, die jetzt noch vor den Toren Wiens steht.

Die Bevölkerung Wiens erhob sich wie ein Mann in den Waffen für unser und Euer Recht, und steht noch in diesem Augenblick gerüstet, jeden Angriff zurückzuweisen. Doch ist der Zustand, in dem wir uns befinden, der der furchtbarsten Aufregung, Gewerbe, Handel und Verkehr stocken, Tag und Nacht ruft den Bürger die Waffenpflicht auf die Wälle, unerschwingliche Lasten wuchten auf der Kommune, mit einem Wort, diesem Zustande muss ein schleunig Ende werden. Das Volk von Wien fühlt dies, und ist bereit, das Äusserste zu wagen, um zu einem Enderfolg zu gelangen. Es bedarf keines Wortes, um Euch, edle, hochherzige Brüder zu rufen, um Euch zu sagen : Kommt, helft uns vollenden, was wir für Euch begonnen. Der Reichstag Ungarns genehmigt, der Reichstag Wiens missbilligt nicht den Schritt, der zu Eurem, der zu unserem Heile führt.

Wir wissen es, indem wir dies aussprechen, ist er vielleicht schon getan, indem wir hoffen, ward uns vielleicht Erfüllung. Ihr eilt mit Heeresmacht gegen Wien, ihr vollbringt das Werk unserer gemeinschaftlichen Befreiung. Doch säumt nicht, zaudert nicht, dass nicht das Schreckenswort »zu spät« uns und Euch als ewiger Vorwurf und selbstverschuldetes Verderben nachdonnere. Eilt, eilt zu uns, Euren Brüdern und seid willkommen den Bewohnern Wiens. Nur in Eurer Freiheit ist die unsere verbürgt.

Da soeben unsere Deputation aus dem ungarischen Lager uns den wärmsten Gruss der hochherzigen Armee überbrachte, und uns im Namen ihrer tapferen Anführer Csányi, Móga und des Kommissars Pázmándy erklärte, dass die Armee bereit ist, mit Mut und Entschlossenheit unseren gemeinschaftlichen Feind, den Diener des verknöcherten Absolutismus, Jellačić, von der für unsere Freiheit gefährlichen Stellung zu vertreiben, wenn folgende Bedingungen erfüllt werden:

Erstens, dass es den Ungarn erlaubt werde, auf österreichischem Boden den Jellačić zu verfolgen.

⁴⁵ Erschienen im Kőzlöny vom 16. Oktober und D. Pap a. a. O. Bd. II. S. 135 f.

Zweitens, dass Befehle erteilt werden zur Verpflegung der Ungarn gegen fixe Preisbestimmung der Lebensmittel sowohl, als auch des zu stellenden Vorspannes.

Drittens, der Reichstag möge sich erklären, dass Österreich vereint mit den Ungarn gegen Jellačić kämpfen werde, so sehen wir uns veranlasst, der ungarischen Armee unseren Brudergruss zu überschieken, und sie zu versichern, dass sie nicht nur von uns, sondern von der ganzen Bevölkerung Österreichs mit offenen Bruderarmen empfangen werden, dass sie sehen werden, wie lebhaft unser Enthusiasmus für eine Armee, deren heilige Aufgabe es ist, die Freiheit zu erkämpfen.«⁴⁶

Vergebens war jedoch der Hilferuf der Wiener, vergeblich die überzeugende Beweisführung des Csányi, die Haltung der schwarz-gelben Offiziere, und nicht in letzter Reihe die Tätigkeit von Pázmándy vereitelten die Ausführung des Plans zur Hilfeleistung an Wien. Kaum fasste der Kriegsrat am 12. Oktober den Beschluss über den Beginn des Angriffs, schrieb Pázmándy sofort einen sorgenvollen Brief an Kossuth, wodurch es ihm gelang, Kossuths Entschlossenheit weiter abzuschwächen und seine klare Sicht zu trüben.⁴⁷ Pázmándys Brief kennen wir nicht, auf seinen Inhalt können wir aber aus der Antwort folgern, die Kossuth am 13. Oktober auf diesen gab :

»Herr Präsident, der Landesverteidigungsausschuss las Ihren Brief vom 12. Oktober mit Rührung.

Wir sandten schon drei oder vier Briefe, in denen wir klar gesagt haben, dass der Befehl des Reichstags ist, die Leitha nicht als Hindernis anzusehen, es wurde jedoch nicht gesagt, dass unsere Armee auch dann vorrücke, wenn sie in eine offensichtliche Gefahr hineingeht. — Wir behoben das politische Hindernis aus dem Wege des Sieges, Sie können also nicht sagen, dass wir gesiegt hätten, wenn wir die Erlaubnis zum Vordringen gegeben hätten, aber wenn Sie unsere Armee verlieren, können Sie auch nie vor Gott und Menschen sagen, dass der Reichstag befahl, unsere Armee zugrunde zu richten.

Soviel steht fest, dass die ungarische Armee jetzt hinsichtlich der Verteidigung der ungarischen Landesgrenze gegen das Untergehen sicher steht, wenn Sie also unsere Armee ohne die sichere Aussicht auf den Sieg in eine offenbare Gefahr führen, werden wir Sie dafür vor der Nation verantwortlich machen.

⁴⁶ Deutsches Original des Aufrufes s. O. Lt. ungeordnetes Material von 1848/49, Csányi-Akten.

⁴⁷ Wie klar später die öffentliche Meinung Pázmándys Rolle in der Frage des Grenzüberschreitens überblickte, dafür ist das im Frühjahr 1849 abgelegte Geständnis Pázmándys selbst ein trefflicher Beweis, als er nach dem siegreichen Frühjahrsfeldzuge dafür verantwortlich gemacht wurde, dass er in den kritischen Sylvestertagen die Sache der Revolution verriet. Der erste der Anklagepunkte gegen ihn war, dass er im Oktober des Jahres 1848 im ungarischen Lager eine zerstörende Tätigkeit ausübte, und im Kreise der Offiziere konsequent gegen den Grenzübertritt agitierte. (Pázmándys Geständnis s. im Közlöny vom 17. Mai 1849.)

Deshalb verordnen wir ausdrücklich, falls das Vordringen den Untergang unserer Armee verursachen könnte, wollen Sie im Tagesbefehl erklären, dass da auch nach wiederholten Aufforderungen weder der Wiener Reichstag, noch der Gemeindeausschuss dem Wunsch einen Ausdruck gaben, dass unsere Armee um Wien zu helfen vordringen soll, zumal unsere Armee ihre Bereitschaft zur Hilfeleistung durch die Überfahrt durch die Leitha bewiesen hat, wir uns nicht dazu berufen sein erachten können, unsere Hilfe demjenigen aufzubürden, der diese von uns anzunehmen sich nicht erklärt, und dass wir uns deshalb auf die Verteidigung unseres eigenen Landes beschränken.

Und demzufolge nehmen Sie an unserer eigenen Grenze, zur Verteidigung unseres Landes geeignete Stellungen ein; ziehen Sie alle disponiblen Kräfte an sich, und erwarten Sie keinesfalls, dass wir die Bewegungen unseres Heeres in militärischer Hinsicht von hier aus vorschreiben sollen.

Wir machen Sie, Herrn Führer Móga und Landeskommissar Csányi für die Erhaltung unseres Heeres verantwortlich.«⁴⁸

Am Morgen des 14. Oktober erhielt Kossuth den Bericht von Móga und den Kommissaren vom vorigen Tage über den Aufschub des Angriffes, und auf Grund des darin Enthaltenen hielt er es für notwendig, die in der Kriegsführung eingetretene Wendung von neuem durch einen Beschluss des Reichstags zu unterstützen. Er schilderte die zaudernde, zögernde Haltung der Wiener offiziellen Kreise mit Verstimmtheit, wie jene der entschlossenen Stellungnahme, der Hereinrufung der ungarischen Armee aus dem Wege gingen, kritisierte indessen auch die ungarische Heeresführung. »Es gibt gewisse Momente in diesen viel bewegten Zeiten — sagte er in seiner Rede — in denen nur diejenigen das Vaterland retten können, die den Umständen entsprechend, nach den Bedürfnissen des Augenblicks, auch ihr Haupt zu riskieren bereit sind. Wenn ich der Heerführer gewesen wäre, hätte ich, um einen Erfolg zu erzwingen, nicht versäumt, dem Feind womöglich rasch an den Fersen zu folgen. Wenn die Sache schlecht ausgefallen wäre, hätte ich mein Haupt dafür gebüsst, wenn es aber geglückt hätte, wäre das Vaterland vor dem Feind bewahrt... Die Billigung oder Missbilligung derartiger Schritte hängt vom Erfolg ab, und wenn jemand Erfolg erreicht, wird er zu den Rettern der Nation gezählt, wenn aber nicht, setzt er sein Haupt aufs Spiel. Wenn ich zufällig zum Soldaten erzogen worden wäre, wäre ich gerne der Heeresführer gewesen, da ich den Mut gehabt hätte, dieses Spiel zu riskieren.« Kossuth kam also im Laufe des Feldzuges gegen Jellačić allmählich zur Erkenntnis, dass die Hauptursache der Erfolglosigkeit der Mangel an revolutionärem Mut, an Wagnis in der Heeresführung war.

»Wenn Schwerter klirren, Kanonen donnern, denkt man kaum an das Volksrecht« — sagte er im weiteren, und schliesslich las er einen Beschlussantrag

⁴⁸ Den Aufsatz des Briefes s. O. Lt. OHB 1848: Nr. 1050. Die originale Reinschrift ebd., ungeordnetes Material von 1848/49, Csányi-Akten.

vor, der Wiens Heldenmut pries, die Kraftanstrengungen schilderte, mit welchen Wiens offizielle Kreise zur Abgabe einer Erklärung zu bewegen versucht wurden, und erklärte schliesslich, dass in Ermangelung einer solchen Erklärung die ungarische Armee genötigt sei, sich auf die Verteidigung der eigenen Grenzen zu beschränken, jedoch bereit sei, auf den ersten Aufruf Wien zur Hilfe zu eilen.⁴⁹

In seiner, im Abgeordnetenhaus gehaltenen Rede hütete sich Kossuth noch, eine starke Kritik über die Heeresführung zu üben; er wollte die zwischen der politischen und der militärischen Führung sich immer mehr vertiefenden Meinungsverschiedenheiten nicht vor die Öffentlichkeit bringen. In seinem Briefe jedoch, mit welchem er obigen Beschluss des Reichstags Móga, Csányi und Pázmándy zusandte, machte er ihnen bittere Vorwürfe:

»Als der Landesverteidigungsausschuss diese Zeilen schreibt, beschwert seine Seele der Gedanke mit tiefem Schmerz, dass wegen der Beratungen über das Übertreten der Leitha in den Bewegungen unserer Armee drei solche Tage verlorengingen, deren Verlust unser Vaterland für lange Zeit mit Blut bedecken kann.

In solchen ausserordentlichen Zeiten, in denen wir jetzt leben, wird die Politik durch die Kraft der Tatsachen bestimmt, und nicht umgekehrt. Wenn damals, als Jellačić vor uns mit einer verstimmtten, verzweifelten Armee auf der Flucht war, unsere begeisterte Armee ihm rasch, ohne Zaudern jenseits der Leitha nachgedrungen wäre, hätte es keinen Menschen in Österreich gegeben, der daran gedacht hätte, dass dies eine Invasion sei, sondern Reichstag, Gemeindeausschuss und Volk hätten uns alle mit offenen Armen empfangen. Jellačić hätte sich mit Auersperg nicht vereinigt, und der Sieg unserer gerechten Sache wäre gesichert.

Da dies jedoch nicht geschah, da Jellačić kein fliehender Abenteurer mehr ist, sondern sich mit Auersperg vereinigte, eine drohende Stellung unter Wien einnahm, und die Frage des Übertrittes der Leitha unter solchen Umständen ein Gegenstand der diplomatischen Erklärungen geworden ist, ist es selbstverständlich, dass sowohl der Wiener Reichstag, als auch der Gemeindeausschuss sich weigern, die Einladung unseres Heeres auszusagen, denn es gibt viele Dinge, die die Leute gern geschehen sehen, aber nur ungern aussprechen.

Der Landesverteidigungsausschuss bedauerte es schon unsagbar, dass Sie, meine Herren, unseren Reichstag zwangen, einen Beschluss in der Frage des Übertrittes der Leitha zu fassen, denn, während Sie darauf warteten, vereinigte sich Jellačić mit Auersperg, Wien aber wurde dadurch niedergeschlagen, dass der Feind, ohne verfolgt zu werden, herannahte.

Noch trauriger für uns ist es jedoch, dass Sie, nachdem Sie uns zu diesem Beschluss sozusagen zwangen, und wir schon diesen Beschluss gefasst hatten,

⁴⁹ Erschienen im Közlöny am 16. Oktober; in deutscher Übersetzung bei Janotyckh von Adlerstein, J.: Archiv des ungarischen Ministeriums und Landesverteidigungsausschusses. Altenburg, 1851. Bd. III. S. 114. f.

einen Kurier nach dem anderen mit dem Bericht zu uns senden, dass unsere Armee unbedingt untergeht, wenn sie weiter vordringt, und Sie jetzt, als es schon zu spät ist, dennoch weiter vordringen, da es die Nation so befohlen habe.

Wenn unsere Armee an der Leitha untergehen würde, würden wir nicht sagen, dass auch die Nation unterging, denn wir geben unsere gerechte Sache um keinen Preis auf, und die Ungarn haben Kraft genug, ihr Vaterland zu retten, wir sagen aber, dass wir durch den Verlust dieser Armee in einen langen, blutigen Kampf und in eine Unzahl von Unglück verwickelt werden würden.

Und deshalb, wenn es schon einmal so weit gekommen ist, dass es vom Reichstag selbst ausdrücklich verboten werden muss, die Armee ins Verderben zu führen, bleibt nichts mehr übrig, als den beigeschlossenen Beschluss zu fassen, den wir Ihnen unserer Pflicht gemäss hiermit offiziell mitteilen.

Im Namen des armen Vaterlandes, im Namen der von so viel Verrätern umgebenen ungarischen Nation ersuchen wir Sie aber, meine Herren, feierlich, wollen Sie keinen anderen Leitstern kennen als den Erfolg. Befassen Sie sich nicht mit Theorien verschiedener diplomatischer Überlegungen, wenn Sie eine Möglichkeit zum Erfolg, zum Sieg erblicken, wollen Sie die Verantwortlichkeit für Ihre Taten auf Ihre treuen Manneschulter nehmen, ergreifen Sie die Gelegenheit und erbitten Sie keine Weisungen aus einer Entfernung von 40 Meilen, denn inzwischen geht die Gelegenheit verloren.

Sie wissen, dass das Vaterland den Sieg nötig hat, wenn Sie also irgendwo siegen können, versäumen Sie es nicht, denn dadurch würden Sie die Rettung des Vaterlandes versäumt haben.

Falls Sie jedoch, infolge der bedauerlichen Ereignisse der letzten Tage, ferner, da auch Windischgrätz um Olmütz 17 000 Mann konzentriert, im Sinne des beigelegten Beschlusses genötigt wären, sich wirklich auf die Bewachung unserer eigenen Grenzen zu beschränken, erwarten wir für jeden Fall, dass Sie eine starke, sichere Position nehmen, jene auch durch Verschanzungen sichern (die römischen Feldherren verbrachten keine Nacht ohne Verschanzung), und ihre Truppen so ordnen, dass die Mannschaft im Lager je weniger leidet, damit unsere Soldaten nicht dessen Strapazen erliegen, die, wenn ihre Begeisterung durch die Verzögerung nicht verstimmt worden wäre, nunmehr als willkommene Freunde unter Wien stehen würden.

Versehen Sie sich mit guten Spionen, halten Sie die Durchfahrten der Flüsse mit wechselnden Mobilkolonnen gut in ihren Händen, üben Sie Aufsicht über die Flüsse, versäumen Sie keine Gelegenheit, dem Feinde zu schaden, stellen Sie zur rechten Zeit Depots auf, und versetzen Sie sich für jeden Fall in eine so sichere Lage, dass Sie im gegebenen Falle einige Tausend Mann auch für längere Zeit detachieren können, worüber unterfertiger Präsident gelegentlich eines Besuchs im Lager in den kommenden Tagen eine Verordnung Ihnen persönlich überbringen wird. Eines verlangt jedoch der Ausschuss unbedingt, und zwar, dass unsere Armee von ihrem wackeren Führer bis zum letzten Soldaten

im Sinne der Gesetze die Nationalfarben trage. Dies kann nicht länger mehr verzögert werden.

Wir treffen eben die Massnahmen, hinter Ihnen eine Reservearmee zu organisieren.«⁵⁰

Diese Zeilen — aber auch der vorhergehende, an Pázmándy geschriebene Brief — sind für Kossuths Ringen kennzeichnend. Er sieht immer klarer, dass ein revolutionärer Krieg nur unter revolutionärer Kriegsführung geführt werden kann, fühlt aber den Kampfgeist der Nation noch nicht für stark genug, um alle Folgen dieser Erkenntnis auch in der Praxis anzuwenden. Soviel wusste er schon, dass jenes ungarische Volk, dem er auf seiner Tieflandreise begegnete, ihm auch auf dem Wege einer offenen Widersetzung der Dynastie gegenüber folgen würde, fürchtete jedoch, dass im Falle des Verlassens der sog. Gesetzmässigkeit jener mittlere Adel, der bisher, in den Kämpfen der Reformzeit und beim Erkämpfen der Märzgesetze hinter ihm stand, ihn grösstenteils verlassen würde. Auch im Reichstag sassen in erster Linie die Vertreter dieser Schicht; Pázmándy, der Hemmschuh der wichtigsten Entscheidungen, verkörpert ihre Ansichten, und ein offener Bruch mit dem Präsidenten des Reichstags, dies weiss auch Kossuth, könnte die äussere Einheit des Reichstags auflösen, die übrigens in den Septembertagen auch nur infolge der Aktivität der Linken und unter der Kontrolle des Pester Volkes entstehen konnte. Kossuth sieht schon die Notwendigkeit der revolutionären Kriegsführung, des Riskierens; deshalb sandte er einige Tage vorher Görgey mit wichtigen Aufträgen in das Lager, jenen Görgey, der den Verräter, Graf Edmund Zichy erhenken liess, der nach der Schlacht bei Pákozds Móga und seinen Stab wegen ihrer Versäumnisse vor Kriegsgericht stellen wollte, und in dessen Person er, wie auch Madarász, das Haupt der Linken im Reichstag, zu dieser Zeit noch den ersehnten revolutionären Heeresführer ansahen, und deshalb beschloss er, durch sein persönliches Erscheinen die Aktivität des Lagers zu fördern. Zugleich war er jedoch auch davon überzeugt, dass der bevorstehende Selbstverteidigungskrieg nur im Zeichen der nationalen Einheit, mit Unterstützung sämtlicher Klassen und Schichten zu führen ist, und falls er, unterstützt von der Linken, zu weit auf dem Wege der Revolution vorausseilt, dann von den Massen losgerissen, die Unterstützung einiger Schichten verlieren, und somit die ganze Sache gefährden wird. Dieses Verhalten blieb für seine Tätigkeit während des ganzen Freiheitskampfes kennzeichnend, und so sehr es aus dem Gesichtspunkt richtig war, dass der Freiheitskampf dadurch ganz bis zu seinem Ende der Selbstverteidigungskampf der *ganzen Nation* blieb, barg es auch Möglichkeiten zu Fehlern in sich; so in erster Linie, dass Kossuth, obwohl er in konkreten Fällen der Schwäche und des Verrats entschieden und energisch auftrat, doch auch solchen Schichten, Gruppen gegenüber die Politik der Gewinnung trieb, welche — wie feindlich gesinnte Gutsbesitzer und Hocha-

⁵⁰ O. Lt. Csányi-Akten, fasc. 1271.

deligen, Mitglieder der ehemaligen Hofbürokratie, zum Verrat neigende frühere kaiserliche Offiziere, usw. — zu gewinnen und in den Dienst der Revolution zu stellen, schon prinzipiell unmöglich war. Zu dieser Zeit, Mitte Oktober, ist also Kossuth sowohl in den Zielsetzungen, als auch in der Wahl der Mittel noch unsicher. Eine Folge dieser Unsicherheit, dieses Ringens war auch der Beschluss vom 14. Oktober, der, so dünkte es damals, den Angriffsschwung der ungarischen Armee endgültig abstellte und darauf verzichtete, Jellačić auf österreichischem Boden zu verfolgen und seine Armee zu vernichten, obwohl man auf das Wiener Volk mit Recht hätte rechnen können, besonders, seitdem am 14. Oktober General Bem, der legendäre polnische Revolutionär, die Leitung der Verteidigung der Stadt übernahm. Dies erhellte aus Pulszkys Brief aus Wien vom 15. Oktober, und derselbe Brief verriet auch, dass die Botschafter der ungarischen Armee in Wien nur die schüchternen offiziellen Kreise sprachen und nicht einmal versucht haben, die wahre Stimmung des Volkes kennenzulernen.

»Die Dinge in Wien stehen so — schrieb Pulszky — dass der Reichstag den Boden der Gesetzmässigkeit keinesfalls verlassen will, und ebendeshalb, als Vertreter des ganzen Reichs, und nicht Wiens, verhält er sich bezüglich der Verteidigung Wiens in einer vollkommen neutralen Stellung, und überlässt Wiens Verteidigung dem Gemeinderat. Der Gemeinderat ist schüchtern, wagt deshalb die ungarische Armee nicht hereinzurufen, diese liegt indessen, trotzdem, dass der ungarische Landtag Jellačić' Verfolgung befahl, noch immer bei Bruck. Die hier gewesenen Botschafter konnten sich nur über Wiens Untätigkeit beklagen, weil sie nicht sahen, dass dasselbe Volk, welches am 6. Oktober siegte, auch jetzt kaum vom Ausfall zurückzuhalten ist, und da sie nur den Reichstag und die Bezirkschefs sprachen, ermutigten sie nicht unsere Armee, rieten ihr sogar den Einzug ab.

General Boehm ist hier, und wünscht zu uns zu kommen; wir hätten auch einen so energischen Mann nötig; vorübergehend führt hier jetzt er die Angelegenheiten der Verteidigung.⁵¹

Auersperg und Jellačić haben die feste Anweisung, die Stadt nicht anzugreifen und jeden Zusammenstoss zu vermeiden. Es scheint, sie wollen die Armee konzentrieren und Wien aushungern, welche nur für 8 Tage mit Proviant versehen ist, und der Verkehr wird allmählich abgesperrt werden. Auch das Pulver ist spärlich, besonders das für Kanonen. Meine Ansicht ist also, man müsste mit einem Dampfschiff, auf welchem vorn und hinten einige leichte Kanonen untergebracht sind, sofort Getreide und Pulver hierhersenden.«

Bei Olmütz stehen 25 000 Mann, die zuerst gegen Wien, dann gegen Ungarn benutzt werden können. In Dukla, in Richtung des Komitats Sáros, wurde ebenfalls eine Armee konzentriert. Davon berichtet Pál Szirmay, der aus Galizien kam.

⁵¹ General Josef Bem, der legendäre Führer des polnischen Aufstandes vom Jahre 1831.

»Nach all' dem gibt es also noch Gefahren genug. Es ist die Frage, wie ihnen vorzubeugen ist; die eine Lösung wäre, Frankreichs und Englands Vermittlung zu erbitten, die wahrscheinlich sofort angenommen werden würde, aber hierin ist meiner Ansicht nach, keine Zeit zu versäumen, und deshalb müsste man die Grundlagen der Vermittlung klar ausprägen, denn hier ist die grösste Präzision nötig, und da die Ausarbeitung in Pest vielleicht zu lange dauern würde, da Ihr auch anderes zu tun habt, könnte das mir anvertraut werden, die durch die Präsidenten des Reichstags und durch den Präsidenten des Landesverteidigungsausschusses unterfertigten Alben könnten mir zugesandt werden, damit ich die ganze Note in französischer Sprache daraufschreibe, oder aber könnte ich das ungarische Konzept bekommen, die Übersetzung würde ich dann machen; die andere Lösung wäre: da der hiesige Reichstag zu Seiner Majestät Botschafter sandte, um den Frieden wiederherzustellen, und hierzu einen Kongress vorschlug, an dem Italien, Ungarn, die Kroaten und die übrigen Länder durch je zwei Gesandte vertreten sein würden, und durch diese 8 Personen alle Beziehungen und Fragen geregelt werden würden, — auch von unserem Reichstag Botschafter nach Olmütz zu senden wären, da Seine Majestät bereits dort ist, und es wäre hier entweder diese, oder irgendeine andere Möglichkeit zum Ausgleich vorzuschlagen.⁵²

Dies ist die Ansicht der führenden Mitglieder des hiesigen Reichstags, in denen ich, leider, kaum ein grösseres staatsmännisches Taktgefühl und kaum etwas Energie erblicken kann. Sie wurden durch die Ereignisse überrascht, und können sich nicht über deren Niveau erheben. Der beigeschlossene Bericht des Abgeordneten István Gorove trägt alles dasjenige getreu vor, was ich mit ihnen über den Einzug der ungarischen Armee sprach.

Das Volk ist hier kaum zurückzuhalten, dass es die Armee nicht angreife; heute Nacht nahm es bei Schönbrunn zwei Kanonen, und im Gemeinderat protestierte Dr. Stifft jur. (ein Abgeordneter der Radikalen Partei) offen gegen jeglichen Ausfall aus der Stadt, wodurch, wie er sagte, das Volk auf die Schlachtbank geführt werden würde. Boehm überblickt diese Dinge, und möchte deshalb lieber zu uns kommen, besonders will er die Sache der polnischen Legion regeln. Boehm wurde von Szirmay mitgebracht.«

Der erwähnte Brief von Gorove an Kossuth zeigt, welche hervorragende Gelegenheit die ungarische Armee mit ihrem Einhalten am 13. Oktober verpasste, berichtet aber auch vom schwankenden Verhalten der Wiener bürgerlichen Führer, die am Schein der Gesetzmässigkeit festzuhalten strebten:

»Da unsere, bei Parndorf stehende Armee bis zum Mittag des 13. I. M. noch nicht auf österreichischen Boden einzog, obwohl der am 12. nachmittags um 4 Uhr abgehaltene Kriegsrat beschloss, am anderen Tag durch die Leitha

⁵² Der Wiener Reichstag sandte die Abschrift der Adresse, in welcher er dem Kaiser Obiges vorschlug, am 18. Oktober auch dem ungarischen Reichstag zu. (O. Lt. OHB 1848: Nr. 1837.)

zu setzen, und am 14. abends die Ankunft an der Fischa nach Wien durch Raketensignale zu melden, und die Wiener infolge dessen unsere Ankunft mit der grössten Spannung erwarteten, sowie alle Vorbereitungen mit der grössten Energie trafen, unsere Armee jedoch trotz all' dem vielleicht nicht einmal jetzt auf österreichischem Boden steht, die Wiener also in ihren Erwartungen getäuscht wurden, gingen Pulszky und ich heute um 10 Uhr morgens in das permanente Komitee des Reichstags, um den jetzigen Stand der Dinge sowohl von Seiten der Wiener, als auch von unserer Seite festzustellen.

Pulszky würde als Begründung der Verspätung unserer Armee vortragen, dass sie weder vom österreichischen Reichstag eingeladen, noch überhaupt klar und eindeutig zur Aktivität bevollmächtigt wurde, dass zweitens, da sich Auersperg mit Jellačić vereinigte, unsere Waffen eine Armee anzugreifen hätten, deren eine Teil — u. z. Auersperg — kein Feind Ungarns ist, deshalb befragt er das Komitee, ob dieses wünscht, dass unsere Armee den österreichischen Boden betrete. Jenes aber, da es den Reichstag vor der völligen Auflösung bewahren und frei von den Eventualitäten der Schlachten behalten, den Boden der Gesetzmässigkeit nicht verlassen, und im Interesse sämtlicher Kronländer wirken will, gab natürlich wiederum keine bestimmte Antwort, und deshalb sind wir genötigt, die im Komitee vorgetragenen einzelnen Meinungen zu notieren, um doch einige Anhaltspunkte zu erhalten.

Die eine Ansicht ist, wir sollen ganz in unserem eigenen Interesse handeln, und zwar aus dem Gesichtspunkte, ob wir diese vereinigte Armee, die sich noch mit den böhmischen Kräften erheblich vermehren könnte, für gefährlich oder gefahrlos für uns halten.

Die andere ist, dass wir beim Betreten österreichischen Gebiets ganz auf dem Boden des Rechtes stehen, da es allen Nationen frei steht, den Feind, wenn er in benachbartes Land zog und dort nicht entwaffnet wurde, zu verfolgen und zu vernichten.

Die dritte ist, dass sie unser Erscheinen als ein *fait accompli* hinnehmen würden.

Sie seien überzeugt davon, dass es der Wiener Gemeinderat, und noch mehr das Volk, mit grösster Anerkennung hinnehmen würde, wenn wir durch unsere Armee beide Ufer der Donau, und somit die Verbindung sichern, und so Lebensmittel und Munition nach Wien befördern werden, denn sie ermangeln beides.

Wiederum andere meinen, dass das Wiener Volk — und das ist ausschlaggebend — als es in unserem Interesse aufstand, weder seine eigene Kraft, noch die künftigen Ereignisse, die zum Teil schon eintrafen, zum Teil noch eintreffen können, abwog, sondern handelte, und sein Blut für uns ergoss, und dass in diesem Verhalten schon die Richtung bestimmt sei, welche auch wir einschlagen müssen.«⁵³

⁵³ Beide Briefe s. O. Lt. Kossuth Polizei-Akten Nr. 224.

Das war der Stand der Dinge, als die Antwort des Wiener Reichstags auf den ersten Beschluss des ungarischen Reichstags, der den Grenzübertritt ankündigte, eintraf. Diese Antwort war jedoch keine entschiedene Stellungnahme, enthielt aber jedenfalls soviel, dass der Wiener Reichstag den Beschluss des ungarischen Reichstags mit Freude entgegennahm, und dies genügte Kossuth, dass er daran festhaltend, die in Stockung geratenen Kriegsoperationen gegen Jellačić wiederum in Gang zu setzen versuchte. Es kam noch hinzu, dass Kossuth auch davon Kenntnis nahm, dass Bem mit dem Stab der ungarischen Armee Fühlung nahm und diesem die zur Zusammenarbeit nötigen Angaben mitteilte.⁵⁴ Auf Grund dieser Umstände sandte Kossuth am 16. Oktober eine neue Instruktion in das Lager :

»Nachdem in der auf den Aufruf des ungarischen Reichstags durch den vom österreichischen Reichstag entsandten Ausschuss am 12. Oktober gegebenen und an den ungarischen Reichstag adressierten diplomatischen Antwort die Erklärung enthalten ist, dass der Reichstag den Aufruf mit grosser Freude entgegennahm, kann daraus gefolgert werden, dass Österreich, als Ungarns Verbündeter, in dessen Interesse auch das tatkräftige Besiegen des gemeinsamen Feindes mit gemeinsamen Kräften, als seine eigene Aufgabe ansieht, — sind wir im Falle, wenn dieser Ausschuss, der auch mit Wiens Verteidigung beauftragt ist, als konsignierte Behörde, unter der Führung eines von ihm damit zu beauftragenden Heerführers eine Armee von 30 000 Bewaffneten unserer Armee zuschicken würde, bereit, mit unserer eigenen militärischen Kraft auf österreichischem Boden in der Vernichtung des gemeinsamen Feindes mitzuwirken.«⁵⁵

Noch am 16. Oktober ging auch an Heerführer Móga eine neue Weisung ab. Kossuth aber, von neuer Energie erfüllt, beabsichtigte persönlich in das Lager zu gehen, um die Entscheidung zu erzwingen. Über seinen Entschluss schrieb er am 16. Oktober an Csányi und an die Kommissare :

»Beigeschlossen senden wir den Brief an General Móga.⁵⁶ Bitte ihn zu lesen und vor allem in Betracht zu ziehen, dass wir die Verordnungen von hier aus nicht den von Stunde zu Stunde wechselnden Umständen anpassen können.

⁵⁴ Der Text des Reskripts vom Wiener Reichstag ist nicht bekannt. Unter den Akten des Reichstags im Ung. Staatsarchiv ist er nicht enthalten. Der Text wurde auf Anlass des Präsidiums in der Sitzung vom 17. Oktober vorgelesen, in der Tagespresse wurde er jedoch nicht veröffentlicht. (Die Zeitung *Kossuth Hírlapja* (Kossuths Tagblatt) versprach es, ihn am nächsten Tage zu veröffentlichen, tat es jedoch nicht.) Die erwähnten Einzelheiten wissen wir aus den Anmerkungen, die László Madarász dazu nach dem Vorlesen machte. »Das Reskript selbst ist wenig — sagte Madarász — denn es sagt nur soviel, dass die Adresse des ungarischen Reichstags im Abgeordnetenhaus mit Freude begrüsst wurde.« Es war ebenfalls Madarász, der auch Bems Anregungen erwähnte. (Beschreibung der Sitzung s. im Közlöny und Kossuth Hírlapja, Nr. vom 19. Oktober.)

⁵⁵ O. Lt. Csányi-Akten Nr. 1271.

⁵⁶ Der Brief an Móga ist nicht bekannt; auf seinen Inhalt kann man aus dem, an die Landeskommissare geschriebenen Brief folgern.

Ihre Aufgabe ist Jellačić zu schlagen, aber mit der berechneten Wahrscheinlichkeit des Erfolges, damit unsere Armee nicht untergehe.

Unser Beschluss, dass Sie sich auf die Verteidigung unserer eigenen Grenzen beschränken sollen, — darf kein Hindernis für das Vordringen bedeuten, falls es mit Hoffnung auf Erfolg ausführbar ist. Sie erschreckten uns, verehrte Freunde, dass unsere Armee verloren geht, Sie gehen jedoch trotzdem vorwärts, da es der Reichstag befohlen habe. Was hätten wir anderes tun können, als Halt zu schreien! Wir setzten jedoch hinzu, wenn uns Wien ruft, sind wir jederzeit zur Hilfe bereit.

Jetzt werden wir gerufen, — der Reichstag empfing unseren Vorschlag mit Jubel. Der Führer der mobilen Armee Wiens, wird Ihnen seine Dispositionen mitteilen, wir sind also im Verhältnis eines aufgerufenen Verbündeten. Um Gottes Willen, machen Sie es, dass unsere Armee Wien die Hände reichen kann — und Sie werden zu Rettern des Vaterlandes. Das sind grosse, aber wahre Worte, verehrte Freunde.

Ich fahre übermorgen nach dem Lager ab, gehe jedoch nicht mit leeren Händen. Ich sammle unterwegs alle bewaffneten Männer. Geben Sie das der Armee kund, machen Sie es, dass es auch drüben verbreitet werde. Ich weiss, dass es Tausende in meiner Begleitung sein werden, als ich bei Ihnen ankomme. Vergrössern Sie die Zahl, wenn Sie es für richtig erachten; sprechen Sie von 40 000 Mann; denn es könnten ja soviel werden, ich will jedoch Auswahl treffen; ich will gut bewaffnete Männer.

Gott gebe es, und ich hoffe, es wird auch so sein, dass bis dahin, als ich dort ankomme, Sie schon gesiegt, und unsere Armee für jeden Fall schon nationalisiert haben werden.

Die Hauptsache ist, sich mit Wien zu vereinigen. Vorwärts, meine Herren, aber vorsichtig, denn, wenn wir warten, wird uns auch Windischgrätz auf den Hals gebracht werden. Hüten Sie sich jedoch nur davor, dass unsere Armee nicht irgendwie umschlossen werde. Der Rückzug soll gesichert sein.⁵⁷

In diesen Tagen bestrebt sich ausser Kossuth noch der abermals in Wien sich aufhaltende Pulszky, die Frage des Grenzübertrittes aus vollen Kräften über den toten Punkt zu bringen. Er unterhandelt, agitiert in Wien, und sendet wiederholt drängende Mahnungen an Kossuth, an Csányi. Am 16. Oktober schreibt er an Kossuth:

»Wien ist sehr unruhig und unbefriedigt, da unsere Armee noch immer säumt. Das Volk ist kaum zurückzuhalten. Was ich gestern schrieb, dass das Volk zwei Kanonen genommen hätte, erweist sich nicht als wahr. Bei der Linie von St. Marx wird das Plänkeln fortgesetzt; unsere Armee regt sich jedoch nicht. Wenn das noch lange andauern wird, wird das Volk ermatten, und die Truppen von Windischgrätz, die um Olmütz liegen, werden sich mit Auer-

⁵⁷ O. Lt. ungeordnetes Material von 1848/49. Csányi-Akten.

sperg und Jellačić vereinigen, und dann wird sie weder Wien, noch Ungarn mehr aufhalten können, wogegen sie jetzt geteilt zu schlagen wären.

Ich schrieb an Csányi, sie sollten sich doch endlich regen; aber Móga hat, wie es scheint, keine Lust dazu.

Bem leitet die Angelegenheiten hier sehr gut; er lässt die Kanonen montieren, die Nationalgarde mobilisieren; die Stimmung des Volkes ist gut, der Reichstag schüchtern; der eine Teil des Gemeinderats ist schwarzgelb, sie wünschen, dass die Ungarn kommen, einladen wollen sie sie aber nicht. Es scheint, der Hof plant Wien durch den Hunger zu brechen, deshalb wäre es ratsam, entweder Getreide hierher zu schicken, oder durch die ungarische Armee die Sperre brechen zu lassen, die sich um Wien bildet. Windischgrätz' Truppen sind noch in der Gegend von Olmütz, gehen aber heute gegen Lundenburg ab, obwohl es möglich ist, dass auch diese Nachricht durch die Furchtsamkeit des Gemeinderats erdichtet wurde, denn 25 000 Mann sind binnen eines Tages auch per Eisenbahn schwierig zu befördern. Die Kroaten ziehen langsam gegen die Südbahn; wahrscheinlich glauben sie, dass unsere Armee Auersperg nicht angreifen wird, und deshalb stellen sie ihn vor sich selbst hin.

Das Hauptfordernis wäre mehr Energie in unserem Lager.«⁵⁸

An demselben Tage sendet er dreimal je einen Kurier an Csányi mit Briefen:

»Ihren Brief vom 15. Oktober erhielt ich gestern abend — schreibt er morgens — aus dem ich den Grund für den späten Aufbruch der Armee erfuhr. Das Volk ist hier sehr unruhig, und besonders der zum Teil schwarzgelbe Gemeindeausschuss fängt schon an, die Ungarn zu schelten, dass sie Wien, welches ihnen die Kastanien aus dem Feuer holte, im Stiche lassen.

Bem ist schon in der Mobilisierung der Nationalgarde und besonders der Rüstung der Kanonen gut fortgeschritten, ausserdem brach auch der Landsturm auf, und sie warten schon ungeduldig auf das Herannahen der Ungarn, um ihnen sofort entgegenzuziehen.

So kommet denn sofort, je früher; jede Verspätung bedeutet Gefahr, kommet um Gottes Willen!«

Gegen Mittag schreibt er einen zweiten Brief:

»Ich schreibe von neuem. Die mobilisierte Nationalgarde wird Euch nicht weiter entgegenkommen, als bis Simmering, kommet also je früher, denn wenn Ihr nicht kommt und den Feind nicht geteilt schlägt, wird er sich in zwei-drei Tagen kräftigen, denn er wartet auf Windischgrätz. Ebendarum nur los, vorwärts und abermals vorwärts. Sendet vielleicht einen ungarischen Offizier hierher, damit das Volk ihn sehe und sich auch weiterhin begeistere, ferner, damit er sich mit Bem über den Plan berate.«

⁵⁸ O. Lt. Kossuth Polizei-Akten Nr. 266.

Es darf jedoch nicht behauptet werden, dass sich die Ungarn nicht bestrebt hätten, innerhalb der Möglichkeiten der Wiener Revolution Hilfe zu leisten. Auf die Bitte der Wiener sandten sie in die belagerte Stadt wiederholt Kriegsmaterial, und diese Hilfe hörte nur dann auf, als der Ring der gegenrevolutionären Armee sich vollständig um Wien schloss. Über die Ankunft eines solchen Kriegsmaterialtransportes spricht Pulszkys dritter, am selben Tage, abends geschriebener Brief :

»Das Kanonenpulver ist glücklich angekommen, nötig wären aber auch einfache Flintenpatronen, wenn möglich eine oder zwei Millionen Stücke, denn die Zahl der Bewaffneten beträgt hier 120 000 ; das müsste man in Komárom anschaffen lassen. Wir halten mit Bem und Messenhauser jeden Tag um 4 Uhr eine kleine Beratung ; Bem ist mit dem hiesigen Stand der Dinge sehr zufrieden, bittet aber um das Vordringen, hält es auch mit Hinsicht auf das Volk für nötig, dass ein oder zwei ungarische Offiziere in Uniform hier seien. Auf der Bahn ist der Verkehr nach Angern sicher. Bem ist ein besonders wackerer Mann. Auerspergs Leute beginnen zur hiesigen Nationalgarde herüberzukommen, und sagen im allgemeinen, dass sie weder die Ungarn, noch das Volk beschossen werden ; es wird nötig sein, einen Offizier, der die Pläne kennt, sofort hierherzuschicken, damit er sich mit Bem berate, obwohl die Wahrscheinlichkeit gross ist, dass die ganze, Wien umringende Armee nichts dagegen tun wird, dass sich unsere Armee mit den Wienern in Simmering vereinige, denn die Kraft ist mehr gegen Laa konzentriert, an der Donau sind nur Vorposten aufgestellt. Jellačić verliess Schönbrunn und hält sich gegenwärtig in Mauer auf.«⁵⁹

Die Zusammenwirkung mit Wien war aber nicht nur deshalb nicht leicht, weil die Verbindung nicht befriedigend war und die gegenseitigen Berichte zumeist mit grossen Verspätungen ankamen, sondern auch deshalb, weil sich der Wiener Reichstag auch weiterhin zurückhielt, Jellačić gegenüber energisch aufzutreten. Kossuth sandte am 17. Oktober einen Bericht von Móga ganz empört an Pázmándy, aus welchem Bericht ersichtlich war, dass der Wiener Reichstag Jellačić förmlich einen freien Abzug anbot.⁶⁰ Die österreichische Note verlangte nämlich von Jellačić, er soll entweder die Waffen niederlegen, oder aus Österreich fortziehen. »Wenn Jellačić ein preussischer oder französischer General wäre — empört sich Kossuth — hätte das einen logischen Sinn, denn sein Fortziehen würde soviel bedeuten, wie den Krieg zu beenden. Jellačić aber so zu entlassen, bedeutet soviel, wie ihn als Feind nach Ungarn zu überweisen.« Kossuth verlangt also, Österreich soll sich als Verbündeter verhalten, und Jellačić nur im Einvernehmen mit den Ungarn eine Vereinbarung anbieten. Ungarischerseits müsste eine solche Vereinbarung nach Kossuth's Meinung enthalten, dass Jellačić nach dem Ausland zieht, seine Armee das Eid auf die ungarische Verfassung ablegt, er selbst aber alle seine früheren

⁵⁹ O. Lt. Csány-Akten Nr. 1271.

⁶⁰ Die Note des Reichstag vom 14. Oktober an Jellačić s. bei Grüner, a. a. O. S. 104. f.

Verordnungen und Taten feierlich für gesetzwidrig erklärt. Während der eventuellen Verhandlungen müssten jedoch die Kriegsoperationen fortgesetzt werden. Gleichzeitig erteilte Kossuth die Weisung an Pulszky, er sollte beim Wiener Reichstag die nötigen Schritte tun, um Besprechungen zwischen beiden Ländern zwecks Schliessung eines Bündnisses und Ausgleichung der gegenseitigen Interessen zustandezubringen.⁶¹

Der Nachteil des Umstandes, dass die Kriegsoperationen aus der Ferne geleitet wurden, zeigte sich jedoch neuerdings, und auch der Zufall war denjenigen günstig, die im Lager gegen ein aktives Auftreten der ungarischen Armee arbeiteten. Am selben Tage, als Kossuth mit allen seinen Kräften bestrebt war, die an der Grenze stehende unschlüssige Armee in einen Angriff zu überführen, scheiterte ein weiterer Angriffsversuch aus dem Grunde, weil der Führer der die Grenze eben überschreitenden Armee gerade während des Vormarsches den Beschluss des Reichstags vom 14. Oktober erhielt, der infolge des Zauderns des österreichischen Reichstags die Tätigkeit der Armee auf die Verteidigung der Grenze zu beschränken beabsichtigte. Die Armee kehrte natürlich zurück, und Csányi berichtete hierüber blutenden Herzens an Pulszky, teilte ihm aber auch mit, dass sie sich auf einen neuen Angriff vorbereiten, deshalb bat er Pulszky, dass die Wiener nicht bei Simmering Halt machen, sondern weiterkommen sollen. »Wir kommen — schrieb Csányi — wenn Kossuth ankommt, vielleicht auch ohnedies, denn er wird Mannschaft und Begeisterung mit sich bringen . . . Glaube mir, ich würde ohne jede Bedingung vorrücken, denn ich sehe ein, wenn wir von den Wienern unterstützt, sei ihre Hilfe noch so gering, untergehen müssen, so, uns selbst überlassen, noch eher untergehen werden, dann aber werden wir mit Aufopferung unserer Ehre untergehen, was eins bedeutet mit dem ewigen Tode. Wir können aber nichts dafür, wenn andere anders denken und verfügen.«⁶²

Pulszky und das Wiener Volk wankeln unterdessen zwischen Hoffnung und Verzagen; Pulszky sieht mit dem Dahineilen der wertvollen Tage immer klarer, dass die Verzögerung das Scheitern der ganzen Sache verursachen kann. »Heute bekam ich aus dem Lager keinen Bericht — schreibt er am 17. Oktober an den Landesverteidigungsausschuss. — was ich nicht begreifen kann; sie sollten nur nicht so sehr säumen . . . Das Wiener Volk erwartet die Ungarn sehnsuchtvoll, die schon die erste gute Gelegenheit verpasst haben, denn, wenn sie am 10—12-ten vorgedrungen wären, hätten sie Auerspergs Armee in völliger Demoralisation vorgefunden; auch jetzt will der deutsche Soldat nicht auf den ungarischen schießen, wie es diejenigen sagen, die von Auersperg herübergekommen sind.«⁶³ Am selben Tage schreibt Pulszky in seinem Brief an Csányi,

⁶¹ Den Aufsatz des Briefes von Kossuth s. O. Lt. OHB 1848: Nr. 1182.

⁶² Pulszkys Brief s. Hadtört. Lev. (Kriegsarchiv) gemischtes Material von 1848/49, 1848: 10: Nr. 27.

⁶³ O. Lt. OHB 1848: Nr. 1384.

dass die Wiener die Ungarn schon aus dem Turm der St. Stefanskirche zu sehen glauben.⁶⁴ Schliesslich kann Pulszky diese Unsicherheit nicht länger ertragen, und reist von Wien in das Lager; hier sind inzwischen Kossuths neueste Weisungen eingetroffen, und die Armee bereitet sich von neuem zum Angriff vor. Pulszky erklärt in seinem Brief an den Landesverteidigungsausschuss die Vorteile des Angriffs mit klarer Beweisführung: »Unsere Armee ist, Gott sei Dank, wieder im Vordringen — schreibt er — und da ich überzeugt bin, dass wir unsere Unabhängigkeit nur unter Wiens Mauern erkämpfen können, fuhr ich selber ins Lager, um zu erwirken, dass dieses Vordringen zustandekomme. So viel steht fest, dass, wenn Wien sich ausgehungert ergibt und entwaffnet wird, die ganze österreichische Heeresmacht sich gegen uns wenden wird, und wir ohne Verbündete kaum Widerstand leisten werden können, wogegen wir unter Wiens Mauern mit einem starken Verbündeten rechnen können, der den Feind mit einer Kraft von mindestens 10—20 000 Mann Infanterie und von 24 Kanonen im Rücken angreifen wird. So besteht also, obwohl der Ausgang immer zweifelhaft ist, doch mehr Hoffnung auf den Sieg, als wenn wir allein der vereinigten Armee der ganzen Monarchie Widerstand zu leisten hätten. Ferner haben wir die Hilfe versprochen, unser Wort muss heilig sein, dies dürfen wir nicht brechen.«⁶⁵ Als Pulszkys Brief in Pest eintraf, war der entscheidende Beschluss schon gefasst, und Kossuth schon abgereist, um zu versuchen, durch sein persönliches Erscheinen dasjenige gutzumachen, was durch seine eigene Unschlüssigkeit, in erster Linie jedoch durch die Feigheit und den Opportunismus Anderer verdorben wurde.

Kossuth verliess Pest am 18. Oktober auf einem Schiff, um die unterwegs vorzufindenden Kräfte: Militär, Nationalgarden und Landsturm zu sammeln, durch die somit vermehrte Kraft der Armee und durch seine eigene, begeisterte Wirkung endlich den Angriff und den Sieg zu erzwingen. Seine erste Station ist Esztergom, die zweite Komárom; die Begeisterung des Volkes, die Tausende der unter die Fahnen eilenden Freiwilligen, erfüllen ihn mit den schönsten Hoffnungen. Sein aus Komárom an Pázmándy geschriebener Brief enthält über die unbeholfene Heeresführung eine scharfe Kritik:

»Die Dinge gehen in Eurem Lager etwas sonderbar vor sich. Dadurch, dass unser Lager dort bei Parndorf steht, werden wir weder Jellačić schlagen, noch die ständige Vermehrung seiner Armee verhindern, noch Wien begeistern, noch dem Feinde, wenn es ihm geruhen würde, sich nach Wienerneustadt zu wenden, seinen Weg absperren, mit einem Wort, wir werden damit so, das heisst nicht einmal so stehen, wie mit dem Lager bei Verbász — jenes dient wenigstens als Schutzlinie, damit der Aufstand der Serben nicht weiter um sich greife; dies wird aber nicht einmal als Schutzlinie dienen, sondern wird im Spätherbst, im Bivouakieren durch Krankheiten vernichtet werden.

⁶⁴ O. Lt. Csányi-Akten Nr. 1271.

⁶⁵ O. Lt. OHB 1848: Nr. 1384.

Ich weiss also soviel, dass etwas anderes zu tun ist, als was Ihr jetzt tut. Was? das könnt Ihr, Heeresführer, am Tatort beurteilen.

Auch ich gehe Euch zur Hilfe, muss aber Kräfte sammeln, denn mit blossen Händen kann ich nicht gehen; ich nehme etwa 4—5 000 gute Bewaffnete und eine Masse Volk mit Sensen mit, dazu sind aber einige Tage nötig. Die Armee von Komárom kann erst Sonntag abends in Győr eintreffen, also so werde ich Dich wahrscheinlich erst am Dienstag sehen, falls Du es nicht für richtig hältst, Sonnabend Vormittag einen Ausflug zu mir nach Győr zu machen.⁶⁶

Inzwischen schöpft auch das Wiener Volk neuen Mut aus den Berichten, die von der Grenze, aus dem ungarischen Lager zu ihm gelangen. Am 18. Oktober erscheint Kossuths persönlicher Botschafter, der radikale Zeitungsredakteur Lajos Csernátóny in der Hauptstadt, und kündigt auf Plakaten an, dass Kossuth die Leitung der Kriegsoperationen der ungarischen Armee persönlich übernimmt. Am folgenden Tage bringt der Botschafter der Wiener, Leszczynski, die Proklamation der Führer der ungarischen Armee an das Wiener Volk, in dem jene anzeigen, dass sie der bedrängten Hauptstadt zur Hilfe eilen.⁶⁷

Kossuth nimmt unterwegs die Fühlung mit Móga auf, und benachrichtigt ihn von seiner Ankunft und seinen Plänen. Mógas Antwort vom 21. Oktober ist lauter Vorsicht, und gibt über die Kraft des Feindes ein übertriebenes Bild:

»Wir haben zwar in Erfahrung gebracht, dass die Armee, die uns entgegen steht, mit Auersperg und Windischgrätz, 75 000 Mann beträgt, so auch, dass die Kommunikation nach Wien unterbrochen, deshalb wir nicht gewiss sind, ob die Wiener von uns die Verständigung erhalten haben, oder nicht. Dem ungeachtet haben wir beschlossen, mit aller Vorsicht vorzugehen, und dadurch den Wienern zu beweisen, dass wir bereit sind, ihnen hilfreich die Hand zu bieten. Von dem Erfolge des heutigen Tages werde ich nicht ermangeln, dem Herrn Präsidenten die weiteren Berichte zu erstatten.«⁶⁸

Pulzskys Bericht vom 21. Oktober an den Landesverteidigungsausschuss bietet ein mehr zuversichtliches Bild über die Kräfte des Feindes und über die Aussichten des Angriffes:

»Die Kräfte des Feindes sind folgende: Am linken Ufer der Donau, von Wien bis Lundenburg höchstens 5—6000 Mann, unter ihnen viele Rekruten, die jetzt im September gestellt wurden; die Reiter sind Ulanen, diese sind kampfeslustig, und es sind noch Mergen-Kürassiere. Oberhalb Lundenburg gibt es mehr Militär, dieses trifft jedoch vor 3—4 Tagen nicht unter Wien ein. Rings um Wien, am rechten Ufer der Donau liegen Jellačić mit 18 000

⁶⁶ O. Lt. ungeordnetes Material von 1848/49, Csányi-Akten.

⁶⁷ Beide Proklamationen s. bei Grüner, a. a. O. S. 154 f. u. 168 f.

⁶⁸ Mógas deutschsprachigen Brief s. O. Lt. Kossuth Polizei-Akten Nr. 273.

und Auersperg mit 15.000 Mann, diese sind jedoch verstimmt, die deutschen Soldaten werden weder auf das Volk, noch auf die Ungarn schiessen. — Wessenberg antwortete an Löhner nach Olmütz, dass die Wiener nichts vor Jellačić zu fürchten haben, denn dieser erhielt den Befehl, mit der Verstärkung, die er unter Wien an sich ziehen kann, am rechten Ufer der Donau wieder in unser Vaterland gegen Pest vorzudringen. Demnach ist es also tatsächlich besser, sich bei Wien zu schlagen, wo auch die Wiener helfen werden, als zuzulassen, dass sie sich ergeben, und nachdem sämtliche Kräfte Wien entwaffnet hätten, uns überfallen. Wenn wir nach Wien hineinkommen können, gewinnen wir schon dadurch viel, dass wir mindestens 10 000 Waffen mitnehmen können, vielleicht noch mehr. Das Schicksal unseres Vaterlandes wird unter Wien entschieden werden, und die Schlacht lässt dort jedenfalls mehr Hoffnung zum Sieg zu, als in der Gegend von Nyitra oder Trencsén, wohin wir, wenn wir uns hier nicht schlagen, genötigt sein werden, uns zurückzuziehen. Wenn unser Plan gelingen sollte, wird unsere Armee sofort an das Ufer übersetzen, und das Oberland sichern.«⁶⁹

Die Unschlüssigkeit, die Hast, und das ständige Verpassen der günstigen Augenblicke, führten inzwischen am 22. Oktober zu einem neuen Angriffsversuch und zu einem neuen traurigen Rückzug. Kossuth plante, seitdem er den Entschluss fasste, persönlich ins Lager zu gehen, dass die neue, entscheidende Unternehmung nur in seiner Anwesenheit geschehen wird. Dies erhellte auch aus den Briefen und Weisungen klar, die er inzwischen von seiner Reise ins Lager schickte. Trotzdem beschloss die Heeresführung — besonders auf Zureden des inzwischen aus Wien angekommenen Pulszky — am 22. Oktober vorzudringen. Kossuth erfuhr von dieser Absicht aus Mógas Brief schon einen Tag vorher, und sandte sofort einen Kurier mit der Anweisung ins Lager, sie sollten, wenn sie sich bisher nicht geschlagen hatten, ihn abwarten, denn durch die Hilfstruppen bekräftigt, könnten sie den Kampf mit besseren Aussichten aufnehmen. Vom Verlauf dieses neueren Versuches sandte Csányi noch an demselben Tage einen Bericht an Kossuth: aus seinem Briefe klingt schon der Ton des Pessimismus heraus, auch er sieht immer mehr ein, dass die günstigsten Möglichkeiten schon verspielt wurden, und dass die Chancen auf Erfolg von Tag zu Tag abnehmen. »Hoffnungsvollen Busens fuhr ich über die Leitha — schrieb er — und alle Hoffnungen auf unsere Zukunft verloren, als ich heute wiederkehrte. Die Ursachen unseres Rückzuges sind die folgenden. Unsere Führer gingen schon ohne Zutrauen auf den Sieg, da sie unsere Kräfte, den Kräften des Feindes gegenüber für gering hielten. Unsere Armee ging aber, patriotisch begeistert, gerne«. Das Vordringen schildernd, berichtete Csányi, dass die zu Jellačić als Botschafter ausgesandten Offiziere mit der Antwort des Jellačić wiederkehrten, dass sein Heer unter den Oberbefehl des Windisch-

⁶⁹ O. Lt. OHB 1848: Nr. 1499.

grätz gestellt wurde, und somit aufhörte, kroatisch-slawnische Armee zu sein. »Hier traf uns — setzte Csányi fort — Ihr Botschafter, Tallián mit der Botschaft vor, dass wir die Schlacht nur versuchen dürfen, wenn wir die Armee nicht riskieren, sonst würde die Verantwortlichkeit uns belasten, wenn wir das Vaterland durch Vernichtung der Armee in Gefahr bringen. Móga erklärte sofort, dass die Armee gewiss zum Opfer fallen wird, denn der Feind besitzt überwiegende Kräfte.« Die bei Jellačić gewesenen Offiziere schätzten die feindliche Armee auf 75—80 000 Mann Infanterie und 36 Schwadronen Kavallerie, nach Csányi sei sie nur etwa dessen Hälfte gewesen, »aber auch dies ist so viel, dass gegen diese, ohne die Beihilfe der Wiener, keiner von uns die Verantwortung auf sich zu nehmen gewagt hat . . . Schliesslich beschlossen wir, da Sie allein das ungeteilte Vertrauen der Nation geniessen, Sie abzuwarten, damit Sie die Umstände überprüfen und bestimmen, wann und ob überhaupt wir den Feind in Österreich aufsuchen müssen.« Deshalb bat er Kossuth, er besuche sie sofort in Parndorf, um die Entscheidung gemeinschaftlich fällen zu können.⁷⁰

Kossuth hielt es aber für wichtiger, an der Spitze einer starken Armee ins Lager einzuziehen, und deshalb beeilte er sich nicht. »Sie drängen mich, ich soll meine Truppen hinterlassen und ins Lager vorausziehen — schrieb er am 23. aus Moson an den Landesverteidigungsausschuss nach Pest, — aber ich tue dies wahrhaftig nicht. Wenn ich auch nur um zu begeistern gekommen wäre (obwohl ich auch zu etwas anderem gekommen bin), haben die begeisternden Worte etwas mehr Gewicht, wenn ich auf die Hilfe hinweisen kann, die ich mitgebracht habe«. Im weiteren schilderte er den letzten Angriffsversuch und die Weisung, durch welche er die aufgebrochenen Truppen zurückbestellte : »Sie schlugen sich nicht, als es nötig gewesen wäre, Sie sagten, Sie seien schwach. Seitdem nahmen die Kräfte des Feindes zu. Ich kündete Ihnen an, dass ich bis Dienstag eine Hilfe von 10 000 Mann und 22 Kanonen mitbringe, und Sie, die bisher so viel Zeit verloren, konnten jetzt keine zwei Tage warten, solange ich ankomme. Das kann ich mir nur dadurch erklären, dass Sie der Hilfe aus Wien sicher sind ; wenn Sie aber weder in dieser Hinsicht gesichert sind, noch meine Kräfte abwarteten, hüten Sie sich davor, unsere Armee zu verlieren, denn ich werde Sie dafür verantwortlich machen.« Er machte im Brief auch darauf eine Anspielung, dass die Truppen des Jellačić in die Armee von Windischgrätz eingereicht wurden. »Nun trat also — schrieb er — an die Stelle des aufständischen Jellačić der Kaiser, denn Windischgrätz ist nur sein General. Schön stehen wir. Doch dürfen wir nicht am Sieg unserer gerechten Sache zweifeln. Sie sollen nur die Truppen aufstellen, und haben Sie die Güte, mir mitzuteilen, was dort wichtigeres geschieht.«⁷¹

⁷⁰ O. Lt. OHB 1848 : Nr. 1630.

⁷¹ Ebenda.

Am siebenten Tage nach Kossuths Abreise, am 24. Oktober, erreichte die Armee schliesslich das Lager; der Weg ähnelte nach zeitgenössischen Berichten einem Siegeszug, und Kossuths persönliche Begegnung mit dem Volk der oberen Donaugegend stellte weitere Massen endgültig auf die Seite des Freiheitskrieges. Seine Ankunft im Lager geschah in einem wichtigen Augenblick: eben dann erhielt nämlich Móga einen Brief von Windischgrätz, in dem der Feldherr des Kaisers ihm befahl, sich samt den unter seinem Kommando stehenden Linientruppen sofort der kaiserlichen Armee anzuschliessen. Móga teilte den Inhalt des Briefes dem Offizierskorps mit und erklärte, dass er nicht die Absicht hat, dem Befehl zu folgen. Am nächsten Tag sprach der ganze Offizierskorps bei Kossuth vor, »zu denen er, als der Präsident der vom Abgeordnetenhaus beauftragten Regierung sprach — schrieb ein zeitgenössischer Bericht — und so sprach, wie ich ihn noch nie habe sprechen hören. Er schilderte den Landesverrat des Jellačić, und bewies, dass Windischgrätz nichts anderes tut, als dass er dasselbe fortsetzt, was Jellačić begonnen hat. Er sprach seinen Dank dem Offizierskorps für sein bisheriges Ausharren in Namen des Vaterlandes aus; er tadelte, dass Jellačić auf seiner Flucht nicht vernichtet wurde, als seine Vernichtung die geringste Kraftanstrengung erfordert hätte, erkannte indessen auch die moralischen Gründe an, durch die die Armee an der Leitha aufgehalten wurde; er stempelte es aber für ein empörendes Versäumnis, dass Jellačić als Rebell in Österreich nicht entwaffnet wurde, dass vielmehr sich Windischgrätz an die Spitze seiner Armee gestellt hatte.« Am Schluss seiner Rede las Kossuth eine Erklärung vor, die er an Windischgrätz zu senden beabsichtigte; in dieser enthüllte er mit der bestürzenden Kraft der Wahrheit »das Exempel des Eidbruches, des Verrats und der Böswilligkeit, jenes Gewebe der Ränke, durch die die arglistige Hofkamarilla die staatliche Existenz des ungarischen Reichs zu vernichten trachtet.« Er wies auf die Gutgläubigkeit der ungarischen Nation, auf ihre Achtung dem Recht, den Gesetzen und der Person des Herrschers gegenüber hin, schliesslich forderte er »zur äussersten Selbstverteidigung gewaltsam gezwungen,« »im Namen der ewigen Gerechtigkeit Gottes, des Volksrechtes und der Menschheit« Windischgrätz auf, er soll Jellačić entwaffnen lassen, Wiens Belagerung einstellen, und mit seinen angreifenden Absichten gegen Ungarn aufhören.⁷² Kossuths Rede hat laut Bericht »alle Augen mit Tränen erfüllt... Die Begeisterung der Offiziere ging so weit, dass sie, als Kossuth sich auf sein Zimmer begab, ihn durch ihre lebhaften Hochrufe wiederum ans Fenster riefen, und er suchte unter unausgesetzten Hochrufen seinen Lagerplatz auf.«

Der begeisterte Empfang und der Erfolg seiner Rede konnten aber die Schwere des Problems vor Kossuth nicht verdunkeln, zu dessen Lösung er

⁷² Der Zeitungsbericht über Kossuths Ankunft steht in der Nummer vom 29. Oktober in Kossuth Hirlapja; den deutschen Text des Manifestes an Windischgrätz s. Janotyckh von Adlerstein, a. a. O. S. 167 f.

ins Lager kam. Noch an demselben Tage sandte er einen ausführlichen Bericht an den Landesverteidigungsausschuss nach Pest :

»Der Ausschuss hat mir eine sehr schwere Aufgabe auferlegt, als es von meinem Wort abhängig gemacht wurde, zu entscheiden, ob unsere Armee nach Österreich eindringen soll oder nicht. Denn vom Aussprechen dieses Wortes wird der Sieg oder die höchste Gefahr für unser Vaterland abhängen.

Oberstleutnant Békeffy⁷³ verstimmt durch seinen Bericht (was er aus seinen trotz seinen verbundenen Augen gemachten Erfahrungen schöpfte), dass der Feind 80 Bataillons und 9 000 Reiter habe, zwar nicht die Armee, sondern die Offiziere, während andere die Kraft des Feindes auf Grund von Spionemeldungen auf die Hälfte des erwähnten ansetzen, und diese Kombination scheint auch durch die Zusammenzählung des in den benachbarten Ländern verlegten Militärs gerechtfertigt zu sein.

Gestern sandte ich Kollman auf Grund einer nach Wien geschickten Benachrichtigung nach Kismarton, um sich dort mit General Bem, zwecks kombinierter Operationen zu begegnen. Er ist nicht erschienen. Wien ist gänzlich zerniert. Heute sandte ich neue, zuverlässige Spione aus. Ihr auf heute abend erwarteter Bericht birgt die Entscheidung in sich.

Soviel steht fest, dass das Kampieren, da es schon Ende Oktober, weiter unmöglich ist. Wir müssen also entweder sofort vordringen, oder uns in Winterquartiere zurückziehen ; dieses letztere bedeutet aber soviel, wie unsere Armee auf die Hälfte zu entwerten, denn ein grosser Teil der Soldaten sind auf kurze Zeit dienende Freiwillige, oder aufgestandene Nationalgardisten, und sogar das Székler Regiment hat ausbedungen, dass es im Winter zu Hause quartieren wird ; und so bedeutet das Aussagen des Wortes »Winterquartier« soviel, wie jene Kräfte zu vernichten, die wir mit grossen Schwierigkeiten zusammenbrachten. Ich selber brachte 14 000 Bewaffnete mit, von diesen werden aber für das Winterquartier höchstens dritthalbtausend zurückbleiben, und so bedeutet das Winterquartier soviel, wie auszusagen, dass wir nicht einmal die jetzige Linie halten, sondern uns auf die Besetzung von Pozsony, Győr, Komárom und Sopron mit einigen vorgeschobenen Posten bis Moson beschränken würden. Diese vier Punkte würden unsere ganze übriggebliebene Armee in Anspruch nehmen, und so haben wir den Feind weder hier geschlagen, noch werden wir von unseren unter grossen Qualen zustandegebrachten Kräften nur einen Mann zum Besiegen eines anderen Feindes benutzen. Das ist also ein unsagbar wichtiger Umstand, so, dass ich nur durch die sichere Aussicht einer Niederlage zur Wahl dieser Alternative bewegt werden könnte.

Der anmassende Brief von Windischgrätz verursachte bei einem Teil der Offiziere grosse Verlegenheit. Als ich Móga in Miklósfalva begegnete, sagte

⁷³ Einer der zu Jellačić ausgesandten Parlamentäre.

ich ihm, dass wir mit den Offizieren um jeden Preis im klaren sein müssen; ich ziehe es vor, wenn die Hälfte fortgeht, als dass alle unschlüssig und wankelmütig bleiben; deshalb verlange ich von einem jeden Offizier eine Erklärung. Heute früh wurde der überwiegende Teil der Erklärungen eingebracht. Die Württemberg-Husaren, sowie diejenigen, deren Major Zichy ist, ferner das Infanterieregiment Prinz Preussen, und noch einige andere machten eindeutige, andere wiederum zweifelhafte, unbestimmte Erklärungen, andere wiederum reichten Quittierungsgesuche ein. Heute morgen liess ich das ganze Offizierskorps einberufen, ich sprach vor ihnen meinen Rechten und Pflichten gemäss; ich las ihnen die beigeschlossene Erklärung vor, die ich an Windischgrätz verfertigte, und sofort zogen mehrere ihr Quittierungsgesuch zurück, die Unschlüssigen machten eindeutige Erklärungen, und mit wenigen Ausnahmen werden sie alle ohne Zaudern dienen.

General Móga bittet wegen seiner Krankheit — denn er ist wirklich krank — seine Pensionierung. Jetzt würde es sehr schlechte Auswirkungen haben, wenn wir im Augenblick der Entscheidung keinen alten General hätten, deshalb bat ich ihn, noch einige Tage zu bleiben: er versprach es.

General Holtsche, den ich übringes zu verlieren bedauere, weil er ein sehr wackerer und in der Armee beliebter Heerführer ist, bittet um seinen Pass, indem er frei aussagt, dass er zu Windischgrätz gehen will. Dies lasse ich nicht zu, gebe ihm zur Kenntnis, dass ich dies als Desertion ansehen würde, und werde von ihm eine Erklärung verlangen, dass er weder gegen unser Vaterland Kriegsdienst leisten, noch die Geheimnisse unserer Armee verraten wird.

Aus obigem kann der verehrte Ausschuss ersehen, dass wir einige Generäle nötig haben.

Die Armee selbst ist ruhmvoll, tapfer und begeistert, wie vielleicht noch keine Armee auf der Welt war. Ich liess die Bataillone aufstellen, und besuchte sie einzeln in der glänzenden Begleitung des Stabes; ich liess die Bänder auf den Fahnen befestigen, die Rosetten, Bänder lasse ich verteilen, oder fand sie schon zum Teil verteilt. Unsere Armee ist nationalisiert.

Das beigeschlossene Manifest sandte ich heute um 12 Uhr durch Oberst Ivánka zu Windischgrätz, und in Begleitung je einer kurzen Note auch der englischen und der französischen Gesandtschaft; bis morgen abend werde ich auf die Antwort warten, jedenfalls werde ich den Plan zum Vordringen bis dahin vorbereiten lassen, denn was wir auch tun werden, können wir nicht weiter im Lager liegen; die rauhen Nächte zerstören die Armee.«⁷⁴

Die Delegation ging mit dem Manifest zu Windischgrätz ab, konnte jedoch nichts erreichen. Der kaiserliche Feldherr wollte mit den »Rebellen«

⁷⁴ O. Lt. OHB 1848: Nr. 1796.

nicht verhandeln, und Jellačić liess, zur Schande des internationalen Kriegsrechts, den Führer der durch sein Lager heimkehrenden Delegation, Oberst Imre Ivánka, gefangennehmen. Kossuth benutzte diese Schandtath zur Stärkung der Empörung und der Kampflust des Offizierskorps, konnte jedoch sein eigenes Ringen nicht aufgeben. Die an Ort und Stelle gesammelten Erfahrungen liessen in ihm die Überzeugung noch reifer werden, dass die günstigste Gelegenheit zum Angriff schon verpasst wurde. Seine Zweifel werden in seinem Brief treu widerspiegelt, den er am 26. Oktober an den Landesverteidigungsausschuss richtete :

»Aus der Richtung von Wien ist seit zwei Tagen starkes Kanonendonnern zu hören, obwohl ich meine, dass nicht so sehr Wien bestürmt wird, als eher die Wiener aus den Vorstädten schiessen, und ich leide inzwischen am quälendsten körperlichen und seelischen Fieber, denn ich muss über Vordringen oder Verteidigung entscheiden, wobei der Sieg die Rettung des Vaterlandes, die Unterlage jedoch den Untergang der Nation bedeuten kann.

So viel ist wahr, dass diejenigen, die es verursachten, dass unsere Armee den flüchtenden Jellačić nicht sofort verfolgte, der Nation eine unsagbare Verantwortung schuldig sind. — Diesen Augenblick gibt Gott nicht mehr wieder. Jetzt steht uns eine geordnete Armee von 65 000 Mann gegenüber, darunter 8000 Reiter, wogegen wir kaum an die 30 000 Mann haben, darunter etwa 7000 Linien Soldaten und Honvéds; nicht mehr als 1750, jedoch unschreckbare Husaren. Der übrige Teil unserer Armee ist undiszipliniert, ein Gewehr zu laden vermag nicht einmal die Hälfte, schiessen desto weniger; die Hälfte der Offiziere wird mit der Überzeugung der Niederlage ausziehen, die andere Hälfte ist ungeübt, kann keine richtige Bewegung ausführen, die Herbstnächte sind kalt, die Verproviantierung ist im Auslande schwierig, ein Regen von 24 Stunden macht alles zunichte, unser Volk kann nicht hungern, ein grosser Teil der Pester Nationalgardisten ist, da sie sich einen Spaziergang vorgestellt hatten, nicht mehr zu halten, Pioniere haben wir keine, obwohl wir im Falle eines Vordringens zwei Flüsse zu passieren hätten, Feldherren haben wir nicht, und wenn wir neue einsetzen, wird es kein Vertrauen zu ihnen geben, oder werden viele beleidigt sein. Ausserdem können wir nicht mit Wien kombiniert tätig sein. Viele dieser Mängel werden durch die Begeisterung der Armee aufgewogen, doch nicht alle.

Andererseits ist aber die Gefahr, wenn wir nicht gingen, nicht so baldig, doch umso bestimmter.

Ich liess den Plan zum Vordringen für jeden Fall verfertigen, und morgen gehen wir entweder nach Oesterreich, oder ins Winterlager, wobei wir Pozsony zum Hauptquartier auserwählen, und in diesem Falle werde ich 4000 Mann an Mór Perczel detachieren, denn er drängt um Hilfe, und ohne diese kann er in Gefahr geraten, mit etwa 10 000 lasse ich hingegen Simunich gefangenneh-

men.⁷⁵ Ob aber der Feind hier nicht einfällt, während diese auf dem Wege sein werden? Ich weiss es nicht. Die Wahl ist also furchtbar schwer, aber, alles überlegt, besonders, wenn ich heute irgendeine günstige Nachricht erhalten würde, wird der Beschluss wahrscheinlich dahin ausfallen, dass wir vordringen. Wenn wir siegen, ist das Vaterland gerettet, und wir werden einander wiedersehen, wenn nicht, dann eben nicht.«⁷⁶

Noch an demselben Tage wurde auch ein Kriegsrat abgehalten, in welchem Kossuth mit überzeugender Kraft auseinandersetzte, dass es eine Ehrenpflicht der Ungarn sei, dem bedrückten Wiener Volk Hilfe zu leisten; unter den Truppenkommandanten herrschte jedoch keine Eintracht bezüglich der Aufgaben, und so rief Kossuth den Oberfeldherrn Móga und den Generalstabschef Kollmann auf, ihre Ansichten über das Eindringen in Österreich schriftlich zu unterbreiten und zu begründen.⁷⁷ Das gewünschte Gutachten wurde verfertigt und enthielt folgendes:

»Nach dem gestern 9 Uhr abgehaltenen Kriegsrate haben wir gefertigte von dem Herrn Präsidenten die Aufforderung erhalten, unsere Ansichten bezüglich des Vormarsches und Angriffes der feindlichen Armee in Österreich schriftlich mit deren rücksichtswürdigen Gründen zu motivieren.

Dieser Aufforderung zufolge sehen wir uns verpflichtet, bei Ehre und Gewissen, nach unserer vollen Überzeugung, bei dem heiligen Pflichtgefühl dem Interesse fürs Vaterland und der Armee, mit einem Worte, bei der auf uns beruhenden Verantwortung zu erklären, dass ein Vormarsch bei der gegenwärtigen Sachlage und ein Angriff gegen die feindliche Armee äusserst gewagt und von unberechenbaren Folgen für Armee und Vaterland sein könnte.

Die Gründe zu dieser Besorgnis sind folgende:

1. Ist der Feind an Stärke uns viel mehr, als um das Doppelte überlegen; er wird allgemein über 70 Tausend Mann gerechnet, worunter sich, notorisch bekannt, 8 bis 9000 Mann Kavallerie befinden.
2. Sind seine Truppen durchgehends wohl exerciert.
3. Besitzt der Feind nicht nur alle zum Kriege erforderlichen Truppengattungen, als: Jäger, Pioniers, Pontoniers, etc., sondern auch alle erforderlichen Kriegsmittel, als Schiffbrücken, und sonstiges, zum Kriege erforderliches Material.

⁷⁵ Mór Perczel kämpfte an Spitze einer kleineren Armee an der steirischen Grenze gegen die Truppen des Generals Nugent. General Simunich fiel am 22. Oktober ins Komitat Trencsén ein, um die Slowaken zum Aufstand zu bewegen und die Flanke der gegen Wien ziehenden ungarischen Armee zu gefährden. Er siegte am 28. Oktober bei Kosztolna gegen die ungarische Nationalgarde, zog jedoch später vor der, gegen ihn unter dem Befehl Guyons ziehenden ungarischen Armee, wieder aus dem Lande. Kossuths Plan war, seine Armee mit Hilfe des Landsturmes gefangennehmen zu lassen.

⁷⁶ O. Lt. OHB 1848: Nr. 1840.

⁷⁷ Das Wesentliche aus Kossuths Rede bekanntgemacht in den Memoiren von Görgey: Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849. Leipzig, 1852. Bd. I. S. 66 f.

4. Befinden sich in der Armee des Feindes gewiss zwischen 20 bis 30 Generäle, teils im Kriege, teils durchgehends in den Waffen und in der Kriegskunst gebildete Soldaten.

5. Hat der Feind einen Überfluss an ausgezeichneten Individuen des Generalstabes von der höchsten bis zu der kleinsten Charge.

6. Wird er den Vorteil des Verteidigers geniessen, welcher nach strategischer Feststellung von Grundsätzen seine Streitmacht gegen den Angreifer um $\frac{1}{3}$ verstärkt.

Endlich seine gute Position in der Fische in Anregung zu bringen, allwo derselbe sich auch mit geringeren Streitkräften gegen stärkere aus dem Grunde zu halten im Stande ist, weil der Angreifer die Defilées unmittelbar vor dessen Stellung zu passieren hat, daher beim Debouchieren teilweise aufgegeben wird.

Sollte sich derselbe auch aus dieser Stellung gegen Schwechat zurückziehen, was nicht zu erwarten steht, so tritt derselbe auch in dieser rückwärtigen Stellung in dieselben Vorteile.

Im Gegenteil ist zu befürchten, dass uns der Feind an der Fische wirft, und bei seiner überaus grossen Übermacht an Kavallerie überflügelt.

Wenn aber, wie gesagt, er sich auch bis Schwechat zurückziehen würde, so wäre unsere Lage noch gefährlicher, indem ein Rückzug in Ordnung, selbst mit regulären Truppen viel schwerer zu effectuieren ist, als ein Vorrücken.

Im Falle unsere Armee geworfen wird, so macht uns die Übermacht des Feindes an Kavallerie den Rückzug unmöglich, und reibt die irregulären Bataillone teilweise auf, und drückt uns an die Donau.

Hingegen besteht der Stand unserer Armee im Ganzen 26 890 Mann, worunter reguläre Infanterie mit Inbegriff von 3 Honvéd-Bataillons 5414, reguläre Kavallerie 1746 Mann, von den übrigen ist ein grosser Teil mit Sensen bewaffnet, und mehrere Tausende der Bewaffneten verstehen den Gebrauch des Gewehres nicht.

2-tens Fehlt es uns an Schiffbrücken und sonstigem zur Kriegsführung erforderlichen Material.

Auch haben wir keine Pioniers, Pontoniers und Jäger.

3-tens Der Generalstab ist bei unserer Armee in sehr beschränktem Ausmasse, und im Ganzen mit jenem des Feindes in keinen Vergleich zu stellen.

4-tens Mangeln uns Generäle und Korpskommandanten, und ich bin in diesem Bezug so beschränkt, dass es schwer wird, einen vollkommenen Diensteskundigen an die Spitze der Bataillons zu stellen, und bei den Kommanden der Brigaden ist gleichfalls die Wahl sehr beschränkt, so zwar, dass die Führung derselben auch Hauptleuten und Rittmeistern bereits anvertraut war.

Was die Artillerie betrifft, so würde deren Anzahl bedeutend sein, und ein grosser Teil derselben ist sehr brauchbar und eingeübt, jedoch gar in dieser unsere Hauptkraft besteht, so müsste dieselbe auch an den gefährlichsten Punkten verwendet werden, und könnte Gefahr laufen, bei der Übermacht der feindlichen Kavallerie zum Teil in Verlust zu geraten.

Endlich glauben die Gefertigten, dass bei dem vorherzusehenden Rückzug die irregulären Truppen leicht in Verwirrung geraten würden, und dass mit ihnen eine zweite Aufstellung nicht mehr zu bewirken wäre.

Diese Gründe werden die Ansichten der Gefertigten hinlänglich rechtfertigen, wobei sie noch in dem Interesse des Vaterlandes anführen müssen, dass wenn die Armee in das Innere des Landes näher der Hauptstadt zurückgezogen würde, wo sich alle Kräfte des Landes versammeln könnten, wo alles aufgeboten werden könnte, um eine kräftige Verteidigung herbeizuführen, dass sie stark genug wäre, gegen jeden Feind, wenn es der Wille der Nation ist, sich nicht unterdrücken zu lassen, und dass es nicht der Wille ist, sondern dass sie dort in Masse aufstehen würde, davon wird jeder überzeugt sein, der Ungarn und sein Volk kennt.

Schliesslich müssen wir noch bemerken, dass diese unsere Ansicht der grösste Teil der Truppenkommandanten mit uns teilt.

Wobei noch bemerkt wird, dass ich bei Übergabe dieser motivierten Erklärung einvernehmlich mit dem Chef des Generalstabes, Herrn Obersten Kollmann noch auf folgende Übelstände der Armee bei einem Vormarsch nach Österreich aufmerksam gemacht habe, nämlich, dass die Armee keine Pack- und Kesselpferde habe, und folglich stets eine Anzahl von Wägen mit sich führe, welche die Armee in ihrer Mobilität hindern, und bei einem leicht möglichen und sicher vorauszusehenden Rückzug von grösstem Nachteil sein müssen.

Ferner, dass bei dem Umstand, wo der Armee ihre sämtliche Verpflegung an Naturalien und Service aus Ungarn nachgeführt werden soll, es mit allem Grund zu befürchten sei, dass die Truppen, deren Dislokation nach einem Kampfe nicht zu berechnen ist, nur zum Teil, oder gar nicht ihre Verpflegung erhalten würden.«⁷⁸

Diese Erklärung beweist auch bei ihrem Pessimismus datenmässig, wie stark sich die Kräfteverhältnisse zu Ungunsten der ungarischen Armee geändert haben, seitdem die Wiener Revolution eine so alleinstehende Möglichkeit zur Erkämpfung des Sieges dargeboten hatte. Somit wies die Erklärung in gesteigertem Masse auf die Verantwortlichkeit derjenigen hin, die die Ausbeutung dieser Möglichkeit versäumen liessen, und sie bewies auch vor Kossuth, dass zur revolutionären Heerführung, zur Lösung der Aufgaben einer Revolution

⁷⁸ Eine zeitgenössische Abschrift der deutschsprachigen Erklärung s. O. Lt. Kossuth-Archiv, Fasc. 495.

nur ein Führer geeignet ist, den die Revolution selbst zum Führer erhoben hat. Deshalb begann er den Plan zu verwirklichen, den er schon mehrere Wochen früher fasste, nämlich die Führung der Armee Görgey anzuvertrauen, in dem er auf Grund seiner Briefe und seines in den Tagen der Schlacht bei Pákozd erwiesenen Verhaltens den lange ersehnten Führer der Revolution vermutete. Görgey hielt sich seit dem 12. Oktober, als Kommandant einer Armeegruppe, im Lager auf; vor seiner Ankunft beriet er sich in Pest mit Kossuth, und von ihm erhielt er die direkte Anweisung, das sabotierende Verhalten von Móga und seiner Anhänger unter Kontrolle zu halten. Sein Ernennungsdekret zum General war seit derselben Zeit bei Pázmándy, um diese nötigenfalls veröffentlichen und ihn mit der Führung der Armee beauftragen zu können. Über Kossuths fieberhafte Tätigkeit, durch welche er die im Kriegsrat entstandene Stimmung günstiger zu gestalten bestrebt war, berichtet seine Meldung, die er am 27. Oktober dem Landesverteidigungsausschuss sandte, ausführlich:

»General Móga und Generalstabschef Kollmann reichten eine motivierte Erklärung ein, in welcher sie erklären, dass unser Einmarsch nach Österreich und das Angreifen des Feindes dort, den Verlust unserer Armee zur Folge haben könnte. Ich machte auf die gefährlichen Folgen des Nichtvormarschierens aufmerksam:

1-tens. Wenn wir Winterlager beziehen, wird Wien, welches sich tapfer hält, seine Hoffnung auf unsere Truppen verlieren und sich ergeben, und wenn Wien besiegt werden wird, kann sich der an Kraft immer zunehmende kombinierte Feind mit seiner ganzen Kraft gegen uns wenden.

2-tens. Nicht nur er wird sich aber gegen uns wenden, sondern zugleich wird sich die Sympathie der in ihren Erwartungen arg betrogenen Wiener Einwohnerschaft gegen uns unbedingt in den bittersten Hass verändern, und es ist sehr wahrscheinlich, dass man Wien dadurch von den bewaffneten Proletariern befreien wird, dass 20, 30 Bataillone der gegen uns ziehenden Armee angeschlossen werden, indem ihnen das Land der Ungarn, die sie im Stich gelassen hatten, als Beute zum Ziel vorgesetzt wird.

3-tens. Unsere Sache ist mit der Sache Wiens verbunden, eine europäische Angelegenheit, — von jener getrennt wird sie von niemandem beachtet werden. Wir werden auf keine diplomatischen Schritte rechnen können, wir werden sogar in Verdacht genommen werden, dass wir durch Wiens Verlassung das deutsche Element abschwächen und Pest erheben gewollt hätten.

4-tens. Wenn wir Winterquartiere beziehen und das Lager verlassen, das wird soviel bedeuten, wie offen gestehen, dass wir uns mit dem Feinde nicht schlagen konnten, und das wird zur Folge haben, dass Burits, Nugent, Simonics, die Serben und Rumänen, und alle Feinde mit doppelter Lust gegen uns tätig sein werden, als gegen eine Nation, die eingestanden hat, dass sie ihrer Feinde nicht mächtig werden kann.

5-tens, das Wort auszusprechen: Winterquartiere beziehen, bedeutet soviel, wie unsere Armee, die jetzt 30 000 Mann zählt, mindestens auf die Hälfte zu reduzieren, denn die vielen freiwilligen Nationalgardisten, sogar auch die Szekler Infanterie, werden gemäss den schon beim Abgang gesicherten Bedingungen sofort nach Hause gehen, und da wir die österreichische Grenze, Pozsony, Sopron und Moson nicht ungedeckt lassen können, wird von unserer durch riesige Opfer zusammengebrachten Armee kaum so viel übrigbleiben, was zur Deckung dieser drei Punkte nötig ist, und gegen keinen anderen Feind werden wir auch nur einen Mann schicken können, im Gegenteil: entweder müssten wir uns mit allen unseren Kräften sehr weit nach hinten, vielleicht in die Gegend von Komárom zurückziehen, und dadurch den Erfolg unserer sämtlichen bisherigen Kraftanstrengungen verwerfen, oder, falls der Feind einen unserer Winterpositionen mit seiner vollen Kraft angreifen würde, z. B. Moson, wird uns der Feind bis dahin, solange wir unsere Kräfte aus Pozsony und Sopron dorthinzögen, schon zunichtegemacht haben. — Unser Rückzug verstimmt das Selbstvertrauen der Nation, die Begeisterung zu erwecken wird zum zweiten Male nicht mehr gelingen, wir werden keine Waffen, keine Zeit zur Aufstellung neuer Truppen haben, unsere Feinde rekrutieren aber unausgesetzt, das eroberte Wien wird wütend gegen uns sein, dem Glück, dem Zufall haben wir nicht den geringsten Spielraum gelassen, und unser Vaterland ist unbedingt verloren. Das Wort Winterquartier selbst also wird unsere Armee mehr entwerten, als drei verlorene Schlachten, und wir, die seit drei Wochen alle auffindbaren Kräfte hierher sandten, alle anderen Gefahren anzuwachsen zuließen, taten vergebens alle unsere Schritte, wir selbst würden unsere Armee aufgelöst haben. Und das taten wir in dem Augenblicke, in welchem unser, jedem Recht spottende Feind, unseren Parlamentär, Oberst Ivánka gefangen-nimmt, was schon selbst für jede Nation der Welt genügender Grund zum Krieg wäre, und worüber die Armee so wütend ist, dass sie brigadenweise den Angriff fordert. Das waren die Gründe, die ich anführte, setzte aber hinzu, dass, wenn trotzdem alle Feldherren unserer Armee behaupten, dass im Falle des Vormarsches unsere Armee zugrundegeht, ich keine strategische Unmöglichkeit verordnen werde, und sagen werde, Gottes Fluch belaste diejenigen, die, als Jellačić auf der Flucht war, die sichere Gelegenheit zum Sieg preisgaben.

Wenn es aber unter den Staboffizieren einen gibt, und wenn es einen Generalstäbler gibt, der behauptet, dass er Mógas und Kollmanns Ansichten nicht teilt, dass er die Sache nicht so dunkel sieht, sogar einen Plan angibt, nach welchem, wenn auch nicht der Sieg, doch mindestens soviel wahrscheinlich ist, dass wir im Falle einer Niederlage im Kampf die Armee nicht verlieren, sondern zum grössten Teil nach Pozsony zurückführen können, dann werde ich die Führung der Armee denjenigen anvertrauen, die so sprechen, und werde, die überaus wichtigen politischen Gründe gegen die strategischen Möglichkeiten auf die Wage setzend: »vorwärts!« befehlen. Da trug Major Pusztel-

nik vom Generalstab, von wem Kollmann erklärte, dass er ihn in allen seinen Fähigkeiten mindestens für seiner selbst ähnlich hält, einen Plan vor, dessen Wesentlichstes darin lag, dass mit Hinsicht darauf, dass die Hauptkraft des Feindes in seiner Kavallerie liegt, wir einen solchen Marsch ausführen und solche Position einnehmen müssen, dass der Feind von seiner Kavallerie keinen Gebrauch machen könne, d. h. wir müssen in den Bergen operieren. Bei diesem seinen Plan erklärte er seinen Glauben daran, dass unsere Armee, falls kein besonderer Zufall dazwischenkäme, auch im Falle einer Niederlage zu retten wäre.

Oberst Görgey äusserte sich aber entschieden dahin, dass es keine Wahl gebe, wir müssen vordringen, denn wenn wir nicht vordringen, schadet dies mehr, als wenn wir drei Schlachten verloren hätten.⁷⁹ Ich forderte Görgey auf, er soll die Heerführung übernehmen, ferner Pusztelnik, er soll seinen vorgetragenen Plan ausführen.

Schliesslich spielten sie den Bescheidenen. Pusztelnik sagte, er sei der Armee nicht bekannt, es gebe also kein Vertrauen zu ihm, und wenn nicht Kohlmann die Schlacht führe, das Offizierskorps von vornherein den Mut verliere. Görgey hingegen sagte, wenn er der Heerführer werden würde, werden die älteren Offiziere die Befehle nicht bereitwillig befolgen. Da er übrigens die Avantgarde kommandiert, hat er in der Ausführung ohnehin den grössten Anteil, ohne Suszeptibilitäten zu verletzen. Das Endergebnis ist also, dass Móga den Oberbefehl beibehält, und Pusztelnik seinen Plan mit Kohlmanns Beihilfe und unter seiner Aufsicht ausführen wird.

Demnach ist der Befehl »Vorwärts« erteilt worden; der rechte Flügel dringt heute von einem Kriegsdampfer flankiert, aus Köpcsény bis Hainburg vor, — Bruck wird ebenfalls heute, durch Görgey genommen werden. Die Hauptarmee wird morgen um 6 Uhr vordringen.

Die nächsten Tage werden über das Schicksal unseres Vaterlandes, vielleicht ganz Europas entscheiden.

Wir sind in Gottes Händen. Ich konnte nach den Sorgen dreier schlafloser Nächte nichts anderes, nichts besseres tun.«⁸⁰

Die glänzende Beweisführung also, durch welche Kossuth die Notwendigkeit des Angriffes, des revolutionären Riskierens dartat, erbrachte ihre Früchte,

⁷⁹ Es ist interessant, dass Görgey — indem er seine Rolle nachträglich verschönern will — in seinen Memoiren schreibt, dass er gegen den Angriff gewesen wäre (a. a. O. S. 68. f.). Dieser Behauptung widerspricht nicht nur Kossuths obige Schilderung, sondern auch der Umstand, dass Görgey bisher die ganze zögernde Kriegsführung Mógas scharf kritisierte, und forderte z. B. nach der Schlacht bei Pákozd in einem Brief, ihn vor Kriegsgericht zu stellen. Es ist zu erwähnen, dass Kossuth in seiner Rede vom 9. November im Abgeordnetenhaus Görgeys Stellungnahme gleichlautend schilderte, die Rede auch in der Presse veröffentlicht wurde, und es Görgey nicht einfiel, auf ihre Unwahrheit auch nur anzuspicien. Kossuth hätte übrigens Görgey auf dem Schlachtfeld kaum zum Heerführer gemacht, wenn dieser vorher gegen seine Ansicht, gegen die angreifende Kriegsoperation Stellung genommen hätte.

⁸⁰ Das unter OHB 1848. Nr. 1922. registrierte Original umgesetzt unter Kriegsmin. 1848: Nr. 9076/3056.

und die Armee brach am Morgen des 28. Oktober auch zum dritten Male auf. Die Hoffnung auf den Erfolg wurde aber durch den Umstand stark in Frage gestellt, dass Wiens Umschliessung einige Tage vorher beendet wurde, die Belagerung schon im Gange war, Windischgrätz eben an diesem Morgen mit dem entscheidenden Angriff begann, und die Verbindung mit der ungarischen Armee vollständig abgeschnitten wurde. Das belagerte Wiener Volk erwartete die Ungarn immer ungeduldiger, seine Kräfte nahmen jedoch ständig ab, und als die ungarische Armee in Wiens Nähe endlich die Schlacht begann, konnte sie aus der österreichischen Hauptstadt, die schon ihre letzten Stunden lebte, die nötige Unterstützung nicht mehr erhalten. Von der Stimmung des belagerten Wiener Volkes berichtet eine am 28. Oktober an Csányi gesandte anonyme Meldung — die jedoch erst am 5. November an ihn gelangte — nach langer Schilderung der Ereignisse der Belagerung Folgendes :

»Übrigens sind alle Augen auf die ungarische Armee gerichtet, und die Bevölkerung schöpft noch immer Mut und Begeisterung aus der Hoffnung ihrer Ankunft. Leider haben wir jedoch seit dem 23. nicht die mindeste Nachricht von ihr ; in den letzten Tagen hörte man öfters Kanonendonnern aus der Ferne, woraus wir die zweifelhafte Ahnung haben, dass Jellačić, der sich mit fast seiner ganzen Kraft mit Auersperg vereinigte, am Ufer der Fischa Schanzen aufschütten liess und sein Lager aufschlug, sich mit der ungarischen Armee hier geschlagen hat.

Unter solchen Umständen wagt das hiesige Kriegskommando wegen der Unkenntnis der Lage des ungarischen Lagers keinen Ausfall zu versuchen, umso weniger, da es in der vergangenen Nacht oder auf heute früh bestimmt erwartete, dass Windischgrätz die Einnahme der Stadtteile jenseits des Kanals mit konzentrierten Kräften versuchen würde, was jedoch nicht erfolgte.«⁸¹

Die Wiener können also nur blasse Ahnungen über die Bewegungen der ungarischen Armee gehabt haben, die in den ersten zwei Tagen nur sehr vorsichtig vordrang, ohne dass der Feind auf seinem Rückzug einen ernsteren Widerstand geleistet hätte. Am Abend des 29. Oktober berichtete Kossuth aus Enzensdorf an den Landesverteidigungsausschuss über die Ereignisse der ersten zwei Tage :

»Wir verbringen die zweite Nacht in Österreich. Bisher sozusagen ohne einen Säbelhieb. Kaum fielen einige Schüsse. Der Feind flüchtete überall beim Herannahen unserer Armee. Er verliess die stärksten Stellungen, wir drangen jedoch mit der grössten Vorsicht vor ; wir waren mit Brückenmaterial zum Übersetzen über die Fischa gerüstet, doch verliess der Feind auch diesen Fluss, indem er die Brücken zur Hinderung unseres Vordringens mit Barrikaden versperrte ; kaum zeigten sich jedoch unsere Vorposten, räumte das Volk die Barrikaden aus dem Wege, und wir übersetzten heute gegen

⁸¹ O. Lt. ungeordnetes Material aus 1848/49. Csányi-Akten.

Mittag über die Fische, der Linke Flügel bei Schwadorf, die Mitte bei Enzensdorf und der rechte Flügel bei Fischamend, und drangen, die beiden Flügel zusammenziehend, gegen Schwechat vor. Diese Nacht liegt unsere Armee diesseits Schwechats an jenen Ufern, von wo aus ein freies Feld bis Wien vor uns liegt, dessen Fenster wir durch unsere Fernrohre erkennen und den Feind unter Wien aufgestellt sehen; unsere Husaren nehmen schon die Chevaux-legers und die Dragoner ab und zu gefangen.

Alles weist darauf hin, dass sich Wien noch nicht ergeben hat. Wir versuchen alles, um unsere Tätigkeit morgen mit Wien in Einklang zu bringen. Wir werden vom Wiener Turm aus gesehen, und wenn Gott mit uns sein wird, wie wir nicht an unserer gerechten Sache zweifeln dürfen, — werden wir morgen unsere Meldung beginnen: »aus unserem Hauptquartier zu Wien« — Gott gebe es. Wenn uns Gott bewahren wird, werde ich so verfügen, dass unsere Kräfte je früher gegen andere Feinde disponibel werden. Ich habe sämtliche Dampfer aus Pozsony bestellt, um auf der Donau, sofern es möglich ist, parallel heraufzufahren; wenn wir morgen siegen, werden sie zur Rückbeförderung des grössten Teiles unserer Armee dienen; wenn wir verlieren, werden sie unserem Rückzug förderlich sein. Schwadorf, Enzensdorf, Fischamend halten wir besetzt, die Brücken sind in unserem Besitz, das Hauptquartier ist diesseits der Fische.«⁸²

Am nächsten Tag erfolgte die Schlacht, deren Ausgang bekannt ist. Über die Einzelheiten berichtet ausführlich Kossuths Meldung aus Pozsony, die er um Mitternacht schrieb, und welche mit Auslassung einiger Sätze auch in der Presse veröffentlicht wurde:

»Das Glück war uns nicht günstig. Doch muss man über das Vaterland nicht verzweifeln. Heute früh gegen 7 Uhr begann die Schlacht, sie dauerte bis 4 Uhr nachmittags. Unser rechter Flügel nahm das Dorf Manswörth an der Donau, das vom Feind stark besetzt war, nach tüchtigem Kampf mit Sturm ein, und vertrieb daraus den Feind. Major Guyon erwies beim zweiten Bataillon der Brigade von Ivánka ein Wunder der Tapferkeit. Unsere Armee empfing das starke Kanonenfeuer bei ständigem Vordringen mit Éljen-Rufen, und hielt es tapfer aus. Nachher drängte Oberst Görgey den am Ufer vor Schwechat aufgestellten Feind zurück. Nun befahl der Oberbefehlshaber, da unser linker Flügel unter dem Kommando des Obersten Répási durch den Feind von Lanzendorf aus mit grosser Kraft bedroht wurde, besonders, indem er die Gefahr lief, von der zahlreichen Kavallerie überflügelt zu werden, dass der rechte Flügel und die rechte Mitte Halt mache, und der Unsicherheit machte er auf meine feste Verordnung nach einer beträchtlichen Verzögerung schliesslich Ende, aber erst dann, als schon unserem linken Flügel gegenüber eine überaus grosse Kraft zusammengezogen wurde. Er befahl dem Obersten Répási den

⁸² O. Lt. OHB 1848: Nr. 2408.

Angriff. Dieser warf den Feind, der nach den, während der Schlacht eingetroffenen Meldungen zur Beschleunigung seiner Bewegungen auch die Eisenbahn benutzte, auch hier zurück. Da sich die Schlacht plötzlich vom rechten Flügel zum Linken verschob, und zur Verstärkung des letzteren grosse Massen von der Mitte ausgesandt werden mussten, wurde der Zusammenhang der Schlachtordnung gestört, wodurch Oberst Görgey im Vordringen gehindert wurde: obwohl der Feind zu diesem Zeitpunkt von allen Seiten zurückgeworfen wurde, äusserten der Oberbefehlshaber und Oberst Kollmann die Meinung, dass wir, um einer Überflügelung vorzubeugen, uns in die Stellungen an der Fischa zurückziehen müssen. Da ich aber klar überblickte, dass die Wiederherstellung der vorherigen Schlachtordnung unserer begeisterten Armee durch die Einnahme von Schwechat entweder zum Sieg, oder durch einen beträchtlichen Raumgewinn mindestens zur Einnahme einer starken Verteidigungsstellung verhelfen kann, sandte ich nach dem Obersten Görgey, damit er den Oberbefehl mit jener Entschlossenheit, deren Mangel in der Führung unserer Armee seit Wochen wahrnehmbar ist, übernehme. Bevor jedoch dieser Befehl hätte ausgeführt werden können, wurde von Schwechat aus, das vom Feind und von Kanonen besetzt war, ein starkes Feuer auf uns eröffnet, unsere Truppen hielten auch dieses gut aus und erwiderten es; schliesslich begannen die Sensenträger aus dem Komitat Komárom, die in den letzten Reihen des rechten Flügels standen, infolge einer in ihre Nähe gefallenen Bombe einen ungeordneten Rückzug, eben, als zwecks Ausrichtung der beiden Flügel der Armee ein allgemeiner Rückzug verordnet wurde. Die ungeordnete Flucht der Sensenträger aus Komárom versuchte zuerst ich selbst, dann der Abgeordnete Repecki mit blankem Säbel aufzuhalten, dies gelang jedoch nur auf einen Augenblick, und es wurde der Befehl erteilt, dass unsere Armee, Fischamend, Klein-Neusiedel, Enzensdorf und Schwadorf behaltend, seine vorgestrigen Stellungen diesseits der Fischa einnehme.

Der Feind hat uns noch nirgends geschlagen, unsere Truppen drangen sogar überall, wo sie angriffen, siegreich vor. Ich muss es jedoch mit Bedauern erwähnen, dass Wien, obwohl sich die Schlacht sozusagen vor ihren Augen abspielte (da Schwechat fast als ihre Vorstadt anzusehen ist), nicht nur keinen Ausfall versuchte, sondern seit zwei Tagen hörten wir nicht einen einzigen Kanonenschuss, durch den Wien den Feind beschäftigt hätte.⁸³

Da alle Lebensmittel auf das diesseitige Ufer von Fischamend bestellt waren, eilte ich zur Ordnung des Lagers dorthin, und da ich die Mitte und den linken Flügel zum Teil unter direktem Befehl des Stabes, auf geordnetem

⁸³ Kossuth konnte es nicht wissen, dass Windischgrätz' Armee Wien zu dieser Zeit schon beinahe einnahm, und die Verteidiger auf den engen Raum der inneren Stadt zusammengedrängt, sich schon in den Bedingungen der Waffenstreckung einigten. Auf die Nachricht über den Angriff der Ungarn ergriffen sie zwar wiederum die Waffen, legten diese jedoch nach dem Fehlschlag des Angriffes am nächsten Tage endgültig nieder.

Rückzug sah, konnte ich über diese Ordnung nicht im Zweifel sein. Als ich aber in Fischamend ankam, sah ich eine durch die ungeordnet flüchtende und keinen Halt kennende Menge des Sensenvolkes von Komárom verursachte Verwirrung, und ich musste fast bis zu Riegelsburg gehen, um die dahinjagenden Truppen und die Menge der Transportwagen ins Lager zurückwenden zu helfen. Von hier aus sandte ich eine Verordnung ins Hauptlager: wenn Herr Feldmarschalleutnant Móga die Verantwortung für die ordnungsmässige Zurückführung der Armee nicht ausgesprochen übernimmt, soll das Oberkommando Görgey übergeben werden, der die Armee bis zur Landesgrenze geordnet zurückführe — und da das flüchtende Volk von Komárom so rasch fortkam, dass ich es nicht einmal mit einem Wagen einholen konnte, schritt ich bis Hainburg weiter, damit die Flüchtenden nicht etwa in Hainburg und sogar in Pozsony einen unbegründeten Schrecken erwecken, und zugleich, damit ich auch für Pozsony sorgen könne. In Hainburg traf ich Massnahmen zur Aufhaltung und Ordnung des zurückströmenden Volkes, fuhr dann weiter nach Pozsony, wo ich weitere Massnahmen traf, um die Stadt gegen jeden Zufall zu sichern.

Das Vorhaben also, Wien von der Belagerung zu befreien, gelang aus dem einzigen Grunde nicht, weil wir von Seiten Wiens keiner Mitwirkung begegneten. Wenn aber unsere Armee morgen, wie ich hoffe, unversehrt heimkehren wird, haben wir sonst nichts verloren, als dass unser Vaterland nicht mit einem Streiche zugleich von allen weiteren Gefahren gerettet wurde. Es werden noch immer und noch lange Zeit viele Reformen in der Armee nötig sein. Die schwarzgelben Reminiszenzen stecken noch vielerorts auch hinter den trikoloren Rosetten, und dies wirkt lähmend auf die Tätigkeit.

Ich erwarte noch in dieser Nacht einen Bericht aus dem Hauptlager, wo Landeskommissar Csányi mit unschätzbaren und jede Vorstellung übertreffenden Bemühungen die Wache hält. Von diesem Bericht werden meine weiteren Verordnungen abhängen. Wenn unsere Armee, wie ich hoffe, in Ehren wiederkehren wird, werde ich übermorgen eine solche Kraft gegen Simonics aussenden, welche genügt, um ihn zu vernichten. Ich werde mich keinesfalls eher entfernen, bevor ich nicht die möglichen Massnahmen zur Sicherung dieses Landesteiles getroffen haben werde.

Unsere Verluste sind im Vergleich zu den grossen Ausmassen der Schlacht gering. Die Zahl unserer Toten übertrifft kaum vierzig, und die der Verwundeten, wie ich glaube, kaum zweihundert, denn den Angriff bei Manswörth ausgenommen, bestand die ganze Schlacht überwiegend aus Kanonenfeuer, was unsere wackere Artillerie tüchtig erwiderte.

Ich selber sah auf dem Schlachtfelde nicht mehr als drei Tote.

Vorläufig so viel. Die Nation nehme dies als eine Anregung dazu, je früher eine grosse, reguläre Armee aufzustellen, und eher Mut zu fassen, als die Hoffnung zu verlieren.

Wir haben unsere Schuld Wien gegenüber ehrlich beglichen.

Wien half uns nicht, sich selbst zu retten, nun soll es die Folgen sehen, denn in der Zukunft müssen wir nur für uns selbst die Sorgen tragen.

Ich bitte nochmals den Ausschuss, zu überlegen, dass wir auch vor Wien durchaus nicht geschlagen wurden, sondern es nicht einnehmen konnten, da uns Wien uns selbst überliess. Es gibt Viele in unserer Armee, die diesen Tag zu ihren Ehrentagen werden zählen können. Anderen gegenüber muss die Abrechnung erfolgen. Die Nation vertraue an ihre gerechte Sache und an ihre eigene Kraft, die sie seit einigen Wochen so sehr zu Tage legte, dass sie, wenn sie auch zehn Schlachten verlieren würde, nicht das Vertrauen zu sich selbst verlieren dürfte. Soviel steht jedenfalls fest, dass jener Feind, welcher auf fremdem Boden, mit doppelter Kraft, unser müdes und ungeordnetes Volk nicht nur nicht schlagen konnte, sondern überall, wo er es angriff, die Flucht zu ergreifen genötigt war, dass jene Armee, die es nur dem Umstand zu verdanken hat, von uns nicht vernichtet zu sein, dass sie eine auserlesene und noch aus napoleonischer Zeit wohlbekannteste feste Stellung hatte, ferner, dass sich Wien nicht einmischte, dass jene Armee, — bleibt unsere Nation sich selbst treu, — unser Vaterland nicht gefährden wird; doch müssen wir uns vorbereiten, denn dasselbe wird wohl auch der Feind tun.«⁸⁴

Nach der verlorenen Schlacht blieb Kossuth noch einige Tage in Pozsony, um die ersten Schritte zur Organisation der Armee zu tun und um das Ergebnis der Kriegsunternehmung gegen Simunich abzuwarten. Erst am 6. November kehrte er nach Pest wieder, und in der Sitzung des Reichstags vom 9. November berichtete er über die Kriegsoperationen zur Befreiung Wiens und über die Niederlage bei Schwechat. Dieser Bericht zeugt davon, dass Kossuth während der seit der Schlacht verflossenen Tage die Lehren aus den Erfahrungen zog, die er im Lager, während der Schlacht und im Hauptquartier zu Pozsony gesammelt hatte :

»Ich muss gestehen — sagte er in seiner Rede — dass ich das Lager an der oberen Donau in einer Lage vorfand, die teils erfreulich war, indem ich die Armee, besonders die Masse der Soldaten, zu allen Opfern im Interesse des Vaterlandes begeistert sah ; andererseits, kann ich es nicht leugnen, dass ich auch gleichzeitig Symptome dessen erfuhr, dass in den höheren Kreisen der Armee nicht immer und nicht überall jene begeisterte Entschlossenheit zu finden war, welche vorhanden sein muss, dass der harte Kampf um Ungarns gerechte Sache mit einem Sieg enden könne; dieser Kampf wurde uns durch die göttliche Vorsehung auferlegt, als diese offenbar nicht gewollt hatte, dass die Freiheit als Geschenk, unentgeltlich dem Volk zuteil werde, sondern, wie es die Ereignisse zeigen, bürdete sie uns auch die Arbeit und die Mühe auf,

⁸⁴ Das Original des an mehreren Orten mit Auslassungen mitgeteilten Berichtes s. O. Lt. OHB 1848 : Nr. 1995.

indem sie gewiss erreichen wollte, dass auch bei uns der Spruch gerechtfertigt werde, nach welchem die Götter ihren Segen nur auf die Arbeit geben, und dass die unentgeltlich, aus Gnade gewonnene Freiheit nicht sicher ist, sondern nur dasjenige, was sich die Nation durch Mühe, Leid und Blut verdiente und mit ihrem Blut gesichert hat. Wir können unser Haupt vor Gott und Menschen mit freier Stirn erheben. Wenn es eine dulddende Nation auf der Welt gab, so war es sicherlich die ungarische, die, von Verrat, Eidbrüchen und solch entsetzlichen Intriguen umgeben, welchen ähnliche in der Geschichte nicht zu finden sind, monatelang im Glauben lebte, dass es unmöglich sei, alle schlimmen Folgen des Eidbruchs durch Vermittlungen, Eingaben, Gesuchen, und ich weiss nicht, auf welchen sonstigen Wegen, vom Vaterlande nicht abwenden zu können. Und wir erhielten darauf die Antwort durch Waffen, durch Aufwiegelung unserer Völkerschaften, und besonders durch den bedrückenden Umstand, dass während unsere eigenen, tapferen Truppen im Auslande, zur Aufrechterhaltung der hinfalligen Macht jenes Herrscherhauses benutzt wurden, welches sich von einer Kamarilla umgeben lässt, die es sich zum Ziel gesetzt zu haben scheint, die Völker in den Ländern dieses Herrscherhauses zu einem blutigen Kampf gegeneinander aufzuhetzen, um mit der Zeit vielleicht den Gefallen daran zu haben, über einem Friedhof herrschen zu können, während unsere eigenen Truppen im Auslande waren, erhielten hier im Lande, die, infolge der Pragmatica Sanctio im Vaterlande angewandten fremden Truppen viel weniger den Frieden aufrecht, sondern sie sind vielmehr zu unseren Feinden geworden, so, dass sie an mehreren Orten im offenen Krieg gegen uns stehen.

Infolgedessen war auch in unserer Armee, welche dem Feind standhalten musste, das Gefühl einer gewissen Unschlüssigkeit und eines gewissen Mangels an Entschlossenheit wahrzunehmen, was in den Kriegsoperationen Zaudern hervorrief, obwohl in diesen die rasche Ausnützung der Umstände den Sieg sichern kann, denn die verpasste Gelegenheit kann oft nicht einmal durch eine ganze Ewigkeit wiedergegeben werden.

Auf meine Erfahrungen gestützt kann ich sagen, dass, wenn dieses Zaudern und diese Unschlüssigkeit in den höheren Kreisen unseres Lagers an der oberen Donau nicht vorhanden gewesen wären, wenn zu jener Zeit, als Jellačić, den Waffenstillstand von Pákozd brechend, sich vor unserer Armee flüchtete, unsere Armee ihn sofort, ohne Aufschub verfolgt hätte: wären zwar nicht alle Kämpfe Ungarns, doch wäre einer der wichtigsten sicherlich erledigt, denn eine flüchtende Armee, von einer, durch den Sieg begeisterten Armee verfolgt, zu vernichten, ist eine so leichte Arbeit, dass ich nicht der Überzeugung loswerden konnte, dass wenn wir dann nicht sofort die Frage gestellt hätten, was für ein Fluss das ist, ob er Leitha oder etwas anderes heisst, wo wir durchsetzen mussten, sondern den Feind sofort verfolgt hätten; dann wäre Ungarns Kampf zweifellos zum grössten Teile entschieden, und Wien gerettet. Die Last dieses Zeitverlustes bedrückte mich sehr und das war der eine Grund, wes-

halb ich es für nötig hielt, die Erlaubnis einzuholen, ins Lager gehen zu dürfen, und zu versuchen, dieses Versäumnis gutzumachen. Ich wollte nicht mit leeren Händen gehen, und ich kann es dem verehrten Abgeordneten Hause sagen, dass in dieser Nation, in deren Schichten, die wir Volk nennen, Entschluss und Begeisterung zu allen Opfern vorhanden ist; ich kann es sagen, dass auf den Aufruf meiner schwachen Stimme Tausende auch an der Donau aufstanden, so, wie ich die Begeisterung an der Theiss vorfand, und ich konnte im Lager mit etwa 13—14 Tausend Mann und 24 Kanonen erscheinen; doch vermochte weder diese, noch irgendwelche andere, noch so grosse Armee weder den Wandel der Umstände, noch die verpasste Gelegenheit wieder gutzumachen. Doch soll darüber erst die Geschichte das Urteil fällen. Ich hielt es für unumgänglich notwendig, unter der Bedingung, dass ich von den Heerführern gesichert werde, dass es auch im Falle der Ergebnislosigkeit die grösste Wahrscheinlichkeit dazu besteht, dass wir unsere Armee nicht verlieren, ich hielt es also für eine unumgängliche Notwendigkeit, Wien vom Feinde zu befreien zu versuchen; ich empfand dies erstens darum, weil es schien, dass im Falle der Niederlage Wiens der Feind, der zur Unterdrückung der sich entfaltenden Freiheit aufgestellt wurde, sich mit all' seiner Kraft gegen Ungarn wenden würde: dem vorzubeugen also, falls möglich, hielt ich für nötig. Zweitens meinte ich: falls Wien genommen wird, ohne dass Ungarn, das infolge der Ereignisse vom 6. Oktober Wien einen gewissen Dank schuldig ist, nur einen Versuch zu seiner Rettung gemacht hätte: wird der Feind nicht nur mit seiner eigenen, sondern auch von der Kraft der Wiener Bevölkerung verstärkt, die bis dahin gegen Ungarn feindlich gesinnt werden wird, gegen Ungarn ziehen. Und drittens: weil es in der Ehre der Nation eine moralische Kraft gibt, die aufrechtzuerhalten ist, ausgenommen vielleicht den Fall des endgültigen Unterganges, die um jeden Preis aufrechtzuerhalten ist, denn nur dadurch kann die Verdoppelung, nötigenfalls auch die Vervielfältigung der materiellen Kraft erwirkt werden. Eine Nation, die diesen Schatz nicht bewahrte, kann kaum eine Zukunft haben.

Ich kann es vor dem verehrten Abgeordneten Hause erklären, dass es, nachdem ich die Umstände gründlich überprüfte, zu den schwierigsten Minuten und Tagen meines Lebens gehörte, als ich überlegte, ob ich das Wort »vorwärts« aussprechen soll oder nicht. Alle Umstände vergleichend, sah ich mich durch die wichtigsten politischen Gründe dazu bewegt, dass ich den Vormarsch verordnen soll. Da jedoch der Heerführer erklärte, dass ein Erfolg unmöglich sei, da s der Generalstab nur ungern die Leitha durchschreiten würde, dass die Stimmung in der Armee infolgedessen nicht gut sei, und wir riskierten, unsere ganze Armee zu verlieren, sagte ich, fiel es mir noch so schwer, dass wir die Armee keinesfalls verlieren dürfen, folglich werde ich das Wort »vorwärts« nur aussprechen, wenn es jemanden im Generalstab gibt, der es erklärt, dass er diese Meinung nicht teilt, und dass unsere Armee auch im Falle einer Niederlage

nicht untergehen wird. Ich verhandelte mit diesem und jenem, erkundigte mich, ob es sicher sei, dass wir mit dem Verlust der Schlacht zugleich unsere Armee verlieren, und da es jemanden im Generalstab gab, der einen Plan darüber einreichte, wenn wir auch in der Schlacht unterliegen würden, denn der Ausgang einer Schlacht liege in Gottes Händen, und keiner könne sich rühmen, immer gesiegt zu haben, scheinete es doch für wahrscheinlich, dass wir unsere Armee nicht verlieren werden. Und diese Person war General Görgey, welcher sagte, unter den bestehenden Umständen gebe es keine Wahl, man müsse um jeden Preis vormarschieren; und ich übernahm die schwere Verantwortung und sagte: die Armee soll also versuchen, Wien von der feindlichen Belagerung zu befreien.«

Im weiteren Verlaufe seiner Rede schilderte Kossuth den Ablauf der Schlacht, wies darauf hin, dass während des achtstündigen Kampfes, Wiens Bewölkerung keinen Versuch machte, sich in denselben einzumischen, gedachte mit Lob der Standhaltung des grössten Theiles der Armee, schilderte die getroffenen Massnahmen zur Bildung der einheitlichen Honvédarmee, gedachte der Ernennung Görgeys zum Oberbefehlshaber, und setzte zum Schluss fort:

»Ich möchte, von der Überzeugung ausgehend, dass ich Ungarn während seiner Geschichte von vielen Kriegen, von vielen Fährnissen erprobt, jedoch keinen Freiheitskrieg Ungarns mit Niederlage beendet sah, sondern höchstens von Übereinkommen, die für einige aus persönlichen Interessen vielleicht nützlich waren, und die von dem zur Nachsicht immer bereiten Grossmut der Nation gebilligt wurden, und da ich sah, dass die gerechten Kämpfe um die Freiheit, wenn sie auch langwierig waren, doch immer siegreich geführt worden sind, möchte ich der Nation die einzige Überzeugung ans Herz legen, dass sie sich weder durch kleine, noch durch grosse Verluste dazu verführen lasse, an ihrer gerechten Sache zu zweifeln, sondern bewahre den festen Glauben, dass zwar die feindlichen Truppen, die die Freiheit unserer Nation zertreten wollen, und es versuchen werden, an der Leitha einzufallen, wenn nicht dort, dann bei Győr, wenn hier nicht, dann bei Komárom oder Pest, oder an der Theiss, oder fern in den Schlupfwinkeln der Berge, doch schliesslich einmal von uns besiegt werden.

Wenn sich die Nation von dieser Überzeugung führen lässt, kann sie in der Geschichte der Vergangenheit, getrost auch das Bild ihrer ruhmvollen Zukunft erblicken. Diese Nation erlitt viel Ungerechtigkeit, führte viele grossen Kämpfe, aber gegen so viele und derartige Niederträchtigkeiten, wie jetzt, musste sie noch nie kämpfen. Kann sich keiner eines Sieges über die unvorbereitete Nation rühmen, so werden sich des Sieges über das vorbereitete Ungarn, nicht einmal die Tore der Hölle rühmen können.«

Als Kossuth seine Rede beendete, stimmte ihm der Reichstag Vertrauen, und vertraute die Weiterführung der Angelegenheiten des Landes dem Landes-

verteidigungsausschuss an ; durch diesen Akt wurde das erste, wichtige Kapitel des Selbstverteidigungskampfes der ungarischen Nation abgeschlossen.⁸⁵

Engels, der die Ereignisse der Entstehung, des Ablaufes und der Niederlage der Wiener Revolution mit der leidenschaftlichen Parteilichkeit des revolutionären Zeitgenossen und mit der Methode des wissenschaftlichen Sozialismus analysierte, machte den Führern der ungarischen Revolution mit Recht zum Vorwurf, dass sie die vortreffliche Gelegenheit, die ihnen durch den Sieg bei Pákozd und durch die Wiener Revolution geboten wurde, nicht erkannten und nicht zur Weiterführung der revolutionären Bewegung benutzt hatten. »... war es zweifellos Ungarns Pflicht, — schreibt Engels — ohne Zögern und mit allen verfügbaren Kräften nicht dem Wiener Reichstag, nicht dem Sicherheitsausschuss oder sonst einer offiziellen Körperschaft in Wien, sondern der *Wiener Revolution* zu Hilfe zu kommen. Und selbst wenn Ungarn vergessen hätte, dass Wien die erste Schlacht Ungarns geschlagen, so durfte es der eigenen Sicherheit wegen nicht vergessen, dass Wien der einzige Vorposten der ungarischen Unabhängigkeit war und dass nach dem Falle von Wien nichts den Vormarsch der kaiserlichen Truppen gegen Ungarn aufhalten konnte.«⁸⁶

Aus dem aufgeführten Beweismaterial konnten wir ersehen, dass jene Leiter des ungarischen Freiheitskampfes — Kossuth, Csányi, Pulszky — die später bis zum Äussersten an der Sache der Revolution aushielten, das Obige nicht vergassen, und es mit den richtig aufgefassten Interessen unserer eigenen Unabhängigkeit verbanden, als sie die Hilfeleistung an das Wiener Volk bedingungslos forderten. Doch legte das angeführte Material auch jene Ursachen klar, die das entscheidende Handeln aufschoben, die Kräfte zehrten, und den Sturz der Sache hervorriefen : das wankelmütige, opportunistische Verhalten eines Teiles der politischen und militärischen Leiter, den Mangel an revolutionärer Tapferkeit im Offizierskorps, die Keime des Verrats und weitere Momente, über die Kossuth und seine Genossen in dieser Anfangsperiode der Revolution, mangels der nötigen Erfahrungen, nicht Herr werden konnten. Mit Recht fragte Engels : »Angenommen, das Volk von Wien hätte sich am 13. März und 6. Oktober ängstlich in den Grenzen »gesetz- und verfassungsmässiger Mittel« gehalten, was wäre dann aus der »gesetz- und verfassungsmässigen Bewegung« und all den glorreichen Kämpfen geworden, die Ungarn zum erstenmal die Achtung der zivilisierten Welt verschafften?« Auf das peinliche Bestreben, mit welchem die Leiter des Freiheitskampfes — auch Kossuth — auf dem Boden der Gesetzmässigkeit zu verbleiben versuchten, bemerkte Engels treffend, dass »es nicht den geringsten Nutzen bringt, sich ausdrücklich nur gesetzlicher Mittel zu bedienen gegenüber einem Feinde, der sich über

⁸⁵ Die vollständige Rede erschien zuerst im Közlöny, am 11. November.

⁸⁶ K. Marx — F. Engels : Revolution und Konterrevolution in Deutschland. Berlin, 1949. S. 90.

solche Bedenken nur lustig macht.«⁸⁷ Auf Grund der Erfahrungen im Oktober ist auch Kossuth selber daraufgekommen, dass den »schlimmen Folgen von Verrat, Eidbruch und schauerhaften Ränken« durch »Vermittlungen, Eingaben, Adressen« nicht vorzubeugen sei,⁸⁸ und in den darauffolgenden Monaten zog nicht nur er selbst alle Konsequenzen aus dieser Erkenntnis, sondern konnte auch seine Nation zum Kampf gegen die Angriffe der Gegenrevolution auf die Beine stellen.

Eben deshalb wäre es verfehlt, nur die negative Seite der Unternehmung von Schwechat zu sehen. Trotz der unleugbaren militärischen Niederlage, war hierin nicht nur das auch von Kossuth hervorgehobene Standhalten eines grossen Teiles der Honvédarmee ein Positivum, sondern auch der Umstand, dass die Frage des Verrats der Kamarilla und die der Übernahme des revolutionären Kampfes in ihrer vollen Schärfe aufgeworfen wurden. Und in Verbindung hiermit war das grösste Positivum die Tatsache, dass diese Unternehmung auch Kossuth den entscheidenden Impuls gab, durch welchen er sich von dem bis dahin forcierten Standpunkt der »Gesetzmässigkeit« losmachen konnte. Die Rede vom 9. November zeugt schon von diesem neuen Kossuth: sie wird von einem alle Zuhörer bestrickenden Optimismus gekennzeichnet; Kossuth fand nach den Zweifeln der vergangenen Monate sich selbst wieder, wurde zum Revolutionär, und erwuchs zu jenen riesigen Aufgaben, deren Lösung im Laufe der kommenden Monate seiner harrte. Es war ausschliesslich sein Verdienst, dass die erlittene Niederlage nicht zum Ausgangspunkt des Sturzes der Sache, sondern zur Einleitung der Erhebung, des revolutionären Aufschwunges wurde. Auf die Niederlage von Schwechat folgte nicht der Sturz des ungarischen Freiheitskampfes, sondern jene Periode, die Marx mit Recht dem glorreichen Jahr der grossen französischen Revolution, 1793, gegenüberstellte; und dass dies so geschehen konnte, war in erster Reihe das Verdienst des durch die Erfahrungen des Monats Oktober und im Feuer der Schlacht von Schwechat abgehärteten, zum Revolutionär gewordenen Kossuth.

I. Barta

⁸⁷ A. a. O. S. 93.

⁸⁸ S. weiter oben S. 366.

РУКОВОДИТЕЛИ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ В ВЕНГРИИ И ВЕНСКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Очерк, на основании богатого, еще не изданного материала рисует картину событий октября 1848 г., в то время когда молодая венгерская армия стремилась освободить Вену от осады императорских войск. Документы, описывающие события 1848 г., открывают перед нами все успехи и недостатки начального этапа венгерской революции. Венгерская армия 29 сентября одерживает в пакозском сражении победу над Елаличем, но неспособные — и в большей их части — реакционные руководители не могут или не хотят использовать эту победу, и разбитый неприятель таким образом имеет возможность оставить страну.

Население Вены с помощью революции препятствует тому, чтобы наемник реакции, Елалич получил военную помощь; перед венгерской армией возникает новая возможность уничтожения врага — бежавшего из-под Вены — с помощью революционного населения Венгрии. Однако, венгерские политические деятели и военные руководители всеми силами стараются удержаться на почве легальности, боясь выступить на революционную арену против реакции, хотя та уже давно покинула пределы легальности, в результате чего новая возможность остается неиспользованной.

Кошут в эти дни в провинции вербует солдат в новую венгерскую армию, и когда он наконец берет в свои руки руководство, возможность победы над Елаличем и комбинация помощи венской революции уже исчезла. Но и Кошут колеблется, ожидая из Вены официального приглашения. Однако буржуазное большинство венского рейхстага и муниципалитета боится сделать решающий шаг также, как и руководители венгерской армии. Наконец Кошут лично идет в армию и, отбросив опасения, дает приказ о наступлении; но уже поздно: Вену окружили объединенные силы трех императорских армий, силы защитников с каждым днем сокращаются, и 30 октября, в день решающего сражения, они уже не в состоянии поддержать венгров контрнаступлением. Венгерская армия проигрывает сражение под Швехатом, отступает, а оборону Вены разгромяет превосходящая сила императорских войск.

Итак, солидарность революционных народов не могла одержать победу над неспособностью, малодушием и предательством. Однако опыт, приобретенный в ходе событий, принес пользу делу венгерской революции. Кошут, используя этот опыт приступил к чистке венгерской армии, к политической, хозяйственной и военной организации оборонительной войны, и этим создал предпосылки крупных побед венгерской революции, одержанных весной 1849 года.

I. Barta.

ВЕНГЕРСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Продолжение)

1918 год начался значительными боями венгерского пролетариата. На митингах, созванных 13 января 1918 г. в большинстве случаев принимали резолюцию левого антимилитаристского межзаводского комитета; эта резолюция — собственно говоря — является выражением недоверия социал-демократическому партийному руководству. В резолюции — между прочим — говорилось: в интересах того, чтобы стала наконец возможной социалистическая партийная политика, использующая без оппортунизма и страха все возможные средства классово-борьбы, «немедленно нужно создать... Будапештский совет рабочих депутатов... Партийное руководство за все свои действия, должно отвечать перед Будапештским Советом рабочих депутатов и обязано всегда действовать в соответствии с политикой последнего.»⁹⁸

О дальнейшей радикализации венгерских рабочих масс в январе 1918 г. свидетельствовала всеобщая забастовка лозунгом которой было: «Да здравствует русская революция! Мира и Хлеба!» Эта забастовка началась 18 января; рабочие крупнейших заводов столицы решили прекратить работу и вышли на улицу⁹⁹. Руководство социал-демократической партии сочло за лучшее встать во главе уже начавшегося движения и тем самым обеспечить свое влияние на него. В интересах подавления забастовки не только правительство мобилизовало все силы — в том числе и надежные боснийские и чешские полки — но и руководство социал-демократической партии сделало все, чтобы как можно скорее положить конец движению, принимавшему все более революционный характер. На этот раз между правительством и социал-демократическими руководителями было достигнуто уже теснейшее сотрудничество. В результате переговоров и непосредственного сотрудничества социал-демократических руководителей и правительства, была выпущена та правительственная декларация,¹⁰⁰

⁹⁸ Цитируется в статье Дьюла Хевеши. «Társadalmi Szemle» март-апрель 1949 г.

⁹⁹ См «Népszava» за 22 января 1918 г. «Három nap története» (История трех дней).

¹⁰⁰ Из мемуаров Бухингера очевидно, что правительственная декларация, частично была составлена Кунфи (Buchinger, Ук. соч., стр. 266.).

в которой премьер-министр Вэкэрлэ заявил, что он «отвечает и ручается» за то, что мир с Советской Россией «не сорвется из-за захватнических намерений» со стороны Австро-Венгерской Монархии и, что правительство «искренне» и «неизменно намерено раньше всех других вопросов обсудить и узаконить всеобщее избирательное право.¹⁰¹ Руководство социал-демократической партии встретило вышеприведенные заявления правительства как большую победу, объявило их «имеющими колоссальное значение» и заявило, что пролетариат достиг «самого большого достижимого результата». Ссылаясь на то, что «министерство иностранных дел (австро-венгерской) монархии и венгерское правительство встали на путь, ведущий к всеобщему миру . . . правительство открыто взяло на себя обязательство в вопросе о всеобщем избирательном праве . . .», руководство социал-демократической партии через три дня, 21 января, объявило всеобщую забастовку оконченной.¹⁰² Тогда вопреки решению партийного руководства и профсоюзных уполномоченных, рабочие многих крупных будапештских предприятий под руководством левых элементов продолжали забастовку.

Это был случай, беспрецедентный в истории венгерского рабочего движения, настолько, что социал-демократическое партийное руководство считало себя вынужденным демонстративно уйти в отставку и передать ведение дел «временному комитету», избранному из числа партуполномоченных.

Правительство, как это можно было заранее ожидать, не выполнило своих громких обещаний, и в дальнейшем все обещания оказались ложью. Монархия и через нее — венгерское правительство приняли участие в тех позорных действиях, которые совершались войсками центральных держав на тех советских территориях, которые они занимали.

Оно подписало брест-литовский мир. Во внутривнутриполитической же области, вступив в союз с бывшим премьер-министром Тисса —, предало всеобщее избирательное право. Правы оказались те лево настроенные рабочие, которые не верили Вэкэрлэ, — этому известному своим цинизмом и беспринципностью политику, всегда верно служившему интересам помещиков и крупной буржуазии, — и которые продолжали в январе политическую забастовку вопреки воле социал-демократического руководства. Все это не помешало последнему считать своей самой неотложной задачей начать поход против левых элементов, внутри партии и профсоюзов. Цель

¹⁰¹ «Népszava», 22 января 1918 г.

¹⁰² Там же. Воззвание руководства социал-демократической партии «A szervezett munkásokhoz» (К организованным рабочим). «В военных кругах никто не думает о захватах или об аннексии» — писала «Népszava» в передовой статье на следующий день (23 января 1918 г.) «A tömegsztrájk sikere» (Успех массовой забастовки). («Мы со спокойным сознанием можем сказать, что после массовой забастовки положение венгерской внутренней политики стало существенно иным, чем до нее.» («Népszava», 24 янв. 1918 г.) «A koncentráció» (Концентрация).

изоляция их преследовал «чрезвычайный съезд партии»,¹⁰⁴ созванный 9 февраля 1918 года, — первым пунктом повестки дня которого был вопрос — «Причины ухода в отставку партийного руководства и ближайшие задачи партии». Действительной целью чрезвычайного съезда партии было укрепление пошатнувшейся позиции оппортунистского руководства, воспрепятствование формированию сильного и способного к действию революционного левого крыла, дальнейшее обеспечение того положения, на которое с гордостью ссылался главный докладчик съезда, Якоб Вельтнер: «... среди воюющих государств мы являемся в Европе единственной партией, которая в период войны сумела остаться единой.»¹⁰⁵

В интересах сохранения этого беспринципного, гнилого единства, отражавшего относительную отсталость венгерского рабочего движения, оппортунистические лидеры и на этот раз — как уже столько раз и раньше! — прибегли с одной стороны к громкой лжи — и к радикальной демагогии, с другой стороны, — к дискредитации левых оппозиционных элементов.

Доклад Вельтнера был наполнен радикальными заявлениями... «Все венгерское рабочее движение представляет собой левое крыло против буржуазии... вся наша военная политика следует циммервальдскому направлению... в своей экономической и политической борьбе мы остались на позиции классовой борьбы, особенно же в вопросе войны... нам наплевать на все (буржуазные) партии...»¹⁰⁶

В этом же докладе Вельтнер выразил свое убеждение в том, что «съезд найдет те методы и средства, которыми можно создать порядок внутри партии.»

Широкую социальную основу для укрепления левого течения создали влившиеся во время войны в партию и профсоюзы новые слои рабочих, главным образом, массы заводских рабочих, бывшие до того неорганизованными. В прошлом партийная и профсоюзная бюрократия преступно халатно относилась к организации этих масс, рабочие организации были прежде всего владениями квалифицированных, лучше оплачивавшихся слоев рабочей аристократии, находились под их решающим влиянием. Партийные и профсоюзные руководители, хотя и не могли воспрепятствовать вливанию в период войны в профсоюзные и партийные организации масс менее квалифицированных венгерских рабочих, но относились к ним во всяком случае с нескрываемой неприязнью, с истинно аристократическим высокомерием, прежде всего потому, что боялись радикализма этих

¹⁰⁴ «Необходимость чрезвычайного съезда была вызвана в первую очередь разрушением партийной дисциплины» — писала «Népszava» в номере от 12 февраля 1918 года.

¹⁰⁵ «Népszava», 12 февраля 1918 года.

¹⁰⁶ Там же.

масс, и их боевых требований — и не без основания. Резолюция, принятая чрезвычайным партийным съездом, старалась заклеить эти новые широкие рабочие массы, которые враждебно относились к оппортунистической политике партийного руководства, как политике рабочей аристократии.

«К нашей партии присоединились и такие слои, которые еще полны буржуазной идеологией, десятки тысяч таких рабочих, которые еще не освободились полностью от ядовитого влияния капиталистической лжи».¹⁰⁷

Однако, ни «чрезвычайный партийный съезд», ни дальнейшая тормозящая политика руководителей и их походы против левых элементов не могли воспрепятствовать тому, чтобы в течение 1918 года одно за другим следовали значительные массовые движения, забастовки, демонстрации венгерского рабочего класса и стычки с заводскими командованиями и т. д.

«Руководители партии и профсоюзов, — писал об этом Бухингер, — большая часть профуполномоченных не делала ничего иного, как призывала рабочих к терпению и постоянно пыталась их тормозить, но в рабочих накопилось столько недовольства, что все это уже не помогало. Постепенно и правительство дошло до того, что уже не могло управлять событиями или влиять на них.»¹⁰⁸

Пресса «по указанию свыше» строго замалчивала антивоенные движения, чтобы «заразительный пример» не повел за собой еще больше последователей. Именно поэтому историк рабочего движения этих лет вынужден опираться почти исключительно на секретные материалы архивов. На основе правительственных распоряжений, мероприятий властей, судебных приговоров и т. д., направленных на подавление антивоенных движений, можно наилучшим образом составить приблизительную картину рабочего движения в последний год войны. Но эта картина именно поэтому не может быть полной, более того, она не всегда соответственна.¹⁰⁹

Среди крупных забастовок 1918 года нам при рассмотрении важнейших из них непременно нужно упомянуть забастовку рабочих решицабаньских заводов Австро-Венгерского государственного железнодорожного общества, продолжавшуюся с 22 мая по 3 июня 1918 года, в которой приняло участие не менее восьми тысяч рабочих. Решицабаньские заводы были милитаризованы. Рабочие прокатного завода уже в январе 1918 года

¹⁰⁷ «Népszava», 12 февраля 1918 г. Клевету на левые элементы партийное руководство начало уже в период январской забастовки: «Среди присоединившихся к нам слоев имеется огромное количество таких людей, которые до сих пор были яркими врагами рабочего движения, есть такие элементы, которые своим мнимым присоединением к рабочему движению хотят сделать успешной ту работу, которую до сих пор они не могли выполнить, пока противостояли рабочим.» (Воззвание партийного руководства по случаю окончания забастовки. «Népszava», 22 января 1918 г.)

¹⁰⁸ Buchinger, Ук. соч., стр. 267.

¹⁰⁹ Так, например, нам не удалось найти материалов о значительных железнодорожных забастовках 1918 года. Дело в том, что архивные материалы министерства торговли, касающиеся военного времени 1914–18 гг., сгорели во время второй мировой войны.

начали забастовку из-за запланированного призыва в армию одного из профуполномоченных. Тогда этот конфликт с военным комендантом, завода закончился соглашением. Однако не так было с движением начатым в конце марта за сокращение рабочего времени и повышение зарплаты. Обвинительный акт прокуратуры, изданный в связи с этим делом, следующим образом рассказывает историю забастовки:

«Рабочие рещицабаньских заводов с 27 марта по 6 апреля текущего года проводили движение с целью повышения зарплаты, и в интересах достижения результатов этого движения прекратили работу.

35 рабочих, — отказавшихся от работы — компетентные военные власти наказали так, что распорядились о призыве их в армию.

Это распоряжение военных властей было выполнено 21 мая 1918 года.

На следующий день, то есть 22 мая, рабочие прокатного завода прекратили работу. Это распространилось и на остальные заводы и 22 мая рабочие завода огнеупорного кирпича также прекратили работу.

Они требовали от военных властей отмены наказания 35 рабочих и ликвидации распоряжения об их призыве.

Военные власти не выполнили этого требования рабочих.¹¹⁰

Лугошский королевский прокурор в своем донесении министру юстиции от 1 июня 1918 года подчеркивает, что массовое прекращение работы рещицабаньскими рабочими — не простое движение за повышение зарплаты, а движение, происходящее от того, что рабочие настаивают на выполнение своих требований из престижа. Приведем из донесения следующую выдержку:

«Прекращением работы рабочие хотели и хотят влиять на действия военных властей и принудить их изменить свое решение относительно наказания 35 рабочих; новым же требованием является освобождение 163 арестованных профуполномоченных и прекращение следствия против них, ведущегося военным трибуналом...

Военные власти со своей стороны арестуют тех рабочих, которые не приступят к работе сегодня и особенно 3 июня и принудят их к работе дисциплинарными мерами, против тех же, кто не подчинится, начнут уголовное следствие.¹¹¹

Согласно донесению тимешварского главного королевского прокурора, военный комендант не посмел отправить арестованных ночью, «поскольку — согласно полученной им секретной информации — в случае отправки ночью можно было опасаться нападения на поезд.¹¹² Но и так доставка арестованных рабочих в военный суд не проходила гладко.

¹¹⁰ Г. А. Документы Венг. корол. министерства юстиции. 1918. Ві. 484.

¹¹¹ Г. А. Венг. корол. мин. юст. 1918. Ві. 484/3.

¹¹² Там же. Донесение от 29 мая 1918 года.

». . . Толпа, состоявшая большей частью из женщин и детей, поставила перед поездом, о котором предполагали, что в нем везут арестованных, вагон, и сама также стала на рельсы и так принудила поезд остановиться.»¹¹³

Движение рабочих решицабаньских предприятий было подавлено с самой безудержной жестокостью. В этом районе, населенном главным образом нацменьшинством, вдалеке от контроля общественного мнения, военное насилие могло быть осуществлено гораздо более свободно и неограниченно, чем в столице. В результате этого 7 июня решицабаньское «Командование венг. корол. рабочей группы народного ополчения» сообщило министерству обороны о происшедшем несколько дней тому назад окончании забастовки. Как этого удалось достичь, более или менее видно и из самого донесения :

»На улицах и дорогах у всех проверяли документы и в результате этого те рабочие, имевшие старые удостоверения или вообще таковых не имевшие, были арестованы. После этой акции улицы опустели, я же продолжал арестовывать рабочих на квартирах. После полудневного ареста рабочие заявили, что приступят к работе, и так они были переданы предприятиям.

Я писал главным исправникам Решицабани и Бокшанбани, чтобы в принадлежащих им районах и селах, было опубликовано следующее : рабочие Решицабани должны немедленно явиться на работу, в противном случае следствие по их делу будет продолжено.

Пребывание посторонних лиц в этой местности строго контролировалось и один из сотрудников «Непсава» и один из членов будапештского центра металлистов были вынуждены немедленно уехать. Этот центр (металлистов) призвал местную группу, чтобы она послала к министру делегацию из десяти-пятнадцати рабочих, но я и этого не разрешил.»¹¹⁴

За проведенную «хорошую работу» венг. корол. министр обороны выразил свое величайшее признание и представил это в качестве примера, достойного подражания.

». . . Самые энергичные меры, предпринятые при начале этой забастовки, выполнение их с последовательной строгостью принесли полный успех. Распоряжения, сделанные в целях прекращения этого забастовочного движения, дают типичный пример того, какие меры должны применяться в будущем по отношению к подобным рабочим движениям . . .»¹¹⁵

Этому примеру и последовали военные коменданты остальных милитаризованных предприятий. Однако, борьба рабочего класса в этот период уже достигла той ступени, когда всякое насилие является лишь новой пищей этого движения, и только еще больше раздувает его. Военный комен-

¹¹³ Там же. Донесение, датированное 8 июля 1918 г. из Будапешта.

¹¹⁴ Г. А. Копия, к № 13894/elп. 4. а. -- 1918 г. Мин. обороны.

¹¹⁵ Г. А. — М. Е. 1918. 5778./res.

дант Петроженских шахт, полковник Ставинский, например, в своем письме к «инспектору предприятий, работающих на военную администрацию в странах венгерской святой короны» генерал-лейтенанту Ференцу Чврчек следующим образом характеризует настроение рабочих долины р. Жила.

«... Угрожая прекращением работы, они буквально требуют аннулирования назначенных нами дисциплинарных наказаний. На участке Лоняи они напали на помещение для заключенных, разрушили его и освободили приговоренных к наказанию.

Пропуски работы по неуважительным причинам, позднее возвращение из разрешенного отпуска и различные нарушения постоянно находятся на повестке дня.

Рабочие-ополченцы выступают и против решений руководств местных групп и просто плюют на них.

Они подозревают, бранят и терроризируют профуполномоченных,¹¹⁶ даже за их усилия, служащие интересу и общему благу рабочих.»¹¹⁷

11 июня 1918 года шахтеры Татабани — 4000 человек — начали забастовку. Причина прекращения работы заключалась в том, что шахтеры г. Таты не были согласны стерпеть отправку в армию — в наказание — пяти своих товарищей. В связи с забастовкой жандармы провели аресты, солдаты силой загоняли горняков в шахты. Однако, несмотря и на это, шахтеры не работали. Хотя сотни забастовщиков отправлялись в армию, забастовка продолжалась 11 дней. Военный министр Австро-Венгрии в своем секретном письме на имя венгерского премьер-министра выразил величайшее недовольство и возмущение по поводу длительности забастовки:

«11 — дневная забастовка — в таком важном с точки зрения добычи угля районе, как Татабаня — наносит особенно тяжелый ущерб боеспособности армии, но ущерб этот велик и с точки зрения общественных интересов.

Какое непосредственное влияние оказывает в настоящих условиях забастовка на шахтах на зависящие от них предприятия военной промышленности, видно например и из того, что военные руководители Венгерского Пушечного Завода, зависящего от татабаньских шахт, уже 20 июня заявили, что из-за недостатка угля предвидится остановка завода... Остановка предприятия, угрожавшая из-за недостатка угля, ввиду начавшейся в этот период всеобщей забастовки потеряла свою актуальность.»¹¹⁸

После январской всеобщей забастовки, самым значительным и имевшим самое большое влияние событием в истории антивоенного рабочего

¹¹⁶ Генеральным секретарем союза горняков и металлургов был Кароль Пейер.

¹¹⁷ Г. А. — М. Е. 1918. 5386/res.

¹¹⁸ Г. А. — М. Е. 1918. 8822/res. На немецком языке. (*Курзив мой Э.А.*)

движения 1918 года была, несомненно, июньская всеобщая забастовка, вызванная кровопролитием, устремленным жандармами на Гос. Механическом Заводе (MÁV). Стихийное возмущение рабочих буквально смело все препятствия. Правительство мобилизовало большое количество вооруженных сил и, можно сказать, оккупировало столицу. Чтобы воспрепятствовать распространению забастовки на провинцию, правительство прекратило телеграфное сообщение и выключило междугородные телефонные линии. Кроме этого было принято решение о введении широких репрессивных мер против рабочих объединений и рабочей печати. Несмотря на все это, забастовка распространялась с невероятной быстротой, сперва в столице — где остановились трамваи и не издавались газеты — а затем в провинции, и так забастовка продолжалась с 20 по 27 июня. Начальник — полностью мобилизованной будапештской государственной полиции — Ласло Шандор, следующим образом доложил министру внутренних дел о том, что произошло на Механическом Заводе Государственных Железных Дорог, а результатом же этих происшествий является забастовочное движение :

«На Механическом Заводе Государственных Железных Дорог (MÁV), рабочие с июня 1916 года служат в ополченском рабочем батальоне; вследствие их требований о повышении зарплаты, прекращение труда было на повестке дня. В последний раз 17 числа текущего месяца 117 подсобных рабочих литейного цеха прекратили работу, требуя выплаты 160 филлеров аккордной платы вместо 90 филлеров. 18-го июня, после полудня, полковник Даннингер прибыл на завод, принял делегацию бастующих рабочих и сообщил им, что он не вмешивается в вопросы зарплаты, для этого существуют специальные органы, однако, от них, как от рабочих, являющихся членами батальона ополченцев, он требует, чтобы они немедленно начали работу. Это заявление полковник повторил и перед всеми бастующими, собравшимися перед военной конторой.

В 8 часов утра 19-го июня бастующие подсобные рабочие литейного цеха начали работу, однако полчаса десятого — вновь прекратили. Часть литейного железа была уже в котле, другая часть — в литейных формах. Чтобы расплавленный металл не остыл и не превратил бы котлы в негодные, руководитель энергетического центра послал двух квалифицированных рабочих в литейный цех, чтобы они смогли вылить расплавленный металл вместе с другими подсобными рабочими, которые хотели работать.

Одному из работающих квалифицированных рабочих бастующий подсобный рабочий Ференц Завади пригрозил; это моментально было доложено военному коменданту. Комендант вызвал Ференца Завади сегодня к себе на рапорт. Вместе с Завади к помещению военного командования пришло 400 рабочих литейного цеха; они хотели повлиять на военного коменданта майора жандармерии Йожефа Жейонка, чтобы он не применял по отношению к Завади серьезных мер. Майор Жейонка призвал собрав-

шихся разойтись. Однако этот призыв не увенчался успехом, после чего майор разогнал рабочих с помощью жандармов, постоянно находящихся в его распоряжении. Через четверть часа и из других цехов вышли рабочие, и так к зданию военного командования прибыло приблизительно 1000 рабочих; они протестовали против того, что их товарищей по работе отогнали от военной конторы винтовками.

Один из служащих завода вышел к рабочим и постарался их успокоить и уговорить, чтобы они спокойно разошлись; затем майор Жейонка вышел сам к толпе и предупредил рабочих, что враждебное поведение и недовольство могут вызвать тяжелые последствия; если они не выполнят его приказаний, он будет вынужден самым энергичным образом выступить против них. Очевидно, это произвело впечатление на рабочих, потому что некоторые из них готовы были удалиться, однако, один рабочий крикнул, что «мы все равно не разойдемся!» Это восклицание изменило настроение рабочих и они остались на месте. Жандармы пытались их разогнать, не применяя оружия. На что рабочие начали бросать в них гайками, в результате чего было ранено несколько жандармов, и даже сам майор Жейонка получил рану на голове и на руке. Согласно утверждению заводских служащих со стороны цехов раздалось два выстрела; под влиянием этих событий майор Жейонка приказал применить оружие; однако, майор не приказал стрелять залпм. Жандармы стреляли в тех, которые швырялись гайками.

В результате применения оружия тут же на месте трое рабочих умерло — поденщик Шандор Мира, 31 года, поденщик Дьердь Фацан, 38 лет, и медник Иштван Тот. Согласно полученному мной позже сообщению, четвертый рабочий умер во время доставки его в больницу. Помимо умерших, было ранено 19 рабочих...

После этих событий рабочие вышли с завода и, перейдя через площадь Барош, направились к парламенту. Рабочие соседнего вагоностроительного завода «Ганц», услышав выстрелы, вышли с завода и, узнав о случившемся, часть их проникла на механический завод МАВ через ворота на улице Голгота и начала громить близлежащие конторские помещения.¹¹⁹

Правительство сделало все, чтобы воспрепятствовать распространению забастовки на провинцию. «Пресс-комиссия» еще в тот же день, 20 июня, обратилась к редакциям всех газет, призвав их в важных военных интересах не публиковать никаких известий о событии, происшедшем на механическом заводе МАВ (проспект Кёбанья), и о беспокойстве, заметном в связи с этим в рабочих кругах.¹²⁰ Такое же распоряжение «по указанию премьер-министра» было разослано — в частично зашифрованных теле-

¹¹⁹ Г. А.—I. М. Вi. 488/1. Здесь же можно найти сообщение об этом деле и руководителя будапештской королевской прокуратуры Альберта Вари, наполненное большим количеством — превосходящим даже обычное — злонамеренных искажений.

¹²⁰ Музей Института рабочего движения. Телефонграмма.

граммах — «всем начальникам комитатов, правителю Фиуме и всем королевским главным прокурорам».¹²¹ Несмотря на это, собравшийся на следующий день, 21 июня Совет Министров был вынужден заниматься вопросом о распространении забастовки по всей стране. В протоколе Совета Министров об этом рассказывается следующим образом:

«Господин министр торговли¹²² докладывает о том, что вместе с господином министром обороны¹²³ они уже давно собираются внести на рассмотрение вопрос о все более распространяющемся рабочем движении. Однако, вчерашний прискорбный инцидент гораздо скорее определил положение и сейчас уже, по его мнению, нужно без промедления действовать.

Он заявляет, что начавшаяся вчера забастовка со вчерашнего дня значительно распространилась. Она распространилась на все мастерские венгерских государственных железных дорог, носильщики на вокзалах прекратили работу и, насколько можно судить, скоро остановится работа и в депо.

Все обстоятельства свидетельствуют о том, что забастовка направляется (профсоюзным) центром, а именно ее двигателем в среде железнодорожников является выходящая под редакцией Енё Ландлера «Мадьяр Вашуташ Уйшаг» («Венгерская железнодорожная газета»).

Согласно донесению прокуратуры эта газета издала листовку, которая подстрекает к политической, экономической борьбе, в качестве достойного подражания образцу приводит русский пример и ссылается на результаты — применявшегося до сих пор рабочими — давления. Поскольку содержание этой листовки было нетерпимым, прокуратура распорядилась о запрещении ее, однако, это не имело результата, потому что обязательный к предъявлению экземпляр ее был показан лишь через два дня после рассылки, так что весь тираж ее из типографии «Вилагошаг» был отправлен. Прокуратура распорядилась о преследовании листовки, о принятии репрессивных мер и о задержании виновных.

Он заявляет, что забастовка распространилась и в провинции. Поскольку телефон и телеграф были подвергнуты контролю и запрету, распространение забастовки могло произойти лишь таким образом — у нас имеются данные об этом — что уполномоченные центра выехали в провинцию и можно буквально проследить момент начала забастовки, который совпадает со временем прибытия поездов по расписанию.

Он указывает на то, что положение таково, что, по всей вероятности, мастерские на железных дорогах повсюду прекратят работу, но замечает, что, по его убеждению, ж. д. движению ничто не грозит и он ручается за

¹²¹ Г. А.— I. M. VI. 301/63.

¹²² Йожеф Стерени.

¹²³ Барон Шандор Сурмаи.

машинистов, за аппарат службы движения и вообще за должностной и подсобный аппарат.

Между прочим — для характеристики положения — он замечает, что забастовка в долине р. Жила, хотя и прекратилась, но тамошнее положение таково, что работающие там служащие, в общем прошении просят оставления у них войск в полном составе, потому что положение является критическим и им угрожает большая опасность . . .

. . . Он просит полномочий для того, чтобы вычеркнуть из послужных списков всех бастующих . . . и если они входят в состав армии, распоряжение об их освобождении от военной службы будет отменено.

Совет министров принимает к сведению заявление и распоряжения господина Министра торговли и предоставляет ему просимые полномочия.

2.

Господин премьер-министр в связи с изложенным господином министром торговли относительно распространения волнений на провинцию заявляет, что он уже сегодня телеграммой дал указание всем начальникам комитатов немедленно задерживать прибывающих в провинцию подстрекателей.

Принимается к сведению.

3.

Господин министр торговли в согласии с господином министром обороны предлагает далее, чтобы все железнодорожные рабочие — независимо от того, пригодны ли они к военной службе или нет — были милитаризованы, чтобы таким образом они были изъяты из-под законов более мягкого гражданского суда и подвержены более строгому военному суду . . .

Совет Министров согласился и на это предложение и уполномочил господ министров торговли и обороны предпринять в этом отношении дальнейшие шаги.

5.

Господин премьер-министр¹²⁴ заявляет, что по всей вероятности, движение исходит из профсоюза металлистов. Он просит совет министров согласиться на то, чтобы в том случае, если начатое следствие каким-либо образом даст основания для эго подтверждения — руководители этого профсоюза были арестованы . . .

Совет министров одобрил это предложение и высказал также, чтобы все профсоюзы и профуполномоченные были подвергнуты следствию, во время же следствия, кроме королевского прокурора должен присутство-

¹²⁴ Шандор Вэкэрлэ.

вать и военный прокурор, который в случае необходимости арестовал бы данное лицо на основании § 327.¹²⁵

Настоящим совет министров выносит решение о необходимости роспуска всех рабочих объединений и о наложении запрета на их имущество.¹²⁶

6.

Господин министр торговли указывает на то, что руководство выскользнуло из рук профсоюзных руководителей и они должны плыть по течению. Чтобы сохранить свою руководящую роль, они должны продолжать подстрекать. Сегодня положение таково, что руководители могут организовать забастовку, но разоружить ее не могут. Поскольку девять десятых руководителей освобождены от военной службы, не следует ли их призвать в армию?

Господин министр обороны не советует делать так, чтобы призыв в армию был наказанием. По его мнению, если действия данных лиц дают к этому основания, нужно применять § 327 военного кодекса наказаний, а призыв в армию применять в тех случаях, если они вообще злоупотребляют своим освобождением от военной службы.

Совет министров принимает точку зрения господина министра обороны.

7.

Господин министр торговли считал бы еще нужным заняться вопросом о печати, в частности о газете «Непсава» и подобного же направления социал-демократических газетах, и поднимает вопрос, не было ли бы целесообразным запретить эти газеты на основании закона LXVI от 1912 года.

Совет министров поручает господину министру юстиции расследовать вопрос о запрещении¹²⁷ упомянутых газет.¹²⁸

Будапештский военный комендант в особом «приказе»,¹²⁹ со стороны же правительства премьер-министр Шандор Вэкэрлэ в «Воззвании», призвали бастующих рабочих немедленно начать работу, пригрозив им тем, что их действия «подлежат рассмотрению военных властей и наказуются

¹²⁵ В связи с июньской забастовкой было арестовано несколько сот человек.

¹²⁶ Такого распоряжения не последовало.

¹²⁷ Вследствие забастовки были запрещены профсоюзные газеты «Magyar Vasutas» и «Villamos» (см. Jászai Ук. соч., стр. 232).

¹²⁸ Г. А.—М. Е. 1918/4299. Протокол Совета Министров № 21. Частично был опубликован в альбоме «A Magyar Tanácsköztársaság» (Венгерская Советская республика) стр. 19—21. Подчеркн. мною Э. А.

¹²⁹ Г. А. Венг. корол. мин. Юст. VI. 488.

тюремным заключением на срок от десяти до двадцати лет или даже смертной казнью».¹³⁰

Венгерские рабочие и на этот раз показывали замечательные примеры готовности к борьбе. Жестокость жандармерии и войск, массовый арест профсоюзных уполномоченных, предание руководителей забастовочного движения военному суду — все это не могло сломить венгерских рабочих, классовая сознательность которых в огромных размерах возросла под влиянием Октябрьской революции. С этой точки зрения характерно — это только один пример из многих — поведение рабочих шалготарьянского завода стальных изделий в период июньской забастовки. Дирекция завода в своем донесении центру следующим образом отчитывается в происшедшем на заводе :

»В настоящей стадии забастовки заводских рабочих сообщаем, что военный комендант арестовал организаторов забастовки, т. е. главных профсоюзных уполномоченных и хочет передать их военно-полевому суду в Кошице . . .

Мы можем еще также сообщить, что сегодня утром военный комендант созвал всех военнообязанных рабочих и заявил им, что если завтра — в понедельник — они не выйдут на работу, то он немедленно призовет их в армию и, как солдат, снова принудит их к работе на заводе и тогда они при установленном солдатском жалованьи вынуждены будут выполнять любую работу. Строгий приказ военного коменданта, его объяснение, очевидно, оказал хорошее влияние на рабочих и на вопрос, выйдут ли они на работу в понедельник, они ответили утвердительно. Поскольку к шалготарьянским шахтерам обратились с подобным же призывом, можно надеяться, что в понедельник мы сможем начать работу и так предварительные распоряжения в связи с этим уже сделаны».

И тут последовал «неожиданный поворот» ! Донёсшая на рабочих дирекция¹³¹ шалготарьянского завода стальных изделий позже — очевидно, наскоро перед сдачей на почту вынуждена была приписать к своему заявлению : «В понедельник рабочие не вышли на работу»¹³²

В борьбе против империалистической войны с неменьшей решимостью чем мужчины, приняли участие и женщины-работницы, процентное количество которых на предприятиях, даже в таких специальностях, где до того их почти не принимали, в период войны значительно повысилось. Министр обороны в своем «строго секретном» распоряжении от 3 мая 1918 года, разо-

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Из сообщения ясно также, что руководство завода «по желанию военных комендантов» послало военно-полевому суду донесение, чтобы суд «был информирован и со стороны завода». там же.

¹³² Музей Института рабочего движения. Шалготарьянский завод стальных изделий римамураньского-шалготарьянского акционерного общества металлообрабатывающих предприятий. 98.846.

сланном «непосредственно командованию всех военных округов и к сведению главнокомандования армии» счел необходимым особо обратить внимание компетентных военных властей на следующее :

«Согласно опыту, на предприятиях, работающих для военного командования, именно женщины-работницы относятся к числу самых ненадежных элементов. Уже неоднократно прибывали сообщения такого содержания, что работающие женщины часто не только пытаются прекращением работы нарушить ход производства, но и произносят возбуждающие речи, принимают участие в демонстрациях и с детьми на руках в первых рядах демонстрантов вызывающе выступают против органов общественного порядка . . .»¹³³

«Излучение русской революции на Венгрию» в 1918 году становилось все более ощутимым и в рядах «одетых в мундир рабочих и крестьян», то есть армии. Для контроля за солдатами, становившимися все более ненадежными, и главным образом для поимки дезертиров в 1918 году в столице была создана т. н. «военная полиция». Генерал Лукашич — бывший весной 1918 года командиром всех армейских карательных органов, а в октябре 1918 года ставший командиром имевшего большое значение будапештского военного округа — пишет о военной полиции следующее :

«Она находилась под командованием офицеров армии. Рядовыми полиции были отобранные, надежные солдаты, большей частью унтер-офицеры. Часть их несла службу, будучи одета в гражданское платье. Компетенция военной полиции распространялась исключительно на военных лиц. Военная полиция представляла будапештскому военному командованию ежемесячно донесение о своей деятельности».¹³⁴

Признаком дальнейшего назревания общего революционного кризиса было то, что в течение 1918 года не только дезертирство стало массовым явлением,¹³⁵ но и открытый отказ от выполнения приказов, даже мятежи стали все более частыми в армии. В своих мемуарах Лукашич «на основании официальных данных» перечисляет целый ряд «случаев волнений», добавляя, что и ему была известна лишь часть действительно происшедших случаев. Из числа перечисленных им случаев приводим следующие :

«30 января 1918 года в запасном батальоне 305-го пехотного полка в Шайсэчег вспыхнуло большевистское восстание.

¹³³ Г. А. — М. Е. 1918/4134/res.

¹³⁴ *Br. Lukásich Géza, Magyarország megcsonkításának okai* (Причины раздробления Венгрии). Будапешт, стр. 29.

¹³⁵ Согласно майскому донесению военной полиции от 1918 года, в Будапеште в течение одного только месяца нужно было применять репрессивные меры против военных лиц более чем в 20 тысячах случаев. Две трети случаев были связаны с тем, что эти лица самовольно оставили свои части или не вернулись в них. Большое количество этих лиц — почти 20% — непочтительно относились к вышестоящим военным начальникам. (*Lukásich*, Ук. соч. стр. 30.)

В феврале в Пола и Каттаро восстали матросы военного флота ; в мае в Каттаро повторилось это восстание.

11 февраля . . . в 22-м пехотном полку, затем 14 февраля . . . в запасном батальоне 53-го пехотного полка и в 8-м боснийском егерском батальоне солдаты отказались повиноваться.

11 февраля . . . восстали маршевые роты 36-го стрелкового полка . . .

12 мая в Римасомбат восстала и начала грабить одна маршевая рота.

20 мая . . . восстали солдаты в запасных частях 6-го и 58-го пехотного полка, а также 7-го стрелкового полка.

20 мая в городе Печ солдаты запасного батальона 6-го пехотного полка отказались повиноваться. Они протестовали против зачисления их в маршевые роты, взломали дверь склада и снабдили себя оружием и патронами . . . 19-ый пехотный полк, подкрепленный ротами, вызванными из Виллань и Шиклош, и жандармами, сломил восстание, он провел настоящий бой против восставших, в котором погибло 20 человек и многие были ранены.

21 мая . . . вспыхнуло восстание в запасном батальоне 21-ого стрелкового полка.

25 мая . . . солдаты 16-го и 17-го стрелковых полков отказались от повиновения.

24 мая . . . начался мятеж в запасном батальоне 97-го полка, 4 июня — 70-го пехотного полка, 26 июня — 29-го егерского батальона . . .

9 июня маршевые роты 36-го пехотного полка отказались от повиновения.

В Хорватии образовавшиеся из дезертиров «Зеленые кадры» угрожали общественной безопасности, мародерствовали и грабили. В октябре эти дезертиры вторглись в Муракёз и разрушили несколько вокзалов.

27 октября вспыхнуло восстание в военно-морском флоте . . .¹³⁶

Из перечисленных случаев кроме матросских восстаний в Пола и Каттаро¹³⁷ самые большие размеры имел военный мятеж в Печ. Достаточно подробную картину этого мы можем получить из донесения печского главного прокурора министру юстиции.

»Свои донесения о военном мятеже, вспыхнувшем в Пече 20 мая 1918 года, на второй день Троицы, о связанных с этим событиях и о принятых мерах я суммирую в нижеследующем сообщении :

Часть новисадского 6-го королевского пехотного полка, размещенного в казармах «Фридриха», восстала. Позже выяснилось, что в восстании приняли участие буквально все солдаты полка и его запасного батальона.

¹³⁶ *Lukasich Géza*, Ук. соч., стр. 28—29.

¹³⁷ Из числа матросов, отказавшихся от повиновения в порту Каттаро 1 февраля 1918 года, четверо были казнены, суду было предано около 400 человек. (Г. А. — М. Е. 1918/8967.)

Инициаторами восстания были члены запасного батальона, зачисленные в маршевую роту. Маршевая рота частично или большей частью состояла из людей, вернувшихся из русского плена, которые, как выясняется на заседаниях военно-полевого суда, пропитаны большевистским учением. Эта маршевая рота окружила собственную казарму, специальный комитет потребовал у дежурного по казарме офицера выдачи ключей от оружейного и порохового склада и кассы; когда он, отказавшись от этого, выстрелом убил одного из них, они заперли его штыком, забрали ключи, вооружили поспешивших к ним солдат запасного батальона, забрали пулеметы — 19—24 шт., взяли к себе кассу.

Вооруженные бунтовщики, которые нападали на своих офицеров, убили некоторых из них и терроризировали тех, кто не был согласен с ними, заняли находившуюся поблизости казарму имени барона Фейервари . . . , вокзал в центре города и будайский окраинный вокзал . . .

Находившиеся на месте печский 19-ый и 9-ый кошицкий венгерский королевский пехотные полки, а также печский 8-ой венг. королевский гусарский полк, и их запасные части немедленно вступили в борьбу против восставших. С обеих сторон сражались с ружьями и пулеметами, в которых у восставших сначала был перевес, после же полудня солдаты ввели в действие и две горные пушки . . . Около полудня восставшие были вытеснены из улиц, затем — около двух часов дня — с обоих вокзалов, из занятых казарм, позже — из промышленных школ металлистов и деревообделочников и ресторана «Белый волк» . . . За это время солдаты и позже жандармы взяли в плен несколько сот человек. Число убитых и раненых неизвестно.

После полудня группа восставших в составе 40—50 человек направилась на печские шахты, где призвала шахтерскую роту и шахтеров присоединиться к ним. Они принесли с собой большое количество оружия для вооружения присоединившихся к ним . . . Их вылазка на шахты не принесла полного успеха, хотя тот факт, что среди арестованных имеется 90 шахтеров-ополченцев, показывает, что восставшие нашли себе там приверженцев . . .

Отдельные рассеянные банды бродят в окрестностях Печи и в мечекском лесу. Их поимка продолжается.

В 6 часов вечера 20 мая 1918 года в городе восстановилась тишина, стал порядок и спокойствие. С вечерним и ночным поездами прибыли на помощь войска и 200—300 жандармов; войска прибыли еще и на другое утро . . .

Военные трибуналы 23 мая 1918 года вынесли 4 смертных приговора, 24-го — 3 смертных приговора, 25-го еще 4 и сегодня — 1 смертный приговор. Осужденные были немедленно казнены . . .¹³⁸

¹³⁸ Г. А. Венг. корол. мин. юст. VI. 487/3.

В донесении, как мы видим, подчеркивается, что выступившая инициатором военного мятежа «маршевая рота частично или большей частью состояла из людей, вернувшихся из русского плена, которые, как выясняется на заседаниях военно-полевого суда, пропитаны большевистским учением». Влияние русской революции, «русского примера» на антивоенные выступления этого времени вообще чувствуется совершенно непосредственно.

«Братья, вооружайтесь! В каждом полку, на каждом заводе, в каждом селе организуйте советы солдат, рабочих, крестьян!»

Об обнаружении листовок такого содержания в Караншебеш и о распространении их и в других городах — Дебрецене, Капошваре, Кошице — доносит в марте 1918 года прокуратура «регистрационного бюро корол. генерального штаба».¹³⁹ В секретных донесениях говорится, что рабочие вообще угрожают тем, что скоро и они начнут «говорить по-русски». Очень характерно с этой точки зрения донесение руководства завода «Ганц» о том, насколько открыто провозглашают рабочие, что и в Венгрии вскоре наступит революционное положение, такое, как в России.

«. . . Быть может, Вас заинтересует — ибо это освещает в некоторой степени сегодняшнее воззрение рабочих — разговор, в ходе которого в присутствии нашего военного коменданта и цехового руководства . . . главные прсф. уполномоченные рассказали, как замечательно показали себя на службе в Красной Гвардии многие наши пленные, возвращающиеся из России . . . Они подчеркнули также, что та четырехнедельная задержка, в период которой военное командование старается образумить эти элементы, ничему не поможет, поскольку по их мнению и здесь мы раньше или позже можем рассчитывать на положение, подобное созданному большевиками в России.»¹⁴⁰

Начальник полиции в Жолна в конце апреля обращает внимание компетентных властей на то, что вернувшиеся из русского плена солдаты в большом количестве привозят с собой революционные листовки и поскольку — согласно его мнению — проверка солдат недостаточно строга, эти листовки «они имеют возможность распространять в пути даже из поезда — на отдельных станциях, на перекрестках дорог и т. д.»¹⁴¹

Совет министров Венгрии на заседании 28 февраля 1918 года подробно обсудил введение широких мер предосторожности по отношению к возвращающимся из Советской России военнопленным. Совет министров заявил, что в целях обеспечения того, чтобы «военнопленные не имели возможности непроверенными вернуться к себе домой», а также для того,

¹³⁹ Г. А. Венг. корол. мин. юст. VI. 486/1.

¹⁴⁰ Копия донесения Общегосударственному Объединению венгерских металлургических и машиностроительных предприятий, направленная премьер-министру инспектором венгерских милитаризованных предприятий генерал-лейтенантом Ференцем Чврчек. Г. А. — М. Е. 1918/2249. Копия.

¹⁴¹ Г. А. — М. Е. 1918/3983/res. Копия.

чтобы было обеспечено «наблюдение за вернувшимися домой ненадежными элементами», он считает необходимым немедленное освобождение от военной службы призванных туда жандармов и полицейских и предоставление их в распоряжение компетентных властей.¹⁴² Речь шла о том, что венгерское правительство не считало достаточными те меры предосторожности, которые были введены общим министерством обороны Австро-Венгерской Монархии и главнокомандованием армии, хотя в соответствии с этими распоряжениями возвращающихся военнопленных «в целях отбора и наказания ненадежных, пропитанных большевистскими идеями и опасных с точки зрения государственного строя элементов» подвергали перед отправкой домой моральному карантину, продолжавшемуся несколько недель. Венгерское правительство беспокоилось даже и из-за того, что эшелоны с военнопленными в закрытых вагонах проезжали через территорию страны!

Среди драконовских распоряжений военного командования и правительства о цензуре на первом месте стояли указания относительно того, чтобы печать или совсем ничего не публиковала или же публиковала лишь ложные сообщения о распоряжениях или заявлениях советского правительства, а также вообще о событиях в России.

Как известно, одним из первых действий советского правительства было то, что оно в радиোগрамме — подписанной Лениным — призвало «народы и правительства всех воюющих стран» немедленно начать переговоры о заключении справедливого, демократического мира.¹⁴³ Пресс-комиссия «по указанию свыше» ещё 28 декабря 1917 года сообщила всем редакциям, что «сообщения о предложении большевистского правительства касательно перемирия и мира, содержащемся в радиোগрамме от 27—28 ноября, ни в какой форме публиковаться не должны».¹⁴⁴

Компетентные органы с величайшим беспокойством следили за тем, чтобы венгерская общественность не узнала даже того, что советское правительство отпустило на свободу военнопленных, и чтобы она вообще не была информирована о моменте прибытия военнопленных. 2 марта «всем корол. главным прокурорам» было направлено указание, что «в периодической печати могут публиковаться лишь официальные сообщения о прибытии военнопленных».¹⁴⁵ Несколькими днями позже, 6 марта, по просьбе военного министерства принимается решение, что «существует необходимость нового упорядочения контроля печати в связи с вопросом о военнопленных».¹⁴⁶

¹⁴² Г. А. — М. Е. 1918/1574. Протокол заседания Совета министров № 8.

¹⁴³ «Годы гражданской войны в Советском Союзе». 1917—1922, т. 2 Москва, 1947 стр. 286.

¹⁴⁴ Музей Института рабочего движения. Копия.

¹⁴⁵ Г. А. Венг. корол. мин. юст. 1918. Вл. 301/66.

¹⁴⁶ Там же. Прибыло 6 марта 1918 года.

«Описание в оптимистических тонах положения военнопленных при новой власти в России может создать совершенно фальшивую картину о намерениях и способностях большевиков ; мы не имеем ни действительных причин, ни политических интересов для представления их действий полезными, гуманными и имеющими организационную силу».¹⁴⁷

Однако компетентные органы всё меньше считали достаточным простое замалчивание известий о русской революции и о деятельности советского государства. Поэтому в начале 1918 года они приняли решение о планомерном, направляемом из одного центра распространении антисоветской клеветы. Задачей этого было : «таким путём сделать непопулярными стремления, направленные к нарушению общественного и государственного порядка». В феврале 1918 года министр обороны внёс в Совет министров предложение «об организации пропаганды в печати против большевистских идей».

«Министр обороны просит согласия Совета министров на то, чтобы в интересах воспрепятствования распространению большевистских идей была организована пропаганда в печати, задачей которой было бы : на основе данных, получаемых от министерства иностранных дел, в соответствии с действительностью писать о существующем нетерпимом внутреннем положении России и таким путём сделать непопулярными стремления, направленные к нарушению общественного и государственного порядка».¹⁴⁸

Если уже само предложение было так исключительно характерно для господствовавших в стране настроений, как и для воззрений правительственных органов, то ещё более характерным было решение Совета министров по этому вопросу. Совет министров заявил, что «план безусловно правилен», однако, «писать о конкретных правонарушениях нужно осторожно, чтобы они не привлекали внимание и не стали поучающими примерами для отдельных правонарушений».¹⁴⁹

Предложение министра обороны было с воодушевлением подхвачено Военно-инспекционной комиссией, на совещании которой 11 февраля 1918 года этот вопрос был представлен следующим образом :

«Его высокопревосходительство господин министр обороны, имея в виду настоящее положение на фронте и то, что т. н. большевизм встречает симпатию, для противодействия этому хочет начать литературную кампанию. Об этом он сделал сообщение господину министру иностранных дел и министр одобряет эту идею. Что касается предоставляемых в распоряжение печати материалов, он отмечает, что в Вене уже имеются отдельные журналисты, которые находятся в постоянной связи с отделом печати, откуда их инспирируют. Официальные и полуофициальные известия дают много материала. Главной задачей этой кампании явился бы показ проти-

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Г. А. — В. М. 1061/eln. 1918.

¹⁴⁹ Г. А. — В. М. 1061/eln. 1918.

воречий между происходящим в настоящую эпоху социальным прогрессом и большевистскими и коммунистическими принципами.¹⁵⁰

Различные министерства и Пресс-комиссия изо дня в день — последняя буквально каждый час — посылали начальникам комитатов, королевским прокурорам или непосредственно в редакции секретные, часто зашифрованные указания относительно того, о чём нельзя писать. Нельзя было писать не только о военных мятежах, судебных процессах по антивоенным делам, произведённых казнях, но и о забастовках, уличных демонстрациях, отдельных реквизициях, вообще нельзя было публиковать вести, «которые служат пацифистским направлениям».¹⁵¹

В области оказания антиреволюционного влияния на венгерский трудовой народ наряду с соответствующими правительственными распоряжениями, лживой информацией, помещаемой продажной печатью, большая роль приходилась и на долю реакционной, шовинистической деятельности венгерского католического духовенства, всей душой поддерживавшего империалистическую войну. Епископ грекокатолической церкви в Мукачево выразил свою благодарность премьер-министру за то, что правительство принимает «необходимые меры предосторожности» по отношению к возвращающимся из русского плена.

«Особенно большой радостью и успокоением наполняет меня замечательное распоряжение нашего военного командования о том, что священникам в концентрационных лагерях на время четырёхнедельного т. н. морального карантина, которому подвергаются возвращающиеся из плена, обеспечена выдающаяся роль, так как им прежде всего знакомы душа и мышление народа и они поэтому оказывают на него наибольшее и наилучшее влияние»...¹⁵²

Правительство знало, что оно делает. Организации Христианской социалистической партии, руководившейся католическим клиром, обычно наносили удар в спину социалистическим рабочим, героически боровшимся против империалистической войны.

«... Быстрое заключение мира затрудняет и улучшение условий существования, препятствует всякому движению, которое направлено на остановку работы и организацию демонстраций революционного характера» — говорилось, например, в резолюции печской организации Хрис-

¹⁵⁰ Музей Института рабочего движения. Подчеркнуто мной. Э. А.

¹⁵¹ Г. А. — I. M. 1918. Вi. 301/59. См. также Вi. 301/33/1917, Вi. 301/46, Вi. 301/48, Вi. 301/53, Вi. 301/63, Вi. 301/69, Вi. 301/71/1918 и «секретные указания» Комиссии по делам печати, которые находятся в Музее Института рабочего движения. В качестве курьёза нужно упомянуть, что «по распоряжению премьер-министра» газетам было дано указание, что «печатание известий о железнодорожных катастрофах, стихийных бедствиях и других несчастьях, способных вызвать беспокойство общественности запрещается». Г. А. — I. M. Вi. 301/24.

¹⁵² Г. А. — М. Е. 1918. 8397/res.

тианской социалистической партии, вынесённой в связи с забастовкой рабочих-социалистов в январе 1918 года; организация с величайшей покорностью известила об этом и правительство.¹⁵³ Правительство, ведущее империалистическую войну, могло спокойно рассчитывать на поддержку высшего католического духовенства, всегда с величайшей готовностью служившего господствующим классам Венгрии.¹⁵⁴ Против «классовой борьбы и называемого социал-демократией завистничества и лодырничества» выступал в проповедях и статьях в этот период известный епископ г. Секешфехервара Оттокар Прохаска.¹⁵⁵ Он порицал венгерских солдат за то, что они, даже когда «лишь легко ранены, тысячами бросают дорогое оружие...»¹⁵⁶ Он ставил к позорному столбу «бездельничающих» рабочих женщин. «Батрачка или другая женщина, у которой ушёл глава семьи, получает... от государства пособие и не работает, сидит на крыльце или на скамейке у печи и бездельничает...»¹⁵⁷

Прохаска, который был в этот период самым известным епископом католической церкви — и сравнительно самым популярным, потому что долго считался прогрессивным — (он был профессором университета, писателем), в своих статьях, изданных в период войны с согласия церкви, пел такие дифирамбы пролитию крови, бесчеловечной резне, «кроваво-красной смерти», «горячему потоку смерти», которые казались бы невероятными, если бы мы с тех пор уже не слышали подобные же кровавые заявления от нацистов и салашистов.

«Нужно, чтобы дождь крови зажгёт мир; ведь кровь — это возвышенный огонь... родина и государство и общество являются плодом энергии крови...»¹⁵⁸ «Героизм... насколько родственно это религиозности, в частности, христианству! Когда весело, с развешивающимися знаменами выходит молодёжь нации и полные силы мужчины и через неделю возвращаются — кто без ноги, кто без руки, кто без глаза...» «Разве это не то, о чём говорится в евангелии, что я не считаю свою жизнь дороже себя...»¹⁵⁹

«Если хочешь жизни, проливай свою кровь; чем больше ты будешь проливать её, тем скорее ты будешь иметь жизнь...»¹⁶⁰

¹⁵³ Г. А. — М. Е. 1918. 1042/res.

¹⁵⁴ Конечно, главным образом, лишь в «моральном» отношении. Владения высшего духовенства принимали большое участие в военных поставках, меньшее — в военных займах. См. Г. — А. М. Е. 1918. 8787. К. и К. Kriegsminist. Liefersummen u. Kriegs-anleihenzeichnungen der Kriegslieferanten... « Bd. 2. См. также: *Faragó László, A magyar hadikölcsönkötvények sorsa.* (Судьба облигаций венгерского военного займа). Будапешт, 1930, стр. 20. Этим вопросом много занималась и тогдашняя печать.

¹⁵⁵ *Prohászka Ottokár, A háború lelke* («Душа войны»). Будапешт 1915 г. стр. 172.

¹⁵⁶ Там же. Подчеркнуто мною. Э. А.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же, стр. 40.

¹⁵⁹ Там же, стр. 10 11.

¹⁶⁰ Там же, стр. 160.

Епископ, не слишком переполненный чувством человеколюбия и милосердия, уже в этот период выступает с расистскими рассуждениями.

«. . . Схватка между высшими и низшими расами неизбежна. Каждая нация представляет своеобразную расовую силу . . . каждая старается израсходовать свою силу и занять территорию. В такие моменты начинается война, потому что до сих пор мы не имеем другого средства для восстановления равновесия».¹⁶¹

Не менее открыто встал в ряды провозгласителей и восхвалителей империалистической войны и тогдашний кардинал Янош Чернох. Глава венгерской католической церкви уже в первые месяца войны, самым решительным образом выразил точку зрения церкви :

»Неправда . . . что война несовместима с христианским мировоззрением. Она вмещается в систему христианского морального правосудия».¹⁶²

Во избежание недоразумений кардинал подчеркнул, что под законными войнами он не подразумевает «восстания или гражданские войны», то-есть освободительную борьбу угнетенных классов или народов против своих угнетателей. Нет, кардинал был провозгласителем идеи империалистической войны ; войну 1914 года он приветствовал именно с той точки зрения, что она обеспечивает «экспансивное развитие Венгрии», новые рынки. Во всём этом, по заявлению кардинала, венгерское католическое духовенство охотно брало на себя самую активную роль.

»После войны и наша Родина получит более широкий горизонт. Она будет играть роль в международном отношении. Перед нею откроются новые рынки на Балканах и на территории дружественной Турецкой империи . . . Счастливую радость доставило бы венгерской церкви то, если бы после успешной победы её священники и посланцы смогли, как и священники других нций, стать пионерами нашей Родины за границей — на пути духовных уз».¹⁶³

Войны — это «могучие паровые плуги . . . провидения»¹⁶⁴ о «морально-облагораживающем», «пробуждающем благородные чувства», «пробуждающем и развивающем религиозность» влиянии которых не могли достаточно наговориться Прохаска, Чернох и другие.

¹⁶¹ Там же, стр. 7 — 8.

¹⁶² *Csernoch János, Egyház és háború* (Церковь и война). Будапешт, 1915, стр. 10.

¹⁶³ Там же, стр. 13 — 14.

¹⁶⁴ Не следует думать, что епископ Прохаска сам верил всему этому — эта была лишь предназначенная для народа «духовная пища», для успокоения народа. В своём выступлении в секешфехерварском музейном объединении, то-есть в более узком кругу, он заявил, что война ведётся «за рынки, за колонии, в конечном же счёте — за денежный мешок», «расовые страсти, королевские мечты, политические традиции, биржи, боязнь за потерю предприятий и миллиардов и желание их . . . ну, и ложь начинённой золотом печати» стремятся представить её законной. (Там же, стр. 153-154).

«Война помогает человеку стать выше мира, культуры и жизни . . . и чтобы больше науки и культуры он ценил бы в самом себе — веру . . .»¹⁶⁵

Человек стал уже «слишком горд», он слишком дорого оценивает своё могущество, силу науки; война излечит его от «опьянения культурой», научит тому, что «человеческий ум — это как свет свечи», потому что человек уже «представляет себя кем-то таким, над головой которого нет господина, нет другой власти . . . Не буду служить — звучит в его ушах; эти бунтарские слова шумят в колесах его машин; это звучит с кафедр; это смотрит со страниц газет».¹⁶⁶

Всё это относилось, в первую очередь, к сознательному рабочему классу и его представителям, которые объявили войну империалистической войне и, веря в собственные силы, были полны решимости создать новый мир, новое общество. Роль духовенства состояла в провозглашении слепого покорного примирения с войной и в возвышении — в противовес «недовольным» — тех, «кто не умничают и не спрашивают, почему им нужно столько страдать, когда они могли бы существовать и без этого, не спрашивают, какую пользу они будут иметь от этого . . .»¹⁶⁷

После победы Октябрьской революции в России высшее католическое духовенство открыто предложило реакционной венгерской государственной власти свою помощь в борьбе против «большевизма». В марте 1918 года на торжественном собрании Общества Святого Стефана кардинал Янош Чернох в большой речи, вызвавшей всеобщее внимание, выступил против мирной политики Советской России и, ссылаясь на «предостерегающий пример новейшей истории России», заявил, что «когда человеческие умы, с лихорадочной нервозностью ища предпосылки лучшего будущего, легко верят соблазнам эфемерных теорий — обязанностью каждого призванного к этому фактора» является выступление в интересах спокойного развития и внутреннего мира государства.

«. . . Души, сердца нужно привлечь на сторону венгерского государства . . . И в этой работе государство не может состязаться с нами . . . Для сглаживания борьбы интересов нужен авторитет, стоящий над государствами . . . В школах церкви воспитывается и действует элемент, лучше всего сопротивляющийся разрушительным течениям».¹⁶⁸

¹⁶⁵ Там же, стр. 177.

¹⁶⁶ Там же, стр. 133.

¹⁶⁷ Там же, стр. 136. Иезуитский поп Бела Банга, позже завоевавший как явный фашист особенно громкую известность, в этот период писал: «С христианской точки зрения война не потому ужасна, что в ней умирает много людей, а потому, что в ней много неожиданных смертей» — т. е. что люди умирают без священника. (Собрание трудов Б. Банга, Будапешт, 1941. т. 27, стр. 74).

¹⁶⁸ На основе подробных изложений выступления в тогдашней печати. («Világ», 22 и 24 марта 1918 года; «Népszava», 22 марта 1918 г. «Isten a kül-, bel- és kultúrpolitika-ban» (Бог во внешней, внутренней и культурной политике).

Однако, борьба против распространения антивоенных идей, против рабочих, всё больше восстававших против империалистической войны и проявлявших всё более революционное поведение, велась не только при помощи «видейного оружия». Альфой и омегой искусства правления венгерских господствующих классов и до войны, но особенно во время войны, была мобилизация против народных масс жандармских и военных штыков, — ничем не прикрытое, голое насилие. Одновременно с внешней войной венгерское правительство вело и ожесточенную, беспощадную внутреннюю войну; эту последнюю оно вело против венгерского народа. В буквальном смысле слова, штыками оно гнало венгерского рабочего, венгерского крестьянина на фронт, оставшихся же дома совершенно ослабевших от лишений, принуждало при рабочем дне в 10 и более часов к тому, чтобы они снабжали военный аппарат всё новым и новым военным снаряжением, продовольствием и сырьём.

Уже весной 1917 года, в связи с тем, что венгерские рабочие вновь отпраздновали Первое мая, правительственные органы заранее подготовили проект тех мероприятий, которые в случае «ожидаемых народных движений» — они хотели немедленно осуществить. Эти уже готовые проекты состояли в следующем:

»1. Министерское постановление о распространении ускоренного уголовного следствия;

2. Министерское постановление о передаче отдельных преступлений из компетенции суда присяжных в компетенцию уголовного трибунала;

3. Министерское постановление об ограничении свободы собраний;

4. Распоряжение министра юстиции по вопросу принятия решений относительно объявления полевых судов — для территорий, относящихся к отдельным королевским уголовным трибуналам».¹⁶⁹

Начиная с конца 1917 и начала 1918 года, сдерживание трудовых народных масс, в первую очередь промышленного рабочего класса, доставляет правительству всё большую заботу. После январской забастовки 1918 года в Совете министров в центре обсуждения всё чаще находятся вопросы этой второй «внутренней войны». По линии самых различных правительственных органов, причём при соблюдении величайшей тайны, принимались распоряжения «о проведении превентивных, более того, в случае необходимости — репрессивных мер», как об этом свидетельствует, между прочим, протокол заседания Совета министров от 7 февраля 1918 года.

21. „... Господин министр внутренних дел сообщает, что согласно полученным им данным, промышленные города страны, особенно Будапешт, полностью подорваны революционными тенденциями. Готовящиеся массовые забастовки и революционные движения самым серьёзным образом

¹⁶⁹ Г. А. — I. М. 1917. Vi. 457/1.

угрожают общественному порядку... Поскольку нельзя бездейственно смотреть на эти беспокоящие явления, господин министр считает нужным проведение превентивных, более того, в случае необходимости — репрессивных мер... чтобы беду можно было предупредить и отвести, чтобы в случае необходимости государственной власти был обеспечен перевес в силе над возможными массовыми забастовками и революционными явлениями.

Господин министр торговли сообщает, что, по его сведениям, железные дороги также наполнены такими мятежными идеями. Он сообщает о тех мероприятиях, которые проведены им совместно с начальником полиции для расследования положения и предупреждения беспорядков.

Господин министр юстиции освещает вопрос об уголовной ответственности...

Министр без портфеля граф Мориц Эстерхази вносит предложение о принятии некоторых мер, кроме того он считает желательным, чтобы распоряжения, уже принятые и те, которые будут приняты в дальнейшем, проводились в величайшей тайне.¹⁷⁰

Между военно-заводчиками и правительственным аппаратом существовало самое тесное сотрудничество для того, чтобы самые элементарные требования рабочих, даже их стремления к возвращению старых прав подавлялись и в таких случаях, когда речь явно шла просто о некотором сокращении огромных военных прибылей военных поставщиков. Очень характерным является с этой точки зрения ход движения будапештских рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, направленного на восстановление восьмичасового рабочего дня. 3 марта 1918 года токари и механики металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий Будапешта заявили фабрикантам, что если до 4 часов следующего дня они не получат ответа с согласием, то после восьми часов работы, уйдут с завода. 7 марта рабочие 33 заводов после 4 часов дня прекратили работу. Предприниматели решили остановить предприятия и исключить рабочих. На это они получили не только согласие, но и широкую помощь правительства — вплоть до мобилизации большого числа отрядов. В вынесении соответствующих распоряжений сотрудничали венгерский королевский премьер-министр, министр внутренних дел, министр обороны и т. д. Это было первым крупным выступлением генерал-лейтенанта Лукашича, которого несколькими неделями раньше назначили командиром т. н. «маневренных частей, созданных для обеспечения необходимой вооруженной силы на случай забастовочных движений».¹⁷¹ Здесь он впервые стал известен рабочим, чтобы затем за очень короткий срок завоевать всеобщую нена-

¹⁷⁰ Г. А. — М. Е. 1918 г. № 1290. Протокол заседания Совета министров № 6.

¹⁷¹ О назначении Лукашича командиром маневренных частей (8 февраля 1918 г.) Г. А. — М. Е. 1918 г. 1491/res. и 1797/res.

висть в стране, особенно благодаря множеству смертных приговоров, вынесённых дезертирам из армии.

Фабриканты, правительство и руководители армии совместно разработали целый стратегический план стремительного вытеснения с заводов 60—70 тысяч рабочих-металлистов и оккупации заводов войсками. Лукашич говорит об этом следующее :

«. . . Между фабрикантами и министром торговли состоялась договорённость о том, что в течение трёх дней, то-есть до 7 марта рабочие не получают никакого ответа. В этот день предприниматели заявят, что они отклоняют требование о снижении рабочего времени . . . Министр торговли — барон Стерени — сказал, чего он желает от меня : чтобы в случае необходимости 8 марта я занял с войсками закрытые заводы и воспрепятствовал всякому движению . . . Со всех концов страны нужно было доставить в Будапешт вооружённые силы, — как из Лёче, так и из Секейудвархей или Надьканижа».¹⁷²

С мобилизацией целого ряда генералов, начальника будапештской полиции, заместителя президента-директора Управления государственных железных дорог (МАВ), днём и ночью проводилась концентрация войск, чтобы воспрепятствовать элементарным требованиям измученных рабочих, здоровье которых было разрушено в результате голода. Действительно, даже генеральное наступление на фронте не потребовало бы более широкой подготовки.

»Поднятые ночью вооружённые части, рано утром заняли заводы. Рабочие — как сообщил мне днём 8-го числа начальник полиции Шандор — были совершенно поражены и беспомощно стояли, не могли даже шевельнуться. Переговоры между предпринимателями и рабочими начались в этот же день и через короткий промежуток времени было достигнуто соглашение. Рабочие начали работу — попрежнему при десятичасовом рабочем дне . . . Премьер-министр Вэкэрлэ и министр торговли Стерени поздравили меня с быстрым успехом».¹⁷³

6 марта 1918 года министр внутренних дел обратился с циркуляром ко всем начальникам комитатов, в котором извещал их о решении правительства : там, где «поднимают голову . . . движения, направленные на нарушение общественного порядка, ввести самое суровое средство правосудия — статариальный суд (трибунал, выносящий немедленный приговор)». В качестве мотивировки в циркуляре указывалось, что опасность антивоенных движений увеличивают «с одной стороны — массами возвращающиеся из военного плена солдаты, которые привозят с собой и распростра-

¹⁷² *Lukasich*, Ук. соч., стр. 42–43.

¹⁷³ *Lukasich*, Ук. соч., стр. 45.

няют здесь революционное учение, а также — дезертиры из армии, количество которых постоянно растёт».¹⁷⁴

В циркуляре содержатся подробные указания административным властям, чтобы «чрезвычайное положение, которое создается с введением старариальных судов, не застало их неподготовленными». Эта забота простиралась так далеко, что огранам государственной администрации были разосланы отпечатанные указания на случай введения старариальных судов, а также плакаты, сообщающие об этом.¹⁷⁵

Этими трибуналами производило борьбу правительство и против забастовщиков. «Строго секретное» распоряжение министра обороны, разосланное 3 мая 1918 года «командирам всех военных округов» и т. д., ссылаясь — в отношении забастовок на военных предприятиях — на то, что «забастовки или участие в них даже и тогда не могут считаться справедливыми, если действительно имеются беспорядки», нельзя ограничиться призывом в армию и отправкой на фронт организаторов забастовки, а распоряжение требует, чтобы в определённых случаях, например, и в случае «продолжительного прекращения работы», «по отношению к лицам, подлежащим суду военного трибунала, эта мера применялась».¹⁷⁶ Осуждением на смерть руководителей забастовок хотели рабочих заставить как можно скорее — прекратить забастовки. Об этом ясно говорится в 4-м пункте распоряжения :

«Объявления старариального суда, судебные процессы и объявление приговоров должны производиться по возможности на месте, приведение же приговора в исполнение — в трибунале дивизии. Между объявлением смертного приговора и исполнением его, должно оставаться время — 12 часов. Нужно позаботиться о том, чтобы разрешение этого срока — после объявления смертного приговора — дошло до сведения бастующих рабочих. Цель этого распоряжения — дать рабочим возможность изменить своё поведение и вновь начать работу, в каком-либо случае по поданному прошению рабочих помилование приговорённых к смерти должно стать предметом доброжелательного обсуждения».¹⁷⁷

Но чрезвычайный суд считался уместным при забастовках не только по отношению к военнообязанным. На своём заседании 22 мая 1918 года Совет министров поручил министру внутренних дел, чтобы «в случае, если будет заметно всеобщее или даже просто крупное забастовочное движение, немедленно должен объявляться полностью подготовленный чрезвычайный суд».¹⁷⁸ Чем более зыбкой становилась почва под подошвой существовавшего

¹⁷⁴ Г. А. — М. Е. 1918 г. 2339/res.

¹⁷⁵ Эти последние разбрасывались с примечанием: «Нужно позаботиться о том, чтобы города (сёла), в которых больше промышленных предприятий, в соответствии с этим получили большее количество экземпляров». (Г. А. — М. Е. 1918 г. 2339/res.)

¹⁷⁶ Г. А. — М. Е. 1918 г. 4134/res.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Г. А. — М. Е. 1918 г. 9234/res.

стройка, чем более явственно ощущалось приближение революционной бури, тем больше применялись террористические меры, правительство ждало чудес от насилия, от запугивания рабочих и солдатских масс. Военное командование и вообще военные власти не раз выражали своё недовольство тем, что гражданские власти слишком уступчивы, недостаточно энергичны по отношению к рабочим; кроме того недостаточно быстры и решительны в области применения репрессивных мер. Министр обороны, например, в связи с тем, что был однажды случай, когда орган государственной администрации, мотивируя это тем, что «народ нельзя раздражать», отклонил применение вооружённых сил против демонстрирующих масс, 10 мая 1918 года разослал «командирам всех военных округов» следующее распоряжение:

«. . . Во всех тех случаях . . . когда органы государственной администрации под влиянием господствующих течений не примут нужных предохранительных мер . . . военные коменданты обязаны по собственному решению самостоятельно вмешаться . . .»¹⁷⁹

9 июля 1918 года военный министр Австро-Венгерской монархии обратился с длинным письмом к венгерскому премьер-министру Вэкэрлэ, чтобы тот употребил всё своё влияние в интересах того, чтобы в случае забастовок компетентные органы не вели продолжительных переговоров с рабочими, а как можно быстрее переходили к применению вооружённых сил.

«. . . Я чувствую себя вынужденным — писал военный министр — выразить свою следующую точку зрения: как и общие общественные интересы, так и первостепенные военные интересы в одинаковой мере вызывают непремennую необходимость того, чтобы в случае забастовок переговоры, предшествующие применению насилия . . . обязательно ограничивались самым коротким по возможности сроком и все средства были применены для принуждения рабочих к началу работы».¹⁸⁰

Под знаком дальнейшего целеустремленного увеличения насильственных мер венгерский Совет министров на своём заседании от 31 августа 1918 года принял решение о повышении численности венгерской жандармерии более, чем на 50% и значительном повышении платы жандармерии (в отдельных категориях — 70%-ное повышение), с той мотивировкой, что «на территории страны положение в области общественной безопасности значительно ухудшилось и в настоящих условиях в этом отношении можно ожидать лишь ещё большего ухудшения».¹⁸¹

¹⁷⁹ Г. А. — М. Е. 1918 г. 4414/res. См. также письмо генераллейтенанта Чврчек премьер-министру от 21 мая 1918 г.

¹⁸⁰ Г. А. — М. Е. 1918 г. 8822/res.

¹⁸¹ Г. А. 1918 г. 4913/res. Протокол заседания Совета министров № 27. Подчеркнуто мной. Э. А.

Конечно, создание около 300 новых, имевших различные функции жандармских комендатур наложило большое бремя на военную экономику государства и без того сильно перегружённую. Однако, реакционная венгерская государственная власть всегда находила средства на жандармов. Премьер-министр Шандор Вэкэрлэ на вышеупомянутом заседании Совета министров заявил, что «повышение численности» жандармерии «до нужного количества — такой первостепенный государственный интерес, что все жертвы, приносимые для этого, ничтожны...» Правительство заявило о величайшей срочности исполнения этого распоряжения, как меры, которая «непременно необходима на период перехода к мирному положению, в интересах сохранения общественной безопасности и порядка, а также быстрого, надёжного и гладкого проведения демобилизации».¹⁸² Это решение Совета министров было вынесено точно за два месяца до Октябрьской революции и совершенно явно было, что оно являлось превентивной мерой, направленной на воспрепятствование приближающейся революции. Эту же цель преследовали и всё более частые смертные приговоры дезертирам из армии, которые выносились в интересах насильственного сохранения воинской дисциплины. В целях воспрепятствования революции в ночь с 25 на 26 октября 1918 года правительство назначило комендантом Будапешта генерала Лукашича,¹⁸³ известного своей жестокостью. Исходя из этих же соображений, правительство планировало назначение его полновластным военным диктатором. Однако, до этого очередь не дошла. Вспыхнувшая в ночь с 30 на 31 октября революция рабочих и солдатских масс смела все эти контрреволюционные планы вместе с их создателями.

Э. Андич

Elisabeth Andics

LE MOUVEMENT OUVRIER HONGROIS AU TEMPS DE LA PREMIÈRE GUERRE MONDIALE ET L'EFFET DE LA GRANDE RÉVOLUTION SOCIALISTE D'OCTOBRE

En Hongrie une des répercussions des plus importantes de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre fut la grève politique générale qui eut lieu en janvier 1918 et au cours de laquelle on a vu naître à Budapest les premiers conseils ouvriers. En vain le gouvernement s'allia-t-il aux chefs du parti social-démocrate pour désarmer les grévistes; en vain faisait-il des promesses mensongères sur l'insertion dans la loi du suffrage universel: cette fois, malgré la décision prise par la direction du parti, les travailleurs de plusieurs grandes usines de la capitale continuaient la grève. Au sujet de la même année on doit signaler une série d'autres actions de massives de la classe ouvrière hongroise, entre autres la grande grève de 8000 ouvriers des usines militarisées de Resicabánya qui appartenaient à la Compagnie des Chemins de Fer Austro-Hongrois. A Tata la grève de 4000 mineurs durait 11 jours. Pour mettre fin à ce mouvement, on a emprisonné ou convoqué sous les drapeaux des centaines d'ouvriers hongrois. Néanmoins l'évènement le plus lourd de conséquences fut sans conteste la grève générale de juin à la fabrique de machines des Chemins de Fer Hongrois: elle fut déclenchée par l'assassinat de quelques ouvriers à l'occasion d'une intervention de la gendarmerie. Le gouvernement, désireux de préserver

¹⁸² Г. А. 1918 г. 4913. Протокол заседания Совета министров № 27.

¹⁸³ Лукашич, Ук. соч., стр. 56.

au moins la province de ce mouvement de grève, n'a pas tardé à mettre la main sur le service des téléphones et des télégraphes ; en même temps il prévoyait des représailles pour endiguer l'activité des sociétés et de la presse ouvrières. Malgré ces efforts la grève s'étendit avec une rapidité vertigineuse : elle gagna d'abord la capitale où — bien que toute la police ait été mobilisée contre les grévistes — les tramways ne circulaient plus et les journaux avaient cessé de paraître la grève gagna ensuite même la province, y compris presque le territoire entier du pays. En ce qui concerne la direction du mouvement, on doit attribuer un rôle décisif au journal de gauche Magyar Vasutas Újság (Journal des Cheminots Hongrois) dont le rédacteur, Eugène Landler fut arrêté à l'ordre du conseil des ministres et cité devant la cour martiale.

A toutes ces manifestations participaient aussi nombre d'ouvrières qui, tenant leurs enfants dans les bras, marchaient plus d'une fois dans les premières rangées des manifestants.

La Révolution Socialiste de Russie exerçait aussi sur l'armée une influence de plus en plus vigoureuse, attirant dans son orbite les «ouvriers et les paysans en uniforme». Le nombre des fuyards augmentait sans cesse ; dans plusieurs cas on refusait d'obéir et il y avait même des émeutes. Pour la surveillance de l'armée et l'arrestation des fuyards on a créé à Budapest une espèce de «police militaire», dont les membres se recrutent parmi les soldats «dignes de confiance». Les émeutes les plus importantes furent déclenchées par la marine de guerre à Pola et à Cattaro, ainsi que par les troupes d'infanterie de Pécs. Dans cette dernière ville les formations renforcées de l'armée et de la police se voyaient obligés de livrer bataille aux révoltés qui agissaient sous la direction des prisonniers de guerre revenus de Russie.

Le gouvernement, non content d'avoir exécuté les dispositions du Ministère de la Guerre et du Haut Commandement Militaire de la monarchie, prit des mesures préventives de vaste envergure à l'égard des prisonniers de guerre revenus de Russie ; ces mesures reflétaient bien l'attitude du gouvernement vis-à-vis des événements de Russie. On n'a pas publié l'appel à la conclusion de la paix du gouvernement soviétique et on essayait de ne pas divulguer les nouvelles concernant le relâchement des prisonniers de guerre. Dès leur retour, les prisonniers furent mis à la frontière en une sorte de «quarantaine morale» : enfermés dans des camps de concentration, ils devaient y écouter une propagande dirigée contre «ceux qui essayaient de renverser l'ordre de la société et de l'Etat». En même temps on décida d'organiser la propagation de calomnies antisoviétiques, mais sous ce rapport il est à remarquer que les nouvelles concernant la Russie soviétique ne pouvaient paraître même sous une forme défigurée, «afin de ne pas devenir des moyens d'avertissement encourageant à la violation du droit».

A propos de la propagande contre-révolutionnaire on doit signaler l'activité des éléments réactionnaires et chauvins du clergé catholique qui soutenaient avec enthousiasme la cause de la guerre impérialiste. Les organisations du Parti Socialiste Chrétien, dirigé par le clergé, attaquèrent par derrière les ouvriers qui s'opposaient à la guerre impérialiste : le cardinal et prince-primat Jean Csernoch, ainsi que Ottokár Prohászka, évêque de Székesfehérvár, chantaient l'éloge du carnage dans leurs écrits et leurs discours. Le clergé proclamait l'idée de se résigner aveuglément aux maux de la guerre ; il louait ceux «qui ne demandaient pas... pourquoi ils devaient tant souffrir».

Parallèlement à l'usage de ces armes «idéologiques», les classes dirigeantes hongroises poursuivaient leur «guerre intérieure, dirigée contre les peuples, à coups de baïonnette : la police et la gendarmerie sévissaient avec une violence ouverte. A partir de la fin de 1917 le Conseil des Ministres s'occupait surtout des mesures préventives et des représailles qui découlait de la «guerre intérieure». Comme déjà auparavant, une collaboration parfaite s'était établie entre l'appareil gouvernemental et les propriétaires des usines de guerre. Lors de la grève des ouvriers budapestois des forges et des fabriques de machines grève, qui avait pour but de faire réintroduire la journée de 8 heures, les gros industriels, le gouvernement et les chefs de l'armée agissaient selon un plan élaboré en commun : ayant mis en état d'alerte les forces armées dans tous les coins du pays, ils obligèrent les ouvriers éreintés à reprendre le travail, malgré la journée de 10 heures. Pendant cette période le gouvernement somma tous les préfets à proclamer l'état de siège au cas où «des mouvements visant à violer l'ordre public feraient leur apparition».

Plus la révolution s'approchait, plus les mesures terroristes des autorités militaires et civiles augmentaient en nombre. A la fin du mois d'août l'effectif de la gendarmerie fut augmenté de plus de 50 p. c. ; en même temps on lui accorda une augmentation de salaire qui, dans certaines catégories, allait jusqu'à 70 p. c. Inutile de dire qu'en temps de guerre ces réformes imposaient des charges particulièrement lourdes aux finances, déjà durement éprouvées, de l'Etat. Aux derniers jours d'octobre c'est au général Lukachich, célèbre pour sa cruauté, que le gouvernement confia le commandement de la capitale ; on songeait déjà à lui accorder le plein-pouvoir d'un dictateur militaire. Mais il était trop tard : la révolution allait balayer ces projets et même ceux qui les avaient forgés.

Les *Acta Historica* paraissent en russe, français, anglais et allemand et publient des travaux du domaine des sciences historiques.

Les *Acta Historica* sont publiés sous forme de fascicules qui seront réunis en un volume.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction et écrits à la machine à l'adresse suivante :

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement annuel est 60 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise du Commerce Extérieur des Livres et Journaux »Kultúra« (Budapest, VI., Sztálin-út 25., compte courant No. 45-790-057-50-032) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Acta Historica* publish papers on history in Russian, French, English and German.

The *Acta Historica* appear in parts of various size, making up one volume.

Manuscripts should be typed and addressed to :

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

Correspondence with the editors and publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 60 forint a volume. Orders may be placed with »Kultúra« Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest, VI., Sztálin-út 25, account No. 45-790-057-50-032) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Geschichtswissenschaft in russischer, französischer, englischer und deutscher Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen Band.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind, mit Maschine geschrieben, an folgende Adresse zu senden :

Acta Historica, Budapest 62, Postafiók 440.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion und den Verlag bestimmte Korrespondenz zu richten.

Abonnementspreis pro Band beträgt 60 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungsaussenhandels-Unternehmen »Kultúra« (Budapest, VI., Sztálin-út 25. Bankkonto Nr. : 45-790-057-50-032) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

INDEX

D. Nemes: De l'histoire de l'Association Générale des Ouvriers	281
I. Barta: Die Anföhrer des ungarischen Freiheitskampfes und die Wiener Oktoberrevolution.....	325
Э. Андич: Венгерское рабочее движение в период первой мировой войны и влияние Великой Октябрьской Социалистической Революции	387